Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение

высшего образования

«УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Черноухов Эдуард Анатольевич

Социальная инфраструктура горнозаводских округов Урала в XIX в.: казенный и частный типы

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Диссертация
на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Екатеринбург 2016

Оглавление

С.

Введение 3

Глава 1. Теоретические, историографические и источниковедческие аспекты исследования 16

1.1. Историография 16

1.2. Источники 37

1.3. Методология и методы 51

Глава 2. Социальная инфраструктура в казенных округах 65

2.1. Медицинские заведения 65

2.2. Учебные заведения 144

2.3. Заведения общественного призрения 221

Глава 3. Социальная инфраструктура в частных округах 242

3.1. Медицинские заведения 242

3.2. Учебные заведения 316

3.3. Заведения общественного призрения 385

Заключение 412

Источники и литература 432

Приложение 489

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы. В условиях коренной трансформации социально-экономической и политической системы России на рубеже XX–XXI вв. проблема социальных функций государственных, муниципальных и предпринимательских структур вновь стала одной из наиболее дискуссионных. На всех уровнях активно обсуждаются различные аспекты «социальной ответственности» государства и бизнеса в рыночной экономике.

При этом усиливается профессиональное внимание к изучению «региональной идентичности». Она закономерно связывается с признанием значительной роли социокультурного фактора в процессах региональной модернизации[1].

При решении сложнейшей задачи эффективного соотношения государственной социальной политики, ее федерального, регионального и местного компонентов, роли в ее реализации ведомств и частных предпринимателей следует учитывать и отечественный исторический опыт. Его своеобразным вариантом стала организация и деятельность социальной инфраструктуры в казенных и частных горнозаводских округах Урала XIX в. В тот период времени её заведения были важной составной частью «окружной системы» как особой формы существования крупного мануфактурного производства в специфических условиях региона.

Недостаточная исследованность изучаемого объекта предопределяет необходимость применения в нашем исследовании синтезирующей типологии. В её рамках социальная инфраструктура горнозаводских округов Урала рассматривается как единой целое на всех стадиях своего развития: становления, развития, упадка (трансформации)[2].

---

[1] См.: Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С. 186.
[2] См. Мазур Л. Н. Методы исторического исследования. Екатеринбург, 2010. С. 413.

На протяжении всего XIX в. система заведений социальной инфраструктуры в казенных и частных горнозаводских округах Урала была сопоставимой по масштабам, направлениям деятельности, материально-технической базе и персоналу. В тоже время разная форма собственности, а также существенные различия в доходности частных хозяйств, менталитете их владельцев и управляющих закономерно предопределили существенную специфику в различных аспектах ее организации и деятельности.

В условиях поиска новой «национальной идеи», декларации преемственности ряда институтов Российской Федерации и Российской империи важен анализ исторического опыта утверждения своеобразной системы патерналистских отношений на горнозаводском Урале, а затем их постепенное вытеснение этатистскими ценностями, также имевшими почвеннический характер. То есть, помимо сугубо научного значения, исследование имеет и определенное общественно-политические и практические аспекты.

Объектом исследования стала социальная инфраструктура горнозаводских округов Урала в XIX века. Сложность объекта и отсутствие общепринятой классификации требует разъяснения авторского понимания этой дефиниции.

По назначению в обществе инфраструктуру традиционно подразделяют на производственную и социальную. Под последней понимается совокупность специфических форм, методов и процессов, а также сооружений, зданий, всевозможных коммуникаций, обеспечивающих общие условия и нормальное функционирование социальной сферы, ее воспроизводства и развития[1]. В настоящее время социальная инфраструктура кардинально шире и разнообразнее, чем в позапрошлом столетии.

Причем в XIX в. эта дефиниция еще не употреблялась, соответственно, не появилась и общепринятая терминология. В тот период времени в горнозаводской промышленности широкое распространение получило понятие «накладные расходы», к которым относили самые различные затраты, характерные для любого крупного производства, в том числе в социальной сфере. При этом к собственно

[1] См.: Большая российская энциклопедия. Т. 11. М., 2008. С. 499.

социальной инфраструктуре в горнозаводских округах Урала традиционно причисляли три вида заведений: медицинские, учебные и общественного призрения.

В деловой переписке и отчетной документации они обычно именовались «вспомогательными учреждениями». В казенных горных округах эти заведения зачастую рассматривались как «части благоустройства», а в частных хозяйствах отражались в разделе «частные повинности».

В состав социальной инфраструктуры горнозаводских округов Урала не входили заведения религиозных конфессий. В XIX в. их содержание относилось к «государственным повинностям». Поэтому, по образному определению одного из нижнетагильских приказчиков, они состояли «в условных отношениях» к местному управлению»[1]. Рассматриваемые нами заведения социальной инфраструктуры для казенных предприятий и заводовладельцев традиционно причислялись к другой категории: «частные» обязанности или повинности.

К тому же в XIX в. религиозные функции в большей степени относились не к социальной, а к духовной и/или идеологической сферам. В горном ведомстве заведения религиозных конфессий традиционно выделялись в отдельную группу в абсолютном большинстве различных отчетов и деловой переписке.

Предметом исследования стали казенный и частные типы организации и деятельности социальной инфраструктуры в горнозаводских округах Урала в XIX веке. Компаративистский подход представляется нам наиболее приемлемым для достижения цели и задач исследования.

В XIX в. горнозаводская промышленность Российской империи состояла в ведении Горного департамента (в 1811–1863 гг. – Департамента горных и соляных дел). Он входил в состав Министерства финансов; с 1874 г. – Министерства государственных имуществ; с 1894 г. – Министерства земледелия и государственных имуществ.

С начала XIX в. в составе горного ведомства оформилась система горнозаводских округов, весьма различных как по масштабам и видам производства, так и формам собственности. Это стало новой формой промышленности, отличной от

[1] См.: РГИА. Ф. 74. Оп. 1. Д. 5. Л. 1об.; ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 504. Л. 86; и др.

старой как по организации производства в целом, так и по функционированию заведений социальной инфраструктуры, в частности. Горнозаводской округ рассматривается как особая многоотраслевая, многоформная и многоукладная производственная и социальная (подчеркнуто нами – Э.Ч.) структура, обладающая системообразующими свойствами – самообеспеченностью и самодостаточностью[1].

В работе употребляется и понятие «имение». В большинстве случаев оно, кроме обширных промысловых и сельскохозяйственных вотчин, включало в свой состав один из горнозаводских округов (Нытвенский у Голицыных, Пожевской у Всеволожских, Чёрмозский у Лазаревых), но могло образовываться и из нескольких горнозаводских округов (как Пермское имение Строгановых).

Территориальные рамки исследования ограничиваются зоной ведения органов управления уральской горнозаводской промышленностью. В XIX в. она была несколько шире, чем традиционные географические пределы региона.

В начале этого столетия в России в основном завершилась перестройка управления по ведомственному принципу. Поэтому вполне оправданно использование дефиниции «горнозаводской Урал», утвердившейся в исторической науке. Входившие в его состав казенные и частные округа, состоявшие в ведении Пермского (с 1831 г. – Уральского) горного правления, находились на территории Пермской, Вятской, Оренбургской, выделенной из последней Уфимской (1865), и частично на границах соседних Вологодской, Казанской и Самарской губерний. Применялось и официальное ведомственное название этой территории: с начала XIX в. – «Горная область хребта Уральского», с 1886 г. – «Уральская горная область».

Употребляя в качестве синонима понятию Урал термин «регион», мы не придерживаемся четкой географической детерминанты. Речь идет о совокупности исторически, организационно, экономически и культурно связанных между собой горнозаводских хозяйств, находившихся в ведении регионального органа управления. Автор солидарен с Л. П. Репиной, что более осмысленной и

---

[1] См.: Неклюдов Е. Г. Уральские заводчики в первой половине XIX в.: владельцы и владения. Нижний Тагил, 2004. С. 5.

продвинутой представляется исследовательская модель региональной истории, которая опирается на комплекс природных, экономических, культурных и других признаков, который может объединить несколько территорий, но все же представлять собой некую культурно-хозяйственную целостность на основе общих представлений, образа жизни, исторических традиций, независимо от современных административных границ[1].

Хронологические рамки исследования ограничены XIX веком. «Жизненный цикл» (становление, развитие, упадок или трансформация) социальной инфраструктуры как системы на горнозаводском Урале ограничен именно этим столетием. В более ранний (XVIII в.) и поздний (начало XX в.) периоды в регионе функционировали только ее отдельные заведения в некоторых казенных и частных округах. При необходимости автор несколько выходит за определенные хронологические рамки в ту или иную сторону.

Начальная грань исследования связана с масштабным реформированием системы государственного управления в Российской империи. В горном ведомстве крупные административные преобразования начались на рубеже XVIII–XIX вв. и были юридически закреплены в Проекте горного положения, утвержденном в 1806 году.

Новое горное законодательство окончательно оформило окружную организацию горнозаводской промышленности. Ее неотъемлемой составной частью стали заведения социальной инфраструктуры. Проект горного положения предписывал содержать медицинские и учебные заведения как при казенных, так и частных заводах, определяя их количество от масштабов производства и работавшего населения. С рубежа XVIII–XIX вв. на горнозаводском Урале началось становление системы заведений социальной инфраструктуры как в казенных, так и частных округах.

---

[1] См.: Репина Л. П. Новые исследовательские стратегии в российской и мировой историографии. М., 2008. С. 23.

Исследование ограничено концом XIX столетия. Это обусловлено завершением трансформации[1] системы заведений социальной инфраструктуры на горнозаводском Урале. Этот процесс, начавшийся после отмены крепостного права, растянулся на значительный срок и в основном завершился в последние два десятилетия XIX века. Об этом свидетельствовал комплекс новых реалий, оформившихся в горнозаводской промышленности.

Завершение временнообязанных отношений между заводовладельцами и бывшим крепостным населением стало для горных заводов началом нового периода: дальнейшей адаптации к существенно изменившимся социально-экономическим условиям свободного найма рабочей силы[2]. Фабричная реформа в России, проведенная по западноевропейскому образцу, коренным образом изменила ситуацию с государственным вмешательством в отношения рабочих и предпринимателей. Пролетарии стали участниками договора, в котором хозяева фабрик и заводов выступали как наниматели, а рабочие были исполнителями. Причем каждый имел свои права и обязанности, фиксируемые отныне в письменном виде. Взаимные отношения предпринимателей и рабочих из патриархально-попечительных должны были превратиться в буржуазные, основанные на свободном трудовом договоре.

Нормативная база фабричной реформы в рассматриваемый период не была распространена на горнозаводскую промышленность. Однако заложенные в ней новшества стали очевидной перспективой и для горного ведомства. Уже в 1884 г. Горный департамент предписал главному начальнику уральских заводов собрать мнения о возможности применения нового фабричного законодательства на подведомственных предприятиях. После этого начался сбор соответствующих сведений во всех казенных округах региона[3].

В 1886 г. была произведена фактически последняя крупная реорганизация Уральского горного управления, сделавшая необратимой тенденцию превращения

---

[1] Под трансформацией нами понимается коренная перестройка старой системы без определения ее конечного результата.

[2] См.: Тулисов Е. С. Основные периоды в истории управлении горнозаводской промышленностью Урала (XVIII – начало XX в.) // Уральский исторический вестник. 2007. № 16. С. 28, 36.

[3] ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 1164. Л. 1–14.

его в орган территориально-экономического управления нового типа, то есть без функций внеэкономического принуждения[1]. Это облегчалось во многом завершившейся передачей отдельных управленческих функций и непрофильных структур, в том числе значительной части заведений социальной инфраструктуры, специализированным ведомствам (или их ликвидацией).

Кроме того, параллельно масштабным изменениям в организации горнозаводской промышленности в регионе происходило становление и развитие органов земского и городского самоуправления. К концу XIX в. они создали собственную сеть медицинских и учебных заведений, которая превосходила горнозаводскую в большинстве уездов Урала. Значительная часть населения заводских поселков региона стала получать медицинскую помощь и обучать своих детей в ее учреждениях.

В результате всех этих процессов к концу XIX в. подавляющая часть заведений социальной инфраструктуры горнозаводских округов Урала, в том числе все учебные (кроме трех начальных профессиональных) и общественного призрения, или прекратили существование, или кардинально изменяли свой статус: перешли в ведение и на содержание органов местного самоуправления, церкви и ряда профильных ведомств. Горные власти и заводовладельцы региона, являвшиеся крупными плательщиками земских сборов, все активнее настаивали на окончательном переводе своих прежних обязательств в социальной сфере из «натуральной» в денежную форму.

Логика компаративистского исследования требует адекватного сопоставления всей совокупности количественных и качественных показателей развития его объекта. На первом уровне производится систематизация обширной и разноплановой информации по социальной инфраструктуре в казенных и частных округах. Она осуществляется по единой схеме для всех трех видов заведений: медицинских, учебных и общественного призрения. В работе последовательно анализируется формирование и развитие нормативной базы их организации и деятельности,

---

[1] Территориально-экономическое управление в России XVIII – начала XX века: Уральское горное управление / К. И. Зубков, Н. С. Корепанов, И. В. Побережников, Е. С. Тулисов. М., 2008. С. 294.

изменение сети заведений, их финансового и материально-технического обеспечения, состава, квалификации и положения персонала, количество больных, обучаемых и призреваемых.

Это дает возможность перейти ко второму уровню обобщения информации – типизации горнозаводских округов Урала по организации и деятельности социальной инфраструктуры. Она позволяет определить обоснованность и эффективность наличия собственных заведений в этой сфере в различные периоды времени.

Целью исследования стал реконструкция и анализ исторического опыта организации и деятельности системы заведений социальной инфраструктуры в горнозаводских округах Урала в XIX в., связанного с модернизацией российского общества, а также типология этой системы, определение обоснованности и эффективноси её составляющих. В связи с ней ставятся взаимосвязанные **задачи:**

1. Определение государственной и ведомственной политики по отношению к заведениям социальной инфраструктуры в казенных и частных горнозаводских округах, анализ развития и корректировки нормативной базы их организации и деятельности на Урале на протяжение XIX века.

2. Реконструкция сети этих заведений (медицинских, учебных и общественного призрения) в горнозаводских округах региона, анализ совершенствования их материально-технической базы заведений социальной инфраструктуры в казенных и частных горнозаводских округах Урала.

3. Установление состава, подготовки, условий, мотивов и продолжительности службы их персонала.

4. Характеристика направлений и особенностей начального этапа взаимодействия горного ведомства и заводовладельцев региона с новыми органами местного самоуправления (земскими и городскими) в социальной сфере.

5. Определение типов организации и деятельности заведений социальной инфраструктуры на горнозаводском Урале, их характерных особенностей, преимуществ и недостатков.

6. Выяснение обоснованности и эффективности создания и деятельности собственных заведений социальной инфраструктуры в казенных и частных горнозаводских округах Урала.

Научная новизна диссертации состоит в том, что впервые в отечественной историографии создано комплексное исследование системы заведений социальной инфраструктуры горнозаводских хозяйств Урала в широком хронологическом диапазоне. В работе проанализирован весь ее «жизненный цикл» (становление, развитие, трансформация), ограниченный XIX веком. Автором проведена реконструкция разветвленной сети заведений этой системы, восстановлен состав и условия службы их персонала, уровень его профессиональной подготовки и социальной мобильности.

В исследовании реконструированы как общие тенденции развития, так и существенная специфика в организации и деятельности заведений социальной инфраструктуры в казенных и частных горнозаводских округах Урала. Автором показано, что менталитет владельцев и управляющих предопределил своеобразные черты в составе, развитии и эффективности деятельности заведений социальной инфраструктуры в отдельных частных хозяйствах, вполне сопоставимых по масштабам производства. В результате обосновано наличие на горнозаводском Урале XIX в. четырех типов социальной инфраструктуры: казенного и трех частных, условно определяемых автором как «показательный», «умеренный» и «вынужденный».

В рамках общей проблематики были проанализированы некоторые более частные, но важные проблемы: медикализации горнозаводского населения, соотношения общего и профессионального образования, специфических «модернизационных ловушек». К ним относится появление во многом парадоксальной проблемы «излишества грамотных людей», укрепление внутрисословных перегородок, рост иждивенческих настроений среди части местного населения, привыкшего к зачастую чрезмерной патерналистской, а затем и этатистской опеке.

Теоретическая и практическая значимость определяется тем, что материалы диссертации могут быть использованы при создании обобщающих трудов и

научно-популярных пособий по истории Урала, чтении общих и специальных курсов, краеведческой работе, в тематических экспозициях музеев. Выводы, сделанные в ходе реконструкции отечественного исторического опыта в этой сфере, могут быть востребованы при совершенствовании государственной и региональной социальной политики, определения роли в ее реализации ведомств и частных предпринимателей.

Степени разработанности, анализу источников, методологии и методам исследования посвящена отдельная глава диссертации. В ней проанализированы основные концептуальные подходы, выявления достижения и противоречия отечественной и зарубежной историографии проблемы, проанализированы использованные источники и методы их научной критики.

Степень достоверности подтверждается учетом всех предшествующих достижений исследователей по анализируемой проблематике, репрезентативной источниковой базой, использованием выверенной методологией и методикой исследования. Анализ и интерпретация выявленных материалов были произведены в соответствии с современными научными достижениями. Основные положения и выводы исследования были апробированы в различных научных публикациях, представлены в одобренных специалистами научных отчетах по двум грантам РГНФ-Урал.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Самая масштабная сеть заведений социальной инфраструктуры горнозаводских округов (медицинские, учебные и общественного призрения) в XIX в. была создана и функционировала на Урале. Это во многом объясняется тем, что этот регион занимал лидирующее положение в металлургическом производстве Российской империи на протяжении большей части этого столетия.

2. Весь «жизненный цикл» (становление, развитие, трансформация) системы социальной инфраструктуры горного ведомства ограничен XIX веком. Для более раннего (XVIII в.) и позднего (начало XX в.) периодов характерны организация и деятельность только её отдельных заведений в некоторых хозяйствах, в основном казенных.

3. В организации и деятельности заведений социальной инфраструктуры в казенных и частных горнозаводских округах Урала четко прослеживаются многие общие тенденции развития на протяжении всего XIX века. Это объясняется во многом едиными подходами государственной и ведомственной политики, определенной общностью нормативно-правовой базы, задачами, которые они решали, взаимодействием в различных вопросах.

4. Во всех казенных округах Урала в XIX в. был создан и функционировал единый тип социальной инфраструктуры. Здесь горные власти централизовали организацию и деятельность ее заведений. Они действовали на основе штатных положений, составленных на единых принципах.

5. В частных округах Урала на протяжении всего XIX в. четко прослеживается значительная специфика в рассматриваемой нами сфере, которой реально не могло быть в казенных округах. Можно выделить три основных типа организации и деятельности заведений социальной инфраструктуры в частных горнозаводских округах Урала, условно определяемые нами как «показательный», «умеренный» и «вынужденный». Для них характерны общие черты и значительные различия в организации и деятельности для всех видов её заведений: медицинских, учебных и общественного призрения.

6. Многолетние дискуссии исследователей об обоснованности содержания горным ведомством и заводовладельцами собственных заведений социальной инфраструктуры никогда не будет завершен однозначными выводами. Эту обширную ведомственную систему на Урале XIX в. следует оценивать, как сложное явление, обусловленное российскими историческими реалиями.

7. В дореформенный период подавляющая часть населения горнозаводских населенных пунктов региона реально могла получить квалифицированную медицинскую помощь и начальное образование практически только в заведениях, созданных и финансируемых горным ведомством и заводовладельцами. Это, в свою очередь, прямо и косвенно способствовало развитию производства. Но необходимо учитывать и полученный негативный опыт в рассматриваемой сфере: появлению во многом парадоксальной проблемы «излишества грамотных людей»,

укрепление внутрисословных перегородок, рост иждивенческих настроений среди существенной части местного населения, привыкшего к зачастую чрезмерной патерналистской, а затем и этатистской опеке.

8. В дореформенный период затраты на собственные заведения социальной инфраструктуры в растущих накладных расходах казенных округов и частных горнозаводских хозяйств Урала не были чрезмерно обременительными. Компетентные современники обоснованно определяли другие, более эффективные приоритеты для экономии в этой сфере. В качестве основного направления уменьшения накладных расходов они традиционно определяли необходимость кардинального сокращения административного аппарата.

9. Трансформация социальной инфраструктуры горного ведомства на Урале была предопределена отменой крепостного права. Затяжной кризис в горнозаводской промышленности региона и постепенное изменение массового сознания привели к постепенному переходу абсолютного большинства ее заведений на содержание профильных ведомств, органов местного самоуправления и церкви.

Апробация результатов исследования. Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры истории России Уральского государственного педагогического университета 19 0ктября 2016 г. По теме диссертации опубликованы монография и 61 статья (включая 16 публикаций в изданиях, рекомендованных в перечне ВАК), общим объемом примерно 37,5 п.л. Основные положения диссертации излагались и обсуждались на международных, всероссийских и региональных конференциях в Екатеринбурге (1999–2016), Арзамасе (1998), Ижевске (2012), Кургане (1997), Нижнем Тагиле (2012) и Оренбурге (2012).

Тема исследования была поддержана двумя грантами РГНФ-Урал: № 08-01-83110а/у «Социальная инфраструктура горных округов Урала в XIX в.: становление, развитие, свертывание», 2008–2009 (руководитель) и № 11-11-66011а/У «Горнозаводская медицина Урала в XIX в.: становление, развитие, трансформация», 2011–2012 (руководитель). Предоставленные автором научные отчеты были утверждены руководством фонда.

Поставленные задачи предопределили **структуру** работы. В первой главе рассмотрены теоретические историографические и источниковедческие аспекты исследования. Во второй главе проанализирована организация и деятельность системы заведений социальной инфраструктуры в казенных горнозаводских округах Урала, в третьей – в частных хозяйствах. В заключение обоснована типизация горнозаводских округов Урала, определены общие тенденции и специфика, показана противоречивость исторического опыта в рассматриваемой сфере. В 19 приложениях систематизированы основные количественные показатели по организации и деятельности заведений социальной инфраструктуры в горнозаводских округах Урала XIX в., а также биографические сведения об их персонале.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ, ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ И ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. ИСТОРИОГРАФИЯ

Историография темы традиционно подразделяется на дореволюционный, советский и современный периоды. В каждый из них был внесен свой определенный вклад в ее разработку. При этом закономерно проявлялись различные методические и теоретико-методологические подходы авторов, уровни объема и проработанности привлеченного исторического материала, объективности в изучении.

Сама обоснованность собственной обширной сети заведений социальной инфраструктуры при горных заводах остается дискуссионной проблемой. Уже в пореформенный период по ней сформировались два во многом противоположных исследовательских подхода, условно определенные нами как позитивный и негативный. В рассматриваемом контексте под подходом понимаются устоявшиеся взгляды (оценки, выводы), зачастую повторяющиеся новыми исследователями и публицистами без серьезного критического осмысления.

Формирование двух исследовательских подходов во многом определялось идеологическими установками и общественным положением авторов. При этом в дореволюционный период представители одной социальной группы иногда кардинально расходились в оценках необходимости и эффективности деятельности собственной сети заведений социальной инфраструктуры при горных заводах.

Позитивный подход во многом оформился на противопоставлении дореформенного и пореформенного периодов в истории уральской горнозаводской промышленности. Его представители, прежде всего, ряд управленцев частных хо-

зяйств региона, отмечали положительную роль заведений социальной инфраструктуры для успешного развития металлургических заводов, рудников и промыслов.

Горный деятель и публицист В. Д. Белов, опираясь и на собственные впечатления[1], считал, что с населения горнозаводского Урала в первой половине XIX в. была «снята всякая забота о существовании» и здесь «нищенство считалось стыдом». Он преувеличил доступность медицинских и учебных заведений для всего населения, работавшего на горнозаводских производствах[2]. Это во многом объясняется долгой службой В. Д. Белова в Нижнетагильском округе, где была создана самая обширная социальная инфраструктура в регионе.

Противопоставление дореформенного и пореформенного периодов в развитии социальной сферы характерно и для работ ряда других современников. Горный инженер А. Корельский идеализировал жизнь населения в поселках казенных горнозаводских предприятий Урала накануне отмены крепостного права, в том числе доступность для него медицинских и учебных заведений, их материально-техническое состояние[3]. Главноуправляющий Пермского имения Лазаревых в 1874–1889 гг. Н. Н. Новокрещенных отметил «запустение» его социальной инфраструктуры после отмены крепостного права[4].

Такие оценки характерны и для многих земских изданий. Целый ряд руководителей и служащих земских органов отметили хорошую организацию медицины в заводских поселках Урала в дореформенный период, а затем ее быстрый «упадок» как в казенных, так и в абсолютном большинстве частных округов после отмены крепостного права. Они традиционно считали, что горное ведомство и за-

---

[1] В. Д. Белов родился в известной служительской семье Нижнетагильского горного округа и добился значительных успехов на службе у Демидовых. См.: Алеврас Н. Н. В. Д. Белов: судьба уральца в социокультурном интерьере российских преобразований XIX–XX вв. // Урал в контексте российской модернизации. Челябинск, 2005. С. 72–89. Во многом идиллические оценки социальной сферы Нижнетагильского горного округа появились в печати еще в дореформенный период. См.: Рябов И. Былина и временность Нижнетагильских заводов // Ученые записки Казанского университета. 1848. Казань, 1848. Кн. 2. С. 1–58.

[2] Белов В. Д. Исторический очерк уральских горных заводов. СПб., 1896. С. 70, 76–77.

[3] Корельский А. Горнозаводская служба и общественная жизнь на Урале в крепостное время // Русская старина. 1905. Т. 124. № 10. С. 131–167; № 11. С. 290–331.

[4] Новокрещенных Н. Н. Чермозский завод, его прошлое, настоящее и летопись событий. СПб., 1889.

водчики должны были продолжить выделять средства на достойное содержание собственных медицинских заведений[1].

Негативный подход оценки собственных заведений социальной инфраструктуры при горных заводах, во многом оформился на другом противопоставлении. Его представители сравнивали состояние горных заводах Урала не с крепостной эпохой, а с европейскими предприятиями, владельцы которых не были обременены такими обширными накладными расходами. Они в целом отрицательно оценивали созданную в регионе обширную систему заведений социальной инфраструктуры. По их мнению, ее организация и деятельность привела к чрезмерному росту непроизводительных (накладных) расходов и, следовательно, завышенной цене на продукцию, а также формированию иждивенческих настроений у существенной части населения.

Этой точки зрения придерживались различные специалисты: как столичные, посетившие Урал с инспекционными и научными целями, так и ряд местных горнозаводских деятелей и исследователей. Либеральные деятели Р. С. Попов и С. П. Фармаковский подвергли критике систему организации уральских горнозаводских округов в XIX в., в том числе в социальной сфере[2]. Особенно резкому осуждению подвергались деятельность казенных заводов региона. По мнению горного инженера А. Н. Митинского, местное население бессознательно рассматривало эти предприятия как «род благотворительного заведения»[3]. «Ослабление в народе потребности к постоянному труду» из-за «чрезмерной благотворительности заводовладельцев» отметил врач Нижнетагильского округа П. В. Рудановский[4].

Поэтому представители негативного подхода настаивали на необходимости быстрой и масштабной трансформации в организации социальной сферы горноза-

---

[1] См.: Краткий исторический очерк деятельности Екатеринбургского земства по народному здравию за 20-тилетие. 1870–1890 гг. Екатеринбург, 1890; Краткий обзор деятельности Вятского губернского земства. Вятка, 1906; и др.

[2] Попов Р. С. Горнозаводской Урал // Отечественные записки. 1874. № 12. С. 299–372; Фармаковский С. П. Горнозаводские дела Урала. СПб., 1909.

[3] Митинский А. Н. Горнозаводской Урал. СПб., 1909. С. 158–159.

[4] Рудановский П. В. Письма из Тагила // Современная медицина. 1863. № 5. С. 83.

водской промышленности. Горный инженер В. А. Грамматчиков заявлял о необходимости передачи всех заведений социальной инфраструктуры соответствующим ведомствам, считая, что они «совершенно чуждые заводскому делу, усложняют администрацию, увеличивают число служащих и накладные расходы»[1]. С ним был солидарен правовед А. Штоф, который указал, что после отмены крепостного права соединение в горном ведомстве «самых разнородных функций… потеряло свое основание»[2].

Ряд современников (академик В. П. Безобразов, знаменитый российский ученый Д. И. Менделеев, профессор Петербургского университета И. Х. Озеров) придерживались промежуточных позиций. Они отмечали развращающую население административную опеку, мешающую коммерциализации производства. Перевод учебных и благотворительных заведений на баланс специализированных ведомств и местных органов власти эти специалисты считали совершенно оправданным. В тоже время они отмечали необходимость для владельцев горных заводов содержать собственные госпитали и аптеки[3].

Похожей точки зрения придерживался горный инженер И. П. Котляревский, послуживший как в казенных, так и частных хозяйствах региона. Он считал необходимым сократить расходы на горнозаводские медицинские заведения только в уездных центрах (Екатеринбурге, Златоусте, Перми), а также сохранить и ведомственные богадельни. Последние определялись, как «временный и сокращающийся расход» и «отечески справедливая мера для поддержки людей, бывших крепостными»[4]. За необходимость сохранения собственных медицинских заведений при горных заводах Урала высказался санитарный деятель Л. Бертенсон[5].

В отношении горнозаводских учебных заведений наблюдался определенный консенсус. После отмены крепостного права большинство специалистов выступа-

---

[1] См.: Безобразов В. П. Уральское горное хозяйство и вопрос о продаже казенных горных заводов. СПб., 1869. Приложение. С. 56, 69–70.
[2] Штоф А. Сравнительный очерк горного законодательства в России и Западной Европе. Ч. 1. СПб., 1882. С. 167–168.
[3] Безобразов В. П. Указ. соч.; Уральская железная промышленность в 1899 г. / Под ред. Д. И. Менделеева. Екатеринбург, 2006 (репринт); Озеров И. Х. Горные заводы Урала. М., 1910.
[4] Котляревский И. Заметки об Уральском горном хозяйстве. СПб., 1870. С. 343–345.
[5] Бертенсон Л. Санитарно-врачебное дело на горных заводах и промыслах Урала. СПб., 1892.

ли за их передачу Министерству народного просвещения или земствам. Н. Берви-Флеровский предлагал вообще распустить ведомственные горнозаводские учебные заведения, так как «дух горной корпорации губителен для горной промышленности»[1]. Серьезной критике подвергалось даже специализированное Уральское горное училище. В необходимости его закрытия сошлись два вышеназванных явных оппонента: В. П. Безобразов и И. П. Котляревский. При этом следует учитывать, что их работы были изданы в период острого кризиса этого учебного заведения (1860-е гг.), что во многом объясняет резко критический настрой авторов.

Впоследствии на нескольких Съездах уральских горнопромышленников рубежа XIX–XX вв. высказывались сожаления о свертывании системы ведомственного образования. Их участники отмечали необходимость создания сети начальных профессиональных заведений в регионе с частичным финансированием горным ведомством и заводовладельцами.

То есть уже современники существенно разошлись в общих оценках обоснованности и эффективности собственной системы заведений социальной инфраструктуры в горнозаводских округах в целом, а также и ее отдельных составляющих. Причем полемика развернулась в основном на материалах Урала. По другим горнозаводским регионам Российской империи эта проблема в дореволюционной историографии практически не затрагивалась.

История отдельных составляющих системы социальной инфраструктуры горнозаводского Урала не стала предметом исследования в дореволюционный период. Только в нескольких исторических очерках о некоторых частных горнозаводских хозяйств содержатся небольшие разрозненные материалы по медицинским и учебным заведениям[2]. В трудах по казенным округам региона, преимущественно технического плана, они практически не упоминались.

---

[1] Берви-Флеровский Н. Положение рабочего класса в России. СПб., 1869. С. 332–333.

[2] Белов В. Д. Указ. соч.; Вологдин И. В. Материалы к истории Пермского майоратного имения графов Строгановых // Пермский край. Т. 2. Пермь, 1893. С. 90–96; Гузеев А. Е. Сысертские горные заводы и деятельность их за последнее десятилетие (1886–1896). Пермь, 1896; Новокрещенных Н. Н. Указ. соч.; и др.

Большая часть работ, в которых рассматривались горнозаводские училища, носила описательный характер. Их авторы, в большинстве своем деятели местной администрации и преподаватели, фактически провели сбор и первичную систематизацию доступных сведений[1]. Похожие цели преследовали и создатели юбилейных изданий уральских учебных заведений[2]. В работах по истории медицины, в том числе фабричной, заведения при горных заводах в лучшем случае только упоминались[3].

Земские служащие Урала показали общее состояние медицинской и учебной сферы накануне введения новых органов местного самоуправления, проблемы взаимодействия последних с горным ведомством и частными заводчиками по их дальнейшему развитию[4]. В их работах приведены и результаты первых исследований в области санитарии в регионе[5].

В целом в дореволюционный период оформились позитивный и негативный подходы оценки организации и деятельности системы заведений социальной инфраструктуры на горных заводах Урала. Авторами большинства работ стали местные горнозаводские деятели, земские служащие, преподаватели, врачи и столичные ревизоры, опиравшиеся на ограниченную источниковую базу и личные наблюдения. В тоже время началось накопление фактического материала, эти труды стали определенной базой для последующего более глубокого научного анализа.

---

[1] Шишонко В. Материалы для описания развития народного образования в Пермской губернии. Екатеринбург, 1879; Семченков В. К. Краткий исторический очерк народного образования в Соликамском уезде Пермской губернии. Пермь, 1899; Сведения об учебных заведениях Нижнетагильского горного округа на 1 января 1915 года / сост. П. П. Ларионов. Нижний Тагил, 1915; и др.

[2] Будрин В. И. Пятидесятилетие существования Екатеринбургской мужской гимназии 1861–1911 гг. Краткий исторический очерк. Екатеринбург, 1911; Коротков Е. Н. Материалы к истории Уральского горного училища. Екатеринбург, 1913; и др.

[3] Дементьев Е. М. Врачебная помощь фабричным рабочим. СПб., 1899; Эрисман Ф. Ф. К вопросу о санитарно-фабричном законодательстве. М., 1881; и др.

[4] Краткий исторический очерк деятельности Екатеринбургского земства по народному здравию…; Народное образование в Вятской губернии за последние десять лет (1864–1874 гг.) / сост. Н. Н. Блинов. Вятка, 1875; Очерк состояния санитарного и медицинского дела в Пермской губернии. Земская медицина. Пермь, 1899; и др.

[5] Рума Р. Н. К гигиене рудокопов. Опыт исследования санитарных условий работы в Нижне-Тагильском руднике и влияния их на рабочих. Пермь, 1882.

В советский период, с утверждением господства одной парадигмы, тематика работ существенно изменилась, а методологические споры фактически прекратились. В рамках марксистско-ленинской идеологии утвердилась однозначно позитивная оценка организации и деятельности заведений социальной инфраструктуры на горных заводах, как вынужденная забота их владельцев о людях труда. При этом исследователи традиционно подчеркивали её недостаточное развитие, стремление казны и заводчиков сэкономить на социальной сфере.

В трудах по истории металлургической промышленности главное внимание традиционно уделялось производственным аспектам, а также новой проблематике: составу и положению рабочих кадров, сословно-классовому противостоянию. Эти приоритеты были характерны и для работ, посвященных отдельным горнозаводским округам Урала. По развитию заведений социальной инфраструктуры приводились лишь отрывочные данные за отдельные годы[1]. В. К. Яцунский проанализировал бюджеты крупнейших заводовладельцев Урала в середине XIX века[2]. В диссертации Т. А. Чернявской приведены затраты на заведения социальной инфраструктуры в Пермском имении Лазаревых на начало 1850-х гг.[3]

Значительное место в советской историографии заняли проблемы положения трудящихся, их борьбы за свои права. Но и в работах по этой тематике развитию заведений социальной инфраструктуры при горных заводах также уделялось минимальное внимание. Существенные достижения в социальной сфере, особенно в

---

[1] Кафенгауз Б. Б. Хозяйство Демидовых к концу первой трети XIX в. // Генезис капитализма в промышленности. М., 1963. С. 224–236; Мухин В. В. Уральская горнозаводская вотчина Всеволожских в первой половине XIX века: дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 1966; Путилова М. В. Казенные предприятия Екатеринбургского горного округа в середине XIX века: дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1969; и др.

[2] Яцунский В. К. Капиталы и доходы предприятий черной металлургии России в 50-е гг. XIX в. // Генезис капитализма в промышленности. М., 1963. С. 118–149.

[3] Чернявская Т. А. Горнозаводское хозяйство Лазаревых в крепостную эпоху (конец XVIII – первая половина XIX в.): дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1968.

крупных частных округах, обычно замалчивались или трактовались как исключительно вынужденная мера со стороны казны и заводовладельцев[1].

Еще одной популярной темой в советский период стало формирование интеллигенции. Было введено понятие «крепостная интеллигенция», к представителям которой относили и персонал заведений социальной инфраструктуры, получивший определенное образование, а главное, выражавший недовольство существующим «режимом». В этих работах основное внимание уделялось различным проявлениям социального протеста[2]. В истории Урала явно преувеличивалось значение «громких» дел, в которые были вовлечены преподаватели горнозаводских учебных заведений: Е. М. Мосцепанов в Нижнетагильском округе, А. В. Лоцманов в Верх-Исетском, «Общество вольности» в Чёрмозе[3]. Более информативны и менее идеологизированы были исследования по формированию технической интеллигенции в регионе[4].

В советский период было издано значительное количество работ по истории отечественной медицины. При этом абсолютное большинство исследователей были представителями различных медицинских специальностей или историки с кафедр медицинских учебных заведений. Поэтому в центре внимания обычно оказывались выдающиеся врачи известных столичных заведений и совершенные ими

---

[1] Пажитнов К. А. Положение рабочего класса в России. Т. 1. Л, 1925; Ксенофонтова В. В. Положение и борьба работных людей Всеволодоблагодатских золотых промыслов в 40–50-е гг. XIX в. // Вопросы истории Урала. Вып. 5. Свердловск, 1964; Мухин В. В. Положение крепостных рабочих вотчинных заводов Прикамья в первой половине XIX века (на примере Пожевского завода) // Социально-экономическое положение и борьба горнозаводского населения Урала в XVIII–XIX веках. Пермь, 1981. С. 17–25; Рутман Р. Е. Условия труда и быта рабочих горнозаводского Урала накануне отмены крепостного права // Исследования по истории Урала. Вып. 1. Пермь, 1970. С. 109–124; и др.

[2] См.: Коц Е. С. Крепостная интеллигенция. Л., 1926; Лейкина-Свирская В. Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М., 1971; Узунова Н. М. Из истории формирования крепостной интеллигенции (по материалам вотчинного архива Голицыных) // Ежегодник Государственного исторического музея. 1958. М., 1960. С. 106–134; и др.

[3] Горловский М. А., Пятницкий А. Н. Из истории рабочего движения на Урале. Свердловск, 1954; Калинина Т. А. К вопросу о формировании вольнолюбивых взглядов молодежи Урала // Общественная и культурная жизнь дореволюционного Урала. Пермь, 1990. С. 26–37; и др.

[4] Бугаева С. Я. Техническая интеллигенция в горнозаводской промышленности Урала в пореформенный период: дис. ... канд. ист. наук. М., 1979. Дашкевич Л. А. Формирование технической интеллигенции в горнозаводской промышленности Урала дореформенного периода (конец XVIII – 60-е гг. XIX в.): дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1989.

важнейшие медицинские открытия[1]. Другим приоритетом была земская медицина, к которой зачастую применялся термин «общественная», с во многом надуманным противопоставлением «правительственной»[2].

Но даже в работах обобщающего плана обширным системам ведомственной медицины, в том числе горнозаводской, уделялось минимальное внимание. Это характерно и для трудов, предметом исследования которых была организация медицинской помощи фабрично-заводским рабочим[3]. В работах по истории медицины в регионах горнозаводским заведениям также отведены лишь небольшие сюжеты[4].

Похожим было содержание общих исследований по медицинской помощи населению на Урале. Очерки В. Т. Селезневой имеют название, которое значительно шире их реального содержания: они практически полностью посвящены земской медицине[5]. По истории медицинского обслуживания на горных заводах Урала были написаны только небольшие сообщения. В них содержатся отдельные выдержки из нормативных актов, приведены разрозненные факты по крупным казенным и частным хозяйствам[6]. На общем фоне несколько выделяется статья

---

[1] См.: Каневский Л. О., Лотова Е. И., Идельчик Х. И. Основные черты развития медицины в России в период капитализма. М., 1956; Мултановский М. П. История медицины. М., 1967; Петров Б. Д. Очерки истории отечественной медицины. М., 1962; и др.

[2] Страшун И. Д. Очерки истории русской общественной медицины. М., 1965.

[3] Бейлихис Г. А. Очерки истории охраны труда и здоровья рабочих в СССР. М., 1971; Захаров Ф. Г. Организация медицинской помощи промышленным рабочим России и СССР. М., 1969; и др.

[4] Ежова Н. Н., Анисимов Н. И. Развитие здравоохранения в Удмуртии. Ижевск, 1972; Сысоева М. В. Из истории развития здравоохранения в Удмуртии в XVIII – первой половине XIX в. // Вопросы истории культуры Удмуртии. Ижевск, 1984. С. 24–41; и др.

[5] Селезнева В. Т. Очерки по истории здравоохранения на дореволюционном Урале. Молотов, 1955.

[6] Баташев С. А. К истории медицины на Урале // Хирургия. 1957. № 1. С. 123–127; Кузякин В. П. К истории организации медицинского обслуживания рабочих Верх-Исетского металлургического завода // Материалы к истории медицины и здравоохранения Сибири. Томск, 1960. С. 206–208; Мокеров И. П. К истории медицинского обслуживания промышленных рабочих на уральских заводах // Советское здравоохранение. 1961. № 12. С. 70–74; Селезнева В. Т. Заводская медицина Урала после отмены крепостного права // Советское здравоохранение. 1971. № 6. С. 62–65; и др.

Р. З. Мударисова, в которой обстоятельно проанализирован инспекционный отчет по медицинским заведениям М. Г. Вульфа 1835 г.[1]

В советский период было издано значительное количество работ по истории народного образования. Существенное внимание уделялось и его ведомственным системам. Но для многих работ по истории горнозаводских учебных заведений характерны типичные для того периода существенные недостатки: категоричность и предвзятость оценок, подмена исследовательской работы ссылками на цитаты классиков марксизма-ленинизма, игнорирование сведений источников, не вписывающихся в жестко определенные схемы.

Преувеличение роли профессионального обучения в горнозаводских школах стало характерной чертой исследований советского периода[2]. Это типично и для работ по истории специального образования в Российской империи[3].

В этом плане особенно выделяется монография Н. В. Нечаева по истории горнозаводского образования на Урале в дореволюционный период. Книга, не обеспеченная соответствующей источниковой базой, имела характерный подзаголовок: «к истории профессионально-технического образования в России». Между тем на протяжении всего рассматриваемого периода (XVIII–XIX вв.) автор реально писал об общеобразовательной программе горнозаводских учебных заведений Урала, за исключением Уральского горного училища[4]. Издание монографии Н. В. Нечаева с заранее заданными выводами, во многом, было следствием очередной партийной компании второй половины 1950-х гг.: курса на профессионализацию общеобразовательной школы.

---

[1] Мударисов Р. З. Состояние медицинского обслуживания горнозаводского населения Южного Урала в первой половине XIX в. // Проблемы генезиса и развития капитализма на Урале: история, историография, источниковедение. Свердловск, 1986. С. 121–125.

[2] Смолин А. В. Горные училища Алтая в XVIII–XIX веках: дис. ... канд. пед. наук. М., 1956; Воеводский И. К. Развитие низшего и среднего горнотехнического образования в СССР: дис. ... канд. ист. наук. М., 1964; Воеводский И. К. Горнопромышленное образование в России в конце XIX и начале XX в. // Ученые записки Курского педагогического института. Вып. 20. Курск, 1964. С. 168–197; Крупянская В. Ю., Полищук Н. С. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала (конец XIX – начало XX века). М., 1971; и др.

[3] Кузьмин Н. Н. Низшее и среднее специальное образование в дореволюционной России. Челябинск, 1971; и др.

[4] Нечаев Н. В. Горнозаводские школы Урала. М., 1956.

Значительной вехой в изучении истории народного образования на Урале в дореформенный период стали работы Т. А. Калининой. Автор уделила основное внимание учебным заведениям Министерства народного просвещения. При этом Т. А. Калинина ввела в научный оборот новые материалы о нормативной базе деятельности горнозаводских училищ, программах обучения, многочисленных проектах реорганизации в этой сфере[1].

Из других региональных работ этого периода отметим юбилейные очерки по истории Уральского горного училища, в которых были систематизированы основные вехи в истории этого учебного заведения[2]. Их авторы волюнтаристским путем изменили дату создания учебного заведения: с реального 1853 г. на необоснованный 1847 г.[3]

Заведения социальной инфраструктуры горных заводов в других регионах Российской империи также не стали предметом какого-либо специального исследования. Удалось выявить только отдельные работы, содержащие отрывочные сведения по их организации и деятельности[4].

В целом в советский период безраздельно господствовал позитивный подход оценки заведений социальной инфраструктуры в горнозаводских хозяйствах Урала. В то время постепенно несколько расширилась тематика и источниковая база исследований, было продолжено накопление фактического материала по ее различным заведениям. В тоже время, не отрицая эти очевидные достижения, следует подчеркнуть серьезные недостатки в разработке темы, определявшиеся одно-

---

[1] Калинина Т. А. Развитие народного образования на Урале в дореформенный период (80-е гг. XVIII в. – 1861 г.): дис. … канд. ист. наук. Пермь, 1977; Калинина Т. А. Развитие горнотехнического образования на Урале в дореформенный период // Социально-экономическое положение и борьба горнозаводского населения Урала в XVIII–XIX веках. Пермь, 1981. С. 59–71; Калинина Т. А. Развитие горнотехнического образование на Урале в предреформенный период // Развитие промышленности и рабочего класса горнозаводского Урала в досоветский период. Свердловск, 1982. С. 112–115.

[2] Сто лет горнотехнической школе на Урале. Свердловск, 1948; Уральская школа техников. Свердловск, 1973.

[3] См.: Шкерин В. А. Преждевременные юбилеи (К вопросу о дате основания Уральского горного училища) // Культурное наследие российской провинции: история и современность. К 400-летию г. Верхотурья. Екатеринбург, 1998. С. 253–255.

[4] Балагуров Я. А. Фабрично-заводские рабочие дореволюционной Карелии. Петрозаводск, 1968; Карпенко З. Г. Горная и металлургическая промышленность Западной Сибири в 1700–1860 гг. Новосибирск, 1963; и др.

сторонностью и идеологической заданностью в оценках. В частности, намерено преуменьшались существенные достижения в развитии социальной инфраструктуры (рост уровня грамотности, доступности медицинской помощи и др.), особенно в частных хозяйствах. Это позволяло в сравнительной перспективе преувеличивать успехи в социальной сфере в советский период.

С рубежа 1980–1990-х гг. отечественные исследователи более обстоятельно занялись изучением социальной сферы имперской России. Существенно расширилась проблематика и источниковая база исследований, с утверждением новых методологических подходов были подвергнуты сомнению многие ключевые положения советской историографии. Значительное внимание стало уделяться изменениям в социальной структуре Российской империи, углубленному анализу массового сознания различных групп населения. В результате классовое противостояние перестало рассматриваться как ключевой фактор развития страны[1]. Значительное внимание стало уделяться господству в Российской империи патерналистских и этатистских представлений среди значительной части населения[2].

В современной историографии вновь возродились споры представителей позитивного и негативного подходов при оценке обоснованности и эффективности организации и деятельности обширной системы заведений социальной инфраструктуры в горнозаводских округах Урала. При этом оппоненты, в условиях значительной временной отдаленности от рассматриваемой эпохи, и противоречивости сведений, введенных в научный оборот, все более склоняются к компромиссным оценкам.

С одной стороны, современные исследователи выделяют позитивные последствия значительного расширения заведений социальной инфраструктуры. Утверждение политики патернализма оказало огромное воздействие на социальную психологию населения. На горнозаводском Урале в первой половине XIX в., с утверждением «новой социальной среды» (термин Т. К. Гуськовой и

---

[1] См.: Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 т. СПб., 1999; Нефедов С. А. История России. Факторный анализ. Т. 2. М., 2011; и др.

[2] Ермоленко Т. Ф. Патернализм в России (Опыт культурно-исторического анализа). Р-н/Д., 1999; Лубский А. В., Лубский Р. А. Этатизм и патернализм как культурные маркеры цивилизационной идентичности в России // Гуманитарий Юга России. 2013. № 3. С. 90–103; и др.

Е. Г. Неклюдова), постепенно установилась относительная общественная «гармония», отсутствовало действительно массовое движение крепостных работников, характерное для предшествующего периода. Это рассматривается как одна из существенных причин стабильного роста доходов казны и многих заводовладельцев региона[1].

С другой стороны, существенный рост затрат на социальную инфраструктуру в горнозаводских хозяйствах Урала вновь стал предметом критических оценок. По мнению ряда авторов, он являлся важной причиной увеличения себестоимости продукции. Но обстоятельные расчеты имеются пока только по двум крупным частным округам региона[2].

В работах по истории уральской металлургии в целом[3] и ее отдельных горнозаводских хозяйств[4] отражены некоторые аспекты развития заведений социальной инфраструктуры. Их авторы не выделяли в качестве задачи их системное рассмотрение. По этой же причине только отдельные отрывочные сведения по рассматриваемой нами проблематике содержатся и в трудах по истории управления в

---

[1] Неклюдов Е. Г. К вопросу об особенностях эволюции феодальных отношений в горнозаводской промышленности Урала в XVIII – первой половине XIX в. // Первые Невьянские Демидовские чтения. Екатеринбург, 2000. С. 59–63; Голикова С. В., Дашкевич Л. А. Система социальной помощи горнозаводскому населению Урала в конце XVIII – первой половине XIX в. // Экономическая история России XVII–XX вв.: динамика и институционально-социокультурная среда. Екатеринбург, 2008. С. 249–267; и др.

[2] Гуськова Т. К. Заводское хозяйство Демидовых в первой половине XIX века. Челябинск, 1995; Гуськова Т. К. Нижнетагильский горнозаводской округ Демидовых во второй половине XIX – начале XX в. Заводы. Рабочие. Нижний Тагил, 2007; Грузинов А. С. Хозяйственный комплекс князей Абамелек-Лазаревых во второй половине XIX – начале XX в. М., 2009.

[3] Алексеев В. В., Гаврилов Д. В. Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней. М., 2008.

[4] Васина Т. А. Камские заводы: население, культура, быт (конец XVIII – первая половина XIX в.). Ижевск, 2006; Грузинов А. С. Хозяйственный комплекс…; Линник О. В. История уральской промышленности: Кыштымский горный округ (1745–1900). Снежинск, 2003; 2011; Мезенина Т. Г. Пермские владения Строгановых в XVIII – первой половины XIX в.: особенности пространственной и социально-экономической организации. Нижний Тагил, 2011; Мударисов Р. З. Промышленность Южного Урала в первой половине XIX в. (1801–1861). Уфа, 2003; Шустов С. Г. Пермское нераздельное имение графов Строгановых во второй половине XIX – начале XX в. Пермь, 2008; и др.

регионе: в Пермской и Вятской губерниях[1], всей горнозаводской промышленностью и ее отдельными хозяйствами[2].

В современной историографии вновь стало уделяться существенное внимание личностному фактору в развитии уральской горнозаводской промышленности. Е. Г. Неклюдов проанализировал «практики владения» частных горнозаводских округов Урала в широком хронологическом диапазоне, в том числе показал отношения их владельцев к развитию социальной сферы[3]. В. А. Шкерин рассмотрел вклад В. А. Глинки и ряда заводовладельцев в развитие медицинских и образовательных заведений горнозаводских хозяйств региона в первой половине XIX в.[4]

В постсоветской историографии стали более активно изучаться отдельные составляющие социальной сферы в имперской России. Самый существенный прорыв был сделан в исследовании истории медицины. Это во многом объясняется тем, что она из замкнутой узкопрофессиональной дисциплины превратилась в подвижную, открытую разным подходам область исследования. Она стала полем взаимодействия (совместного изучения) для представителей различных наук. Были изданы новые труды по истории медицины[5], первые работы по истории фармации[6], подготовке медицинских кадров[7], правовому регулированию врачебно-санитарной деятельности[8]. Они позволяют определить место и значение горноза-

---

[1] Богатырева О. Н. Эволюция системы местного управления в Вятской и Пермской губерниях (1861 – февраль 1917). Екатеринбург, 2004.

[2] Территориально-экономическое управление в России; Тороп В. В. Система управления частными заводскими хозяйствами Среднего Урала в первой половине XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1999.

[3] Неклюдов Е. Г. Уральские заводчики в первой половине XIX в.: владельцы.; Неклюдов Е. Г. Уральские заводчики во второй половине XIX – начале XX в.: владельцы и владения. Екатеринбург, 2013.

[4] Шкерин В. А. Заводчик И. О. Сухозонет: государственные сановники и рабочий вопрос в крепостную эпоху // Промышленная политика в стратегии российских модернизаций XVIII–XXI вв. Екатеринбург, 2006. С. 175–179; Шкерин В. А. Генерал Глинка. Личность и эпоха. Екатеринбург, 2010; и др.

[5] Мирский М. Б. Медицина России XVI–XIX вв. М., 1996; Самойлов В. О. История российской медицины. М., 1997; и др.

[6] Коротеева Н. Н. История фармации (XVI – начало XX в.). Курск, 2006.

[7] Зимин И. В. Подготовка медицинских кадров в России (XIX – начало XX в.). СПб., 2004.

[8] Пристанскова Н. И. Правовое регулирование врачебно-санитарной деятельности в Российской империи (XIX – начало XX в.): дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2007.

водской медицины в Российской империи, сравнить ее с другими системами оказания медицинской помощи.

В последние два десятилетия были изданы новые работы, посвященные развитию медицины на Урале. В них главное внимание традиционно уделяется земской и «правительственной» медицине. В. Т. Селезнева переиздала свою книгу, несколько изменив название и скорректировав идеологические оценки 40-летней давности. Но и для этого издания характерны типичные черты работы, написанной медицинским работником: прежде всего весьма узкая источниковая база, состоящая только из опубликованных материалов[1].

Значительно более обстоятельную работу проделала Т. Ю. Шестова. Кардинально расширив источниковую базу исследования, она рассмотрела становление и развитие медицины в трех уральских губерниях (Вятской, Пермской и Оренбургской) в XVIII–XIX вв. Большая часть её монография посвящена медицинским заведениям, находившимся в ведении Приказов общественного призрения, Врачебных управ и земских органов[2].

Е. С. Тулисов выявил состав медицинских кадров в казенных горных округах Урала на рубеже XIX–XX веков[3]. С. В. Голикова рассмотрела взаимодействие народной (традиционной) и заводской медицины, постепенное изменение отношения населения к официальной врачебной помощи[4]. Ю. Э. Соркин систематизировал материалы по медицинской династии Миславских, основатель которой сыграл важную роль в руководстве Верх-Исетским госпиталем[5]. Были изданы и несколько небольших работ, содержащих некоторые новые сведения по истории

---

[1] Селезнева В. Т. Очерки по истории медицины в Пермской губернии. Пермь, 1997.

[2] Шестова Т. Ю. История здравоохранения Пермской и Оренбургской губерний в дореформенный период. Пермь, 2000; Шестова Т. Ю. Развитие здравоохранения уральских губерний (Пермской, Вятской и Оренбургской) 1864–1900. Пермь, 2003; Шестова Т. Ю. Здравоохранение Урала в XVIII – начале XX в. (на материалах Вятской, Пермской и Оренбургской губерний). Пермь, 2006.

[3] Тулисов Е. С. История управления горнозаводской промышленностью Урала на рубеже XVIII и XIX веков. Екатеринбург, 1999.

[4] Голикова С. В. Горнозаводская медицина Урала в первой половине – середине XIX в. // Россия. Романовы. Урал. Вып. 3. Екатеринбург, 1997. С. 94–97; Горнозаводские центры и аграрная среда в России: взаимодействие и противоречие (XVIII – первая половина XIX в.). М., 2000. Гл. 4.

[5] Соркин Ю. Э. Врачебная династия Миславских. XIX–XX вв. Екатеринбург, 1995.

развития медицины на отдельных территориях[1] и в горнозаводских хозяйствах (Нижнетагильском округе[2]).

Ряд изданий следует отнести к популярному жанру. В них, несмотря на заглавия обобщающего плана, реально содержатся лишь отдельные разрозненные материалы по рассматриваемой тематике[3].

Диссертант систематизировал материалы по истории медицинского обслуживания в крупнейших частных хозяйствах Урала в первой половине XIX в.[4], проанализировал ряд отдельных аспектов его развития: деятельность пиявочного заведения в Нижнетагильском округе[5], службу иностранных медиков[6] и врачей польского происхождения в регионе[7], подготовку врачей-стипендиатов горного ведомства для казенных заводов региона[8], положение врачей в Пермской губернии в конце XIX в.[9]

---

[1] Мальцева О. А. История здравоохранения Коми-Пермяцкого округа. Кудымкар, 1995.

[2] Клат С. А. Кадры медиков на Нижнетагильских заводах в последней трети XVIII – первой половине XIX в. // Тульский металл: четыре столетия истории. Тула, 1995. С. 19–22; Клат С. А. Демидовы и медицина // Альманах Международного Демидовского фонда. Вып. 1. М., 2001. С. 101–107; Клат С. А. Из истории строительства заводского госпиталя в Нижнем Тагиле // Вторые Худояровские чтения. Доклады и сообщения. Нижний Тагил, 2005.

[3] Соркин Ю. Демидовы и медицина // Уральская старина. Вып. 3. Екатеринбург, 1997. С. 183–196; Становление государственной системы здравоохранения на Среднем Урале / Соколов Б. В., Бальчугов А. Д., Баранов Н. П. и др. Екатеринбург, 2008; Старков В. И. Исторический опыт развития системы здравоохранения на горнозаводском Урале в XVIII – первой половине XIX вв. Екатеринбург, 1999; и др.

[4] Черноухов Э. А. Медицинский персонал Верх-Исетского горного округа в первой половине XIX века // Материалы международной научной конференции, посвященной 70-летию исторического факультета УрГУ. Екатеринбург, 2008. С. 612–617; Черноухов Э. А. Медицинские заведения Пермского имения Лазаревых в первой половине XIX в. // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 10. Екатеринбург, 2009. С. 89–97; Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура Пермского имения Голицыных в первой половине XIX в. // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 12. Екатеринбург, 2011. С. 77–84; и др.

[5] Черноухов Э. А. Нижнетагильский Дуремар. Секреты пиявочного заведения // Родина. 2009. № 8. С. 127–128.

[6] Черноухов Э. А. Иностранные врачи в частных горных округах Урала в первой четверти XIX в. // Вопросы истории. 2010. № 7. С. 157–161.

[7] Черноухов Э. А. Врачи-поляки на горных заводах Урала XIX в. // Вопросы истории. 2014. № 4. С. 148–152.

[8] Черноухов Э. А. Врачи-стипендиаты для казенных горных заводов Урала в XIX в. // Вопросы истории. 2012. № 1. С. 161–165.

[9] Черноухов Э. А. «Ни чинов, ни орденов, ни пенсии на старость не даётся». Положение врачей Пермской губернии в конце XIX века // Родина. 2012. № 11. С. 158–160.

В современной историографии определился серьезный прорыв и в изучении системы народного образования в Российской империи. Она стала рассматриваться на широком фоне общественной и культурной жизни[1].

Отказ от жестких идеологических рамок позволил пересмотреть ряд устоявшихся ошибочных представлений, в том числе по истории горнозаводского образования. Л. А. Дашкевич обосновала положение об общеобразовательном характере абсолютного большинства учебных заведений при горных заводах Урала[2], впоследствии подтвержденное рядом исследователей (Э. А. Черноухов, С. Г. Мирсаитова, С. А Климаков).

В тоже время принципиальный вывод об общеобразовательном характере обучения в абсолютном большинстве горнозаводских училищ Урала не восприняли специалисты в области педагогики. Они продолжают придерживаться мнения о наличии серьезного профессионального обучения в горнозаводских учебных заведениях Урала[3].

Эту позицию продолжают разделять и некоторые исследователи из других регионов. Следуя советской традиции, Т. А. Константинова отнесла горнозаводские школы Забайкалья (Нерчинского горного округа) к профессиональному образованию. При этом реально она постоянно отмечала общеобразовательный характер обучения в этих заведениях[4]. Подобные оценки характерны и для современных исследователей горнозаводского образования в Алтайском округе. Они также су-

---

[1] Артамонова Л. М. Общество, власть и просвещение в русской провинции XVIII – начала XIX в. (юго-восточные губернии Европейской России). Самара, 2001; Дашкевич Л. А. Городская школа в общественной и культурной жизни Урала (конец XVIII – первая половина XIX в.). Екатеринбург, 2006; Днепров Э. Д. Российское образование в XIX – начале XX века. В 2 т. М., 2011; и др.

[2] Дашкевич Л. А. Формирование технической интеллигенции…; Дашкевич Л. А., Сафронова А. М. Горная школа в России (XVIII – первая половина XIX в.) // Металлургические заводы и крестьянство: проблемы социальной организации промышленности России и Швеции в раннеиндустриальный период. Екатеринбург, 1992. С. 87–94.

[3] См.: Чапаев Н. К., Верещагина И. П. Горнозаводские школы Урала как феномен русской педагогической культуры. Екатеринбург, 2008. С. 85, 87. Представления этих авторов об исторических источниках вызывают удивление. К тому же практически все современные исследования историков по горнозаводским учебным заведениям остались им неизвестны.

[4] Константинова Т. А. История горнозаводского образования в Забайкалье (1723–1917 гг.): дис. … канд. ист. наук. Чита, 2006.

щественно преувеличивают значение профессиональной составляющей в программах действовавших здесь училищ[1].

В 2000-х гг. были изданы исследования, вводящие в научные оборот новые материалы по некоторым аспектам развития горнозаводских учебных заведений на Урале. С. Г. Мирсаитова проанализировала их организацию и деятельность на Южном Урале[2], С. А. Климаков показал профессиональную составляющую в Уральском горном и Нижнетагильском реальном училищах[3], Т. А. Калинина систематизировала сведения по Чёрмозскому и Ильинскому училищам[4]. Е. Ю. Рукосуев рассмотрел предложения владельцев горнозаводских предприятий по возрождению сети собственных учебных заведений и реорганизации программы подготовки в Уральском горном училище[5].

Диссертант в серии публикаций систематизировал материалы о развитии горнозаводских учебных заведений в крупнейших частных хозяйствах Урала[6], проанализировал проблему квалификации и адаптации учителей в заводских поселках в первой половине XIX в.[7], ухудшение положения преподавателей средних горнотехнических заведений после отмены крепостного права[8], появление модер-

---

[1] Бабарыкин Б. В., Скубневский В. А. Горнозаводское профессиональное образование в период аренды Алтайского горного округа Министерством финансов в 1830–1855 гг. // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 4(2). С. 121–128; Бабарыкин Б. С. Горнозаводское профессиональное образование Западной Сибири в XVIII – начале XX в.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Барнаул, 2015.

[2] Мирсаитова С. Г. Народное образование на Южном Урале в первой половине XIX в. Ч. 2. Екатеринбург, 2000.

[3] Климаков С. А. Развитие профессионального образования на Урале в 60-е гг. XIX в. – февраль 1917 г.: дис. … канд. ист. наук. Челябинск, 2001.

[4] Калинина Т. А. Развитие образования на Урале в первой половине XIX в. (школа в Чермозе Пермской губернии). Пермь, 2002; Калинина Т. А. К истории просвещения крепостного населения (с. Ильинское Пермской губернии в конце XVIII – первой половине XIX в.) // Исследования по истории Урала. Пермь, 2005. С. 191–212.

[5] Рукосуев Е. Ю. Съезды горно- и золотопромышленников Урала в конце XIX – начале XX века: организация и направления деятельности: дис. … д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2013.

[6] Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура Нижнетагильского горнозаводского округа… Гл. 3, 4; Черноухов Э. А. Чермозское училище Лазаревых в 1811–1861 гг. // Новейшая история России в образовательном пространстве школы и вуза: традиции и новации. Екатеринбург, 2009. С. 341–347; и др.

[7] Черноухов Э. А. Проблема квалификации учителя в частных горнозаводских школах Урала в первой половине XIX в. // Педагогическое образование в России. 2011. № 1. С. 61–65.

[8] Черноухов Э. А. Проблемы адаптации учителей средних учебных заведений Екатеринбурга в 1860-х гг. // Педагогическое образование в России. 2013. № 3. С. 170–173.

низационных «ловушек»[1]. Кроме того, им дана новая оценка известных судебных дел, в которые были вовлечены преподаватели горнозаводских учебных заведений[2].

В последние два десятилетия были достигнуты существенные успехи в изучении организации и деятельности заведений общественного призрения в Российской империи, которым в советский период времени уделялось минимальное внимание. Среди многочисленных исследований следует особо выделить капитальные монографии А. Р. Соколова и Г. Н. Ульяновой, имеющие важное методологическое значение[3]. Но в них отсутствуют материалы по уральским горным заводам.

Организация и деятельность заведений общественного призрения на горнозаводском Урале проанализирована в серии статей Л. А. Дашкевич[4]. Она же, совместно с С. В. Голиковой, систематизировала сведения о призрении детей на Урале в имперский период[5].

Создание новой системы социального обеспечения на горных заводах Урала в пореформенный период исследует П. А. Орлов. По его мнению, на казенных предприятиях региона только в самом конце XIX в. начали реализовывать исторически успешный опыт постановки добровольного корпоративного страхования рабочих[6]. К подобным выводам пришла и С. В. Ашмарина. Она

---

[1] «Черноухов Э. А. Модернизационная ловушка». Проблема «лишних» грамотных людей на горных заводах Урала в первой половине XIX в. // Наука. Общество. Человек. Вестник Уральского отделения УрО РАН. 2014. № 1(47). С. 122–125.

[2] Черноухов Э. А. Какой «свободы» хотели учителя частных горнозаводских школ Урала в первой половине XIX века? // Проблемы истории России. Вып. 9. Екатеринбург, 2011. С. 416–422.

[3] Соколов А. Р. Благотворительность в России как механизм взаимодействия общества и государства (начало XVIII – конец XIX в.). СПб., 2006; Ульянова Г. Н. Благотворительность в Российской империи. XIX – начало XX в. М., 2005.

[4] Дашкевич Л. А. Воспитательные дома и приюты на Урале в XVIII – первой половине XIX в. // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Вып. 3. Екатеринбург, 1999. С. 103–124; Дашкевич Л. А. Социальная политика горного ведомства на Урале в первой половине XIX в. // Уральский исторический вестник. Вып. 5–6. Екатеринбург, 2000. С. 300–312; Дашкевич Л. А. Благотворительность уральских горнозаводчиков: частная инициатива или государственное принуждение? // Благотворительность в России. 2002. СПб., 2003. С. 98–107; и др.

[5] Голикова С. В., Дашкевич Л. А. Призрение детей на Урале в XVIII – начале XX в.: институциональный и социокультурный аспекты. Екатеринбург, 2013.

[6] Орлов П. А. Становление системы социального обеспечения горнозаводского населения на Южном Урале в пореформенный период (1861–1903 гг.): дис. … канд. ист. наук. Челябинск,

также относит формирование новой системы социального страхования рабочих в горнозаводских округах Урала к началу XX в.[1]

Сам диссертант также обращался к рассмотрению ряда сюжетов по этой проблематике. Он показал специфику организации и деятельности заведений общественного призрения в казенных и частных округах[2].

Следует особо отметить, что социальная инфраструктура горнозаводских хозяйств других регионов Российской империи в XIX в. остается малоизученной. Нам неизвестно ни одного исследования, содержащего какие-либо сводные данные по её организации и деятельности. В имеющихся работах приводятся разрозненные сведения по отдельным заведениям[3]. Это во многом объясняется тем, что только на Урале, остававшемся основным металлургическим центром страны в первой половине XIX в., была создана масштабная система заведений социальной инфраструктуры горного ведомства. К тому же в части регионов Российской империи рабочие горных заводов находились в юрисдикции губернских органов.

В целом в современной отечественной историографии были достигнуты значительные успехи в изучении всех составляющих социальной инфраструктуры горных заводов Урала. Это выразилось в появлении новых методологических подходов, существенном расширении источниковой базы и тематики исследований, отходе от идеологизированных схем.

2000; Орлов П. А. Целесообразность как принцип «хозяйского благопечения» на частных горных заводах Урала во второй половине XIX в. // Благотворительность в России. 2002. СПб., 2003; Орлов П. А. О проекте исследования межведомственной практики администрирования системы корпоративных пенсий на казенных горных заводах Урала 1865–1912 // Урал индустриальный: Бакунинские чтения: материалы Десятой юбилейной всероссийской научной конференции. Екатеринбург, 2011. Т. 1. С. 318–319; и др.

[1] Ашмарина С. В. Социальное страхование рабочих в России в конце XIX – начале XX века (на материалах горнозаводских предприятий Урала): дис. … канд. ист. наук. М., 2002.

[2] Черноухов Э. А. Благотворительные заведения Нижнетагильского горного округа (первая половина XIX в.) // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 7. Екатеринбург, 2007. С. 123–130; Черноухов Э. А. Богадельни в казенных горных округах Урала в первой половине XIX в. // Актуализация исторического знания и исторического образования в современном обществе. Ежегодник. Екатеринбург, 2013. Ч. 2. С. 327–334.

[3] См., например: Макушев А. А. Бизнес и труд (на примере хозяйства предпринимателей Мальцовых в XIX – начале XX в.) // Уральский исторический вестник. № 10–11. Екатеринбург, 2005. С. 101–112; Соболева Т. Н., Разгон В. Н. Очерки истории кабинетского хозяйства на Алтае. Управление и обслуживание. Барнаул, 1997.

В известной диссертанту зарубежной историографии отсутствуют какие-либо новые материалы по заведениям социальной инфраструктуры в горнозаводских хозяйствах России XIX века. Но в переведенных на русский язык работах западных авторов содержится ряд интересных выводов методологического плана. В частности, в них приведена классификации горнотехнического образования, обосновывается дефиниция «медикализация»[1].

Таким образом, накопленный в историографии фактический материал и концептуальные подходы являются фундаментом для проведения системного анализа организации и деятельности заведений социальной инфраструктуры горнозаводских хозяйств Урала в XIX веке. В тоже время создание обобщающего исследования возможно только при условии масштабного расширения источниковой базы, введения в оборот разнообразных новых материалов, прежде всего федеральных и региональных государственных архивов.

---

[1] См.: Болезнь и здоровье: новые подходы к истории медицины. СПб., 2008; Мондей К. Французский социолог Фредерик Лепле и его деятельность в России // Коммерция и государство в истории России (XVI–XX вв.). Екатеринбург, 2001. С. 64–76; Торстендаль Р. Обучение горному делу и черной металлургии // Металлургические заводы и крестьянство: проблемы социальной организации промышленности России и Швеции в раннеиндустриальный период. Екатеринбург, 1992. С. 42–54; Фуко М. Рождение клиники. М., 1998; и др.

1.2. ИСТОЧНИКИ

Малоизученность темы предопределила приоритет архивных материалов для исследования. По рассматриваемой тематике опубликовано незначительное количество источников, в основном нормативных актов. Подавляющая часть материалов впервые вводится в научный оборот. Они были выявлены в 63 фондах 13 архивохранилищ страны: двух федеральных, шести региональных и двух муниципальных архивах. Кроме того, привлечены материалы рукописных собраний трех музеев и трех библиотек.

Такая рассредоточенность неопубликованных документов характерна не только для рассматриваемых заведений социальной инфраструктуры в целом, но и многих отдельных горнозаводских хозяйств. В частности, материалы по крупнейшему в регионе Нижнетагильскому округу Демидовых были выявлены в девяти хранилищах[1].

Вместе с тем самый обширный и ценный для исследователей комплекс неопубликованных документов по теме отложился в Государственном архиве Свердловской области (ГАСО). Поскольку Екатеринбург на протяжении своей почти 200-летней дореволюционной истории был центром горнозаводской промышленности на огромной территории: от Волги до Нерчинска, именно здесь сосредоточены документы региональных органов управления отраслью, трех казенных и многих частных хозяйств Урала[2]. Первым опытом публикации материалов ГАСО по рассматриваемой тематике стала небольшая подборка

---

[1] См.: Черноухов Э. А. Документы по социальной инфраструктуре Нижнетагильского округа Демидовых XIX в. в собраниях архивов, музеев и библиотек // Документ. История. Архив. Современность: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Екатеринбург, 2010. С. 224–226.

[2] См.: Черноухов Э. А. Документы Госархива Свердловской области о социальной инфраструктуре частных горнозаводских округов Урала в XIX в. // Отечественные архивы. 2011. № 6. С. 32–40.

документов по проблеме внутрисословных «перегородок» при обучении детей на уральских заводах во второй четверти XIX века[1].

Особо выделим и обширные комплексы документов центральных органов управления горнозаводской промышленностью, которые хранятся в Российском государственном историческом архиве (РГИА)[2]. Солидные фонды по нескольким горнозаводским хозяйствам отложились в целом ряде архивных учреждений (кроме ГАСО): казенных округов – в Центральном государственном архиве Удмуртской республики (ЦГАУР)[3] и архиве города Златоуста[4]; крупных частных – в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА)[5] и Государственном архиве Пермского края (ГАПК)[6].

Другой общей характерной особенностью источниковой базы исследования является сложный, «многоаспектный» характер многих выявленных дел. Подавляющая часть сохранившихся до нашего времени документов горного ведомства посвящена в основном производственной тематике. Поэтому многие аспекты развития социальной инфраструктуры не нашли отражения в каких-либо сводных материалах.

Весь привлеченный комплекс источников можно классифицировать по их целям, направленности и назначению (видовая классификация). Он представлен всеми своими основными видами и многочисленными разновидностями.

Особое внимание было уделено нормативным правовым актам, регламентировавших организацию и деятельность заведений социальной инфраструктуры горных заводов России в целом и Урала, в частности. Часть из них формально относилась только к казенным предприятиям, но фактически многие нормы были обязательны для исполнения (или служили ориентиром) и

---

[1] Обучение детей на Уральских горных заводах во второй четверти XIX века: к проблеме сословности / публ. Э. А. Черноухова // Архивы Урала. 1996. № 2. С. 127–129.

[2] РГИА. Ф. 37. Горный департамент Министерства финансов; Ф. 44. Штаб корпуса горных инженеров.

[3] ЦГАУР. Ф. 212. Камско-Воткинский железоделательный и сталеплавильный завод.

[4] Архив г. Златоуста. Ф. И-19. Главная контора Златоустовских заводов.

[5] РГАДА. Ф. 1252. Абамелек-Лазаревы; Ф. 1263. Голицыны; Ф. 1267. Демидовы; Ф. 1278. Строгановы.

[6] ГАПК. Ф. 176. Главное управление заводами, промыслами, вотчинными комиссионерствами Всеволожских; Ф. 280. Главное управление имениями князя С. С. Абамелек-Лазарева.

для заводовладельцев. Большинство этих нормативных правовых актов опубликовано в Полном собрании законов Российской империи, Своде законов Российской империи и специализированных сборниках.

В ходе исследования были проанализированы соответствующие разделы нормативной базы нескольких ведомств: горного[1], медицинского (в составе Министерства внутренних дел)[2], народного просвещения[3], военного[4], а также Русской Православной церкви[5]. В совокупности эти законы и подзаконные акты регламентировали предназначение, состав, финансирование, отчетность заведений социальной инфраструктуры горных заводов, права и обязанности их персонала.

Следует отметить, что после отмены крепостного права положение заведений социальной инфраструктуры при горных заводах принципиально изменилось, но это далеко не сразу получило соответствующее отражение в нормативно-правовой базе. «Положение о горнозаводском населении казенных горных заводов ведомства Министерства финансов» от 8 марта 1861 г. содержало только самые общие указания по их организации и деятельности в новых условиях[6]. Между тем работы по принятию новой редакции Горного устава затянулись на значительный срок. Это привело к дополнению и корректировке нормативной базы с помощью распоряжений министра финансов, решений Горного

---

[1] Высочайше утвержденный доклад министра финансов и проект Горного положения // ПСЗ-I. Т. 29. № 22208; Свод учреждений и уставов горного управления // Свод законов Российской империи. Т. 7 (редакции 1833, 1842, 1857 гг.); Положение об учебных заведениях уральских горных заводов. Екатеринбург, 1853; и др.

[2] Распоряжения, относящиеся до врачебных учреждений // Сборник циркуляров и инструкций Министерства внутренних дел с учреждения Министерства по 1 октября 1853 г. Т. 7. СПб., 1858. Ч. XIII. Гл. 1; Свод учреждений и уставов врачебных по гражданской части // Свод законов Российской империи. СПб., 1832. Т. 13. Ч. 3; и др.

[3] О подчинении учрежденного при Нижнетагильском заводе Демидовых училища ведомству Министерства народного просвещения // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2. СПб., 1864. Стб. 1199–1200; Об упразднении дополнительных курсов при Екатеринбургском уездном училище // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 3. СПб., 1865. Стб. 1351–1352; и др.

[4] Определением Военной коллегии от 17 марта 1798 г. // Собрание российских законов о медицинском управлении. Ч. 2. СПб., 1828; Положение для медицинского управления армии и флота 1805 года // ПСЗ-I. Т. 28. № 21866; и др.

[5] Правила обучения поселянских детей и особенно раскольничьих грамоте // Собрание постановлений по части раскола. СПб., 1875.

[6] ПСЗ-II. Т. 36. № 36719.

департамента и других подзаконных актов. Эти документы отложились в различных архивных фондах.

Ключевую роль для горнозаводских хозяйств имели штатные положения. На казенных предприятиях Урала штаты 1806, 1827–1829 и 1847 гг. устанавливали расположение заведений социальной инфраструктуры, количество и жалование персонала, размер финансирования по всем направлениям деятельности[1]. Во многих частных горнозаводских хозяйствах региона были приняты и периодически обновлялись подобные нормативные документы, получившие различные наименования: положения, штаты, штатные положения и т.п.[2]

Особо отметим пояснения и разъяснения по недостаточно проработанным или спорным положениям нормативно-правовой базы. Они нередко появлялись после запросов по определенным казусам или для разрешения постоянных межведомственных противоречий. Соответствующие решения могли оформляться различным образом: указами (именными, сенатскими, Горного департамента, Пермского, затем Уральского горного правления), высочайшими повелениями и др.

В целом нормативно-правовая база организации и деятельности заведений социальной инфраструктуры горнозаводских хозяйств методично совершенствовалась и корректировалась. На Урале эта работа особенно активно велась в первой половине XIX в.

Следует отметить специфику частных горнозаводских округов региона. Здесь систему нормативных правовых актов органично дополняли организационно-распорядительные документы, относящиеся к делопроизводственным

---

[1] Высочайше утвержденный доклад министра финансов и проект Горного положения // ПСЗ-I. Т. 29. № 22208; Положения и штаты казенных горных округов Урала (Богословского, Гороблагодатского, Екатеринбургского, Златоустовского, Камско-Воткинского, Пермских заводов) 1827–1829 гг. // ПСЗ-II. Т. 2. № 1514. Т. 3. № 1776. Т. 4. № 2889, 2890; Штаты и основные рабочие положения горных казенных заводов хребта Уральского // ПСЗ-II. Т. 22. № 21203.

[2] Волегов Ф. А. Хозяйственные записки по Пермскому имению графини С. В. Строгановой, составленные в начале 1820 г. // Пермский край. Т. 2. Пермь, 1893. С. 97–158; Штаты Нижнетагильского округа Демидовых // ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 626, 816, 1102; и др.

источникам. Они во многом опирались на общие положения имперского и ведомственного законодательства и учитывали особенности самих хозяйств.

В XIX в. самый обширный собственный комплекс таких документов, определявший организацию и деятельность заведений социальной инфраструктуры в регионе, имелся в хозяйстве Лазаревых. Их 76-страничные (22 главы, 252 статьи) «Правила о госпиталях в Пермском имении» 1815 г. обстоятельно регламентировали предназначение, состав, отчетность и финансирование медицинской службы, права и обязанности ее многочисленного персонала[1]. Лазаревы прислали сюда и обширные (на 20 листах) наставления по оспопрививанию. В них подробно обосновывались идеальные возраст и время года для этой процедуры, ее правильная организация, методика проведения[2].

Также обстоятельно регламентировалась деятельность учебных заведений этого хозяйства. «Общее разделение Чёрмозского народного училища» 1815 г., а затем «Постановление Чёрмозского заводского училища» 1831 г., с периодически присылаемыми дополнительными правилами, касались практически всех вопросов организации учебно-воспитательного процесса[3].

В других частных горнозаводских округах Урала также принимались организационно-распорядительные документы в рассматриваемой сфере. На общем фоне выделялось обширное «Положение об управлении Пермского нераздельного имения Строгановых» 1837 г. В нем обстоятельно регламентировалась организация и деятельность сиротских домов и богаделен для заводских и промысловых работников, а также (в меньшей степени), медицинской части[4]. В других округах это обычно были небольшие положения, инструкции, правилами и подобные документы, определявшие различные аспекты деятельности собственных медицинских и учебных заведений.

К нормативной базе организации и деятельности заведений социальной инфраструктуры относились и некоторые актовые материалы. В частности, в при-

---

[1] РГИА. Ф. 880. Оп. 1. Д. 284. Впоследствии они несколько раз корректировались.
[2] ГАПК. Ф. 280. Оп. 1. Д. 614.
[3] См.: Калинина Т. А. Развитие образования на Урале. Приложения. С. 114–162.
[4] РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 4421.

ложениях к уставным грамотам по горнозаводским поселениям имелся ряд положений об источниках их дальнейшего финансирования[1].

Среди других актовых материалов следует выделить контракты с врачами, аптекарями, повивальными бабками, учителями, смотрителями благотворительных заведений, служившими в частных округах. Они позволяют установить квалификацию, условия и мотивы службы этих специалистов, в том числе иностранцев. Репрезентативный комплекс этих актов сохранился по трем крупным частным горнозаводским хозяйствам Урала: Нижнетагильскому и Верх-Исетскому округам, а также Пермскому имению Лазаревых. По остальных удалось выявить отдельные контракты с этой категорией вольнонаемных служащих.

Привлеченную делопроизводственную документацию по происхождению можно разделить на ведомственную и частную. Среди первой особый интерес представляют обширные комплексы материалов, отложившиеся в результате работы комитетов и комиссий, разрабатывавших проекты нормативных правовых актов.

В частности, документация «Комитета по исправлению штатов и положений», действовавшего на Урале в 1838–1844 гг., помогает проследить сложный процесс согласования важных положений по дальнейшему развитию заведений социальной инфраструктуры казенных горных заводов на всех уровнях: предприятий, округов, Уральского горного правления и Горного департамента[2]. Восемь проектов «Положения об учебных заведениях…» 1852 г. отразили различие мнений руководителей центрального и регионального уровней горного ведомства по проблемам реформированной системы образования[3].

Другой подобный комплекс делопроизводственной документации появился в период обследования горнозаводских хозяйств Урала правительственными и ведомственными комиссиями[4]. Для них обобщались различные материалы

---

[1] Уставные грамоты по горнозаводским селениям Урала рассредоточены по десяткам фондов различных архивохранилищ. Лишь немногие из них опубликованы.
[2] ГАСО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 3, 5, 6, 114–119, 123А–123Д.
[3] РГИА. Ф. 44. Оп. 2. Д. 960. Л. 200–297; ГАСО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 1361. Л. 1–180.
[4] Незначительная часть из них опубликована и уже стала предметом научного анализа. См.: Яцунский В. К. Указ. соч. С. 118–149.

заводоуправлений и контор. Необходимые сведения обычно сводились в таблицы установленной формы, сопровождались пояснительными записками и справками. Естественно, подавляющее большинство этих материалов посвящено производственным вопросам, но иногда они включали и общие данные по заведениям социальной инфраструктуры. При этом начальники казенных округов и управители заводов именно при поступлении запросов, требовавших высказать мнения по их улучшению, более объективно характеризовали положение дел в этой сфере.

Горнозаводские предприятия Урала регулярно посещали с ревизионными целями региональные начальники, а иногда и руководители ведомства. К их приезду из соответствующих органов также запрашивались разнообразные учетные и нарративные материалы, зачастую оформляемые в сводный текст («записку» и т.п.). После завершения ревизии их обычно дополняли предложениями высокопоставленных ревизоров. В результате сохранился комплекс дел, содержащих различные сведения о действующих горнозаводских заведениях, в том числе социальной инфраструктуры: их состоянии, проблемах и недостатках, указания по исправлению и улучшению[1].

Подобную информацию содержат и материалы ревизий подведомственных заведений медицинским инспектором по частным заводам Уральского горного правления. В отчетах и поясняющей переписке имеются обстоятельные свидетельства их материально-технического положения, квалификации персонала, требования об исправлении выявленных нарушений[2]. Выделим и материалы единственной за рассматриваемый период времени ревизии медицинских заведений горных заводов региона «постороннего» должностного лица – инспектора Оренбургской врачебной управы Шпира[3].

Важной частью привлеченных делопроизводственных источников являются отчетные материалы. По нашей тематике они сохранились в фондах органов

---

[1] Большинство из них отложилось в ГАСО в делах, сформированных в четыре описи: Ф. 24. Оп. 32, 33; Ф. 43. Оп. 1, 2.

[2] Отчет о ревизии М. Г. Вульфа 1837 г. даже был распечатан и отправлен во все частные горнозаводские хозяйства Урала (см.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 4537).

[3] ОПИ ГИМ. Ф. 14. Оп. 1. Д. 894. Л. 15–17об.

управления горнозаводской промышленности центрального и регионального уровней: Горного департамента, штаба Корпуса горных инженеров, Уральского горного правления и Канцелярии главного начальника. Особую ценность представляют многочисленные годовые, полугодовые и третные отчеты о деятельности заведений социальной инфраструктуры, направленные в вышестоящие органы. Большинство из них составлялись по утвержденным формам. Поэтому эти материалы, с одной стороны, хорошо сопоставимы, с другой, во многом, односторонни и шаблонны. Необходимо учитывать и известную долю тенденциозности при их составлении. Сохранились и внутренние (подготовительные) отчетные материалы по ряду казенных и частных горнозаводских хозяйств Урала. Они зачастую содержат более обширные сведения по заведениям социальной инфраструктуры.

Отчетные материалы о горнозаводских производствах, в том числе заведениях социальной инфраструктуры, сохранились и в фондах Министерства внутренних дел, в частности во всеподданнейших отчетах губернаторов[1]. Следует отметить, что Приложения к этим отчетам содержат более обширные сведения[2].

К блоку делопроизводственных документов относятся разнообразные проекты реорганизации существовавших систем горнозаводской медицины, образования и общественного призрения, учреждения новых заведений и должностей. Некоторые из них были составлены по указанию вышестоящих органов, другие – по личной инициативе отдельных должностных лиц и заводовладельцев[3]. Большинство этих проектов не были реализованы, но отразили необходимость существенных перемен в этих сферах, интересы различных слоев общества в тот период времени.

Отдельную группу ведомственного делопроизводства составляет деловая переписка региональной горной администрации (Пермское, затем Уральское горное правление, главный начальник уральских горных заводов) с вышестоящими орга-

---

[1] Всеподданнейшие отчеты начальника Пермской губернии 1884–1895 гг.; Всеподданнейшие отчеты начальника Вятской губернии 1884–1895 гг.; Всеподданнейшие отчеты начальника Оренбургской губернии 1884–1898 гг. // Научно-справочная библиотека РГИА.
[2] РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. Д. 150, 165, 194.
[3] РГИА. Ф. 44. Оп. 1. Д. 35; ГАСО. Ф. 43. Оп. 4. Д. 335; и др.

нами (Сенат, министерства финансов, внутренних дел, государственных имуществ). В ней отразились различные проблемы заведений социальной инфраструктуры горных заводов, которые было невозможно решить непосредственно в регионе: недостаток штатных средств, перманентная нехватка врачей и квалифицированных учителей и т.п.

Заводовладельцы Урала нередко обращались в правительственные инстанции разного уровня, особенно в случаях конфликтных ситуаций с представителями региональной администрации. Отметим многочисленные жалобы на активную деятельность медицинского инспектора по частным горным заводам Урала М. Г. Вульфа. В них обоснованы представления заводовладельцев о развитии собственных госпиталей и аптек. Это, в условиях неопределенности многих положения законодательства, привело к обширной переписке, связанной с «конфликтом интересов», в которую были вовлечены многочисленные учреждения и должностные лица: Сенат, министр финансов, Горный департамент, главный начальник уральских заводов и др.[1]

Среди внутренней документации горного ведомства выделим обширный комплекс ежегодных донесений заводских исправников за 1830–1850-е гг. В заключительной части этих документов содержались краткие сведения о заведениях социальной инфраструктуры в частных горнозаводских хозяйствах Урала[2]. По некоторым казенным и крупным частным хозяйствам региона сохранились годовые и генеральные отчеты горных начальников, управляющих или правлений за отдельные периоды, в основном по второй половине XIX столетия.

Зачастую не менее информативна и частная делопроизводственная документация. Большинство заводовладельцев в рассматриваемый период времени проживало в столицах и за границей, практикуя так называемый дистанционный принцип управления. Они, а также их представители вели обширную деловую переписку со своими управлениями и конторами на Урале. Выделим многочисленные послания-предписания владельцев Нижнетагильского округа Николая Ники-

---

[1] РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 244; ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 2445; Ф. 43. Оп. 1. Д. 50; и др.
[2] ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 280, 320; Оп. 2. Д. 1317, 1691, 1836, 1920; и др. К сожалению, не сохранились отчеты по всем горнозаводским хозяйствам Урала за какой-либо год.

тича и Павла Николаевича Демидовых, Верх-Исетского – Алексея Ивановича Яковлева и нескольких представителей Пермского имения Лазаревых[1]. Фронтальный анализ этой переписки позволил проследить менталитет этих заводовладельцев, восстановить процесс создания и развития разветвленной системы заведений социальной инфраструктуры в их хозяйствах.

Особый интерес представляют обширные послания Н. Н. Демидова, направленные в Нижнетагильский округ. В них он, наряду с производственными вопросами, регулярно обращался и к другой самой разнообразной тематике, с частыми образными отвлечениями и сентенциями. Значительный интерес представляют и ответы на них, составленные в значительно более строгой форме. Н. Н. Демидов вел деловую переписку не только со своими управляющими и приказчиками, но и рядом врачей и учителей, служивших в Нижнетагильском округе. Так, в 1821–1828 гг. он регулярно переписывался с врачом О. И. Нехведовичем: сохранилось по 16 посланий друг другу[2].

Эту переписку в определенной мере дополняют сохранившиеся отчеты и рапорты ряда врачей, учителей, смотрителей богаделен и приютов, комиссаров госпиталей о деятельности подведомственных им заведений, направляемые заводовладельцам. Их авторы, в большинстве своем вольнонаемные служащие, зачастую были весьма критичны в оценках.

Управленцы некоторых частных горнозаводских хозяйствах пытались систематизировать сведения о расходах социального характера. Так, «Перечень пожертвований, сделанных родом Демидовых государству и общественными учреждениям», составленный в 1841 г., позволяет представить их объем и основные направления, а также и полученные заводовладельцами льготы и привилегии, в том числе за эту деятельность[3].

Важной частью делопроизводственной документации являются материалы по личному составу заведений социальной инфраструктуры горнозаводских округов.

---

[1] Они хранятся в четырех фондах: РГАДА. Ф. 1252, 1267; ГАСО. Ф. 72, 643.
[2] РГАДА. Ф. 1267. Оп. 3. Д. 382. Л. 1–37. Д. 383. Л. 1–28об.
[3] Черкасова А. С., Мосин А. Г. «На благо любезного Отечества» // Демидовский временник. Екатеринбург, 1994. С. 246–273.

В фондах РГИА и ГАСО отложились коллекции формулярных списков по медицинскому и учебному персоналу горных заводов Урала за отдельные годы. К сожалению, сводных материалов по какому-либо существенному временному периоду выявить не удалось. Несколько лучше сохранились коллекции формулярных списков врачей на частных заводах Урала конца 1840-х гг.[1]

Своеобразным дополнением к формулярным спискам являются распоряжения о приеме на службу, чинопроизводстве, увольнении служащих по медицинской и учебной частям Уральского горного правления. Но и они сохранились только за отдельные годы[2].

Нехватку этих документов частично компенсируют другие делопроизводственные материалы, в частности о назначении пенсий или проведении судебно-следственных действий. Для этого собирались различные сведения, позволяющие проследить прохождение службы персоналом заведений социальной инфраструктуры горных заводов[3].

Для нашего исследования важна и делопроизводственная документация земских учреждений. Это, прежде всего, материалы уездных собраний и управ Пермской и Вятской губерний: протоколы заседаний, сметы, соглашения и др. Они позволяют проследить постепенный переход ряда горнозаводских заведений социальной инфраструктуры на Урале в ведение земских учреждений. Особый интерес представляют подробные описания заводских госпиталей и аптек, предлагаемые их владельцами (казной и заводчиками) земству, многолетняя переписка по финансовым условиям этой передачи, материалы о взаимодействии в медицинской сфере, в том числе создании земско-заводских участков. Значительная часть этих материалов опубликована[4], другие отложились в фондах архивов и библио-

---

[1] РГИА. Ф. 44. Оп. 1. Д. 517–524, 534.
[2] Там же. Ф. 37. Оп. 5. Д. 205, 1325; и др.
[3] Там же. Д. 369, 461, 478, 494; и др.
[4] Основное внимание уделялось «Журналам» тех уездных земских собраний, где в рассматриваемый период располагалось большинство горных заводов региона: Верхотурского, Екатеринбургского, Красноуфимского и Соликамского в Пермской губернии и Сарапульского – в Вятской. Также выделим: Земско-медицинский сборник / сост. Д. Н. Жбанков. Вып. 6–7. М., 1893.

тек[1]. Некоторые сведения по рассматриваемой тематике выявлены и в «Трудах» съездов врачей Пермской губернии[2].

В целом делопроизводственные материалы позволяют проанализировать многие важные аспекты непосредственной организации и деятельности заведений социальной инфраструктуры в горнозаводских хозяйствах Урала. Именно в них нашли наиболее полное отражение существовавшие здесь проблемы и попытки их разрешения.

Для принятия управленческих решений в регионе собирались статистические материалы. Они содержатся в различных «Описаниях» ряда губерний и горных округов Урала, подготовленных должностными лицами и уполномоченными деятелями[3]. Отдельные статистические материалы отложились и в «Медико-топографические описаниях» некоторых горных округов, составленных местными врачами. Часть из них опубликована в изданиях Министерства внутренних дел[4], другие – остались в рукописном виде[5]. В целом статистические материалы содержат сводные данные о численности заведений социальной инфраструктуры и их персонале в горнозаводских округах Урала за отдельные годы.

В проанализированных источниках личного происхождения выявлены материалы, не отложившиеся в официальных документах. Выделим воспоминания В. Е. Бокова и Л. Е. Воеводина, раскрывающие специфику обучения в заводских

---

[1] Нижне-Тагильский санитарный комитет. Санитария. Рукопись. Б. м. Б. г. // Свердловская областная универсальная научная библиотека им. В. Г. Белинского; ГАСО. Ф. 18, 435.

[2] Труды съездов врачей Пермской губернии (с IV по VIII). Пермь, 1887–1903. В Вятской губернии также периодически собирались съезды земских врачей. Но на них вопросы, связанные с горнозаводской медициной, практически не рассматривались.

[3] Попов Н. С. Хозяйственное описание Пермской губернии. Пермь, 1804; Описание заводов хребта Уральского, составленное пермским берг-инспектором П. Е. Томиловым в 1807–1809 гг. // Горнозаводская промышленность Урала на рубеже XVIII–XIX веков. Свердловск, 1956 С. 147–298; Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Пермская губерния / сост. Х. Мозель. СПб., 1864; Историко-статистические описания казенных округов Урала // ГАСО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 17–27 (составлены Н. К. Чупиным по программе Горного департамента в 1860–1862 гг.); и др.

[4] Медико-топографический сборник. Т. 1. СПб., 1870; Т. 2. СПб., 1871; и др.

[5] Ильинский И. П. Медико-топографическое описание Нижнетагильского горного округа // ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 578; и др.

школах[1], обширное письмо врача И. Е. Ковалевского своему коллеге А. А. Миславскому, показывающее серьезную конкуренцию заводских и гражданских медиков в сфере частной практики в Екатеринбурге[2].

Важным источником информации о некоторых аспектах организации и деятельности заведений социальной инфраструктуры горнозаводских хозяйств Урала являются научные труды, созданные служившими в них специалистами. Это диссертации на соискание степени доктора медицины[3], статьи и записки врачей в специализированных изданиях[4], а также рукописи преподавателей (В. И. Будрина, Е. Н. Короткова, Н. К. Чупина) по истории учебных заведений[5].

К научным трудам можно отнести некоторые работы, опубликованные в «Сборнике Пермского земства». В нем выявлены аналитические статьи о необходимости налаживания эффективного взаимодействия земской и горнозаводской медицины, анализ их преимуществ и недостатков, проблемах перехода заводских школ в ведение местного самоуправления[6], а также обзоры современников по отдельным казенным и частным горнозаводским округам Урала[7]. По инициативе органов земского самоуправления были созданы и опубликованы отдельными из-

---

[1] Боков В. Е. Уральские горнозаводские училища // Труды Пермской губернской ученой архивной комиссии. Вып. 7. Пермь, 1904. С. 80–86; Воеводин Л. Е. Билимбаевское двухклассное приходское училище в 1854–1860 гг. // Там же. С. 68–80.

[2] ГАСО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 294.

[3] Серебренников П. Н. Опыт медико-топографического описания г. Ирбита Пермской губернии. СПб., 1885; Спасский И. А. Опыт изучения влияния некоторых работ ижевских оружейников на их здоровье и физическое развитие. СПб., 1888; и др.

[4] Говорливый З. С. Краткий медицинский отчет по госпиталям, находящихся в имениях тайного советника Х. А. Лазарева за 1863 год (с декабря 1862 по декабрь 1863 г.) // Протоколы заседаний Общества русских врачей в Санкт-Петербурге. СПб., 1864. С. 249–265; Рудановский П. В. Письма из Тагила // Современная медицина. 1863. № 5. С. 82–99; Рудановский П. В. О состоянии медицинской части в округе Нижнетагильских заводов // Архив судебной медицины и общественной гигиены. 1870. № 4. С. 73–79; и др.

[5] Будрин В. И. Уральское горное училище. Исторический очерк. Рукопись // Архив Свердловского областного краеведческого музея (СОКМ). 571 б / 139–144; ГАСО. Ф. 678-р. Оп. 1. Д. 370; Коротков Е. Н. Материалы к истории Уральского горного училища. Рукопись // ГАСО. Ф. 93. Оп. 1. Д. 363; Рукописные материалы Н. К. Чупина см.: ГАСО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 138.

[6] Попов С. Очерк развития земской медицины в Пермском уезде с 1870 по 1880 гг. // Сборник Пермского земства. 1884. № 20–21. С. 430–435; Предтеченский В. Заметка по вопросу о слиянии земской медицины с заводской // Сборник Пермского земства. 1885. № 23. С. 678–679; и др.

[7] Материалы для ознакомления с условиями быта горнозаводского населения на Урале / сост. Р. С. Попов // Сборник Пермского земства. 1873; 1874; 1876; и др.

даниями и научные труды в области санитарии[1]. Некоторые очерки научного плана, написанные служащими заводов, отложились и в архивных фондах[2].

Отдельные аспекты рассматриваемой проблематики получили отражение на страницах периодической печати. Региональные издания (Пермские губернские ведомости, Екатеринбургская неделя, Уральское горное обозрение, Уральский техник и др.) информировали своих читателей об открытии или закрытии заведений социальной инфраструктуры, помещали полемические заметки о проблемах их организации и деятельности[3].

Деятельность горнозаводских школ Урала нашла некоторое отражение и в художественных произведениях современников. Так, очерки А. П. Бондина[4] и А. А. Кирпищиковой[5], В. Немировича-Данченко[6] позволяют лучше понять атмосферу учебного процесса в специфических условиях заводских поселков.

В целом сформированная источниковая база, представленная всеми основными видами и разновидностями исторических источников, является репрезентативной. Она содержит многоаспектную информацию по рассматриваемой проблематике, позволяет создать обобщающее исследование по системе заведений социальной инфраструктуры казенных и частных горнозаводских хозяйств Урала в XIX веке.

---

[1]; Рума Р. Н. К гигиене рудокопов. Опыт исследования санитарных условий работы в Нижне-Тагильском руднике и влиянии их на рабочих. Пермь, 1882; и др.

[2] Шорин Д. П. Историко-статистический очерк Нижнетагильских заводов // Архив Нижнетагильского музея-заповедника «Горнозаводской Урал». Ф. 10. Оп. 10. Д. 19; Зорков И. Ф. Краткое описание ряда посещенных заводов // ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 588; и др.

[3] Техник Б. Китаев Николай Егорович. Некролог // Уральский техник. 1911. № 10–11. С. 37; Черноскутов А. Забытое училище // Екатеринбургская неделя. 1879. 22 августа; и др.

[4] Бондин А. П. Моя школа // Бондин А. П. Избранное. Т. 1. М., 1957.

[5] Кирпищикова А. А. Прошлое. 25 лет назад // Кирпищикова А. А. Избранное. Молотов, 1956.

[6] Немирович-Данченко В. Кама и Урал (очерки и впечатления). СПб., 1890.

1.3. МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ

В качестве методологической основы исследования выступает теория модернизации. В ней основу общественно-исторического прогресса составляет многосторонний процесс, как совокупность субпроцессов, охватывающих различные сферы общественной жизни. При этом принцип историзма позволяет объективно раскрыть и проанализировать сложные и весьма противоречивые тенденции.

Модернизация определяется как сложный эндогенно-экзогенно-направленно-циклический процесс взаимодействия структур и деятельностей, традиций и новаций при переходе от традиционного к современному обществу[1]. Широкий спектр методологических возможностей анализа социокультурных аспектов модернизации следует рассматривать с учетом эволюции собственно модернизационной парадигмы и теоретических подходов, лежащих в основе современного исторического познания истории России. Для оптимистического реалистического подхода, зародившегося в рамках неомодернизационного анализа, характерны признание множественности путей развития, неоднозначное отношение к социокультурной традиции и ценностям[2].

Ведь не существует жесткой антитезы между «традиционным» и «современным», противоречащей представлению об истории как о процессе. Мы полностью согласны с выводом Л. В. Сапоговской, что принципиальной является установка на то, что в изучении социально-экономических явлений, форм и порядков равно важны как трансформация, так и инерция, проявляющая себя в экстенсивности, традиционализме, локализме[3].

---

[1] Побережников И. В. Пространственно-временные модели в исторических реконструкциях модернизации: автореф. дис. … докт. ист. наук. Екатеринбург, 2011. С. 27–28.

[2] См.: Побережников И. В. Социокультурные аспекты модернизации: методологические подходы // Социально-демографические и культурно-ментальные трансформации в контексте российских модернизаций XVIII–XX вв. Екатеринбург, 2014. С. 11–14.

[3] Сапоговская Л. В. Уральские горнозаводские округа в новейшей региональной историографии: аргументы в разворачивающейся дискуссии // Россия и Урал в годы войны и мира. XX век. Екатеринбург, 2006. С. 140.

Как справедливо отметил В. М. Арсентьев, в промышленности России первой половины XIX в. вектор «движения к индустриализации» происходил не столько в направлении преодоления сопротивления и разрушения традиций, а также максимальной реализации новаций и модернизационных устремлений, сколько путем создания системы взаимодействия и взаимовлияния, в которой преимущества формирующейся рыночной экономики и крупного производства переплетались с традиционными принципами организации хозяйственно-экономической деятельности[1]. На тесную взаимосвязь модернизации и традиции в социальной сфере дореформенного Урала неоднократно обращали внимание и другие исследователи[2].

В последнее время активно изучаются конфликты в процессе модернизации, обращается внимание на тяжелый и болезненный характер модернизационных преобразований. Их успех возможен только в том случае, если институты развитых стран максимально адаптируются к существующей в модернизирующейся стране реальности, ее культуре и ценностям.

При этом традиционные институты и ценности рассматриваются в качестве барьеров, которые со временем должны подвергнуться трансформации. Проблема барьеров модернизации и социальных потрясений в процессе ее проведения («ловушек») получила разработку в литературе[3].

Эти сюжеты уже проанализированы и на региональном уровне. Обоснование регионально-ориентированной модели изучения процессов модернизации дано

---

[1] Арсентьев В. М. Модели развития отечественной промышленности в первой половине XIX в.: механизмы функционирования и индустриальный потенциал // Проблемы экономической истории России. Екатеринбург, 2007. С. 77–78.

[2] См., например: Алексеев В. В., Побережников И. В. Модернизация и традиция // Модернизация в социокультурном контексте: традиции и трансформации. Екатеринбург, 1998. С. 8–32; Голикова С. В. Модернизация для традиции // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития. Екатеринбург, 2008. С. 540–543.

[3] См.: Гринин Л. Е. Мальтузианские и модернизационные ловушки // Проблемы экономической истории: теория и практика. Екатеринбург, 2011. С. 95–119; Опыт российских модернизаций XVIII–XX вв.: взаимодействие макро и микропроцессов / В. В. Алексеев, Е. В. Алексеева, К. И. Зубков и др. Екатеринбург, 2011. С. 15–16; и др.

уральскими исследователями[1]. В. В. Алексеев и Д. В. Гаврилов рассмотрели модернизационные процессы в уральской металлургии[2].

Горнозаводские округа Урала в первой половине XIX в. существенно отличались от хозяйств Западной Европы. Они, с одной стороны, имели большой удельный вес основного капитала, вложенного в дорогостоящее заводское и вспомогательное оборудование, здания общественного назначения (в том числе в сферах медицины, образования и общественного призрения), но, с другой, использовали более дешевую, в основном находящуюся в крепостной зависимости, рабочую силу.

Существенно отличался от европейского и менталитет местного населения. Крепостнические пережитки достаточно длительное время сохранялись и после 1861 года. Эти кардинальные отличия предопределили особенности модернизационных процессов в горнозаводских хозяйствах Урала в XIX веке.

Ряд современных авторов (Т. К. Гуськова, Л. А. Дашкевич, Е. Г. Неклюдов, Д. А. Редин и др.) пришел к выводу об утверждении на значительной части горнозаводского Урала в конце XVIII – первой половине XIX в. «новой социальной среды». Важнейшая роль в этих процессах отводится формированию системы патерналистских отношений. Она давала определенные гарантии социального обеспечения практически всем работающим на местных предприятиях, а также и членам их семей. Здесь установилась относительная социальная «гармония», выразившаяся в отсутствии массового движения крепостных, характерного для предшествующего периода.

В научном дискурсе по дефиниции патернализм существует широкий спектр подходов. Некоторые исследователи рассматривают его как обобщающую характеристику особой цивилизации в России, ее главный социокультурный маркер. Однако в научном дискурсе в основном обоснованно доминируют более узкие

---

[1] См.: Алексеев В. В., Побережников И. В. Указ. соч.; Россия в XVI – начале XX в.: региональные аспекты модернизации / под ред. И. В. Побережникова. Екатеринбург, 2006; и др.
[2] Алексеев В. В., Гаврилов Д. В. Указ. соч.

трактовки патернализма как типа социальных отношений или вида социальных институтов[1].

Содержательное наполнение этой дефиниции включает наиболее общие взаимоотношения между сложными составными субъектами, отдельные варианты властных и производственных отношений, непосредственные межличностные взаимодействия. Такой существенный разброс значений может быть объяснен тем, что ученые-гуманитарии опираются на концепты, сформулированные в разных научных дисциплинах. Патернализм рассматривается исследователями как:

- специфический тип властных отношений, устанавливаемый добровольным или договорным путем внутри государства между его жителями, имеющими разные правовые статусы[2];
- доктрина и деятельность с позиции «отеческой заботы» по отношению к слоям и группам, менее защищенным в социальном и экономическом отношениях[3];
- организация производственных отношений, при которой предприниматель выступает источником и гарантом осуществления рабочими их гражданских (либо сословных) прав во внепроизводственной сфере[4];
- система дополнительных льгот и выплат на предприятиях за счет предпринимателей с целью удержания кадров, роста производительности труда и смягчения трудовых конфликтов[5].

В целом эти определения во многом похожи и в определенной мере дополняют друг друга. Их авторы концентрируют свое внимание на разных аспектах этого сложного явления.

---

[1] См.: Лубский А. В., Лубский Р. А. Этатизм и патернализм как культурные маркеры цивилизационной идентичности в России // Гуманитарий Юга России. 2013. № 3. С. 97.
[2] Шушкова Н. В. Патернализм как социальный институт в переходном обществе: автореф. дис. … канд. соц. наук. Пермь, 2004. С. 4–5.
[3] Ермоленко Т. Ф. Патернализм в России (опыт культурно-исторического анализа). Р-н/Д., 1999. С. 4.
[4] Железкин В. Г. Патернализм в государственной горнозаводской промышленности Урала в XIX веке // Металлургические заводы и крестьянство… С. 96.
[5] Новейший словарь иностранных слов и выражений. Минск, М., 2001. С. 611.

Л. А. Дашкевич систематизировала основные черты системы патерналистских отношений в социальной сфере на уральских горных заводах XVIII – первой половины XIX века. Она обоснованно отнесла к ним финансирование бюджетов социального страхования и обеспечения в основном на нестраховых принципах, когда расходы по ним возмещались из текущей прибыли предприятий или доходов владельцев зависимого населения; добросовестное выполнение производственных обязанностей и лояльность по отношению к работодателю или хозяину, как основное условие получения нуждающимися пенсий и благотворительных пособий; бесплатное провиантское обеспечение как наиболее распространенный вид защиты[1].

В современной историографии высказаны различные мнения по времени утверждения патерналистских отношений на горнозаводском Урале. Д. А. Редин указал на зарождение начал социального попечительства (обеспечение продовольствием, пенсии, элементы медицинского и социального обслуживания) на частных заводах региона уже во второй половине XVIII века. По его мнению, это было одной из причин установления неустойчивого равновесия («определенной сбалансированности») между государственной властью, заводовладельцами и рабочими[2].

С. В. Голикова считает, что патерналистские установки о попечении владельца заводами над своими подданными исходили не только от государства, но и сформировались в вотчине и поместье, а затем были адаптированы к действительности горных округов. По ее мнению, система социальной помощи населению уральских заводов уже во второй половине XVIII в. даже «не делала первые шаги, а успешно функционировала»[3].

---

[1] Дашкевич Л. А. Управление делом «общественного призрения» в Пермской губернии XVIII – первой половине XIX веков // Первые Чупинские краеведческие чтения. Екатеринбург, 2001. С. 61–62.

[2] Редин Д. А. Власть, заводовладельцы, рабочие: проблема взаимоотношений во второй половине XVIII в. (на примере уральской частной металлургии): дис. … канд. ист. наук. Екатеринбург, 1995.

[3] Голикова С. В. Документ 1786 года и политика попечительства на частных уральских заводах в XVIII веке // Урал в прошлом и настоящем: Материалы научной конференции. Ч. 1. Екатеринбург, 1998. С. 229–231.

Эта точка зрения вызвала обоснованные возражения. По мнению Е. Г. Неклюдова, Д. А. Редин, правильно определив направление развития социальных отношений в уральской горнозаводской промышленности, существенно ускорил наступление здесь стадии «относительного социального мира». Он достиг своего расцвета во многих округах лишь в первой половине XIX в. и никогда не был всеобщим[1].

С Е. Г. Неклюдовым фактически солидарна Н. Н. Алеврас. Она считает, что социальная напряженность в регионе достигла особого накала именно во второй половине XVIII века. Становление политики патернализма наложилось на существующие представления о «выстраданности» горнозаводского дела. Это требовало создания системы определенных привилегий, как своеобразной платы за прежний крепостной труд. Сложившуюся систему патернализма она попыталась ввести в контекст сформировавшейся здесь специфической горнозаводской культуры[2]. На этот ментальный аспект ранее обращал внимание и В. А. Шкерин[3].

Точка зрения об утверждении «новой социальной среды» на горнозаводском Урале в первой половине XIX в. представляется нам более убедительной. Ее важнейшей составной частью на Урале стало организация и деятельность системы заведений социальной инфраструктуры.

Укрепление патерналистских ценностей на уральских горных заводах было вызвано перманентным государственным давлением, основанным на распространении определенных идей, сформулированных теоретиками европейского и российского консерватизма в первой половине XIX века. В среде просвещенных руководителей горного ведомства и заводовладельцев получила распространение теории патернализма (патроната), которая являлась одной из разновидностей охранительной идеологии. Взгляды видных теоретиков российского консерватиз-

---

[1] Неклюдов Е. Г. Уральские заводчики. С. 29.

[2] См.: Алеврас Н. Н. «Заперты мы на заводе»: локальный мир горнозаводской культуры дореволюционного Урала // Горизонты локальной культуры Восточной Европы в XIX–XX веках. Челябинск, 2003. С. 57–69; Алеврас Н. Н. Уральский регион: историко-культурное единство или многообразие? // Урал в контексте российской модернизации. Челябинск, 2005. С. 38–45.

[3] См.: Шкерин В. А. Социальное самосознание уральских рабочих первой половины XIX в. (по материалам прошений): дис. … канд. ист. наук. Екатеринбург, 1992. С. 113–116.

ма Н. М. Карамзина и С. С. Уварова во многом основывалась на подобных постулатах.

В цельном виде теорию патроната разработал в своем труде «Основная конституция человеческого рода» известный французский экономист, профессор Парижской горной школы Пьер Ле-Пле[1]. Одним из образцов ее реализации он считал Нижнетагильский округ Демидовых[2].

Здесь становление системы патернализма было во многом связано с личностным фактором – периодом управления Николая Никитича Демидова (1791–1828). Именно при нем социальная инфраструктура округа оформилась в определенную систему, получившую дальнейшее развитие при его наследниках. Параллельно заводовладелец активно формировал патерналистское сознание в своих уральских владениях[3].

Подобное мировоззрение было характерно и для ряда других заводовладельцев региона. А. С. Строганов в «Инструкции для Главного правления» предписал «заботиться о благосостоянии всех ему порученных людей», заявляя, что желает быть для своих крепостных «более отцом, нежели господином»[4]. По мнению Е. Г. Неклюдова, патерналистскую политику проводили или пытались проводить многие крупные заводовладельцы региона[5].

Утверждение патерналистских ценностей способствовали меры государственного принуждения. Новое горное законодательство 1806 г. обязывало горные власти и заводовладельцев содержать собственные заведения социальной инфраструктуры: медицинские, учебные, общественного призрения. В первой половине XIX в. эти нормы прочно утвердились и получили дальнейшее развитии в ведомственной нормативной базе.

---

[1] См.: Неклюдов Е. Г. К вопросу об особенностях. С. 86.
[2] См.: Абатуров И. Н. Патернализм в цивилизационном плане: практическое осуществление на Урале и леплезианское осмысление // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург, 2009. Вып. 10. С. 3–4.
[3] Подробнее см. параграф: Патерналистская концепция Н. Н. Демидова // Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура Нижнетагильского.
[4] Цит. по: Мезенина Т. Г. Указ. соч. С. 161.
[5] Неклюдов Е. Г. Уральские заводчики в первой половине XIX в. С. 277.

Государственный контроль над частными заводами, в том числе за развитием здесь социальной инфраструктуры, усилился после вступления на престол Николая I. Патерналистская идеология в России, имевшая глубокие исторические корни, достигла своего расцвета в период его 30-летнего правления[1]. Определившейся тенденцией стало усиление контроля и регламентации большинства сторон жизни общества. Вотчинная власть и управление поместьями, в определенной мере, стали рассматриваться как разновидность государственной службы. Инструкция Министерства внутренних дел 1826 г. предписывала помещикам относиться «к крестьянам по-христиански и согласно законам». Предводителям дворянства вменялось в обязанность наблюдать за помещиками и информировать власти о нарушениях. Превышавших свои права помещиков привлекали к суду или забирали их имения в опеку. Подобное положение было распространено и на заводовладельцев, в массе своей имевших многочисленных крепостных.

В качестве яркого проявления государственного принуждения приведем секретное предписание министра финансов от 13 сентября 1827 г. главному начальнику уральских горных заводов. Он указал через заводских исправников обязать частных заводчиков, но без всякой огласки, «подписками», чтобы они «по долгу христианских владельцев входили в положение горнорабочих, по совести положили им достаточное содержание, устраняя всякие жестокости и притеснения, под опасением взятия их заводов в казенный присмотр». Владельцам предписывалось, в том числе заботиться о больных и «иметь попечение о людях, которые не в состояние обеспечить себя пропитанием»[2].

Вскоре эти положения получили оформление в нормативной базе. 26 ноября 1840 г. издан указ, позволявший горным властям устанавливать казенный при-

---

[1] См., например: Ермоленко Т. Ф. Указ. соч.
[2] ГАСО. Ф. 43. Оп. 3. Д. 131. Л. 1об.–2.

смотр над частными заводами, «в случае справедливых жалоб рабочих людей на недостаточное и стеснительное содержание со стороны владельца»[1].

Значительную роль в рассматриваемых процессах сыграли и механизмы ведомственного принуждения и контроля. Руководители горнозаводской промышленности осуществляли постоянное давление на заводовладельцев в социальной сфере. Они последовательно настаивали на создании в их хозяйствах различных заведений социальной инфраструктуры (обычно по образцу действовавших на казенных предприятиях), их достойном содержании.

В целом оформление патерналистских ценностей на горнозаводском Урале стало результатом сложных процессов. Здесь постепенно складывался компромиссный симбиоз, удовлетворявший противоречивые интересы государства, ведомства, заводчиков и работников. Система заведений социальной инфраструктуры была создана и в целом успешно развивалась как под воздействием различных форм государственного принуждения, так и осознания ее необходимости и обоснованности руководства горного ведомства и многими заводовладельцами. Она была призвана смягчить межклассовые, межсословные и внутрисословные противоречия в горных округах региона.

По обоснованному мнению Е. Г. Неклюдова, крепостничество, на основе которого строились производственные отношения в горнозаводской промышленности Урала, в первой половине XIX в. уже нуждалось по меньшей мере в дополнительных стимулах. Это требовало от казны и заводчиков осознания и проведения особого (и очень затратного) патерналистского курса в социальной политике, который в тех условиях являлся единственным эффективным средством поддержки производительного использования труда крепостных[2].

Формирование «новой социальной среды» стало своеобразным ответом на вызовы, вставшие перед горнозаводской промышленностью Урала, а также следствием формирования разнообразных социальных потребностей и интересов ее

---

[1] Неклюдов Е. Г. Государство и уральские заводчики: формы «нехозяйственного» управления горнозаводскими округами Урала в первой половине XIX века // Уральский исторический вестник. 2005. № 10–11. С. 62.

[2] Неклюдов Е. Г. Уральские заводчики в первой половине XIX в.: владельцы и владения: дис. … докт. ист. наук. Екатеринбург, 2004. С. 299.

работников. Утверждение системы патерналистских отношений происходило в период начавшейся в горнозаводской промышленности Урала промышленной революции. Она способствовала формированию новых требований к работникам, прежде всего, их квалификации.

Современные методологические подходы дают возможность, в том числе по-новому оценить многие аспекты крайне болезненного для России «рабочего вопроса», ранее остававшиеся в тени. Они позволяют отойти от ряда стереотипов, задававшимися жесткими идеологическими рамками, объективно взглянуть на проблемы относительной социальной стабильности российского общества в дореформенный период.

После отмены крепостного права социальная инфраструктура горнозаводских хозяйств Урала подверглась масштабной трансформации. Патерналистский традиционалистский ценностный комплекс все более пронизывался и постепенно размывался также идущим от почвы этатизмом, который включал и постоянно возрастающие требования, обращенные к государству как главному источнику потребительских благ и ресурсов.

В научном дискурсе этатизм в России рассматривается преимущественно как концепция государственной власти, абсолютизирующая организационно-мобилизующую роль государства в системе социального взаимодействия, а также как процесс огосударствления общественных отношений, обусловливающий экспансию государства в разнообразные сферы социального и индивидуального бытия. Он, как и патернализм, рассматривается как культурный маркер цивилизационной идентичности в России[1].

В пореформенный период в империи проводилось постепенное свертывание ведомственных и частных систем заведений социальной инфраструктуры, переход основных функций социальной сферы в ведение государственной власти и местного самоуправления. Эти процессы отражали потребность народа в опеке со

[1] См.: Лубский А. В., Лубский Р. А. Указ. соч. С. 95.

стороны государства, в гарантиях социальной помощи и защиты, которые он рассматривает как нечто априорное, как обязательную функцию власти и общества[1].

Россия была модернизирующейся страной, отвечавшей на исторический вызов европейской цивилизации. Во второй половине XIX в. поиски решения обострившихся социальных проблем стояли на повестке дня практически для всех европейских элит. Самый значительный исторический шаг в сторону «государства всеобщего благоденствия» был сделан имперским германским правительством О. фон Бисмарка. Начатые здесь в 1880-х гг. реформы в социальной сфере стали своеобразным образцом для руководства целого ряда стран. Роль государства существенно возросла, но ответственность по социальной защите работников возлагалась на промышленников и профессиональные ассоциации. Этот опыт пытались учесть и в Российской империи[2].

Здесь с 1880-х гг. к традиционным для страны патерналистским методам постепенно прибавляются черты социального мышления в рамках проводимой властью «консервативной модернизации». В решении социальных вопросов в Российской империи в пореформенный период времени применяется сочетание патерналистской и этатисткой традиций[3].

В целом патернализм и этатизм были структурами цивилизационного архетипа России. Это во многом объясняет специфику модернизации горнозаводской промышленности империи. Организация и деятельность собственной системы заведений социальной инфраструктуры на горнозаводском Урале базировалась на традиционалистском комплексе, адаптируясь к существующей реальности, ее культуре и ценностям. Это предопределило сложность и противоречивость модернизационных преобразований в рассматриваемой сфере.

Следует выделить и более частные современные подходы к исследованию всех трех составляющих социальной инфраструктуры горнозаводских хозяйств России XIX века.

---

[1] См.: Ермоленко Т. Ф. Патерналистские контуры российской цивилизации. Р-н/Д., 1999. С 11.
[2] См., например: Степанов В. Л. Социальное законодательство О. фон Бисмарка и законы о страховании рабочих в России // Отечественная история. 1997. № 2. С. 59–73.
[3] См.: Филиппова Т. Реформа и реформатор: лук для Робин Гуда // Родина. 2006. № 9. С. 2–7.

История медицины вышла далеко за пределы привычной истории дисциплины – нарратива о накоплении медицинских знаний и эволюции медицинской техники. Развиваясь в русле социокультурных подходов, она рассматривает медицину в качестве неотъемлемой части культуры общества, его социальной практики и представлений о себе самом. История медицины стала исследовательским полем на стыке многих научных дисциплин[1].

В методологическом плане уместно заимствование термина «медикализация», появившегося во Франции в 1970-х гг. и получившего широкое распространение в мире. Под ним понимается два процесса: во-первых, постепенного втягивания все большего числа людей в сеть медицинского обеспечения; во-вторых, «рационализации поведения» человека по отношению к собственному телу. Этому во многом соответствовала профессионализация людей, занимавшихся лечением, а вместе они составляли еще более глобальный процесс модернизации общества[2]. Вышеназванные процессы прослеживаются и в развитии горнозаводской медицины Урала XIX столетия.

В исследовании сферы народного образования утверждается понимание чрезвычайной сложности ее организации и деятельности в России. В XIX в. целый ряд ведомств не только создали свои собственные системы учебных заведений, но и нередко проводили самостоятельную образовательную политику[3]. Это касается и влиятельного Министерства финансов.

При изучении сферы заведений общественного призрения некоторые методологические проблемы создает дискуссионность ключевых дефиниций. По нашему мнению, самым удачным является определение благотворительности, предложенное А. Р. Соколовым: «добровольная, факультативная социальная деятельность, связанная с безвозмездной передачей материальных ценностей, в том числе созданных трудом в процессе самой благотворительной деятельности, направленная на достижение большего социального благополучия». Здесь принципиальным

---

[1] См.: Афанасьева А. Э. История медицины как междисциплинарное исследовательское поле // Историческая наука сегодня: Теория, методы, перспективы. М., 2012. С. 437.
[2] См.: Шлюмбом Ю., Хагнер М., Сироткина И. История медицины: актуальные тенденции и перспективы // Болезнь и здоровье. С. 21.
[3] См.: Днепров Э. Д. Указ. соч. Т. 2. С. 23–25.

моментом является то, что как только какое-либо благотворительное учреждение попадает в сферу государственного регулирования и финансирования, оно меняет свою социальную природу, становясь частью системы государственного призрения или социального обеспечения. При этом в Российской империи XIX в. государственная система призрения и благотворительность часто выступали в формах смешанных, пограничных, в которых различные по своей социальной природе компоненты находятся в сложной взаимосвязанности[1].

Подобное противоречивое положение было характерно и для заведений общественного призрания в горнозаводских хозяйствах Урала, в том числе частных. Даже к ним, не говоря уже о богадельнях в казенных округах, не представляется оправданным применять термин «благотворительность». Здесь попечение заводовладельцев о рабочих, по формам абсолютно воспроизводившее благотворительные передачи, нередко было регламентированной законом и региональными постановлениями системой обязательных выплат. Оно во многом было основано не на их добровольных побуждениях, а на государственном принуждении, а также вынужденных уступках требованиям времени и обеспечению себя физически здоровой рабочей силой[2].

Даже деятельность горнозаводчиков Урала в сфере общественного призрения нельзя назвать благотворительностью в «полном смысле этого слова», так как она не была бескорыстной помощью частным лицом. Г. Н. Ульянова обосновала критерии для разграничения понятий «общественное призрение» и благотворительность», источникам финансирования и институциональному оформлению помощи[3].

В заключение анализа методологии исследования отметим феномен так называемых модернизационных «ловушек». В них общество могут завести быстрые нерегулируемые изменения и усиливающиеся структурные диспропорции[4]. По мнению диссертанта, формирование обширной системы заведений социальной

---

[1] Соколов А. Р. Указ. соч. С. 80.
[2] См.: Орлов П. А. Становление системы социального обеспечения.
[3] См.: Ульянова Г. Н. Указ. соч. С. 19.
[4] Гринин Л. Е. Мальтузианские и модернизационные ловушки // Проблемы экономической истории: теория и практика. Екатеринбург, 2011. С. 114–115.

инфраструктуры на уральских горных заводах привело и к появлению различных потенциальных модернизационных ловушек. У местного населения стремление обладать материальными благами зачастую воплощалось в самых различных формах, в том числе не связанных с производительным трудом[1].

Конкретная методика исследования включает в себя классические методы познания, нашедшие распространение в современной исторической науке. Базовым принципом выступает системный подход. В горнозаводской промышленности Урала, являвшейся сложноорганизованными по структуре и функциям системой, заведения социальной инфраструктуры стали важной составной частью и в казенных, и в частных округах.

Динамическая типология направлена на выявление качественных стадий изучаемого объекта, который рассматривается как единое целое. В ее рамках решаются задачи изучения генезиса явления. В рамках историко-генетического подхода диссертант исследует эволюцию конкретного исторического объекта, начиная с его становления как системы и до масштабной трансформации в новых исторических условиях. Это позволяет осмыслить уникальность исторических практик организации и деятельности заведений социальной инфраструктуры и ее специфических вариаций. В результате воссоздается цельная картина развития явления, отражающая как его общие, так и индивидуальные черты[2].

Ключевая роль в исследовании отводится историко-сравнительному (компаративистскому) методу. Организация и деятельность социальной инфраструктуры на горнозаводском Урале в казенных и частных хозяйствах имела как общие черты, так выраженные особенности.

---

[1] См.: Черноухов Э. А. Модернизационная «ловушка» … С. 122–125.
[2] См.: Мазур Л. Н. Методы исторического исследования. Екатеринбург, 2010. С. 413, 477–478, 486.

ГЛАВА 2. СОЦИАЛЬНАЯ ИНФРАСТРУКТУРА В КАЗЕННЫХ ОКРУГАХ

2.1. МЕДИЦИНСКИЕ ЗАВЕДЕНИЯ

На протяжении всего XVIII в. в штатах по медицинской части казенных заводов Урала фактически определялись средства только на содержание нескольких врачей и лекарских учеников. Поэтому здесь до начала 1790-х гг. фактически действовали только три заводских госпиталя[1] для стационарного лечения больных в Екатеринбурге, Мотовилихинском и Воткинском поселках. При остальных казенных заводах региона реально имелись только приемные покои для оказания амбулаторной помощи.

У медицинских заведений при казенных горных заводах Урала на рубеже XVIII–XIX вв. было двойное ведомственное подчинение. Они находилась в ведении губернских Врачебных управ, созданных в 1797 г. Эти органы получили широкий круг полномочий, в том числе надзора за состоянием всех госпиталей и аптек в губернии, приема и увольнения их персонала. В тоже время непосредствен-

[1] В отечественной исторической науке отсутствует общепринятая терминологии по названию медицинских заведений для стационарного лечения для XIX века. В источниках этого периода они именовались по-разному: госпиталь, больница, лазарет (последнее обычно употреблялось по отношению к военным заведениям). В качестве синонимов эти названия традиционно употребляются и в научной литературе. По мнению Т. Ю. Шестовой, в частных округах и имениях Урала было принято называть «госпиталем» центральное лечебное заведение, а прочие – больницами. Однако в большинстве отчетов руководителей горных округов, заводских исправников, правлений и контор не прослеживается каких-либо четких критериев различия между ними. Нам представляется логичным использовать термины госпиталь и больница как синонимы.

ное руководство и финансирование медицинской сферы казенных заводов Урала осуществляли горные власти.

Казенные госпитали и аптеки действовали на основании периодически обновляемых заводских штатов. Они определяли состав, местонахождение и финансирование заведений, количество и содержание их персонала. В 1797 г. на медицинскую сферу казенных заводов региона, в которой служило 16 человек, было истрачено 2 312 руб. Эти показатели в целом соответствовали штатным положениям 1760 г. (см. Таблицу № 1).

Таблица № 1

Штаты медицинской части

казенных горных заводов Урала 1760 и 1798 гг.[1]

	Штат 1760 г.	Штат 1798 г.
Персонал (человек, включая прислугу)	20	38
Содержание (руб.)	2 570	3 913

Главный начальник воссозданной в 1797 г. Канцелярии Главного заводов правления А. С. Ярцов предоставил в Берг-коллегию новый штат по медицинской части казенных предприятий. Он был утвержден 9 июня 1798 года. По новому штату содержание казенной горнозаводской медицины на Урале было увеличено в 1,5 раза: до 3 913 руб. (см. Таблицу № 1).

Подавляющая часть средств, определенных медицинским штатом 1798 г., предназначалась для оплаты труда персонала – 3 513 рублей. Оставшаяся сумма (400 руб.) выделялась на покупку медикаментов и хозяйственные нужды.

Важнейшим дополнительным источником финансирования медицинской сферы при казенных горных заводах Урала традиционно были обязательные вычеты из жалования работников: по 1–2,5%, в зависимости от должности. Кроме того, в период нахождения в госпитале, у рабочих удерживали часть жалования и провианта.

[1] Составлено автором по: ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 3114. Л. 15; Ф. 40. Оп. 1. Д. 1. Л. 7–10об.

Подчеркнем во многом аналогичный характер организации военной медицины Российской империи на рубеже XVIII–XIX вв. Определением Военной коллегии от 17 марта 1798 г. было предписано учредить при всех армейских пеших и конных полках империи полевые и гарнизонные лазареты, не выделяя особых сумм на их содержание. Они должны были финансироваться за счет самих военнослужащих. Во время нахождения в лазарете (госпитале) у них удерживали половину жалования и весь провиант[1], а у здоровых вычитали по копейке с каждого рубля жалования[2].

А. С. Ярцов добился централизованного контроля средств, выделяемых на медицинские заведения и их персонал. Все деньги, в том числе собираемые с больных, должны были проводиться через Главное заводское казначейство[3]. А. С. Ярцов требовал, чтобы заводские врачи ежемесячно присылали сведения о результатах своей деятельности в Канцелярию главного заводов правления.

В тоже время, в соответствии с инструкцией Медицинской коллегии и указом Берг-коллегии от 30 декабря 1797 г., представители губернских Врачебных управ, могли производить инспектирование всех действовавших заведений на своей территории (на частных заводах только с согласия их владельцев). Во время этих проверок они контролировали содержание госпиталей и аптек, снабжение их медикаментами, квалификацию персонала.

В 1802 г. инспектор Пермской Врачебной управы Иоганн (Федор) Христофорович Граль дважды посетил казенные горные заводы Урала. В отчетах он отметил ветхость и тесноту многих действовавших здесь госпиталей, но похвалил их персонал[4]. И. Ф. Граль регулярно, ссылаясь на п. 26 Инструкции Врачебной управы, инспектировал заведения медицинской сферы на казенных заводах и в дальнейшем, вплоть до принятия Проекта Горного положения 1806 г.[5]

---

[1] Это положение были установлено еще «Регламентом о госпиталях» 1735 года.
[2] Собрание российских законов о медицинском управлении. Ч. 2. СПб., 1828. С. 234–236.
[3] См.: Тулисов Е. С. Указ. соч. С. 212–213.
[4] ГАПК. Ф. 673. Оп. 1. Д. 6. Л. 62–63об., 213–214об.
[5] ГАСО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 40. Л. 13–14; ГАПК. Ф. 673. Оп. 1. Д. 7. Л. 62–65, 223–224; Д. 8. Л. 45–48об.

Похожим было положение и в соседней Вятской губернии. Инспектор ее Врачебной управы С. Либошиц в 1801 и 1805 гг., осмотрев медицинские заведения Воткинского и Ижевского казенных заводов, потребовал устранения выявленных недостатков[1].

Пермская Врачебная управа также запрашивала от заводских врачей регулярных отчетов[2]. Ее члены утверждали каталоги медикаментов, необходимых для казенных горных заводов, давали согласие на предоставление отпусков их медицинскому персоналу. Медики казенных горных заводов должны были во время отсутствия или болезни уездных врачей по требованию судов участвовать в освидетельствовании трупов[3].

Такое двойственное подчинение медицинской сферы при казенных горных заводах Урала не способствовало четкой регламентации. Так, в октябре 1802 г. начальник Гороблагодатских и Пермских заводов А. Ф. Дерябин запросил сведения о нормативной базе деятельности подчиненного ему медицинского персонала в Пермской Врачебной управе. В ее ответе сообщалось, что никаких особых предписаний на этот счет не имеется[4].

Материально-техническое состояние немногочисленных медицинских заведений при казенных горных заводах Урала на рубеже XVIII–XIX вв. было плачевным. А. С. Ярцов в рапорте директору Берг-коллегии М. Ф. Соймонову от 10 ноября 1798 г. отмечал, что не нашел в заводских госпиталях «ничего, что могло сохранить здоровье мастеровых». Он объяснял это недостатком средств на медицинскую часть, определенных действующими штатами (еще 1760 г.). Их постоянно не хватало, в том числе из-за роста количества работников и значительного повышения цен[5].

Немногочисленные казенные заводские госпитали Урала ютились во временных неприспособленных помещениях. Как уже отмечалось, часть из них реально

---

[1] ГАКО. Ф. 633. Оп. 3. Д. 74. Л. 373–375.
[2] ГАПК. Ф. 673. Оп. 1. Д. 5. Л. 164–165.
[3] ГАКО. Ф. 633. Оп. 3. Д. 68. Л. 3–3об.; 18–18об., 124.
[4] ГАПК. Ф. 673. Оп. 1. Д. 6. Л. 254.
[5] ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 3114. Л. 2–3.

представляла собой не более чем приемные покои, где не производилось стационарного лечения.

К тому же главный начальник Канцелярии в 1798 г. отмечал, что каменное здание Екатеринбургского госпиталя занято тюремным «замком», и вернуть его горные власти не могли. Поэтому для стационарного лечения больных здесь вынуждено использовали неприспособленные деревянные помещения[1].

Еще хуже было положение в перешедших в казну Богословских заводах, где штатного финансирования медицины не предусматривалось. Их руководство отмечало, что госпитали здесь должны были содержаться на «остатки из штатных сумм», которых реально просто нет. Поэтому давно назревший ремонт помещений медицинских заведений не производился[2].

Подобные весьма нелицеприятные оценки содержатся и в отчетах членов Пермской врачебной управы. Так, в декабре 1798 г. ее оператор М. Л. Гамалея, проводивший инспекцию медицинских заведений губернии, отметил очевидную необходимость отдельного размещения больных с различными заболеваниями в госпиталях горных заводов. Но это было совершенно нереально сделать в тесных помещениях, в которых они располагались[3].

Замечания инспектора Пермской Врачебной управы И. Ф. Граля, ежегодно посещавшего горные заводы губернии, регулярно повторялись. В 1805 г. он вновь отметил, что помещения шести из восьми осмотренных госпиталей казенных заводов Пермской губернии крайне ветхи и тесны, в большинстве из них не хватает необходимых инструментов и вещей[4].

Важнейшая роль в улучшении медицинского обслуживания на горных заводах закономерно отводилась квалифицированному персоналу: аттестованным врачам и аптекарям, а также среднему и младшему – лекарским и аптекарским ученикам

---

[1] Корепанов Н. С. Очерки истории Екатеринбурга 1781–1831 гг. Екатеринбург, 2004. С. 53; ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 3114. Л. 2. Только после строительства нового тюремного «замка» в Екатеринбурге в 1827–1831 гг. это здание было возвращено заводскому госпиталю, в котором он и располагался до середины 1850-х гг.

[2] ГАПК. Ф. 673. Оп. 1. Д. 8. Л. 138–139.

[3] Там же. Д. 2. Л. 102–102об.

[4] ГАСО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 40. Л. 13–14; ГАПК. Ф. 673. Оп. 1. Д. 7. Л. 62–65, 223–224; Д. 8. Л. 45–48об.

(фельдшерам). Их количество для казенных горных заводов Урала на рубеже XVIII–XIX вв. определяли вышеназванные штаты. Но реально обеспечить медицинские заведения необходимым квалифицированным персоналом было крайне сложно.

Ведь в 1802 г. во всей Российской империи служило всего 1 519 врачей, из которых 640 находились на военной службе[1]. В другие ведомства их традиционно распределяли по остаточному принципу.

Но даже в находившихся в привилегированном положении военных госпиталях империи в 1808 г. по штатам не хватало 353 врача. Поэтому министр внутренних дел А. Б. Куракин издал специальное распоряжение об активном приглашении на российскую службу иностранных медиков. Через три месяца в его новом указании разрешалось принимать даже врачей-евреев, имевших надлежащие свидетельства и опыт[2].

Горные власти Урала пытались решить проблему недостатка аттестованных врачей различными путями, в том числе за счет совместительства. Так, до 1798 г. за госпиталями Камских заводов (Ижевским и Воткинским) присматривал сарапульский уездный врач[3].

При открытии Канцелярии главного заводов правления в 1797 г. на казенных горных предприятиях было всего три врача (вместо пяти по штату) и 10 лекарских учеников[4]. Причем количество медицинского персонала даже уменьшилось в сравнении с 1794 г., когда их числилось соответственно 3 и 12[5].

По новому Штату медицинской части уральских казенных горных заводов 1798 г. количество ставок аттестованных врачей не увеличивалось. Их осталось всего пять: доктор и штаб-лекарь[6] в Екатеринбурге и три лекаря для Пермских,

---

[1] Мирский М. Б. Указ. соч. С. 181.
[2] РГИА. Ф. 1297. Оп. 9А. Д. 2. Л. 23, 30об., 304–306.
[3] Кнельц В. Ф. Деятельность врачей первой половины XIX в. на территории современной Удмуртии // Советское здравоохранение. 1980. № 10. С. 55.
[4] См.: Тулисов Е. С. Указ. соч. С. 213–219.
[5] ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 3112. Л. 11–12.
[6] До 1845 г. звание штаб-лекарь могло быть не только профессиональным, но и служебным. См.: Булгакова Л. А. Служебные права врачей в царствование Николая I // Из истории русской интеллигенции. СПб., 2003. С. 366.

Екатеринбургского и Березовского заводов. Не было повышено и жалование большинства из них.

В тот период штатные годовые оклады врачей на казенных горных заводах Урала (доктор – 600; штаб-лекарь – 350; лекарь – 250 руб.) были сопоставимы с получаемыми медиками, служившими в других ведомствах. Оператор Пермской Врачебной управы И. В. Протасов получал годовое жалование 500 руб. и по совместительству служил на Мотовилихинском заводе (еще за 300)[1]. Уездные врачи имели оклад 300 руб., а полковые – 200–350 руб. (в зависимости от класса) и 36 руб. – на провиант[2].

Но по новому штату медицинской части 1798 г. врачи, служившие на казенных горных заводах Урала, потеряли важное преимущество – разрешение на совместительство. Оно было получено ими по инициативе пермского наместника Е. П. Кашкина. Так, екатеринбургскому заводскому доктору Ф. Кроку ранее разрешалось совмещать эту должность со службой верхотурским уездным врачом с сомнительной формулировкой «по недалекому от Екатеринбурга расстоянию» (при существовавших в тот период транспортных коммуникациях путь до Верхотурья в 300 км представляется нам весьма значительным). В результате он, кроме основного годового оклада в 600 руб., получал еще 300[3].

Из-за климатических условий и контингента работников особо тяжелой считалась служба на самых северных казенных горных заводах региона – Богословских. Но годовой оклад их врача (назначенный из сверхштатных доходов) был всего 205 рублей. Служивший здесь штаб-лекарь Г. С. Носов имел персональную надбавку, повысившую его жалование до 400 рублей. С 1801 г. он настойчиво добивался перевода из госпиталя Турьинских рудников в уездные врачи. Об этом стал просить и его преемник – лекарь М. Г. Балановский[4].

На рубеже XVIII–XIX вв., кроме Г. С. Носова, добились перевода с горной службы в уездные врачи еще трое: штаб-лекарь П. Морозов и лекарь П. Карпов –

---

[1] См.: Селезнева В. Т. Штаб-лекарь И. В. Протасов. Пермь, 1962.
[2] ГАПК. Ф. 673. Оп. 1. Д. 6. Л. 254; ГАКО. Ф. 633. Оп. 3. Д. 68. Л. 22.
[3] ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 3112. Л. 12–14об.
[4] ГАПК. Ф. 673. Оп. 1. Д. 5, 6. Г. С. Носов продолжил службу верхотурским и оханским уездным врачом, а М. Г. Балановский оставался в Богословском округе до своей смерти в 1818 г.

в Верхотурский уезд (в 1798 г.), штаб-лекарь Д. Зоммер – в Красноуфимский (1801)[1]. В тот период времени условия службы в этой должности считались более привлекательными. При примерно одинаковом окладе с врачом на казенном заводе уездный врач обычно имел больше перспектив для доходной частной практики. Ведь он зачастую оставался единственным аттестованным медиком в уезде.

Следует отметить, что подобным было положение и на других казенных горных предприятиях Российской империи, в том числе Олонецких, расположенных в непосредственной близости от столицы. Здесь только на Александровском заводе в середине XVIII в. создали небольшой госпиталь, но и в нем обычно не было аттестованного врача[2].

На казенных горных заводах Урала не хватало и квалифицированного среднего и младшего медицинского персонала. В 1798 г. Канцелярия Главного заводов правления потребовала от Пермской врачебной управы отправить в ее распоряжение лекарских учеников – выходцев из заводских мастеровых. После проверки их знаний достойных специалистов планировалось определить на службу по горному ведомству[3]. Однако врачебная управа согласилась вернуть на заводы только лиц, «не состоящих в должностях» в городах губернии[4].

В целом к концу XVIII в. медицинская сфера на казенных горных заводах Урала не соответствовала требованиям времени. Это касалось всех аспектов ее организации и деятельности: нормативной базы, сети заведений, их материально-технического состояния, количества и уровня подготовки персонала.

Начало существенных перемен в медицинской сфере было связано с очередными реформами ведомства. После воссоздания Берг-коллегии в 1797 г. на Урале восстановили Канцелярию Главного заводов правления. Этот орган осуществлял руководство казенными и частными горными заводами региона до 1802 г.

---

[1] Тулисов Е. С. Указ. соч. С. 216–217; ГАПК. Ф. 673. Оп. 1. Д. 5. Л. 23об.–24.
[2] Балагуров Я. А. Указ. соч. С. 174.
[3] Шестова Т. Ю. Здравоохранение Урала в XVIII – начале XX в. С. 54.
[4] ГАПК. Ф. 673. Оп. 1. Д. 2. Л. 77–77об.

Как уже отмечалось, главный начальник С. Ярцов добился принятием новых Штатов 1798 г., увеличивших финансирование медицинской сферы в 1,5 раза. После этого он активно занялся совершенствованием ее организации и деятельности.

Для нового корпуса Екатеринбургского госпиталя был куплен шестистенный сруб. В 1800 г. было восстановлено полноценное медицинское заведение для стационарного лечения на Березовских золотых промыслах. В том же году была завершена постройка деревянного госпиталя в Кушвинском заводе[1].

В стационарных медицинских заведениях предполагалось организовать правильное питание больных. До этого пищу им приносили родственники. По новому штату 1798 г. в имевшихся госпиталях почти вдвое увеличивалось количество обслуживающего персонала. Здесь появились ставки комиссара, ответственного за хозяйственную часть, а также повара с помощником. С самих больных, в случае их стационарного лечения в госпитале, вычитали половину жалования и провианта на организацию их содержания и питания[2].

Постепенно А. С. Ярцову удалось увеличить численность квалифицированного медицинского персонала в подчиненных ему госпиталях. На рубеже XVIII–XIX вв. практически единственным реальным способом найти врачей для горных заводов было привлечение из других ведомств.

А. С. Ярцов сумел обеспечить перевод на уральские казенные горные заводы пятерых военных медиков: штаб-лекарей Ф. Я. Гессена, Г. М. Громницкого и И. И. Паша, лекарей И. Ф. Варвинского и И. Т. Воскобойникова. После смерти Ф. Крока в 1798 г. на должность екатеринбургского доктора был определен уездный врач – доктор медицины А. Ф. Фелькнер. В результате, вместе с уже служившими здесь штаб-лекарями Г. С. Носовым и Д. К. Зоммером, лекарями К. Т. Решетниковым и М. Г. Балановским (см. Приложение № 17) на казенных горных заводах Урала в 1802 г. стало 10 аттестованных врачей, то есть вдвое больше, чем определял штат 1798 года. Поэтому половина из них содержалась за счет сверхштатных доходов.

---

[1] ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2003.
[2] Там же. Ф. 24. Оп. 12. Д. 3114. Л. 12.

В условиях нехватки аттестованных врачей медицинскую помощь населению в небольших заводских поселках традиционно оказывали лекарские ученики. В частности, для этого в 1801 г. подлекарь М. А. Зубринский каждую субботу «командировался» в Нижнеисетский завод[1].

В целом в период управления уральскими горными заводами главного начальника А. С. Ярцова (1797–1802) на казенных предприятиях удалось существенно улучшить состояние медицинской сферы. По новому штату 1798 г. ее финансирования возросло в полтора раза. Это позволило обустроить ряд новых помещений для госпиталей, существенно увеличить их персонал, улучшить организацию питания пациентов.

26 марта 1802 г. на Урале была произведена очередная реорганизация управления горнозаводской промышленностью. Вместо ликвидированной Канцелярии Главного заводов правления были созданы три горных начальства: Екатеринбургское, Пермское и Гороблагодатское. В инструкциях, данных их начальникам И. Ф. Герману и А. Ф. Дерябину, об организации деятельности существующих медицинских заведений ничего не говорилось.

По именному указу министра финансов от 8 июня 1804 г. количество ставок врачей на казенных заводах Урала было увеличено втрое: с 5 до 15. При этом существенно повышалось их жалование. В дополнение к уже определенным специалистам следовало иметь доктора для Кушвинского завода (с окладом в 700 руб.), штаб-лекарей в Юговский и Ижевский (по 600 руб.), лекарей в Воткинский, Нижнетуринский, Серебрянский и Пыскорский (по 450 руб.), младших лекарей в Верхнетуринский, Баранчинский и Мотовилихинский заводы (по 350 руб.)[2].

В результате врачи должны были появиться на всех крупных казенных горных предприятиях региона. Но реально найти такое количество специалистов не представлялось возможным. Так, только для Гороблагодатских заводов требовалось найти четырех новых врачей (в дополнение к Ф. Я. Гессену).

---

[1] Злоказов Л. Д., Семенов В. Б. Екатеринбургский монетный двор: 150 лет истории. Екатеринбург, 2013. С. 339.
[2] ПСЗ-I. Т. 28. № 21339.

Министерство внутренних дел через Врачебные управы предложило «склонить» к переходу на казенную службу врачей с частных заводов региона[1]. Но это не дало ожидаемых результатов. В Пермской губернии все три имевшихся вольнопрактикующих врача (А. Ф. Логвиновский, Л. А. Поступальский и И. Машке) остались служить в частных имениях.

Пришлось вновь обращаться в Министерство внутренних дел, с просьбой направить на горную службу медиков, не способных «по болезни или другим обстоятельствам» служить в военном ведомстве. В результате этих запросов в 1804 г. доктором на Гороблагодатские заводы был назначен бывший уездный врач из Тобольска П. Эссенгаузен, а лекарем – Ф. Страховский переводом из Уфимского мушкетерского полка. Служивший здесь лекарь Яруцкий был возвращен на Пермские заводы[2].

Проблему нехватки врачей попытались решать и путем целевой подготовки специалистов в высших специальных заведениях. В 1805 г. были отобраны сын мастерового М. А. Зубринский (1777 г.р.) и сын унтер-шихтмейстера П. Г. Лабутин (1784 г.р.), служившие старшими лекарскими учениками в Екатеринбургском госпитале после окончания местной заводской школы. За счет горного ведомства их отправили в Медико-хирургическую академию. После ее окончания они получили годичную практику в Кронштадтском военном госпитале (и традиционную «отработку»).

В 1810 г. М. А. Зубринский был определен лекарем в Екатеринбургский, а П. Г. Лабутин – в Березовский госпиталь. Первому было назначено 500, второму – 600 руб. годового жалования[3]. Эта практика целевого обучения врачей за счет горного ведомства впоследствии была продолжена.

В 1804 г. доктор Екатеринбургских заводов А. Ф. Фелькнер подал прошение об увольнении. В качестве причины он назвал необходимость постоянных разъездов на огромной территории, невозможную по состоянию его здоровья. Фелькнер

---

[1] ГАПК. Ф. 673. Оп. 1. Д. 7. Л. 124об.
[2] РГИА. Ф. 1297. Оп. 1. Д. 11. Л. 252–252об., 254.
[3] ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 1839. Л. 187–190; Д. 1913. Л. 206–207.

вернулся на должность екатеринбургского уездного врача[1], где было вдвое меньшее жалование (300 руб.), но широкие возможности для частной практики[2].

На его место попросился и вскоре был определен штаб-лекарь Камских заводов И. Т. Воскобойников. Он считался исполняющим обязанности, так как не имел необходимого для этой должности степени доктора медицины. И. Т. Воскобойников объяснил желание переехать в Екатеринбург отсутствием возможностей для обучения детей в Воткинском заводском поселке[3].

К тому же его финансовое положение было весьма зыбким: в штатном положении Гороблагодатского и Пермского горного начальства должность врача в тот период времени не предусматривалась. Поэтому И. Т. Воскобойников содержался за счет сверхштатных доходов, являясь врачом Камских заводов. В мае 1804 г. он был назначен, а в июле перемещен на должность Екатеринбургского заводского доктора[4]. На его место только в 1807 г. был нанят в Вене штаб-лекарь венгерского происхождения Г. Зузич с заключением трехлетнего контракта[5].

В подчинении И. Т. Воскобойникова были три врача: И. Ф. Варвинский, И. И. Паш и К. Т. Решетников, служившие соответственно в Екатеринбургском, Березовском и Каменском госпиталях с жалованием в 350 руб. каждый. Характеристики двух последних были нелицеприятны. И. И. Паш (1753 г.р.) плохо двигался из-за раздробленной ноги, был «слаб поведением», а К. Т. Решетников (1736 г.р.) – «малоспособен из-за весьма преклонного возраста». Но в отчетах отмечалось, что «заменить их некем». К тому же в пенсионной сумме не было средств для выплат К. Т. Решетникову[6].

---

[1] ГАПК. Ф. 65. Оп. 4. Д. 49, Л. 11–14.

[2] В 1809 г. А. Ф. Фелькнер по совместительству занял новую должность – медицинского инспектора Екатеринбургских горных заводов с годовым жалованием в 800 руб. (ГАСО. Ф. 379. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–3).

[3] В 1807 г. И. Т. Воскобойников вернулся на службу в Ижевский завод. Этого настойчиво добивался А. Ф. Дерябин, создававший здесь оружейное производство.

[4] РГИА. Ф. 1297. Оп. 1. Д. 12. Л. 163–163об.

[5] ЦГАУР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 30. Л. 80–81об.; Д. 222. Л. 1.

[6] ГАСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 40. Л. 13; ГАПК. Ф. 673. Оп. 1. Д. 6. Л. 44об.–45; 72–73; 232–233.

В 1806 г. только врач И. Ф. Варвинский (1772 г.р.) получил положительные характеристики[1]. В отчетах этого года снова отмечалось, что штаб-лекари И. И. Паш и Ф. Я. Гессен, а также лекарь К. Т. Решетников «в знании и отправлении должности посредственны»[2]. Это во многом объяснялось тем, что все трое не имели высшего специального образования.

Следует отметить, что в тот период времени это было распространенным явлением. Часть врачей после обучения в медико-хирургических училищах при военных госпиталях (Елизаветградском, Кронштадтском и др.) распределялись на службу в различные ведомства. После многолетней работы в госпиталях они могли получить звание лекаря и штаб-лекаря (см. Приложение № 17).

В целом организация на Урале трех горных начальств привела к новому расширению медицинской части на казенных заводах. Уже в 1804 г. в них был определен солидный штат врачей. Однако не на все вакансии удалось найти специалистов соответствующей квалификации. Часть врачей имели лишь низшее врачебное звание лекаря, полученное в ходе многолетней практической работы в военных госпиталях.

Более масштабные изменения в медицинской сфере казенных горных заводов Урала начались после 1806 года. Они стали следствием принятия проекта Горного положения.

В 1804 г. А. Ф. Дерябин представил министру финансов А. И. Васильеву соображения о преобразовании горной промышленности. После этого был создан специальный комитет для разработки Проекта горного положения.

В докладе А. И. Васильева, поданном императору 21 сентября 1804 г., горнозаводской медицине был посвящен отдельный (14-й) раздел[3]. В нём акцентировалось внимание на ее многочисленных проблемах. В частности, отмечалась необходимость создания госпиталей не только при главных заводах округов, а на всех крупных предприятиях, причем как казенных, так и частных.

---

[1] В 1815–1827 гг. И. Ф. Варвинский занимал должность медицинского инспектора Екатеринбургского горного округа.
[2] ГАПК. Ф. 673. Оп. 1. Д. 8. Л. 106об.–107.
[3] В 1792–1802 гг. А. И. Васильев успешно руководил Медицинской коллегией.

После этого, по мнению министра, могла еще более обостриться проблема привлечения врачей в заводские поселки, отдаленные от городов, где «они будут лишены многих удовольствий жизни и соответствующего общества». Для ее решения предлагалось уравнять этих специалистов в правах с военными и флотскими медиками. Причем такое положение должно было распространяться и на врачей, поступивших служить на частные заводы[1].

В 1806 г. Проект горного положения был утвержден. Предполагаемого через пять лет пересмотра не последовало. В результате нормы горного законодательства по медицинским заведениям действовали до 1835 г. – вступления в силу Горного Устава, в котором большинство из них были фактически продублированы.

Целью Проекта горного положения провозглашалось не только усовершенствование горных заводов в хозяйственном отношении, но и «улучшение состояния» их работников. Казенные медицинские заведения при горных заводах получили систематизированную нормативную базу организации и деятельности. Правда, в 1806 г. для них не были разработаны собственные штатные положения.

Горные начальники должны были ориентироваться на штаты «Положения для медицинского управления армии и флота» 1805 года. Они определяли годовые оклады старшего лекаря в 600–750 руб., младшего – в 400–500[2]. При этом, в условиях сохранявшегося дефицита врачей, горные начальники могли увеличить их жалование за счет сверхсметных доходов округа.

Общий надзор за медицинской сферой горных заводов возлагался на берг-инспектора. Непосредственный контроль должен был осуществлять состоявший при нем аттестованный врач: доктор медицины или штаб-лекарь (ст. 304, 691, 694). Теперь в каждом поселке при казенном заводе или руднике с числом работающих более 200 чел. предполагалось иметь госпиталь. Здесь должен был слу-

---

[1] Высочайше утвержденные доклады и другие сведения. Ч. 1. С. 310–311.
[2] Положение для медицинского управления армии и флота 1805 г. // ПСЗ-I. Т. 28. № 21 866. Сами Штаты: Т. 43. Ч. 2.

жить как минимум один аттестованный врач и «необходимое число» лекарских учеников (ст. 678, 680).

Проект Горного положения регламентировал порядок стационарного лечения. Все больные с «заразными» болезными подлежали госпитализации, кроме «классных» чиновников, которым разрешалось получать медицинскую помощь «на дому».

Отдельной платы за лечение с работников горнозаводских производств и членов их семей не взималась. Но на содержание медицинских заведений стали вычитать 2,5% жалования. Кроме того, в период стационарного лечения работникам платили только половину жалования и не выдавали положенный провиант (ст. 681, 684, 696)[1]. В случае недостатка этих средств на содержание медицинских заведений они могли быть заимствованы из других заводских сумм[2].

Проект горного положения закрепил обособление горнозаводской медицины от общегражданской. Причем отдельного нормативного акта об этом не было издано. Видимо, поэтому в 1806 г. штаб-лекарь И. Т. Воскобойников еще дважды «по инерции» обращался в Пермскую врачебную управу по поводу перевода подчиненных ему врачей. В ответном письме его проинформировали, что они более не состоят в ведении Врачебной управы, и ему следует «сноситься с Екатеринбургским горным начальством»[3].

С 1806 г. губернские врачебные управы Урала (Пермская, Вятская и Оренбургская) констатировали, что они не имеют данных по заводам на подведомственной им территории, так как не проводят там никаких инспекций и не получают никакой отчетности. Руководство заводскими госпиталями и аптеками стало прерогативой только горных властей.

При этом на горнозаводские медицинские заведения естественно распространялись требования общеимперских нормативных актов. Так, после начала актив-

---

[1] Высочайше утвержденный доклад министра финансов и проект. С. 582–584; РГИА. Ф. 37. Оп. 13. Д. 132. Л. 38–39.
[2] Высочайше утвержденные доклады и другие сведения. Ч. 2. С. 94.
[3] ГАПК. Ф. 673. Оп. 1. Д. 8. Л. 89об–90, 113об.

ного внедрения оспопрививания в России[1] они стали представлять соответствующие отчеты в губернские и уездные оспенные комитеты по Положению от 3 мая 1811 г.

Сохранялось и определенное взаимодействие гражданских и горных властей Урала в медицинской сфере, особенно по проблеме нехватки аттестованных врачей, дефицит которых в тот период существовал во всех ведомствах. В 1807 г. берг-инспектор просил содействия пермского и вятского губернатора в поиске врача для Горного правления, положенного по новым штатам, с окладом в 1200 руб. (получил ответ об отсутствии кандидатов)[2]. В 1809 г. по договоренности гражданских и горных властей эту должность по совместительству занял екатеринбургский уездный врач А. Ф. Фелькнер. Ему определили годовое жалование в 800 рублей[3].

В 1810 г. пермский и вятский губернатор просил (подчеркнуто нами – Э. Ч.) горного начальника Екатеринбургских заводов И. Ф. Германа командировать подчиненных ему врачей «для освидетельствования мертвых тел» по требованию судов, если расстояние до места не превышало 100 верст[4].

Отдельные сведения о состоянии госпиталей при казенных горных заводах Урала отложились в материалах ревизии первого берг-инспектора П. Е. Томилова 1807–1809 гг. Он зафиксировал, что все 14 госпиталей при казенных заводах Урала располагались в деревянных зданиях, часть которых были тесны и ветхи. На трех небольших предприятиях (Баранчинском, Нижнеисетском и Пыскорском) они вообще отсутствовали, и больные или лечились на дому, или отправлялись в соседние заведения[5].

---

[1] См.: Гамалея И. Ф. Оспопрививание. СПб., 1913; О распространении коровьей оспы в губерниях // ПСЗ-I. Т. 31. № 24622.
[2] ГАСО. Ф. 24. Оп. 33. Д. 10. Л. 1–2. Доктор при Горном правлении по содержанию приравнивался к медицинскому инспектору в армии и на флоте.
[3] ГАСО. Ф. 379. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–3.
[4] Там же. Д. 27. Л. 3–5.
[5] Описание заводов хребта Уральского. С. 177, 184, 186, 200, 211, 213, 217, 229, 231, 238, 283.

Ревизия берг-инспектора П. Е. Томиловым 1807–1809 гг. отразила и недостаток аттестованных врачей на казенных заводах Урала. Не во всех из них имелись необходимые специалисты.

Самым благополучным было состояние персонала на двух Камских заводах, где в 1808 г. служили уже четыре врача. Хуже всего было положение в Гороблагодатском округе, в котором на пять предприятий имелось всего два специалиста. Находившийся в главном из них (Кушвинском) А. И. Архангельский периодически выезжал еще в три медицинских заведения. Малоспособный штаб-лекарь Ф. Я. Гессен заведовал вторым по значимости Нижнетуринским госпиталем. В 1808 г. его перевели на Камские заводы, а сюда определили лекаря Ф. А. Страховского.

Не хватало врачей и в других казенных округах. В частности, Мотовилихинский госпиталь находился «под присмотром» оператора Пермской Врачебной управы (здесь и ранее традиционно работали совместители: оператор Пермской Врачебной управы Протасов, а затем врач Екатеринбургского мушкетерского полка Лет[1])[2].

В целом в начале XIX в. в организации и деятельности медицинской сферы казенных горных округов Урала определились кардинальные перемены. В 1798–1804 гг. ее финансирование было увеличено в 1,5 раза, количество ставок аттестованных врачей возросло втрое, началось расширение сети госпиталей, совершенствование их материально-технической базы. Эти позитивные изменения были закреплены в новом горном законодательстве 1806 года. В нем определялась обязательность наличия стационарных медицинских заведений с аттестованным персоналом при всех казенных заводских поселках. Начало XIX в. стало временем создания собственной сети госпиталей и аптек в казенных горных округах Урала.

Следует особо отметить, что эти кардинальные изменения в горном ведомстве четко вписываются в общую тенденцию развития отечественной медицины. В Российской империи началось создание новой системы организации медицинской

---

[1] ГАПК. Ф. 673. Оп. 1. Д. 8. Л. 136.
[2] ГАСО. Ф. 24. Оп. 33. Д. 19, 49.

помощи для лиц, служивших непосредственно государству: военных, в том числе поселенных частей, а также работников казенных производств.

В частности, развитая медицинская часть начала создаваться во всех военных подразделениях страны. Определением Военной коллегии от 17 марта 1798 г. было предписано учредить при всех армейских пеших и конных полках империи полевые и гарнизонные лазареты[1]. Обширную социальную инфраструктуру с развитой медицинской частью имели и созданные в 1816 г. военные поселения. Т. И. Кандаурова во многом обоснованно рассматривает их и как «социокультурный институт, способствовавший изменению культурного и социального развития части территории России»[2].

С завершение становления собственной системы заведений при казенных заводах руководству горных округов Урала требовалось решить проблему приведения их материально-технической базы в соответствие с новыми нормами законодательства. Другой приоритетной задачей стало обеспечение госпиталей и аптек квалифицированным персоналом.

При уже сформировавшейся сети стационарных медицинских заведений горные власти региона стали уделять основное внимание совершенствованию материально-технической базы. Первым мероприятием стало завершение строительства нового здания для госпиталя Воткинского завода в 1809 г. До этого он два года вынужденно размещался в наемном доме, из-за крайней ветхости старого помещения[3].

В 1811 г. на казенном горном предприятии Урала появился первый каменный госпиталь (Златоустовский) на 60 кроватей. Он достался в наследство от прежнего владельца Кнауфа после перехода в казну предприятий Златоустовского округа[4].

---

[1] Собрание российских законов о медицинском управлении. Ч. 2. СПб., 1828. С. 234–236.

[2] Кандаурова Т. Н. Социальная инфраструктура военных поселений в XIX веке // Документ. История. Архив. Современность. Материалы IV Международной научно-практической конференции. Екатеринбург, 2012. С. 325–326.

[3] Сысоева М. В. Указ. соч. С. 29.

[4] В его здании располагались два отдельных стационарных медицинских заведения: металлургического завода и оружейной фабрики. В случае нехватки мест в одном из них больные размещались на кроватях соседнего. Деятельность госпиталя Златоустовской оружейной фабрики

В 1821 г. архитектор М. П. Малахов подготовил проект его перестройки, с небольшим расширением количества кроватей (до 68)[1].

Горные власти осознавали необходимость расширения имевшихся госпиталей и аптек, в том числе строительства для них капитальных каменных зданий. Однако в условиях многолетнего военного противостояния с наполеоновской Францией и последующего тяжелейшего восстановления экономики средств на это длительное время не выделялось.

Особенно тяжелым оставалось положение в самом северном Богословском округе, тяжелыми природно-климатическими условиями. В частности, после возвратных холодов летом 1817 г., погубивших все овощи в огородах, здесь наступила аномально морозная зима. Это привело к вспышке страшной эпидемии горячки и цинги, унесшей в 1817–1818 гг. жизнь до 4/5 рекрутов, только что присланных сюда для работы на горнозаводских производствах[2].

Существовавшая сеть медицинских заведений округа оказалась неготовой к такому резкому росту количества заболевших. Здесь был только один большой и удобный госпиталь в Богословском заводе. Остальные располагались во временных неприспособленных помещениях и не могли принять резко возросшее число больных.

В 1818 г. горный начальник Богословского округа просил о строительстве нового госпиталя в Турьинских рудниках первоначально на 300, а затем уже всего 70 кроватей. Но выделенные средства поступили только через несколько лет[3].

В 1824 г. Урал посетил Александр I, уделявший существенное внимание развитию медицины. Поэтому горные власти постарались навести внешний порядок в медицинской сфере накануне его приезда.

В Екатеринбурге к прибытию императора было завершено строительство нового каменного здания для горной аптеки на Главном проспекте. Ее старое поме-

---

в нашей работе практически не рассматривается, т.к. он находился в ведении Военного министерства.

[1] Раскин А. М. Архитектура классицизма на Урале. Свердловск, 1989. С. 96.

[2] ГАСО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 129. Оп. 1. Л. 13. Подобная «катастрофа» с таким уровнем смертности на горных заводах Урала больше не повторилась.

[3] РГИА. Ф. 37. Оп. 13. Д. 132. Л. 53–54об.; ГАСО. Ф. 24. Оп. 33. Д. 813. Л. 172–173.

щение, которое «по ветхости своей и прочему строению делает безобразие», традиционно закрыли забором[1]. Для Екатеринбургского госпиталя в срочном порядке приобрели необходимый инвентарь и «приличные съестные припасы», а его лекарским ученикам сшили форменную одежду[2].

В Березовском заводе стали срочно достраивать (но не успели к приезду императора) новый трехэтажный госпиталь (первый этаж – каменный, два верхних – деревянные), взамен совершенно обветшавшего старого[3]. В нем было более десятка палат на каждом этаже[4]. В этом обширном госпитале в 1827 г. создали особое изолированное отделение для женщин, зараженных сифилисом. Это было сделано по инициативе заводского врача С. М. Козлова[5].

Сложную проблему недостатка штатных врачей в казенных округах Урала, существовавшую большую часть первой половины XIX в., горные власти пытались решать как традиционными, так и новыми способами. Среди первых следует выделить постоянные обращения в Министерство внутренних дел с просьбой направить на службу казеннокоштных выпускников высших медицинских заведений.

Самым известным из распределенных в 1810-х гг. выпускников стал врач польского происхождения О. И. Нехведович (1789–1842). В 1811 г. он окончил медицинский факультет Виленского университета «казеннокоштным» воспитанником и был направлен в Гороблагодатский горный округ. Здесь О. И. Нехведович отработал весь определенный законодательством срок, стал инспектором по медицинской части, а в 1820 г. перешел на службы в Нижнетагильский округ Демидовых.

Продолжалась и практика перевода на горную службу военных медиков. В 1814 г. в Екатеринбургский округ был определен врач Н. М. Чайковский, имев-

---

[1] ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 1189. Л. 99.
[2] Там же. Л. 749–750, 775–777, 832–833.
[3] Старый госпиталь Березовского завода, по оценке врача И. Варвинского, был «совсем негоден для помещения больных приличным образом». Строительство нового здания для него было начато еще в 1820 году.
[4] ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 1189. Л. 242–247; Д. 1192. Л. 134об.; Ф. 41. Оп. 1. Д. 1766. Л. 148.
[5] Там же. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1644.

ший проблемы со здоровьем. Он получил начальную специальную подготовку в Елизаветградском военно-медицинском училище, а затем диплом врача в Московском отделении Медико-хирургической академии (по сокращенной программе)[1].

Служить на горных заводах нанимали и иностранных врачей. Переведенного в Екатеринбург И. Т. Воскобойникова в Камско-Воткинском заводе в 1807 г. сменил штаб-лекарь Г. Зузич[2]. По истечении трехлетнего контракта, его задержали здесь до 1811 г., объясняя, что должны получить распоряжение о его увольнении из Министерства финансов. Фактически, на заводе просто не было другого врача[3].

Здесь ожидали возвращения штаб-лекаря И. Т. Воскобойникова, которому в 1810 г. также не разрешили оставить казенную службу по состоянию здоровья. Из Департамента горных и соляных дел пришло предписание, что «по причине распределения в армию всех даже вольнопрактикующих врачей и бывших в отставке медицинских чиновников» он не может получить разрешение на увольнение[4].

Еще один иностранный врач в 1818 г. поступил в госпиталь Артинского завода Златоустовского округа. Это был прусский подданный С. Тизенгаузен, который, по его словам, «случайно перешел в русскую службу»[5].

Отдельно отметим и врачей польского происхождения, оказавшихся на далеких от их Родины горных заводах Урала. Особенностью польских земель в XIX в. был непропорционально большой процент дворянства (шляхты), беспрецедентный для Центральной Европы (в некоторых областях – до 10%). Многие из них, в том числе девять из десяти выявленных нами врачей, не имели поместий и особых перспектив на государственной службе. Это во многом предопределило их выбор медицинского факультета (у большинства – Виленского университета) и последующее распределение. Лишь один из них был сослан на Урал за участие в одном из антироссийских восстаний. Эти врачи польского происхождения про-

---

[1] Там же. Ф. 24. Оп. 12. Д. 1872. Л. 167–168; Ф. 40. Оп. 1. Д. 59. Л. 225–229.
[2] Сысоева М. В. Указ. соч. С. 30; ГАСО. Ф. 24. Оп. 33. Д. 76. Л. 9–10.
[3] ЦГАУР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 222. Л. 1–7.
[4] Там же. Д. 3259. Л. 1об.–2.
[5] Архив г. Златоуста. Ф. И–19. Оп. 1. Д. 287. Л. 7–7об.

служили в регионе, в том числе на казенных заводах, значительный срок: Д. Романовский и М. Стржалковский – минимум по 23 года, Л. Ходорович – 26[1].

Проблему нехватки медиков продолжали решать и ранее опробованным путем «целевой» подготовки специалистов в высших учебных заведениях. В 1816 г. выпускник Воткинской горной школы сын мастерового Л. Я. Морозов, после годичной предварительной подготовки в Горном кадетском корпусе, был определен в Медико-хирургическую академию. После ее окончания он был определен врачом в Камско-Воткинский завод[2].

Новым явлением стала подготовка врачей-стипендиатов горного ведомства. Ее появлению способствовал уже упомянутая выше эпидемия на севере Пермской губернии 1817–1818 гг. Для ее ликвидации пришлось срочно командировать врачей в Нижнетагильский округ Демидовых сначала с Гороблагодатских, а затем и Екатеринбургских казенных заводов. Это закономерно вызвало жалобы их горных начальников, заявивших о недостатке медиков в собственных госпиталях[3].

Эпидемия перекинулась дальше на север – в Богословский казенный округ. Его начальник сообщил, что в его распоряжении остался всего один здоровый врач. Поэтому он просил срочно командировать к нему медиков из других казенных заводов.

Но Уральское горное правление не смогло оказать необходимую помощь. Руководители Гороблагодатского и Екатеринбургского округов сообщили о невозможности командирования своих немногочисленных врачей. Единственный имевшийся потенциальный «кандидат» штаб-лекарь И. Ф. Варвинский не пожелал вновь отправляться на север губернии, сославшись на болезнь. Пришлось обращаться в Вологодскую Врачебную управу, откуда на Богословские заводы был направлен штаб-лекарь Лапшин[4].

После этого серьезного обострения давней проблемы нехватки врачей летом 1818 г. было принято решение об определении казенных стипендиатов горного

---

[1] См.: Черноухов Э. А. Врачи-поляки. С. 148–152.
[2] Сысоева М. В. Указ. соч. С. 31.
[3] ГАСО. Ф. 24. Оп. 33. Д. 753. Л. 8–8об., 17–20.
[4] Там же. Д. 813.

ведомства в высшие медицинские учебные заведения. По согласованным между ведомствами (министерствами финансов и внутренних дел) условиям они не поступали на казенное содержание («кошт»), а лишь получали стипендию от горного ведомства.

При этом процедура отбора кандидатов и правила назначения стипендии периодически корректировались с учетом полученного опыта и текущего положения на заводах Урала. Первоначально юношей с казенных заводов региона направляли для обучения в уездные училища, затем осваивать латинский язык в ближайшую духовную семинарию (Вятскую, Пермскую или Оренбургскую), и только после получения этой необходимой подготовки – в Медико-хирургическую академию.

После ее окончания врачи-стипендиаты горного ведомства должны были вернуться служить на Урал. Они обязывались отработать на казенных заводах столько лет, сколько получали стипендию. Это было вдвое меньше, чем для казеннокоштных воспитанников высших медицинских заведений. Последним за каждый год учебы определялась двухлетняя отработка[1].

Кроме того, горные власти пытались смягчить нехватку врачей их перераспределением между шестью округами региона. Так, в 1823 г. сразу трех недостающих врачей запросили в Богословский округ. В ходе переписки с горными начальниками оказалось, что и в Гороблагодатском округе вакантны сразу четыре врачебных ставки. А сверхштатный специалист был обнаружен только в госпитале Камско-Воткинского завода – лекарь М. К. Родоросскамский. Лишним он был относительно, т.к. один из имевшихся врачей исполнял обязанности отсутствующего провизора в заводской аптеке.

Не смотря на его жалобы о слабом здоровье и необходимости помогать семье, М. К. Родоросскамского командировали для продолжения службы в Богословский

[1] Лаговский И. История Пермской семинарии после преобразования ее, бывшего в 1818 году. // Пермские епархиальные ведомости. 1871. Отд. неофициальный. С. 371–372; Архив г. Златоуста. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 464.

округ[1]. Из Камско-Воткинского завода в Гороблагодатский округ в 1824 г. был принудительно направлен уже упомянутый лекарь Л. Я. Морозов[2].

Это немного смягчило проблему недостатка врачей в двух расположенных на севере Урала казенных округах: Гороблагодатском и Богословском. В 1826 г. из последнего в Екатеринбург был переведен по болезни лекарь С. М. Козлов. После этого здесь стали вакантными три штатных ставки врачей[3]. На них вынужденно определяли старших лекарских учеников, не имевших необходимой квалификации. Так, в Нижнетуринском госпитале Гороблагодатского округа должность врача «временно исправлял» А. Я. Митрофанов[4].

Не лучшим было положение и в «столичном» Екатеринбургском округе. Здесь, после смерти штаб-лекаря М. А. Зубринского, вакантную должность второго врача три с лишним года (июль 1826 – октябрь 1829) занимал старший лекарский ученик С. М. Минеев. Он получил практические навыки в период своей предшествующей 25-летней службы в медицинских заведениях[5]. К работе в Екатеринбургском горном госпитале в конце 1820-х гг. вынужденно привлекли и уездного врача Т. Ф. Успенского[6].

Не хватало штатных врачей и в Златоустовском округе. В 1829 г. здесь, при четырех имевшихся специалистах, были три вакансии[7]. Одну из вакантных должностей занимал старший лекарский учении Е. М. Ванин, получивший только практическую подготовку в местном госпитале[8]. То есть, во второй половине 1820-х гг. на казенных горных заводах Урала как минимум три лекарских ученика исполняли обязанности врачей.

Содержание врачей на казенных заводах Урала в первой четверти XIX в. существенно отличалось. До принятия штатов конца 1820-х гг. им определялось жа-

---

[1] ГАСО. Ф. 24. Оп. 33. Д. 1213. Л. 1–7, 13–14. В округ были направлены и два выпускника Медико-хирургической академии: С. Козлов и А. Тенеков.
[2] Там же. Д. 1160. Л. 3–3об., 18.
[3] ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1640. Л. 1–10.
[4] Там же. Ф. 24. Оп. 32. Д. 351. Л. 329.
[5] Там же. Оп. 12. Д. 1913. Л. 205об.–207.
[6] Там же. Оп. 33. Д. 1423. Л. 1–2.
[7] Там же. Ф. 43. Оп. 2. Д. 1626. Л. 18–25.
[8] РГИА. Ф. 44. Оп. 1. Д. 831. Л. 35об.–38.

лование по Штатам «Положения для медицинского управления армии и флота» 1805 г.[1] Но, в условиях дефицита врачей, горным начальникам разрешалось доплачивать врачам за счет действовавшей системы прибылей.

Поэтому их жалование в различных казенных округах региона существенно отличалось. Так, в 1811 г. на Златоустовских заводах штаб-лекарю Д. К. Романовскому был определен годовой оклад в 1,5 тыс. руб., а на Камских штаб-лекарю Г. Зузичу – две тыс.[2] Это во многом объяснялось тем, что первый перешел сюда со службы в частном горнозаводском хозяйстве Кнауфа, а второй был иностранцем. В 1821 г. Д. К. Романовский получал уже две тыс. рублей.

Клейнер, назначенный медицинским инспектором Златоустовского округа, имел годовое жалование в 2 600 руб., бесплатную квартиру и экипаж (он приходился родным братом горного начальника)[3]. Подобная должность не предусматривалась Проектом Горного положения 1806 г., но реально была введена и в других крупных казенных округах Урала еще до утверждения Штатов 1827–1829 гг.

Существенно ниже (на уровне вышеназванных штатов для военных врачей) было жалование врачей в Екатеринбургском округе. В 1814 г. Варвинский получал 800, Лабутин – 600, Зубринский – 500 руб.[4]

Система доплат врачам казенных заводов сохранилась и в 1820-х годах. Горный начальник Гороблагодатского округа в 1827 г. сообщил, что почти достиг цели привлечения врачей на свои заводы «довольно порядочным жалованием», повышенным за счет сверхштатных доходов[5]. Их оклады превышали штатные по военным госпиталям вдвое[6].

В конце 1820-х гг. на Урале начался переход на новую систему управления казенными горными заводами. Она стала осуществляться на основе штатных положений, вместо ранее применяемой системы прибылей. В результате заведения со-

---

[1] Они устанавливали годовой оклад инспектора в 1200, старшего лекаря – 600–750, младшего лекаря – 400–500 руб.
[2] Сысоева М. В. Указ. соч. С. 30; ГАСО. Ф. 24. Оп. 33. Д. 245. Л. 11–12.
[3] ОПИ ГИМ. Ф. 14. Оп. 1. Д. 894. Л. 16об.
[4] ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 1839. Л. 185–190.
[5] Там же. Оп. 33. Д. 1423. Л. 8–8об.
[6] Там же. Оп. 32. Д. 351. Л. 331–331об.

циальной инфраструктуры, в том числе медицинские, получили существенно более формализованную нормативную базу.

Разработка новых штатов для казенных заводов Урала началась весной 1825 г. В частности, по Екатеринбургскому округу было подготовлено два проекта. В ходе согласований запрашиваемые суммы на медицинскую часть последовательно сокращались: с 24 тыс. в первом варианте до 19 986 руб. во втором[1], а затем и 16 340 руб. в окончательном. То есть, утвержденная штатная сумма оказалась на треть меньше первоначально запрашиваемой. Следует отметить, что подобное сокращение расходов производилось и по другим статьям разрабатываемых Штатов.

В виде опыта новая система управления была опробована на Пермских (Штаты от 12 апреля 1827 г.) и Камско-Воткинском (Штаты от 7 февраля 1828 г.) заводах. С 1829 г. она была распространена и на другие четыре казенных горных округа региона, также получивших штатные положения[2].

Штаты 1827–1829 гг. предусматривали деятельность 19-ти казенных госпиталей и аптек при всех заводах и центрах крупных промыслов Урала. Во всех из них (кроме Нижнеисетского, расположенного недалеко от Екатеринбурга) полагалось иметь аттестованных врачей. В четырех крупных округах предусматривалась должность инспектора по врачебной (медицинской) части, осуществлявшего общий надзор за всеми ее заведениями[3]. Количество кроватей в госпитале и штат врачей зависели от величины производства. Выделяемая средняя сумма на одного больного в год была примерно одинаковой по всем госпиталям: от 201 до 284 руб., кроме самого маленького Каменского госпиталя, рассчитанного всего на 13 кроватей (см. Приложение № 3).

Выделяемые на медицинскую сферу суммы в процентном отношении были практически одинаковыми по всем казенным округам Урала. По нашим подсчетам они составляли от 5,5 до 7%, в среднем 6,4% от общих штатных расходов (см. Приложение № 1).

---

[1] Там же. Д. 2888. Л. 300, 305, 623об.
[2] ПСЗ-II. Т. 2. № 1022. Т. 3. № 1776. Т. 4. № 2889, 2890.
[3] Штаты «Положения для медицинского управления армии и флота» 1805 г., на которые ранее ориентировались горные начальники, предусматривали должность инспектора с окладом в 1200 руб.

С работников заводов продолжали вычитать средства на содержание медицинских заведений. У классных чиновников удерживали по 2,5% жалования. С 1843 г. этот вычет был распространен и на суммы, полученные ими в период командировок на частные заводы от их заводоуправлений и контор[1]. С остальных заводских работников в период нахождения в госпитале по-прежнему удерживали половину положенного им жалования и весь провиант. Это рассматривалась как своеобразная компенсация за предоставляемые им питание и больничную одежду.

Подобное положение устраивало далеко не всех больных. Так, в 1840 г. в Богословском округе выяснилось, что унтер-шихтмейстеры, конторские служители и прислуга чиновников предпочитали получать в госпиталях собственную пищу (от родственников), сохраняя для себя всё жалование и провиант. Но Уральское горное правление предписало впредь не допускать подобных нарушений законодательства[2].

Штатные положения 1827–1829 гг. учитывали специфику казенных горнозаводских производств. Так, госпиталь Екатеринбургского монетного двора предназначался также и для больных с близлежащих обширных Березовских золотых промыслов (21 кровать) и Нижнеисетского завода (две). На последнем предприятии, расположенном в непосредственной близости от Екатеринбурга, был только небольшой приемный покой под надзором старшего лекарского ученика. Его пациенты не обеспечивались казенным питанием, поэтому им выдавалось полное жалование и провиант и на период лечения.

На утвержденные штаты казенных горных округов Урала поступили замечания ряда специалистов. В 1828 г. врач Пермских заводов штаб-лекарь В. С. Покровский в специальной записке высказался за необходимость их пересмотра в медицинской части. Он, на основе семилетнего опыта службы, выразил недовольство сокращением расходов на эту сферу. По его мнению, для округа Пермских заводов необоснованно не были предусмотрены ставки провизора и аптекарских учеников, почти втрое уменьшены суммы на медикаменты.

---

[1] См., например: ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 2773.
[2] ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 437. Л. 269–270.

В. С. Покровский считал недостаточным определение всего четырех лекарских учеников для центрального Юговского госпиталя (по его мнению, нужны были еще трое). Кроме того, он указал, что врачу для разъездов по домам больных в этом заводском поселке необходимо выделять две лошади, т.к. «на его грязных улицах на одной в некоторых местах не проехать». В. С. Покровский отмечал, что высказывал эти соображения еще при разработке проектов штатов, но они не были учтены[1] (как уже отмечалось, реально расходы на медицинскую сферу были сокращены при их согласовании на более высоком уровне).

Горный начальник Пермских заводов подал в Министерство финансов записку с обоснованием необходимости увеличения финансирования медицинской части. Он отметил, что соседний казенный Камско-Воткинский завод с подобным числом работников (2,9 против 2,3 тыс. в Юговском) имеет по утвержденным штатам двух врачей и аптекаря. Поэтому он просил для своего округа дополнительную ставку врача (фактически врачебного инспектора) для надзора за медицинской частью, а также увеличения численности лекарских и аптекарских учеников[2]. То есть горный начальник фактически поддержал мнение своего заводского врача В. С. Покровского о недостатке медицинского персонала в округе заводов по новым штатам. Однако они не были пересмотрены.

Все основные действовавшие нормы по организации и деятельности медицинских заведений при казенных заводах вошли в «Устав горный» в редакциях 1832, 1842 и 1857 гг. Изменилась лишь нумерация статей. Так, в Уставе Горном редакции 1832 г. устройство медицинской сферы в казенных заводах регламентировалось в ст. 536–572[3].

Предложения о совершенствовании нормативной базы организации казенной горнозаводской медицины поступали и в дальнейшем. Так, в связи с созданием Корпуса горных инженеров, медико-хирург К. Покровский в 1834 г. предоставил обширный проект «Об управлении медицинской части в горном ведомстве». Он

---

[1] ГАСО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 1267. Л. 1–5.
[2] Там же. Л. 154–156об.
[3] Свод учреждений и уставов горного управления // Свод законов Российской империи. Т. 7. СПб., 1833.

предлагал, по образцу Военного министерства, ввести в нем собственное военно-медицинское управление во главе с корпусным штаб-доктором и медицинскими инспекторами казенных заводов на Урале и Алтае[1]. Этот проект не был реализован из-за необходимости экономии средств.

Между тем в 1830-х гг. численность заведений медицинской сферы при казенных горных заводах Урала существенно возросла. Нормативы, установленные штатами 1827–1829 гг., не покрывали всех потребностей. «Дополнительные» медицинские заведения финансировались из сверхштатных доходов предприятий.

В 1840 г. в казенных округах Урала действовало уже 26 госпиталей, в которых предполагалось иметь 1331 кровать: почти в 1,5 раза больше штатной (см. Таблицу № 2). Но в основном это были так называемые «запасные кровати», предназначенные на период всплеска эпидемических болезней. Их обустройство во многом было вызвано требованиями Военного устава, который в значительной степени распространялся и на военизированное горное ведомство[2].

Таблица № 2

Медицинская сфера казенных заводов Урала в 1840 г.

(в сравнении со штатами 1827–1829 гг.)[3]

Округ	Госпиталей		Кроватей		Врачей	
	Штат	1840 г.	Штат	1840 г.	Штат	1840 г.
Богословский	2	6	180	321	6	6
Гороблагодатский	5	6	230	298	7	8
Екатеринбургский	4	6	150	294	5	5
Златоустовский	5	5	200	203	7	7
Камско-Воткинский	1	1	70	120	2	2
Пермских заводов	2	2	90	95	2	2
Итого	19	26	920	1331	29	30

В Богословском округе небольшие госпитали под надзором старших лекарских учеников были созданы в четырех крупных селениях, в том числе прекра-

[1] РГИА. Ф. 44. Оп. 1. Д. 35.

[2] «Положение о военных госпиталях» периодически пересматривалось (в частности, в 1828 и 1837 гг.), а его действие продолжало распространяться на казенные горные заводы. Их аптеки содержались на основании «Положения о полевых аптеках» Военного министерства.

[3] ГАСО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 1691. К сожалению, в источнике отсутствуют сведения о суммах, затраченных на медицинские заведения.

тившего работу Николо-Павдинском заводе. В 1839 г. только здесь был допущен перерасходу штатных средств на медицинскую часть в 1 708 руб.[1]

В Екатеринбургском округе два новых небольших госпиталя были созданы на отдаленных Горнощитском и Мостовском приисках (на 11 и 8 кроватей) Березовских золотых промыслов. При этом инспектор по медицинской части округа штаб-лекарь Л. Ходорович в 1847 г. крайне негативно оценил их помещения: все «старое, валящееся и не представляющее никакой выгоды, ни удобства при поправках или пристройках»[2].

Существенный рост затрат на медицинскую сферу казенных горных заводов Урала даже привлек внимание императора. В 1844 г. он через Штаб Корпуса горных инженеров предписал главному горному начальнику «обратить внимание» на 30% увеличение расходов на содержание больных в госпиталях, в сравнении с 1837 г., в то время как число умерших удвоилось[3].

При этом получить от Министерства финансов средства на строительство новых зданий для медицинских заведений было крайне сложно. Эта статья расходов не была отдельно выделена в штатах. Можно было либо строить за счет сэкономленных средств, либо использовать общую строительную сумму казенного округа. Но средств последней обычно не хватало даже на развитие производственных мощностей.

Самым худшим оставалось положение в Богословском округе. В 1828 г. здесь было получено разрешение на строительство нового госпиталя и аптеки при центральном заводе вместо совсем обветшавших старых зданий. Однако оно вскоре было остановлено, а заготовленный для этого лес сгнил[4].

В конце 1830-х гг. горный начальник Богословского округа П. И. Порозов писал, что старый госпиталь «совершенно не соответствует своему назначению» из-за ветхости. Разрешение из Министерства финансов на строительство нового было получено только в 1839 г. Возможно, этого сумел добиться П. И. Порозов, к

---

[1] ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 36. Л. 6об., 235.
[2] ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1773. Л. 1–8об.
[3] Там же. Ф. 43. Оп. 1. Д. 82. Л. 170–170об.
[4] Там же. Д. 61. Л. 1–15.

тому времени ставший берг-инспектором[1]. В результате новые здания госпиталя и аптеки были готовы только в 1851 г. На них было израсходовано 10 718 руб.[2]

По штатам казенных округов Урала 1827–1829 гг. полагалось иметь врачей в госпиталях при всех заводах (кроме небольшого Нижнеисетского) и центрах крупных промыслов: 7 штаб-лекарей и 18 лекарей. В четырех крупных округах предусматривалась и должность инспектора по врачебной (медицинской) части, осуществлявшего общий надзор. На содержание 29 врачей выделялось 41 800 руб. в год[3].

Оклады врачебного персонала в новых штатах были повышены в среднем вдвое. В результате они были установлены на уровне их фактического жалования в тот период времени. Инспекторам по врачебной части определялось 2000 руб., штаб-лекарям в крупных госпиталях – 1500, лекарям – 1200. В двух северных округах жалование последних было несколько выше: 1750 и 1500 в Богословском; 1600 и 1400 в Гороблагодатском (см. Приложение № 4).

Отметим, что врачам в военном и морском ведомствах в то время платили меньше. Даже иностранным специалистам в 1828 г. предлагалось всего 800–1000 руб. годового жалования с квартирой и денщиком. Только после 6 лет службы им полагалась ежегодная надбавка в 100 руб.[4] Это во многом объяснялось принудительным распределением выпускников высших медицинских заведений на военную службу.

В тоже время в частных горных округах Урала содержание врачей было существенно больше. Медицинский инспектор Уральского горного правления М. Г. Вульф в 1835 г. отмечал, что на частных горных заводах Пермской губернии «самый меньший оклад» аттестованному врачу составляет 2–2,5 тыс. руб.[5] (к которому они обычно имели и существенные натуральные надбавки).

Поэтому для специалистов, совмещавших врачебную и административную деятельность, на казенных заводах сохранилась система доплат. Инспектор по ме-

---

[1] РГИА. Ф.44. Оп. 2. Д. 1184. Л. 35об.–36; ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 61. Л. 1–15.
[2] ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 4948.
[3] Подсчитано автором по: ПСЗ-II. Т. 2. № 1022. Т. 3. № 1776. Т. 4. № 2889, 2890.
[4] ГАСО. Оп. 25. Д. 700. Л. 23–24.
[5] Там же. Ф. 24. Оп. 32. Д. 1151. Л. 43–43об.

дицинской части Екатеринбургского округа в 1830-х – начале 1840-х гг. дополнительно получал 500 руб. ежегодно, а его коллега в Богословском округе – 300 руб. и бесплатную казенную квартиру[1].

Аттестованные аптекари оставались редким явление на казенных заводах Урала. Это объяснялось их общим дефицитом в регионе в рассматриваемый период времени и наличием в лучшем случае единственной ставки на округ в действующих штатных положениях.

Штаты 1827–1829 гг. закрепляли необходимость наличия четырех аптекарей (с годовым жалованием в 1,5 тыс. руб.[2]) и одного гезеля (в Камско-Воткинском округе с окладом в тысячу руб.). В округе Пермских заводов ставка гезеля не предусматривалась, что вызвало жалобы его руководства, в тот период не приведшие к каким-либо изменениям нормативной базы.

В 1839 г. главный начальник уральских горных заводов В. А. Глинка попытался добиться введения еще одной штатной должности – инспектора по медицинской части всех казенных округов. Он даже определил потенциального претендента для ее замещения – врача польского происхождения Л. Ходоровича[3]. Но В. А. Глинка не смог добиться утверждения этой должности в подготавливаемых новых штатах.

С конца 1820-х гг. положение с врачами на казенных заводах Урала продолжало улучшаться. Сюда были направлены несколько выпускников высших медицинских учебных заведений вместо отработки в военных госпиталях. В Екатеринбургский округ были определены С. С. Лапин, М. А. Захарьин и Б. И. Игнатьевский, в Богословский – Л. Д. Питерский (см. Приложение № 17). Кроме того, на Урал прибыли и первые казенные стипендиаты-медики горного ведомства.

В октябре 1828 г. в округе Пермских заводов даже впервые появился «лишний» врач – казенный стипендиат, выпускник Медико-хирургической академии В. Г. Носов. Ему было предоставлено место в Юговском заводе, а служивший

---

[1] Там же. Оп. 32. Д. 437. Л. 197–198.
[2] Аптекарю в обширном северном Гороблагодатском округе полагалось 1750 руб.
[3] ГАСО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 1465. Л. 5–6.

здесь ранее В. С. Покровский продолжил службу в частных горных хозяйствах[1] (см. Приложение № 17).

В начале 1830-х гг. у Уральского горного правления оказались временно заполнены все вакансии врачей на казенных заводах[2]. После этого в 1833 г. была временно прекращена практика определения казенных стипендиатов с горных заводов региона в Медико-хирургическую академию[3]. В этом варианте она показалась горным властям региона слишком длительной (8–10 лет) и недостаточно эффективной. Далеко не все юноши, специально подготавливаемые в Пермской семинарии, смогли поступить в Медико-хирургическую академию и успешно ее окончить. Из трех десятков юношей, проходивших специальную подготовку в Пермской семинарии, стали врачами на Урале только четверо: А. Б. Горшков, К. Л. Понятовский, П. К. Устинов и В. Г. Носов.

Их карьера на заводах сложилась по-разному. Выпускник 1830 г. А. Б. Горшков прослужил в Богословском округе более 20 лет, с 1848 г. стал здесь старшим врачом[4]. Два других казенных стипендиата недолго оставались в горном ведомстве. П. К. Устинов в 1828–1839 гг. служил врачом, затем медицинским инспектором в Екатеринбургском округе, после чего уволился по собственному желанию[5]. Выпускник 1832 г. К. Л. Понятовский 8 лет проработал в военных госпиталях на Кавказе, после чего был определен врачом в Златоустовский округ. Но в 1849 г. он уволился со службы после острого конфликта с местным горным начальством[6].

В 1838 г. при Уральском горном правлении начал работу специальный Комитет по пересмотру действующих штатов казенных заводов. В них трансформировалась методика оценки производительности труда. Исходя из этого, были определены примерные объемы и ассортимент выпускаемой продукции на всех пред-

---

[1] ГАПК. Ф. 176. Оп. 1. Д. 511. Л. 8, 20–23об., 53.
[2] В 1830-х гг. на Урале в целом существенно улучшилось положение с медицинским персоналом. Так, в 1837 г. в отдаленной Оренбургской губернии состояли на службе все три члена Врачебной управы и 12 уездных врачей (ГАОО. Ф. 6. Оп. 5. Д. 11082. Л. 224).
[3] Лаговский И. Указ. соч. С. 371–372.
[4] ГАСО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 1330. Л. 58–61.
[5] Там же. Ф. 24. Оп. 2. Д. 27. Л. 5об.–7; Ф. 43. Оп. 2. Д. 1465. Л. 1.
[6] Там же. Ф. 43. Оп. 1. Д. 147.

приятиях. Теперь основным критерием эффективности производства определялась его себестоимость. Поэтому требовалось произвести сокращение части расходов, особенно накладных[1].

При этом необходимость уменьшения финансирования заведений социальной инфраструктуры не декларировалось. Уже традиционно предполагалось сократить затраты на административный аппарат, в том числе за счет сокращения чрезвычайно разросшегося делопроизводства и счетоводства.

По предписанию Комитета все горные начальники казенных округов Урала предоставили соответствующие сведения по имевшимся медицинским заведениям и предложения об изменении их финансирования. В совокупности они посчитали необходимым иметь 1003 кровати для стационарного лечения.

Предоставленные материалы по медицинской сфере не удовлетворили членов Комитета, посчитавших их «явно завышенными и не имеющими четких обоснований». Его руководство обратило внимание на то, что среднее число больных в госпиталях казенных заводов Урала в течение трех последних лет составило всего 905 человек. Реально оно существенно превышало действующие показатели штатов 1827–1829 гг. только в Богословском округе.

Но руководители казенных заводов обращали внимание на сезонность всплесков заболеваемости и, соответственно, необходимость, иметь резерв мест в госпиталях. Горный начальник Пермского округа, где численность больных была вдвое ниже штатного количества кроватей, все равно просил увеличить последний показатель на 50%, заявляя, что «эти суммы никуда не денутся, а останутся в сбережении».

Но Комитет все-таки посчитал «справедливым» просить 923 кровати[2], т.е. фактически на уровне действующих штатов 1827–1829 гг. (920). Финансирование деятельности уже фактически созданных новых медицинских заведений в них не предусматривалось. В Министерстве финансов для уральских казенных заводов утвердили всего 870 кроватей (см. Приложение № 6).

---

[1] См.: Территориально-экономическое управление в России. С. 274–275.
[2] ГАСО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 6.

Переписка по согласованию новых нормативов продолжалась еще несколько лет. Так, руководство Златоустовского горного округа, из-за большого числа больных, просило включить в новый штат второго врача в Миасский госпиталь и две ставки гезеля[1]. Но эти предложения, в условиях планируемого сокращения накладных расходов, не были реализованы[2].

Руководство Екатеринбургского округа просило лишь о возможности перевода остатков штатных сумм из одного медицинского заведения в другое, а также их перераспределения по разным статьям. В качестве примера называлась ситуация с Екатеринбургской горной аптекой, которая единственная в округе изготовляла сложные препараты, рассылаемые в другие заведения. Но и это предложение не было принято.

Кроме того, многие медики казенных заводов Урала через своих горных начальников обращали внимание и на неудобство применения «Положения о полевых аптеках» к горнозаводским заведениям. Ведь здесь аптеки заготовляли лекарства и для женщин и детей[3]. При незначительности выделяемых штатных сумм закупить все необходимые медикаменты не представлялось возможным[4].

В феврале 1844 г. проекты новых штатов были согласованы на региональном уровне и направлены в Министерство финансов. После этого они еще три года рассматривались в государственных учреждениях столицы, после чего 11 мая 1847 г. были утверждены и опубликованы отдельным изданием[5].

Проведенное сравнение проектов штатов по медицинской части 1844 г., согласованных на Урале, с их окончательным вариантом, утвержденным в 1847 г., выявило незначительные различия. В частности, в проектах по всем казенным округам были детально расписаны расходы на содержание госпиталей (дрова, свечи, белье и т.п.), указаны четыре вида порций для больных, а в штатах 1847 г. они

---

[1] В установленной в 1838 г. системе аптекарских званий степень «помощник аптекаря» или «гезель» была третьей ступенью. Для ее занятия требовался аттестат гимназии и стаж работы в 1–5 лет.

[2] Архив г. Златоуста. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 1358. Л. 39–41.

[3] В аптеках Военного министерства это не предусматривалось.

[4] ГАСО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 6. Л. 2–3, 23–24, 30–31.

[5] Штаты и основные рабочие положения горных казенных заводов хребта Уральского. Б.м., 1847. 406 с.

сведены в общие графы: «госпитальные вещи», «питание» и т.п. В них существенно упростили номенклатуру среднего медицинского персонала: вместо предложенной старой сложной системы подлекарей и лекарских учеников (старших и младших) были введены должности фельдшеров трех разрядов.

Общие суммы, запрашиваемые в проектах на медицинскую сферу казенных заводов Урала, подверглись незначительному сокращению. Следует отметить уменьшение годового жалования для старших лекарей (врачей). В проектах предлагалась сумма от 672 до 768, а утвердили всего 600 руб.[1] (см. Приложение № 6).

По нашим подсчетам, размер средств, выделяемых на медицинскую сферу по всем казенным округам Урала по Штатам 1847 г., в процентном отношении от общих расходов, был несколько меньшим в сравнении со Штатами 1827–1829 годов. Средние расходы на нее сократились (с 6,4 до 4,7%) и увеличилась «вилка» по округам: от 4 (в прежних – 5,5) до 7%. Несколько выделялся северный Богословский округ, где всегда был самый высокий уровень цен и традиционно большее число больных (см. Приложение № 1 и 2). В целом затраты на медицинскую часть составляли 10% от всех накладных расходов казенных горных заводов Урала (или 4,7% от общих).

Сравнивая абсолютные цифры расходов на медицинскую сферу казенных горных заводов по штатам 1827–1829 и 1847 гг., следует учитывать финансовую реформу Е. Ф. Канкрина, по которой ассигнации были выкуплены по курсу 3,5 к 1. Поэтому получается, что абсолютные расходы на нее практически не изменились[2], учитывая незначительные инфляционные процессы в тот период времени.

Штаты 1847 г., как и подобные конца 1820-х гг., предусматривали деятельность тех же 19 госпиталей с постоянными врачами при всех казенных заводах и центрах крупных промыслов Урала. При этом произошло небольшое сокращение количества штатных кроватей (с 920 до 870) и врачей (с 29 до 26) (см. Приложение № 3, 4, 6,7).

---

[1] ГАСО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 123А–123Д (123А – Екатеринбургский округ; 123Б – Златоустовский и т.д.).

[2] Соотношение общих расходов на медицинскую сферу в 309063 руб. (1827–1829 гг.) к 86532 (1847 г.) – 3,6 раза (см. Приложения № 1 и 2).

Последнее было связано с тем, что в штатах 1847 г. в четырех казенных округах (а в двух маленьких не было и раньше) не предусматривалась должность инспектора по врачебной (медицинской) части. Теперь общий надзор должны были осуществлять старшие врачи центральных госпиталей. Они решали все возникшие проблемы по округу с медицинским инспектором по казенным и частным заводам Уральского горного правления[1]. Это сокращение медицинских штатов во многом объяснялось уменьшением объемов производства в ряде казенных округов Урала.

Количество кроватей в госпитале и штат его персонала определялись от величины производственных показателей. Так, их вдвое сократили в округе Пермских заводах, где происходило неуклонное снижение производства меди из-за истощения рудных месторождений.

Выделяемая средняя сумма на одного больного в год была существенно меньшей в самых крупных госпиталях (Миасский, Березовский и Турьинских рудников) и значительно большей – в центральных и небольших (см. Приложение № 6). За лечение «посторонних» больных (в основном с различных воинских формирований) в казенных горнозаводских госпиталях региона взималась незначительная плата: в частности, в 1855 г. в Златоустовском округе всего по 15 коп. в сутки[2].

Кроме того, отдельно по штатам Уральского горного правления финансировалась должность медицинского инспектора по казенным и частным заводам, его письмоводителя, фельдшера. На это выделялось еще 1 152 руб. Также в каждом казенном округе полагалось иметь повивальную бабку с годовым жалованием в 150 и аптекаря в 360 руб.

В округ Пермских заводов, где ранее не было ставки аптекаря, был определен только гезель в центральный Юговской поселок с окладом в 180 руб. В остальных округах аптекарем мог стать, как минимум, провизор (вторая ступень в системе

---

[1] РГИА. Ф. 44. Оп. 2. Д. 38. Л. 1–3.
[2] Архив г. Златоуста. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 1905. Л. 57.

аптекарских званий, установленной в 1838 г.), имевший университетский диплом[1].

Реальный состав и масштабы заведений медицинской сферы казенных горных заводов Урала оставались несколько обширнее, чем предусматривали действующие штаты. В описании Н. К. Чупина, составленном накануне отмены крепостного права, отмечалось, что практически во всех госпиталях региона на случай эпидемий содержалось значительное количество «запасных» кроватей: в небольших – практически равное числу штатных, а в крупных – до половины. Кроме того, продолжали действовать сверхштатные госпитали на Сухоложских каменноугольных копях (Екатеринбургский округ), Илимской пристани (Гороблагодатский) и ряде отделенных золотых промыслах и рудниках. По сведениям Н. К. Чупина, в 1856–1858 гг. в медицинских заведениях казенных заводах Урала лечилось значительное количество больных: в среднем 26–27 тыс. человек в течение года[2].

При этом реально выделяемые на медицинскую сферу средства обычно не превышали показатели, установленные штатами 1847 года. Так, в 1856 г. в шести казенных горных округах Урала на содержание госпиталей и аптек было истрачено 83 126 руб.[3] (из 85 452 руб., утвержденных в штатах). В Екатеринбургском в 1858 г. на медицинскую сферу было израсходовано 16 436 руб.[4] при штатной сумме в 16 236. Существенные проблемы с ее финансированием начались только после резкого повышения цен на Урале с 1859 г.

Принятие новых штатов уральских казенных заводов 1847 г. способствовало строительству новых капитальных зданий для медицинских заведений. Хотя, как уже отмечалось, получить на это средства было крайне сложно.

Медицинский инспектор Екатеринбургского округа М. А. Дрешер еще в 1830 г. обосновал необходимость строительства нового госпиталя в «столичном» для региона горном городе. Его здание было ветхо, тесно и неудобно расположено в центре города в окружение другими строениями. Заводским архитектором

---

[1] См.: Коротеева Н. Н. Указ. соч. С. 121–125.
[2] ГАСО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 34.
[3] Там же. Ф. 43. Оп. 1. Д. 248. Л. 39об.–40.
[4] Там же. Ф. 129. Оп. 1. Д. 22. Л. 32.

М. П. Малаховым была составлена смета на 148 844 руб., и определено место для строительства[1]. Но средства на него не были выделены.

В 1844 г. архитектор Уральского горного правления К. Г. Турский составил новые план и смету на строительство здания для Екатеринбургского госпиталя. Однако средства снова не были выделены.

После принятия штатов 1847 г. горные власти стали обосновывать необходимость строительства нового медицинского комплекса в Екатеринбурге не только неудобством старых зданий, но и масштабной экономией средств. В старые помещения госпиталя и заводской аптеки предложили переместить целый ряд учреждений: окружное училище, контору Монетного двора и дом его управителя, что экономило для горного ведомства 28 166 рублей[2].

Наконец, в 1850 г. Министерство финансов выделило средства на возведение в Екатеринбурге за три года каменного двухэтажного госпиталя на 100 кроватей. Руководство строительством было возложено на Строительный комитет, созданный несколько ранее для сооружения здания Уральского горного училища.

Само строительство из-за недостатка специалистов, занятых на более важных объектах, затянулось до конца 1856 года. С составления первой сметы до сдачи здания в эксплуатацию Екатеринбургского горного[3] госпиталя прошло 26 лет (в поселке Богословского завода это растянулось на 23 года: 1828–1851).

Строительный комитет почти уложился в согласованную смету: было затрачено 37 588, вместо запланированных 36 906 руб. Причем, с учетом возникших непредвиденных расходов, даже сэкономили значительную сумму (правда, и к 1861 г. так и не были отштукатурены наружные стены здания)[4].

Параллельно развернувшемуся строительству нового заводского госпиталя было принято решение о передаче в горное ведомство Екатеринбургской городской больницы. Она, не получая никаких средств от Приказа общественного призрения, находилась в плачевном состоянии: здание обветшало, городовой врач не

---

[1] ГАСО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 293. Л. 9, 40–42об.
[2] Там же. Ф. 25. Оп. 2. Д. 3147. Л. 7, 15–16.
[3] По штатам 1847 г. он определялся госпиталем Екатеринбургского Монетного двора, а в других источниках зачастую назывался заводским или горным.
[4] ГАСО. Ф. 25. Оп. 2. Д. 3147. Л. 18–20, 274–274об.; Ф. 43. Оп. 1. Д. 84. Л. 146–146об.

уделял ей должного внимания[1]. После окончательной передачи Екатеринбурга в ведение горных властей (1851) стал логичным переход к ним всей ответственности и по медицинской сфере.

К тому же по штатам 1847 г. в госпитале Екатеринбургского Монетного двора полагалось иметь не более 60 больных в сутки, а его новое здание могло вместить до 120 человек. Поэтому за ликвидацию городской больницы выступили оба заинтересованных ведомства: министерства финансов и внутренних дел[2]. Она была закрыта в январе 1857 г., а все оставшиеся больные переведены в горные госпитали (достроенный Монетного двора и Березовский).

Однако согласованная передача городской больницы вызвала новые проблемы. Архитектор К. Г. Турский указал на необходимость новых пристроек в только что сданном здании, необходимых для размещения женских палат и больных с сифилисом. Последние в горном ведомстве традиционно лечились в обширном Березовском госпитале, куда гражданские лица Екатеринбурга ехать не желали. К тому же сразу стали неуклонно накапливаться долги за лечение городских больных, которые должны были платить за пребывание в госпитале Монетного двора по таксе Министерства внутренних дел[3]. Сразу после отмены крепостного права горные власти стали настаивать на обратной передаче медицинской части в ведение города.

К концу дореформенного периода капитальные каменные медицинские заведения (с существенным потенциальным запасом) были созданы еще в двух казенных округах Урала. В 1850-х гг. в поселке Турьинские рудники, ставшем фактически новым центром Богословского горного округа, был обустроен обширный госпиталь на 180 кроватей (при действующем штате в 195).

В зимнее время здесь лечились до 200 человек в день. В условиях сокращения производства в Богословском округе большую часть года он мог принять всех нуждающихся в стационарном лечении. В 1854/1855 финансовом году здесь даже

---

[1] Городовой врач в основном занимался делами по полицейской части и в тюремном «замке». В городской больнице постоянно находился всего один лекарский ученик.
[2] ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 179.
[3] Там же. Ф. 25. Оп. 2. Д. 3147. Л. 100, 158.

сэкономили 2 972 руб. штатных средств, а в 1857/1858 – 1256, «по неполному комплекту больных»[1].

В поселке Златоустовского завода новый госпиталь строили 10 лет (1853–1863 гг.), и он обошелся более чем в 36 тыс. руб.[2] В 1880 г. его каменное трехэтажное здание было оценено в 56 230 руб.[3] После отмены крепостного права горному ведомству уже не требовалось такое обширное помещение, на которое стали активно претендовать гражданские власти[4].

На строительство новых зданий для других госпиталей, даже в центрах казенных округов, средств не нашлось. Так, в Юговском заводском поселке госпиталь был крайне ветхим, в результате зимой не удавалось протопить часть его помещения[5].

В новых штатах казенных горных округов Урала 1847 г. не содержалось принципиальных изменений по количеству и жалованию врачей. В них не было должности инспекторов по медицинской части, но появились старшие врачи. В шести горных округах региона полагалось иметь 26 врачей: 6 старших и 20 младших (см. Приложение № 7).

Годовой фонд их жалования составил 11 160 рублей. Эта сумма была меньше, чем в прежних штатах в 3,75 раза. Учитывая обмен ассигнаций по финансовой реформе Е. Ф. Канкрина по курсу 3,5 к 1 и инфляцию того периода времени, можно говорить о небольшом сокращении расходов на содержание врачей (см. Приложение № 1, 2).

В условиях существенного роста доходов врачей во многих крупных частных горнозаводских хозяйствах Урала такое фактическое «замораживание», а частично и снижение окладов в казенных округах привело к возрождению проблемы их дефицита. Поэтому в 1846 г. горными властями региона был поднят вопрос о воз-

---

[1] Соркин Ю. Э. Врачебная династия. С. 60–61; ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 16. Л. 182об.–183; Д. 17. Л. 86об.–87.
[2] ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 707. Л. 114; Архив г. Златоуста. Ф. И-19. Д. 1792.
[3] ГАСО. Ф. 24. Оп. 16. Д. 154. Л. 31. В 1863 г. здесь было завершено и строительство каменной двухэтажной горной аптеки, в 1880 г. оцененное в 9 330 руб.
[4] Архив г. Златоуста. Ф. И-19. Д. 3373.
[5] ГАСО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 1412. Л. 9.

обновлении практики казенных стипендиатов в медицинских учебных заведениях. В 1846–1849 гг. с Министерством финансов было проведено согласование новых условий предоставления ведомственных стипендий.

В этот раз горные власти учли имевшийся опыт. Теперь готовить специалистов решили на медицинском факультете ближайшего к Уралу Казанского университета. Предложение стать казенным стипендиатами горного ведомства стали делать юношам, уже обучавшимся за свой «кошт» на младших курсах, или окончивших полный курс гимназии или семинарии.

Отметим, что в 1853 г. эту практику переняло Министерство внутренних дел. Оно предписало Приказам общественного призрения содержать стипендиатов в высших медицинских заведениях, набираемых из выпускников гимназий. После окончания они должны были 10 лет отработать уездными и городовыми врачами[1].

В 1849–1850 гг. на медицинском факультете Казанского университета появились первые стипендиаты уральских казенных заводов. Двое из них впоследствии стали известными врачами, но уже на частных предприятиях. А. А. Миславский (1828–1914) и П. В. Рудановский (1829–1888) отработали на казенных заводах только по пять лет, определенных для них законодательством: первый в Богословском, второй – Гороблагодатском и Екатеринбургском округах. После этого они длительное время прослужили на частных заводах: первый – Верх-Исетского, второй – Нижнетагильского округа.

Учитывая удачный опыт набора казенных стипендиатов-медиков и их хорошую учебу, министр финансов разрешил продолжить эту практику. Причем главный горный начальник уральских заводов В. А. Глинка истолковал разрешение принять еще двух человек по-своему. Он посчитал, что это по два юноши на курс, и определил казенные стипендии сразу шести студентам медицинского факультета Казанского университета. Это «недоразумение» было утверждено, но с условием, что затем для Урала будут единовременно учиться только два студента, а

[1] См.: Сборник циркуляров и инструкций Министерства внутренних дел с учреждения Министерства по 1 октября 1853 г. Т. 6. СПб., 1857. С. 215–216.

остальные четыре стипендии будут предоставляться для нерчинских и алтайских заводов[1].

Недостатка в желающих стать казенными стипендиатами горного ведомства на медицинском факультете Казанского университета не возникало. Судя по поступавшим прошениям, было значительное количество малообеспеченных студентов-медиков и юношей со средним образованием, желавших стать врачами. Поэтому горные власти даже наводили справки по претендентам на стипендию. Они давали согласие только тем, кто уже успешно закончил несколько курсов и получил хорошие характеристики.

Преимущество имели выходцы с Урала, особенно дети лиц, служивших на горных заводах. Одним из экспертов, дававших эти рекомендации, был профессор Казанского университета доктор медицины П. И. Вагнер, в 1829–1840 гг. – врач в Верх-Исетском округе Яковлевых[2]. В 1856 г. горные стипендиаты для уральских казенных заводов были определены и в Медико-хирургическую академию в Санкт-Петербурге. Здесь также было разрешено одновременно обучать двух человек для региона.

Во второй половине 1850-х гг. еще шесть стипендиатов горного ведомства окончили обучение и были определены врачами на казенные заводы Урала. Половина из них достигла существенных успехов на горной службе. П. Соколов прослужил здесь более 20 лет, а Я. Фролов – 12 лет. Первый стал старшим врачом Гороблагодатского округа, второй – Богословского. После скоропостижной смерти Я. Фролова на эту должность был переведен другой бывший казенный стипендиат П. Рунин[3]. Еще три врача (Ф. Миллер, П. Сорокин, М. Теплов) быстро уволились со службы в горном ведомстве (см. Приложение № 16).

После прибытия этих специалистов все вакансии врачей в казенных округах Урала вновь оказались временно заполненными. В 1857 г. здесь служили все по-

---

[1] ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 103. Л. 106–108.
[2] См.: Черноухов Э. А. Врачи-стипендиаты. С. 163.
[3] ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 103. Л. 378, 417–418; Д. 632. Л. 35, 59.

ложенные по штатам 26 специалистов[1]. Штатные вакансии врачей вновь появились уже после отмены крепостного права.

В целом в первой половине XIX в. горные власти различными путями решали сложную проблему привлечения и адаптации аттестованных врачей на казенные горные заводы Урала. С помощью подготовки горных стипендиатов, регулярных запросов в Министерство внутренних дел, перевода специалистов из других ведомств, а также их перемещения по округам, большую часть первой половины XIX в. удавалось иметь необходимое (или несколько меньшее) количество специалистов, определенных действующими штатами. Традиционно дефицит штатных врачей наблюдался только в двух северных округах Урала с тяжелыми природно-климатическими условиями: Гороблагодатском и Богословском. Существенно лучшим было положение в самом западном для региона Камско-Воткинском заводе.

Стремление части врачей служить в казенных округах региона, на существенно менее привлекательных условиях, чем в частных хозяйствах, объясняется целым комплексом причин. Их положение здесь было значительно более предсказуемым и спокойным.

Во-первых, на протяжении всей первой половины XIX в. казенных заводах конфликты врачей с администрацией были существенно реже, чем в частных горнозаводских хозяйствах Урала. К тому же в них уровень защищенности врачей здесь был существенно выше. В сохранившихся источниках зафиксированы случаи конфликтов медиков с управляющими казенными горными предприятиями. В результате врачи обычно лишались своих должностей, но дело не доходило до судебных разбирательств, как в частных округах.

Приведем характерные примеры. В 1813 г. лекарь Версилов, после конфликта с управляющими Дедюхинскими соляными промыслами, был переведен в Гороблагодатский округ[2]. В 1825 г. у уволенного из-за конфликта с управителем Камско-Воткинского завода штаб-лекаря И. Т. Воскобойникова по его просьбе

---

[1] Подсчитано автором по: ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 1537. Л. 180–196 об.
[2] ГАСО. Ф. 24. Оп. 33. Д. 244.

был выкуплен дом, причем за сумму, лишь немногим меньшую, чем тот определил[1]. В 1846–1847 гг. лекарь Миасского госпиталя К. Л. Понятовский выдвинул серьезные обвинения против произвола части руководства Златоустовского округа. В свою очередь, он был обвинен в «нерадении по службе». При этом все наказания К. Л. Понятовскому согласовывались в Штабе Корпуса горных инженеров и утверждались министром финансов. Даже после отстранения от должности за ним сохранилось половина жалования, а в период месячного нахождения на офицерской гауптвахте в Екатеринбурге он получал кормовые деньги[2].

Во-вторых, материально более выгодная служба в частных хозяйствах оборачивалась социальной незащищенностью самих врачей и их семей. Врачи казенных горных заводов получили право на пенсию по выслуге лет по утвержденному Проекту Горного положения 1806 г. (ст. 679). Им наделялись и медики на частных предприятиях, но только тех, где имелись «казенные люди» (приписные и посторонние, затем непременные работники).

В-третьих, количество потенциальных мест службы для врачей в частных горнозаводских хозяйствах Урала оставалось ограниченным. Штаты казенных округов предусматривали для них значительное число должностей.

Вместе с тем, служба по медицинской части на казенных заводах Урала не считалась привлекательной по целому ряду причин.

Во-первых, ее врачи обычно получали жалование существенно меньше, чем в частных хозяйствах (в крупных – в несколько раз). К тому же оно было зафиксировано в штатных положениях, которые действовали по нескольку десятилетий, не учитывая инфляционных процессов.

Во-вторых, местом службы для многих врачей были отдаленные горнозаводские поселки, где практически отсутствовала возможность для частной практики, самой выгодной в материальном отношении. Особенно тяжелой она была в северных Богословском и Гороблагодатском казенных округах, с их крайне суровым

[1] ЦГАУР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 3259.
[2] ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 417.

климатом[1]. Здесь постоянно была на порядок выше заболеваемость и смертность[2]. Врач в принудительном порядке мог быть переведен на службу в госпиталь другого казенного завода и даже округа. Во время эпидемий его могли командировать и на частные заводы региона.

В-третьих, казенная служба традиционно сопровождалась ведением обширной бюрократической отчетности.

В-четвертых, врачи в горном ведомстве, как «непрофильный» персонал, крайне редко получали какие-либо награды. В 1848 г. В. А. Глинка отмечал, что с трудом добился ордена Анны третьей степени только для медицинского инспектора Уральского горного правления М. Г. Вульфа, прослужившего на этой должности более 20 лет[3].

Видимо, поэтому на казенных горных заводах Урала не появилось врачебных династий. Единственным известным нам исключением стал В. Г. Носов, окончивший Медико-хирургическую академию в качестве казенного стипендиата и распределенный в 1828 г. в округ Пермских заводов. Большинство сыновей врачей, служивших при казенных заводах (Варвинского, Горшкова, Нехведовича, Протасова, Тучемского, Чайковского и др.), предпочли стать горными инженерами.

Существенная часть специалистов, определенных на казенные заводы региона (казеннокоштные воспитанники и горные стипендиаты высших медицинских заведений империи) прослужили здесь только определенный в законодательстве срок. После окончания обязательной отработки они переходили на более выгодную в материальном плане службу.

Некоторые из них стремилась сделать это и раньше определенного в законодательства срока. В середине 1840-х гг. сведения о нарушениях условий «отработки» врачей на казенных заводах Урала дошли до штаба Корпуса горных инженеров. По его указанию главный начальник уральских горных заводов 29 апреля

---

[1] К тому же здесь, особенно в Богословском казенном округе, было много ссыльных. А они, как образно в 1840 г. заметил его горный начальник, зачастую «истощали свои силы порочной жизнью» (см.: ГАСО. Ф. 43. Оп. 2. Л. 1681. Л. 5).
[2] См., например: РГИА. Ф. 44. Оп. 2. Д. 311. Л. 27, 82.
[3] ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 103. Л. 62об.

1846 г. предписал не допускать повторения имевшихся случаев незаконного перехода медиков, получивших казенное пособие, в частные округа[1].

Приведем сводные данные по происхождению, образованию и срокам службы врачей, служивших на казенных горных заводах Урала в первой половине XIX в. (выявлено более 80 специалистов). Их репрезентативность по рассматриваемым показателям превышает 70–80%.

По происхождению врачи казенных заводов были выходцами из самых различных социальных групп. Большинство из них были сыновьями лиц духовного сословия и обер-офицеров. Смогли стать врачами выходцы из унтер-шихтмейстеров и даже мастеровых (Горшков, Зубринский, Лабутин, Морозов, Решетников, Устинов). Кроме того, здесь служили и несколько сыновей дворян (четыре из упомянутых поляков, Кучевский и Рудановский) и купцов (Вульф, Лапин, Лаушкин), а также иностранцы (Дрешер, Зузич, Тизенгаузен).

Только девять врачей, начавших службу еще в XVIII в., не окончили высших учебных заведений. Они выслужили звания лекаря или штаб-лекаря в военных госпиталях. Среди врачей с высшим образованием половина были выпускниками Медико-хирургической академии, в том числе ее Московского отделения, четверть (15 человек) – медицинского факультета Казанского университета. Именно эти учебные заведения были основной «кузницей кадров» врачей для казенных горных заводов Урала.

Здесь служили и выпускники других медицинских факультетов. Шесть врачей окончили различные иностранные университеты (Дрешер, Зузич, Кронгейм, Тиме, Трейер, Фелькнер), четверо – Виленский (Вагнер, Нехведович, Стржалковский, Ходорович), один – Дерптский (Бострем).

Многие врачи прослужили на казенных заводах Урала значительный период времени. Дольше всех С. Ф. Тучемский – 45 лет (1823–1868 гг.). С 1826 г. он до самой смерти заведовал госпиталем Камско-Воткинского завода. Еще 23 врача в первой половине XIX в. прослужили на казенных заводах региона более 10 лет.

---

[1] ЦГАУР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 5456. Л. 2.

Достаточно распространенным явлением был переход врачей с казенной горной службы на частные заводы, обычно после необходимой по закону отработки. В первой половине XIX в. это сделали не менее 18 специалистов. Вместе с тем, в тот же период времени не менее 8 врачей, наоборот, перешли служить с частных на казенные горные заводы региона[1].

В целом сформировавшаяся в первой половине XIX в. профессиональная корпорация врачей казенных горных заводах Урала была весьма неоднородной по составу. Ее представители существенно различались по происхождению, месту получения образования и сроку службы.

В штатах 1847 г. закреплялась необходимость наличия аттестованного специалиста уже во всех шести казенных округах: пять аптекарей и одного гезеля (в Пермских заводах). При этом общий фонд жалования этой категории медицинского персонала фактически остался на прежнем уровне: 2 100 руб. Эта сумма была меньше предыдущей в 3,45 раза[2]. Учитывая обмен ассигнаций по реформе Е. Ф. Канкрина по курсу 3,5 к 1 и небольшую инфляцию того периода времени, можно говорить о выделении средств на содержание аптекарей на уровне прежних штатов.

Но, учитывая введение новой ставки, их годовое жалование несколько понизилось. Для аптекаря в казенном округе по штатам 1847 г. оно составляло 360 (в центральной Екатеринбургской – 480), гезеля – 180 руб.

В первой половине XIX в. большинство аптекарей, служивших на казенных заводах Урала, были иностранцы, в том числе принявшие российское подданство, а также выходцы из западных регионов Российской империи. В самой крупной «центральной» Екатеринбургской заводской аптеке последовательно служили провизоры З. Дрейер, Х. И. Томсон, Г. Ф. Гельм, Т. М. Рейнке, В. Кестер. Практически все из них начинали службу в крупных аптеках (гражданских или военных) и, выработав необходимый стаж, сдали соответствующие экзамены в российских университетах. Их помощниками были гезели А. Я. Исполитов и Н. П. Ламони,

---

[1] Подсчитано автором по: Приложение № 17.
[2] Подсчитано автором по штатам казенных заводов Урала 1827–1829 и 1847 гг.

имевшие общее среднее образование. Похожим было положение и в других казенных горных округах Урала (см. базу данных в Приложении № 18). В 1850-х гг. во всех из них служило по одному штатному аптекарю[1].

В условиях незначительного количества потенциальных мест службы, «текучести» этих специалистов не наблюдалось. Нами зафиксирован единственный случай перехода аптекаря на частные заводы (Рейнке), который через четыре года вернулся на казенную службу[2].

Самым известным специалистом на уральских горных заводах стал немец Густав Гельм. Перебравшийся в Россию в 1804 г., он с 1820 г. заведовал Екатеринбургской аптекой. Г. Гельм был возведен в дворянское достоинство, удостоен многих наград, учредил собственную хромо-красочную фабрику[3].

В 1839 г., по заданию В. А. Глинки, он провел анализы на минеральном источнике вблизи Нижнесергинского завода. С 1855 г. сюда стали направляться больные и с горных заводов Урала[4].

Младший медицинский персонал госпиталей казенных заводов Урала состоял их лекарских и аптекарских учеников, подразделяемых на разряды. Их в подавляющем большинстве подбирали из местных «мастерских детей». Кандидаты в медицинский штат обычно получали небольшую дополнительную подготовку в ближайших горных школах. Кроме того, практиковался перевод в медицинские заведения с других приказнослужительских и рабочих должностей. Основную практическую подготовку ученики получали непосредственно при центральных госпиталях и аптеках казенных округов. В ходе службы их нередко перемещали по различным госпиталям внутри округа[5].

Более серьезную подготовку получали старшие лекарские и аптекарские ученики. Они направлялись в ближайшие духовные семинарии (Вятскую, Пермскую, Оренбургскую), где за казенный счет изучали латинский язык. В случае отсут-

---

[1] ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 1537. Л. 182 об.–196 об.
[2] Там же. Оп. 2. Д. 2325. Л. 1–3.
[3] См.: Диффузии технологий. С. 266.
[4] См.: Трубецкой В. С. Генерал Глинка и Нижнесергинские минеральные воды // Вестник Уральского института туризма. Вып. 3. Екатеринбург, 2004. С. 171–176.
[5] См., например: ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 1910. Л. 418–421; Д. 2311. Л. 1–6.

ствия врачей старшие лекарские ученики (нередко имевшие звания подлекарей) непосредственно оказывали медицинскую помощь населению.

За редким исключением пределом карьерного роста для старших лекарских учеников была должность комиссара госпиталя. Нам известны только три упомянутых случая направления старших лекарских учеников с казенных заводов Урала для обучения на врача в высшие медицинские учебные заведения.

Материальное положение младшего медицинского персонала практически всегда было незавидным. В сохранившейся переписке на протяжении всей первой половины XIX в. имеются сведения о недостатке жалования лекарских учеников для содержания семей, желании перевестись на приказнослужительские должности, традиционно открывавшие больше финансовых возможностей. Однако местное руководство обычно было недовольно подобной перспективой, резонно заявляя о значительных казенных затратах при обучении медицинским знаниям и навыкам[1].

Между аттестованным (врачи, аптекари) и младшим медицинским (лекарские и аптекарские ученики) персоналом пролегала четкая грань. В большинстве своем они кардинально отличались по происхождению и жалованию. При этом сохранившиеся источники не зафиксировали острых конфликтов между этими категориями, характерных для многих частных горнозаводских хозяйств региона.

Проблема подготовки и адаптации младшего медицинского персонала (лекарских и аптекарских учеников) решалась значительно проще, так как он в основном набирался их детей местных мастеровых. Но служба на этих должностях не считалась материально выгодной. Часть лекарских и аптекарских учеников постоянно стремилась к переходу на административные должности.

В целом накануне отмены крепостного права медицинское обслуживание населения в казенных горных округах Урала имело как очевидные достижения, прежде всего доступность для местного населения, так и существенные недостатки. Покажем основные проблемы на примере Гороблагодатского округа.

---

[1] ГАПК. Ф. 673. Оп. 1. Д. 6. Л. 285–286; ГАСО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 29. Л. 171; Д. 49. Л. 199–199об.

В медико-статистическом описании этого хозяйства середины 1850-х гг. отмечалось, что все работающие на его производствах мужчины с «повальными болезнями» обычно поступают в госпитали, где в основном успешно излечиваются. Этому способствовал имевшийся штатный комплект аттестованных врачей. Но женщины, по неимению свободных мест в госпиталях, были вынуждены лечиться дома «с худшими успехами»[1].

В 1859 г. берг-инспектор при осмотре Гороблагодатского округа отметил недостаток средств на медицинскую сферу, определенных штатами 1847 г. В частности, он указал на значительную нехватку мест в Нижнетуринском и Баранчинском госпиталях. Количество больных, нуждавшихся в стационарном лечении, в первом из них и в начале 1840-х гг. стабильно превышало имевшиеся здесь 50 кроватей, определенных штатами 1829 г.[2] Но по новым штатам 1847 г. количество мест для стационарного лечения было не увеличено, а уменьшено на 10 кроватей.

На весь округ имелась единственная палата для помещения больных с сифилисом в Кушвинском госпитале, куда их отправляли на неприспособленных подводах с других заводов на расстояние до 60 верст. К тому же два самых крупных госпиталя в округе (Кушвинский и Нижнетуринский) были построены еще в начале века и сильно обветшали[3].

Накануне отмены крепостного права, после резкого повышения цен на Урале, появились существенные «передержки» средств. В Гороблагодатском округе в 1859 г. они превысили половину всей штатной суммы (251 тыс. руб. при штате в 422 тыс.). При этом половина этой суммы составляли «передержки», связанные с резким ростом цен на провиант. Существенный перерасход был допущен и по медицинским заведениям, также по причине дороговизны продовольствия[4]. В Гороблагодатском округе во второй половине 1850-х гг. резко (фактически на треть)

---

[1] ГАСО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 21. Л. 31.
[2] Там же. Ф. 43. Оп. 2. Д. 1727. Л. 24.
[3] Там же. Оп. 1. Д. 298. Л. 6об.–7об.
[4] Там же. Ф. 24. Оп. 32. Д. 1257. Л. 268об.–277об.

возросли накладные расходы[1]. Это требовало оптимизации затрат, в том числе на медицинскую сферу.

Таким образом, организация и деятельность горнозаводской медицины в казенных округах Урала в первой половине XIX в. регламентировалась обширной нормативно-правовой базой. Ее основа была заложена в Проекте горного положения 1806 г. Штаты 1827–1829 и 1847 гг. скорректировали ряд важных показателей: количество стационарных заведений, их кроватей, состав и оплату труда персонала. Это было сделано с учетом полученного опыта, требований имперского законодательства и происходивших изменений в самом горном ведомстве.

Разветвленная сеть медицинских заведений (госпитали и аптеки) в казенных округах Урала сложилась уже в первом десятилетии XIX в. и отличалась стабильностью. Горное ведомство содержало их при всех своих казенных заводах (кроме Нижнеисетского), а также центрах крупных рудников и промыслов. В ряде других обширных селений небольшие госпитали, обслуживаемые лекарскими учениками, содержались за счет сверхштатных доходов. В различных отчетах отмечалась позитивная тенденция: всё большее количество заболевших работников с горнозаводских производств стремились лечиться в стационарных заведениях.

Вместе с тем перманентной проблемой оставалась недостаточная материально-техническая база казенной горнозаводской медицины Урала. Она далеко не во всем соответствовала требованиям имперского и ведомственного законодательства. Выделение средств и строительство новых помещений растягивалось на длительный срок, зачастую десятилетия. Капитальные каменные здания для медицинских заведений были построены только в центрах трех из шести казенных округов. В отдаленных заводских поселках госпитали и аптеки обычно располагались в тесных обветшавших помещениях.

Во всех казенных округах Урала с 1830-х гг. была в целом разрешена острая проблема дефицита врачей. Существенную роль в этом сыграло внедрение и совершенствование практики подготовки стипендиатов горного ведомства в Медико-хирургической академии и Казанском университете. Постепенно в каждом ка-

[1] Безобразов В. П. Указ. соч. Приложение. С. 80–81.

зенном округе появилось и по одному аптекарю, предусмотренному действовавшими штатами.

Служба аттестованного медицинского персонала в казенных округах была значительно более предсказуемой. Вместе с тем уровень его оплаты фактически не возрастал с конца 1820-х гг.

Необходимость масштабной трансформации обширной социальной инфраструктуры горнозаводских хозяйств Урала стала активно обсуждаться уже в 1859 г., когда перспектива скорой отмены крепостного права стала очевидной. Этому способствовал и серьезный социально-экономический кризис на уральских горных заводах.

В 1859 г. в горном ведомстве были созданы первые положения и записки «Об улучшении быта заводских людей» после их освобождения от крепостного права. Свой проект преобразований в социальной сфере после отмены крепостного права подготовил и Комитет уральских заводовладельцев, образованный при Министерстве финансов[1].

Все эти документы предполагали существенное сокращение так называемых «натуральных» повинностей казны и заводовладельцев. Это закономерно касалось и заведений социальной инфраструктуры: их содержание планировалось во многом переложить на профильные ведомства, учреждения местного самоуправления и самих работников.

Но в горном ведомстве так и не удалось согласовать реалистичный компромиссный вариант, устраивавший все заинтересованные стороны. Поэтому в утвержденной в начале 1860-х гг. новой нормативной базе содержались только самые общие положения о дальнейшей судьбе заведений социальной инфраструктуры в заводских поселках. Причем реализовать значительную часть из них на практике в обозримой перспективе не представлялось возможным.

Ведь важная роль в финансировании заведений социальной инфраструктуры отводилась горнозаводским товариществам, которые только предстояло создать.

---

[1] См.: Шустов С. Г. Участие графов Строгановых в деятельности корпоративных органов уральских заводовладельцев в 40–50-е гг. XIX в. // Страницы истории Урала. Пермь, 2008. С. 12–13.

Их вспомогательные кассы должны были формироваться на паритетной основе: заводоуправления вносили столько же средств, сколько работники отчисляли со своего жалования. Для них предусматривались и иные источники доходов: штрафные деньги, проценты со ссуд и ценных бумаг и др.[1]

Но руководители горных заводов Урала сразу были настроены весьма скептически по перспективам создания горнозаводских товариществ и пополнения их капиталов. В частности, горный начальник Екатеринбургского округа однозначно заявил, что «работники, выйдя из одних обязательственных отношений, не пожелают сразу вступать в новые». А главный горный начальник уральских заводов отмечал, что местное население не привыкло к «общественной самодеятельности»[2]. Подобные настроения разделяли и руководители частных заводоуправлений и контор.

Эти пессимистические прогнозы практически полностью оправдались. Процесс создания горнозаводских товариществ на казенных заводах Урала растянулся на тридцать с лишним лет. К тому же они оказались не в состоянии осуществлять многие возлагаемые на них функции, в том числе по содержанию заведений социальной инфраструктуры.

Попытки учреждения первых горнозаводских товариществ относятся к 1863 г.: на Каменском и Нижнеисетском заводах. Но в тот период еще не было принято общее для всех казенных заводов «Положение о вспомогательных кассах». Оно было разработано «Комиссией по пересмотру Горного устава» и утверждено министром финансов только в 1866 г.[3]

После этого начался долгий процесс становления горнозаводских товариществ в казенных округах. Они были созданы при 14 заводах: 1865 г.– Нижнетуринское; 1866 – Златоустовское, Миасское, Кусинское, Верхнетуринское, Баранчинское, Серебрянское, Каменское; 1867 – Кушвинское и Нижнеисетское; 1873 – Воткинское; 1886 – Пермское и Саткинское; 1895 – Артинское. На остальных предприя-

---

[1] См.: ПСЗ-II. № 36719.
[2] ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 400. Л. 228об.
[3] Там же. Ф. 25. Оп. 1. Д. 423. Л. 31–32об., 87–93.

тиях (Березовские промыслы, Екатеринбургский монетный двор и др.) горнозаводские товарищества так и не были учреждены по нежеланию работающих[1].

В горнозаводских товариществах были созданы так называемые «товарищеские кассы», отличные от эмеритальных касс для служащих горного ведомства. В них обязательства по отношению к членам возникали только после поступления средств, достаточных для их удовлетворения (т.е. не менее чем 10-летнем членском стаже). Реально их незначительные средства в последней трети XIX в. расходовались в основном на пенсии и общественное призрение. В сфере медицинского обслуживания из товарищеских касс выдавались лишь пособия членам, которые находились на лечении в горных госпиталях более двух месяцев. Но таких больных было минимальное количество[2].

К тому же сразу возникли серьезные проблемы, связанные с недостаточной нормативной базой деятельности горнозаводских товариществ. Проект «Положения» по их вспомогательным кассам длительное время не удавалось утвердить, действовал его «временный» вариант. Окончательно оно было утверждено только в 1893 г.[3]

Поэтому масштабная трансформация социальной инфраструктуры горнозаводских предприятий Урала растянулась на несколько десятилетий. Причем часть первоначально запланированных изменений так и не была реализована на практике. Различные проблемы, регулярно возникавшие в ходе болезненных преобразований, зачастую или пытались решать по мере возникновения, или просто откладывали на неопределенный срок.

Для сравнения следует отметить, что в Германии в 1883 г. был принят закон о страховании рабочих, в том числе при горных заводах, от болезней, которое возлагалось на больничные кассы. Средства этих учреждений составляли взносы ра-

---

[1] См.: Орлов П. А. О проекте исследования межведомственной практики. С. 318–319.
[2] Тигранов Г. Обзор деятельности горнозаводских товариществ при казенных горных заводах и рудниках в период с 1881 по 1893 год // Горный журнал. 1895. Т. 1. С. 63–64; ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 1004.
[3] См.: Тигранов Г. Указ. соч. С. 42–45.

бочих с заработной платы (2/3 суммы) и владельцев предприятий (1/3). Кассы выдавали денежные пособия на период болезни[1].

Переходим непосредственно к анализу трансформации заведений медицинской части на казенных заводах после отмены крепостного права. Первые предложения горного ведомства в этой сфере были в целом разумными. Его руководство декларировало необходимость сохранения собственных госпиталей и аптек при существенном сокращении их финансирования в условиях перехода на вольнонаемный труд. В период острого социально-экономического кризиса рубежа 1850–1860-х гг. необходимость оптимизации расходов стала очевидной.

Главным направлением их сокращения определялось прекращение бесплатного лечения существенной части жителей заводских поселков. Лица, не работавшие на горнозаводских производствах, теперь должны были оплачивать его сами. Кроме того, часть затрат на оказание медицинской помощи работникам предполагалось переложить на органы самоуправления.

Ранее действовавший вариант оказания медицинской помощи сохранялся только для горных чиновников и канцелярских служителей. За право на бесплатное лечение у них продолжали вычитать 2,5% жалования.

Эти предложения были закреплены в соответствующих нормативных актах. В «Положение о горнозаводском населении казенных горных заводов ведомства Министерства финансов» от 8 марта 1861 г. закреплялось принципиально новая норма о необходимости содержать ведомственные медицинские заведения только для членов горнозаводских товариществ (ст. 59), которые еще только предстояло создать. Причем и их должны были бесплатно лечить только первые два месяца, с удержанием у холостых работников всей заработной платы, а у женатых – от трети до двух третей. Дальнейшее пребывание в госпитале должны были оплачивать горнозаводские товарищества (ст. 65). Остальные лица могли поступать в казенные госпитали за плату по таксе, устанавливаемой для больниц ведения Приказа общественного призрения[2].

---

[1] Степанов В. Л. Указ. соч. С. 61.
[2] Положение о горнозаводском населении казенных.; РГИА. Ф. 47. Оп. 1. Д. 64. Л. 203.

Подобные нормы были закреплены и в уставных грамотах, утвержденных для горнозаводских поселков казенных предприятий. В них отмечалось, что «все находящиеся в действительной заводской службе, уволенные в отставку за полную выслугу лет, или по неспособности, сельские работники, члены семейств, вдовы и сироты означенных лиц имеют право на бесплатное от заводов медицинское призрение в госпитале впредь до образования горнозаводских товариществ[1].

После их учреждения положение принципиально изменялось. Право бесплатного лечения в заводских госпиталях и получения лекарств сохраняли только их члены. Это также распространялось и на не вступивших в горнозаводские товарищества работников, в случае если их болезнь стала следствием «заводских занятий». Однако срок их бесплатного лечения не должен был превышать одного месяца.

Однако реализовать на практике эти новые нормы горного законодательства было крайне сложно. Возможность простого закрытия большинства казенных медицинских заведений реально не обсуждалась: других, где могли лечиться работники, в заводских поселках просто не было. А передать эти медицинские заведения кому-либо в обозримой перспективе не представлялось возможным. В тоже время существенные затраты на их содержание в условиях свободной найма стали вызывать недовольство руководства горного ведомства.

После отмены крепостного права в горном ведомстве уже не было относительного единства мнений о необходимости собственных медицинских заведений. Оценки современников существенно расходились.

С одной стороны, осенью 1862 г. все горные начальники казенных округов настаивали на том, что содержать существующие медицинские заведения можно только «из заводских сумм», а на содействие местных обществ в этой сфере реально рассчитывать не приходится. Для этого требовалось изменить ряд норм «Положения» от 8 марта 1861 г. Проблема обсуждалась в ходе осмотра заводов региона начальником Штаба Корпуса горных инженеров.

---

[1] См., например: ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 444. Л. 75–75об., Д. 461. Л. 646–646об.

Это мнение о сохранении прежнего источника финансирования медицинских заведений при казенных заводах (при весьма туманных перспективах создания и особенно эффективности деятельности горнозаводских товариществ) разделяло и руководство горного ведомства. Комиссия по пересмотру Горного устава однозначно высказалась за необходимость собственных заведений социальной инфраструктуры. Большинство ее членов считало, что «подчинение другому ведомству учреждений, относящихся до благоустройства общественного быта местного населения[1], составляло бы совершенную аномалию»[2]. Комиссия предложила следовать ст. 59 Положения от 8 марта 1861 г. и решению Горного департамента от 31 августа 1863 г., разрешившего использовать выделяемые штатные суммы на медицинскую часть для бесплатного лечения всех «действующих работников», членов их семейств и лиц, уволенных в отставку по выслуге лет и неспособности[3].

Эта позиция имела своих приверженцев и в последующие годы. Горный инженер И. П. Котляревский в 1870 г. предлагал оставить на содержании Уральского горного правления большинство медицинских заведений казенных заводов, а соответствующим ведомствам и организациям передать только учебные и общественного призрения[4]. Столичный эксперт Л. Бертенсон в начале 1890-х гг. высказал мнение о необходимости для горных заводов и в дальнейшем иметь собственные госпитали и аптеки[5]. По мнению этих специалистов, следовало лишь существенно сократить (в современной терминологии – оптимизировать) расходы на их содержание.

За сохранение собственных медицинских заведений в горном ведомстве выступали и созданные земские учреждения Урала. Первоначально они практически не имели собственных врачебных участков в горнозаводских поселках. Съезды врачей Пермской губернии, где преобладали представители земства, неоднократ-

---

[1] Под ними Комиссия понимала заведения: медицинские, учебные и общественного призрения. Церковные, характеризуемые как заведения «духовного призрения», рассматривались отдельно. Впрочем, их также предлагалось оставить на содержании горного ведомства.
[2] ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 7214. Л. 60–60об.
[3] Там же. Ф. 25. Оп. 1. Д. 444. Л. 171–172.
[4] Котляревский И. Указ. соч. С. 343–345.
[5] Бертенсон Л. Указ. соч. С. 50.

но принимали резолюции о необходимости достойного содержания горным ведомством своих медицинских заведений. При этом земства были не прочь со временем получить в свое распоряжение солидную материально-техническую базу заводских госпиталей и аптек.

В тоже время после отмены крепостного права позиция о необходимости постепенного, но неуклонного свертывания горнозаводской медицины постепенно приобретала все больше сторонников, в том числе в горном ведомстве. Уже в 1862 г. главный начальник уральских горных заводов Ф. И. Фелькнер предложил не платить часть жалования работникам, во время их нахождения в госпитале. По его мнению, это положение было «внушено филантропическими побуждениями» и «располагало их к симуляции». Горный начальник Екатеринбургского округа высказался за еще более радикальные меры: взимать плату в госпитале с работников, заболевших не на производстве[1].

Проблема ликвидации собственных медицинских заведений в горном ведомстве обострилась после учрежденных на Урале новых органов местного самоуправления. Заводы стали крупными плательщиками земских и городских сборов, поэтому их руководство все настойчивей заявляло о необходимости освобождения от «натуральных» повинностей, доставшихся в наследство от крепостной эпохи.

В 1869 г. горный начальник Гороблагодатского округа В. А. Грамматчиков завил, что заведения социальной инфраструктуры «совершенно чуждые заводскому делу, усложняют администрацию, увеличивают число служащих и накладные расходы». Он предложил передать медицинскую часть создаваемым в Пермской губернии земствам.

В качестве одной из причин обоснования этой меры им называлось и изменение отношения населения к своему лечению. В казенных госпиталях Урала после отмены крепостного права кардинально уменьшилось количество пациентов. В. А. Грамматчиков констатировал: «Рабочий теперь смотрит на госпиталь не как место отдыха или убежище от работы (как раньше), а как на причину, лишающую

[1] ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 400. Л. 14–17, 229–230.

его заработка, и поэтому поступает в госпиталь только в случае крайней необходимости»[1].

По нашему мнению, эта оценка, несмотря на известное преувеличение, в целом соответствовала реальности. Различные источники отражают резкое сокращение больных во всех стационарных медицинских заведениях казенных горных заводов после отмены крепостного права. Так, в новом Златоустовском госпитале в конце 1860-х гг. в среднем в день лечилось всего 10 больных от горного ведомства[2]. Похожие сведения поступили из Екатеринбургского округа. Здесь в начале 1870-х гг. в Березовском госпитале в среднем лечилось 9 человек в день, в Каменском – 5[3], Пермских пушечных заводов – 4[4]. В Гороблагодатском округе к концу 1860-х гг. численность больных в госпиталях уменьшилась почти наполовину[5].

За передачу казенной горнозаводской медицины (госпиталей и аптек) в ведение земств и городских обществ высказались академик В. П. Безобразов[6] и специальная экспедиция 1888 г., посетившая регион[7]. Но руководители органов местного самоуправления Урала в 1870–1880-х гг. совсем не стремились принять на свое содержание эти медицинские заведения, резонно заявляя о хроническом дефиците своих бюджетов.

В целом мнения современников по содержанию казенных медицинских заведений горного ведомства были противоречивы. Но для большинства перспектива была очевидна: их постепенная передача органам местного самоуправления. Оставались неопределенными сроки и условия реализации этой определившейся тенденции.

Поэтому после отмены крепостного права горные власти региона сосредоточились на решении текущих проблем казенных медицинских заведений. Главной из них было сокращение расходов на их содержание. В условиях резкого роста

---

[1] См.: Безобразов В. П. Указ. соч. Приложение. С. 56, 69–70.
[2] ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 707. Л. 45.
[3] Там же. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2003. Л. 46–46об.
[4] Там же. Ф. 43. Оп. 1. Д. 862. Л. 22об.–23.
[5] Безобразов В. П. Указ. соч. Приложение. С. 56.
[6] Там же. С. 184.
[7] Отчет Уральской экспедиции для исследования хозяйства казенных горных заводов. СПб., 1888. Ч. 3. С. 135.

цен на продовольствие стало крайне сложно «уложиться» в штатные показатели. Содержание медицинских заведений в 1860/1861 заводском году в шести казенных горных округах Урала обошлось в 106 427 руб.[1] Это было на четверть больше, чем определялось в штатах 1847 г.

При этом существенно сократить расходы на содержание персонала и больных не представлялось возможным. Наоборот, требовалось поднять жалование вольнонаемным работникам в условиях резкого роста цен.

Руководство горного ведомства решило постепенно сокращать сеть казенных медицинских заведений. В первую очередь оно планировало отказаться от собственных госпиталей и аптек в уездных центрах. В них имелись городские больницы, а в ряде городов – и стационарные лечебные заведения других ведомств и частных лиц. Но реализовать на практике даже эти ограниченные меры оказалось не просто.

В 1864 г., сразу после возвращения Екатеринбурга в ведение гражданских властей, Министерство внутренних дел предложило забрать его горный госпиталь для организации арестантской больницы. Но эта инициатива не была реализована, т.к. это медицинское заведение с 1857 г. выполняло и функции городской больницы[2].

В 1867 г. записку о необходимости передачи Екатеринбургского горного госпиталя военному ведомству подал управитель Монетного двора. Он отметил, что расходы на него существенно превышают штатные положения. К тому же вольные работники горнозаводских производств практически не поступали в госпиталь, из-за высокой платы за лечение[3].

В 1868 г. подобную записку о необходимости передачи госпиталя подал уже горный начальник Екатеринбургских заводов. Он обосновал это значительными затратами на его содержание, неоправданными для ведомства. Проблема во многом усугублялось статусом горного госпиталя, выполнявшего и функции городской больницы. Реальные расходы на лечение и содержание «посторонних» (для

---

[1] ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 400. Л. 15.
[2] Котляревский И. Указ. соч. С. 157.
[3] ГАСО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 500. Л. 1–4об.

горного ведомства) больных значительно превышал плату по таксе, определяемую МВД. К тому же взыскать ее было крайне сложно. Долги «посторонних» больных постоянно увеличивались, достигнув за 10 лет (1857–1867) значительной суммы в 6 529 руб. Годовой расход на Екатеринбургский госпиталь горный начальник оценил в 8 592 руб. Между тем, по его расчетам, для лечения больных собственно горного ведомства (в среднем занимавших всего восемь кроватей), требовалось не более трех тыс. рублей. Поэтому он предлагал передать его Городской думе или военным.

В 1869 г. подобную записку подал старший врач Екатеринбургских заводов П. С. Килькевич. Он также подчеркнул две тенденции: неуклонный рост долга «посторонних» пациентов (который достиг уже 8 666 руб.) и дальнейшее сокращения число больных собственно горного ведомства («едва ли 2%) в Екатеринбургском госпитале. П. С. Килькевич выступил и за ликвидацию горной аптеки, не выдерживавшей конкуренции со стороны появившихся в Екатеринбурге трех подобных «вольных» (частных) заведений.

Стоимость зданий горного госпиталя и аптеки оценили в 37 582 руб., а их имущество еще в 18 129 руб. Екатеринбургская городская дума отказалась от покупки, из-за отсутствия необходимых средств[1].

В 1871 г. горные власти предложили принять госпиталь Екатеринбургскому уездному земству. Однако и этот орган местного самоуправления отказался от медицинского заведения, также сославшись на отсутствие необходимых средств на содержание. Руководство земской управы указало, что до 70% его пациентов составляли военные. Екатеринбургское земство в тот период времени отказалось принять и Нижнеисетский заводской госпиталь, т.к. не планировало создания здесь нового врачебного участка[2].

Дело сдвинулось с мертвой точки только после принятия решения о закрытии в Екатеринбурге Монетного двора – последнего крупного горнозаводского предприятия в городе. Тогда горные власти согласились уже на безвозмездную (под-

---

[1] ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 707. Л. 1–6, 8–14, 66.

[2] Систематический свод постановлений Екатеринбургского уездного земского собрания. Вып. 1. Медицинская часть. Екатеринбург, 1902. С. 134.

черкнуто нами – Э.Ч.) передачу госпиталя (но с постоянно возраставшими недоимками) в военное ведомство. Она завершилась 1 марта 1875 г. Военное ведомство развернуло в его помещениях лазарет на 80 мест. По заключенному соглашению в нем сохранялось и четыре кровати для лечения больных с окрестных горнозаводских производств[1].

Подобное положение сложилось и в Златоусте, который в 1867 г. получил статус уездного города. Здесь ключевую роль играла новое капитальное здание госпиталя, окончательно достроенное в 1863 году. С одной стороны, горным властям было жалко его отдавать, да еще и безвозмездно, но, с другой, дорого содержать. К тому же количество штатных кроватей стало значительно (в четыре раза) превышать число больных горного ведомства. Горный начальник Златоустовского округа в 1870 г. выступил против упразднения заводского госпиталя в уездном центре, планируемого руководством Уральского горного правления. По его расчетам следовало, что лечение больных горного ведомства в городской больнице будет стоить дороже, чем расходы на содержание собственной медицинской части (5 052 руб. в год)[2].

Сразу после организации на Урале новых органов местного самоуправления руководство горного ведомства стало настойчиво искать желающих принять на свое содержание казенные госпитали. При этом оно обязывалось оплачивать в них лечение своих работников по таксам, установленным Министерством внутренних дел.

В 1871 г. Березовский казенный госпиталь Екатеринбургского округа было предложено передать военному ведомству. Процесс затягивался, во многом из-за крайне ветхого состояния здания, построенного еще в середине 1820-х гг. К тому же после отмены крепостного права количество больных здесь резко сократилось: поэтому его второй и третий деревянные этажи фактически не использовались и находились в плачевном состоянии[3].

---

[1] ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 707. Л. 166–167, 223, 241.
[2] Там же. Ф. 43. Оп. 1. Д. 707. Л. 45–65, 97–104об.
[3] Там же. Ф. 41. Оп. 1. Д. 1776. Л. 1, 177, 189.

В 1875 г. здание Березовского заводского госпиталя все-таки передали военному ведомству. Причем он сам не был ликвидирован, а просто перемещен в другое помещение, где ранее располагались богадельня и аптека.

В 1871 г. руководству Екатеринбургского округа удалось договориться о совместном использовании Каменского заводского госпиталя с Камышловским уездным земством. Оно выделяло 600 руб. в год на лечение в нем своих больных. Горное ведомство неоднократно предлагало земству купить его здание. Но сторонам так и не удалось договориться, в том числе из-за его тесноты и ветхого состояния заводского госпиталя[1].

Так и не решив вопрос о продаже или передаче абсолютного большинства госпиталей и аптек, горное ведомство смогло договориться о взаимовыгодном сотрудничестве с земскими органами. Особенно активным оно было в Верхотурском уезде. Значительная часть 200-тысячного населения на его огромной территории была лишена квалифицированной медицинской помощи. Перманентный дефицит бюджета не позволял новым органам местного самоуправления в обозримой перспективе реализовать появившиеся масштабные проекты развития медицинской сферы для всего населения уезда.

Поэтому Верхотурское земство решило развивать так называемую разъездную систему медицинской помощи с минимальным количеством собственных врачей. Первоначально их было всего двое: в Верхотурье и Нижнетагильском поселке. Большинство населения уезда должно было получать медицинскую помощь на земских фельдшерских пунктах, которые первоначально создавались в основном на территориях, где отсутствовала горнозаводская медицина.

Поэтому с руководством Гороблагодатского и Богословского казенных округов были достигнуты договоренности о сотрудничестве. Уже с 1871/1872 г. Верхотурское уездное земство стало доплачивать медицинскому персоналу Богословских заводов. Практически ежегодно очередные собрания этого органа местного

[1] Журналы II очередного Камышловского уездного земского собрания и доклады Камышловской уездной земской управы 1871 года. Ирбит, 1872. С. 38.

самоуправления выделяли средства на эти цели, а периодически и на содержание «земских» кроватей в Богословском госпитале[1].

V очередное Верхотурское уездное земское собрание 1874 г. выделило 1,7 тыс. руб. на содержание восьми кроватей для своих больных в заводских госпиталях Гороблагодатского округа и 540 руб. на доплату их персоналу[2]. С 1880 г. количество «земских» кроватей в округе сократили до шести. Но передача (продажа) земству этих заводских госпиталей еще не обсуждалась.

Проблема сокращения затрат на медицинские заведения в Богословском округе «разрешилась» с его продажей в 1875 г. Новый владелец С. Д. Башмаков по условиям покупки должен был содержать имевшиеся заведения социальной инфраструктуры. Но он просто закрыл имевшиеся госпитали, под предлогом остановки Богословского медеплавильного завода. Правда, С. Д. Башмаков оставил на своем содержании в поселке Турьинских рудниках врача К. Д. Михайлова[3]. При новых владельцах (Половцовых) деятельность Богословского госпиталя была возобновлена. В него был переведен единственный врач – К. Д. Михайлов[4].

В условиях невозможности передачи своих госпиталей другим владельцам горные власти стремились к экономии средств на медицинскую часть по различным направлениям. После смерти А. И. Тиме в 1869 г. не последовало назначения на должность медицинского инспектора уральских горных заводов с жалование в тысячу рублей. Обязанности по ней были возложены на старшего врача Екатеринбургских заводов, которому установили надбавку в 200 руб. В 1872 г. должность инспкктора была окончательно упразднена. Заведование медицинской частью в горнозаводских поселках перешло к губернским Врачебным управам[5].

---

[1] ГАСО. Ф. 435. Оп. 1. Д. 94. Л. 11об.

[2] Журналы V очередного Верхотурского уездного земского собрания 1874 г. с докладами управы и другими приложениями. Вятка, 1874. С. 36–37. Врачи Гороблагодатского и Богословского округов Рунин и Толкач даже указывались в отчетах по земской службе. Еще один врач Гороблагодатских заводов Д. А. Соловьев считался на службе в Кунгурском земстве.

[3] Неклюдов Е. Г. Уральские заводчики во второй половине. С. 547; Журналы VI очередного Верхотурского уездного земского собрания 1875 г. с докладами управы и другими приложениями. Пермь, 1876. С. 455–456.

[4] Половцов А. А. Дневник Государственного секретаря. Т. 1. 1883–1886. М., 2005. С. 365.

[5] Автобиография А. А. Миславского. С. XXIV; ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 527. Л. 242, 253.

Одним из следствий этого решения стало возрождение открытых конфликтов горных и гражданских властей в сфере медицинского обслуживания населения. В 1874 г. в Пермском пушечном заводе воспрепятствовали ревизии их госпиталя инспектором Пермской Врачебной управы Николаевым. Итогом завязавшейся переписки с взаимными обвинениями стало принятие компромиссного решения. В нем отмечалось, что в действующем законодательстве четко не прописаны взаимоотношения в этой сфере. Поэтому инспектор Пермской Врачебной управы может посещать заводские госпитали и давать советы, но не проводить в них ревизии, так как эти медицинские заведения находятся в ведении горных властей[1].

В 1879 г. здесь же вспыхнул новый межведомственный конфликт. Представители Пермской Санитарной комиссии по просьбе губернатора были допущены на Пермский пушечный завод. После осмотра они прислали на предприятие протокол с требованием очистки части берега Камы от навоза. Горный начальник заявил, что это не заводская территория, а у санитарной комиссии нет полномочий что-либо предписывать руководству казенных заводов[2].

Горные власти стремились сэкономить и на оплате медицинского персонала казенных заводов. Высокая инфляция быстро обесценила его жалование, установленное штатами 1847 г., которое и ранее не было значительным. В пореформенный период оклад для младших врачей составлял всего 420 руб. (с доплатами за квартиру и на денщика – 560). Между тем на рубеже 1850–1860-х гг. цены на продовольствие на Урале выросли в среднем в 2,5–3 раза.

Поэтому горные медики регулярно жаловались на низкую оплату своего труда. Врач Златоустовского казенного округа Е. Д. Арапов в записке 1867 г. сравнил свое положение с военными врачами. Последние имели регулярные прибавки к жалованию, меньший срок выслуги пенсии, практически не выезжали к больным на дом. К тому же военные госпитали располагались в городах, где было легче найти доходную частную практику[3].

---

[1] ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 862. Л. 12–23.
[2] Там же. Д. 987. Л. 6–10.
[3] Там же. Д. 103. Л. 686–687.

В свою очередь горные начальники отмечали, что жалование служащих подобного уровня, в том числе медиков, во многих учреждениях (судах, полицейской части, земстве и др.) в несколько раз больше, чем на казенных заводах. К тому же в некоторых из них им еще предоставляются права государственной службы. В Златоустовском округе в 1873 г. была составлена обширная сравнительная таблица по жалованию служащих разных заведений на Урале, ярко показывающая незавидное материальное положение врачей казенных заводов. При обсуждении проектов новых штатных положений горные начальники и управители заводов называли желательные оклады врачей, в несколько раз больше существующих. В 1873 г. для доктора в Миасский завод Златоустовского округа запрашивалось 1144 руб. жалования, при имевшемся в 470[1]. Эта сумма была сопоставима с окладами земских врачей в соседних уездах.

В конце 1870-х гг., при попытке передачи заводских госпиталей земству, горные власти посчитали необходимым оставить заводского врача в Златоусте с жалованием в 2,5 тыс. руб., указав, что здесь практически нет частной практики. Подобную инициативу выдвинули и в Гороблагодатском округе. Здесь указав желательное похожее содержание врача: 2,4 тыс. руб.[2] Последние предложения представляются нам несколько завышенными. Ведь земские врачи на Урале в тот период служили за 1,5–1,8 тыс. руб., к тому же с тяжелой разъездной системой, господствовавшей в большинстве уездов[3].

Малое содержание врачей на казенных заводах, установленное еще Штатами 1847 г., пытались увеличить за счет совместительства. В 1876–1877 гг. это разрешили и старшим врачам Гороблагодатского округа Соколову и Златоустовского Геннигсону. При этом последний исполнял обязанности медика в Кусинском заводе, а не занимал вакантную должность аптекаря в самом Златоустовском посел-

---

[1] См.: Архив г. Златоуста. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 2638. Л. 39, 79об.–80.
[2] ГАСО. Ф. 24. Оп. 16. Д. 154. Л. 31, 66–66об.
[3] Подробнее о материальном положении и статусе врачей различных ведомств на Урале в тот период времени см.: Черноухов Э. А. «Ни чинов, ни орденов, ни на старость не даётся». Положение врачей Пермской губернии в конце XIX века // Родина. 2012. № 11. С. 158–160.

ке, что явно было более разумным. Но действующие правила запрещали последнее, т.к. это была фармацевтическая, а не врачебная должность[1].

В Екатеринбурге с 1878 г. остался единственный врач горного ведомства: В. А. Туржанский. Он по совместительству заведовал и госпиталем Нижнеисетского завода[2].

Другие специалисты казенных заводов Урала сами искали себе дополнительные источники доходов. В 1875 г. врач Артинского завода В. Т. Архангельский, получавший всего 560 руб., стал совмещать еще должности уездного и земского врача. Это естественно мешало его основной работе и стало одной из причин увольнения[3].

Кроме того, горные власти стремились компенсировать небольшие оклады врачей казенных заводов предоставлением возможности повысить свою квалификацию. В начале 1860-х гг. на Урале был реализован ведомственный проект их переобучения. В 1862 г. Министерства финансов согласилось выделять средства на ежегодную научную стажировку четырех врачей с казенных заводов региона в Медико-хирургической академии или Казанском университете. Одной из ее основных целей должно было стать получение степени доктора медицины. На срок стажировки врачи сохраняли свое жалование и дополнительно получали по рублю суточных в день. После ее окончания они должны были отработать на казенных заводах два года.

Главный начальник уральских горных заводов Ф. И. Фелькнер в течение двух лет направил на стажировку в Санкт-Петербург и Казань пять врачей. Но затем это полезное новшество по повышению квалификации, о котором уже давно просили врачи, было прекращено. Главный горный начальник рапортовал, что стажировка «вызывает затруднения» в медицинской части заводов. За один год врачи не успевали подготовить докторскую диссертацию и просили о продлении стажи-

---

[1] ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 919.
[2] Там же. Ф. 24. Оп. 16. Д. 154. Л. 66.
[3] Там же. Ф. 24. Оп. 16. Д. 872. Л. 33–34.

ровки. Н. Куприянов, ставший доктором медицины, не стал возвращаться в Богословский округ, получив согласие горных властей остаться в Санкт-Петербурге[1].

К тому же с 1865 г. на казенных заводах Урала вновь обострилась проблема недостатка врачей. Одной из главных причин этого стало создание земских учреждений. Как уже отмечалось, здесь жалование врача сразу было в среднем в два-три выше, чем на уральских казенных заводах. С последних уволилось несколько врачей, и опять появились вакансии[2].

В 1866 г. новый главный горный начальник А. А. Иосса рапортовал о недостатке медиков в большинстве казенных округов, особенно расположенных на севере региона. На следующий год резко обострилась ситуация и в Златоустовском округе, где уволились сразу два врача[3].

Традиционно в лучшем положении находились Камские заводы, расположенные ближе к центру страны. Здесь в марте 1868 г. умерли два врача: доктора медицины Э. Вейденбаум и С. Ф. Тучемский. И уже в июне эти вакансии были закрыты, причем на службу вновь поступили два доктора медицины Э. Безе и М. К. Гольбек[4]. Это во многом объясняется тем, что Воткинский и Ижевский заводы по численности населения в тот период времени превосходили многие уездные города региона. Соответственно медики имели здесь больше возможностей для частной практики.

В условиях нехватки врачей на уральских заводах продолжалась практика определения казенных стипендиатов в высшие медицинские заведения. С начала 1860-х гг. горные власти в третий раз поменяли условия предоставления стипендий. Для вновь определенных стипендиатов они стали выплачиваться не за все годы, а только за оставшийся для них срок обучения. Соответственно выпускники должны были отрабатывать меньший срок.

Недостатка в желающих получать такую стипендию традиционно не наблюдалось. Однако окончившие курс врачи-стипендиаты горного ведомства в новых ис-

---

[1] ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 408.
[2] Там же. Ф. 43. Оп. 1. Д. 103. Л. 661.
[3] Там же. Д. 486; Л. 184, 238. Д. 632. Л. 29.
[4] Там же. Д. 632. Л. 33, 34, 105.

торических условиях всеми способами стремились избежать отработки, определенной в нормативных актах. Выпускник 1866 г. И. Иваницкий, определенный в госпиталь Турьинских рудников, просил о ее сокращении вдвое. Он обосновывал это отдаленностью Богословского округа и крайне низким жалованием[1].

Последние казенные стипендиаты горного ведомства сразу выразили недовольство своим распределением. Выпускник 1880 г. А. Ф. Закоружников сразу попросил о переводе из госпиталя Миасского в Березовский завод. В качестве главной причины он назвал невозможность «существовать только на казенное жалование»[2]. Березовский поселок располагался в непосредственной близости от Екатеринбурга, где были широкие возможности для частной практики. Уже в 1881 г. А. Ф. Закоружников служил врачом и в горном ведомстве, и в Екатеринбургском уездном земстве.

Еще более радикально поступил выпускник Медико-хирургической академии 1879 г. казенный стипендиат А. Л. Караваев. Он сразу заявил о желании вернуть в рассрочку всю сумму, выплаченную ему в качестве стипендии. Получив согласие горных властей, и совмещая службу врачом сразу в трех местах (на казенном Березовском и частном Билимбаевском заводах, а также в Екатеринбургском уездном земстве), А. Л. Караваев за 2,5 года сумел ее выплатить. После этого в июне 1882 г. он был освобожден от дальнейшей обязательной отработки в горном ведомстве и вскоре переехал в Санкт-Петербург[3].

К концу 1880-х гг., после продажи, сдачи в аренду и закрытия ряда предприятий, на казенных заводах Урала уже не требовалось значительного количества врачей. К тому же оставшиеся на службе специалисты уже традиционно совмещали сразу несколько должностей. Так, в Гороблагодатском округе, вместо шести штатных, осталось всего два врача. Они разделили между собой жалование по пяти ставкам, а в Серебрянском заводе врач имел доплату от Кунгурского земства[4].

---

[1] ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 103. Л. 661, 705, 717.
[2] Там же. Ф. 43. Оп. 1. Д. 1015. Л. 93–95.
[3] Журналы Екатеринбургского уездного земского собрания XII очередной сессии за 1881 г. С. 108–109; ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 1015. Л. 717.
[4] ГАСО. Ф. 24. Оп. 16. Д. 154. Л. 167–168об.

Перманентной стала и проблема отсутствия аттестованных аптекарей во многих казенных округах Урала. Она также во многом была вызвана низким жалованием, зафиксированным еще в Штатах 1847 г.

Так, в 1880 г. горный начальник Гороблагодатского округа сообщил об оставлении службы провизором Линдером, перебравшимся заведовать вольной аптекой в Екатеринбурге. Он отмечал, что на штатных условиях (360 руб. жалования и казенная квартира) найти нового аптекаря не удастся. Горный начальник предлагал приглашать нового специалиста на условиях вольного найма. Он предлагал установить ему оклад не менее чем в 800 руб., с оплатой из остатков штатных сумм[1].

С приближением окончания временнообязанных отношений (1881 г.) Министерство государственных имуществ попробовало радикально решить проблему собственных медицинских заведений на казенных горнозаводских предприятиях. Департамент государственной экономии, констатировав резкое уменьшение их работников, вновь предложил передать их земствам и городским обществам. При этом горное ведомство обещало выделять средства на содержание в них кроватей для работников своих производств.

В 1880 г. медицинские заведения всех казенных горных предприятий Урала были детально описаны, и сведения о них предоставлены земствам. Согласно этим материалам среднее количество больных в их госпиталях за двадцать пореформенных лет кардинально сократилось. Четко определилась негативная тенденция, с которой настойчиво боролись (причем в ряде округов достаточно успешно) весь предреформенный период: отказ абсолютного большинства больных от поступления в стационарные лечебные заведения.

На содержании горных властей к 1880 г. сохранились 16 из 19 ранее имевшихся казенных госпиталей (два отошли С. Д. Башмакову, Екатеринбургский – военному ведомству). Количество кроватей (486) в них почти соответствовало Штату 1847 г. (575), а среднее число пациентов составляло всего 133 человека. Рабочие казенных заводов продолжали активно пользоваться амбулаторным лечением, но

[1] ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 1015. Л. 8–9, 142об.

поступали в стационарные медицинские заведения только в случае крайней необходимости.

В результате расходы на содержание госпиталей при казенных заводах были непропорционально высокими в сравнении с соседними больницами (земскими и городскими). К тому же материально-техническая база этих заведений неуклонно ветшала, так как средств на ее развитие уже длительное время не выделялись. Несколько горнозаводских госпиталей реально подлежали сносу (Кушвинский, Нижнетуринский, Юговский), некоторые требовали капитального ремонта (Воткинский, Каменский).

Все горные начальники и управители заводов единодушно высказывались за передачу всех сохранившихся медицинских заведений земским органам. С ними предстояло договориться об обязательном содержании необходимого числа кроватей для лечения пациентов горного ведомства. Их количество высчитали по средним показателям за последние несколько лет. Для служащих и работникам казенных заводов Урала требовалось всего 155 кроватей в госпиталях, то есть в 3,7 раза меньше, чем полагалось по штатам 1847 г.

Вместе с тем руководители казенных горных заводов предлагали оставить на ведомственном содержании собственных врачей, значительно повысив им жалование. Необходимость этого объяснялась небольшим количеством медицинского персонала на службе в учреждениях местного самоуправления. К тому же земские врачи были вынуждены постоянно разъезжать по своим большим по площади участкам. В частности, на 16-ти тысячный поселок Воткинского завода был всего один земский врач, который зачастую находился в отъезде. Горные власти справедливо отмечали, что в небольших отдаленных горнозаводских поселках земства будут реально иметь только фельдшеров[1].

Но сторонам (Министерству государственных имуществ и учреждениям местного самоуправления) не удалось придти к согласию по передаче медицинской части казенных заводов. Состоявшиеся переговоры представителей разных казен-

[1] ГАСО. Ф. 24. Оп. 16. Д. 154.

ных горных округов и уездных земств имели свою специфику, но привели к похожим результатам.

Так, с 1881 г., по инициативе руководства Министерства государственных имуществ, началась переписка о продаже земству всех трех оставшихся госпиталей Екатеринбургского округа: Каменского, Нижнеисетского и Березовского. Количество больных в них было мизерным: в двух последних в среднем от одного до четырех человек, а в первом – ни одного за последние три года. В результате лечение одного больного обходилось крайне дорого, в частности в Нижнеисетском госпитале в 1878–1879 гг. в среднем 3–3,5 руб. в день (для сравнения в Екатеринбургской городской больнице требовали всего 66 коп.)[1].

Горные власти просили о сохранении в них гарантированного количества кроватей (13-ти) для своих больных, за которых обязалось платить по таксе Министерства внутренних дел. Но Екатеринбургское уездное земское собрание, из-за недостатка средств, отказалось от предложенных помещений. Его не привлек даже находившийся в хорошем состоянии каменный Нижнеисетский госпиталь на 31 кровать, т.к. он располагался слишком далеко от Екатеринбурга и требовал больших затрат на содержание. Камышловская земская управа посчитала завышенной стоимость (4975 руб.) предложенного ей ветхого госпиталя в поселке Каменского завода[2].

После неудачи переговоров с земскими органами горные власти в 1886 г. обратились с предложением передать Березовский госпиталь золотопромышленной компании В. И. Асташева, арендующей местные золотые прииски. Но и она не выразила заинтересованности, так как уже создала здесь собственный приемный покой на три кровати, достаточный при среднем числе больных (один-два человека), нуждавшихся в стационарной помощи.

Тогда в 1889 г. Березовский госпиталь был просто закрыт, с передачей имущества в Нижнеисетский. Располагавшиеся в этом же здании богадельщики были переведены в Екатеринбург. Бывшие работники горного ведомства, имевшие пра-

---

[1] ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 694. Л. 15–19, 24–26, 96–97; Ф. 28. Оп. 2. Д. 1906. Л. 16–17.
[2] Журналы Екатеринбургского уездного земского собрания 1881 года. С. 349–350.

ва на бесплатную медицинскую помощь, стали направляться для лечения в Екатеринбургский военный госпиталь[1].

Руководство Гороблагодатского округа в 1881 г. предложило безвозмездно передать Верхотурскому земству все четыре[2] заводских госпиталя, а после его просьбы – и усадебные земли при них с больничными садами и огородами. Оно просило сохранить 20 кроватей для своих работников, обещая платить за лечившихся здесь лиц по таксе Министерства внутренних дел[3].

В 1883 г. специальная комиссия от Верхотурского земства осмотрела медицинские заведения Гороблагодатского округа. По ее подсчетам, здесь желательно было иметь четыре больницы на 40 кроватей (по 20 заводских и земских). Это потребовало бы ежегодных расходов до 21 тыс. руб. Из них только восемь тысяч можно было получать от горного ведомства.

К тому же требовалось единовременно выделить 20 тыс. руб. на капитальную перестройку Кушвинского госпиталя. Зданию, в котором он располагался, было уже 80 лет. Планировалось его разобрать и построить на этом же фундаменте новую больницу, но меньших размеров. Уездное земское собрание посчитало такие расходы «непосильными» для своего бюджета и отказалось от предложения горных властей[4].

Передать кому-либо другому медицинские заведения Гороблагодатского округа не представлялось возможным. Они продолжили деятельность в составе горного ведомства, а Верхотурское уездное земство продолжало платить за своих больных, помещаемых в заводские госпитали. В 1889 г. при четырех заводах Гороблагодатского округа, расположенных в это уезде, действовали госпитали, имевшие 48 кроватей. Шесть из них уже десять лет содержались на средства Верхотурского земства, которое, кроме того, доплачивало по 300 руб. в год двум служившим здесь заводским врачам за прием своих больных[5].

---

[1] ГАСО. Ф. 24. Оп. 16. Д. 154. Л. 99–110.
[2] Пятый госпиталь этого округа (Серебрянского завода) располагался в Кунгурском уезде.
[3] ГАСО. Ф. 435. Оп. 1. Д. 486. 17–18.
[4] Журналы XIV очередного Верхотурского уездного земского собрания 1883 г. с докладами управы и другими приложениями. Пермь, 1884. С. 760–769.
[5] Земско-медицинский сборник. Вып. 7. М., 1893. С. 67.

Взаимовыгодное сотрудничество Воткинского заводоуправления с Сарапульским уездным земством Вятской губернии началось сразу после создания последнего. Уже его первое очередное уездное земское собрание выделило 3 470 руб. на создание в Воткинском поселке собственной больницы на 10 кроватей. Но здесь уже имелся хорошо обустроенный заводской госпиталь, вмещавший до 100 кроватей[1], и используемый после отмены крепостного права не более чем наполовину. Поэтому горные власти согласились за доплату медицинскому персоналу и оплату расходов на лечение выделить земству часть его помещения. Последнее, посчитав затраты, даже увеличило число своих кроватей до 15, не выделяя их в отдельное помещение. С 1 июля 1868 г. это соглашение стало реализовываться на практике[2].

Но это сотрудничество продолжалось недолго. Уже V очередное Сарупульское уездное земское собрание 1871 г. предложило Воткинскому заводоуправлению передать ему весь госпиталь. На его базе оно планировало создать свою больницу на 40 кроватей, с приемом заводских больных по таксе МВД (в тот период в Вятской губернии – 50, затем 52 коп. в сутки).

Для «побуждения» к этому руководства горного ведомства были использованы различные меры. Ему были предоставлены расчеты об экономии 1,5 тыс. руб. в год и возможности «избежать хлопот по управлению госпиталем». К тому же Сарапульское земство заявило о закрытии с 1872 г. своего «отделения» в Воткинском госпитале и создание собственной больницы[3].

Заводской врач М. Гольбек резко выступил против перспективы передачи госпиталя Сарапульскому земству. В двух записках он, сославшись на Протоколы съезда врачей Вятской губернии[4], заявил о неспособности этого органа организовать эффективную медицинскую помощь в Воткинском поселке, да и в уезде в

---

[1] После резкого ухудшения отношений с Сарапульским земством тот же заводской врач Воткинского госпиталя М. Гольбек стал заявлять, что он рассчитан всего на 50 кроватей. В отчете 1884 г. сообщалось уже о 70 кроватях. Этот разброс был во многом вызван разными методиками подсчета при отсутствии единых нормативов.

[2] ЦГАУР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 8312. Л. 9, 15–16, 25–28.

[3] Там же. Д. 8620. Л. 1–2; Д. 8838. Л. 65–65об.

[4] Протоколы заседаний I съезда врачей Вятской губернии 1874 года. Вятка, 1875. С. 22.

целом. По его мнению, земство отказалось помещать своих больных в заводской госпиталь по причине постоянной несвоевременной оплаты. Планируемая земская больница в наемном доме могла реально вместить только 15 кроватей. Также М. Гольбек отметил, что в период эпидемий заводской госпиталь был не в состоянии вместить всех собственных и планируемых земских больных. Для сокращения значительных затрат на его содержание (семь с небольшим тыс. руб. в год) он предложил перевести в него заводскую богадельню[1].

В результате Воткинский госпиталь остался в ведении горных властей. Затраты на его содержание в начале 1880-х гг. несколько возросли: до 8–8,3 тыс. руб., при средней численности больных в 20 человек. Здесь остался всего один врач, заводская аптека была сдана в аренду, в помещении госпиталя была размещена богадельня. Отношения с руководством Сарапульского уездного земства были испорчены. В заводской госпиталь перестали принимать сифилитиков и умалишенных, а также трупы «посторонних» лиц для необходимых по закону медицинских вскрытий[2].

В конце 1880-х гг. стороны вновь вернулись к взаимовыгодному сотрудничеству. В Воткинском заводском госпитале для земских больных выделили 25 кроватей с относительно небольшой платой в 40 коп. в сутки (меньше чем по таксе МВД). Здесь совместно работали заводский и земский врачи[3].

Руководство Златоустовского горного округа не смогло наладить сотрудничества с земством в медицинской сфере. Но в его заводских поселках появились земский врач (в Саткинском заводе) и фельдшер (в Кусинском)[4].

В целом большинству заводоуправлении казенных округов Урала удалось наладить взаимовыгодное сотрудничество с созданными земскими учреждениями Пермской и Вятской губерний. Однако планируемая продажа или передача казенных медицинских заведений новым органам местного самоуправления так и не состоялась.

---

[1] ЦГАУР. Ф. 212. Д. 8620. Л. 9; Д. 8838. Л. 70–72.
[2] Там же. Ф. 212. Д. 8620. Л. 6–8; Д. 9473. Л. 5–6.
[3] Земско-медицинский сборник. Вып. 6. С. 28.
[4] Бертенсон Л. Указ. соч. С. 15.

Можно определить сразу несколько причин подобного положения. С одной стороны, заводоуправлениям было обидно отдавать свои медицинские заведения. Они руководили ими более 100 лет, часть зданий госпиталей и аптек находились в хорошем состоянии. С другой стороны, у земств Урала в тот период времени реально не было средств для содержания медицинских заведений в горнозаводских местностях. В 1870–1880-х гг. большинство из них создало собственные больницы только в уездных центрах.

Серьезные разногласия вызывали и условия передачи: безвозмездно или с оплатой стоимости, а также методики оценки зданий медицинских учреждений и их оборудования. Следует учитывать и постепенное ухудшение отношений между земскими органами и заводоуправлениями на Урале. Различные источники зафиксировали нарастание взаимных претензий по отношению к организации и реальному состоянию медицинской части у своих оппонентов.

После неудавшейся передачи казенных госпиталей руководство горного ведомства другим путем оптимизировало свои расходы в медицинской сфере. Новая редакция Горного устава 1893 г. четко подразделила рабочих на постоянных и временных (ст. 647). На последних лиц не распространялись правила оказания медицинской помощи горного ведомства, они должны были обращаться за ней в земские заведения. Содержание заводских госпиталей и аптек определялось особыми правилами (ст. 922)[1].

Присутствие по горнозаводским делам при Уральском горном правлении создало специальную комиссию для разработки «постановления о врачебной помощи рабочим на заводах». В ее состав вошли и два врача.

31 июля 1896 г. было издано «Обязательное постановление» Присутствия по горнозаводским делам «Об устройстве медицинской части на заводах и рудниках». В новом нормативном акте все действующие предприятия горного ведомства были разделены на три группы в зависимости от численности постоянных работников. Соответственно этому показателю им предписывалось содержать или приемный покой (до 100 человек), или больницу с фельдшером (от 100 до 400),

[1] Свод учреждений и уставов горных. Изд. 1893 г. СПб., 1912.

или больницу с врачом (свыше 400). В стационарных медицинских заведениях полагалось иметь по одной кровати на 100 постоянных работников[1]. На основе этой нормативной базы сохранившиеся госпитали в казенных округах Урала продолжали свою деятельность в начале XX века.

Таким образом, в пореформенный период была проведена трансформация медицинской сферы в казенных горнозаводских округах Урала. Это была коренная перестройка старой системы без определения ее конечного результата.

Ее главной целью стало кардинальное сокращение затрат на содержание медицинских заведений. Первоначально существенную часть расходов на госпитали и аптеки предполагалось переложить на горнозаводские товарищества. Однако их создание существенно затянулось, а после их организации стало очевидно, что имевшиеся у них капиталы не будут иметь существенного значения в содержании казенных госпиталей, аптек и их персонала.

После становления на Урале новых органов местного самоуправления горные власти попытались переложить на них свою «натуральную» повинность в медицинской сфере. Земские собрания и городские думы в принципе не отказывались от перспективы передачи (но не покупки) госпиталей и аптек при казенных заводах. Но в 1870–1890-х гг. они постоянно заявляли о практической невозможности этого, из-за ограниченности своих бюджетов. Поэтому большинство медицинских заведений на казенных предприятиях Урала после отмены крепостного права остались на содержании горного ведомства.

Инфляция существенно обесценила средства, выделяемые на казенные медицинские заведения по штатам 1847 г. Горным властям удавалось организовывать их дальнейшую работу только благодаря кардинальному сокращению количества пациентов, особенно нуждавшихся в стационарном лечении, и взаимодействию с земскими органами. При этом материально-техническая база медицинских заведений неуклонно ветшала, а обострившуюся проблему нехватки квалифицированных врачей решали за счет совмещения ими нескольких должностей и возрождения системы подготовки казенных стипендиатов горного ведомства.

---

[1] ГАСО. Ф. 24. Оп. 20. Д. 706. Л. 11, 35, 105–106об.

В целом медицинские заведения в казенных горных округах стали важной частью их социальной инфраструктуры. Их организации и деятельности регламентировалась обширной периодически корректируемой нормативно-правовой базой. В Российской империи они стали частью новой системы организации медицинской помощи для лиц, служивших непосредственно государству.

Разветвленная сеть медицинских заведений (госпитали и аптеки) в казенных округах Урала сложилась уже в первом десятилетии XIX в. и отличалась стабильностью. Ее организация и деятельность формально не претерпела кардинальных изменений и после отмены крепостного права. Сохранившиеся госпитали и аптеки, при существенном сокращения их сети и персонала, остались на содержании горного ведомства. Неоднократные попытки передачи оставшихся заведений земским органам оказались безрезультатными.

На протяжении всего XIX в. в казенных горных округах Урала в целом успешно решалась проблема нехватки врачей. Первоначально она была существенно смягчена путем перевода специалистов из других ведомств. Далее разрешению проблемы способствовало внедрение и совершенствование практики подготовки стипендиатов горного ведомства в Медико-хирургической академии и Казанском университете.

2.2. УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ

Первые учебные заведения при казенных заводах Урала были созданы еще в 1720-х гг. Но уже в 1750-х гг. горное ведомство практически сняло с себя заботы об их содержании[1]. Поэтому к началу XIX в. на Урале действовало только две казенных заводских школы с начальной общеобразовательной программой: Екатеринбургская и Богословская[2].

Появившиеся на рубеже XVIII–XIX вв. проекты повышения уровня обучения в этих заведениях остались нереализованными. В 1792 г. Государственный ассигнационный банк планировал создать училище с более обширной программой преподавания в Богословском заводе. Но эта инициатива не была реализована, из-за недостатка квалифицированных учителей[3]. В 1802 г. планировалось повысить уровень обучения в Екатеринбургской горной школе. Но этот проект не получил воплощения, в связи с начавшейся министерской реформой[4].

Похожим было положение и на других казенных горных заводах империи. В Нерчинском горном округе в конце XVIII в. сохранилось только главное училище с общеобразовательной программой[5]. На Александровском заводе (Олонец) только в конце этого столетия создали небольшую школу, в которой обучали первоначальной грамоте[6]. Несколько лучшим было положение на Алтайских заводах. Здесь к концу XVIII в. имелось несколько начальных школ и училище в Барнауле с несколько более обширной программой обучения[7].

---

[1] См.: Дашкевич Л. А., Сафронова А. М. Указ. соч. С. 87–88.
[2] ГАСО. Ф. 24. Оп. 33. Д. 863; Ф. 43. Оп. 2. Д. 1337. Л. 120–122.
[3] Кричевцев М. В. Указ. соч. С. 145–146.
[4] РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 80. Д. 40789. Л. 1–4.
[5] Константинова Т. А. История горнозаводского образования в Забайкалье (1723–1917 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. Чита, 2006. С. 13.
[6] Балагуров Я. А. Олонецкие заводы в дореформенный период. Петрозаводск, 1958. С. 138.
[7] См.: Смолин А. В. Указ. соч.

На рубеже XVIII–XIX вв., с расширением и усложнением горнозаводского хозяйства, совершенствованием техники производства, закономерно возрастала потребность в квалифицированных кадрах, повышались запросы к общеобразовательному и профессиональному уровню знаний и навыков работников. Но действовавшая в Российской империи система образования не соответствовала этим новым реалиям.

В ведении созданного в 1802 г. Министерства народного просвещения в первой половине XIX в. состояло менее 10% всех учебных заведений империи. В империи действовало более десятка типов начальных учебных заведений различных ведомств и частных лиц[1], зачастую имевших не согласовавшиеся друг с другом программы преподавания[2].

На Урале важную роль продолжали играть горное ведомство и владельцы металлургических заводов, содержавшие собственные училища. В своей организации и деятельности они опирались как на нормативно-правовую базу Министерства народного просвещения, так и предписания Министерства финансов. Последнее имело свою структуру управления учебными заведениями, а подчас и проводило самостоятельную образовательную политику.

Возрождение сети казенных горнозаводских учебных заведений на Урале началось после одной из вышеназванных реорганизаций горного ведомства: создания трех горных начальства: Екатеринбургского, Пермского и Гороблагодатского. В сенатском указе от 16 марта 1802 г. предписывалось и открытие по одной школе при главном заводе каждого из них.

Программа обучения в этих учебных заведениях определялась весьма расплывчато: «для приготовления мастерских детей быть хорошими штейгерами, плотинными, меховыми и прочих заводских ремесел мастерами»[3]. В специальных инструкциях, данных горным начальникам И. Ф. Герману и А. Ф. Дерябину, ни-

---

[1] Следует особо отметить, что в отечественной исторической науке нет общепринятой терминологии по названию начальных общеобразовательных учебных заведений. Нам представляется обоснованным использовать термины училище и школа как синонимы.
[2] См.: Днепров Э. Д. Указ. соч. Т. 2. С. 23–25.
[3] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2982. Л. 3.

каких дополнительных указаний по организации обучения местного населения не содержалось.

В 1803 г. были открыты две новые школы при главных заводах Пермского (Юговской) и Гороблагодатского (Кушвинский) горных начальствах. Большую инициативу проявил Екатеринбургский горный начальник И. Ф. Герман. Ссылаясь на неудобство обучения мальчиков в одной Екатеринбургской школе, он настоял на создании в 1802–1803 гг. сразу шести новых учебных заведений при Березовском, Пышминском, Уктусском, Нижнеисетском, Каменском и Миасском казенных заводах.

По предписанию И. Ф. Германа в них должны были преподавать закон Божий, чтение, письмо, арифметику, геометрию, рисование и черчение планов. Но эта программа обучения выполнялась только в Екатеринбургской и Березовских школах. В остальных реально обучали лишь элементарной грамоте.

Это объяснялось недостатком квалифицированных учителей, помещений, учебных пособий и принадлежностей. В пяти школах Екатеринбургского горного начальства среди приказнослужителей не оказалось желающих и способных совмещать службу с обучением детей за установленное незначительное дополнительное жалование (50 руб. в год). Поэтому первоначально к преподаванию привлекли самых различных лиц. В Пышминской школе всем предметам обучали местные священно- и церковнослужители. В Нижнеисетском заводе учителем был определен мастеровой, а в Березовском и Уктусском – «лишенные чинов» (ссыльные): бывшие священник, коллежский регистратор, подпоручик[1]. Горные власти столкнулись с проблемой дефицита квалифицированных учителей, остро стоявшей и в других ведомствах.

Дальнейшее расширение сети учебных заведений при казенных металлургических заводах Российской империи было связано с принятием нового горного законодательства. Им был посвящен отдельный (13-й) раздел в докладе специального комитета, созданного для разработки Проекта горного положения. В нем обос-

[1] ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1770; Ф. 41. Оп. 1. Д. 1483. Л. 439–440; Д. 1508. Л. 94–95; Ф. 43. Оп. 2. Д. 1640. Л. 141–142.

новывалась необходимость создания единообразной сети горных школ со штатами, составленными на основании учрежденных 24 января 1803 г. «Предварительных правил народного просвещения», с «приноровлением оных к состоянию и нуждам заводов».

В этом разделе доклада подчеркивалась специфика работы горных заводов: «если нужны познания человеческого просвещения людям, ведущим частную жизнь, то тем более нужны они людям, состоящим на службе. Нет ни одного мастерового на заводе, который бы был исключен от обязанностей, требующих отчета на бумаге, не говоря уже о том, что все действие заводское, все мастерства требуют хотя бы малых познаний в практике производства оных, коего людям, не умеющим ни читать, ни писать, никак преподать не можно. Что касается до мастеров, управляющих разными цехами при заводах, то нет возможности сделать их совершенными в мастерствах, не преподав им, по крайней мере, самых первых начал из наук, на коих мастерства каждого основываются, как-то: часть химии, металлургия, горное искусство, рисование и прочее»[1].

Авторы доклада считали необходимым организовать в рамках горного ведомства сеть учебных заведений, обеспечивающих получение их воспитанниками как общего образования, так и основ профессиональной подготовки. Возможность реализации такого масштабного проекта не была подвергнута критическому анализу. Основные положения раздела нашли отражение в новом горном законодательстве.

В Проекте горного положения 1806 г. предписывалось создать систему учебных заведений во всех казенных округах. При центральных заводах должны были быть организованы главные, а при всех остальных заводах и крупных рудниках – малые горные школы. Учреждение или реорганизация уже существовавших учебных заведений возлагалась на горных начальников. Они же должны были осуществлять общее руководство и надзор за их деятельностью. Особое внимание предписывалось обращать на подбор и назначение учителей, а также контроль расхода школьных сумм (ст. 525, 528–533, 542–543).

---

[1] ПСЗ-I. Т. 29. № 22208.

Берг-инспектор при осмотре заводов должен был уделять внимание организации и деятельности горных школ. Ему вменялось в обязанность проверять успехи учащихся и прилежность учителей, а также учебно-материальное обеспечение образовательного процесса. Все учебные заведения должны были финансироваться из средств горного ведомства. На содержание малых горных школ выделялось 450 руб. в год на каждую.

Их программу с двухлетним курсом обучения должны были составить предметы, определенные для приходских и уездных училищ ведения Министерство народного просвещения: закон Божий, чтение и письмо по-русски, а где необходимо и по латыни, российская грамматика, арифметика, первые основания риторики, рисование, черчение (ст. 534). По требованиям нового горного законодательства все дети мужского пола на казенных заводах должны были получать начальное образование. Для лучших учеников предусматривалось и некоторые практические занятия в горном и заводском производствах, конторах, лабораториях и чертежных, соответствующие их малому возрасту (ст. 535)[1].

Был учтен полученный опыт, связанный с недостатком квалифицированных учителей в созданных в 1802–1803 гг. казенных школах. Горные власти прибегли к такому же способу привлечения к преподаванию, как и Министерство народного просвещения для своих низших типов училищ при осуществлении реформы начала XIX века. С Синодом была согласована обязанность духовных лиц, состоящих при заводских церквях, преподавать в малых горных школах. Те из них, кто оказывался неспособным к обучению детей, со временем должны были быть заменены выпускниками духовных семинарий. Следует подчеркнуть, что новое горное законодательство устанавливало постоянное денежное жалование заводскому духовенству, которое до этого существовало только за счет сборов с прихожан и плат за исполнение церковных таинств[2].

Наиболее способные мальчики должны были продолжать обучение в главных горных школах. Их предполагалось создать во всех центрах казенных округов:

---

[1] Высочайше утвержденные доклады. С. 434–436.

[2] О содействии духовным лицам в преподавании учения при казенных горных заводах // ПСЗ-II. Т. 29. № 22209.

при Екатеринбургском, Кушвинском, Богословском, Юговском и Ижевском[1] заводах. На содержание каждой из них выделялось 5900 руб. в год.

Учебный план главных горных школ предусматривал получение основательного общего образования с солидной профессиональной подготовкой. Здесь предполагалось изучение алгебры, геометрии, рисования, черчения, сокращенного курса физики, маркшейдерского искусства, первых оснований механики, гидравлики, химии, металлургии, минералогии, географии, истории, горного законодательства, делопроизводства и бухгалтерии, а также латинского, немецкого и французского языков. Учебный план главных горных школ был даже шире, чем у открытого в 1853 г. Уральского горного училища. Некоторые предметы были предназначены для детей горных чиновников, которые могли бы в этих учебных заведениях получить необходимую подготовку для поступления в Санкт-Петербургский горный корпус. Горным начальникам предписывалось каждое полугодие предоставлять пермскому губернатору ведомости об учениках, способных и достойных к продолжению обучения в этом высшем специальном заведении.

Штат каждой главной горной школы должен был состоять из восьми гражданских учителей с жалованием от 400 до 700 руб. в год. Кроме того, полагался священник для преподавания латинского языка. В вопросе подбора учителей горным начальникам было предоставлено определенное поле для маневра. Они могли повысить сумму ставки учителя, разрешить преподавать более чем на одну ставку, а также нанимать для обучения совместителей из способных горных офицеров, но все это, не выходя из установленной Штатами общей суммы. На покупку учебных книг и принадлежностей, в том числе макетов машин и инструментов, ежегодно выделялась тысяча рублей[2].

В целом на Урале фактически планировалась создать пять горнотехнических училищ. Подготовку потенциальных учеников для этих учебных заведений долж-

---

[1] Ижевский завод с 1 января 1809 г. перешел в военное ведомство. Поэтому действовавшие при нем заведения социальной инфраструктуры в работе не рассматриваются.
[2] Высочайше утвержденные доклады. С. 435–442.

на была осуществлять сеть школ при всех казенных заводах региона. Реализация этого масштабного плана встретила серьезные трудности.

В 1807–1808 гг. были открыты или реорганизованы (изменилось название, в некоторых увеличилось количество учеников) все 16 предусмотренных новыми штатами малых горных школ. Кроме шести уже упомянутых в Екатеринбургском округе (Березовская, Каменская, Нижнеисетская, Миасская, Пышминская, Уктусская), это были учебные заведения при Верхнетуринском, Нижнетуринском, Серебрянском и Баранчинском (Гороблагодатский округ), Воткинском (Камско-Воткинский), Мотовилихинском и Пыскорском (Пермские), Петропавловском, Николо-Павдинском заводах и Турьинских рудниках (Богословский). Все эти малые горные школы формально отличались только числом классов: от одного до четырех, что зависело от количества учеников.

Программа обучения была существенно меньше, чем определялось в Проекте горного положения. Практически во всех малых горных школах преподавали всего пять предметов: закон Божий, чтение, письмо, грамматику и арифметику. Подобное положение во многом объяснялось уровнем подготовки учебного персонала.

По меткому замечанию уральского педагога и краеведа Н. К. Чупина, местное духовенство либо не имело свободного времени для преподавания, либо охоты к нему, либо соответствующего образования[1]. К тому же не хватало и самих квалифицированных священнослужителей. Воспитанники Пермской семинарии, открытой только в 1800 г., в первые годы ее деятельности, зачастую поступали на священнослужительские должности, не окончив полного курса обучения, из-за необходимости замещать многочисленные вакантные места.

Поэтому, когда в 1807 г. руководители казенных горных заводов Урала обратились к епископу пермскому и екатеринбургскому с просьбой о направлении к ним новых священно- и церковнослужителей, даже недоучившихся семинаристов хватило только для направления в распоряжение начальника Екатеринбургского округа. Причем четверо из них были выпущены из

[1] ГАСО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 138. Л. 9.

философского класса, а остальные семеро из риторического, то есть в последнем классе семинарии даже не начинали обучаться[1].

В результате в первых классах малых горных школ повсеместно обучали лица, сами не имевшие какого-либо систематического образования. Кроме того, сохранялся острый недостаток учебных книг и принадлежностей.

При этом обучение в малых горных школах для сыновей работников казенных заводов зачастую вменялось в обязанность. Родители, удерживающие своих детей от посещения школ «для своих домашних прихотей», вызывались в конторы, где им делались строгие внушения, а наиболее злостных даже штрафовали[2].

В конце учебного года, в присутствии смотрителя школы, проводился экзамен по пройденным дисциплинам. По достижению 12 лет большинство учеников определялись к заводским работам или службе в конторах. При этом учитывались выданные им в школе свидетельства об успехах и поведении и сословная принадлежность[3].

Судя по отчетам по всем казенным округам Урала за 1807–1809 гг., деньги на школы, выделяемые отдельной графой, поступали вполне исправно, а если и немного задерживались, то переводились из заводских сумм, а позднее туда возвращались. В школьных капиталах ежегодно оставался большой остаток. К 1810 г. по всем казенным округам Урала он составил 56626 руб., то есть примерно 60% от всех поступивших средств[4]. Это объясняется тем, что в большинстве школ так и не появилось гражданских учителей, не расходовались в полной мере суммы, выделяемые на покупку учебных книг и принадлежностей. Неистраченные штатные средства переводились в заводской капитал.

Во многом похожие проблемы встали и перед главными горными школами. В 1808 г. такой новый статус получили уже существовавшие учебные заведения в центрах четырех казенных округов: при Екатеринбургском, Богословском, Югов-

---

[1] ГАСО. Ф. 24. Оп. 33. Д. 6, 59; Ф. 25. Оп. 1. Д. 1499. Л. 35–39
[2] Там же. Ф. 129. Оп. 1. Д. 184. Л. 11.
[3] Там же. Ф. 24. Оп. 33. Д. 6; Ф. 25. Оп. 1. Д. 1499. Л. 4–8.
[4] Подсчитано автором по: ГАСО. Ф. 24. Оп. 25. Д. 33. 1–55; Ф. 25. Оп. 1. Д. 2671.

ском и Кушвинском заводах. Здесь также отсутствовала реальная база для успешной деятельности.

Наиболее трудной оставалась проблема подбора квалифицированных учителей. Привлечь к преподаванию специальных дисциплин, определенных Проектом горного положения, было практически некого. Этому препятствовали низкие социальный статус и жалование учителей, большое число учеников в классах. Для организации эффективного преподавания не было и соответствующей учебно-материальной базы: оборудованных помещений с необходимыми учебными материалами и принадлежностями.

В результате предъявляемым требованиям и штатному положению относительно соответствовала только Екатеринбургская главная горная школа. В ней работало восемь учителей и один помощник, которые преподавали большинство дисциплин. Но и в старом «столичном» горнозаводском центре, минералогический музей только начал создаваться, для чего выписывались штуфы, в том числе иностранные, а в библиотеке имелись лишь «книги, к первоначальному обучению потребные»[1]. Преподавателем математики был определен отставной сержант А. Д. Мякишев, не получивший никакого систематического образования[2].

В поселок Богословского завода новый горный начальник берг-гауптман Я. С. Качка привез с собой из Санкт-Петербурга часть необходимых учебных книг и принадлежностей, а также учителя-иностранца И. Л. Лоренцена. Он один и преподавал в главной горной школе четыре предмета, получая за это значительное жалование в тысячу рублей. После его смерти (12 сентября 1809 г.) здесь стал обучать другой иностранец – берг-пробирер А. Броссе с жалованием в 500 рублей[3].

В Кушвинской главной горной школе, кроме духовных лиц, преподавали сначала двое, а затем четверо гражданских учителей. Самым худшим было положе-

---

[1] ГАСО. Ф. 24. Оп. 33. Д. 79. Л. 155; Ф. 25. Оп. 2. Д. 8821. Л. 25–30.
[2] Там же. Ф. 24. Оп. 12. Д. 1839. Л. 92об.–93об.
[3] Там же. Оп. 23. Д. 5704. Л. 100.

ние в Юговской школе. Здесь преподавало шесть духовных лиц, которые обучали только закону Божьему, чтению, письму и арифметике[1].

По сенатскому указу от 14 октября 1809 г. главные горные школы подлежали закрытию. Это «отступление» обосновывалось полученным опытом: невозможностью реализовать определенную программу обучения. Как отмечалось в указе, «от главных при заводах школ нельзя ожидать в полной мере успехов, какие при учреждении предполагались, частию от затруднения приискать туда учителей с надлежащими к преподаванию положенных в них наук познаниями, частию по неимению там необходимых учебных пособий, какие в Горном корпусе давно уже приготовлены, и какие там, без чрезвычайных издержек завести нельзя». Взамен для детей чиновников с уральских горных заводов открывалось 50 казенных вакансий в Санкт-Петербургском горном корпусе, на что ему добавочно выделялось 15 тыс. руб.[2]

Финансирование главных горных школ было прекращено задним числом, с 1 сентября 1809 г. Учителям, в качестве компенсации, предписывалось выдать полугодичное жалование[3].

Этот поворот правительственной политики был неоднозначно оценен на Урале. Горный начальник Гороблагодатских и Пермских заводов А. Ф. Дерябин в письме пермскому и вятскому губернатору от 25 января 1810 г. отмечал, что выпускник Горного корпуса еще должен три-четыре года прослужить на заводах, и лишь тогда, усвоив местное производство, становится им полезным. «Напротив, человек, образованный и воспитанный в заводской школе и занимающий к тому же определенные должности во время учения, и, таким образом, постигающий многое на практике, начинает приносить пользу заводам уже по окончании ее»[4]. Полуторагодичная деятельность главных горных школ не могла быть достаточна для оценки их полезности. В них еще не поступили подготовленные выпускники малых горных школ, не состоялось ни одного выпуска.

---

[1] ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 5704. Л. 55–58; Оп. 33. Д. 59. Л. 23–24
[2] Там же. Ф. 129. Оп. 1. Д. 138. Л. 9.
[3] Там же. Ф. 24. Оп. 23. Д. 5704. Л. 2–3.
[4] Там же. Ф. 129. Оп. 1. Д. 56. Л. 8.

Н. К. Чупин справедливо заметил, что в условиях неудовлетворительного состояния государственного бюджета тех лет, после смены министра финансов (А. И. Васильева на Ф. А. Голубцова), правительство предпочло сократить расходы в этой области почти в два раза: с 29 500 руб., требовавшихся на содержание главных горных школ, до 15 тыс., одновременно увеличив средства, отпускаемые столичному учебному заведению, чем развивать учебную базу в провинции[1].

Важную роль в принятии решения сыграл сословный характер общества. Привилегированные слои, прежде всего, горные чиновники, не желали обучать своих сыновей вместе с детьми низших социальных категорий. Они продолжали получать начальное общее образование, необходимое для поступления в Санкт-Петербургский горный корпус, или в пермских и екатеринбургских учебных заведениях Министерства народного просвещения, или на дому. В заводские школы крайне редко поступали только сыновья малообеспеченных горных чиновников.

В первой половине XIX в. большинство должностей низшего и среднего технического звена в регионе продолжали занимать специалисты-практики, не получившие соответствующего образования. В условиях начавшегося в горнозаводской промышленности Урала промышленного переворота (революции) требовались существенные изменения в системе образования. Её развитие требовало не только работников, имевших элементарную грамотность, но и профессионально обученных специалистов.

Но на заводах Урала ведущую роль продолжали играть традиционные для мануфактурного периода формы профессиональной подготовки: цеховое ученичество, подкреплявшееся производственной практикой, командировки на другие заводы, обучение у иностранных специалистов. Основные прикладные знания передавались от мастера к воспитаннику непосредственно на производстве. Даже в 1860-х гг. академик В. П. Безобразов писал, что благоустроенные частные заводы на Урале обязаны своим успехам преимущественно «практическим» людям, получившим «самородное образование»[2].

---

[1] ГАСО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 138. Л. 9.
[2] Безобразов В. П. Указ. соч. С. 185.

В результате всех этих объективных факторов главные горные школы были реорганизованы в малые. К 1810 г. на Урале продолжали действовать 20 казенных горнозаводских учебных заведений, в которых обучалось 980 мальчиков и преподавало 84 учителя (в том числе 5 гражданских лиц)[1]. Вскоре они утратили наименование малых горных, и стали именоваться просто заводскими или горными школами.

В целом в первое десятилетие XIX в. произошло становление сети казенных горнозаводских учебных заведений на Урале. Если к началу столетия они действовали при двух, в 1806 г. – 10, то к 1808 г. – уже при всех 20 казенных заводах региона.

Создание собственной сети начальных ведомственных учебных заведений стало следствием принятия нового горного законодательства, в котором были учтены основные положения реформы народного просвещения в империи. Горное ведомство, как и в XVIII в., попыталось во многом самостоятельно решать проблему подготовки грамотных кадров для своих производственных и административных нужд. Его руководство действовало в соответствии с тезисом, четко сформулированным М. М. Сперанским, о том, что «здравый смысл требует начинать вещи с их основания и вести к совершенству постепенно, и, следовательно, должно было бы начинать народными школами и кончить академией»[2]. В тоже время горному ведомству не удалось за несколько лет решить декларированную в законодательстве задачу: получение всем мужским населением казенных заводов начального образования.

Все действовавшие на Урале к 1810 г. казенные горнозаводские школы были начальными общеобразовательными учебными заведениями. Это объяснялось малым возрастом воспитанников, отсутствием соответствующей учебно-материальной базы и квалифицированных учителей, традициями обучения прикладным навыкам непосредственно на производстве.

---

[1] Подсчитано автором по: ГАСО. Ф. 24. Оп. 33. Д. 59.
[2] Цит. по: Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 2. Ч. 2. М., 1994. С. 284.

Период 1810–1847 гг. в истории казенного горнозаводского образования Урала можно рассматривать как межреформенный. После значительных преобразований начала XIX в. происходило эволюционное развитие: постепенное незначительное расширение созданной сети учебных заведений, совершенствование нормативной базы их организации и деятельности, попытки придания обучению прикладного характера.

Численность казенных горнозаводских учебных заведений на Урале в 1810–1820-х гг. продолжала расти. Расширение сети произошло за счет ставшего казенным Златоустовского округа. Были открыты новые школы при всех его заводах: Златоустовская, Саткинская, Кусинская и Артинская.

В 1816 г. в селениях непременных работников казенных округов Урала духовным лицам было определено жалование от горного ведомства. Одним из условий его назначения стало требование обучать местных мальчиков, также как это делали священно- и церковнослужители на заводах. После этого были созданы одноклассные школы для сыновей непременных работников. В 1817 г. они открылись Бобровском, Арамильском и Горнощитском селах Екатеринбургского округа, а во второй половине 1820-х гг. – еще в трех казенных округах Урала: при Верхнебаранчинском заводе и Илимской пристани Гороблагодатского, в деревне Перевозной Воткинского, селениях Тургоякском, Сыростинском и Кувашинском Златоустовского. В результате к 1827 г. на Урале действовало 33 казенные горнозаводские школы, в которых обучалось 1884 мальчика[1].

Программа обучения не изменилась. Абсолютное большинство школ оставались начальными общеобразовательными заведениями. Только в двух из них (Златоустовской и Березовской) по инициативе местных властей курс обучения был расширен за счет черчения, необходимого для успешной работы на заводских производствах[2].

Новые штаты уральских казенных округов 1827–1829 гг. обстоятельнее регламентировали деятельность заводских школ. Теперь в каждой из них регламен-

---

[1] Это без школы при Воткинском заводе, сведения по которой в известных нам источниках отсутствуют.
[2] ГАСО. Ф. 24. Оп. 33. Д. 117, 167, 240, 371, 489, 707, 805, 897.

тировалась численность учеников, которым полагалось казенное жалование. Остальные мальчики могли учиться за счет родителей.

По штатам 1827–1829 гг. предусматривалась деятельность 21 казенной горнозаводской школы. В них должны были обучаться 1519 человек: 1027 мальчиков, имеющих отцов, и 492, не имеющих (см. Приложение № 5). По сравнению с предшествующим периодом отсутствовали школы при трех заводах: остановленном Пыскорском, а также Пышминском и Уктусском (эти учебные заведения слиты с Березовской). В новых штатах не предусматривалась и деятельность школ в заводских селениях непременных работников. Поэтому в трех казенных округах они были закрыты, сохранившись только в Екатеринбургском, где продолжили свою работу за счет сверхштатных доходов.

В штатах 1827–1829 гг. затраты на учебные заведения не выделялись в отдельную группу. Поэтому при подсчетах автор посчитал возможным не включать в них ряд статей: жалование священнослужителям горных заводов (они продолжали преподавать по совместительству), провиант сиротам (они получали его и, не обучаясь), жалование сторожам при школах (т.к. в ряде казенных округов не было прописано, где они служат[1]). В результате непосредственно на казенные горнозаводские школы Урала выделялось 13 706 руб., т.е. в среднем 0,3% от общих штатных сумм (см. Приложение № 1).

Расходы по казенным округам в процентном отношении практически не отличались. В двух северных (Гороблагодатском и Богословском) не назначили гражданских учителей, но определили больше учеников, которым полагалось повышенное жалование: 7 и 7 руб. 50 коп. соответственно. После утверждения Устава горного Свода законов (1832) жалование учеников во всех казенных уральских округах вновь стало одинаковым – 6 руб. в год[2].

Новые штаты не изменили организацию учебного процесса. Обязанность обучать детей в казенных горнозаводских школах по-прежнему возлагалась на местное духовенство. Только в школах Златоустовского округа, а также Екатерин-

---

[1] Незначительность жалования сторожей не могла повлиять на общие показатели расчетов.
[2] Свод законов. 1832. Ч. 3. Т. 7. Ст. 528; ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 6229. Л. 7, 9.

бургской и Березовской, предусматривалось иметь по одному гражданскому учителю для преподавания арифметики, а в последней – еще и рисования.

Штаты 1827–1829 гг. определили численность учеников в школах казенных округов Урала меньше, чем реально обучалось в них в тот период времени. По нашему мнению, это во многом стало следствием появившегося избытка канцелярских служителей на казенных заводах.

Последние зачастую презрительно относились к физическому труду и требовали распределения своих сыновей, окончивших горнозаводские школы, исключительно к приказнослужительским должностям. Но количество выпускников стало превышать потребность в новых канцелярских служителей. Поэтому интересы этой категории заводского населении все более вступали в противоречие с реальными нуждами производства[1].

Перед центральными и региональными горными властями остро встала проблема поиска компромиссных решений. В 1828 г. главная контора Пермских заводов приняла решение распределять сыновей приказнослужителей после окончания школы, при отсутствии других вакансий, в заводские работы наравне с детьми мастеровых.

В ответ конторские служащие округа составили обширное коллективное представление на имя главного горного начальника. В нем выражался протест против такого решения со ссылками на существующее законодательство и традиции. В тексте имелись пространные рассуждения о том, где их дети принесут «большую пользу Отечеству», и сетования на то, что в случае определения в заводской штат, они «станут провождать бедную и тягостную жизнь, тем более что они не в сем роде жизни были воспитаны».

Инициатива руководства Пермских казенных заводов не была одобрена главным горным начальником и не утверждена министром финансов. Но в распоряжении, присланном из Департамента горных и соляных дел, отмечалось, что «должно избегать излишнего приумножения класса приказнослужителей, а детей

[1] Этот сюжет будет обстоятельно проанализирован и на примере частных горнозаводских учебных заведений Урала.

унтершихтмейстеров нехорошего поведения, или не сделавших успехов в чистописании, обращать-таки в число мастеровых»[1].

После введения в действие новых штатов началось сокращение численности учеников в казенных горнозаводских школах Урала. Установленные нормативы были меньше, чем реальное количество обучавшихся. Ряд горных начальников региона предлагали учить большее число мальчиков, чем положено по новым штатам, но эта инициатива не была одобрена в Министерстве финансов. В ответе содержалась характерная резолюция: «Всех учить бесполезно, ибо, куда их потом помещать, лучше обращать в посильные им работы»[2].

С подобной оценкой впоследствии был солидарен главный горный начальник В. А. Глинка. В 1837 г. он отметил, что ни к чему посылать в школы всех «малолетов»[3], где «они в душном спертом воздухе тесных помещений ...теряют свои физические силы и привыкают к неподвижности»[4].

При этом горные власти признавали пользу первоначального обучения для местного населения. В Камско-Воткинском округе в 1835 г. был составлен специальный проект «Правил» для местных заводских школ из 25 пунктов. Подобные положения, утвержденные заводовладельцами, уже действовали в ряде частных горных округов Урала. Во втором пункте «Правил» были высокопарно определены цели обучения: «С поступлением в школу дети мастеровых будут удалены от праздности, в домах родительских оставаясь ныне в глубоком невежестве; они получат в школе знания, соответственные их состоянию и возрасту; с первым развитием способностей приобретут познания о вере и нравственности и утвердятся в хороших качествах; и прежде вступления в службу с отроческих лет привыкнут к порядку и подчиненности»[5]. Эти положения были практически идентичны тому, как определял необходимость обучения в Выйском училище Н. Н. Демидов.

Количество учащихся в казенных горнозаводских школах Урала в первой половине 1830-х гг. было даже меньше штатных показателей: в 1832 г. – 1505 маль-

---

[1] См.: Обучение детей на уральских горных заводах. С. 127–128.
[2] ГАСО. Оп. 2. Д. 1627. Л. 157.
[3] По штатам уральских горных заводов малолетами называли мальчиков 12–15 лет.
[4] РГИА. Ф. 44. Оп. 2. Д. 652. Л. 1–2.
[5] ГАСО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 1640. Л. 61.

чиков, в 1833 г. – 1375, в 1834 г. – 1287. В тоже время в заводских поселках региона имелось более семи тысяч кандидатов для обучения (достигших необходимого возраста «малолетов»), а в школьных суммах оставались существенные неистраченные средства[1].

Подобное положение, кроме корректировки ведомственной политики, во многом объяснялось и плачевной учебно-материальной базой большинства школ, а также недостатком квалифицированных учителей. К тому же значительная часть местных мастеровых рассматривали обучение мальчиков как одну из казенных повинностей, а горные власти не были заинтересованы в расширении численности выпускников, из-за ставшего традиционным излишка канцелярских служителей на заводах.

Духовные лица регулярно отвлекались от преподавания на исполнение различных обрядов, а гражданские учителя зачастую оказались в школах не по педагогическим соображениям. Так, в Златоустовском округе из 11 педагогов двое были назначены по старости, так как уже не могли успешно выполнять обязанности в конторе, а трое отрабатывали здесь свои задолженности, не получая за преподавание никакого жалования.

Такое положение с гражданскими учителями в казенных школах было закономерным при штатном годовом жаловании всего 240 руб. Для сравнения, в 1834 г. при проведении инспекции в Ижевском заводе военного ведомства была отмечена необходимость определения в местную школу учителя математики. Ему предполагалось назначить жалование в 1,5 тыс. руб. и предоставить казенную квартиру. Это обосновывалось тем, что «ни один приличный учитель за меньшее не пожелает определяться в Ижевский завод, так как в уездных училищах Санкт-Петербурга учителя получают 900 руб., имеют казенную квартиру от училища и возможность подзаработать партикулярными уроками»[2].

Увеличение численности учащихся в казенных школах Урала началось после инспекции начальника штаба Корпуса горных инженеров К. В. Чевкина в 1835 г.

---

[1] Подсчитано автором по: ГАСО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 1640. Л. 7–77.

[2] Архив военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Ф. 3. Оп. 5/1. Д. 92. Л. 7. Данные предоставлены В. А. Ляпиным.

Он дал устное указание принимать в заводские школы всех мальчиков соответствующего возраста. В результате количество учеников в них существенно увеличилось, превысив штатные показатели: в 1835 г. до 1 639[1]. В ряде заводских школ их оказалось в несколько раз больше, чем могли вместить помещения. Поэтому в Воткинской приходилось проводить занятия в три смены. Вскоре были возобновлены занятия и в ранее закрытых школах в заводских селениях непременных работников.

Но содержание обучения и материально-техническая база большинства казенных учебных заведений Урала оставляли желать лучшего. В. А. Глинка в 1837–1838 гг., обозрев казенные округа, отмечал, что школы во всех заводах, кроме Пермских и Златоустовского, «находятся в дурном виде, как относительно наружного их помещения, так и самого обучения». В качестве первичной меры для улучшения он распорядился о повсеместном внедрении во всех казенных горнозаводских учебных заведениях ланкастерского метода взаимного обучения[2].

Это распоряжение вряд ли можно считать оправданным. Популярная в тот период в России ланкастерская система обучения была признана неудачной во многом из-за того, что основывалась на механическом запоминании и постоянного шума в классах.

В 1847 г. в казенных округах Урале действовало 28 мужских заводских школ, в которых числилось 2 649 мальчиков. В тот период в регионе ни одно другое ведомство не имело подобной сети учебных заведений[3].

В тоже время учебно-материальная база заводских школ на Урале оставалась плачевной. Но ни один горный начальник не жаловался на обеспечение своих учебных заведений. Во всех казенных округах укладывались в суммы, определенные штатами, а небольшие остатки перечислялась в заводской капитал.

Горные начальники отмечали необходимость выделения значительных дополнительных средств для постройки новых зданий для заводских школ[1]. Но обычно

---

[1] ГАСО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 1640. Л. 89–90.
[2] РГИА. Ф. 44. Оп. 2. Д. 652. Л. 1–2.
[3] См.: Традиционная культура русского крестьянства Урала в XVIII–XIX вв. Екатеринбург, 1996. С. 165–172.

не имело никаких последствий. В частности, в Гороблагодатском округе еще в 1825 г. выделили средства для возведения двух новых деревянных одноэтажных школ. Однако и в 1849 г. к строительству не приступили. Это объяснили лаконичной формулировкой: производилось много построек «более необходимых»[2]. Дети самих горных начальников и их окружения не учились в заводских школах, соответственно улучшение их материальной базы не было важной задачей.

В тоже время некоторые инициативы снизу находили поддержку. С управлением В. А. Глинки связано создание на Урале женских школ. Первая из них была открыта 1837 г. протоиереем Богословского округа Луканиным при Петропавловском заводе. Нормативной основой для их организации и деятельности стали «Правила для обучения поселянских детей». Опыт ее организации и деятельности горными властями был признан успешным.

Поэтому в 1840–1842 гг. «в виде опыта» было открыто по одной женской школе во всех шести казенных округах Урала. Их финансирование производилось за счет сверхштатных доходов казенных горных заводов.

В эти учебные заведения принимали преимущественно дочерей нижних чинов горного ведомства и мастеровых, но отчасти и других сословий, в том числе на собственное содержание. Численность учениц в женских школах не регламентировалась и во многом определялась размером выделенного помещения. В Екатеринбурге его не нашли, учебное заведение действовало при Березовском заводе.

В 1843 г. во всех шести казенных школах Урала обучалось 197 девушек. Им преподавали чтение, письмо, рукоделие и огородное хозяйство. Вскоре к этим предметам добавили закон Божий, арифметику и грамматику. Руководство горного ведомства предписывало уделять главное внимание обучению рукоделию и огородничеству, как наиболее необходимым навыкам для будущих жен заводских людей. По окончании школы девушки поступали на попечение родителей.

Все горные начальники регулярно отмечали «полезность» женских школ для заводского населения. Они продолжали свою деятельность, но оставались на по-

---

[1] ГАСО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 1640. Л. 107–252.
[2] Там же. Д. 1802. Л. 5–6об.

ложении временных (финансировались за счет сверхштатных доходов), вплоть до принятия штатов 1847 г.[1]

Отметим, что женское образование в Российской империи в середине XIX в. находилось в зачаточном состоянии. В стране действовали в основном закрытые учебно-воспитательные учреждения пансионного типа для дочерей дворян. Опыт горного ведомства по организации женского образования для других сословий получил распространение на частных заводах Урала, а также других регионах, в частности в Сибири[2].

В целом в 1810–1847 гг. отношение горных властей к казенным заводским школам не отличалось последовательностью. В 1810-х гг. численность учащихся этих заведений на Урале в тяжелых условиях военного и послевоенного времени упала с 950–1 000 до 750–800. В следующее десятилетие произошел рост количества школ: они открываются и в селениях непременных работников четырех казенных округов. Увеличивается и количество учеников: до 1884 в 1827 г. Но после утверждения новых штатов казенных заводов конца 1820-х гг. начинается обратный процесс. Школы в селениях непременных работников закрывают (кроме Екатеринбургского округа), количество учащихся в первой половине 1830-х гг. не достигает и штатного показателя в 1519 мальчиков. Казенным заводам Урала не требуется столько грамотных воспитанников, желающих занять канцелярские должности.

Положение изменилось после инспекции начальника штаба Корпуса горных инженеров К. В. Чевкина 1835 г. По его указанию численность учащихся казенных заводских школ вновь существенно увеличилась: до 2649 мальчиков в 1847 г. (на 70% выше штатных показателей). В начале 1840-х гг. в каждом казенном округе Урала появилось и по одной женской школе.

В результате поселки казенных горных заводов продолжали оставаться в масштабах региона своеобразными островками грамотности с наиболее высоким

---

[1] См.: Калинина Т. А. Развитие народного. С. 67; ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 7162. Л. 1–2, 20–49, 63–68.

[2] Шкерин В. А. Деятельность В. А. Глинки по развитию системы народного образования на горнозаводском Урале в 1830–1850 гг. // Русская духовная культура Западной Сибири и Урала. Т. 2. Тюмень, 1995. С. 293–294.

уровнем школьного образования среди мужского населения. Количество обучаемых «малолетов» к 1847 г. составляло 24,8%. По этому показателю Урал несколько уступал Алтаю, где в системе горнозаводского образования обучался каждый второй-третий «малолет»[1] (здесь она уже была реорганизована по Положению 1836 г.).

Необходимость существенных изменений в обучении детей осознавалась и руководством казенных горных округов на Урале. Этому способствовало начало промышленного переворота в отрасли. Активным сторонником создания на Урале новой системы казенного горнозаводского образования, включавшей специальное заведение, был В. А. Глинка. Ее проект разрабатывался в Канцелярии главного горного начальника с конца 1830-х гг. Подготовка, согласование, корректировка и утверждение соответствующей нормативно-правовой базы растянулась почти на десятилетие.

В основу проекта создания новой системы горнозаводского образования на Урале была положена модель, уже внедрявшейся на Алтае по «Положению об учебных заведениях Алтайских заводов» 1836 г. На его основе в этом регионе функционировала двухступенчатая система: 14 начальных училищ со штатом в 1 275 учащихся и Барнаульское окружное на 80 воспитанников[2]. Подобная система казенных учебных заведений появилась в 1839 г. и на Луганских горных заводах.

При этом первоначальный проект, предложенный для Урала, подвергся существенному сокращению: и по количеству обучаемых, и по финансированию[3]. Но В. А. Глинке удалось отстоять трехступенчатую систему казенного горнозаводского образования в регионе. Как уже отмечалось, на Алтайских и Луганских заводах по утвержденным положениям функционировали всего два типа учебных заведений.

Реформированию горнозаводского образования на Урале способствовала начавшаяся работа по пересмотру нормативной базы деятельности предприятий

---

[1] Бабарыкин Б. В., Скубневский В. А. Указ. соч. С. 123.
[2] Там же. С. 121, 124.
[3] См.: РГИА. Ф. 44. Оп. 2. Д. 652. Л. 44–49; ГАСО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 123.

отрасли. В 1838–1844 гг. действовал «Комитет по исправлению штатов и положений» казенных горных округов региона. Он неоднократно обращался и к проблемам реорганизации горнозаводских учебных заведений.

После утверждения в 1847 г. «Штатов главного управления уральских горных заводов и горных казенных заводов Уральского хребта» в регионе была создана новая трехступенчатая система горнозаводского образования в регионе. Её целью провозглашалось «распространение полезных знаний, и особенно до горного дела относящихся, между всеми состоящими при уральских горных заводах людьми». Для этого предполагалось учредить (или реорганизовать) первоначальные или заводские школы в каждом казенном заводском селении, окружное училище в каждом казенном горном округе и Уральское горное училище в Екатеринбурге. Новые штаты определяли основные положения деятельности всех типов учебных заведений и объем средств на их содержание.

Количество учеников в заводских школах устанавливалось в 4850 мальчиков, то есть втрое больше, чем в предшествующих штатах, и вдвое, – чем в последнем проекте уральской горной администрации. Каждому выделялось на жалование и учебные пособия по два рубля в год. Обучать должны были 35 гражданских преподавателей и 69 их помощников – урядников 1 и 3 статьи, с жалованием в 72 и 36 руб. соответственно. Кроме того, для преподавания закона Божьего предполагалось привлечь 35 священников из местных церквей. Им назначалось дополнительное жалование в 30 рублей. Общие расходы на содержание заводских школ для мальчиков определялись штатами 1847 г. в 16 714 руб. ежегодно (см. Приложение № 8).

Кроме того, в каждом казенном округе полагалось иметь по одному женскому училищу, на которое ассигновалось 270 рублей. Количество учениц в них не регламентировалось. Обучать должны были учительница и ее помощница, с жалованием в 120 и 60 руб. соответственно, и безвозмездно законоучитель из местных священников. Каждому женскому училищу выделялось по 60 руб. на учебные пособия и 30 – на отопление и освещение.

То есть принципиальным новшеством, закрепленным в новых штатах, стало определение гражданских преподавателей во все казенные горнозаводские учебные заведения. Духовные лица должны были обучать только закону Божьему. Но, в сравнении с первоначальным проектом, разработанным в канцелярии В. А. Глинки, жалование гражданских преподавателей было существенно понижено, они не получали права на классный чин. Малое содержание и отсутствие реальных перспектив предопределило сохранение проблемы комплектования казенных горнозаводских школ квалифицированными специалистами.

Второй ступенью системы обучения в казенных горных округах Урала становились окружные училища. В Екатеринбургском, Златоустовском и Гороблагодатском полагалось обучать по 60, а Воткинском, Богословском и Юговском – по 50 мальчиков. Каждому выделялось по 8 руб. 50 коп. в год на «учебные пособия, обмундирование и привар». В окружные училища определялся штатный смотритель, он же учитель главных наук с жалованием в 360 руб. и правами государственной службы. Остальные преподаватели, в том числе и законоучитель, должны были работать здесь по совместительству с основной службой. Все расходы на содержание окружных училищ определялись в 9 097 руб. ежегодно (см. Приложение № 9).

Третьей ступенью системы обучения для наиболее способных мальчиков со всех казенных округов становилось Уральское горное училище, о котором пойдет речь в следующем параграфе. Кроме того, штатами 1847 г. выделялись средства на открытие, в случае необходимости, воскресных школ и «усиление средств обучения». В целом, по нашим подсчетам, расходы на систему образования составляли 2% от всей проектируемой штатной суммы уральских казенных горных заводов[1] (см. Приложение № 2), существенно больше, чем в предшествующих штатах – 0,3% (см. Приложение № 1).

В целом руководство горного ведомства фактически вновь поставило цель обязательного начального обучения всех мальчиков на уральских казенных заводах. Кроме того, наиболее способные из них теперь могли получить и среднеспе-

[1] Подсчитано автором по: Штаты и основные рабочие.

циальное горное образование в местном учебном заведении. Отметим, что новая система казенного горнозаводского образования не была закрытой и для лиц из других сословий. Они могли за установленную плату обучать своих детей во всех типах учебных заведений горного ведомства.

В штатах 1847 г. отмечалось, что казенные горнозаводские учебные заведения Урала продолжают подчиняться постановлениям, изданным для подобных заведений Алтайского горного округа. Между тем неудобство такого положения стало очевидным для уральских горных властей. Так, в 1850 г. горный начальник Гороблагодатского округа в рапорте в Уральское горное правление отмечал, что в Барнаульском училище шестилетний курс, а в уральских окружных – четырехлетний, а сам процесс обучения должен строиться с учетом местных условий и традиций.

В 1851 г. В. А. Глинка направил указание всем горным начальникам казенных округов Урала представить проекты положений об учебных заведениях. Их непосредственное составление предлагалось возложить на смотрителей окружных училищ. Они должны были строиться на основе соответствующего законодательства других казенных горных округов империи (Алтайского, Луганского) и учитывать местные условия и традиции.

Вскоре в канцелярию главного горного начальника поступили семь проектов положений о заводских школах и окружных училищах. В Богословском округе горного начальника не удовлетворил вариант, составленный смотрителем местного училища. В его канцелярии был разработан отдельный проект. В остальных округах горные начальники лишь отредактировали положения, представленные смотрителями окружных училищ[1].

Все из представленных проектов были вполне традиционными. В их основу легли соответствующие положения штатов 1847 г. и опыт предшествующей деятельности горнозаводских учебных заведений Урала. Только два проекта содержали принципиальные предложения.

---

[1] См.: ГАСО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 1361. Л. 1–180.

В положении, присланном из Златоустовского округа, предлагалось создать при окружных училищах практические классы для подготовки мастеров различных производств. В них должны были поступать примерно половина учеников, не оказавших успехов в течение первого года обучения. Последующие три года им предстояло до обеда овладевать практическими навыками непосредственно на заводских производствах. Во второй половине дня они должны были заниматься чистописанием, рисованием и черчением в самом окружном училище. То есть, этот проект предусматривал закрепление господствовавшего в то время практического уклона в овладении специальными знаниями.

В положении, составленном смотрителем Богословского окружного училища титулярным советником С. Каменским, предполагалось предоставление всем преподавателей казенных горнозаводских учебных заведений классных чинов и, соответственно, прав государственной службы. Здесь же отмечалась необходимость иметь в окружных училищах, кроме смотрителя, двух штатных учителей с жалованием в 300 и 250 руб. Ничего подобного штаты 1847 г. не предусматривали[1]. Проект С. Каменского предполагал существенное улучшение материально-бытового положения преподавателей казенных горнозаводских учебных заведений. Но ни предложения руководства Златоустовского округа, ни смотрителя Богословского окружного училища не вошли в официальный проект.

В 1852 г. в канцелярии главного горного начальника было составлено обширное (316 пунктов) «Положение об учебных заведениях уральских горных заводов». В объяснительной записке к нему, направленной в Министерство финансов, отмечалось, что оно создано на основе подобного законодательства для Алтайских заводов, местных обстоятельств и «принятия в соображение уставов и других учебных заведений империи». Документ содержал не только основные положения по структуре и функциям казенного образования на Урале (заводские школы – окружные училища – Уральское горное училище), но и указания дидактического и хозяйственного характера.

---

[1] Присвоение учителям горнозаводских учебных заведений классных чинов предполагал проект «Устава учебных заведений уральских горных заводов» 1839 г.

С октября 1852 г. проект «Положения» подробно обсуждался в Ученом комитете штаба Корпуса горных инженеров, рассматривавшем соответствие всех его статей действующему законодательству. В результате в него был внесен ряд существенных изменений и дополнений.

В частности, в окружные училища должны были приниматься лучшие выпускники заводских школ по успехам и поведению, а не преимущественно из детей урядников, как было предложено в проекте уральской горной администрации. Изучение ремесел для всех учеников горного ведомства в окружных училищах стало обязательным, а не по желанию. Из программы Уральского горного училища были исключены курсы строительного дела и лесного хозяйства, для которых не имелось утвержденных руководств. Преподавание немецкого языка и истории разрешалось только для детей горных чиновников. Вообще было запрещено преподавать по программам, не одобренным главным учебным начальством, и даже самостоятельно выбирать руководства для обучения, что предусматривалось в проекте уральской горной администрации. Проект «Положения» также подвергся редакторской правке.

Исправленное и отредактированное «Положение об учебных заведениях уральских горных заводов» из 313 пунктов было утверждено управляющим Министерства финансов П. Ф. Броком 31 декабря 1852 г.[1] После этого оно было отпечатано в Екатеринбурге и разослано для исполнения во все казенные округа Урала[2]. Наряду со штатами 1847 г., «Положение» стало основой законодательной базы деятельности всех типов казенных горнозаводских учебных заведений.

«Положение» 1852 г. устанавливало, что в первоначальные заводские школы должны были поступать все мальчики нижних чинов и рабочих людей горного ведомства от 8 до 11 лет. Они получали от казны в течение всего года жалование по 15, а сироты – по 22 коп. в месяц. Также им бесплатно выдавались учебные книги и принадлежности. Заводские школы могли посещать и дети не горного ведомства, если родители оплачивали их обучение по 2 руб. 85 коп. за полгода.

---

[1] См.: РГИА. Ф. 44. Оп. 2. Д. 960. Л. 200–297.
[2] Положение об учебных заведениях уральских горных заводов. Екатеринбург, 1853.

Курс обучения в заводских школах был рассчитан на два года. В него входили закон Божий, чтение, письмо, начала арифметики и грамматики, линейное рисование и «практическое распознавание руд и горных пород округа». В первом классе предлагалось применять ланкастерскую систему обучения. Лучшие выпускники заводских школ должны были поступать в окружные училища.

Для дочерей нижних чинов и рабочих людей горного ведомства от 8 до 13 лет полагалось иметь по одной начальной школе в каждом казенном округе Урала. Их курс обучения составляли закон Божий, чтение, письмо, а также рукоделие и домоводство. Учебные книги и принадлежности также бесплатно выдавались горным ведомством.

В окружные училища должны были приниматься мальчики 10–12 лет, имевшие знания в объеме курса заводских школ. Им полагались казенная форма, учебные книги и принадлежности. Курс обучения в окружных училищах был рассчитан на два года. Он включал закон Божий, грамматику, арифметику, начала алгебры и геометрии, чистописание, рисование, черчение, практические упражнения в письмоводстве и счетоводстве, «распознавание важнейших минералов, руд и заводских продуктов», устройство по моделям горнозаводских машин и механизмов. Кроме того, мальчики, готовящиеся в лекарские ученики, обучались латинскому, а дети горных чиновников – немецкому языку. Все остальные в послеобеденное время должны были постигать различные ремесла непосредственно на местных производствах под руководством опытных мастеров. Практические занятия предполагались и в первый летний каникулярный месяц.

Система управления казенными горнозаводскими учебными заведениями на Урале, естественно, усложнилась, но не претерпела существенных изменений. Общее руководство сохранялось за горными начальниками округов, которые должны были утверждать в должности всех учителей первоначальных школ. Непосредственный надзор возлагался на инспектора по учебной части, назначаемого в каждом казенном округе из старших горных офицеров. В контроле над первоначальными школами ему помогал смотритель окружного училища, которому представлялись отчеты и ведомости об их деятельности.

«Положение» 1852 г., впервые в законодательстве о казенных горнозаводских учебных заведениях, содержало более полутора десятков пунктов дидактического характера. В частности, предписывалось с утра ставить в расписание занятий предметы, требующие повышенного внимания, а после обеда – рисование и черчение. Рекомендовалось не назначать подряд два похожих предмета.

Конкретные указания приводились и по методике преподавания. Так, учителю в ходе опроса рекомендовалось «не досадовать на непонятливость учеников», а повторять этот материал снова «с другими словами, примерами и уподоблениями». Предписывалось спрашивать всех детей, но не по очереди, а неожиданно для них. Воздействовать на учеников рекомендовалось более убеждениями, чем строгостью. Наказания следовало употреблять по возможности реже, «дабы они чрез то имели большее значение».

В целом «Положение» 1852 г. стало солидной законодательной базой деятельности всей новой системы казенного горнозаводского образования на Урале. С некоторыми внесенными в него незначительными изменениями и дополнениями оно продолжало действовать и после отмены крепостного права. Однако реальное состояние дел в системе казенного горнозаводского образования на Урале в конце 1840–1850-е гг. во многом не соответствовало нормам, установленным штатами 1847 г. и «Положением» 1852 г.

В заводских школах количество учеников существенно возросло, в сравнении с предшествующим периодом, но так и не достигло штатных показателей ни в одном округе за весь предреформенный период[1]. Как отмечалось в большинстве отчетов, главным препятствием к дальнейшему увеличению числа учеников были тесные и ветхие помещения, в которых располагались многие школы. Особенно плачевным было положение в Богословском округе, где в таком состоянии находились три из четырех школ.

Причем действовал своеобразный порочный круг. Здания школ не вмещали штатного числа учеников. Соответственно, на их содержание выделялись меньше средств. Однако значительные остатки от школьных сумм, определенных штата-

[1] См.: Черноухов Э. А. Горнозаводское образование. Приложение № 9.

ми 1847 г., не поступали на постройку новых зданий, а возвращались в Государственное казначейство.

Кроме того, горные власти отмечали нежелание определенной части местного населения отдавать своих детей в существующие школы. Особенно плачевным оставалось положение в заводских селениях. Здесь родителями забирали немногочисленных учеников из школ с началом полевых работ и возвращались в классы только глубокой осенью, при формальном начале занятий с 1 сентября.

Вместе с тем горные власти Урала в конце 1840-х – начале 1850-х гг., имея в своем распоряжении значительные суммы на развитие образования, открыли или восстановили ранее существовавшие, но затем закрытые школы в заводских селениях: в Екатеринбургском округе – Шарташскую, Травянскую, Бобровскую и Горнощитскую приисковую; Златоустовском – Тургоякскую, Сыростинскую и Поляковскую; Богословском – Фроловскую; Гороблагодатском – Верхнебаранчинскую, Илимскую и Новотуринскую; округе Пермских заводов – Аннинскую[1]. Количество штатных учеников в школах заводских селений в рассматриваемый период времени определял горный начальник.

В тоже время Уктуская школа Екатеринбургского округа была закрыта с 1 августа 1851 г., из-за незначительного числа жителей горного ведомства в этом селении. 50 ее учеников были приписаны к ближайшей Нижнеисетской. Но не один из них с началом нового учебного года на занятия не явился. На запрос горных властей матери учеников заявили, что они бояться отпускать детей одних в дорогу в четыре версты по лесу, особенно зимой. Но и весной никто из учеников с Уктуского селения не явился в Нижнеисеткую школу.

Не менее серьезные проблемы создавала школа в Шарташском селении, где высшие горные власти и духовенство Урала предприняли очередную попытку наступления на раскол. В 1845 г. было принято решение о строительстве здесь молельного дома, при котором намечалось открытие школы. На протяжении последующих двух лет шла упорная бесплодная борьба между властями и жителями селения по вопросу обучения детей. Ни беседы местного священника, ни уговоры

[1] См.: Черноухов Э. А. Горнозаводское образование. Приложение № 1.

старшины, ни приказ главного горного начальника В. А. Глинки «собрать детей, во что бы то ни стало» не принесли желаемого результата. Раскольники, составлявшие абсолютное большинство жителей селения, упорно отказывались отдавать своих детей для обучения к местному священнику. В рапортах местных властей отмечалось, что они объясняли это своим бедным состоянием и необходимостью помощи детей в хозяйстве.

В 1848 г. власти сообщили-таки об открытии школы в Шарташском селении, но, видимо, она действовала только на бумаге. В 1850 г. ее учитель, в рапорте на имя Екатеринбургского горного начальника, отмечал, что, не смотря на все старания местного старшины, в том числе взятие под стражу особо упорствующих, родители так и не отдали отобранных детей в школу[1].

Заводские школы в тот период времени продолжали испытывать серьезные трудности в организации эффективного учебного процесса. Так, в большинстве из них не преподавалось распознавание местных горных пород и минералов, главным образом, из-за отсутствия соответствующей учебно-материальной базы. Особенно остро продолжала стоять проблема подбора квалифицированных учителей.

В 1852 г. В. А. Глинка, рассмотрев отчеты и ведомости о деятельности заводских школ, направил строгий циркуляр горным начальникам всех казенных округов Урала. В нем отмечалось, что из 97 учителей и помощников заводских школ только 13 окончили полный курс в окружных училищах. В школах числились и получали жалование лица, которые там реально не работали. Учителей загружали сверх занятий перепиской бумаг в конторах, в должностях надзирателей, хотя единственной предусмотренной для них работой по совместительству, и то за дополнительную плату, было преподавание в окружных училищах. Кроме того, в ряде мест учителям платили даже меньше положенного им незначительного жалования.

В. А. Глинка в циркуляре приказывал немедленно исправить эти недостатки, приведя все в соответствие с «Положением об учебных заведениях уральских горных заводов» 1852 года. В ответных рапортах горных начальников сообщалось

[1] ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1770; Ф. 41. Оп. 1. Д. 1483. Л. 439–440; Д. 1508. Л. 94–95.

о выполнении всех указаний, кроме подбора квалифицированных учителей. Их предполагалось привлечь в заводские школы постепенно, после нового выпуска из окружных училищ.

Но реально привлечь в заводские школы квалифицированных педагогов, при таком незначительном жаловании и низком социальном статусе, не представлялось возможным. В 1859 г. все четыре гражданских учителя в заводских школах Богословского округа были определены «по причине задолжности»[1].

При таком составе учебного персонала ожидать серьезных успехов не приходилось. В 1860 г. берг-инспектор, осмотрев заводские школы соседнего Гороблагодатского округа, отметил, что занятия в них состояли практически исключительно в заучивании материала, большей частью без всякого понимания. В «оправдание» он указал, что работавшие здесь учителями нижние чины «сами не весьма развиты умственно»[2].

Женским школам в отчетах об учебных заведениях, направляемых в вышестоящие инстанции, уделялось минимальное внимание. Количество учениц в них штатами 1847 г. не определялось. Оно значительно колебалось в разных округах: от 20 до 90. В 1854 г. во всех шести школах обучалось 239 девочек[3].

Во второй половине 1850-х гг. была открыта не предусмотренная штатами женская школа при Нижнетуринском заводе, как отделение Кушвинской. Как уже отмечалось, расширение сети учебных заведений для девочек при казенных горных заводах Урала происходило также по инициативе местного духовенства, поощряемого к этому св. Синодом. 3 февраля 1861 г. священник И. Колокольников, получив пособие от управителя Баранчинского завода Гороблагодатского округа, открыл у себя в доме школу, в которую первоначально поступило 70 девочек. Вскоре по подписке были собраны средства для строительства необходимого ей помещения[4].

---

[1] ГАСО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 18. Л. 19.
[2] Там же. Ф. 43. Оп. 1. Д. 298. Л. 11.
[3] Там же. Оп. 2. Д. 1935.
[4] Пермские губернские ведомости. 1861. № 42. С. 610.

В целом перед отменой крепостного права при уральских казенных горных заводах действовало восемь женских школ, в которых обучалось 411 девочек[1]. Их число было недостаточным для заводского населения. На это неоднократно обращали внимание горные начальники и заводские управители в своих рапортах в Уральское горное правление.

Горные власти Урала в рассматриваемый период принимали участие и в организации и деятельности учебных заведений, не предусмотренных штатами 1847 г. В 1849 г., по инициативе архиепископа Пермского и Верхотурского Аркадия, на основании «Правил для обучения поселянских детей», было открыто одноклассное единоверческое училище при Кушвинском заводе.

В него принимались исключительно дети мастеровых единоверческого вероисповедания. Число учеников в 1850-х гг. было невелико: 12–20 мальчиков ежегодно. Занятия вел местный единоверческий священник. Он обучал закону Божьему, чтению, письму и арифметике. Училище содержалось за счет местного притча. Горное ведомство лишь оплачивало расходы на отопление и освещение выделенного ему казенного помещения, за счет сумм, определенных штатами 1847 г. на «усиление средств обучения»[2].

В 1851 г. архиепископ Аркадий обратился к горным властям с просьбой оказать содействие в открытии подобного училища в деревне Лая, в 22 верстах от Кушвинского завода. Но он получил отказ с формулировкой, что это «потребует обременительных для казны расходов». Однако через несколько лет единоверческое училище в Лае, а также в деревне Ясьва, были открыты, как отделения Кушвинского. Кроме того, подобное училище в 1850-х гг. действовало при Златоустовском заводе. Число учеников в них также было небольшим: 10–15 человек в каждом[3].

В 1849 г., при Кушвинском заводе, с разрешения министра финансов, по просьбе мастеровых мусульманского вероисповедания, было открыто специальное училище для обучения их детей. Горное ведомство не выделяло средств на

---

[1] РГИА. Ф. 44. Оп. 3. Д. 252.
[2] ГАСО. Ф. 643. Оп. 2. Д. 1369. Л. 1–6.
[3] Шишонко В. Н. Материалы для описания. С. 64; РГИА. Ф. 44. Оп. 2 Д. 252.

его содержание, но предоставило казенный дом. При открытии в мусульманское училище поступило девять мальчиков и пять девочек. Занятия вел местный мулла Ш. Яхьев. Он безвозмездно обучал детей чтению и письму по-русски и по-татарски. В 1861 г. в мусульманском училище обучалось 10 детей[1].

С 1858 г. существовала практика помещения мальчиков-башкирцев на деньги башкирского ведомства в различные учебные заведения Урала, в том числе и горнозаводские. До 1867 г. более сотни из них обучались в Златоустовских окружном училище и заводской школе[2]. Казенные горнозаводские учебные заведения сыграли определенную роль в приобщении к грамотности нерусского населения региона.

По окружным училищам В. А. Глинка обратился с просьбой к министру финансов открыть их со следующего 1848/1849 учебного года, после соответствующей подготовки, в том числе постройки зданий и подбора преподавателей. Согласие на это было получено.

Проблема обеспечения соответствующей учебно-материальной базы для создаваемых окружных училищ, действительно, стояла довольно остро. Три из них так и открылись в малоприспособленных и тесных для занятий помещениях. Преподавание распознавания руд, минералов и заводских продуктов округа, а также устройства по моделям горнозаводских машин и механизмов удалось организовать только через несколько лет после начала занятий, после создания необходимых собраний и коллекций.

В согласованный срок (1848 г.) все окружные училища были открыты. Создание последнего (Екатеринбургского) несколько задержалось по причине эпидемии холеры в городе[3].

Количество учеников в окружных училищах в 1850-х гг. соответствовало показателям, определенным штатами 1847 г. В двух крупных заводских поселках (Кушве и Златоусте), испытывавших острый недостаток учебных заведений, оно

---

[1] Шкерин В. А. Деятельность В. А. Глинки. С. 296; ГАСО. Оп. 2. Д. 1462. Л. 1–4.
[2] Серебренников Ю. Н. Грамотность населения Урала к середине XIX в. // Архивное дело в Челябинской области. Информационный вестник. Вып. 2. Челябинск, 1997. С. 104; РГИА. Ф. 37. Оп. 53. Д. 299; Ф. 44. Оп. 3. Д. 252.
[3] РГИА. Ф. 44. Оп. 2. Д. 960; Л. 1–2; ГАСО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 1337, 1347.

было больше штатного уровня: часть мальчиков поступили на собственное содержание.

В окружных училищах преподавались все предметы, определенные «Положением» 1852 г. В Екатеринбургском и Гороблагодатском мальчиков, приготовляемых в «лекарские ученики», также обучали латинскому языку. После обеда, а также в летнее время воспитанники постигали ремесла на местных заводских производствах. Более обширная профессиональная подготовка, вряд ли была бы целесообразной, из-за малого возраста учащихся.

Окружные училища Урала также были общеобразовательными учебными заведениями. Получаемое общее образование с элементами профессиональной подготовки, несомненно, помогало их воспитанникам впоследствии быстрее овладевать горнозаводскими специальностями.

Распределение выпускников, в целом, соответствовало назначению окружных училищ. Так, в 1852 г. из 67 его воспитанников поступили на службу в горнозаводском хозяйстве Урала или ждали вакансий – 32 человека (48%), продолжили учебу в Санкт-Петербурге и Екатеринбурге – 19 (28%), стали помощниками учителей в заводских школах – 13 (19%), были «отданы в работы», не выдержав экзамены за курс обучения – 3 (5%)[1].

Уровень обучения в окружных училищах Урала в рассматриваемый период был достаточно низким. В 1851 г. Глинка, проинспектировав все из них, остался доволен только Гороблагодатским, которое он, вообще, считал лучшим на Урале. Все остальные училища вызвали серьезные нарекания, вплоть до того, что в Богословском и Златоустовском округах не подготовлено «ни одного писаря с порядочным почерком и знанием грамматики». Горным начальникам предписывалось обратить внимание на работу учителей, которые были названы главными виновниками такого положения.

В середине 1850-х гг. управляющему Уральского горного училища Н. К. Чупину пришлось вступить в заочную полемику с уволенным от службы подполковником штаба Корпуса горных инженеров, бывшим управителем Ниж-

[1] Подсчитано автором по: ГАСО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 1935. Л. 449–457.

неисетского казенного завода Л. В. Данковским (а тот период времени – управляющим Симскими частными заводами[1]). Последний в ходе служебных командировок изучил состояние горнозаводского дела как в крупнейших частных округах Урала (Нижнетагильском, Верх-Исетском), так и в Западной Европе.

Часть наблюдений Л. В. Данковского была опубликована в «Горном журнале». Его материалы об учебных заведениях остались в рукописном виде, но были скопированы в Штабе Корпуса горных инженеров и направлены для ознакомления главному горному начальнику Ф. И. Фелькнеру. Вся система казенного горнозаводского образования на Урале она была подвергнута жесткой критике, с опорой на сравнение с западноевропейскими странами. По мнению Л. В. Данковского, с отменой крепостного права, учебные заведения к казенных округах должны быть подвергнуты коренному преобразованию.

Отзыв на эти материалы Ф. И. Фелькнер поручил составить управляющему Уральского горного училища Н. К. Чупину[2]. Последний не отрицал ряд обоснованных замечаний Л. В. Данковского: недостаток квалифицированных учителей, малочисленность женских школ, практические занятия как самое слабое место в деятельности Уральского горного училища, необходимость разрешения открывать частные учебные заведения в казенных заводских селениях. Вместе с тем он выступил против голословного предложения «коренного преобразования» всей системы казенного горнозаводского образования. По вполне обоснованному мнению Н. К. Чупина, уровень развития образования на уральских горных заводах надо сравнивать не с бельгийским, как это делал Л. В. Данковский, а с подобным в России, например, в селениях государственных крестьян. И здесь сравнение было явно в пользу уральских казенных горных заводов.

Н. К. Чупин вновь высказался по сложнейшей проблеме соотношения общего и специального образования. Он справедливо подчеркивал, что окружные училища вовсе не профессиональные учебные заведения. Преподавание специальных

---

[1] См. о нем: ГАСО: Ф. 25. Оп. 1. Д. 1812; Ф. 43. Оп. 2. Д. 280.
[2] ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 262. Л. 1–2.

предметов может быть успешным только при наличии солидного общего образования у его воспитанников.

Главным препятствием для успешной деятельности уральских казенных горнозаводских учебных заведений Н. К. Чупин считал нехватку «сведущих учителей». Он объяснял это их низким жалованием и плачевной учебно-материальной базой большинства школ, в том числе отсутствием самых необходимых учебников и пособий, облегчающих процесс обучения. Чупин высказался за необходимость разрешения открывать частные школы в казенных заводских селениях «лицам, заслуживающим доверие», но не видел необходимости выделения на это специальных средств от горного ведомства[1].

В целом заочная полемика Н. К. Чупина с Л. В. Данковским четко отразили слабые места в системе казенного горнозаводского образования накануне отмены крепостного права. Они, во многом, были связаны с тем кризисом, в котором находилась Российская империя в середине XIX века.

Состояние системы казенного горнозаводского образования на Урале накануне отмены крепостного права оставалось противоречивым. С одной стороны, она достигла пика в своем развитии. На основании новых штатов уральских казенных заводов 1847 г. функционировала своеобразная трехступенчатая система образования, предназначенная для детей всего горнозаводского населения. Законодательной основой ее деятельности, наряду со штатами 1847 г., стало разработанное в канцелярии главного горного начальника и утвержденное в Министерстве финансов специальное обширное «Положение» 1852 года.

Накануне отмены крепостного права действовало 50 начальных казенных горнозаводских школ, в которых числился 3921 учащийся. Отметим разнообразие их видов. Наряду с традиционными заводскими школами, появились женские, единоверческие и мусульманская (См. Таблицу № 3).

Второй ступенью обучения стали шесть окружных училищ, в которых в 1861 г. обучалось 367 мальчиков. Здесь, наряду с общеобразовательной подготовкой, давали некоторые основы профессиональных знаний. Высшей ступенью ста-

[1] См.: ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 263; Ф. 129. Оп. 1. Д. 42.

ло Уральское горное училище, являвшееся средним специальным учебным заведением (формально не имея такого статуса).

Таблица № 3

Начальные казенные горнозаводские учебные заведения Урала в 1860/1861 г.[1]

Округ	Заводские		Единоверческие		Женские	
	кол-во	учеников	кол-во	учеников	кол-во	учениц
Екатеринбургский	11	907	–	–	1	97
Богословский	5	420	–	–	1	40
Воткинский	2	419	–	–	1	52
Гороблагодатский	8	709	3	37	3	109
Златоустовский	8	635	1	22	1	49
Пермских заводов	3	361	–	–	1	64
Итого	37	3451	4	59	8	411

С другой стороны, система казенного горнозаводского образования на Урале испытывала серьезные трудности, характерные для многих учебных заведений империи. Малоудовлетворительная материальная база затрудняла организацию эффективного учебного процесса.

Многие из казенных горнозаводских учебных заведений продолжали размещаться в ветхих и малоприспособленных для занятий помещениях, испытывали недостаток книг и пособий. Низкие социальный статус и штатное жалование большинства учителей препятствовали привлечению к преподаванию квалифицированных педагогов. Определенная часть родителей, из-за сословного характера общества и тяжелого материального положения не видели практической пользы даже начального обучения для своих детей. Количество учеников в заводских школах не достигло штатных показателей ни в одном казенном округе Урала. В результате не удалось решить поставленную еще в начале века задачу обязательного начального обучения всех мальчиков на казенных заводах.

Источники не содержат сводных данных о грамотности населения Урала, в том числе и горнозаводского по первой половине XIX века. По нашим подсчетам,

[1] Составлена автором по: РГИА. Ф. 44. Оп. 2. Д. 1469; Оп. 3. Д. 252.

накануне отмены крепостного права, в казенных горнозаводских учебных заведениях Урала обучалось примерно половина всех местных мальчиков, достигших школьного возраста. В результате здесь среднее звено производственно-технического персонала (надзиратели, чертежники, пробирщики, помощники главных специалистов) комплектовалось, в основном, из кадров, имевших начальное образование. Видимо, уже в предреформенные годы, грамотным стал и почти весь низший технический персонал (уставщики, старшие мастера)[1].

Общий уровень грамотности среди мастеровых уральских горных заводов в середине XIX в. в среднем составлял 9–12%[2]. Для вспомогательных работников он был существенно ниже. Эти показатели, как будет показано ниже, сопоставимы с частным хозяйствами

В тот период времени пределом для большинства мужского населения казенных горных заводов Урала оставалось начальное образование. Мастеровые могли попасть на технические должности после длительной работы в соответствующей отрасли производства. Абсолютное большинство женского населения продолжало оставаться неграмотным. Это было вполне закономерным результатом при общей государственной политике по отношению к народному образованию в первой половине XIX века.

В тоже время в горном ведомстве периодически возвращались к идее организовать специальное горнотехническое обучение в казенных округах Урала. Часть специалистов считали возможным реорганизовать Екатеринбургское уездное училище Министерства народного просвещения, введя в его курс преподавания специальных дисциплин. Авторы других проектов предлагали создавать новые учебные заведения повышенного типа в ведении горных властей.

Через четверть века после закрытия главных горных школ на Урале была предпринята новая попытка организации профессионального обучения. В горном ведомстве склонились к проекту реорганизации уездного училища. Этому способ-

---

[1] См.: Дашкевич Л. А. Уровень общеобразовательной. С. 72–73.
[2] См.: ГАСО.Ф. 129. Оп. 1. Д. 19. Л. 22об.–23; Д. 20.

ствовало принятие в 1828 г. нового Устава учебных заведений Министерства народного просвещения.

На основе этого нормативного акта, по согласованию с министерством финансов, в 1835 г. была произведена реорганизация Екатеринбургского уездного училища. В нем учредили дополнительный класс для всех желающих продолжить обучение по окончании основного курса. Здесь преподавался двухгодичный курс горных и коммерческих наук, немецкий и французский языки[1].

Воплощение проекта ускорила инспекционная поездка начальника штаба Корпуса горных инженеров К. В. Чевкина на Алтай. Будучи проездом в Екатеринбурге, он принял непосредственное участие во всех делах, касающихся устройства дополнительного класса: разработке учебных планов, обеспечении книгами и пособиями, подборе учителей и даже определении методики преподавания отдельных дисциплин[2].

К. В. Чевкин также организовал сбор пожертвований, необходимых на перестройку здания уездного училища. На эти средства в 1836–1837 гг. возвели каменный двухэтажный пристрой и необходимые служебные помещения. Горное ведомство стало ежегодно выделять до 2 900 руб. на преподавание дополнительных курсов в Екатеринбургском уездном училище[3].

По ходатайству главноуправляющего Корпусом горных инженеров, специальным распоряжением по Министерству народного просвещения от 3 июня 1836 г. к изучению дополнительных курсов было разрешено допускать лиц всех сословий. В то время в большинстве других уездных училищ крепостным людям это запрещалось.

Создание дополнительного класса в Екатеринбургском уездном училище не принесло ожидаемых результатов. Учебный план оказался перегруженным, общеобразовательная подготовка многих учащихся была недостаточной для восприятия специальных дисциплин. Этому же препятствовал их малый возраст. Родите-

---

[1] Калинина Т. А. Развитие горнотехнического. С. 66; Шалин А. П. Историческая записка о Екатеринбургском городском четырехклассном училище. Екатеринбург, 1889. С. 17.
[2] Калинина Т. А. Развитие горнотехнического. С. 86–87.
[3] ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1705.

лям подавляющего большинства учащихся преподавание дополнительных предметов казалось излишним. Они забирали их из училища сразу по окончании основного курса.

Н. К. Чупин вспоминал: «Я учился в здешнем училище (Екатеринбургском уездном – Э.Ч.), когда введены были в него дополнительные курсы горнозаводских наук и бухгалтерии. Мы, правда, гордились тем, что слушали такие науки, но публика встретила это нововведение не только не с радостью и сочувствием, а неприязненно и насмешливо, что нас очень обижало. Здешнее уездное училище много упало после введения дополнительных курсов». Окончательное закрытие дополнительного класса произошло только в 1864 г.[1]

В 1820-х – первой половине 1830-х гг. появились и различные проекты создания на Урале специального учебного заведения в рамках горного ведомства. Два из них были разработаны в Департаменте горных и соляных дел. Один предполагал создать в ряде казенных округов четырехгодичные горные гимназии, другой – техническую школу по образцу Фрейбургской горной академии в Саксонии. Еще один проект был разработан в Златоустовском горном округе в конце 1830-х гг. по инициативе К. В. Чевкина. Он предполагал создание здесь училища для подготовки уставщиков золотодобывающего производства для всего Урала. Но все эти проекты специального горнотехнического учебного заведения в регионе не получил воплощения на практике[2].

С конца 1830-х гг. началась разработка новой системы казенного горнозаводского образования на Урале. По плану В. А. Глинки в качестве высшей ступени предполагалось создание трехклассной (с шестигодичным курсом обучения) Уральской горной гимназии в Екатеринбурге. Ее учебный план должен был состоять из общеобразовательных и специальных дисциплин с двумя специализациями: горной и заводской (подобно пятиклассному Барнаульскому училищу на Алтае). Уральская горная гимназия была рассчитана на 120 штатных учеников на полном содержании ведомства.

---

[1] Цит. по: Гомельская С. З. Н. К. Чупин. Свердловск, 1982. С. 7.
[2] См.: Калинина Т. А. Из истории горнотехнического. С. 39–41.

Подготовка, корректировка и утверждение проекта, составляемого по указанию центральных властей, растянулась почти на десятилетие. Конкретное воплощение оказалось существенно более скромным, чем первоначальный план, разработанный в Канцелярии В. А. Глинки[1].

По штатам 1847 г. третьей ступенью обучения для наиболее способных мальчиков (выпускников окружных училищ) со всех казенных округов стало Уральское горное училище. В нем назначалось 60 штатных вакансий, в том числе 30 для детей малообеспеченных чиновников горного ведомства и 30 – нижних горных чинов и мастеровых. Все они являлись «казенными пансионерами», находящимися на полном ведомственном содержании[2]. Предусматривалась и возможность обучения за плату лиц из других социальных групп.

В Уральском горном училище полагались штатные управляющий и два старших учителя с правами государственной службы, эконом с помощником и два надзирателя. Непосредственное руководство должен был осуществлять управляющий, утверждаемый в должности министром финансов. Общие расходы на содержание нового учебного заведения определялись в 7 477 руб. ежегодно (см. Приложение № 10).

Важнейшим нормативным актом, определявшим организацию и деятельность училища, стало «Положение об учебных заведениях уральских горных заводов». С октября 1852 г. проект подробно обсуждался в Ученом комитете штаба Корпуса горных инженеров, рассматривавшем соответствие всех его статей действующему законодательству. В результате «Положение» был внесен ряд существенных изменений и дополнений. Из программы были исключены курсы строительного дела и лесного хозяйства, для которых не имелось утвержденных «руководств». Самостоятельно выбирать «руководства» для обучения, как предусматривалось в

---

[1] См.: РГИА. Ф. 44. Оп. 2. Д. 652. Л. 8–97.

[2] В первой половине XIX в. учебные заведения с пансионным типом содержания воспитанников были популярны в России. На горнозаводском Урале к ним относилось Выйское училище в Нижнетагильском округе Демидовых в 1806–1862 гг.

проекте уральской горной администрации, было запрещено. Преподавание немецкого языка и истории разрешили только для детей горных чиновников[1].

В «Положении» 1852 г. Уральскому горному училищу было посвящено 138 из 270 параграфов. Целью создания нового учебного заведения провозглашалось «образование для всех уральских заводов сведущих уставщиков, мастеров и наставников для заводских школ», а также «доставление детям недостаточных чиновников средств к образованию себя для службы горной». В результате училище должно было выполнять двойную задачу (такое же предназначение ранее имели и главные горные школы). В нем предполагалось подготовить талантливых детей из низших слоев горнозаводского населения (нижних чинов и рабочих людей) к занятию технических и административных должностей среднего звена (техников) на уральских горных заводах. В тоже время училище должно было предоставить части сыновей бедных горных чиновников возможность подготовиться к поступлению в Горный кадетский корпус в Санкт-Петербурге или другие ведомственные учебные заведения.

Возраст поступления в Уральское горное училище определялся в 14–17 лет (ст. 133). В него разрешалось принимать и «своекоштных» учеников с платой по 120 руб. в год (ст. 134).

Курс обучения был рассчитан на четыре года, разделенных на два класса (ст. 152). Занятия начинались с 1 сентября и заканчивались 1 июня. Ежедневно предполагались 4 урока по 1,5 часа. Они должны были проводиться с 8 до 11 и с 14 до 17 часов (ст. 155). В июне и августе предполагались практические занятия на близлежащих заводах и рудниках. Каникулярным месяцем считался июль (ст. 159, 163). Дети чиновников направлялись на практику лишь по желанию. Для них летом предусматривалась стажировка в конторе Уральского горного правления (ст. 162).

В программу обучения училища по «Положению» 1852 г. входили закон Божий, рисование, черчение, горное, маркшейдерское и пробирное искусства, металлургия, низшая геодезия, горнозаводские законоведение и счетоводство,

[1] См.: РГИА. Ф. 44. Оп. 2. Д. 960. Л. 200–297.

начала химии, минералогии, геогнозии, механики (ст. 151). Все предметы полагалось изучать в практическом плане. Для детей чиновников разрешалось преподавать немецкий язык и историю. Двухгодичный курс обучения в каждом классе был принят из-за экономии средств (меньше уроков и преподавателей) и предполагаемых трудностей с набором воспитанников[1].

Выпускникам Уральского горного училища присваивалось звание урядников второй или третьей статьи (ст. 172). Казеннокоштные воспитанники были обязаны отработать четыре года в горном ведомстве (ст. 174).

По классификации шведского историка Р. Торстендаля, Уральское горное училище относилось ко второй ступени в развитии образовательных направлений в горном деле. В нем должны были «обобщаться местные традиции в одну систему и передаваться то, что считалось наилучшей частью обобщенного знания будущим специалистам»[2]. Уральское горное училище можно сравнить с низшей горной школой в шведском Филипстаде, открытой в 1830 г. В неё принимались уже получившие общее образование мальчики с 16 лет, для подготовки к средним техническим и административным должностям[3].

Уральское горное училище по программе обучения превосходило Барнаульское окружное. В последнем в первых трех классах занимались общеобразовательной подготовкой, а воспитанники Уральского горного училища в основном получали ее еще в окружных училищах. Поэтому здесь обучение специальным дисциплинам был вдвое больше, чем на Алтае: четыре года против двух.

Занятия в Уральском горном училище предполагалось начать после постройки соответствующего здания. По штатам 1847 г. это планировалось сделать с 1851 г. Но В. А. Глинка обратился в Министерство финансов с просьбой перенести начало преподавания на следующий год. Он обосновывал это тем, что смета на постройку здания для нового учебного заведения (37 850 руб.) составляла не

---

[1] См.: Положение об учебных заведениях уральских…
[2] См.: Торстендаль Р. Указ. соч. С. 44. К последней третьей ступени он фактически отнес высшие профессиональные учебные заведения.
[3] ГАСО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 141. Л. 77–78.

четыре, а пять его годовых штатных сумм, которые и определялись на строительство. Кроме того, выпуск первых воспитанников из окружных училищ, лучшие из которых должны были продолжить свое обучение в Уральском горном, планировался только на 1852 г. Согласие на эти разумные доводы со стороны министра финансов было получено[1].

Для возведения здания был создан специальный Строительный комитет, в который вошли руководители горной администрации: берг-инспектор полковник Злобин, горный начальник Екатеринбургского округа полковник Ахматов, командир Екатеринбургской механической фабрики Штейман, архитектор Уральского горного правления Турский. Руководителем Комитета стал сам В. А. Глинка.

Для строительства было определено место в самом центре Екатеринбурга – на Главном проспекте, где снесли старый управительский дом. В. А. Глинка распорядился построить здесь обширное трехэтажное здание для обучения 100 учеников (классные комнаты и пансион), квартиры для постоянного персонала (6 человек) и хозяйственные помещения.

Вскоре он сделал «предложение» известному екатеринбургскому купцу И. Я. Рязанову продать свою усадьбу, расположенную по соседству с местом строительства. Отказать главному горному начальнику уральских заводов вряд ли представлялось возможным. И. Я. Рязанов продал усадьбу площадью 900 кв. сажень, на которой располагался «прекрасный старый сад», за две тыс. руб., хотя сам приобрел ее за три и собирался строить здесь дом. Это позволило отделить здание училища от хозяйственных построек, создать «черный» двор[2].

Осенью 1848 г. началась подготовка к строительству. Все старые постройки были снесены, а деревья сохранены. Облагороженный и разросшийся сад стал любимым местом отдыха для воспитанников Уральского горного училища, а затем и Екатеринбургской мужской гимназии.

---

[1] РГИА. Ф. 44. Оп. 2. Д. 960. Л. 3–4.
[2] ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 99. Л. 1–1об., 163–164об., 167–170.

Строительство учебного корпуса началось весной 1849 г. и продолжалось три с лишним года. Здание в целом было готово к весне 1853 года[1]. По мнению авторов юбилейной книги, по российской «традиции» на строительство было затрачено существенно больше предусмотренной в проекте суммы: 41 579 руб., вместо запланированных 37 850 руб.[2]

Но в отчете Строительного комитета констатировалось, что в смету он уложился и даже сэкономил незначительную сумму. Некоторый перерасход был связан с незапланированными тратами на покупку усадьбы Рязанова и обустройства расположенного здесь сада. Правда, при этом отмечалась необходимость новых затрат: отштукатурить здание снаружи, доделать тротуар[3]. В целом следует признать строительство здания для нового учебного заведения успешным.

Чтобы зима 1852/1853 гг. не была потеряна из-за необходимости просушки здания, старших воспитанников, намеченных к переводу в Уральское горное училище, стали обучать в окружных училищах. Учителям последних было предписано изучить с этими мальчиками предметы, которые они должны были освоить в первый год в новом учебном заведении. Благодаря этому первый выпуск из Уральского горного училища был произведен уже в 1856 г.

По «Положению» 1852 г. в новом учебном заведении полагалось иметь минимальное количество штатных преподавателей. Большинство педагогов Уральского горного училища должны были работать по совместительству.

В 1853 г. был утвержден первый штат преподавателей. Управляющим Уральского горного училища был назначен М. В. Блинов, ценимый В. А. Глинкой как образцовый смотритель Воткинского окружного училища и человек с научными интересами[4].

В обращении к управляющему министерством финансов В. А. Глинка сообщил, что в его распоряжении нет подходящего горного инженера на должность

---

[1] Сто лет горнотехнической школе. С. 41.
[2] Коротков Е. Н. Указ. соч. С. 88.
[3] ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 99. Л. 315–317.
[4] В 1855 г. было опубликовано его «Историко-статистическое описание округа Богословских заводов» (Будрин В. И. Уральское горное училище. Л. 7).

инспектора (одного из старших учителей). Все были либо крайне заняты, либо слишком молоды. По «Положению» 1852 г. одна из этих должностей (управляющий или инспектор) должна была быть занята горным инженером. Поэтому он просил утвердить на эту должность временно, сроком на один год Н. К. Чупина, который, как и М. В. Блинов являлся гражданским чиновником[1].

В. А. Глинка характеризовал потенциального инспектора как «человека с многосторонним образованием, сведущего в горных науках и хорошо знакомого с отечественной и иностранной литературой, как по части геогнозии, металлургии и горного искусства, так и по части педагогики, и потому весьма способного к надзору за преподаванием». Управляющий министерства финансов согласился с этими доводами главного начальника.

Позднее В. А. Глинка добился утверждения Н. К. Чупина инспектором училища на неопределенный срок. Положенный по штату 1847 г. второй старший учитель в Уральском горном училище так и не появился ни до, ни после 1861 года. Для сравнения отметим, что и в Барнаульском окружном училище по штату 1836 г. сразу был определен всего один учитель главных наук.

Остальные преподаватели Уральского горного училища работали по совместительству. Среди них в первые годы его деятельности были известные специалисты горнозаводского дела. Так, металлургию преподавал В. А. Грамматчиков, впоследствии ставший главным начальником уральских горных заводов, минералогию – В. М. Малахов, химию – Н. К. Штейнфельд, известные и как авторы научных работ[2].

В конце апреля 1853 г. 18 воспитанников из всех шести уральских окружных училищ, расположенных в центрах казенных округов Урала, были проэкзаменованы в Екатеринбурге и зачислены в новое учебное заведение. Среди них не было ни одного сына горного чиновника. Последние сразу не рассматривали это училище как потенциальное место обучения своих детей. Подобный опыт главных горных школ 1808–1809 гг. не был принят во внимание.

---

[1] РГИА. Ф. 44. Оп. 2. Д. 960. Л. 369–378.
[2] Сто лет горнотехнической школе. С. 45.

30 апреля 1853 г. состоялось торжественное открытие Уральского горного училища. 8 мая начались занятия, которые продолжались до конца июля. Они включали и обучение ремеслам на Екатеринбургской механической фабрике. Август воспитанники училища провели на практике на Березовских золотых рудниках. Второй учебный год прошел уже по полной программе: учебные занятия с 1 сентября по 1 июня, а затем практика на Нижнеисетском и Каменском заводах.

Учебно-материальная Уральского горного училища быстро пополнялась. К концу 1854 г. в его коллекции минералов и пород было уже 1295 образцов. Училище имело 32 модели горнозаводских устройств[1].

В тоже время из-за недостатка средств не удавалось создать собственные мастерские для обучения ремеслам. Воспитанники училища вынуждены были овладевать ими в цехах Екатеринбургского монетного двора. Но там зачастую возникали серьезные трудности с подбором работ, соответствующих возрасту и квалификации подростков. Лабораторные занятия по химии и пробирному искусству с января 1855 г. проводились в Уральской химической лаборатории[2].

В училище отсутствовали необходимые учебники и пособия по большинству специальных дисциплин. Вместо них использовали записки преподавателей по предметам. По сложившейся практике воспитанники училища переписывали их в свободное от занятий время.

Два летних месяца, а для желающих и третий, отводились для производственной практики на уральских заводах и рудниках. В течение первых двух лет обучения ее проходили в Екатеринбургском казенном округе: на Нижнеисетском и Каменском заводах, Березовских золотых промыслах. На третий год воспитанники выезжали в более отдаленные Кушвинский (Гороблагодатский казенный округ) и Юговской (округ Пермских заводов) заводы, а также прилегавшие к ним рудники. По возвращении в училище они должны были представить подробный отчет,

---

[1] ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 1935. Л. 65–70.
[2] Сто лет горнотехнической школе. С. 47.

включающий в себя, в том числе, планы местности и чертежи действующих горнозаводских устройств[1].

При господствовавшем в России сословном строе контингент обучающихся в новом заведении был стабилен. Как образно определил Н. К. Чупин, учащиеся Уральского горного училища были из «весьма скромного общества», к которому они должны возвратиться «для трудовой полурабочей жизни»[2]. Все 30 казенных вакансий для детей нижних горных чинов и мастеровых в предреформенные годы были заполнены.

В тоже время горные чиновники предпочитали давать своим детям даже первоначальное образование в учебных заведениях министерства народного просвещения или на дому, а после отправлять их в столичные учебные заведения. Поэтому в предреформенные годы в Уральском горном училище училось не более двух-трех сыновей этой категории заводского населения.

Между немногочисленными детьми чиновников и другими воспитанниками проводилась жесткая сословная грань. Первые изучали историю и немецкий язык, а также пользовались другими привилегиями. Дети чиновников не направлялись на производственную практику, связанную с тяжелым физическим трудом. Летом их обычно оставляли в училище для совершенствования в российском законодательстве, а также посылали в Уральское горное правление и Канцелярию главного начальника для совершенствования в делопроизводстве.

По окончании курса лучшим воспитанников Уральского горного училища из детей нижних горных чинов и мастеровых присваивалось звание урядника второй статьи, остальным – урядника третьей статьи, а детям чиновников – канцелярских служителей. Абсолютное большинство выпускников из первых трех дореформенных выпусков (30 из 34 человек) поступили на административные и технические должности на уральских горных заводах. Трое воспитанников стали преподавать в казенных горнозаводских учебных заведениях[3].

---

[1] ГАСО. Ф. 93. Оп. 1. Д. 363. Л. 202–203.
[2] ГАСО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 143. Л. 23.
[3] Бугаева С. Я. Техническая интеллигенция. С. 57–58; ГАСО, Ф. 129. Оп. 1. Д. 151. Л. 1–8.

Уральское горное училище было одним из любимых детищ В. А. Глинки. Он постоянно контролировал здесь ход учебного процесса, вникал во все мелочи быта воспитанников. По мнению Е. Н. Короткова[1], В. А. Глинка имел обширные планы по превращению училища в высшее учебное заведение с практическим уклоном в обучении. Главный горный начальник был недоволен большинством своих инженеров, считая их «белоручками» и «теоретиками». Он мечтал подготовить новых специалистов непосредственно на Урале, путем постепенного расширения курса Уральского горного училища. В качестве доказательств этих предположений Е. Н. Коротков отмечал обширность построенного для него трехэтажного здания (107 комнат)[2], а также воспоминания о В. А. Глинке. По свидетельствам современников, главный горный начальник, при посещении училища, не раз повторял, что «будут и у него скоро свои инженеры»[3].

Одним из потенциальных вариантов, рассматриваемых В. А.Глинкой, было превращение Уральского горного училища в подготовительное учебное заведение для Горного института в Санкт-Петербурге. Однако это предложение не встретило поддержки комиссии при министерстве финансов. Она рекомендовала преобразовать этот институт в высшее учебное заведение, требующих при поступлении только соответствующей общеобразовательной подготовка и никаких технических знаний[4]. Открытия собственного горного института на Урале пришлось ждать еще более полувека.

В целом период управления В. А. Глинки считается «золотым» для Уральского горного училища, когда оно было обеспечено всем необходимым. После его отъезда в столицу в 1856 г. над учебным заведением «повис дамоклов меч какой-то непонятной неприязни к нему со стороны тех лиц, которые более всего обязы-

---

[1] Евгений Никитич Коротков (1850–1919) – выпускник Уральского горного училища 1870 г., первый председатель «Общества уральских горных техников», хранитель музея Уральского общества любителей обществознания (ГАСО. Ф. 74. Предисловие).

[2] В настоящее время в нем располагается муниципальная гимназия № 9 Екатеринбурга.

[3] ГАСО. Ф. 93. Оп. 1. Д. 363. Л. 206.

[4] Первоначально многие технические вузы России, в том числе Горный институт в Санкт-Петербурге реально были среднеспециальными заведениями, где в младших классах преподавались общеобразовательные, а старших – специальные дисциплины. Уже во второй половине XIX в. они стали подлинно высшими учебными заведениями, куда принимались только выпускники средних учебных заведений.

вались пекчись о нем с отеческой любовью». Новый главный горный начальник Ф. И. Фелькнер, являвшийся по своей должности попечителем училища, не испытывал к нему никаких симпатий[1]. Новому управляющему Н. К. Чупину пришлось несколько раз отстаивать саму необходимость учебного заведения.

В уже упоминаемой заочной полемике с Л. В. Данковским значительное внимание уделялось и Уральскому горному училищу. Н. К. Чупин не отрицал обоснованного замечания этого горного инженера, что практические занятия являются самым слабым местом в деятельности учебного заведения. Нахождение воспитанников училища на ряде заводов и рудников в течение одного-двух месяцев не могло считаться полноценной практикой. Вместе с тем, это был не простой «осмотр», как считал Л. В. Данковский. Н. К. Чупин отметил, что воспитанники непосредственно привлекались к некоторым работам на ряде производств: при добыче и промывке золотых песков, формовочном и листопрокатном.

Но летнее время для практики являлось крайне неудачным. В этот период многие уральские горнозаводские производства полностью останавливались, т.к. большинство их работники традиционно отпускались для заготовки сена и некоторых других полевых работ. В новом проекте «Положения» об Уральском горном училище, подготовленном его управляющим, практическим занятиям уделялось больше внимания.

Н. К. Чупин ответил и на замечание Л. В. Данковского о том, что выпускников Уральского горного училища «навязывают» управителям казенных заводов. Последние вынужденно определяют их уставщиками, хотя воспитанники обычно еще не готовы к занятию этих должностей, требующих практический опыт на конкретных производствах. Н. К. Чупин отметил, что местное горное начальство действительно преждевременно определяет к должностям выпускников училища. Но других способов удержать их на производстве просто не предусматривалось. Если выпускников Уральского горного училища определять учениками, не определенными к штатным должностям, то они бы получали всего 18–36 руб. в год.

[1] Коротков Е.Н. Указ. соч. С. 91.

Но это меньше, чем жалование у канцелярских служителей, учителей заводских школ, лекарских учеников, которые закончили только окружные училища[1].

Между тем руководство Уральского горного правления надеялось на преобразование учебного заведения с целью привлечь в него детей горных инженеров. В 1857 г. Ф. И. Фелькнер выступил с инициативой создания в Екатеринбурге горной гимназии. Она задумывалась как своеобразный гибрид классической гимназии и горного училища, привлекательный для сыновей местной управленческой верхушки.

Решение об открытии новых учебных заведений в России принималось с согласия Министерства финансов. Большое значение при этом придавалось возможности их финансирования. Желая обойти это препятствие, Ф. И. Фелькнер предложил содержать горную гимназию на средства уральских школ низших ступеней. Большую часть необходимых средств для содержания новой гимназии он хотел получить за счет Уральского горного училища[2].

Проект Ф. И. Фелькнера предусматривал значительное сокращение ассигнований на него в пользу гимназии, а также и передачу ей части здания. Управляющий Уральским горным училищем Н. К. Чупин оказался в сложном положении. Являясь служащим горного ведомства, он не мог, открыто выступить против начальственной инициативы. К тому же Ф. И. Фелькнер привлек его к редактированию документов, необходимых для открытия гимназии, о создании которой в Екатеринбурге мечтал и сам Н. К. Чупин.

Но управляющий Уральским горным училищем имел другие взгляды на соотношение общеобразовательного и профессионального обучения. Он постарался доказать невозможность достижения целей, который ставил Ф. И. Фелькнер перед горной гимназией. Подавляющая часть ее потенциальных выпускников не стали бы служить на горнозаводских производствах[3].

---

[1] ГАСО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 142. Л. 54–57.
[2] Дудырев Ф. Ф. Н. К. Чупин. Челябинск, 1998. С. 29.
[3] ГАСО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 143. Л. 23–24.

Дело завершилось созданием в Екатеринбурге в 1861 г. классической мужской гимназии. Ей был передан второй этаж здания Уральского горного училища, и временно часть его бюджета: три из семи с половиной тыс. руб. в год.

В целом реализация нового проекта создания горнотехнического заведения на Урале велась с 1830-х гг. Но введение дополнительного курса специальных дисциплин в Екатеринбургском уездном училище, как и создание главных горных школ, окончились неудачей. Этому препятствовали размытость целей обучения, отсутствие квалифицированных преподавателей и соответствующей материально-технической базы.

Уральское горное училище, открытое в 1853 г., стало третьей ступенью новой системы казенного горнозаводского образования в регионе. Оно было призвано обеспечить заводы квалифицированными техниками, а также стать площадкой для первоначально обучения сыновей менее обеспеченных горных офицеров (утопичность второй задачи вскоре стала очевидной). Штатная численность воспитанников Уральского горного училища составляла 60 человек.

В. А. Глинка успел лишь частично создать соответствующую материально-техническую базу для своего «любимого детища». Для него было построено обширное трехэтажное здание в самом центре Екатеринбурга, но не оборудованы мастерские для практических занятий воспитанников. Существенной проблемой для Уральского горного училища стало минимальное количество действующих горнозаводских производств в Екатеринбурге и его ближайших окрестностях. Поэтому новому учебному заведению сразу пришлось столкнуться с серьезными проблемами в организации практических занятий.

Обучение в училище считалось излишне теоретизированным и вызвало обоснованную критику ряда современников. Заочная полемика Н. К. Чупина с Л. В. Данковским четко отразили слабые места в организации и деятельности Уральского горного училища накануне отмены крепостного права.

После отмены крепостного права ключевым направлением развития системы образования в Российской империи стало последовательное разделение учебных заведений на общеобразовательные и специальные. Первые стали рассматривать-

ся как предмет ведения Министерства народного просвещения, св. Синода и органов местного самоуправления, вторые – соответствующих ведомств и Министерства народного просвещения. Это коренное изменение закономерно привело к быстрой трансформации общеобразовательных училищ в казенных горных округах Урала после отмены крепостного права.

«Положение о горнозаводском населении казенных горных заводов ведомства министерства финансов» от 8 марта 1861 г. уделяло учебным заведениям минимальное внимание. В ст. 57 устанавливалась обязанность заводоуправлений выделять пособия горнозаводским товариществам на содержание школ для бесплатного обучения детей закону Божьему, чтению, письму и арифметике. Эти предметы входили в программу казенных заводских школ – начальной ступени системы образования, созданной на основе штатов 1847 г. В ст. 66 определялось, что «дети членов товариществ обучаются бесплатно в содержимых заводом школах и не подлежат за это никакой обязательной службе при заводах; но те из учеников заводских школ, которые поступят по добровольному согласию родителей или воспитателей, на счет заводов, в специальные горные училища или заведения, должны за обучение в этих училищах или заведениях, прослужить заводу, со дня окончания учения, пять лет или же выплатить заводу сумму, употребленную на их обучение[1].

В результате принципиального изменения нормативной базы горное ведомство после окончания переходного периода было обязано содержать только начальные школы, причем лишь для детей членов горнозаводских товариществ. В «Положении» от 8 марта 1861 г. ничего не говорилось о второй и третьей ступенях системы горнозаводского образования в регионе: окружных и Уральском горном училище. После отмены крепостного права не планировалось и содержание казенных школ в заводских селениях, где проживали работники вспомогательных производств, так как здесь не предусматривалось создание горнозаводских товариществ.

---

[1] ПСЗ-II. Т. 36. № 36719.

В уставных грамотах, заключенных с населением заводских поселков, сел и деревень, обязательства по действовавшим учебным заведениям отсутствовали. Нам не удалось обнаружить каких-либо споров о них в ходе подготовки и заключения этих нормативных актов. Местное население было явно более обеспокоено прагматичными проблемами материального плана. Подавляющая часть конфликтов при разработке и заключении уставных грамот возникла вокруг земельных участков, покосов, пользования лесами и водоемами и т.п. Диссертантом выявлены только несколько споров о дальнейшей судьбе госпиталей, богаделен и церквей, и ни одного об учебных заведениях.

В уставных грамотах, заключенных с населением нескольких заводских поселков казенных округов, содержались единичные стандартные фразы об имевшихся школах. В них зафиксировано, что они должны содержаться за счет казны; все дети заводских людей могут обучаться в ней бесплатно, не неся за это никаких обязательств перед заводами[1].

Сокращение горным ведомством расходов на систему образования было усугублено другим деструктивным явлением в процессе модернизации страны: существенным падением жизненного уровня значительной части населения. Это происходило в условиях, когда значительная часть родителей не осознавала необходимости даже первоначального обучения своих детей, особенно девочек, или рассматривала его как своеобразную «обязанность» казны и заводовладельцев. Отмена крепостного права избавляла таких людей от необходимости отправлять детей в школы.

Поэтому для казенных учебных заведений крайне болезненным стал вопрос о прекращении выплат учащимся: в заводских школах – 15 коп. и пуд провианта в месяц; в окружных училищах – 25 коп. и два пуда. В марте 1861 г. в Уральское горное правление поступили запросы начальников казенных округов о том, следует ли выдавать жалование и провиант детям тех родителей, которые по выслуге 20 и 15 лет увольнялись от обязательной службы до окончания переходного пери-

[1] См.: ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 444; Ф. 43. Оп. 1. Д. 364, 431.

ода. «Комиссия по пересмотру Горного устава» сделала заключение о том, что они не имеют права на содержание от заводов.

Учащимся горнозаводских учебных заведений в ряде казенных округов жалование и провиант продолжали выдавать в течение двухлетнего переходного периода[1]. Это делалось по распоряжению главного горного начальника с целью не допустить резкого падения численности школьников[2].

В результате сразу после отмены крепостного права появились негативные тенденции в развитии общего образования в горнозаводских поселках. Все это привело к быстрому нарастанию. Уже в 1861 г., несмотря на все уговоры родителей со стороны горного начальства и учителей, произошло первое значительное (сразу в 1,7 раза) уменьшение числа учащихся во всех казенных округах Урала: в окружных училищах с 367 до 220; заводских школах с 3438 до 1999. После окончания переходного периода (и соответственно окончательного прекращения выплаты жалования и провианта учащимся) произошел второй массовый отток детей из всех казенных горнозаводских учебных заведений. В итоге в 1863/1864 учебном году количество учащихся, в сравнении с дореформенным периодом, уменьшилось в окружных училищах и заводских школах уже в 2,5 раза, в женских – в 1,5[3].

Проблемы учебных заведений при казенных горных заводах, «работавших в новых исторических условиях свободного найма», обсуждались во время посещения Урала начальником штаба Корпуса горных инженеров в 1862 году. Местная администрация составила специальную записку, содержащую соответствующие выдержки из действующих штатов 1847 г., «Положения» от 8 марта 1861 г. и анализа текущего состояния. В ней предлагали сохранить все существующие при казенных заводах и заводских селениях первоначальные школы и окружные училища. Необходимость сохранения последних авторы записки объясняли тем, что центры казенных округов (Златоуст, Кушва, Воткинск и Богословск) по числен-

---

[1] Там же. Ф. 24. Оп. 23. Д. 7334. Л. 1–4.
[2] Боков В.Е. Уральские горнозаводские училища. С. 85–86.
[3] См. Черноухов Э. А. Горнозаводское образование. Приложение № 10.

ности населения превосходили многие уездные города, но не имели других общеобразовательных учебных заведений подобного уровня.

При этом расходы горного ведомства в сфере общего образования планировали сократить примерно на треть. Этого авторы записки надеялись достичь, кроме уже названного прекращения выплаты жалования учащимся, за счет введения платы за обучение в окружных училищах воспитанников, чьи родители не работали на заводах, и экономии на приобретении учебных пособий. В тоже время здесь отмечалась необходимость повышения жалования преподавателям всех казенных учебных заведений («сейчас явно недостаточное») и расширение сети женских училищ[1].

Практически все эти обсужденные на Урале предложения были согласованы и одобрены «Комиссией по пересмотру Горного устава»[2]. Казенные учебные заведения региона остались на содержании горного ведомства. Но в условиях продолжавшегося кризиса горнозаводской промышленности продолжалась их активная трансформация.

Численность казенных горнозаводских учебных заведений на Урале стала постепенно, но неуклонно сокращаться. Первоначально были закрыты пять школ в заводских селениях: в 1861 г. – Фроловская (Богословский округ); в 1863 г. – Новотуринская (Гороблагодатский), Павдинская (Богословский) и Июльская (Воткинский); в 1864 г. – Ясьвинская единоверческая (Гороблагодатский). Это объяснялось, прежде всего, малым числом учеников. В ряде казенных горнозаводских учебных заведений Урала в условиях резкого сокращения численности учащихся дело доходило до курьеза. Так, во втором классе Богословского окружного училища в 1863/1864 учебном году четыре учителя вели занятия с двумя учениками[3].

С 1864 г. количественный состав учащихся во всех типах казенных горнозаводских учебных заведениях стабилизировался, а вскоре даже начал постепенно расти. Но кризис преодолен не был. Количество учащихся в окружных училищах и заводских школах нигде, кроме Златоустовского округа, так и не достигло не

---

[1] ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 400. Л. 9–14.
[2] РГИА. Ф. 47. Оп. 1. Д. 64. Л. 201–201об.
[3] РГИА. Ф. 37. Оп. 53. Д. 5; Ф. 44. Оп. 3. Д. 252, 584.

только дореформенного уровня, но и штатных показателей[1]. В большинстве окружных училищ и заводских школ постепенно прекратилось преподавание предмета «распознавание минералов, руд и горных пород», а также первоначальное обучение ремеслам.

Ключевой проблемой был «тупиковый» характер образования в казенных горнозаводских заведениях. Выпускники окружных училищ, из-за специфичности программ, не могли продолжать обучение в средних учебных заведениях Министерства народного просвещения. В новых исторических условиях родители стремились определить своих детей в учебные заведения Министерства народного просвещения.

Инфляционные процессы резко обесценили жалование учителей в казенных округах. Ряд горных начальников вынужденно прибегали к использованию сверхштатных средств для закрепления квалифицированных педагогов. Так, управитель Березовских промыслов предложил прекрасно зарекомендовавшему себя учителю Бобровской школы А. Хлопунову продолжать работать по вольному найму. Его годового казенного жалования в 120 руб. не хватало для содержания семьи. А. Хлопунов стал получать 300 руб. из сверхштатных доходов[2]. Эти единичные вынужденные меры не могли остановить отток квалифицированных учителей из заводских школ.

В условиях сокращения финансирования процесс ликвидации общеобразовательных учебных заведения в казенных горных округах Урала продолжился. В 1866 г. были закрыты еще четыре школы: в небольших заводских селениях – Аннинская (округ Пермских заводов) и Петропавловская (Богословский), а также для «религиозных меньшинств» – Кушвинские единоверческая и мусульманская (Гороблагодатский). В качестве причин ликвидации были названы недостаток средств на содержание и малое число учеников.

В 1866 г. было закрыто и первое окружное училище (Юговское) из-за того, что его ветхое здание было уничтожено пожаром. Восстанавливать преподавание в

---

[1] См. Черноухов Э. А. Горнозаводское образование. Приложение № 9, 10.
[2] ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1937. Л. 143.

другом месте не имело смысла, т.к. работники Мотовилихинского завода все чаще отправляли своих сыновей в учебные заведения Перми. Перед ликвидацией в Юговском училище осталось всего 14 мальчиков при штате в 50 воспитанников[1].

Не воплотились на практике и многократные предложения горных властей о расширении сети женских казенных учебных заведений. Наоборот, в 1866 г. была закрыта Юговская женская школа. В 1872 г. прекратилось финансирование Нижнетуринской школы, с предложением перейти на содержание Верхотурского земства[2].

В целом к кризису системы общеобразовательных заведений после отмены крепостного права привел комплекс причин: «тупиковый» характер обучения, неуклонно ветшавшая учебно-материальная база, острый недостаток в них квалифицированных учителей, использование устаревших методик преподавания. Нельзя не учитывать и значительный рост цен в заводских поселках накануне и в первые годы после отмены крепостного права. Значительная часть населения не осознавала необходимости даже начального обучения детей, особенно утратив определенные материальные выгоды (жалование ученикам).

В результате система казенных горнозаводских общеобразовательных учебных заведений утратила реальные перспективы для развития. Ее свертыванию способствовало и принципиальное изменение правительственной политики по отношению к начальному образованию. Во второй половине XIX в. происходил сложный, но неуклонный процесс передачи школ различных ведомств в Министерство народного просвещения[3].

В 1869 г. были учреждены инспекции народных училищ и созданы первые образцовые «министерские» школы повышенного типа. Последние в значительной степени содержались самим Министерством народного просвещения в качестве образцовых училищ, на которые должны были равняться другие начальные учебные заведения. То есть учебное ведомство впервые брало на себя часть расходов

---

[1] Там же. Ф. 43. Оп. 1. Д. 497.
[2] ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 669. Л. 1–7; Ф. 129. Оп. 1. Д. 28. Л. 50.
[3] См.: Днепров Э. Д. Указ. соч. Т. 2. С. 339.

на начальное образование[1]. Эти новшества положили начало пересмотру прежней линии финансового неучастия Министерства народного просвещения в делах начальной школы.

В 1869 г. в правительстве был поднят вопрос о передаче казенных горнозаводских училищ учебному ведомству. Министр финансов запросил по этому вопросу мнение местных горных администраций. Большинство начальников казенных округов и заводских управителей Урала высказались за передачу Министерству народного просвещения всех начальных учебных заведений. Каких-либо серьезных возражений не было высказано ни на Урале, ни в других горнозаводских регионах Российской империи[2].

В 1870 г. этот вопрос обсуждался в Государственном Совете. Здесь было принято решение о переподчинении министерству народного просвещения не только заводских школ, но и окружных училищ горного ведомства.

Процесс предоставления необходимых сведений и межведомственных согласований растянулся на восемь лет. Наконец, в 1878 г. были составлены сводные ведомости о передаваемых учебных заведениях ведения Горного департамента. Большинство из них было сосредоточено на Урале: 4 окружных училища (252 учащихся), 35 заводских школ, в том числе 31 мужская (2530 учеников) и 4 женские (278 учениц). Кроме того, передаче Министерству народного просвещения подлежали по две школы при Луганских, Олонецких и Аллагирских заводах.

В 1879 г. решение о передаче казенных горнозаводских учебных заведений Урала в министерство народного просвещения было утверждено высшими органами власти[3]. По согласованию между министерствами передача должна была завершиться к 1 января 1880 г. Здания учебных заведений передавались представителям дирекций народных училищ, с составлением соответствующих актов. Большинство из них преобразовывали в сельские народные, остальные – в городские училища. Но полная передача не была завершена к намеченному сроку.

---

[1] См.: Филоненко Т. В. Реформы и контрреформы: история школьных систем в России XIX – первой половины XX веков. Воронеж, 2004. С. 87–88.
[2] См.: РГИА. Ф. 37. Оп. 53. Д. 655.
[3] См.: Нечаев Н. В. Указ. соч. С. 103.

Переписка по взаимным финансовым претензиям продолжалась до конца 1880-х гг.[1]

Несколько позже горнозаводские учебные заведения в других регионах Российской империи также были переданы в ведение министерства народного просвещения. Так, в Алтайском горном округе этот процесс начался еще в начале 1880-х гг., но растянулся до 1917 г. Этой участи не избежало и Барнаульское окружное училище, которое собирались оставить горнотехническим, но в 1897 г. преобразовали в реальную гимназию[2].

Реорганизация казенных горнозаводских учебных заведений на Урале была встречена населением неоднозначно. По мнению В. Е. Бокова, при открытии на базе бывшего окружного нового городского училища в Златоусте «было много посетителей всех сословий, но кажется немногие выразили полное сочувствие новому училищу... Речи преподавателей послужили больше также к негодованию и неудовольствию публики». По мнению автора, «горнозаводскому населению жалко было расставаться с окружным училищем, приноровленном для заводской службы самой программою, уже зарекомендовавшем себя с полезной стороны и давшим большой контингент полезных деятелей на заводские службы»[3].

Это свидетельство очевидца явно субъективно. С 1871 г. другая часть населения Златоуста настойчиво добивалась открытия в городе среднего учебного заведения Министерства народного просвещения. Причем, из-за недостатка средств для его создания, они предлагали закрыть местное окружное училище, передав ассигнуемую на него сумму новому учебному заведению. Но на все обращения этой части населения Златоуста в Министерства финансов, а затем государственных имуществ следовали отказы с формулировкой о нерешенности общего вопроса о переподчинении всех казенных горнозаводских учебных заведений[4].

---

[1] См.: Фаршатов М. Н. Народное образование на Южном Урале. С. 96; ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 684. Л. 1–101.
[2] Бабарыкин Б. В. Указ. соч. С. 19–20.
[3] Боков В. Е. Указ. соч. С. 86.
[4] РГИА. Ф. 37. Оп. 53. Д. 1034.

Реорганизация Златоустовского окружного училища в городское удовлетворяла часть местного населения и не воспринималась другой. По нашему мнению, этот вопрос не стоял особо принципиально. Окружные училища в 1870-х гг. практически утратили свою специфику. В них уже не обучали ремеслам и основам каким-либо специальных дисциплин. Некоторая проблема заключалась только в традиционализме мышления значительной части местного населения.

После проведенной реорганизации обучение в бывших казенных заводских школах для местного населения осталось бесплатным. Части из них продолжали выделять денежные пособия земские органы[1].

В бывших окружных училищах, перешедших в ведение министерства народного просвещения, была введена плата за обучение, в том числе и для членов горнозаводских товариществ. Представители этих организаций обратились с жалобами в Горный департамент. Но его руководство ответила, что действующая нормативная база не предусматривает участия ведомства в финансировании общеобразовательных учебных заведений[2].

В целом переподчинение казенных заводских школ и окружных училищ четко вписывалось в общий процесс реформирования горного ведомства в пореформенный период. В ходе него соответствующим ведомствам передавались заведения, «являвшиеся посторонним предметом» для горных властей: церкви, почтовые станции, обсерватории и т.п.

Принципиально иным было положение Уральского горного училища как специального учебного заведения. Необходимость его сохранения в составе горного ведомства разделяло большинство специалистов.

Между тем, как уже отмечалось, «Положение о горнозаводском населении казенных горных заводов ведомства министерства финансов» от 8 марта 1861 г. уделяло специальным учебным заведениям минимальное внимание. В статье 66 определялось, что, если «дети членов товариществ…, которые поступят по добровольному согласию родителей или воспитателей, на счет заводов, в

---

[1] Журналы Верхотурского XI очередного за 1880 г. уездного земского собрания. С. 407–409.
[2] ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 702.

специальные горные училища или заведения, должны за обучение в этих училищах или заведениях, прослужить заводу, со дня окончания учения, пять лет или же выплатить заводу сумму, употребленную на их обучение[1].

После отмены крепостного права положение Уральского горного училища резко изменилось в негативную сторону. В условиях резкого роста цен его содержание осталось на прежнем уровне, определенном штатами 1847 г. К тому же оно не было реорганизовано в учебное заведение открытого типа, чем бы достигалась значительная экономия средств (в Нижнетагильском реальном училище это было сделано уже в 1862 г.).

В 1860–1870-х гг. над Уральским горным училищем регулярно нависала угроза ликвидации или коренной реорганизации. Парадоксально, но авторы записки 1862 г., составленной для начальника штаба Корпуса горных инженеров, предлагая оставить на содержании ведомства все существующие общеобразовательные учебные заведения, высказались за закрытие специализированного училища. Вместо Уральского горного училища предусматривалось учредить при Екатеринбургской мужской гимназии «реальные горные курсы», расходуя на их содержание до половины суммы, выделяемой на него штатами 1847 г.[2]

Главный начальник уральских заводов не оставил намерения создать в Екатеринбурге своеобразную горную гимназию. При этом Ф. И. Фелькнер не испытывал особой симпатии к Уральскому горному училищу. Это выглядит странным, учитывая то, что он стал первым горным инженером на этой должности (все три его предшественника были отставными военными).

Проект слияния Уральского горного училища с Екатеринбургской гимназией вызвал аргументированную критику его управляющего Н. К. Чупина. В обширной 28-ми страничной записке он доказывал совершенно разные цели этих учебных заведений: гимназия – общеобразовательное, горное училище – специально-техническое. Н. К. Чупин отмечал, что даже в курсе реальных гимназий отсут-

---

[1] ПСЗ-II. Т. 36. № 36 719.
[2] ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 400. Л. 13.

ствуют прикладные предметы. На многочисленных примерах из отечественного и европейского опыта он показывал необоснованность задуманного симбиоза[1].

Против создания горной гимназии решительно и вполне обоснованно выступало руководство Министерства народного просвещения. Ведь введение горно-технических дисциплин, даже в качестве дополнительных курсов, в программы ряда уездных училищ, в том числе и Екатеринбургского, не принесло ожидаемых результатов и не нашло поддержки у населения. Проект слияния Уральского горного училища с Екатеринбургской мужской гимназией был окончательно оставлен после смены в 1863 г. главного начальника горных заводов и утверждения «Устава гимназий и прогимназий» 1864 г.

Но над Уральским горным училище нависла угроза другой реорганизации. В 1864 г. специальная комиссия Горного департамента министерства финансов, работавшая над пересмотром Горного устава, высказалось за его преобразование в реальное с передачей в ведение министерства народного просвещения. Н. К. Чупин был вынужден вновь составить подробную записку о необоснованности задуманной реорганизации.

Он отмечал, что в него поступают сыновья «преимущественно низших и беднейших классов» уже в солидном для обучения возрасте 16–17 лет, не имеющие возможности получить более престижное образование[2]. Н. К. Чупин обосновывал необходимость не преобразования учебного заведения, а принятия нового «Положения», определяющего деятельность Уральского горного училища в новых исторических условиях. С этим мнением был солидарен новый главный начальник А. А. Иосса[3].

Проект нового «Положения» из 60 пунктов был предоставлен в Горный департамент в 1866 г. Он был составлен Н. К. Чупиным и отредактирован в Канцелярии главного горного начальника. В пояснительной записке обосновали основные намеченные изменения. Главным из них было превращение Уральского горного училища в открытое учебное заведение. Все «казеннокоштные» воспитанники

---

[1] Там же. Ф. 93. Оп. 1. Д. 1. Л. 220–230.
[2] ГАСО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 140. Л. 23об.
[3] Там же. Ф. 43. Оп. 1. Д. 458. Л. 1–11.

должны были жить на частных квартирах, получая стипендию от горного ведомства. Это позволило бы значительно упростить хозяйство училища. Число «казеннокоштных» воспитанников предлагалось сократить до 20-ти: такое количество реально требовалось для уральских казенных заводов в тот период времени.

Кроме того, предполагалось разделить всех воспитанников на две специализации: горную и заводскую. В курс обучения планировалось ввести ряд новых предметов, значительно увеличить время практических занятий на рудниках и заводах. К проекту Положения прилагался и новый штат училища. Он предполагал ежегодное выделение ему 8 720 руб., т.е. на 1 250 руб. больше чем по Штату 1847 года. Существенная реорганизация учебного процесса в Уральском горном училище обосновывалась изменившейся исторической обстановкой и полученным опытом деятельности.

Проект был отправлен на отзыв директору Технологического института полковнику Ламанскому, который, в целом, его одобрил. Однако, после обсуждения в Горном департаменте, было принято решение о преждевременности принятия нового «Положения» училища, из-за подготовки пересмотра Горного устава и продажи части уральских казенных заводов. Это объяснялось тем, что в новом Уставе предусматривалось освобождение горного ведомства от обязанности содержать учебные заведения в казенных округах.

После такого ответа А. А. Иосса в письме на имя министра финансов от 20 сентября 1867 г. отметил, что передача в ведение министерство народного просвещения заводских школ и окружных училищ «весьма удобна и небесполезна». Но для Уральского горного училища это было бы «почти равносильно закрытию». Ведь у министерства народного просвещения нет специалистов для преподавания важнейших прикладных предметов, оно не сможет организовать эффективные практические занятия на заводах и рудниках. В этом письме констатировалось, с приведением многочисленных примеров, что большинство специальных учебных заведений в России и Европе находится под контролем соответствующих министерств и ведомств.

Управляющий Н. К. Чупин, похоже, применил и своеобразный метод противодействия переподчинению Уральского горного училища министерству народного просвещения[1]. В 1865–1870 гг. он не выполнял неоднократные обращения о предоставлении в Ученый комитет МНП его программы. После очередного строгого указания из Горного департамента по этому вопросу Н. К. Чупин ответил, что необходимая программа давно готова, но «он запамятовал ее отдать»[2].

Изменение нормативной базы деятельности Уральского горного училища после отмены крепостного права назрело, но так и не было проведено. В результате начало 1860-х гг. стало особенно тяжелым для этого учебного заведения. До 1866 г. в нем не были заполнены даже 30 вакансий для детей нижних горных чинов и мастеровых. Одной из главных причин такого положения стало понижение социального статуса выпускников.

К ним в среде горнозаводских служащих применялось уничижительная формула «люди без всякого звания»[3]. Ведь после отмены крепостного права унтер-офицерское звание урядников, которое получали выпускники Уральского горного училища, ликвидировали. После этого в правительственных кругах более 20 лет безрезультатно обсуждался вопрос о правах средних технических чинов (техников)[4].

Следует отметить и то, что ранее выпускники Уральского горного училища нередко служили по «канцелярской части». К 1861 г. на уральских горных заводах было 1280 урядников, находившихся на низших письменных (то есть некласных) должностях, но имевших права государственной службы. Это в значительной мере компенсировало им невысокое жалование[5]. После отмены крепостного права эта практика была прекращена.

---

[1] Как уже отмечалось, этой участи не избежало Барнаульское окружное училище.
[2] ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 458. Л. 82, 94.
[3] Климаков С. А. Указ. соч. С. 37.
[4] См.: Бугаева С. Я. Интеллигенция горнозаводского Урала. С. 53. Только присвоение Уральском горному училищу статуса среднетехнического учебного заведения (1905 г.) открыло перед его выпускниками возможность государственной службы и получения чинов.
[5] ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 400. Л. 19об.–22.

Поэтому популярность Уральского горного училища, и ранее относительно невысокая, продолжала снижаться. Ведь, как уже отмечалось, его воспитанники готовились «для трудовой полурабочей жизни» (Н. К. Чупин). Вскоре после отмены крепостного права здесь даже ввели практику принимать на бесплатное обучение часть вольноприходящих воспитанников из бедных слоев населения[1]. В 1865/1866 г. из него было выпущено всего 8 человек – минимальный показатель за все годы деятельности.

Но после этого численность учащихся Уральского горного училища стала постепенно расти (см. Приложение № 13). Поэтому из числа лучших выпускников окружных училищ вновь стали производить отбор для поступления в это учебное заведение. Не возникала и проблема с распределением его воспитанников, в основном по заявкам казенных горных округов[2].

В 1868 г. штатная численность воспитанников Уральского горного училища была сокращена с 60 до 30. Это объяснялось фактическим отсутствием в нем сыновей горных чиновников (их здесь никогда не было больше четырех), для которых полагалось 30 мест. Выделяемые на содержание училища средства (7600 руб. ежегодно) осталось на уровне штата 1847 г., при росте цен в несколько раз. При этом произошло некоторое перераспределение статей: повышены оклады управляющему (до 900 руб.) и инспектору, сокращено количество прислуги и др.[3]

В 1869 г. академик В. П. Безобразов, осмотрев Уральское горное училище, подверг его резкой критике. Главным обвинением, уже не раз звучавшим из уст и других лиц, была излишняя теоретизированность обучения, отсутствие полноценных практических занятий[4]. С мнением В. П. Безобразова о возможности закрытия Уральского горного училища, после передачи в частные руки большинства горных заводов региона, согласился и его явный оппонент – горный инженер

---

[1] Там же. Ф. 24. Оп. 16. Д. 65. Л. 125.
[2] ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 629.
[3] Там же. Д. 527. Л. 243.
[4] Безобразов В. П. Указ. соч. С. 185–186.

И. П. Котляревский. Он признал во многом неудовлетворительное состояние этого учебного заведения[1].

Оба современника четко указали на самое слабое место в процессе обучения в Уральском горном училище – практические занятия. Как уже отмечалось, оно не имело собственных мастерских, что создавало серьезные трудности с овладением воспитанниками ремеслами. Положение еще более ухудшилось с закрытием в 1874 г. Екатеринбургской механической фабрики, бывшее основной производственной площадкой училища.

Уральское горное училище продолжало испытывать серьезные трудности и с организацией практики непосредственно на заводах и рудниках. Единственным достижением в этой сфере был ее частичный перенос с летних месяцев, когда останавливались многие заводские производства, на начало осени.

Но из-за значительного роста цен училищу не хватало определенных штатами средств на полноценную организацию производственной практики. Прекратился выезд старших воспитанников в другие казенные округа Урала. Приходилось довольствоваться только производствами, находящимися в Екатеринбургском округе. Но Березовские золотые промыслы перешли в частное владение, а Екатеринбургский монетный двор был закрыт. В результате производственная практика в 1870-х гг. состояла только из посещения частного Верх-Исетского и работы на казенном Нижнеисетском заводе. Это отрицательно сказывалось на ее качестве[2].

Характерна реакция Чёрмозского главного правления Пермского имения Лазаревых на отказ принять в Нижнетагильское реальное училище Демидовых четырех стипендиатов на 1873/1874 учебный год, из-за полного комплекта учеников. Она констатировала, что «для избранных к дальнейшему обучению мальчиков по необходимости (подчеркнуто нами) остается теперь одно Уральское горное училище»[3]. Это учебное заведение не пользовалось авторитетом у руководства частных горных округов региона, из-за, по их мнению, чрезмерно теоретического характера обучения.

---

[1] Котляревский И. Указ. соч. С. 157.
[2] См.: Сто лет горнотехнической школе. С. 54. ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1937, 1950, 1954.
[3] ГАПК. Ф. 280. Оп. 1. Д. 1603. Л. 21, 26об.

Следует отметить, что современники отмечали недостаток практических навыков и у тогдашних инженеров – выпускников Санкт-Петербургского горного института. Так, директор Горного департамента В. К. Рашет в 1864 г. считал, что они «по преимуществу принадлежат к теоретикам»[1].

Уральское горное училище имело серьезные проблемы и с подбором учителей. Постоянными преподавателями в нем оставались только управляющий и инспектор классов. Остальные продолжали работать по совместительству, получая жалование, значительно меньше, чем преподаватели других учебных заведений Урала. В 1860–1870-х гг. Уральское горное училище постоянно испытывало недостаток преподавателей. Ряд предметов, определенных штатным положением, периодически не изучался. Основная работа часто отвлекала совместителей от учебного процесса.

Ранее преподававший математику в Уральском горном училище отставной подполковник Корпуса горных инженеров К. Д. Шугаев перешел служить в Нижнетагильское реальное. Здесь он стал получать за преподавание математики, физики, естествознания и ряда специальных предметов 2100 руб. в год, то есть на порядок больше, чем имели преподаватели Уральского горного училища.

Н. К. Чупин в записке 1868 г. отмечал мизерность их окладов в сравнении с учебным персоналом гимназий, также находившихся на казенном содержании. В последних инспектор получал 1,5 тыс., а учителя – от 900 до 1500 руб. В Уральском горном училище инспектор имел всего 700 руб. жалования, а остальные преподаватели – по 180[2].

Не менее остро продолжала стоять проблема отсутствия учебников по ряду специальных дисциплин. Их продолжали заменять записки преподавателей, имевшиеся в одном-двух экземплярах.

В 1874 г. в министерство государственных имуществ был предоставлен новый проект «Положения об Уральском горном училище», подписанный главным горным начальником И. П. Ивановым. Это был несколько переработанный вариант

---

[1] ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 435. Л. 91об.
[2] Подробнее см.: Черноухов Э. А. Проблемы адаптации учителей. С. 172–173.

1866 г. В него были внесены два новых предложения: производить прием и выпуск воспитанников ежегодно, а также уравнять в правах и жаловании управляющего и старшего учителя с соответствующими лицами в гимназиях министерства народного просвещения. Ученый комитет Горного департамента в целом одобрил проект, предложив внести в него ряд незначительных изменений. После этого преобразование училища в очередной раз затянулось[1].

Как уже отмечалось, после отмены крепостного права обострилась и проблема прав, предоставляемых выпускникам училища. Звание урядника было упразднено, а с ним исчезли практически все их льготы. Горные власти несколько раз отправляли в министерство финансов прошения выпускников Уральского горного училища об уравнивании их в правах с выпускниками средних учебных заведений. Однако на все запросы следовал отказ с предложением дожидаться принятия нового Положения об училище. Лишь в 1870 г. выпускники были освобождены от рекрутской повинности. Уральское горное училище оставалось чуть ли не единственным специальным учебным заведением, не дающим практически никаких прав по службе[2].

В тот тяжелый период училище лишилось и своего «родного» здания. С 1861 г. в нем располагалась и Екатеринбургская мужская гимназия. В 1876 г. её директор предложил передать этому динамично развивавшемуся учебному заведению всё здание, построенной для Уральского горного училища. Судя по сохранившимся документам, руководство горного ведомства не стало бороться за его сохранение. Оно лишь добилось компенсации в 6 тыс. руб., необходимые для переезда и ремонта нового помещения для Уральского горного училища.

Эта позиция была связана с фактической ликвидацией Екатеринбургского горного округа в тот период времени. Здесь уже были закрыты Екатеринбургский монетный двор и механическая фабрика, а Березовские промыслы отданы в част-

---

[1] РГИА. Ф. 37. Оп. 53. Д. 86. Л. 118–128.

[2] Бугаева С. Я. К вопросу о квалифицированных кадрах рабочих в горнозаводской промышленности Урала (вторая половина XIX – начало XX в.) // Рабочие Урала в период капитализма. 1861–1917. Свердловск, 1985. С. 30–31.

ные руки (казенными остались только небольшие Каменский и Нижнеисетский заводы).

В результате в 1879 г. Уральское горное училище окончательно лишилось своего «родного» здания, полностью отошедшего гимназии. Оно вынуждено переехало на другую сторону Главного проспекта в здание бывшей Екатеринбургской заводской конторы (которая сама переводилась в новое помещение). Условия для обучения в нем были значительно хуже[1].

В целом 1870-е гг. были самыми тяжелыми для училища. В 1878 г. горный инженер И. Тиме отметил, что Уральское горное училище «почти совсем заброшено». Он во многом связал это с проблемами финансирования, отметив, что специализированную Фалунскую горную школу в Швеции на 2/3 содержат орган (Железная контора), основанный частными заводчиками[2].

В 1879 г. главный начальник уральских горных заводов И. П. Иванов прислал Н. К. Чупину грозное распоряжение о явных «непорядках» в подведомственном ему заведении: постоянном срыве занятий большинством преподавателей, в том числе им самим, низкой дисциплине воспитанников[3]. В том же 1879 г. в «Екатеринбургской неделе» появилась заметка А. Черноскутова с характерным названием «Забытое училище». В ней вновь фактически делался уже ставший привычным вывод о его ненужности для региона в новых исторических условиях: «Уральское горное училище постепенно, год от года забывается, упадает»[4].

Управляющий Уральского горного училища Н. К. Чупин написал ответную заметку (оставшуюся неопубликованной), в которой оспаривал этот вывод, но соглашался с констатацией плачевного материального состояния учебного заведения. Он отметил, что цены со времени принятия его штата 1847 г. выросли в пять раз и более, а финансирование фактически не увеличилось. В результате приходилось прибегать к жесткой экономии. Так, число прислуги сократилось с 30 че-

---

[1] ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 911.
[2] Тиме И. О причинах технической отсталости уральских заводов // Горный журнал. 1878. № 4–5. С. 213.
[3] Будрин В. И. Уральское горное. Л. 21.
[4] Черноскутов А. Забытое училище // Екатеринбургская неделя. 1879. 22 августа.

ловек до 6–8[1]. Недостающие суммы на содержание училища приходилось регулярно брать из «остаточных средств» Уральского горного правления[2].

Неблагоприятное положение дел в системе профессионального образования стало одной из тем обсуждения Первого съезда уральских горнозаводчиков, состоявшегося в Екатеринбурге в 1880 г. Его участники отметили дефицит специалистов среднего технического звена в регионе и недостатки их подготовки в Уральском горном училище. В качестве главного была названа чрезмерная теоретичность в обучении[3].

Особое внимание было обращено на недостаток квалифицированных преподавателей в Уральском горном училище. А. А. Рогов, представитель графа Строганова, отметил, что «классы часто остаются без преподавателей, программа не выполняется». Главный горный начальник И. П. Иванов согласился с высказанными замечаниями, пояснив, что «преподаватели не могут обойтись без посторонних занятий, так как вознаграждение не только мало, но и ничтожно. Преподавание в училище составляет, поэтому, не самостоятельную службу, а добавочное занятие»[4].

В тоже время, не смотря на все эти проблемы, количество учащихся в Уральском горном училище с 1866/1867 г. стабильно превышало дореформенный уровень. За 1862–1878 гг. его окончило 146 человек[5] (см. Приложение № 13).

Н. К. Чупину удалось собрать сведения о 108 выпускниках Уральского горного училища 1862–1878 гг. 76% из них работало в уральской горнозаводской промышленности, преимущественно на казенных предприятиях. В среде выпускников училища пореформенного времени наметилась тенденция: стремление к получению высшего образования[6].

---

[1] ГАСО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 149. Л. 25–26.
[2] Там же. Ф. 24. Оп. 16. Д. 65. Л. 144.
[3] См.: Рукосуев Е. Ю. Съезды. С. 405–406.
[4] Дашкевич Л. А., Рукосуев Е. Ю. Среднее техническое образование на Урале в конце XIX – начале XX в. // Актуализация исторического знания и исторического образования в современном обществе. Ежегодник. XVII всероссийские историко-педагогические чтения. Екатеринбург, 2013. Ч. 2. С. 53–54.
[5] Будрин В. И. Уральское горное. Л. 8.
[6] Бугаева С. Я. Интеллигенция горнозаводского Урала. С. 58.

С конца 1870-х гг. удалось организовать производственную практику воспитанников учебного заведения в новых перспективных областях: на строительстве железных дорог и каменноугольных копях. Это способствовало росту популярности Уральского горного училища. Оно располагало небольшой, но хорошо скомплектованной библиотекой, собраниями минералов, образцами горных пород и заводской продукции, а также моделями горнозаводских устройств[1].

В целом после отмены крепостного права над Уральским горным училищем постоянно нависала угроза закрытия или коренной реорганизации. Его управляющему Н. К. Чупину приходилось регулярно отстаивать существования учебного заведения, выступать за модернизацию нормативной базы его деятельности. Однако решение этой проблемы, как и увеличения финансирования училища, постоянно затягивалось. В результате 1860–1870-е гг. стали самыми тяжелым периодом в истории Уральского горного училища. Оно испытывало острый недостаток средств, и соответственно, квалифицированных преподавателей, серьезные трудности при организации производственной практики.

Летом 1880 г. Уральское горное училище посетил управляющий министерства государственных имуществ (МГИ) и остался крайне недоволен его состоянием. В письме главному горному начальнику уральских заводов И. П. Иванову он отмечал, что училище «не отвечает своему назначению». В качестве одной из главных причин этого управляющий МГИ посчитал «почти полное отсутствие практических занятий» (это замечание стало уже традиционным). Также ревизор констатировал, что его выпускники по окончанию курса «стремятся не к горнозаводской деятельности, а к службе в должности счетоводов и конторщиков на заводах»[2].

Управляющий МГИ дал указание создать комиссию для пересмотра еще дореформенной нормативной базы деятельности учебного заведения. И. П. Иванов пригласил для работы в ней и специалистов из крупных частных горных округов региона. Комиссия внесла лишь незначительные изменения в Положение 1852 г.: вместо 5-ти бальной системы была введена 10-ти бальная; учебный план офици-

---

[1] Будрин В. И. Уральское горное. Л. 23.
[2] ГАСО. Ф. 24. Оп. 16. Д. 65. Л. 1–1об.

ально дополнен физикой и дополнительным уроком по русскому языку; разрешено принимать «приходящих» воспитанников, которые не были обязаны жить в пансионе; несколько увеличен бюджет[1].

Вскоре перестройка процесса обучения в Уральском горном училище приняла действительно масштабный характер. Этому во многом способствовало стабильное увеличение его финансирования в условиях начавшегося в России экономического роста.

Бывший инспектор В. Ф. Петров, после смерти Н. К. Чупина ставший исполняющим обязанности управляющего, не был утвержден в этой должности. Этому помешали его преклонный возраст и мягкий характер. Горные власти решили, что наводить порядок в училище должен новый, «посторонний» для него человек.

В ноябре 1883 г. новым управляющим Уральского горного училища был назначен горный инженер Николай Егорович Китаев (1853–1911). После окончания Горного института (1875) он служил в горном ведомстве в Олонецком округе, а с 1878 г. – на Урале[2].

Н. Е. Китаеву удалось добиться существенного увеличения сметы учебного заведения. Сначала это было сделано за счет средств, появившихся после упразднения в 1879 г. окружных училищ. В результате смета Уральского горного училища была увеличена с 7 507 до 8 375 руб. в год. В 1883 г. ему были переданы средства, появившиеся от сокращения числа казенных стипендиатов горного ведомства в высших учебных заведениях. В итоге смета Уральского горного училища была увеличена с 8 375 до 12 767 руб. В 1886 г. она составляла уже 15 267[3], а в 1887 г. – 17 217 руб., то есть менее чем за 10 лет возросла почти в 2,5 раза. Существенное увеличение выделяемых средств на Уральское горное училище позволило начать значительную реконструкцию учебного заведения. В середине 1880-х гг. здесь появилось электричество и паровое отопление[4].

---

[1] Сто лет горнотехнической школе. С. 61.
[2] Техник Б. Китаев Николай Егорович. Некролог // Уральский техник. 1911. № 10–11. С. 37.
[3] ГАСО. Ф. 24. Оп. 16. Д. 65. Л. 105, 141, 183.
[4] Сто лет горнотехнической школе. С. 63–64.

Уже в первые годы своего управления Н. Е. Китаеву удалось создать собственные мастерские, являвшиеся давней мечтой преподавателей Уральского горного училища. Они состояли из пяти «цехов»: столярно-модельного, слесарного, механического, литейного и кузницы. Для практического обучения в них были наняты специальные мастера. За четыре года обучения воспитанники были обязаны пройти производственную практику во всех «цехах».

Поэтому после шести дней теоретических занятий в классах, учащиеся отправлялись на три дня работать в собственных мастерских. В последних постоянно находилась треть воспитанников. Они работали здесь по 10 часов в день бесплатно, принося определенный доход Уральскому горному училищу[1]. Мастерские были любимым детищем Н. Е. Китаева – он сам регулярно руководил проводившимися здесь работами.

Новый управляющий, воспитанник военной гимназии, существенно улучшил дисциплину в училище. До этого она резко упала при постаревшем управляющем Н. К. Чупине, а затем и мягком исполняющем обязанности В. Ф. Петрове. Все эти преобразования Н. Е. Китаева благотворно сказалось на организации учебного процесса[2].

Вместе с тем в 1880-х гг. так и не удалось принять новый устав Уральского горного училища. По «Основным положениям о промышленных училищах» 1888 г. оно было отнесено к низшим, а не средним техническим училищам.

Это естественно не устраивало руководство учебного заведения. В 1896 г. Н. Е. Китаев с помощью главного горного начальника уральских заводов И. П. Иванова продолжал добиваться повышения статуса училища в министерстве торговли и промышленности. Подготовленные им документы обсудил и одобрил V съезд горнопромышленников Урала.

В 1897 г. в Екатеринбурге была создана Комиссия по пересмотру устава Уральского горного училища, действовавшая под руководством нового главного

---

[1] Уральская школа техников. С. 49.
[2] Будрин В. И. Уральское горное. Л. 25.

начальника П. П. Боклевского[1]. Вопросы преобразования учебного заведения стали регулярно обсуждаться на Съездах уральских горнопромышленников, в специализированной печати появилась несколько исторических обзоров по истории горнотехнического образования[2].

В феврале 1901 г. в Уральском горном училище сменился управляющий. Н. Е. Китаев получил должность чиновника особых поручений при министре земледелия и государственных имуществ и покинул Урал[3]. Новым управляющим был утвержден бывший инспектор (с 1895 г.) горный инженер П. И. Паутов, ставший последним руководителем училища в дореволюционный период[4]. По его инициативе мастерские превратились в подсобное заведение и даже сдавались внаем посторонним лицам. Главное внимание в практических занятиях стало уделяться работе в созданных лабораториях и специализированных кабинетах[5].

После длительных межведомственных согласований все-таки удалось изменить и статус Уральского горного училища. В 1901 г. представление об этом было направлено министром земледелия и государственных имуществ А. С. Ермоловым в Государственный Совет, где вскоре было утверждено[6].

26 мая 1904 г. в Государственном Совете был утвержден и долгожданный новый «Устав Уральского горного училища» из 30 пунктов. В нем было зафиксировано, что оно является «средним горным учебным заведением», находящемся в ведении министерства земледелия и государственных имуществ, но под надзором министерства народного просвещения. Училище имеет целью подготовить техников по рудничной и горнозаводской части для занятия должностей штейгеров и заводских уставщиков (ст. 1, 2)[7].

---

[1] Дашкевич Л. А., Рукосуев Е. Ю. Указ. соч. С. 54–55.
[2] Историческая справка о горнотехнических школах на Урале // Уральское горное обозрение. 1898. № 12; К вопросу о горнотехническом образовании на Урале // Уральское горное обозрение. 1899. № 15; и др.
[3] Техник Б. Указ. соч. С. 39.
[4] Сто лет горнотехнической. С. 65.
[5] Будрин В. И. Уральское горное. Л. 32.
[6] Дашкевич Л. А., Рукосуев Е. Ю. Указ. соч. С. 55–56.
[7] 20 августа 1904 г. Устав был опубликован в: Собрание узаконений и распоряжений правительства под № 1358. Соответствующие изменения были внесены в Устав Горный Свода законов

В целом после крайне тяжелого положения Уральского горного училища в 1860–1870-х гг. начался восходящий период в его истории. После посещения в 1880 г. министром государственных имуществ была усовершенствована нормативная база деятельности учебного заведения, а главное, стало стабильно увеличиваться финансирование. Это позволило создать собственные мастерские для практических занятий, а затем и специализированные лаборатории. По новому уставу 1904 г. Уральское горное училище получило статус среднего технического учебного заведения.

Таким образом, в казенных горных округах Урала собственная система учебных заведений была важной составной частью социальной инфраструктуры на протяжении восьми десятилетий XIX в. При этом сеть общеобразовательных училищ последовательно расширялась вплоть до отмены крепостного права. Но после 1861 г. закономерно началось ее неуклонное сокращение.

В системе учебных заведений в казенных округах Урала на всем протяжении XIX в. существовал целый комплекс проблем, вызванных недостаточным вниманием и финансированием со стороны горных властей. Учебно-материальная база большинства из них оставалась плачевной: они зачастую располагались в ветхих и тесных зданиях, испытывали недостаток учебных книг и принадлежностей. Крайне остро стояла проблема подбора квалифицированных учителей. До утверждения штатов 1847 г. подавляющее большинство преподавателей в казенных горнозаводских школах были из духовных лиц, зачастую не имевшие соответствующего образования, да и времени для обучения. Привлечению к преподаванию квалифицированных гражданских педагогов препятствовали низкие социальный статус и штатное жалование. В результате в казенных округах Урала так и не удалось решить декларируемую в горном законодательстве с 1806 г. задачу обязательного начального обучения всех мальчиков.

В первой половине XIX в. горное ведомство предприняло и две неудачные попытки создания профессионального обучения на Урале (главные горные школы,

---

Российской империи. Устав опубликован в Полном собрании законов Российской империи: ПСЗ-III. Т. 24. № 24629 и был окончательно введен в действие в 1908 г.

дополнительный курс в Екатеринбургском уездном училище). Только Уральское горное училище, открытое в 1853 г., стало первым успешным опытом организации специального горнотехнического обучения в регионе. После отмены крепостного права ему удалось избежать закрытия или передачи в ведение Министерства народного просвещения.

Во второй половине XIX в. происходил процесс свертывания ведомственных систем общего образования. В 1879 г. казенные горнозаводские школы были переданы министерству народного просвещения. На содержании горных властей осталось только Уральское горное училище, имевшее статус начального профессионального. Его преобразование в среднее профессиональное заведение затянулось вплоть до начала XX в.

2.3. ЗАВЕДЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРИЗРЕНИЯ

К началу XIX в. организация общественного призрения при казенных горных заводах Урала не вызывала особого беспокойства у властей различного уровня. Она базировалась на выдаче пенсий и бесплатного провианта престарелым увечным, сиротам.

Эта сложившаяся в течение длительного времени система помощи нуждавшимся лицам способствовала укреплению трудовой мотивации и сглаживанию социальных конфликтов в заводских поселках. В тоже время некоторые руководители центральной и региональной горных властей считали ведомственные расходы на нужды общественного призрения чрезмерными. Они полагали, что многие лица при казенных заводах зачастую «просят провиант без нужды».

В качестве одного из перспективных направлений сокращения расходов на нужды общественного призрения руководство горного ведомства рассматривало учреждение богаделен. Оно резонно считало, что подавляющая часть нуждавшегося населения не пожелает поступить в эти специальные заведения, предпочитая оставаться в собственных домах или на попечении родственников. После этого, по его мнению, можно будет сократить или совсем прекратить выдачу бесплатного провианта лицам, отказавшимся поступать в богадельни.

Кроме того, в специальные заведения общественного призрения предполагалось принудительно помещать попрошаек и бродяг, не способных самостоятельно заработать себе на пропитание. Рост этой категории лиц в заводских поселках вызывал постоянное недовольство властей различного уровня.

Небольшой опыт деятельности богаделен при горных заводах был накоплен еще в XVIII веке. В казенных округах такое заведение действовала только в Екатеринбурге. В 1800 г. в этой богадельне призревалось 40 мужчин и женщин[1]. Но

[1] Исаева М. В. Социальная помощь неимущим в городах Пермской губернии в конце XVIII – первой половине XIX в. // Наука. Общество. Человек. Вестник УрО РАН. 2011. № 3(37). С. 142.

со свертыванием деятельности Екатеринбургского металлургического завода, окончательно закрытого в 1809 г., она прекратила свое существование.

Между тем руководители регионального уровня обращали внимание на необходимость расширения сети специальных заведений общественного призрения при казенных предприятиях. В 1798 г. начальник Канцелярии Главного заводов правления А. С. Ярцов обращался к директору Берг-коллегии М. Ф. Соймонову с просьбой рассмотреть вопрос об учреждении специальной больницы (фактически богадельни) для престарелых мастеровых региона, многие из которых «работами изувечены, жалким образом кормятся мирским подаянием, не имея себе никакого призрения». Он ходатайствовал о выделении тысячи рублей в год для строительства и содержания такого заведения[1]. Но это предложение не нашло поддержки.

В 1802 г. А. С. Ярцов в записке о необходимости административной реформы горнозаводской промышленности предложил учредить богадельню уже при каждом казенном заводе, а в Екатеринбурге – сиротский приют[2]. В докладе министра финансов А. И. Васильева, предоставленном императору 21 сентября 1804 г., отмечалось, что богаделен при горных заводах практически не было, но теперь они будут учреждены[3]. Эти предложения нашли частичное отражение в новом горном законодательстве.

В утвержденном в 1806 г. Проекте Горного положения предписывалось учредить богадельню при каждом казенном заводе или нескольких соседних (ст. 650). В ней должны были найти призрение «все престарелые, увечные и не могущие исправлять обыкновенных работ». Но это положение распространялось только на лиц, совсем не имеющих родственников и не могущих самостоятельно ухаживать за собой. Никаких штатных норм по количеству богадельщиков на казенных горных заводах не определялось (ст. 651, 652).

В богадельнях требовалось создать отдельные мужское и женское отделения. В последних предполагалось содержать и сирот (мальчиков до 7 лет, девочек – «соответствующего возраста»), «поручая надсмотр за ними женщинам богадель-

---

[1] Тулисов Е. С. Указ. соч. С. 221; ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 3114. Л. 3об.
[2] Территориально-экономическое управление. С. 236.
[3] Высочайше утвержденный доклад министра финансов. С. 464.

ного содержания» (ст. 653, 655). В результате богадельни при казенных горных заводах Урала должны были одновременно выполнять и функции сиротских (воспитательных) домов.

Новые заведения общественного призрения должны были содержаться за счет особого «богадельного капитала». Проект Горного положения определил несколько источников для его формирования. В него должны были поступать штрафные деньги за «разные упущения с высших и нижних чиновников, нижних и рабочих чинов», процентные сборы с их награждений, все пенсии самих богадельщиков и половина их возможных заработков, 2,5% с пенсионных сумм других работников, доходы с частных предприятий на казенных землях и отчисления с ярмарочных закупок. Горным начальникам разрешалось переводить в богадельный капитал и средства из других источников, но, не увеличивая цену продукции (ст. 663). В случае недостатка, его разрешалось пополнять из других заводских сумм (ст. 664)[1].

В целом Проект Горного положения 1806 г. содержал необходимую нормативную базу для учреждения богаделен на казенных заводах Урала. Однако реализовать эти положения законодательства на практике долго не удавалось. В 1809 г. пермский губернатор запрашивал горных начальников казенных округов об организации богаделен, т.к. «нищие с заводов слонялись по деревням». В ответах ему сообщалось только о проведении подготовительных мероприятиях: определении необходимых зданий и постепенном формировании богадельного капитала[2].

Первая богадельня на основе новой нормативной базы на казенных заводах Урала была открыта только в 1815 г. в Богословском округе. Но в ней призревалось всего шесть человек.

В 1817 г., после завершения многолетнего военного противостояния с наполеоновской Францией, Министерство финансов вновь запросило об учреждении богаделен при казенных заводах Урала. В ответе сообщалось, что они еще не за-

---

[1] Высочайше утвержденный доклад министра финансов. С. 580–581.
[2] См.: ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1522. Л. 1–9.

ведены, кроме единственной в Богословском округе. Главной причиной такого положения назывался недостаток необходимого богадельного капитала. Только в Гороблагодатском округе была накоплена сумма, необходимая для деятельности богадельни на несколько лет. В других казенных округах он практически весь затрачивался на выдачу бесплатного провианта. Хуже всего было положение в Богословском округе с единственной действующей богадельней на казенных заводах Урала. Здесь происходило «проедание» ранее накопленных средств в богадельном капитале (с 1807 г.).

В качестве еще одной причины такого положения с богадельнями горные начальники казенных округов Урала называли отсутствие потребности в особых заведениях общественного призрения. Они утверждали, что отобранные кандидаты не желают поступать в богадельни, а предпочитают получать положенное им «богадельное содержание» (1–2 пуда провианта в месяц). Поэтому в качестве компромиссной меры горные власти Урала предлагали учредить всего по одной богадельне на казенный округ, а не при каждом заводе, как определялось в действующем законодательстве[1].

Кроме того, они определили еще одно направление сокращения расходов на общественное призрение. Призреваемых лиц предлагалось разделить на разряды, как уже сделали в Богословском округе. К первому из них были причислены только лица, желавшие поступить в богадельни (при появлении такой возможности). Только они продолжали получать прежнее содержание. Остальные нуждающиеся, отнесенные к второму-четвертому разряду, стали получать меньшее количество провианта[2].

После этого создание богаделен при казенных горных заводах Урала вновь было отложено. В 1822 г. здесь систематизировали материалы о потенциальных богадельщиках (не были получены сведения только по Златоустовскому округу). На их основе в Уральском горном правлении составили «Положение» об устройстве богаделен. По проведенным подсчетам в пяти казенных округах региона тре-

---

[1] РГИА. Ф. 37. Оп. 13. Д. 156.
[2] ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 351. Л. 9–10.

бовалось выдавать богадельное содержание 1270 лицам. 143 человека горные власти решили поместить в богадельни.

Но на устройство этих заведений общественного призрения требовалось 77 860 руб. Основные планируемые затраты приходились на строительство и оборудование новых помещений, так как на казенных заводах не имелось пустующих зданий. Такой суммы в богадельных капиталах не было, и вопрос о создании богаделен уже в очередной раз отложили.

К нему вновь вернулись с изданием именного указа от 31 августа 1826 г., предписавшего выдавать бесплатный провиант (по два пуда в месяц) всем отставным заводским работникам, уволенным по старости или болезни, а не только увечным, вдовам и сиротам. Эта мера распространялась и на лиц, уже получавших казенные пенсии. После этого расходы на «богадельное содержание» по всем казенным округам Урала сразу существенно увеличились: до 90 850 руб. в год[1].

Сложившееся положение не устраивало руководство горного ведомства. В 1820-х гг. оно неоднократно обращало внимание на то, что цель правительства не в том, чтобы «дать пристанище праздности, а призреть истинно страждущих людей»[2]. Комитет по разработке новых штатов казенных заводов Урала выступил за сокращение количества призреваемых, которым выдавался бесплатный провиант. Это следовало произвести за счет привлечения отставных работников к «легким» видам деятельности (караульщиками и т.п.) и повторного более строгого освидетельствования больных. Руководством Комитета отмечалось, что «цель упомянутых положений была дать способ к пропитанию только неимущим и лишенным всех средств к прокормлению… сделать по всем округам строгий разбор сему классу людей»[3].

В штатах 1827–1829 гг. во всех казенных округах были внесены существенно меньшие суммы на бесплатную выдачу провианта заводским людям, не имевших средств к существованию. В среднем их численность планировалось сократить

---

[1] ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 6796. Л. 8–9, 21–22, 40; Архив г. Златоуста. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 559. Л. 1–2.
[2] ГАСО. Ф. 24. Оп. 33. Д. 721. Л. 42об.
[3] Цит. по: Дашкевич Л. А. Социальная политика горного ведомства. С. 305–306.

примерно вдвое. В результате расходы на общественное призрение должны были составить 1,4% от всех штатных сумм (см. Приложение № 1), незначительно отличаясь по все шести казенным округам Урала.

Положение о необходимости специальных заведений общественного призрения не нашло отражение в штатах казенных заводов 1827–1829 гг. На все шесть округов предусматривалась деятельность только одной богадельни в самом северном Богословском на 20 человек: по 10 мужского и женского пола. На ее содержание выделялось 2,3 тыс. руб., из которых 1,5 тыс. должны были поступить из богадельного капитала[1], а 800 руб. включалось в цену металла. В эту сумму входило жалование смотрителя (по совместительству), сторожа и кухарки, расходы на питание, одежду призреваемым, отопление и освещение помещения. В среднем на одного призреваемого человека полагалось 115 руб. в год. Дополнительным источником доходов для богадельни был собственный огород и пожертвования в специальные кружки в местных церквях.

Новые штаты казенных заводов 1827–1829 гг. не решили проблему определения необходимых средств на нужды общественного призрения. Реально в богадельный капитал поступали значительно меньшие суммы, чем предполагали их составители.

В конце 1820-х гг. были произведены соответствующие подсчеты по двум казенным округам: Екатеринбургскому и Богословскому. Полученные показатели не внушали оптимизма. К тому же они существенно отличались в этих во многом различных хозяйствах.

В экономически развитом и густонаселенном Екатеринбургском округе ежегодные поступления в богадельный капитал оценивались в 4,5 тыс. руб. Кроме того, проценты с его неиспользованного остатка составляли еще 1,1 тыс. руб. в год[2]. К тому же предоставленные в столицу цифры по Екатеринбургскому округу, видимо, были сознательно занижены. В 1824–1826 гг. здесь в богадельный капитал реально поступало более 8 тыс. руб. ежегодно, и его остаток вырос почти втрое:

---

[1] То есть весь богадельный капитал, который формировался из сумм, определенных в ст. 663 Проекта Горного положения, планировалось тратить на содержание богадельни.
[2] ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2888. Л. 607об.–608.

до 17062 руб. В совокупности это составляло приемлемые 70% от необходимой суммы для выплат призреваемым лицам.

В самом северном слабозаселенном Богословском округе положение было принципиально хуже. Здесь ежегодные поступления в богадельный капитал оценивались всего в 1,5 тыс. руб., а остатка просто не было. Это составляло всего 18% необходимой суммы для выплат призреваемым лицам[1]. Поэтому недостающие средства выделяли из других смет, включая их в цену металла.

Положение усугублялось всплеском недовольства на казенных заводах Урала, вызванным сокращением бесплатной выдачи провианта при введении новых штатов 1827–1829 гг. Значительная часть работников рассматривала эту уже устоявшуюся практику не как временное пособие, а заслуженную награду за прошлую службу.

В результате, опасаясь негативных последствий, власти фактически пошли напопятную. Так, в Златоустовском округе в 1828 г. выдавалось бесплатно 30 528 пуд. провианта, штаты от 25 мая 1829 г. установили норму в 14 400, а после «строгого разбора» выяснилось, что на это требуется всего 9 129. Но, из-за массового протеста заводского населения, в октябре 1829 г. здесь выдавалось до 24 тыс. пуд., то есть непринципиально меньше. При этом поступать в богадельни, которые планировалось создать в ближайшее время, снова желали единицы. В Златоустовском округе на этот согласился всего 31 человек[2].

В Департаменте горных и соляных дел продолжали настаивать, что учреждение предусмотренных законодательством богаделен приведет к уменьшению лиц, обращавшихся за богадельным содержанием. Необходимость экономии средств на общественное призрение осознавалась и региональным руководством. Главный горный начальник уральских заводов в 1835 гг. отмечал, что создание богаделен «должно служить средством к отвращению праздности тех людей, которые под

[1] ПСЗ-II. Т. 4. № 2890. Екатеринбургский округ (смета № 10), Богословский (смета № 6).
[2] Архив г. Златоуста. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 559. Л. 5, 19, 38–39.

именем богадельщиков получают теперь провиант безденежно, и число которых увеличилось в заводах непомерно»[1].

На необходимость уменьшения выдачи «неоправданных пособий» (бесплатного провианта) обратил внимание и начальник штаба Корпуса горных инженеров К. В. Чевкин, в 1835–1836 гг. проведший ревизию уральских заводов. В качестве уже традиционного направления сокращения этих расходов была названа необходимость устройства по одной богадельне во всех казенных округах. По его мнению, это должно было уменьшить число мастеровых, «просящих нередко без нужды богадельный провиант»[2].

В Богословском округе К. В. Чевкин предписал помещать таких лиц «хотя бы временно» в имевшуюся заводскую богадельню, «до удостоверения в действительной их нужде». В других казенных округах Урала деятельность заведений общественного призрения не определялась в действующих штатах. Поэтому К. В. Чекин предложил создать богадельни при госпиталях центральных заводов, если это позволяли имеющиеся помещения. В Екатеринбургском округе он указал на возможность определения части призреваемых лиц за счет горного ведомства в городскую богадельню, рассчитанную на 40 человек[3].

После возвращения К. В. Чевкина в Санкт-Петербург на Урал было отправлено предписание из штаба Корпуса горных инженеров о необходимости учреждения богаделен во всех казенных округах. Это уже традиционно определялось как одно из важных средств экономии богадельного капитала.

В конце 1830-х гг. начались работы по учреждению богаделен во всех казенных округах Урала. В Екатеринбургском округе для нее стали ремонтировать здание арестантских казарм в Березовском заводском поселке. Но оно стало разрушаться, так как рядом проходила штольня шахты. Тогда в 1839 г. богадельню на 20 человек учредили в частном доме Березовского поселка[4].

---

[1] Цит. по: ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1709. Л. 322.
[2] РГИА. Ф. 44. Оп. 4. Д. 20. Л. 2об.; Д. 217. Л. 11.
[3] ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 4800. Л. 10–10об., 146; Оп. 32. Д. 4416. Л. 158.
[4] Там же. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1709. Л. 10–15, 86–87; Д. 1717. Л. 64.

К концу 1830-х гг. по одной богадельне было создано и в других казенных округах Урала, кроме Гороблагодатского. Они в основном располагались в центральных заводских поселках, кроме Екатеринбургского и округа Пермских заводов (действовала в Мотовилихинском). В 1840 г. в пяти богадельнях казенных заводах Урала призревалось 119 человек[1].

Горные власти запланировали дальнейшее увеличение заведений общественного призрения. В 1844 г. управляющий Министерства финансов разрешил построить каменную богадельню в Нижнеисетском заводе Екатеринбургского округа. На это выделялось 4 968 руб. за счет остатков его богадельного капитала[2]. Но к строительству здания для заведения общественного призрения так и не приступили, из-за необходимости экономии средств.

Вместо этого в округе в 1845 г. была учреждена богадельня при Екатеринбургском госпитале, в которую приняли 14 человек. Причем никаких дополнительных средств на ее содержание не было назначено. Жалобы комиссара госпиталя, которому предписали по совместительству руководить и богадельней, не были удовлетворены[3].

Полученные результаты деятельности новых заведений общественного призрения были учтены при разработке новых штатов казенных заводов Урала. С целью экономии средств богадельни предполагалось оставить при действовавших госпиталях. Поэтому в проектах по всем казенным округам, предоставленных в начале 1840-х гг., отмечалась незначительность сумм необходимых для содержания этих заведений. В богадельнях предусматривалось иметь всего по два штатных работника (повара). Это объяснялось тем, что комиссар госпиталя мог по совместительству замещать и должность смотрителя богадельни, а уборку помещений и стирку белья должны были производить сами призреваемые лица[4].

Проведенное нами сравнение штатов казенных заводов Урала 1847 г. с проектами 1844 г. выявило незначительные отличия. В частности, в последних по всем

---

[1] ГАСО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 1691.
[2] Там же. Ф. 43. Оп. 1. Д. 82. Л. 324–325.
[3] Там же. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1764. Л. 1, 25.
[4] Там же. Ф. 24. Оп. 10. Д. 123а–123д (123а – Екатеринбургский округ; 123б – Златоустовский и т.д.).

богадельням четко определялось количество лиц мужского и женского пола, а в утвержденном варианте просто определялась общая численность; а также не расписывались по отдельности расходы на питание, одежду, посуду и т.п. для призреваемых лиц.

В штатах 1847 г. суммы на содержание одного богадельщика были несколько дифференцированы: по 28 руб. в год в четырех округах, а в северных: Гороблагодатском – 29, Богословском – 30. Это было несколько меньше, чем запрашивалось в проектах: в среднем 29,5 рублей. Выделяемые на содержание одного богадельщика средства были сопоставимыми с предшествующими затратами: в штатах Богословского округа 1829 г.[1] Горные власти не стали существенно сокращать в целом незначительные расходы на богадельни, обоснованные в предоставленных проектах.

Штаты казенных горных заводов Урала 1847 г. в абсолютных цифрах предусматривали в целом практически такие же расходы на общественное призрение, как и предшествующие конца 1820-х гг. Сводные данные о статьях расходов показаны в Таблице № 4.

Таблица № 4

Статьи расходов на общественное призрение

в казенных горных округах Урала по штатам 1847 г., руб.[2]

Округ	Богадельни	Вне богаделен	Сиротам	Вычет	Всего
Богословский	1225	300	480	740	1265
Гороблагодатский	1470	600	720	710	2080
Екатеринбургский	1415	600	720	710	2025
Златоустовский	1135	600	720	710	1745
Камско-Воткинский	847,5	200	480	200	1327,5
Пермских заводов	567,5	150	480	200	997,5
Итого	6660	2450	3600	3270	9440

[1] Учитывая финансовую реформу Е. Ф. Канкрина, по которой ассигнации были выкуплены по курсу 3,5 к 1, и незначительные инфляционные процессы в тот период времени (в штатах 1829 г. – 115 руб.).

[2] Подсчитано автором по: Штаты и основные рабочие положения.

В штатах 1847 г. было произведено существенное перераспределение средств, выделяемых на общественное призрение. Во-первых, кардинально увеличили численность лиц, содержащихся в богадельнях. Новые штаты определяли иметь такое заведение общественного призрения в каждом казенном округе. Общее количество богадельщиков устанавливалось в 230 человек: по 50 – в Гороблагодатском и Екатеринбургском; 40 – в Богословском и Златоустовском; 30 – в Камско-Воткинском; 20 – Пермских заводов. Во-вторых, расходы на сирот были выделены в отдельную статью. В-третьих, непосредственно в штатах был закреплен «вычет» планируемых затрат на общественное призрение. Его производили из средств богадельного капитала, собираемого по ст. 938 Устава горного.

В результате средства, выделяемые на общественное призрение в казенных округах Урала, в процентном отношении от общих штатных расходов, существенно сократились: с 1,4% в конце 1820-х гг. до 0,5% в 1847 г. (см. Приложение № 1 и 2). Этого удалось добиться как за счет общего роста штатных сумм, выделяемых на казенные заводы, так и некоторого уменьшения расходов на призрения нуждавшегося населения.

При этом реальное положение дел с заведениями общественного призрения в казенных округах Урала в первой половине 1850-х гг. продолжало во многом не соответствовало утвержденным показателям. На выдачу провианта отставным работникам, увечным и сиротам здесь расходовали значительно больше средств, чем определили в штатах 1847 г.

Так, в 1856 г. по всем казенным округам было выдано бесплатного провианта на 35 010 руб.[1], т.е. почти в четыре раза больше, чем предполагали составители действующих штатов. Это считали устоявшейся практикой: руководство казенных горных заводов традиционно выделяло недостающие средства из остатков богадельного капитала и сверхштатных доходов.

После принятия штатов 1847 г. количество богадельщиков в казенных округах Урала существенно выросло. В Камско-Воткинском оно даже превысило штатные

[1] ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 248. Л. 39об.–40.

показатели, достигнув 37 человек[1]. Руководство горных округов само определяло состав богадельщиков. Так, в Богословском округе и женщины, и мужчины занимали по 20 мест[2].

Заведения общественного призрения не требовали выделения значительных средств на свое содержание, так как большинство из них располагались при госпиталях и не нуждались в собственном персонале. В 1856 г. в шести казенных горных округах Урала на содержание богаделен было истрачено всего 4 831 руб. (при штатных показателях в 6 660).

В тоже время на развитие материально-технической базы заведений общественного призрения средств почти не выделялось. Пренебрежительное отношение к ним горных властей ярко показывает волокита с новым зданием для Березовской богадельни.

По штатам 1847 г. количество богадельщиков в ней требовалось увеличить с 20 до 50 человек, поэтому старое помещение стало тесным. Решение о постройке нового каменного одноэтажного здания с флигелем для женщин было принято в октябре 1848 г. Для него было определено 6 560 руб. из богадельной суммы – процентов с ранее накопленного капитала. Но к строительству приступили только через 6,5 лет – в апреле 1855 г., так как до этого все каменщики были заняты на более важных объектах[3]. Оно велось крайне медленно, а в 1867 г. было совсем остановлено. В 1875 г. все истраченные средства (5 099 руб.) просто списали со счетов, а здание осталось недостроенным[4].

Нежелание подавляющего большинства населения поступать в специальные заведения общественного призрения было характерно и для других горнозаводских регионов Российской империи. Так, в заводских богадельнях Алтайского горного округа в 1851 г. призревалось всего 35 человек[5].

Положение в сфере общественного призрения существенно ухудшилось в конце 1850-х гг., когда горнозаводская промышленность Урала вступила в стадию

---

[1] ГАСО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 1840. Л. 165; Ф. 129. Оп. 1. Д. 19. Л. 23–23об.
[2] Там же. Ф. 24. Оп. 23. Д. 7318. Л. 95–96об.
[3] Там же. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1790.
[4] Там же. Ф. 41. Оп. 1. Д. 1496.
[5] Пажитнов К. А. Указ. соч. С. 186.

кризиса. После резкого взлета цен значительный рост расходов на выдачу бесплатного провианта окончательно опустошил богадельные капиталы в казенных округах.

Отметим, что минимальное количество казенных заведений общественного призрения в первой половине XIX в. было характерно для всего Урала в целом. В трех уральских губерниях удалось создать только четыре воспитательных дома (затем преобразованных в детские приюты) по одному в губернских центрах и Екатеринбурге[1]. Приказ общественного призрения Пермской губернии содержал всего три богадельни, а его попытка создать рабочие дома для неимущих лиц провалилась[2]. Всего одну богадельню в этой губернии имела и Палата государственных имуществ[3].

После отмены крепостного права горные власти решили отказаться от значительной части расходов в сфере общественного призрения в казенных округах Урала. Организацией помощи нуждавшимся лицам должны были заняться местные общества. По «Положению» от 8 марта 1861 г. горнозаводские товарищества должны были, в том числе, оказывать попечение работникам в старости и при несчастных случаях, осуществлять призрение вдов и сирот и «вообще меры, полезные для благосостояния рабочих»[4].

В уставных грамотах по селениям казенных заводов содержалось общее положение о том, что право на призрение в богадельне сохраняют лица, не имеющих «средств к пропитанию». Но это касалось только тех, кто был уволен до издания «Положения» от 8 марта 1861 года. Получившие отставку после этого срока должны были приниматься в богадельни за счет Приказов общественного призрения или местных обществ[5].

Реализовать эти новые положение нормативной базы на практике не представлялось возможным. Как уже отмечалось, организация горнозаводских товариществ растянулась на несколько десятилетий. Затем капиталов этих организаций

---

[1] См.: Голикова С.В., Дашкевич Л.А. Призрение детей. Гл. 1.
[2] Исаева М. В. Указ. соч. С. 140, 142.
[3] Материалы для географии. Ч. 2. С. 634.
[4] См.: ПСЗ-II. № 36719.
[5] ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 44. Л. 461, 646–646об.; и др.

не хватало для финансирования заведений общественного призрения. Положение усугублялось резким взлетом инфляции, начавшимся накануне отмены крепостного права.

Собираемые на нужды общественного призрения средства не могли покрыть возросших расходов. Уже в конце 1861 г. незначительные богадельные суммы сохранились только в трех казенных округах. В Богословском округе эти средства были истрачены полностью, а Гороблагодатском и Златоустовском даже накопился долг в 36 027 руб.

Руководство горного ведомства указало на необходимость изыскивать пути сокращения расходов на нужды общественного призрения, надеясь на учреждение вспомогательных касс. На ближайшее время оно предписало перераспределять недостающие средства из богадельных сумм других округов (на условиях долга)[1]. Это не могло даже смягчить обострившейся проблемы.

Горные начальники казенных округов уже в 1861 г. предлагали срочно создавать вспомогательные кассы местных обществ, на которые переложить обеспечение нужд общественного призрения. Их основу должен был составить богадельный капитал, в котором уже не хватало средств для необходимых выплат. Поэтому планировалось ввести новые источники его пополнения: сборы с оброчных статей, пахотных и покосных земель[2].

Эти предложения не получили одобрения руководства горного ведомства. Оно еще надеялось на быстрое создание и эффективную деятельность горнозаводских товариществ.

Тогда в 1862 г. главный горный начальник уральских заводов предложил прибегнуть к уже опробованному на казенных заводах в крепостной период методу: расширению богаделен. По его мнению, это хотя и потребовало бы первоначального увеличения расходов, но затем должно было резко уменьшить количество желающих получать бесплатный провиант «по лености и привычке к тунеяд-

[1] РГИА. Ф. 47. Оп. 1. Д. 17. Л. 211–212об.
[2] ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 400. Л. 8, 118.

ству»[1]. Это предложение также не было реализовано. Руководство горного ведомства уже осознало бесперспективность этой практики.

После завершения двухлетнего переходного периода горные власти более настойчиво попытались переложить часть расходов по призрению на местное население. Министр финансов в июле 1863 г. разрешил продолжать выдачу бесплатного провианта на казенных заводах, но только тем, кому не хватает места в богадельнях. При этом теперь треть необходимых средств должны были выделять местные общества[2].

Похожее положение содержалось в распоряжении Горного департамента от 30 ноября 1863 г. В нем местным обществам предписывалось оплачивать треть расходов на содержание своих людей в заводских богадельнях и выдачу богадельного содержания лицам, уволенным в отставку после 8 марта 1861 г.[3]

Проблема призрения неимущих на казенных заводах обсуждалась в ходе визита на Урал в 1864 г. директора Горного департамента В. К. Рашета. Ему были предоставлены неутешительные расчеты. С одной стороны, все имевшиеся годовые средства на нужды общественного призрения в казенных округах составили 28,5 тыс. руб.: 9 440 руб., определенных по штатам 1847 г., и 19 тыс. руб. поступлений в богадельный капитал. С другой стороны, расходы в этой сфере за 1863 г. составили 111 893 руб.: 96 725 руб. на выдачу пособий и провианта и 15 158 руб. – на содержание богаделен.

Причем в этих заведениях содержалось 322 призреваемых, существенно больше, чем было определено в штатах 1847 г. (230 человек). То есть рост численности богадельщиков не привел к ожидаемому горными властями сокращению затрат на выдачу пособий. Расходы на нужды общественного призрения почти вчетверо превышали определенные средства. Недостачу приходилось покрывать из заводских сумм.

В результате участники обсуждения в очередной раз отметили существенное ухудшение положения дел в сфере общественного призрения, в том числе отсут-

---

[1] ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 444. Л. 31–32.
[2] Там же. Ф. 28. Оп. 2. Д. 2390. Л. 1–1об.
[3] Там же. Ф. 25. Оп. 1. Д. 444. Л. 461об.

ствии реальной перспективы с созданием горнозаводских товариществ. Они решили вновь попытаться реализовать уже не раз предлагавшуюся меру: увеличив количество мест в богадельнях, резко сократить выдачу бесплатного провианта. Причем содержание неимущих в богадельнях также планировалось через несколько лет переложить на местные общества[1].

В следующем 1865 г. за сохранение богаделен в казенных округах высказалась Комиссия по пересмотру Горного устава[2]. Но реализовать эти предложения на практике в очередной раз не удалось. Реально руководство решило прибегнуть к жестким мерам.

18 марта 1866 г. было издано распоряжение министра финансов о прекращении выдачи провианта нуждающимся лицам в качестве «временной меры». В нем подчеркивалась необходимость скорейшего создания горнозаводских товариществ. В том же году был принят «Проект основного положения о вспомогательных кассах» этих заведений[3]. Он стал основой нормативной базы их деятельности, хотя «Временное положение» было утверждено только в 1881 г.

После этой корректировки горные власти неуклонно сокращали расходы на нужды общественного призрения. Новые пенсии и пособия назначали только лицам, погибшим или получивших увечья непосредственно на производстве, и их семьям. Также неуклонно уменьшали численность призреваемых лиц в заводских богадельнях. В результате расходы на общественное призрение по Екатеринбургскому округу за пять лет уменьшились более чем вдвое (см. Таблицу № 5).

В других казенных округах сокращение численности лиц, находившихся в специальных заведениях общественного призрения, было еще существенней. В 1871 г. в Кушвинской богадельне осталось всего 10 человек, Юговской – 2, а Златоустовском богадельня вообще была закрыта, а ее оставшиеся немногочисленные призреваемые лица переведены на частные квартиры с платой от казны по 3–7 руб. в месяц[4].

---

[1] ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 435. Л. 128об.–130, 134–135.
[2] Там же. Ф. 24. Оп. 23. Д. 7214. Л. 61.
[3] Там же. Ф. 43. Оп. 1. Д. 437. Л. 54–55, 326–328.
[4] Там же. Ф. 43. Оп. 1. Д. 797.

Таблица № 5

Общественное призрение в Екатеринбургском горном округе в 1865–1869 гг.[1]

Год	Призревалось в Березовской богадельне, чел.	Общие расходы на общественное призрение, руб.
1865	100	23 420
1866	78	21 142
1867	69	19 034
1869	49	9 513

Важной причиной сокращения численности лиц, находившихся в заводских богадельнях, было дальнейшее ухудшение материально-технической базы этих заведений. Врач Воткинского завода М. Гольбек в 1874 г. констатировал, что даже больные холерой «неохотно шли в богадельное ветхое строение, влиявшее грустно своей обстановкой». По его предложению, для сокращения затрат, призреваемые в ней лица были переведены в здание заводского госпиталя[2]. Но и после проведения этой реорганизации их численность продолжала неуклонно сокращаться: с семи человек в 1877 г. до трёх в 1882 г.[3]

В 1886 г. были приняты новые штаты управления горной частью на Урале. В них не предусматривалось финансирование богаделен в казенных округах. Поэтому все немногочисленные сохранившиеся заведения общественного призрения были закрыты.

В частности, в 1887 г. прекратила существование Березовская богадельня горного ведомства. 27 человек, призреваемых за заводской счет, были переведены в Екатеринбургскую городскую богадельню. Горное ведомство обязалось ежегодно платить по 60 руб. за каждого своего богадельщика и отпускать необходимое количество дров из своих дач. Отказавшиеся от перевода в городскую богадельню стали получать пособие в 42 руб. в год[4].

---

[1] Составлено автором по: ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 465, 495, 531, 568.
[2] ЦГАУР. Ф. 212. Д. 8620. Л. 9.
[3] Воткинск: документы и материалы. Ижевск, 1999. С. 102–103.
[4] ГАСО. Ф. 28. Оп. 2. Д. 2015.

Следует отметить, что свертывание ведомственной системы общественного призрения на казенных горных заводах не сопровождалось созданием какой-либо альтернативой для нуждавшихся лиц. Процесс учреждения горнозаводских товариществ растянулся на 30 лет. На них были созданы так называемые «товарищеские кассы», отличные от эмеритальных касс для служащих Горного ведомства[1]. Горнозаводские товарищества сосредоточились на вопросах корпоративного страхования работников. Значительная часть их кассы шла на выдачу единовременных пособий нуждающимся членам, в том числе семьям умерших. Также они предоставляли ссуды под небольшой процент, но не занимались содержанием богаделен и каких-либо иных попечительских заведений[2].

Общественные организации также не стремились заняться призрением нуждавшихся в этом лиц в заводских поселках. В частности, в настоящее время многим свойственно идеализировать благотворительную деятельность Русской Православной церкви. Между тем, реальная картина была отнюдь не идиллической. В 1864 г. император утвердил «Положение о приходских попечительствах при православных церквах». На них возлагались три направления деятельности: благоустройства храмов, начальное обучение детей и социальная благотворительность, в том числе поиск средств на содержание больниц и богаделен[3].

В начале XX в. благотворительный бюджет России исчислялся примерно в 60 млн. руб., из которых только немногим более 2 млн. руб. составляли средства приходских попечительств при православных церквях. Причем они уходили главным образом на самих себя: поддержания церковного благолепия (починку церковных строений, украшение храмов и т.п.), а также на помощь нуждающемуся духовенству. В России церковно-приходские попечительства не играли такой важной роли, как конфессиональные благотворительные организации в других странах[4].

---

[1] См.: Орлов П. А. О проекте исследования. С. 318–319.
[2] Тигранов Г. Указ. соч. С. 63–64; ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 1004.
[3] См.: Опыт российских модернизаций XVIII–XX вв.: взаимодействие макро и микропроцессов. Екатеринбург, 2011. С. 311–313.
[4] Булгакова Л. А. Благотворительность в России: общие суждения // Милосердие и благотворительность в российской провинции. Вып. 2. Екатеринбург, 2002. С. 63.

Этот обоснованный вывод Л. А. Булгаковой применим и к поселкам казенных горнозаводских предприятий Урала пореформенного периода. Так, в 1881 г. планировалось учредить церковно-приходское попечительство при Нижнеисетском заводе. Но его управитель прямо указал на бесперспективность этой затеи. По его обоснованному мнению, местные работники отказались бы делать какие-либо взносы на эти цели, т.к. считали, что забота о нуждах бедных – «прямой долг земства, которое собирает с них ежегодные повинности, и ничего для них не делает»[1]. В результате церковно-приходское попечительство в Нижнеисетском поселке не было создано.

Таким образом, на протяжении всего XIX в. общественное призрение на казенных горных заводах Урала в основном ограничивалось выдачей пенсий и бесплатного провианта нуждавшимся лицам (престарелым, увечным, сиротам). При этом руководство горного ведомства регулярно считало численность этой категории населения чрезмерной.

Оно настойчиво пыталось реализовать сомнительный с финансовой точки зрения план расширения сети богаделен для сокращения расходов на общественное призрение в казенных округах. При их организации предполагалось лишить бесплатного провианта значительную часть нуждавшихся лиц, которые традиционно не желали жить в специальных заведениях для призреваемых.

Нереалистичность подобного плана сокращения расходов была очевидной для горного руководства на Урале. Для организации хороших богаделен требовались значительные средства, получить которые в Министерстве финансов не представлялось возможным. К тому же необходимо было радикально изменить менталитет управленцев и прислуги заведений общественного призрения (а также и самих призреваемых), что также представляется диссертанту фактически ирреальным. Однако идею расширения сети богаделен в казенных округах несколько раз пытались претворить в жизнь.

Нормативная база организации и деятельности специальных заведений общественного призрения была закреплена в Проекте горного положения 1806 года. В

[1] ГАСО. Ф. 28. Оп. 2. Д. 1919. Л. 2–2об.

нем декларировалась необходимость учреждения богаделен при каждом казенном заводе, определились основные источники формирования богадельного капитала. Однако воплотить на практике новые нормы горного законодательства в сфере общественного призрения не удавалось в течение следующих трех десятилетий.

Периодически между различными органами велась переписка о причинах отсутствия богаделен на казенных заводах. При этом горные начальники традиционно заявляли о недостатке средств для их учреждения (требовалось построить и оборудовать новые здания) и упорном нежелании нуждавшегося населения поступать в специальные заведения общественного призрения. Поэтому в казенных округах Урала действовала единственная небольшая богадельня при Богословском заводе (с 1815 г.).

Только в конце 1830-х гг., в условиях роста расходов на выдачу провианта призреваемым лицам, план создания богаделен был реализован, но не в полном объеме. Они были учреждены не при каждом заводе, а только по одной на казенный округ региона. Богадельни разместили при действующих госпиталях, которые должны были обеспечить их всем необходимым. Новым заведениям было выделено всего две дополнительные ставки поваров. Поэтому и в штатах 1847 г. для содержания богаделен заведений предусматривались незначительные расходы. Основной формой общественного призрения на казенных горных заводах Урала оставалась выдача пенсий и бесплатного провианта.

После отмены крепостного права система общественного призрения при казенных горных заводах Урала неуклонно сворачивалась. Последние рецидивы планов расширения сети богаделен вновь не нашли практического воплощения. Горное ведомство продолжало оказывать материальную помощь только лицам, получившим право на это в крепостной период, а также впоследствии травмированным на производстве. Их количество, в том числе призреваемых в богадельнях, закономерно неуклонно сокращалось. После реформирования управления горной частью на Урале 1886 г. все сохранившиеся заводские богадельни в казенных округах окончательно прекратили свою деятельность.

В заключении главы следует сделать принципиальный вывод о том, что во всех казенных горнозаводских округах Урала в XIX в. функционировал единый тип социальной инфраструктуры. Это определялось тем, что здесь горные власти жестко централизовали организацию и деятельность всех ее заведений: медицинских, учебных, общественного призрения. Они действовали на основе штатных положений, составленных на единых принципах. Некоторые непринципиальные отличия были обусловлены только количеством предприятий и масштабами производства в казенных округах, а также расположением двух из них (Богословского и Гороблагодатского) на северной окраине региона.

В казенных округах формирование сети медицинских и учебных заведений завершилось уже в первое десятилетие XIX в., когда они были созданы при всех крупных и средних заводских поселках. Тенденция её расширения прослеживается на протяжении всего дореформенного периода. Медицинские заведения при казенных заводах выделялись численностью мест для стационарного лечения и обширным персоналом, учебные – количеством обучающихся.

В среднем в госпиталях казенных заводов было более 45 штатных кроватей (см. Приложение № 3, 6). Общеимперская проблема недостатка врачей здесь традиционно смягчалась путем перевода специалистов из других ведомств. Учебные заведения при казенных горных заводах формально были открыты для всех сыновей местных работников. В тоже время подавляющая часть преподавателей в большинстве из них состояла из духовных лиц.

В развитии общественного призрения главным направлением деятельности оставалась выдача пенсий, пособий и бесплатного провианта призреваемым лицам: престарелым, увечным, сиротам. В тоже время в казенных горных округах богадельни традиционно рассматривались в качестве одного из потенциальных средств сокращения численности лиц, обращавшихся за этой помощью.

После отмены крепостного права трансформация заведений социальной инфраструктуры на их предприятиях растянулась на значительный срок и была не столь быстрой и радикальной, как в частных хозяйствах. Здесь сохранились госпитали при оставшихся в казенном ведении заводах и Уральское горное училище.

ГЛАВА 3. СОЦИАЛЬНАЯ ИНФРАСТРУКТУРА В ЧАСТНЫХ ОКРУГАХ

3.1. МЕДИЦИНСКИЕ ЗАВЕДЕНИЯ

До рубежа XVIIII–XIX вв. медицинская сфера частных горнозаводских хозяйств Урала не подвергалась серьезному контролю со стороны каких-либо органов. Члены губернских Врачебных управ, созданных в регионе в 1797 г., могли осматривать медицинские заведения при частных заводах только с согласия их владельцев. Горнозаводчики и их уполномоченные органы на Урале явно не желали допускать посторонних инспекторов в свои хозяйства. Об этом косвенно свидетельствует практически полное отсутствие материалов по частным горнозаводским округам в фондах Врачебных управ региона (Вятской, Оренбургской, Пермской).

Подобное положение начало существенно меняться только на рубеже XVIIII–XIX вв. 15 июня 1798 г. Канцелярия Главного заводов правления отправила предписание владельцам частных заводов о необходимости устройства отдельных госпитальных помещений. Их должны были обслуживать как минимум по одному лекарскому ученику. В этом предписании обосновывалась польза госпиталей для самих заводчиков: «чем скорее работный человек выздоровеет…, тем скорым вступлением (в работу) принесет своему господину прибыли»[1].

В 1799 г. указом Берг-коллегии было объявлено «удовольствие» двум заводчикам Н. Н. Демидову (Нижнетагильский округ) и П. С. Яковлеву (Невьянский), которые имели госпитали с аттестованными врачами. Остальным заводовладель-

[1] Тулисов Е. С. История управления. С. 223.

цам предлагалось создать медицинские заведения для стационарного лечения местного населения[1].

Эта оценка Берг-коллегии не в полной мере отражала реальное состояние в сфере медицинского обслуживания населения на частных заводах Урала. К началу XIX в. на общем фоне в лучшую сторону выделялись обширные горнозаводские имения Прикамья, расположенные в относительной близости от губернского центра. В Перми находилась Врачебная управа, в которой служили квалифицированные врачи, готовые по совместительству оказывать медицинскую помощь и в соседних горнозаводских округах.

Уже на рубеже XVIII–XIX вв. в горнозаводских хозяйствах Прикамья (Всеволожских, Голицыных, Строгановых, Лазаревых) прослеживаются новые тенденции: началось строительства капитальных госпиталей со значительным числом кроватей и найм аттестованных врачей, в основном совместителей. До этого здесь были только приемные покой, обслуживаемые местными лекарскими учениками.

Первый опыт кардинального изменения организации медицинской помощи при частных горных заводах Урала отмечен в Пермском имении Голицыных. В марте 1787 г. во время поездки в Москву главноуправляющий К. Ф. Кокшаров получил согласие владельцев на значительное увеличение финансирования в этой сфере. Уже в апреле, пользуясь относительной близостью имения к губернскому центру, ему удалось заключить пятилетний контракт с М. Л. Гамалея (1745–1830). Этот врач получил медицинское образование в Санкт-Петербургском генеральном госпитале и с 1783 г. служил в государственных медицинских учреждениях Перми[2].

По условиям контракта М. Л. Гамалея по совместительству стал исполнять обязанности врача у Голицыных, периодически «на господском экипаже» приезжая в село Верхние Муллы – центр их Пермского имения. Во время эпидемий и при острой необходимости он обязывался посещать заводы и соляные промыслы имения. Кроме лечения больных, М. Л. Гамалея принял обязательства прививать

---

[1] ОПИ ГИМ. Ф. 14. Оп. 1. Д. 464. Л. 150–151.
[2] См.: Николаев Ю. Первый медик Пермской губернии // Ретроспектива. 2007. № 2. С. 20.

оспу, помогать при сложных родах и обучить основам медицины лекарских учеников из выделенных ему крепостных мальчиков. Он получал солидное годовое жалование в 500 руб., сравнимое с его окладом в Пермской Врачебной управе[1].

Для стационарного лечения было выделено несколько комнат в господском доме и определен постоянный обслуживающий персонал. Уже в 1787 г., по согласованию с врачом, было выбрано место для строительства госпиталя в селе Верхние Муллы. Вскоре было возведено капитальное здание, рассчитанное на 30–40 постоянных кроватей[2].

К. Ф. Кокшаров высоко оценил значимость госпиталя для имения. Он написал владельцу, что если бы его пациенты (801 чел. в 1787–1792 гг.) не получили бы медицинской помощи, то до 80 из них могли умереть. При средней стоимости каждого из этих крепостных людей в 500 руб., это бы «принесло убытку» до 40 тыс. рублей. А все расходы на госпиталь за этот срок составили 10 462 руб., то есть он, по мнению главноуправляющего, даже способствовал потенциальной «экономии» почти в 30 тысяч руб.[3]

Эти доводы встретили одобрение владельцев. Уже в 1794 г. в Пермском имении Голицыных были созданы госпитали при двух из трех имевшихся заводах (Нытвенском и Архангело-Пашийском) и на соляных промыслах (Новоусольский)[4]. На содержание этих медицинских заведений (с Верхнемуллинским) в 1793–1802 гг. истратили 30 550 руб., т.е. в среднем по 3400 руб. в год (или по 8 руб. 90 коп. на одного больного)[5]. Половина затрат приходилась на центральный госпиталь имения. В 1805 г. расходы Голицыных на содержание Нытвенского и Архангело-Пашийского, а также промыслового (на соляных промыслах) оценивались правлением в 1728 руб.[6]

---

[1] ОПИ ГИМ. Ф. 14. Оп. 1. Д. 549. Л. 8–10.
[2] ГАСО. Ф. 24. Оп. 33. Д. 683. Л. 49.
[3] Цит по: Николаев Ю. Указ. соч. С. 24.
[4] ГАСО. Ф. 24. Оп. 33. Д. 19. Л. 52.
[5] ОПИ ГИМ. Ф. 14. Оп. 1. Д. 464. Л. 152–155.
[6] Там же. Д. 894. Л. 18–18об. Относительная незначительность этой суммы во многом объясняется отсутствием аттестованного врача.

В центре другого крупного Пермского имения одной из ветвей рода Строгановых (селе Ильинском) госпиталь был построен к 1795 г. По официальным отчетам он располагал 80 кроватями и предназначался, в том числе и для работников горнозаводских предприятий[1].

Первый госпиталь в центре Пермского имения Всеволожских (поселке Пожевского завода) появился на рубеже XVIII–XIX веков. В 1799 г. здесь был заключен контракт со штаб-лекарем А. Ф. Логвиновским. Он обязывался принять в свое заведование создаваемые здесь госпиталь и аптеку, обучить основам медицинских знаний трех местных крепостных мальчиков[2].

В центре Пермского хозяйства Лазаревых (поселке Чёрмозского завода) в 1802–1804 гг. было построено каменное здание госпиталя на 60 кроватей[3]. В течение этих трех лет владельцы вложили в него свыше 15% всех своих расходов на имение[4].

В зауральской части Пермской губернии на рубеже XVIII–XIX вв. медицинские заведения при частных горных заводах оставались редким явлением. Первое указание Н. А. Демидова об организации госпиталя в центральном заводском поселке Нижнетагильского округа относится еще к 1758 г., а реально он был создан уже в 1760-х гг.[5] Каких-либо систематических сведений о его деятельности во второй половине XVIII в. не обнаружено.

По сохранившемуся черновому описанию служителя Меновщикова в конце XVIII в. в Нижнетагильском округе было три небольших деревянных госпиталя: Нижнетагильский, Нижнесалдинский и Висимоуткинский (два последних – реально приемные покои). Часть лекарских учеников была в преклонном возрасте, другие – плохо обучены на самих заводах и «имели дурное поведение»[6].

Еще ряд частных горнозаводских хозяйств Урала формально также имели небольшие госпитали. Но реально это были не более чем приемные покои, фактиче-

---

[1] РГИА. Ф. 1287. Оп. 20. Д. 84; ГАСО. Ф. 24. Оп. 33. Д. 19. Л. 54.
[2] Мухин В. В. Положение крепостных рабочих. С. 24.
[3] Новокрещенных Н. Н. Указ. соч. С. 107, 109, 114.
[4] Шестова Т. Ю. Здравоохранение Урала в XVIII – начале XX в. С. 168.
[5] Баташев С. А. Указ. соч. С. 124; Клат С. А. Кадры медиков. С. 19.
[6] РГАДА. Ф. 1267. Оп. 7. Д. 1323. Л. 80, 81об.

ски не предусматривавших организацию стационарного лечения. В них работали один или несколько лекарских учеников из местных крепостных жителей.

Серьезной проблемой продолжала оставаться квалификация персонала этих заведений. Необходимость найма и подготовки квалифицированных специалистов осознавалась некоторыми просвещенными заводовладельцами Урала уже с середины XVIII в.[1] Но заключение контрактов с аттестованными врачами в частных горнозаводских хозяйствах региона имело единичный характер.

В 1783 г. губернатор Пермский и Тобольский наместник Е. П. Кашкин писал, что врачи отказываются ехать на Урал, мотивируя это дальней и трудной дорогой, а также небольшим количеством дворян, «от которых бы посторонней практикой пользоваться можно было». Он надеялся привлечь их повышенными окладами и льготами[2] (возможностью совмещения должностей).

Заводовладельцам Урала в сравнении с управителями казенных заводов было проще нанять врачей в свои хозяйства. Они не были «связаны» штатными положениями, могли предоставить им жалование, существенно превышавшее оклады на казенной службе, добавив к нему значительные натуральные «надбавки» (квартиру с прислугой, провиант). Другим вариантом было привлечение специалистов из Европы. На рубеже XVIII–XIX вв. это были два основных способа найма врачей на частные заводы Урала.

В 1797–1807 гг. в Пермском имении А. С. Строганова работал штаб-лекарь Л. А. Поступальский. Он имел типичную биографию для отечественных врачей того периода времени: получил начальное медицинское образование в Киевской академии, с 1784 г. служил на казенных заводах Урала, получил звание штаб-лекаря, с 1797 г. занялся вольной практикой[3].

В Пермском имении Всеволожских в 1799 г. был заключен контракт со штаб-лекарем А. Ф. Логвиновским. Он получил медицинское образование и выслужил

---

[1] См.: Фомина И. Л. Подготовка медицинского персонала для государственных и вотчинных предприятий Урала во второй половине XVIII в. // Вестник Московского университета. Серия «История». 1985. № 1. С. 73.

[2] Шестова Т. Ю. Медицинский персонал строгановского имения в дореформенный период // Строгановское историческое собрание. Вып. 1. Пермь, 2006. С. 96.

[3] ГАПК. Ф. 673. Оп. 1. Д. 5. Л. 66–66об.; ГАСО. Ф. 24. Оп. 33. Д. 266. Л. 3–10об.

звание штаб-лекаря в военных госпиталях. После этого А. Ф. Логвиновский оставил государственную службу, занялся более выгодной в материальном плане вольной практикой. Прослужив у Всеволожских до 1807 г., он перешел в Пермское имение Строгановых на место уволившегося Л. А. Поступальского[1].

Похожей была и карьера польского дворянина Д. К. Романовского. Получив начальное медицинское образование в Киевской академии, он выслужил звание штаб-лекаря в военных госпиталях. В 1806 г. Д. К. Романовский поступил на службу в Златоустовские заводы Кнауфа[2].

В условиях хронической нехватки отечественных специалистов первыми врачами в двух крупных частных горных хозяйствах Урала стали иностранцы. В Пермском имении Лазаревых в 1798–1804 гг. практиковал немецкий медик К. Шмидт. Ему было определено жалование в одну тыс. руб. (с третьего года службы), бесплатная квартира с отоплением и освещением, прислуга из двух человек. По подсчетам правления общие расходы на содержание врача составляли 2,2 тыс. руб. в год[3].

Однако К. Шмидт не имел свидетельства на право ведения медицинской практики в России, не желал экзаменоваться в Пермской Врачебной управе, что и стало причиной его отъезда[4]. В 1804–1812 гг. его место занимал другой иностранец – выходец из Лифляндии Густав Вильгельм Амброзиус фон Бергман, традиционно «переиначенный» на русский манер в Василия. Он имел аттестат Санкт-Петербургской медико-хирургической академии на право ведения медицинской практики в России в звании лекаря[5]. В. А. Бергман перешел на службу к Лазаревым из Театральной дирекции[6].

В 1798 г. первый аттестованный врач появился в Нижнетагильских заводах. Санкт-Петербургская контора Демидовых заключила контракт с вольнопрактикующим немцем Иоганном фон Машке. К тому времени он уже получил в России

---

[1] ГАСО. Ф. 24. Оп. 33. Д. 19. Л. 13–13об., 55–59.
[2] Архив г. Златоуста. Ф. И–19. Оп. 1. Д. 287. Л. 11–12.
[3] Новокрещенных Н. Н. Указ. соч. С. 107, 109.
[4] ГАПК. Ф. 673. Оп. 1. Д. 5. Л. 80, 123.
[5] ГАСО. Ф. 24. Оп. 33. Д. 19. Л. 42–42об.; ГАПК. Ф. 673. Оп. 1. Д. 7. Л. 130, 172.
[6] ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 1863. Л. 51–51 об.

звание штаб-лекаря и чин коллежского асессора. В Нижнетагильских заводах Машке «переиначили» на русский манер в Ивана Федоровича.

В контракте не оговаривался конкретный срок его службы у Демидовых. В обязанности врача входило руководство тремя больницами Нижнетагильского округа, которые реально еще только предстояло создать, аптеками, лечение больных и на дому, обучение местных лекарских учеников. Ему предписывалось завести ботанический сад для выращивания лекарственных растений и организовать их сбор в окрестных лесах для того, чтобы «в употреблении медикаментов иметь всевозможную умеренность». К контракту прилагалась инструкция, утвержденная Н. Н. Демидовым, где заводовладелец указывал врачу все основные вопросы решать с Нижнетагильской конторой, а к нему «обращаться только в крайних случаях».

И. Машке был установлен годовой оклад в 900 рублей. В контракте обстоятельно прописывались и дополнительные условия: бесплатная квартира не менее чем из трех комнат с кухней, погребом и надворными постройками; дрова, свечи, сено и овес для трех лошадей, экипаж, человек для услуг, оплата проезда до заводов и обратно[1].

Врач начал обучать нескольких местных крепостных лекарских учеников, самым известным из которых стал Константин Синицын[2]. Машке прослужил в Нижнетагильском округе до апреля 1807 г., оставив должность «по слабости здоровья»[3].

Контракты с первыми аттестованными врачами частных горных округах Урала были во многом сходными и стали основой для последующих соглашений. Здесь они должны был совмещать обязанности врача (лечить больных в госпиталях и на дому), педагога (обучать местных лекарских учеников) и в определенной мере заведующего по хозяйственной части (руководить всеми медицинскими заведениями имения, заводить ботанический сад, организовывать сбор лекарственных трав и т.п.).

---

[1] Клат С. А. Демидовы и медицина. С. 106; РГАДА. Ф. 1267. Оп. 3. Д. 75. Л. 1–5об.
[2] ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 1380. Л. 4; Ф. 643. Оп. 1. Д. 348. Л. 181; Д. 359. Л. 62, 217.
[3] Грасмик Г. У истоков милосердия // Тагильский рабочий. 1972. 15 сентября. С. 3.

Годовое жалование врачей было определено значительно больше, чем на казенной службе: совместителям – в 500 (М. Л. Гамалея) и 600 руб. (И. Х. Граль); постоянным специалистам – больше: 900 руб. (И. Машке) и 1000 руб. (К. Шмидт, с третьего года службы)[1]. Для сравнения в начале XIX в. уездные врачи Пермской губернии получали 300 руб., казенных заводов – 250–350 руб. с бесплатной квартирой, полковые – 250–400 руб. и провиант[2].

К тому же вольнопрактикующим медикам в крупных частных горнозаводских хозяйствах Урала определялись и существенные «натуральные надбавки»: бесплатная квартира с отоплением и освещением, прислуга из одного-двух человек, экипаж для выездов. В последующих контрактах с «посторонними» для заводов врачами, поступившими на сюда постоянную службу, эти важные «доплаты» будут основательно регламентироваться.

Другие заводовладельцы Урала пытались решить острую проблему недостатка врачей достаточно традиционно. Основная ставка была сделана на подготовку собственного медицинского персонала среднего и младшего звена. Ключевую роль в текущем обслуживании местного населения должны были выполнять лекарские ученики, подготовленные из крепостных людей.

Так, в Пермском имении Голицыных первых пятерых мальчиков, отобранных из местных служителей, обучил врач М. Л. Гамалея. Два из них в 1792 г. успешно выдержали экзамены в Пермской Врачебной управе, получили аттестаты подлекарей[3]. После этого они стали заведовать созданными в имении госпиталями. И. Кривков, после стажировки в Голицынской больнице в Москве, был определен в центральный Верхнемуллинский, а Г. Макушин – в Новоусольский госпиталь[4]. Под их началом находилось по несколько младших лекарских и аптекарских учеников, также отобранных из местных крепостных.

Деятельность подлекарей в имении периодически контролировали аттестованные врачи. Среди них был Иоганн (Федор) Христофорович Граль

---

[1] У Лазаревых и в дальнейшем по условиям контрактов жалование врачей Пермского имения несколько повышалось после определенного срока службы.
[2] ГАПК. Ф. 673. Оп. 1. Д. 6. Л. 254.
[3] ОПИ ГИМ. Ф. 14. Оп. 1. Д. 549. Л. 176.
[4] Узунова Н. М. Указ. соч. С. 61. Макушин работал там до 1830 г.

(1770–1835) – один из самых известных медиков, работавших на Урале. Этот выпускник Йенского университета, имевший степень доктор медицины, с 1791 г. служил в Пермской губернии, в 1801–1835 гг. возглавлял ее Врачебную управу. И. Х. Граль по контрактам, заключенным в 1793 и 1794 гг., должен был не менее двух раз в неделю приезжать «на господских лошадях» в Верхние Муллы. За оказание медицинской помощи местному населению (в госпиталях и на дому), обучение трех лекарских учеников и наблюдение за ботаническим садом он получал солидное годовое жалование в 600 рублей. Новоусольский госпиталь в конце XVIII в. периодически посещал соликамский уездный врач (Шеффер, затем Ровнев), которому выдавалась плату за каждый приезд[1].

В целом к началу XIX в. при частных горнозаводских округах Урала действовало не менее восьми госпиталей, в основном в крупных хозяйствах Прикамья. Абсолютное большинство заводовладельцев региона в тот период времени считали достаточным для оказания медицинской помощи работникам наличие в лучшем случае небольших приемных покоев с лекарскими учеников, подготовленными из местных крепостных людей. Только в пяти частных округах (Пермских имениях Голицыных, А. С. Строганова, Лазаревых, Всеволожских, Нижнетагильском Демидовых) в конце XVIII в. имелись аттестованные врачи.

Организация медицинской помощи при частных горных заводах Урала должно была коренным образом измениться после принятия Проекта горного положения 1806 года. В нем их владельцам предписывалось (как и руководству казенных округов) заводить госпиталь при заводе с числом работающих более 200 человек (ст. 715). Заводчикам определялось или ходатайствовать в Министерство внутренних дел «о присылке лекаря» через берг-инспектора, или «самим отыскивать вольных медиков и принимать таковых с аттестатами к себе на службу» (ст. 717). Нанятые в частные горнозаводские округа врачи считались на казенной службе. Но они имели право на пенсию только за период службы на заводах, где имелись «казенные люди» (ст. 718–720)[2].

---

[1] ОПИ ГИМ. Ф. 14. Оп. 1. Д. 549; Д. 550. Л. 39–39об.
[2] Высочайше утвержденный доклад министра финансов. Ст. 678, 715, 717–720.

Контроль выполнения этих новых требований горного законодательства возлагался на берг-инспектора. Уже 13 мая 1807 г. он специальным предписанием потребовал от заводовладельцев регулярных отчетов о наличии в их хозяйствах медицинских заведений и их персонале[1]. Полученные в результате ревизии 1807–1809 гг. сведения[2] позволяют оценить уровень оказания медицинской помощи в частных округах Урала.

Как и в конце XVIII в. в регионе в лучшую сторону выделялись крупные хозяйства в Прикамье (Всеволожских, Голицыных, Лазаревых, Строгановых). Здесь уже создали капитальные госпитали в центральных поселках и продолжали расширять сеть медицинских заведений при остальных заводах.

Ревизия берг-инспектора 1807–1809 гг. зафиксировала, что Всеволожские уже построили крупный госпиталь в центре имения (Пожевской заводской поселок) на 60 кроватей и небольшую больницу при Александровском заводе на 12 кроватей. Во владениях Строгановых на Урале к 1807 г., кроме центрального Ильинского, имелись госпитали при Билимбаевском, Добрянском и Очерском заводах. В Пермском имении Лазаревых в дополнение к обширному каменному госпиталю в Чёрмозском заводском поселке в 1807 г. была создана небольшая деревянная больница в Кизеловском заводе.

На общем фоне в лучшую сторону по организации медицинской сферы выделялся и округ Кнауфа. Кроме обширного каменного госпиталя в Златоустовском поселке (60 кроватей) с аттестованным врачом, здесь были и небольшие больницы при Юговском, Саткинском, Кусинском и Артинском заводах.

В целом самые крупные медицинские заведения действовали в центрах горнозаводских хозяйств: на 80 кроватей – у Строгановых в селе Ильинском, на 60 кроватей каждый – в Чёрмозском заводе Лазаревых, Пожевском Всеволожских, Златоустовском Кнауфа. Эти владельцы имели небольшие госпитали и при других своих крупных заводах.

---

[1] ГАСО. Ф. 24. Оп. 33. Д. 19. Л. 1–2.

[2] Часть из них опубликована: Описание заводов хребта Уральского. С. 147–298. Другие были извлечены нами их фондов ГАСО: Ф. 24. Оп. 33. Д. 19, 32. К сожалению, отчеты по части округов или не были посланы, или не сохранились.

Значительно хуже было положение в большинстве других частных горнозаводских хозяйств Урала. Так, в первое десятилетие XIX в. организация медицинской помощи в двух крупнейших округах региона (Нижнетагильском Демидовых и Верх-Исетском Яковлевых) явно не соответствовали масштабам производства.

31 мая 1807 г. в переписке с берг-инспектором Нижнетагильская заводская контора отметила, что только планирует построить новые госпитали, в том числе каменный в Нижнетагильском поселке, взамен пришедших «в совершенную ветхость» старых. В следующем отчете берг-инспектору 1808 г. вновь указывалось, что существующие здания уже пяти медицинских заведений (при Нижнетагильском, Нижнесалдинском, Висимоуткинском, Выйском и Черноисточенском заводах) пришли в совершенную ветхость. Вместо кроватей в них были обустроены «полки или нары» для лиц с опасными болезнями: всего для 31 человека. Реально госпиталем можно признать только имевшееся медицинское заведение при Нижнетагильском заводе. Но и здесь абсолютное большинство тяжелых больных лечилось в собственных домах[1].

В 1809 г. владелец округа Н. Н. Демидов высказал идею постройки каменного госпитального комплекса в Нижнетагильском поселке, в котором бы располагались аптека, квартиры врача и лекарских учеников[2]. Однако реализация всех этих инициатив началась только через десять с лишним лет. Это во многом объясняется тяжелым финансовым положением округа в первые два десятилетия XIX века.

Верх-Исетский горный округ Яковлевых в начале XIX в. занимал одно из первых мест на Урале по количеству и качеству изготовлявшегося железа. Но в этом обширном горнозаводском хозяйстве тогда имелся только «покой для лекарского ученика и содержания медикаментов при Верх-Исетском заводоуправлении. Небольшой госпиталь при центральном заводе, по данным врача Т. Ф. Успенского, появился только с 1810 г.[3] Приемные покои имелись еще в ряде заводских поселков этого округа.

---

[1] ГАСО. Ф. 24. Оп. 33. Д. 19. Л. 3; Д. 32. Л. 25–25об.
[2] Неклюдов Е. Г. Приезд Н. Н. Демидова. С. 209.
[3] Кузякин В. П. К истории организации медицинского обслуживания рабочих Верх-Исетского металлургического завода // Материалы к истории медицины и здравоохранения Сибири.

Подобное положение в тот период времени было характерно и для многих других частных горнозаводских хозяйств Урала, формально имевших небольшие госпитали. Но реально это были приемные покои с минимальным числом мест для стационарного лечения. В отчетах 1807 и 1808 гг. из Невьянского и Сысертского округов сообщали о начале строительства капитальных госпиталей[1].

В тот период об отсутствии медицинских заведений сообщили даже из таких крупных округов Пермской губернии, как Кыштымский, Суксунский и Сергинско-Уфалейский. В Сысертском в качестве единственной больницы использовалось ветхое здание, в котором помещалось всего 15 кроватей[2].

В небольших заводах, расположенных в Оренбургской и Вятской губерниях, владельцы в лучшем случае ограничились созданием медицинских заведений в господских домах (в основном на 5–15 кроватей). Часть из них вообще заявила о том, что надобности в них просто нет, т.к. население при тяжелых заболеваниях лечится в соседних уездных городах.

Ревизия, проведенная П. Е. Томиловым, зафиксировала и острый дефицит врачей в частных горнозаводских хозяйствах Урала. В 1807 г. здесь служило всего шесть аттестованных медиков. Большинство из них были вольнопрактикующими врачами, уволенными в отставку с казенной службы: штаб-лекари В. Г. Бергман (Пермское имение Лазаревых), А. Ф. Логвиновский (Пермское имение Строгановых), В. А. Обадовский (Преображенский завод), Л. А. Поступальский (Верх-Исетский округ[3]), Д. К. Романовский (Златоустовские и Юговские заводы Кнауфа) и лекарь И. К. Орловский (Кагинские заводы).

В сентябре 1808 г. к ним добавился еще один иностранный врач – австрийский подданный В. Бейтель, поступивший в Нижнетагильский округ. По условиям

Томск, 1960. С. 207. Эту дату определили в качестве начала Свердловской областной клинической больницы № 1. См.: Свердловская областная клиническая больница № 1: 200 славных лет: больница в лицах / под ред. Ф. И. Бадаева. Екатеринбург, 2011. С. 12.

[1] ГАСО. Ф. 24. Оп. 33. Д. 19. Л. 10.

[2] Гузеев А. Е. Сысертские горные заводы и деятельность их за последнее десятилетие (1886–1896). Пермь, 1896. С. 55.

[3] Л. А. Поступальский обслуживал население всех заводов округа, лечившееся в своих домах. В центральном Верх-Исетском заводском поселке медицинскую помощь оказывал лекарский ученик под присмотром уездного врача А. Ф. Фелькнера (Описание заводов хребта. С. 156, 160, 221 и др.).

трехлетнего контракта ему было назначено годовое жалование в 350 голландских червонцев (с переводом по существующему курсу[1]), натуральные «надбавки», как у предшественника – И. Машке, к которым была добавлена бутылка ординарного вина ежедневно[2].

Недолгое пребывание В. Бейтеля в Нижнетагильском округе (3 сентября 1808 – 15 января 1810 г.) сопровождалось постоянными конфликтами. Подобное противостояние «посторонних» для заводов врачей с местной администрацией впоследствии станет обыденным явлением в частных хозяйствах. Поэтому приведем здесь их подробное описание.

В. Бейтель через Санкт-Петербургскую контору регулярно сообщал Н. Н. Демидову о постоянных задержках средств на покупку самых необходимых медикаментов со стороны Нижнетагильской конторы и директора М. Д. Данилова, отсутствии питания в заводском госпитале, невыполнении некоторых условий контракта. Он жаловался и на вскрытие его писем заводовладельцу и даже подделку ответов последнего[3].

В свою очередь М. Д. Данилов также регулярно выражал свое недовольство новым врачом. Он сообщал заводовладельцу о его «скупости»: завысил свои расходы на проезд в округ, отказывался получать жалование в ассигнациях (при существовавшей дороговизне курса червонца), тайно требовал с больных денег за лечение. Директор обвинял врача в пренебрежительном отношении к местным служителям и незнании им костоправного дела. К тому же В. Бейтель, хотя и имел диплом иностранного университета, не получил соответствующего свидетельства в самой России. Поэтому, по требованию Пермской Врачебной управы, ему пришлось в конце 1808 г. возвращаться в Москву для сдачи необходимого экзамена в местном отделении Медико-хирургической академии. Существенные

---

[1] Один голландский червонец в тот период времени обычно обменивался на три рубля. То есть жалование В. Бейтеля превышало тысячу рублей.
[2] РГАДА. Ф. 1267. Оп. 7. Д. 1094. Л. 1, 5, 39–39об.
[3] Санкт-Петербургская контора и в дальнейшем сама определяла, какие из писем врачей и учителей отправлять Н. Н. Демидову за границу. Сам заводовладелец не возражал против подобной практики (см.: ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 127. Л. 2; Д. 128. Л. 107об.).

расходы на эту непредвиденную поездку (838 руб.) вызвали новые жалобы М. Д. Данилова.

Не получив поддержки у Н. Н. Демидов, В. Бейтель через заводского исправника пожаловался о невыполнении условий контракта в Уральское горное правление. Разгневанное этим «доносом» заводоуправление обвинило врача в воровстве. После этого В. Бейтель потребовал извинений за нанесенное оскорбление и расчета. Не получив требуемой суммы в Нижнетагильском поселке, он уехал добиваться выполнения условий контракта в Санкт-Петербургскую контору Демидовых и уже не вернулся на Урал[1].

Найти нового врача для Нижнетагильского округа долго не удавалось. Поэтому его медицинской сферой заведовал местный лекарский ученик К. Синицын, обученный в Москве и за границей (Англии и Франции), но, как крепостной, он не получил соответствующих свидетельств.

Несколько частных горнозаводских хозяйств Урала в 1807–1809 гг. пользовались услугами правительственных врачей, с которыми были заключены соглашения о «присмотре» за их медицинскими заведениями и лекарскими учениками. Так, в Пермском имении Голицыных доплачивали оханскому уездному врачу штаб-лекарь Г. Носову по 100 руб. в год, а после и его преемнику штаб-лекарю Вейсу – уже 150 руб. Пермская Врачебная управа разрешила им посещать Нытвенский заводской поселок один раз в неделю[2].

Подобная практика не всегда могла быть эффективной. Так, екатеринбургский уездный врач А. Ф. Фелькнер заключил соглашения о заведывании медицинской сферой в трех обширных горнозаводских округах – Кыштымском, Ревдинском и Сысертском (в каждом из них было по три завода, расположенных более чем в полусотне километров от Екатеринбурга). Реально он не мог уделить должного внимания заболевшим работникам, а также еще и населению соседнего Верх-Исетского поселка.

---

[1] См.: Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура Нижнетагильского. С. 52–54.
[2] ОПИ ГИМ. Ф. 14. Оп. 1. Д. 700. Л. 32, 60; ГАПК. Ф. 673. Оп. 1. Д. 7. Л. 253об.

Четыре заводских конторы заявили берг-инспектору о том, что не могут найти аттестованного медика и просили помощи у Уральского горного правления. Но министр внутренних дел А. Б. Куракин известил пермского и вятского губернатора об отсутствии в его распоряжении подготовленных врачей. Он советовал частным заводовладельцам воспользоваться предоставленным им правом самим искать вольнопрактикующих медиков.

В большинстве частных горных округов Урала медицинскую практику традиционно продолжали осуществлять местные крепостные лекарские ученики, обученные в больницах Москвы или Перми, или непосредственно на месте. Часть из них даже имела «свидетельства» от врачей (но не соответствующих учреждений) о подобной подготовке.

Ведение самостоятельной медицинской практики лекарскими учениками, в том числе имевшими подобные «свидетельства», противоречило действующему законодательству, но было устоявшейся практикой. Она вполне устраивала большинство заводчиков и их правления (конторы), заявлявших прямо или косвенно (мол, пока нет ответа от владельцев) о нежелании нанимать аттестованного медика. А некоторые из них даже заявляли, что они не обязаны соблюдать требование проекта Горного Положения 1806 г. о создании госпиталей и наличие властей, т.к. «от казны никаких пособий не получают»[1].

В целом состояние медицинской сферы в частных горнозаводских хозяйствах Урала в абсолютном большинстве хозяйств не соответствовало новым требованиям горного законодательства. Это касалось и имевшихся медицинских заведений (или их отсутствия), и служившего персонала. Владельцы небольших хозяйств нередко заявляли о невозможности выполнения этих требований в полном объеме, а зачастую и просто игнорировали многие из них.

В наступивший тяжелейший для страны период, связанный с активным участием в антинаполеоновских войнах, органы государственной власти не оказывали существенного давления на частных горнозаводчиков Урала. Они явно учитывали понесенные ими громадные убытки. Об этом косвенно свидетельствует и от-

[1] ГАСО. Ф. 24. Оп. 33. Д. 19. Л. 48, 60, 61, 87, 95.

сутствие отчетов по медицинской сфере горных заводов Урала за 1810–1814 гг. (как в фондах РГИА, так и региональных архивов).

Положение начало постепенно меняться только после завершения антинаполеоновских войн. В 1816 г. Пермское горное правление предписало частным заводским конторам указывать в своих отчетах по медицинской сфере и количество кроватей для стационарного лечения.

Похоже, это новшество оказалось неожиданным для ряда этих уполномоченных органов заводовладельцев на Урале. В ряде поступивших отчетов берг-инспектору 1816–1817 гг. отмечалось, что количество кроватей «еще не определено». А в двух хозяйствах, где ранее рапортовали о наличии построенных госпиталей, фактически «пошли на попятную». Теперь из Невьянского округа сообщали, что он «находится еще не в полном виде», а Шайтанского завода – «не приведен в порядок»[1].

Одним из способов обойти новое требование было помещение в отчеты сведений не о численности кроватей, а об имевшихся больных в горнозаводских хозяйствах. Мы не будет приводить эти показатели. Это объясняется как отсутствием какой-либо принятой методики учета больных на протяжении всего XIX в., так и серьезными сомнениями в достоверности сведений, предоставляемых заводскими конторами и управлениями. По обоснованному мнению медицинского инспектора по частным заводам Уральского горного правления М. Г. Вульфа, в целом ряде хозяйств количество больных регулярно сознательно занижалось, с целью сокращения необходимого числа кроватей в госпиталях[2].

Состояние медицинской сферы в большинстве частных горнозаводских хозяйств Урала и к началу 1820-х гг. во многом не соответствовало требованиям законодательства. Особенно плачевным было положение в Оренбургской губернии. Это ярко отражено в отчете инспектора Оренбургской Врачебной управы Шпира 1821 г., который осмотрел 10 частных заводов губернии.

---

[1] ГАСО. Ф. 24. Оп. 33. Д. 19, 32, 166, 238.
[2] Там же. Ф. 24. Оп. 32. Д. 2890. Л. 5.

Следует отметить полную неожиданность этой поездки для руководства заводских контор. В своем отчете он отметил «удивление и недоумение (подчеркнуто нами – Э.Ч.), в которое были приведены все заводы моим прибытием. Ибо никогда никакой инспектор, ни медицинский чиновник не обозревал их по сей (медицинской – Э. Ч.) части», и они (местные управители – Э. Ч.) привыкли поступать совершенно по своему произволу и усмотрению»[1]. Соответственно инспектор увидел реальное состояние медицинских заведений, которым не придали «нужный» вид перед приездом ревизора.

Шпир отмечал, что «ужасно и жестоко вообразить, сколько приключено и приключается вреда извращенным лечением, которое на заводах допущено единственно для того, чтобы как-нибудь и будто заменить и привести в исполнение то, что по проекту Горного положения в них по медицинской части быть долженствует». Шпир иронически выделил сплошную профанацию в этой сфере: «Избы без всякого заведения и устройства названы больницами; смеси и сборища полезных и бесполезных вещей, годных и негодных, свежих, изгнивших от долговременности, содержимых в крайнем небрежении без всякого порядка и должной осторожности, составляют аптеки; мужики с бородами, в лаптях, неучи безграмотные, суть лекари на заводах». В своих конкретных характеристиках так называемых «больниц» он был не менее резок. Избы, в которых они располагались, были «препакостная» (Симский завод), «столь гадкая, что до сих пор он ней не могу вспоминать без омерзения» (Юрюзанский), «призапачканная и принеопрятная» (Кагинский) и т.п.

Шпир предложил наложить на заводовладельцев своеобразный медицинский «налог». На эти средства врачи горного ведомства по очереди могли ежемесячно объезжать все частные заводы и руководить постановкой медицинского дела: комплектованием аптек, надзором за местными лекарскими учениками и т.п.[2] Эта инициатива не была реализована, т.к. противоречила действовавшему горному законодательству.

---

[1] ОПИ ГИМ. Ф. 14. Оп. 1. Д. 894. Л. 16.
[2] Мударисов Р. З. Указ. соч. С. 126; ОПИ ГИМ. Ф. 14. Оп. 1. Д. 894. Л. 15об.–17об.

В 1810-х гг. число врачей в частных горнозаводских округах Урала неуклонно сокращалось. Имевшиеся специалисты по разным причинам покидали службу (или умирали), а новых врачей найти не удавалось.

С 1811 г., с переходом в казну Златоустовского округа, Д. К. Романовский оставил службу на Юговских заводах Кнауфа. Жалобы заводовладельца о невозможности найти другого аттестованного врача не были удовлетворены. Д. К. Романовский отказался заведовать по совместительству и госпиталями в заводах Кнауфа, получив от казны жалование в 1,5 тыс. руб.[1] В 1812 г. в Пермском имении Лазаревых умер врач Г. Бергман, а нового нанять не удалось[2].

Только с конца 1810-х гг. Пермское горное правление вновь начало принуждать заводовладельцев к найму аттестованных медиков. В 1817 г. в Нижнетагильском округе свирепствовала «гнилая горячка», вызвавшая необходимость командирования врачей с казенных заводов: Смирнова с Гороблагодатских, а затем Варвинского с Екатеринбургских. Пермское горное правление, получив жалобы горных начальников этих округов на отвлечение крайне необходимых им самим медиков, потребовало от Н. Н. Демидова срочно нанять аттестованного врача[3].

В июне 1817 г. представителям владельца Нижнетагильского округа в Париже удалось заключить контракт с новым иностранным врачом – французом Бордье (в другой транскрипции – Бердье), которого в России стали называть Александром. Он предусматривал жалование в две тыс. руб. асс. в год, «стол и квартиру» за счет заводовладельца, экипаж для выезда и одного человека в услужение. В пользу Бордье было пребывание России в плену, где он немного выучил язык и «привык к русским морозам»[4].

Но этому иностранному врачу также не удалось наладить отношения с руководством округа. Проблемы были уже традиционными: плохое владение русским

---

[1] ГАСО. Ф. 24. Оп. 33. Д. 245. Л. 11–12.
[2] РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 117. Л. 31.
[3] ГАСО. Ф. 24. Оп. 33. Д. 753. Л. 8–8об., 20; Ф. 643. Оп. 1. Д. 484. Л. 7об.
[4] Клат С. А. Очерк истории медицинской службы в Нижнем Тагиле в XVIII и первой половине XIX в. Машинопись // Нижнетагильский музей-заповедник «Горнозаводской Урал». Ф. 45. Б.н. Л. 23; РГАДА. Ф. 1267. Оп. 3. Д. 382. Л. 4; Оп. 16. Д. 100. Л. 1–4об.; ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 484. Л. 92об., 110.

языком, и соответственно необходимость постоянного нахождения при нем старшего лекарского ученика Константина Синицына, жалобы врача на невыполнение некоторых условий контракта, в частности, недостаток «столового содержания». Сам Н. Н. Демидов в письмах директору Нижнетагильских заводов М. Д. Данилову указывал «не гневаться на него за присылку Бордье», отмечая, что «лекарь нужен для человечества». В результате Бордье прослужил в Нижнетагильском округе менее двух лет[1].

В конце 1820 г. Н. Н. Демидов свои конторам представителям на постоянный приток иностранных медиков в Россию. Но его представителям за полтора года так и не удалось нанять аттестованного врача в Нижнетагильский округ. Причем заводовладелец стал склоняться к поиску отечественного специалиста, так как с иностранными медиками местной конторе «очень мудрено ладить»[2].

Причины уменьшения численности аттестованных врачей в частных горнозаводских хозяйствах Урала во второе десятилетие XIX в. различны. Это отразили ответы заводовладельцев и их контор на новое указание Департамента горных и соляных дел от 30 июля 1821 г. о необходимости иметь таких специалистов по требованиям законодательства. Из 14 хозяйств рапортовали о реальной невозможности их найма, а трех – нежелании это делать. Владелица Лысьвенских заводов княгиня В. А. Шаховская заявила, что ей вполне достаточно крепостных лекарских учеников, подготовленных по контракту доктором И. Х. Гралем, которому само «Правительство доверило Врачебную управу». Еще два заводчика сослались на близость к уездным центрам, откуда они в случае необходимости приглашают городовых врачей[3].

Крайне жестко оценил отсутствие аттестованных врачей на частных заводах Оренбургской губернии в 1821 г. инспектор ее Врачебной управы доктор медицины Шпир. По действующему законодательству только при их наличии врача можно было вести медицинскую практику и заводить аптеку. В реальности же, как иронично заметил Шпир, все частные заводы губернии «не имеют того, что

---

[1] РГАДА. Ф. 1267. Оп. 3. Д. 283; Д. 315. Л. 3, 20, 48об, 53.
[2] ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 127. Л. 10, 38; Ф. 643. Оп. 1. Д. 605. Л. 132.
[3] Подсчитано автором по: РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 117. Л. 15–55.

должны по горному законодательству» (то есть аттестованных врачей и аптекарей – Э. Ч.), но «имеют все то, что строго законами запрещено» (то есть самостоятельную медицинскую практику лекарских учеников, аптеки с сильнодействующими лекарствами – Э. Ч.)[1].

Представители среднего и младшего звена медицинских работников, окончившие фельдшерские и акушерские школы или получившие практическую подготовку в аптеках, зачастую выполняли функции врачей и аптекарей: руководили лечебными и фармацевтическими учреждениями, занимались самостоятельной практикой, что противоречило действующему законодательству. Несоответствие между юридическим статусом и реальным положением фельдшеров приводило к регулярным конфликтам с врачебным персоналом.

Правительственные и заводские врачи уральских губерний пытались бороться с этим явлением, во второй половине XIX в. получившей наименование фельдшеризма. Принципиальные ревизоры даже периодически опечатывали заводские аптеки[2]. Но Пермское горное правление вынужденно мирилось с устоявшейся практикой фельдшеризма. Оно ограничивалось постоянными напоминаниями о необходимости найма аттестованных врачей и аптекарей.

Для сравнения отметим, что в тот период времени острый недостаток врачей наблюдался и на горных заводах в других регионах Российской империи. Так, в 1822 г. Московское горное правление на требование иметь аттестованных врачей рапортовало, что в обширном Замосковном округе (более трех десятков предприятий в девяти губерниях) они есть только на двух заводах[3].

С начала 1820-х гг. положение в медицинской сфере частных горнозаводских хозяйств Урала начало стабильно улучшаться, особенно заметно в самых крупных и финансово успешных из них. Это было во многом обусловлено ростом их доходности, утверждением патерналистских взглядов у владельцев и новым усилением ведомственного принуждения к соблюдению требований действующего законодательства.

---

[1] ОПИ ГИМ. Ф. 14. Оп. 1. Д. 894. Л. 15об.
[2] См.: ГАПК. Ф. 673. Оп. 1. Д. 7. Л. 173об.–174.
[3] РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 117. Л. 52.

Приведем несколько характерных высказываний владельцев крупных частных горнозаводских хозяйств Урала. Обширные 76-страничные (22 главы, 252 статьи) «Правила о госпиталях в Пермском имении» 1815 г., подписанные Х. Е. Лазаревым, начинались с высокопарного вступления. Здесь, в частности, определялось, что «больницы для пользы рода человеческого суть первейшие и превосходнейшие перед всеми прочими заведения»[1].

Следующие несколько лет медицинская проблематика занимала значительное место в переписке проживавших в столицах заводовладельцев с Чёрмозским главным правлением. Например, Х. Е. Лазарев в 1825 г. писал, что «медицина есть главная и необходимая отрасль», отмечал традиционную для своего рода «особенную попечительность к страждущему человечеству»[2].

Н. Н. Демидов в 1827 г. написал врачу Нижнетагильского округа О. И. Нехведовичу, что «болезнь меня совершенно обратила на путь истинного сострадания к ближнему, ибо несчастный более расположен к несчастному». Он отмечал, что «приносит наследникам важные выгоды» ростом количества здоровых работников в заводах[3].

Подводя итоги своего многолетнего управления Пермским майоратным имением (с 1817 г.), С. В. Строганова в 1841 г. констатировала, что «долг человеколюбия, правосудия, благожелательства и собственная польза Владельца делают необходимых в помещичьих имениях мои учреждения»[4]. Это касалось и заведений социальной инфраструктуры, в том числе медицинских.

Существенную роль сыграло и планомерное ведомственное принуждение заводчиков к исполнению норм действующего законодательства. Так, министр финансов в секретном предписании от 13 сентября 1827 г. главному горному начальнику уральских заводов предписал заводовладельцам заботиться о больных

---

[1] РГИА. Ф. 880. Оп. 1. Д. 284.
[2] ГАПК. Ф. 280. Оп. 1. Д. 401. Л. 93, 157об.
[3] РГАДА. Ф. 1267. Оп. 3. Д. 382. Л. 28об., 30об.
[4] Цит. по: Неклюдов Е. Г. Уральские заводчики. С. 204–205.

и «иметь попечение о людях, которые не в состояние обеспечить себя пропитанием»[1]. За этим были призваны регулярно следить заводские исправники.

Их назначение во все частные горных округа Урала также стало мерой усиления ведомственного контроля. Поэтому владельцы Пермского имения Лазаревых первоначально были недовольны появлением на заводах новых должностных лиц и даже пробовали организовать протест ряда частных горнозаводчиков региона[2].

Эти новые явления способствовало существенному расширению сети медицинских заведений при частных горных заводах Урала. Особенно значительные изменения произошли в двух крупнейших частных округах региона, ставших приносить стабильно высокие доходы своим хозяевам.

В феврале 1822 г. берг-инспектор А. Т. Булгаков через заводских исправников предписал всем заводчикам брать пример с владельца Верх-Исетского округа А. И. Яковлева. В тот период у него заканчивалось строительство обширного госпитального комплекса при центральном заводе. Его главный каменный корпус имел 36 кроватей, но мог вместить и до 50 больных. К нему примыкали два каменных флигеля для служебных помещений, которые также можно было, в случае необходимости, приспособить для приема больных[3].

Госпитальный комплекс Верх-Исетского завода был создан по проекту известного архитектора М. П. Малахова. По мнению А. М. Раскина, на этом месте первоначально планировалось создать усадьбу для самого А. И. Яковлева. Но затем планы владельца изменились, и уже частично построенный комплекс приспособили для госпиталя[4]. Впоследствии его главное здание еще дважды перестраивали, исходя из потребностей медицинского заведения[5].

А. И. Яковлев справедливо гордился тем, что он был одним из первых частных заводчиков Урала, который создал обширный госпитальный комплекс в поселке Верх-Исетского завода. На его строительство и укомплектование, в основном за-

---

[1] ГАСО. Ф. 43. Оп. 3. Д. 131. Л. 1об.–2.
[2] РГАДА. Ф. 1252. Д. 1799. Л. 270об.–271.
[3] ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 4416. Л. 36; Оп. 33. Д. 1189. Л. 3–5.
[4] См.: Раскин А. М. Указ. соч. С. 97, 169.
[5] См.: Автобиография А. А. Миславского.

вершенное к 1824 г., по оценкам местного заводоуправления, было потрачено более 100 тыс. руб.[1]

Берг-инспектор А. Т. Булгаков считал этот комплекс «самым красивым в архитектурном отношении и удобным» среди всех горных заводов Урала[2]. Медицинский инспектор М. Г. Вульф отмечал, что его главное здание «служило украшением бульвара»[3], соединявшего Екатеринбург с Верх-Исетским заводским поселком. Высокая оценка госпитального комплекса была дана и другими известными современниками: императором Александром I (1824 г.)[4] и немецким исследователем А. Гумбольдтом (1835 г.)[5]. Его здание до сих пор используется как медицинское учреждение[6].

Другого крупнейшего заводовладельца Урала Н. Н. Демидова создать свое образцово-показательное медицинское заведение побудил целый комплекс причин. Среди них следует выделить существенный рост доходности Нижнетагильского округа, правительственное указание строить капитальные госпитали по утвержденным планам[7], обширное каменное строительство в соседнем Невьянском округе (прежнем центре демидовских владений в регионе)[8] и особенно поощрительные оценки его давнего «соперника» А. И. Яковлева[9] на таком высоком уровне.

В августе 1825 г. Н. Н. Демидов предписал построить в Нижнетагильском поселке каменный госпиталь «значительной величины со всеми необходимыми

---

[1] ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 1942. Л. 15 об.

[2] Это мнение разделяют и современные историки архитектуры. См.: Лотарева Р. М. Города-заводы России. XVIII – первая половина XIX века. Екатеринбург, 1993. С. 77–78.

[3] ГАСО. Ф. 24. Оп. 33. Д. 1189. Л. 5; Ф. 72. Оп. 1. Д. 1942. Л. 11.

[4] См.: Император Александр I / по личным воспоминаниям лейб-медика Д. К. Тарасова. Пг., 1915. С. 136.

[5] См.: Мондей К. Указ. соч. С. 68.

[6] В нем располагается одно из подразделений 2-й городской больницы Екатеринбурга. Но здание во многом утратило свой первоначальный облик.

[7] ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 555. Л. 161об.

[8] Там же. Д. 605. Л. 46об.

[9] Именно Верх-Исетский горный округ А. И. Яковлева Н. Н. Демидов считал своими главным конкурентом на Урале. Только железо с его заводов в 1820-х гг. продавалось по ценам, равным нижнетагильскому, практически не уступая ему в качестве. В 1820 г. Н. Н. Демидов отмечал: «Я опытами дошел, что от награждения я сам себе получаю вящую прибыль, и что мои товарищи другие заводчики, кроме А. И. Яковлева, плохо разумеют» (см.: Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура Нижнетагильского. С. 33–34).

службами». Одновременно здесь стали строить и обширное каменное здание для Главной заводской конторы.

В 1826–1828 гг., по проекту местного крепостного архитектора А. П. Чеботарева, в Нижнетагильском поселке был построен обширный госпитальный комплекс, рассчитанный более чем на 100 кроватей[1]. Его прототипом стало здание Мариинской больницы Санкт-Петербурга, построенное по проекту известного итальянского архитектора Дж. А. Кваренги[2].

Обустройство этого госпитального комплекса продолжалось еще несколько лет (в частности, в 1830 г. – штукатурка стен главного корпуса, столярные и плотничные работы[3]). Поэтому ряд источников датируют его открытие только 1831 годом[4].

Нижнетагильский госпиталь стал самым крупным среди всех горнозаводских медицинских заведений Урала. В источниках содержатся различные сведения о численности его кроватей: от 100 до 130. Это объясняется отсутствием единых методик подсчетами в тот период времени: в определенных отчетах и описаниях сообщалось о реально имевшихся кроватях, в других – и потенциальной численности запасных на период эпидемий.

Нижнетагильский госпиталь значительно превосходил и лечебницы ведения Приказа общественного призрения в регионе. Даже новое здание губернской больницы в Перми, построенное в 1833 г., было рассчитано всего на 60 кроватей.

В 1820-х гг. строительство и обустройство госпиталей развернулось еще в ряде крупных частных горнозаводских хозяйствах Урала. В Невьянском округе оно началось в 1826 г. под руководством М. А. Нечаева – командированного врача с казенных заводов.

Под госпиталь в центральном заводском поселке было выделено обширное каменное здание, в котором разместили 35 кроватей. Первоначально оно было построено для других нужд: хлебных амбаров и господской конюшни. Но, со време-

---

[1] См.: Клат С. А. Из истории строительства заводского госпиталя в Нижнем Тагиле // Вторые Худояровские чтения. Доклады и сообщения. Нижний Тагил, 2005. С. 123–128.
[2] Он также до сих пор используется как лечебное заведение.
[3] РГАДА. Ф. 1267. Оп. 8. Д. 114. Л. 138об.
[4] Земско-медицинский сборник. Вып. 7. С. 66; РГИА. Ф. 1287. Оп. 20. Д. 84. Л. 320–334.

нем, что признавал даже такой строгий критик как М. Г. Вульф, здание было прекрасно переоборудовано под медицинское заведение[1]. В двух других заводах Невьянского округа (Быньговском и Петрокаменском) во второй половине 1820-х гг. устроили временные больницы[2].

В июле 1827 г. министр финансов предписал учредить больницы в Кыштымского округе и иметь аттестованного врача. В 1831 г. ревизовавший это хозяйство горный чиновник Гиль отмечал, что при его заводах устраиваются хорошие больницы, а в Кыштымском заканчивается отделка обширного каменного госпиталя[3].

В Сысертском округе в 1828 г. была в основном построено обширное здание госпиталя в центральном заводском поселке. Оно прослужило до капитальной перестройки 65 лет[4].

В целом в 1820-х гг. большинство крупных частных горнозаводских хозяйств Урала обзавелось капитальными госпиталями в своих центральных поселках. Другой позитивной тенденцией этого десятилетия стал стабильный рост численности аттестованных врачей. В самых доходных их них проблема их найма и адаптации уже не вызывала существенных проблем.

В Пермском имении С. В. Строгановой (графская ветвь рода) в 1820–1823 гг. работал штаб-лекарь Ф. П. Ламони[5]. Его сменил доктор медицины Х. Р. Лейхтфельд, который прослужил в имении Строгановых 26 лет (1824–1850)[6].

В Нижнетагильском округе более 20 лет работал уже упоминаемый штаб-лекарь польского происхождения О. И. Нехведович. Казеннокоштный выпускник медицинского факультета Виленского университета, отработав определенный законодательством срок в Гороблагодатском казенном горном округе, в декабре 1820 г. перешел на значительно более выгодную в материальном плане службу

---

[1] ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 4573. Л. 2.
[2] РГАДА. Ф. 1267. Оп. 8. Д. 263. Л. 62–63.
[3] Неклюдов Е. Г. Уральские заводчики в первой половине. С. 405–406.
[4] Гузеев А. Е. Указ. соч. С. 55.
[5] В 1816–1820 гг. медицинской частью в имении по совместительству заведовал И. Х. Граль. См.: Истоки. Сборник материалов по истории Ильинского района. Ильинский, 1994. С. 23.
[6] РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 494. Л. 1–6.

вольнопрактикующим врачом. О. И. Нехведович несколько раз продлевал контракт на новый срок, успешно уживался с местными приказчиками с их «грубой закоснелостью» (оценка самого Н. Н. Демидова). Заводовладелец в письмах врачу постоянно выражал благодарность за его работу («мне было бы приятно, коли все бы меня понимали, как Вы»).

О. И. Нехведович получал жалование в 2,5 тыс. руб. асс. и пользовался бесплатными «надбавками»: господской квартирой с прислугой, отоплением и освещением, экипажем. Кроме того, он при ежегодных награждениях получал по 400–500 руб., выписывал за счет заводовладельца необходимые медицинские журналы[1].

В 1826 г. Н. Н. Демидов выразил намерение иметь в Нижнетагильском округе двух квалифицированных врачей. Он писал в его главную контору, что когда один из них будет отсутствовать, то второй экстренно сделает «рискованную» операцию. Ведь «свой», то есть крепостной медик, вряд ли решится на ее проведение, так как, не имея соответствующего документа об образовании, он, «в случае неудачи, по закону будет подвергнут строгому наказанию»[2].

Но вскоре Н. Н. Демидов нашел возможность сэкономить. В 1827 г. он отправил в Нижнетагильский округ своего воспитанника Ивана Андреевича Шамарина, почти 10 лет обучавшегося медицине в Европе, но не получившего аттестата врача, из-за крепостного состояния. И. А. Шамарин вскоре был определен в поселок Нижнесалдинского завода, откуда был переведен в центральный госпиталь следующим владельцем – П. Н. Демидовым.

В 1831–1837 гг. вторым аттестованным врачом в Нижнетагильском округе служил еще один штаб-лекарь польского происхождения И. Е. Ковалевский. Этот казеннокоштный воспитанник Медико-хирургической академии прибыл с Богословских казенных заводов, где отработал положенный по закону срок. Он заведовал медицинским делом в Нижнесалдинской части округа.

---

[1] См.: Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура Нижнетагильского. С. 55–57.
[2] ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 571. Л. 97об.–98.

И. Е. Ковалевский не сумел наладить отношения с Нижнетагильской конторой («по неуживчивости характера») и перешел на службу в Невьянский завод[1]. Впоследствии он работал городовым врачом в Екатеринбурге, где конфликтовал с А. А. Миславским. В письме ему И. Е. Ковалевский определял себя, как человека «с безалаберным образом жизни, холерическим темпераментом, вспыльчивым и решительным характером»[2]. То есть причины его конфликта с тагильскими управляющими очевидны.

После увольнения И. Е. Ковалевского в Нижнетагильском округе все равно осталось два аттестованных врача. О. И. Нехведовичу стал помогать С. Ф. Шмонин – вольноотпущенник Демидовых, обученный ими в Дрездене, а затем Казанском университете[3].

С начала 1820-х гг. в Верх-Исетском округе Яковлевых также постоянно были аттестованные врачи. В 1822–1824 гг. здесь служил М. Г. Вульф, перешедший со Златоустовских казенных заводов. Ему был установлен годовой оклад в 2,5 тыс. руб. ассигнациями, полагались меблированная квартира при госпитале с отоплением и освещением, экипаж с парой лошадей и кучером, денщик[4]. Одновременно М. Г. Вульф служил врачом в Кыштымском округе (по назначению Уральского горного правления)[5].

Видимо, это совмещение не нравилось Верх-Исетскому заводоуправлению. Когда в апреле 1824 г. М. Г. Вульф, не поставив его в известность, уехал по служебным делам в поселок Каслинского завода, последовало расторжение контракта – формально «по взаимной доброй воле». При этом сам врач указывал на задержку ему жалования, а управляющий Верх-Исетским округом Е. А. Китаев признавал инициативу заводоуправления в разрыве отношений[6].

---

[1] ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 749. Л. 57об, Д. 816. Л. 13об.
[2] Там же. Ф. 129. Оп. 1. Д. 294. Л. 22об.
[3] РГАДА. Ф. 1267. Оп. 7. Д. 2071. Л. 9; ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 816. Л. 13об., 115–117; Оп. 2. Д. 149. Л. 154.
[4] ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 1356. Л. 1–3 об.
[5] РГИА. Ф. 44. Оп. 1. Д. 369. Л. 10об.
[6] ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 1356. Л. 15–16 об. М. Г. Вульф остался врачом в Кыштымском округе, а в 1828 г. был определен на службу в Пермское горное правление.

На место М. Г. Вульфа сразу же был принят Ф. П. Ламони, предоставивший рекомендательное письмо о добросовестной службе врачом в Пермском имении графини С. В. Строгановой в течение 3,5 лет (1820–1823 гг.). В предварительной переписке с управляющим он особо оговорил условие – не лишать его жалования во время ежегодного трехмесячного отпуска: из-за малого достатка и «больших издержек на далекую поездку на родину» для семейного человека – в город Фридрихсгам в Финляндии (впоследствии Ф. П. Ламони принял российское подданство). Тот обещал это честным словом, без включения отдельного положения в контракт[1].

По условиям контракта Ф. П. Ламони получал годовое жалование в три тыс. руб. ассигнациями, квартиру в госпитальном комплексе с отоплением и освещением, денщика, экипаж с парой лошадей и кучером. В 1825 г. с ним было подписано дополнительное соглашение на обучение 10 мальчиков с оплатой в тысячу руб. в год. В течение четырех лет их требовалось подготовить по программе фельдшерской школы для занятия должности лекарских учеников. Мальчиков было предписано отобрать из местного училища и заводских контор.

После 5,5 лет службы в Верх-Исетском округе Ф. П. Ламони в октябре 1829 г. вернулся на службу в Пермском имении Строгановых (на этот раз в баронскую ветвь этого рода)[2]. А через десять лет он вторично стал врачом Верх-Исетского горного округа и снова проработал здесь значительный срок (см. Приложение № 15).

На место Ф. П. Ламони сразу же был нанят П. И. Вагнер, который начал службу в регионе в госпиталях казенных заводов: в Богословском и Екатеринбургском округах. Проработав определенный законом срок, он получил разрешение Уральского горного правления на переход Верх-Исетский округ.

Условия контракта (должностные положения, жалование, натуральные добавки) Вагнера от 22 октября 1829 г. были идентичны с заключенным ранее с Ф. П. Ламони. Единственным новшеством было появление пункта о «всевозмож-

---

[1] ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 1356. Л. 13–14; 32–32об., 46.
[2] Там же. Л. 10–12об., 36–43.

ном попечении» к прививанию натуральной оспы работникам Верх-Исетского округа[1].

В Пермском имении Голицыных получивший вольную лекарский ученик Г. Д. Богданов в 1815 г. сдал экзамены и получил свидетельство на право ведения врачебной деятельности. Он прослужил в этом горнозаводском хозяйстве до самой смерти в 1841 году. В 1832 г. здесь появился и второй врач – иностранный лекарь Ф. Э. Герман, которого через пять лет сменил К. Мичерлих[2].

Удалось решить проблему постоянного аттестованного врача и в Пермском имении Лазаревых. В 1826–1827 гг. здесь служил уроженец Вестфальского княжества Гагеман, принявший российское подданство и «переиначенный» в Евстафия Федоровича. Ему полагалось денежное жалование в 2,5 тыс. руб. ассигнациями (со второго года – три тысячи) и бесплатные «натуральные надбавки»: господская квартира (2–3 комнаты) с прислугой (кухарка и кучер), отоплением, экипажем.

Е. Ф. Гагеман предоставил свидетельства о работе в трех военных госпиталях, где он сдал экзамены на хирурга. Но он так и не смог получить необходимого для ведения врачебной практики свидетельства ни в Московской медико-хирургической академии, ни Казанском университете, конфликтовал с приказчиками Чермозской конторы, и в 1827 г. был отрешен от должности.

После публикации в газетах о найме нового врача в Пермское имение Лазаревых в их столичную контору «являлись многие претенденты». Но они требовали годовое жалование от 6 до 10 тыс. рублей[3]. В результате ей удалось нанять врача на прежних условиях. Им стал местный штаб-лекарь В. П. Чеботарев, прослужившего здесь до 1835 года[4].

В 1829 г. после длительного перерыва аттестованный врач появился и в Пермском имении Всеволожских. Штаб-лекарь В. С. Покровский прослужил здесь до 1831 года. По заключенному контракту ему определялось годовое жалование в 2,5

---

[1] ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 1356. Л. 65–66, 77–78.
[2] РГИА. Ф. 44. Оп. 1. Д. 534. Л. 22–23; ОПИ ГИМ. Ф. 14. Оп. 1. Д. 550. Л. 215–218об.
[3] РГАДА. Ф. 1252. Оп. 1. Д. 1796. Л. 508–508об.
[4] См.: Черноухов Э. А. Медицинские заведения Пермского имения Лазаревых. С. 91–93.

тыс. руб., господский дом с прислугой из двух человек, экипаж для выездов[1]. В 1832 г. Всеволожские заключили контракт на аналогичных условиях с бывшим оханским уездным врачом П. П. Петровым[2].

В целом в 1820-х – первой половине 1830-х гг. в крупнейших частных горнозаводских хозяйствах Урала постоянно служили аттестованные врачи. Практически сразу после увольнения прежнего заключался контракт с новым специалистом. Многие из них перешли с казенных заводов, отработав там установленный законодательством срок.

Это объяснялось привлекательными материальными условиями службы в крупных частных горнозаводских хозяйствах Урала. В заключенных контрактах врачам было определено годовое жалование в среднем в 2,5–3 тыс. руб. ассигнациями. К нему полагались существенные натуральные «надбавки»: господский дом или квартира с отоплением и освещением, экипаж для выездов, прислуга из одного-двух человек. Семейным специалистам с детьми обычно добавлялось и сено для коров.

В небольших частных округах жалование врачей было несколько меньшим, как и дополнительные «надбавки». В тоже время медицинский инспектор Уральского горного правления М. Г. Вульф в 1835 г. отмечал, что на частных горных заводах Пермской губернии 2–2,5 тыс. руб. составляет «самый меньший оклад» аттестованному врачу[3].

Такое содержание значительно превышало жалование врачей в казенных горных округах региона. Существенно меньше получали и специалисты в медицинских заведениях ведения Приказа общественного призрения. Так, в 1833 г. в Пермской губернской больнице врачи имели оклад всего в 600 руб.[4]

---

[1] ГАПК. Ф. 176. Оп. 1. Д. 511. Л. 20–23об., 35, 53.
[2] ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 1151. Л. 56–57; ГАПК. Ф. 176. Оп. 1. Д. 511. Л. 69–72.
[3] ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 1151. Л. 43–43об. Сам медицинский инспектор Уральского горного правления по штатам 1838 г. имел годовое жалование в 3000 руб.
[4] См.: Пономарев А. Я. Материалы для истории богоугодных заведений города Перми и Пермской губернии // Сборник Пермского земства. 1877. Кн. 5. Ч. 2. С. 90. Правда, в губернском центре было значительно больше возможностей для выгодной для врачей в материальном плане частной практики.

Сложившиеся материально более выгодные условия службы медиков в частных горнозаводских хозяйствах Урала способствовали переходу на нее уездных врачей (в начале XIX в. отмечался обратный процесс) и врачей с казенных заводов региона после обязательной отработки. Вместе с тем их положение здесь было существенно менее предсказуемым и спокойным, чем в казенных округах.

Во-первых, на протяжении всей первой половины XIX в. во многих частных горнозаводских хозяйствах Урала регулярно происходили конфликты местных заводоуправлений (контор) с наемными врачами. Основной причиной противостояния обычно было распоряжение хозяйственной частью госпиталей и аптек: врачи выражали недовольство традиционным произволом приказчиков в этой сфере.

Достаточно частым явлением было и острое противостояние врачей с крепостными лекарскими учениками (иногда доходившее и до рукоприкладства). Последние зачастую находились в родственных или свойственных связях с приказчиками, которые естественно их и поддерживали. В результате, из-за различных конфликтов оставили службу В. Бейтель, А. Бордье, И. Е. Ковалевский в Нижнетагильском округе, М. Г. Вульф в Верх-Исетском, В. П. Чеботарев у Лазаревых, В. С. Покровский у Всеволожских.

Во-вторых, материально более выгодная служба врачей в частных хозяйствах нередко оборачивалась социальной незащищенностью их семей. Проект Горного Положения 1806 г. предоставлял им права государственной службы, но для большинства это касалось только чинопроизводства. Право на пенсию по выслуге лет получали только врачи на тех частных заводах, где имелись «казенные люди».

В результате судьба ряда семей врачей оказалась крайне тяжелой. Вдова доктора медицины Х. Р. Лейхтфельда, служившего в 1824–1850 гг. в Пермском имении Строгановых (графская ветвь), осталась с шестью малолетними детьми от 1 до 16 лет. Ей было отказано в пенсии, т.к. в этом имении не было «казенных людей»[1].

---

[1] РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 494. Л. 10–11.

Штаб-лекарь А. С. Бронзов, во время службы в Пермском имении Лазаревых в 1845–1847 гг. сошел с ума. Лечение в московских больницах оказалось безуспешным. Жене, с четырьмя малолетними детьми от 7 до 13 лет, было отказано в пенсии, так как у А. С. Бронзова было всего 9 лет стажа казенной службы[1].

В-третьих, количество потенциальных мест службы для аттестованных врачей в частных горнозаводских хозяйствах Урала оставалось ограниченным. Постоянных врачей стремились иметь только владельцы самых крупных из них. Остальные длительный период времени считали это излишним. В результате В. С. Чеботарев, оставивший службу у Лазаревых до завершения срока контракта, в 1835–1836 гг. вынужденно был «кандидатом» Уральского горного правления без производства жалования.

В целом к началу 1830-х гг. состояние медицинской сферы в большинстве крупных и финансово устойчивых частных горнозаводских хозяйств Урала принципиально улучшилось. В их центрах были построены капитальные госпитали, в основном каменные, в которых постоянно служили аттестованные врачи. В тоже время состояние медицинской сферы других частных горнозаводских хозяйствах, в том числе ряде обширных (Алапаевский, Суксунский округа), продолжало не соответствовать требованиям горного законодательства. Это не устраивало центральные и региональные власти, которые прибегли к новым мерам принуждения по отношению к заводовладельцам.

Ключевую роль играл М. Г. Вульф, в 1831 г. назначенный медицинским инспектором по частным заводам Уральского горного правления[2]. Он хорошо представлял состояние вверенной ему сферы, т.к. служил здесь с 1820 г.: сначала на казенных (Златоустовский округ), затем на частных (Верх-Исетские и Кыштымские) заводах, имел степень доктора медицины[3]. М. Г. Вульф пользовался посто-

---

[1] РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 369. Л. 1–44.

[2] Врач при берг-инспекторе, затем Пермском (с 1830 г. – Уральском) горном правлении, осуществлявший надзорные функции по отношению к частным заводам, был уже с 1806 года. Эту должность и занял М. Г. Вульф в 1828 году. А в 1831 г. он был определен медицинским инспектором по частным заводам Уральского горного правления с более широким кругом полномочий (РГИА. Ф. 44. Оп. 1. Д. 369. Л. 10–10об.).

[3] Его формулярный список см.: РГИА. Ф. 44. Оп. 1. Д. 369. Л. 1–10об.

янной поддержкой главных начальников уральских горных заводов, особенно В. А. Глинки.

В 1830–1840-х гг. медицинский инспектор по частным заводам проводил регулярные ревизии подведомственных ему заведений, настойчиво требовал исправления выявленных недочетов. Некоторые заводовладельцы, особенно те, в чьих хозяйствах не было непременных работников, даже выразили недовольство подобной практикой.

Тогда в 1831 г. Уральское горное правление разослало им специальное разъяснение о том, что «должность Вульфа была введена в соответствии со статьями 694 и 719 действующего Проекта Горного положения 1806 года». Поэтому всем заводоуправлениям и конторам предписывалось выполнять «законные требования» медицинского инспектора[1].

В Уставе горном, принятом в 1832 г., вновь четко определялось, что правила об устройстве врачебной части «распространяются и на частные заводы, имеющие пособия от казны, и частные заводы, состоящие на помещичьем праве»[2]. Эта важная норма содержалась и в его следующих редакциях.

В августе 1832 г. М. Г. Вульф составил обстоятельный отчет о состоянии подведомственных заведений в Пермской и Вятской губерниях. Ему понравилась организация медицинской части только в пяти частных горнозаводских хозяйствах региона: Нижнетагильском и Кыштымском округах, Пермских имениях Лазаревых и Строгановых (и баронская, и графская ветви). Там действовали обширные госпитали, оснащенные необходимым количеством инструментов, белья, посуды и др. В центрах этих хозяйств служили квалифицированные врачи[3].

Особой похвалы удостоился Нижнетагильский округ Демидовых. М. Г. Вульф отметил в отчете, что «был удивлен, встретив там такое совершенство и даже великолепие, которое целый Урал не может показать в сем отношении (медицинской части – Э. Ч.) достойное сравнение». Он особо выделил службу здесь сразу двух врачей и аттестованного аптекаря, чего в тот период не было ни в одном

---

[1] ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 1942. Л. 51–51об.
[2] Свод учреждений и уставов горного управления. С. 954.
[3] См.: РГАДА. Ф. 1267. Оп. 8. Д. 263. Л. 62–80.

другом частном горнозаводском хозяйстве Урала. В завершение М. Г. Вульф констатировал, что медицинская сфера в Нижнетагильском и Нижнесалдинском заводах – «не одно наружное исполнение воли Правительства или желание выказаться перед приезжающими, а истинное человеколюбие». Он подчеркнул заслуги в ее прекрасной организации владельцев и управляющих округа, а также врачей О. И. Нехведовича и Е. И. Ковалевского[1].

В том же отчете М. Г. Вульф подверг критике состояние медицинской сферы во многих частных горнозаводских хозяйств Урала, особенно резкой по всем заводам Вятской губернии (где тогда не было ни одного постоянного врача), а также в Юговском и Суксунском округах. Во все из них были отправлены Уставы военных госпиталей, как основа нормативной базы для организации и деятельности подобных заведений при горных заводах.

В 1835 г. М. Г. Вульф предпринял обширную ревизию медицинской сферы всех 23 частных горных заводов Оренбургской губернии[2]. Он осмотрел 12 имевшихся больниц, где было 129 постоянных кроватей, и служили всего четыре врача. М. Г. Вульф оценил реальное состояние большинства этих медицинских заведений как плачевное. По результатам ревизии заводовладельцам были отправлены обширные предписания о необходимости исправления выявленных недостатков[3].

В 1837 г. М. Г. Вульф предпринял новую ревизию медицинской сферы в 22 частных горнозаводских округах Урала. Отчет по ее итогам даже был размножен в печатном виде и направлен во все заводские конторы. Полученные в ходе этой ревизии результаты оказались противоречивыми. С одной стороны, М. Г. Вульф констатировал тенденцию улучшения в этой сфере после «назначения инспекции» (т.е. введения своей должности). Он похвалил ее организацию уже в десяти горнозаводских хозяйствах, отметил появление во всех частных округах Урала аттестованных врачей. Последнее во многом объяснялось неуклонным ростом их чис-

---

[1] РГАДА. Ф. 1267. Оп. 8. Д. 263. Л. 63об.–64об.
[2] Для этого ему пришлось проехать 2 930 верст (ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 1151. Л. 49–51об.).
[3] См.: Мударисов Р. З. Указ. соч. С. 121–125.

ленности в России. В 1837 г. в империи насчитывалось уже 6768 врачей[1], т.е в 4,5 раза больше, чем в 1808 г.

С другой стороны, М. Г. Вульф констатировал сохранения серьезных проблем в целом ряде хозяйств. Состояние 14 из 39 осмотренных госпиталей было оценено как неудовлетворительное. Часть из них (Холуницкий, Уткинский, Камбарский) даже фактически не принимали больных для лечения. М. Г. Вульф вновь обратил внимание заводовладельцев на необходимость единообразия в организации медицинской сферы по нормам, установленным в Военно-госпитальном Уставе[2].

В целом в течение двух десятилетий М. Г. Вульф методично добивался от владельцев частных горных заводов неуклонного выполнения требований горного законодательства. Особое внимание уделялось созданию и обустройству госпиталей со штатным числом кроватей, наличию в них необходимого количества соответствующих принадлежностей (белья, посуды и др.), причем строго определенных форм, размеров и т.п., постоянного наличия аттестованных врачей, подчинению им всего медицинского персонала.

Но реализации целого ряда требований М. Г. Вульфа во многом препятствовало типичное для всего российского законодательства положение: неопределенность его норм, в том числе в медицинской сфере. Это закономерно порождало постоянные «конфликты интересов», с длительной перепиской.

При этом главный начальник и Уральское горное правление всегда поддерживали инициативы М. Г. Вульфа. Они оформлялись в соответствующие распоряжения, рассылаемые для исполнения заводским исправникам. После этого некоторые недовольные заводовладельцы жаловались в вышестоящие органы на несоответствие этих подзаконных актов действующему законодательству. Это вело к новому витку ведомственной переписки.

В результате несколько компромиссных решений по возникшим спорным вопросам вынес министр финансов Е. Ф. Канкрин. Причем он сам во многом придерживался патерналистских взглядов. Так, по мнению Е. Ф. Канкрина, «целью

---

[1] Ханыков Я. Очерк истории медицинской полициии в России. СПб., 1851. С. 86. В 1846 г. имелось уже 8726 врачей, в том числе треть служили по военному ведомству.
[2] ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 4573. Л. 1–5.

государственного управления должно быть общее, хоть и среднее, благосостояние большей части общества»[1].

Первый известный нам острый «конфликт интересов» начался в 1833 г. По инициативе М. Г. Вульфа Уральское горное правление приняло решение об утверждении им планов (с чертежами) новых госпиталей в частных хозяйствах. Для экспертизы этих документов привлекался его архитектор. Владелец Белорецких заводов А. Пашков подал жалобу на это нововведение в Департамент горных и соляных дел Министерства финансов. В ней он указывал, что вышеназванный орган не имеет право вмешиваться во «внутреннее хозяйственное управление» частных имений, тем более «по строениям, на которые не выделяются никакие казенные пособия». Но министр финансов Е. Ф. Канкрин утвердил решение Уральского горного правления, сославшись на то, что подобная практика утверждения планов и чертежей уже существовала для военных госпиталей и на казенных заводах[2].

Еще одной перманентной причиной для конфликтов М. Г. Вульфа с заводовладельцами была сфера компетенции врачей, их взаимоотношений с заводоуправлениями (конторами). В крупных частных округах Урала в их ведение была передана вся хозяйственная часть по госпиталям. Но в большинстве остальных медицинские заведения находились под мелочным контролем управляющих и контор.

М. Г. Вульф предложил подчинить лекарских учеников непосредственно врачам во всех горнозаводских округах региона. В госпиталях предписывалось завести «штрафные книги», для фиксации налагаемых взысканий на средний и младший медицинский персонал.

Это новшество вызвало обширную жалобу владельца Верхоторского завода И. В. Пашкова министру финансов. В ней он обвинил М. Г. Вульфа в ущемлении прав частных владельцев и даже заявил об опасности его распоряжений для «спокойствия в крае». Е. Ф. Канкрин утвердил компромиссное решение: согласился на

---

[1] См.: Управленческая элита Российской империи. История министерств. М., 2008. С. 329.
[2] РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 244. Л. 1–11.

введение штрафных книг, но поддержал исключительное право местных контор на заведывание госпиталями в хозяйственном отношении[1].

В 1840 г. деятельность М. Г. Вульфа подверг резкой критике И. О. Сухозанет, управлявший Юрюзанскими заводами. В записке, поданной министру финансов Е. Ф. Канкрину, он крайне негативно оценил стремление горных властей активно вмешиваться во внутренние дела частных округов, в том числе их медицинскую сферу. «Можно ли не вопиять, когда Медицинский чиновник или Заводской исправник не только вмешивается, но топчет в грязи распоряжения Заводовладельца» – возмущался И. О. Сухозанет[2].

Но это противодействие заводовладельцев не остановило М. Г. Вульфа. В 1842 г. он добился принятия решения о введении единой отчетной документации по медицинским заведениям на всех горных заводах Урала. В частные хозяйства были отправлены составленные им шесть форм (образцов). Против этого новшества вновь выступил И. В. Пашков, заявивший о необходимости ведения всего одной учетной «книги» по госпиталю[3].

В целом медицинский инспектор частных заводов Уральского горного правления М. Г. Вульф оказывал постоянное давление на заводовладельцев по целому ряду направлений. Его деятельность четко вписывалась в политику насаждения (и/или утверждения) патерналистских отношений на уральских частных заводах в рассматриваемый период времени.

М. Г. Вульф пользовался поддержкой главного начальника уральских горных заводов В. А. Глинки. В 1848 г. тот отмечал, что добился награждения медицинского инспектора, прослужившего на этой должности 20 лет орденом Анны третьей степени[4]. В том же году М. Г. Вульф умер во время эпидемии холеры[5].

Новый медицинский инспектор Уральского горного правления К. А. Тиме продолжил политику своего предшественника. Этот выпускник Лейпцигского

---

[1] РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 244. Л. 57–58, 78–80.
[2] Цит. по: Шкерин В. А. Генерал Глинка. С. 204.
[3] ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 2445. Л. 1–14, 46–46об.
[4] Там же. Ф. 43. Оп. 1. Д. 103. Л. 62об.
[5] Город Екатеринбург. Сборник историко-статистических и справочных сведений по городу. Екатеринбург, 1889. С. 38–39.

университета, имевший степень доктора медицины, также был хорошо знаком с подведомственной сферой. До своего назначения на эту должность он 20 лет прослужил врачом, а затем медицинским инспектором Златоустовского округа[1].

К. А. Тиме также регулярно осматривал заводские госпитали региона[2]. Его отчеты зафиксировали примерно такое же положение медицинской сферы на частных горных заводах, как и период инспекторства М. Г. Вульфа. К. А. Тиме традиционно позитивно оценивал ее состояние в крупных хозяйствах, чьи владельцы имели ярко выраженные патерналистские взгляды: Нижнетагильском и Верх-Исетском округах, Пермских имениях Лазаревых и Строгановых. По госпиталям в большинстве небольших заводов также перманентно высказывались серьезные замечания: многие из них были ветхими и тесными, не имели необходимых инструментов, белья и посуды[3]. Их владельцам регулярно отправлялись предписания по исправлению выявленных недостатков.

Среди позитивных тенденций в развитии медицинской сферы на частных горных заводах Урала в 1830–1850-х гг. выделим строительство новых зданий для госпиталей во многих хозяйствах. В целом ряде из них они появились во всех значительных заводских поселках.

Особо отметим Нижнетагильский округ Демидовых. После обустройства главного госпиталя здесь началось создание медицинских заведений, предназначенных для стационарного лечения, и в других заводских поселках. В 1827–1829 гг. был построен госпиталь при Нижнесалдинском[4], в 1830-х гг. – при Висимоуткинском, Верхнесалдинском и Черноисточенском, в 1840-х гг. – Лайском и Висимошайтанском заводах[5].

---

[1] ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 527. Л. 242.

[2] Для этого он также совершал длительные поездки. Во время ревизий 1853 и 1859 г., продолжавшихся по два месяца, К. А. Тиме проехал соответственно 3047 и 2189 верст (ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 5247. Л. 8–9об.; Оп. 32. Д. 2715. Л. 6–7об.).

[3] См.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 5247. Л. 4–7об.; Оп. 32. Д. 867. Л. 4–7; Д. 2715. Л. 9–14об.

[4] РГАДА. Ф. 1267. Оп. 3. Д. 383. Л. 18; РГИА. Ф. 1287. Оп. 20. Д. 84. Л. 333–334.

[5] Клат С. А. Выйско-Никольская церковь. С. 17; РГАДА. Ф. 1267. Оп. 3. Д. 412. Л. 79; РГИА. Ф. 1287. Оп. 20. Д. 84. Л. 333–334; ГАСО. Ф. 643. Оп. 2. Д. 141. Л. 8–9.

Всего к 1845 г. в Нижнетагильском округе было семь госпиталей: три каменных на 140 кроватей и четыре деревянных на 142 кровати[1]. Такой обширной сети в тот период времени не имел ни одно другое частное горнозаводское хозяйство Урала. Госпиталь имелся практически в каждом заводском поселке (учитывая, что часть из них находилась в непосредственной близости друг от друга, фактически «слились обывательскими строениями»). В отчетах медицинских инспекторов медицинская часть в Нижнетагильском округе традиционно отмечалась как образцовая.

Продолжали расширять сеть своих медицинских заведений, а также заменять деревянные постройки каменными, в Пермских хозяйствах Строгановых (и баронская, и графская ветви). В 1830-х гг. были построены новые госпитали в Очерском заводе и центре Инвенского округа – селе Кудымкар (в том числе использовавшийся для работников соседних заводов). Стоимость последнего, рассчитанного на 25 кроватей, была оценена в 9674 рубля[2]. В тот период времени центральные госпитали этих владельцев (Новоусольский и Ильинский) медицинский инспектор М. Г. Вульф считал лучшими на Урале после Нижнетагильского.

В Пермском имении Лазаревых было создано четыре госпиталя при трех главных заводах и соляных промыслах. В центральном медицинском заведении (Чёрмозском) некоторое время не хватало площадей для ряда вспомогательных помещений. Но в 1840-х гг., после надстройки второго этажа, этот госпиталь стал одним из крупнейших на горнозаводском Урале. Он состоял из семи отделений (включая женское и детское) и был рассчитан на 100 кроватей[3].

В 1830–1840-х гг. в остальных заводских поселках имения, как ранее в Чёрмозском, также были построены каменные здания для госпиталей с отдельными флигелями или палатами для аптеки. Заводовладельцы оценили их как «чрезмерно обширные» и предписали использовать часть помещений для других нужд[4]. На

---

[1] ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 891. Л. 24. Вскоре количество кроватей несколько сократили.
[2] Мальцева О. А. Указ. соч. С. 35.
[3] Шестова Т. Ю. Здравоохранение Урала… С. 164.
[4] Новокрещенных Н. Н. Указ. соч. С. 110; ГАПК. Ф. 280. Оп. 1. Д. 693. Л. 339–340, 425–427.

второй этаж здания Полазнинского госпиталя[1] был перемещен детский приют, после чего число его кроватей сократилось с 40 до 25.

После завершения строительства обширных госпиталей в Пермском имении Лазаревых в контрактах с аттестованными врачами появилось новое положение. По нему в собственных домах теперь могли лечиться только служители, занимающие высшие должности, а также женщины и дети, вплоть до учреждения для них в Чёрмозском госпитале специального отделения[2]. Однако это важное новшество в полном объеме не было реализовано на практике, из-за традиционного стремления местного населения лечиться на дому.

Общие расходы на содержание трех заводских госпиталей в Пермском имении Голицыных в 1836–1838 гг. достигали 20 тыс. руб.[3] К сожалению, сохранившиеся материалы не содержат сводных цифр за последующие годы. Ежегодные отчеты заводских исправников 1840–1850-х гг. фиксируют стабильное количество кроватей в заводских госпиталях Пермского имения Голицыных: 40–50 – в Нытвенском; 33 – в Архангело-Пашийском, 20 – в Кусье-Александровском[4].

В 1830-х гг. в Пермском имении Всеволожских были созданы еще два госпиталя: при Кизеловских рудниках и Никитинском заводе[5]. Однако их состояние, из-за хронического недостатка выделяемых средств, не соответствовало предъявляемым требованиям. В 1832 г. М. Г. Вульф отмечал плохое обустройство этих заведений. В 1835 г. он вновь констатировал, что госпиталя имения найдены им «в том же жалком состоянии», как и в предшествующем году. По его инициативе Уральское горное правление даже пригрозило «наложить значительные пени» на руководство имения[6].

Похожее положение было и на Всеволодоблагодатских золотых промыслах Всеволожских, расположенных в 200 км от заводов. Здесь в начале 1840-х гг. бы-

---

[1] В нем до сих пор располагается медицинское учреждение – туберкулезный санаторий (см.: Путилова Н. Н. Полазна. Большая история малого поселка. Пермь, 2001. С. 82).
[2] ГАПК. Ф. 280. Оп. 1. Д. 422. Л. 49об.
[3] Подсчитано автором по: ОПИ ГИМ. Ф. 14. Оп. 1. Д. 700 (Нытвенский завод), 774 (Кусье-Александровский), 847 (Архангело-Пашийский).
[4] ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 280, 320; Оп. 2. Д. 1317, 1691, 1836, 1920.
[5] ГАПК. Ф. 176. Оп. 1. Д. 511. Л. 69–72; ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 1151. Л. 56–57.
[6] ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 7257. Л. 17–18.

ло два небольших госпиталя, размещавшихся в ветхих зданиях. Ими заведовали по два лекарских ученика. Обстановка в них была самая убогая: в частности, белье имело черный или грязно-серый цвет, из-за полного отсутствия на промыслах мыла[1].

В начале 1830-х гг. серьезные финансовые трудности наблюдались и в Сергинско-Уфалейском хозяйстве Губиных. Но все-таки здесь были созданы новые больницы при Нижнесергинском и Верхнеуфалейском заводах[2].

На частных горных заводах Оренбургской губернии также существенно выросла численность госпиталей, а также их размеры. В отчетах заводских исправников в Уральское горное правление 1840–1850-х гг. указывалось, что большинство из них имеют от 15 до 30 кроватей, размещенных в 3–5 палатах[3].

Приведем сводные данные по количеству госпиталей при частных горных заводах Урала накануне отмены крепостного права. К сожалению, ни в одном из известных нам источников не содержится сведений по всем округам региона. Самые полные данные о медицинских заведениях имеются в архивном деле, содержащем отчеты заводских исправников за 1854 г. Но и в нем отсутствуют материалы по нескольким округам, сведения по которым взяты из подобных отчетов за «соседние» годы.

По нашим подсчетам, на горнозаводском Урале в середине 1850-х гг. действовало не менее 70 госпиталей[4]. В них насчитывалось более 1700 кроватей (часть из них предназначалась для крестьянского населения горнозаводских имений)[5]. В результате более половины действовавших горных заводов региона имели медицинские заведения, предназначенные для стационарного лечения. Учитывая значительное количество вспомогательных предприятий, расположенных в непосредственной близости от остальных, можно констатировать наличие госпиталей

---

[1] ГАСО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 1736. Л. 127–130, 316–318.
[2] РГАДА. Ф. 1267. Оп. 8. Д. 263. Л. 74.
[3] РГИА. Ф. 1287. Оп. 20. Д. 84; Л. 279–283; ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 280, 320; Оп. 2. Д. 1691.
[4] В том числе в селах (Ильинское и Усолье), являвшихся центрами горнозаводских хозяйств, а также Крестовоздвиженских промыслах и Кизеловских рудниках.
[5] Подсчитано автором по: РГИА. Ф. 1287. Оп. 20. Д. 84. Л. 77–80, 279–283, 320–334. Выражаю благодарность Л. А. Дашкевич за указание на этот источник.

в большинстве частных горнозаводских поселков Урала накануне отмены крепостного права.

На общем фон выделялись обширные каменные госпитали в центрах крупнейших округов – Нижнетагильский, Чёрмозский, Кыштымский, Невьянский, Усольский Строгановых. Особо отметим появление в ряде медицинских заведений при частных горных заводах женских палат. Так, в Невьянском госпитале для женщин было выделено три кровати[1]. Эта практика постепенно меняла менталитет местного населения. Неудивительно, что впоследствии Екатеринбургское земство открыло первый родильный приют именно в поселке Невьянского завода – на базе заводского госпиталя.

Следует отметить, что в крупных частных горнозаводских хозяйствах Урала в первой половине XIX в. появился и достаточно успешно развивался ряд новых направлений медицинской помощи и профилактики заболеваний: оспопрививание, акушерское дело, гирудотерапия[2]. Это также способствовало процессу медикализации.

Судя по отчетам К. А. Тиме, и в конце 1850-х гг. устройство госпиталей не соответствовало требованиям законодательства не менее чем в половине всех частных хозяйств. Особенно плачевным оно было в большинстве небольших заводов Оренбургской и Вятской губерний. Их госпитали продолжали ютиться в ветхих и тесных помещениях, в них не хватало самых необходимых принадлежностей.

Еще одной застарелой проблемой было отсутствие постоянных аттестованных врачей во многих небольших округах частных хозяйствах Урала. Поэтому в 1830-х гг. М. Г. Вульф оказывал постоянное давление на заводовладельцев, принуждая их иметь квалифицированных медицинских специалистов.

С 1835 г. он добивался права принудительного командирования врачей на частные заводы с двойной оплатой (в сравнении со штатами казенных округов) из

---

[1] ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 7318. Л. 190.

[2] См.: Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура Нижнетагильского. С. 76–86; Черноухов Э. А. Нижнетагильский Дуремар. С. 127–128. Черноухов Э. А. Оспопрививание в частных горнозаводских округах Урала в первой половине XIX в. // Урал индустриальный: Бакунинские чтения: материалы Десятой юбилейной всероссийской научной конференции. Екатеринбург, 2011. Т. 1. С. 366–370.

средств их владельцев. В тот период времени на горнозаводском Урале уже существовала практика, когда казенный врач выезжал в частное хозяйство по просьбе его владельца, а тот оплачивал расходы в двойном размере. Министр финансов не одобрил эту инициативу, заявив, что это положение горного законодательства о принудительном командировании не распространяется на медицинских чиновников[1]. То есть в частные хозяйства можно было направлять казенных врачей только по соглашению с владельцами или конторами.

Уральское горное правление продолжало оказывать давление на заводовладельцев по найму аттестованных медиков[2]. В 1836 г. в Невьянский округ был командирован врач с казенных заводов А. С. Лакисов для «устройства медицинской части»[3]. По оценке М. Г. Вульфа, ему уже через год удалось образцово организовать работу госпиталя и аптеки в центральном поселке этого частного хозяйства, а также начать обустройство медицинских заведений в Петрокаменском и Быньговском заводах. В 1837 г. в частных горнозаводских хозяйствах Урала появилось еще, как минимум, два командированных врача: Орефьев в Бемышевском и Плавский в Мешинском[4].

М. Г. Вульфу все-таки удалось добиться законодательного оформления компромиссного решения по принудительному определению врачей. 29 ноября 1838 г. были ужесточены меры «по устройству в заводах врачебной части и общественного призрения». Высочайше утвержденное Положение Кабинета министров от 7 февраля 1839 г. разрешало командирование медиков Уральского горного правления в те частные округа, владельцы которых «оставляли население без медицинского пособия». Заводчики должны были оплачивать работу врачей, не менее того содержания, которое получали их коллеги в соседних частных хозяйствах[5].

---

[1] ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 257. Л. 14–17, 24–25.

[2] Как уже отмечалось, первый известный нам случай командирования врачей с казенных заводов на частные для организации медицинской части относится еще к 1826 г.: М. А. Нечаев был направлен в Невьянский округ.

[3] ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 2300. Л. 4.

[4] ГАОО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 9670. Л. 1; ГАСО. 24. Оп. 32. Д. 4573. Л. 2об.

[5] Неклюдов Е. Г. Уральские заводчики в первой половине XIX в.: владельцы и владения: дис. … докт. ист. наук. С. 137.

Реализация этого положения на практике естественно встретило серьезное противодействие заводовладельцев. В 1839 г. М. Г. Вульф принудительно направил штаб-лекаря В. А. Кронгейма на Троицкие заводы Бенардаки. В ответ владельцы подали жалобу министру финансов. Е. Ф. Канкрин вновь не одобрил эту инициативу, заявив, что эта норма горного законодательства о принудительном командировании не распространяется на медицинских чиновников. Положение от 7 февраля 1839 г. допускало его только в случае, «когда сами заводчики будут желать этого»[1].

Вскоре В. А. Кронгейм был отозван с Троицких заводов в госпиталь Златоустовской оружейной фабрики. Уже в 1843 г. он был вновь, по инициативе М. Г. Вульфа, принудительно направлен в частное имение: в Всеволодоблагодатский завод (центр золотых промыслов Всеволожских). Несмотря на хронические задержки в выплате жалования, постоянные конфликты с местными должностными лицами и лекарскими учениками, В. А. Кронгейм прослужил здесь 10 лет[2] (см. Приложение № 15).

Его согласие на подобные направления (без заключения контракта), вызывавшие открытое противодействие местных контор, можно объяснить желанием получать большую плату за свой труд. В Златоустовском поселке, по штатному положению, он ежегодно получал две тыс. руб. ассигнациями, а у Всеволожских добился жалования в три тысячи. В Уральском горном правлении именно такую сумму посчитали средней оплатой врачей в соседних частных хозяйствах.

В 1850 г. Уральское горное правление принудительно направило в Нижнетагильский округ, оставшийся без аттестованного врача, штаб-лекаря И. П. Ильинского. Этот специалист, после 10-летней отработки в военных госпиталях, уже 16 лет служил на Урале – старшим врачом на Екатеринбургских казенных заводах, а также в Кыштымском округе.

Местное заводоуправление, недовольное подобной практикой, также первоначально отказывалось подписывать контракт с И. П. Ильинским. Оно заявляло о

---

[1] ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 50. Л. 113–114.
[2] Там же. Ф. 24. Оп. 32. Д. 4027.

самостоятельном найме врача в Санкт-Петербурге. Однако последний не прибыл в округ. По заключенному контракту И. П. Ильинский стал получать 1400 руб. серебром в год, готовую господскую квартиру и провиант[1].

Подобная практика командирования врачей в частные горнозаводские хозяйства Урала применялась и в дальнейшем. В 1852 г. в акционерное общество Юговских заводов был направлен Я. А. Мейер[2].

В целом в условиях планомерного давления горных властей и утверждения патерналистской идеологии уже с конца 1830-х гг. в частных округах Урала регулярно служило значительное количество аттестованных врачей. Их замена обычно происходила с минимальными перерывами. В небольших хозяйствах, в случае необходимости, приглашали медиков из соседних округов или близлежащих уездных городов.

Коллекция формулярных списков 1847 г. позволяет систематизировать основные черты биографий 32 врачей, служивших на частных горных заводах Урала. Это были еще весьма молодые люди: большинство (56%) – в возрасте 31–40 лет. Практически никто не имел ни родовых, ни приобретенных поместий. Самое большое количество врачей являлись выходцами из духовного сословия – 10 человек (31%). Происхождение остальных было самым различным. По 3–4 человека родились в семьях дворян, купцов, мещан, иностранцев, сирот, медиков, учителей. По вероисповеданию среди врачей преобладали православные – 24 человека (75%), также было семь протестантов и один католик. 21 врач (66%) имел семью, девять были холостяками, два – вдовцами.

Большинство врачей получили образование в Медико-хирургической академии, в том числе ее Московском отделении – 19 выпускников (60%), а также ближайшем к Уралу Казанском университете – 6 (23%). Иностранное заведение (Берлинский университет) окончил только В. А. Кронгейм. Половина (16 человек) имела звание штаб-лекаря, всего трое – доктора медицины[3].

---

[1] См.: Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура Нижнетагильского. С. 59–60.
[2] ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 1537. Л. 53об.
[3] Подсчитано автором по: РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 461; Ф. 44. Оп. 1. Д. 534.

Сходные данные о врачах содержит статистическое описание 1852 г. по 148 частным горным заводам и золотым промыслам Урала. Здесь служили 34 врача: 20 в Пермской губернии (на 97 заводах и 4 промыслах), 11 – в Оренбургской (на 23 заводах) и 3 – в Вятской (на 18 заводах). На шести горных заводах, расположенных в Вологодской, Казанской и Самарской губерниях, постоянных специалистов не было. Некоторые обширные хозяйства уже имели по два врача: Пермские имения Строгановых и Всеволожских, Алапаевский, Верх-Исетский и Нижнетагильский округа[1].

В 1857 г. количество врачей на частных горных заводах промыслам Урала осталась на том же уровне. Здесь также служили 34 аттестованных с высшим образованием[2].

Значительно сложнее было нанять аттестованного аптекаря. Они оставались редким явлением в частных горнозаводских хозяйствах Урала. Практически постоянно аптекари имелись только в двух крупнейших округах региона: Верх-Исетском и Нижнетагильском.

П. Н. Демидов в 1828 г. потребовал завести в Нижнетагильском поселке «хорошую» аптеку по образцу созданных на казенных заводах с лабораторией и аптекарем[3]. До этого в округе было только небольшое заведение с местными аптекарскими учениками. После здесь появились аттестованные аптекари. В Верх-Исетском округе они служили уже с 1822 г. (см. Приложение № 16). Жалование аттестованных аптекарей было немногим меньше, чем у врачей: в среднем 1,5–2 тыс. руб. ассигнациями[4].

По другим горнозаводским хозяйствам Урала имеются сведения только о трех таких специалистах, служивших в Пермском имении Всеволожских, Кыштымских и Невьянских заводах (см. Приложение № 16). В отчетах по остальным в

---

[1] Подсчитано автором по: РГАДА. Ф. 1267. Оп. 8. Д. 1708. Л. 1–28. С середины 1850-х гг. в Нижнетагильском округе было уже три врача.
[2] Подсчитано автором по: ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 1537. Л. 1–176об.
[3] ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 198. Л. 23.
[4] См.: Черноухов Э. А. Медицинский персонал Верх-Исетского. С. 616–617; Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура Нижнетагильского. С. 70–71.

лучшем случае сообщалось о наличии «фармацевтов», обученных практическим путем из местных крепостных.

Еще менее распространенным явлением в горнозаводских хозяйствах Урала были профессионально обученные «повивальные бабки» (акушерки). Единственные известные диссертанту сведения относятся к Пермскому имению Голицыных. Для службы в нем в 1836 г. был заключен контракт с Настасьей Семеновой, имевшей свидетельство Медико-хирургической академии[1], а в 1857 г. – с Елизаветой Понамаревой, окончившей Повивальный институт при Московском воспитательном доме. Им определялось значительное жалование в 800 руб. ассигнациями в год с готовой квартирой, провиантом и кухаркой[2].

В других частных горнозаводских хозяйствах Урала обязанность оказания акушерской помощи в сложных случаях традиционно закреплялось в контрактах с врачами. Им же нередко вменялась в обязанность обучение «повивальному искусству» определенных правлениями (конторами) местных крепостных женщин. В Нижнетагильском округе специально обученные повивальные бабки состояли в медицинском штате[3].

Следует отметить общность в родовспожении с Европой в горнозаводских хозяйствах Урала в тот период времени. Врачи, не смотря на зачастую уничижительные оценки акушерок, не предпринимали активных действий, чтобы оттеснить их от родовспомогательного дела. Это объяснялось незначительным количеством врачей, не могущих присутствовать на каждых родах, и бедностью большинства семей, не способных оплатить гонорар, подобавший медику с высшим образованием. Поэтому врачи хотели не заменить акушерок, а только контролировать и обучать их[4].

Перманентное расширение сети медицинских заведений в частных горнозаводских хозяйствах Урала в первой половине XIX в., закономерно обострили про-

---

[1] РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 1108. Л. 94–97.
[2] ОПИ ГИМ. Ф. 14. Оп. 1. Д. 700. Л. 214–214об.
[3] См.: Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура Нижнетагильского. С. 80–82.
[4] См.: Шлюмбом Ю. «Беременные находятся здесь для нужд учебного заведения». Родовспомогательная больница Гёттингенского университета в середине XVIII – начале XIX в. // Болезнь и здоровье: новые подходы к истории медицины. СПб., 2008. С. 84.

блему подготовки кадров среднего и младшего звена. Они, как отмечалось выше, зачастую выполняли и функции врачей. Так, в Нижнетагильском округе в конце 1850-х гг. действовало уже семь госпиталей с аптеками, где, кроме трех квалифицированных врачей, работало до 50 человек среднего и младшего медицинского персонала[1].

В большинстве горнозаводских хозяйств Урала кадры среднего и младшего медицинского персонала традиционно подбирались из числа местных крепостных жителей, преимущественно служителей. Обычно в медицинский «штат» отбирали воспитанников местных горнозаводских училищ, не показавших существенных успехов в обучении и не имевших влиятельных родственников.

В тоже время в некоторых частных округах (Нижнетагильский, Верх-Исетский) отбор воспитанников в медицинский «штат» производился уже в процессе обучения. Выбранных мальчиков специально готовили к будущей службе, в частности преподавали им латинский язык.

В служительской среде традиционно считалось более престижным распределение на службу по административной и технической части. Медицинские должности среднего и особенно низшего звена традиционно не пользовались уважением. Ведь их обладатели имели незначительное жалование, были связаны с определенным физическим трудом, а главное – они предоставляли мало возможностей для получения так называемых «дополнительных» доходов, извлекаемых местными служителями различными неправедными путями.

Н. Н. Демидов в 1825 г. писал обученному за границей старшему лекарскому ученику К. Синицыну: «У тебя должность преважная, но денежно невыгодная». И это притом, что тот, по личному распоряжению владельца округа, получал повышенное жалование на уровне приказчиков среднего звена. Но К. Синицын был, как обтекаемо выразился Н. Н. Демидов, «лишен многих других доходов»[2] (т.е. неправедных).

---

[1] ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 1321. Л. 64–72.
[2] РГАДА. Ф. 1267. Оп. 3. Д. 456. Л. 19–19об.

Подобные рассуждения владельца округа объясняются тем, что в России первой половины XIX в. определилась достаточно четкая грань между лихоимцем и мздоимцем. Первый вымогал деньги за то, что и так был обязан делать по должности. Мзда же была добровольным подношением и считалась справедливым вознаграждением за труды, быстрое решение дела. Такой доход зачастую не считался греховным. «Скверные прибытками» считались только «посулы» – незаконные подношения, стимулирующие к нарушению закона[1].

Жалование младшего медицинского персонала соответствовало уровню младшего служительского персонала (младших смотрителей, писцов и т.п.). В крупных частных горных округах Урала в первой половине XIX в. оно выросло в абсолютном выражении в среднем со 100 до 350 руб. Однако следует учитывать и существенные инфляционные процессы в тот период времени[2].

В первой половине XIX в. мальчики, распределенные для занятия медициной, обычно получали первоначальную профессиональную подготовку при местных госпиталях. Во всех выявленных контрактах для врачей отдельно прописывалась обязанность обучения медицинского персонала из местных крепостных жителей – лекарских и аптекарских учеников (иногда использовался и термин подлекари).

Для лучших из них в крупных горнозаводских хозяйствах (Нижнетагильский округ, Пермские имения Голицыных, Лазаревых[3], Строгановых) существовала возможность продолжения обучения. Таких воспитанников отправляли в медицинские заведения Екатеринбурга, Перми, Казани, Москвы и Санкт-Петербурга для совершенствования необходимых знаний и навыков.

Между вольными врачами и крепостным медицинским персоналом пролегала четкая грань. Получение лекарским учеником врачебного аттестата требовало сдачи соответствующих экзаменов на медицинском факультете с разрешения его владельца. Однако в этом случае последний мог лишиться своего воспитанника,

---

[1] См.: Писарькова Л. Ф. К истории взяток в России (по материалам «секретной канцелярии» кн. Голицыных первой половины XIX в.) // Отечественная история. 2002. № 5; Экштут С. Мзда не лихва // Родина. 2006. № 8.

[2] См.: Шестова Т. Ю. Здравоохранение Урала. С. 100–101.

[3] После известного дела о Чёрмозском «Обществе вольности» (1836–1837) Лазаревы прекратили обучение крепостных людей вне Урала.

так как получение высшего образования давало личную свободу. А после указа 1817 г. прием крепостных в высшие учебные заведения без предварительного предоставления вольной был запрещен. Поэтому лучшие отобранные крепостные лекарские ученики продолжали совершенствовать свои знания и навыки в столичных и губернских больницах, а иногда (К. Синицын и И. Шамарин у нижнетагильских Демидовых) и за границей[1].

Поэтому не всегда справедливо переносить социальный статус медика на его квалификационный уровень. Абсолютное большинство старших лекарских учеников не могли рассчитывать на получение вольной и высшее образование, поэтому, невзирая на возраст и заслуги, пределом их карьеры было звание старшего лекарского ученика[2].

Популярным местом подготовки медицинских кадров младшего и среднего звена для ряда частных горнозаводских хозяйств Урала была Голицынская больница в Москве. По мнению приказчиков Нижнетагильской конторы, обучение здесь крепостных мальчиков за 500 руб. в год с человека (на 1828 г.) было небольшой платой[3].

Квалификация лекарских учеников частных округов Урала не поддается однозначной оценке. Автор подробно проанализировал этот сюжет на примере Нижнетагильского округа[4]. Можно точно сказать, что не хватало именно высококвалифицированных лекарских и аптекарских учеников, способных самостоятельно заведовать небольшим приемным пунктом и аптечкой или оказывать первичную помощь на дому. Серьезные проблемы вызывало и поведение младшего медицинского персонала. Во многом это было следствием определения на эти должности малоуспешных учеников местных горнозаводских школ, что закономерно создавало многочисленные проблемы «качества» этой категории медицинского штата.

В выявленных источниках отложились материалы о многочисленных конфликтах врачей с подчиненными им учениками. Последние, пользуясь родствен-

---

[1] См.: Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура Нижнетагильского. С. 66–68.
[2] См.: Шестова Т. Ю. История здравоохранения. С. 62.
[3] РГАДА. Ф. 1267. Оп. 3. Д. 652. Л. 28об.
[4] См.: Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура Нижнетагильского. С. 72–74.

ными и иными связями с руководством заводоуправлений и контор (к тому же традиционно не любивших «посторонних» специалистов с высшим образованием) нередко игнорировали законные требования врачей.

Серьезной проблемой было пьянство, широко распространенное среди среднего и младшего медицинского персонала. Его также во многом покрывали местные конторы. Автор обстоятельно проанализировал этот сюжет на примере Нижнетагильского округа [1].

В целом после принятия Проекта горного положения 1806 г. состояние медицинской сферы частных горнозаводских хозяйств Урала находилось под постоянным контролем горных властей. Он осуществлялся берг-инспектором и находившимся при нем врачом, а с 1831 г. специальным медицинским инспектором Уральского горного правления. Недовольство части заводчиков этим контролем, особенно не имевших каких-либо посессий от казны, не встретило поддержки со стороны министра финансов.

В результате планомерного государственного давления, насаждения и/или утверждения патерналистских отношений, роста доходности с 1820-х гг. зафиксировано значительное улучшение материально-технической базы в медицинской сфере. Во всех крупных частных хозяйствах Урала в 1830–1840-х гг. были построены (или обустроены) обширные госпитали и аптеки в центральных поселках, в том числе каменные. При других заводах были созданы небольшие больницы. Они появились и в большинстве небольших горнозаводских хозяйств, владельцы которых ранее настойчиво уклонялись от выполнения требований законодательства в медицинской сфере.

Создание сети госпиталей и аптек стало одним из явных достижений в развитии горнозаводской промышленности в частных округах Урала в первой половине XIX века. Это высоко оценили уже компетентные современники. В одном из капитальных исследований справедливо отмечалось, что на других

---

[1] См.: Черноухов Э. А. Проблема пьянства крепостного медицинского персонала в Нижнетагильском горном округе в первой половине XIX в. // Страницы истории Урала. Вып. 51. Екатеринбург, 2009. С. 86–90.

промышленных предприятиях России медицинская помощь для рабочих в дореформенный период «встречалась как чрезвычайная редкость»[1].

К середине XIX в. необходимость финансирования медицинских заведений уже не вызывала особого недовольства со стороны большинства заводовладельцев Урала. Они лишь выступали против расточительности и чрезмерной ведомственной регламентации в этой сфере.

Но и к середине XIX в. устройство многих заведений медицинской сферы продолжало вызывать многочисленные нарекания соответствующих органов и должностных лиц. Это касалось, прежде всего, небольших горнозаводских хозяйств, а из крупных – Пермского имения Всеволожских, Сергинско-Уфалейского и Суксунского округов. Их владельцы, испытывавшие серьезные финансовые трудности, не выделяли необходимых средств для организации их эффективной деятельности. Здесь госпитали и аптеки продолжали размещаться в неприспособленных ветхих помещениях, им зачастую не выделялись средства для приобретения необходимых медикаментов, инструментов, сопутствующих вещей (белье, посуда и др.).

Проблема дефицита аттестованных врачей была успешно разрешена в частных горнозаводских округах Урала во второй четверти XIX в.: сначала в крупных, а затем и в большинстве хозяйств региона. К середине столетия практически во всех из них служили аттестованные врачи. В крупных хозяйствах было уже по два таких специалиста, а в Нижнетагильском Демидовых – три. В случае длительного отсутствия врача в округе Уральское горное правление командировало туда своего медика с казенных заводов.

Аттестованные аптекари оставались крайне редким явлением в частных горнозаводских имениях региона. Только два из них (Нижнетагильский и Верх-Исетский округа) с 1830-х гг. регулярно постоянно имели таких специалистов.

Большая часть среднего и младшего медицинского персонала также была подготовлена традиционным для того периода времени способом. Они получали общее начальное образование в местных горнозаводских училищах, а затем приоб-

---

[1] См.: Русская земская медицина / Е. А. Осипов, И. В. Попов, П. И. Куркин. М., 1899. С. 61.

ретали профессиональные навыки непосредственно в медицинских заведениях хозяйств, под руководством аттестованных врачей.

Поэтому проблема подготовки квалифицированного среднего и младшего медицинского персонала и в середине XIX в. была еще далека от разрешения. Особую остроту ей придавала традиционная самостоятельная врачебная практики лекарских учеников (фельдшеризм), против которой резко выступало большинство аттестованных врачей.

После отмены крепостного права горные власти потеряли ключевой фактор принуждения заводовладельцев к содержанию собственных госпиталей и аптек с квалифицированным персоналом. В новых нормативных актах отсутствовало четкое регулирование их организации и деятельности.

«Дополнительные правила о приписных к частным горным заводам людям ведомства министерства финансов» от 19 февраля 1861 г. устанавливали, что «могут (подчеркнуто нами – Э. Ч.) быть учреждены на частных заводах горнозаводские товарищества, с целью попечения о рабочих в болезни, старости и при домашних несчастьях, призрения вдов и сирот … и вообще мер для благосостояния полезных» (п. 11). В том случае, если горнозаводское товарищество не было учреждено, существующие больницы должны были содержаться заводовладельцами (п. 12–13)[1].

Но, согласно утвержденному 4 июня 1862 г. мнению Госсовета, теперь они обязывались бесплатно лечить, вплоть до выздоровления, только больных, получивших повреждения на производстве. С остальных работников и членов их семей в частных горнозаводских госпиталях можно было взимать плату по таксе, не выше установленной Приказом общественного призрения[2].

Такая неопределенность нормативной базы нашла отражение в уставных грамотах, утвержденных в частных горнозаводских хозяйствах Урала[3]. В них не бы-

---

[1] Свод законов Российской империи. Т. 7. Ст. 1459; Разъяснения см.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 2530. Л. 7–7об.

[2] Разъяснения см.: ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 865. Л. 9об.

[3] Проанализированные нами уставные грамоты селений при частных горных заводах Урала рассредоточены по целому ряду фондов нескольких архивов. Только незначительная их часть опубликована.

ло какого-либо единообразия по медицинской сфере. В некоторых грамотах закреплялось право бесплатного лечения в местных госпиталях только для всех работающих на производстве и членов их семей, других – только непосредственно работников (в том числе получивших отставку), а в большинстве – о медицинских заведениях просто ничего не говорилось. В этих актах никак не оговаривались и вопросы финансирования медицинской сферы при частных заводах. Только в нескольких грамотах на местные общества возлагалась обязанность присылать в существовавший госпиталь прислугу и сторожей[1].

По замыслу разработчиков реформы и после отмены крепостного права организация и деятельность медицинской заведений на частных заводах Урала во многом должна была оставаться предметом попечительской заботы владельцев, с перекладыванием части расходов на самих работников. В новой редакции горного законодательства не оговаривались какие-либо сроки замены натуральных повинностей заводовладельцев на денежные.

Сами владельцы частных горнозаводских предприятий Урала и их местные управления (конторы) осознавали невозможность радикального варианта преобразования имевшейся социальной инфраструктуры. Это требовало перекладывания практически всех расходов на горнозаводские товарищества или какие-либо иные организации местного населения, перспектива создания которых представлялась весьма туманной. Поэтому предполагался определенный переходный период, когда существенные суммы на заведения социальной инфраструктуры продолжали закладываться в накладные заводские расходы[2].

На частных предприятиях Урала горнозаводские товарищества так и не были учреждены. Здесь они фактически стали ассоциироваться со вспомогательными кассами, осуществлявшими ссудные операции. Подобные заведения были созданы при ряде частных горных заводов уже в 1860-х гг. Они сосредоточились на

---

[1] Уральская железная промышленность. С. 488, 509.
[2] См., например: ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 1436. Л. 14об.–15; Д. 1500. Л. 2–12.

выдаче ссуд своим членам[1], и фактически не участвовали в содержании заведений социальной инфраструктуры.

В результате горнозаводская медицина в регионе сохраняла свое автономное положение. Заводские врачи частных заводов подавали в губернские Врачебные управы, а затем управления только общие цифры больных за год. Представители последних не имели право инспектировать горнозаводские медицинские заведения[2].

В тоже время в условиях свободного найма рабочей силы горнозаводская медицина при частных горных заводах Урала закономерно подверглась существенной трансформации. Главной тенденцией стало неуклонное стремление владельцев сократить свои расходы в этой сфере. Это достигалось по целому комплексу взаимосвязанных направлений. Главными стали уменьшение стационарных заведений и кроватей, медицинского персонала и лиц, получавших бесплатную медицинскую помощь.

Следует особо отметить, что рассматриваемые процессы были во многом взаимосвязаны со значительным уменьшением стремления горнозаводского населения получать помощь в стационарных медицинских заведениях. Последнее во многом было вызвано материальными соображениями. После отмены крепостного права больные, находившиеся на стационарном лечении в частных горнозаводских заведениях Урала, уже не получали какой-либо денежной платы и провианта. Это привело к действительно резкому сокращению числа больных в горнозаводских госпиталях, отмеченному многими современниками.

Все эти процессы особенно ярко проявились в крупных частных горнозаводских хозяйствах Урала, имевших обширную сеть медицинских заведений с многочисленным персоналом. Соответственно их трансформация была более масштабной.

---

[1] См.: Железкин В. Г. К вопросу о роли горнозаводских товариществ казенных горных заводов Урала // Развитие промышленности и рабочего класса горнозаводского Урала в досоветский период (информационные материалы). Свердловск, 1982. С. 121.

[2] Протоколы II съезда врачей Вятской губернии. Вятка, 1875. С. 30.

В Нижнетагильском округе Демидовых проект новых штатов в медицинской сфере, по поручению владельцев, составил новый главный врач П. В. Рудановский (1829–1888). Он заключил бессрочный контракт с Санкт-Петербургской главной конторой Демидовых 22 июля 1859 г. В его заведывание поступил Нижнетагильский госпиталь. Новому врачу было определено годовое жалование в 1,5 тыс. руб., «господская» квартира с отоплением и освещением, экипаж из трех лошадей для выездов[1].

П. В. Рудановский закончил медицинский факультет Казанского университета в 1853 г. стипендиатом горного ведомства. Он отработал определенные законодательством пять лет на казенных заводах Урала: Верхнетуринском, Кушвинском и Каменском, имел годичную стажировку в Германии и Франции. Всю оставшуюся жизнь П. В. Рудановский прослужил в Нижнетагильском округе Демидовых. Как крупный ученый-исследователь и практик он имел известность далеко за пределами Урала. В 1875 г. Казанский университет присвоил ему степень доктора медицины без защиты диссертации[2].

Новый штат медицинской части Нижнетагильского округа, составленный П. В. Рудановским, был утвержден в мае 1860 г., когда скорая отмены крепостного права была уже очевидной. В нем были существенно сокращены расходы заводовладельцев. Среди них следует отметить уменьшение количества кроватей в госпиталях для стационарного лечения: с имевшихся 221 до 186, опосредованно приведшее и к сокращению числа врачей. Кроме того, были существенно урезаны «вспомогательные» статьи расходов: траты на прислугу, «натуральные» надбавки предписывалось выдавать деньгами. Было разрешено взимать и ранее отмененную плату за медикаменты, отпускаемые вольным людям[3].

Причем, в условиях значительной инфляции в тот период времени, реально расходы Демидовых на медицинскую часть в округе в 1860–1862 гг. даже увели-

---

[1] ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 1396. Л. 4–5об.

[2] См.: Клат С. А., Шкерин В. А. Петр Васильевич Рудановский // Нижний Тагил в лицах. Общественные деятели Тагила XIX – начала XX века. Нижний Тагил, 1998. С. 31–43.

[3] Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура Нижнетагильского. С. 50–51, 137–138.

чились. Так, по Нижнетагильскому госпиталю они возросли на треть с 21–22 тыс. в 1858–1860 гг. до 33–34 тыс. в 1861/1862 год[1].

Демидовы сохранили стабильное финансирование медицинской части Нижнетагильского округа на уровне 30 тыс. руб. в год в 1860-х гг. и в среднем 26,5–27,5 тыс. руб. в первой половине 1870-х гг. После этого их расходы в этой сфере снова несколько повысились: до 31,4 тыс. в 1875 г. и в среднем до 38–40 тыс. руб. в первой половине 1880-х гг.[2]

Заводовладельцы и после отмены крепостного права сохранили бесплатную медицинскую помощь для служащих и рабочих округа, а также бедных лиц, не работавших на его производствах. П. В. Рудановский, руководивший медицинской частью Нижнетагильского округа в 1859–1888 гг., оценивал расходы Демидовых, как сумму, «позволяющую сделать много хорошего для местного населения». Это выгодно отличало Нижнетагильские заводы от большинства других частных горнозаводских хозяйств Урала.

По мнению первых земских деятелей Верхотурского уезда Пермской губернии, горнозаводская медицина в регионе практически везде (подчеркнуто нами – Э. Ч.) приходила в упадок, и только в Нижнетагильском заводе она «поддерживалась с таким же старанием, как и прежде»[3]. Подобные оценки повторялись в отчетах этой уездной управы в 1870-х – начале 1880-х гг.

П. В. Рудановский добился прекращения практики принудительного помещения больных в заводские госпитали. Это привело к постепенному росту доверия местного населения к врачам. Как отмечал П. В. Рудановский, у значительной его части даже появилась «страсть к лечению и непременно фармацевтическими средствами». Особой популярностью у местных работников пользовались натирания спиртовыми растворами при различных болях[4].

Вместе с тем, при стабильной сумме финансирования, фактические расходы Демидовых на медицинскую часть в Нижнетагильском округе постепенно сокра-

---

[1] ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 1327; Оп. 3. Д. 121. Л. 1–11.
[2] Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура Нижнетагильского. С. 139.
[3] Общий доклад Верхотурской уездной земской управы IV очередному Собранию о действиях ее за первое трехлетие с июня 1870 г. по сентябрь 1873 г. СПб., 1874. С. 4.
[4] Рудановский П. В. Письма из Тагила. С. 91.

щались. Это было связано с продолжавшимся увеличением населения округа, существенной инфляцией в тот период времени и постепенным ростом числа обращений за медицинской помощью.

Поэтому П. В. Рудановскому приходилось экономить по целому ряду направлений, налаживать тесное взаимодействие с созданным в 1870 г. Верхотурским уездным земством. Руководство округа, вносившего крупный вклад в земский бюджет, надеялось переложить на него и существенную часть расходов на медицинское обслуживание местного населения.

После отмены крепостного права число постоянных аттестованных врачей сократилось с трех до двух. Один их них (П. В. Рудановский) заведовал Нижнетагильским главным госпиталем, второй находился первоначально в Висимоуткинском, а затем Нижнесалдинском заводе. После покинувшего округ И. П. Ильинского эту должность занимал лекарь А. Н. Травин, умерший в апреле 1864 г., затем Несчастливцев. В 1872–1878 гг. врачом на двух Салдинских заводах служил М. И. Сосфенов, перешедший из Невьянского округа. В 1880 г. здесь несколько месяцев работали супруги Серебренниковы, впоследствии ставшие известными врачами в Перми[1].

После отмены крепостного права в округе сократилось и количество среднего и младшего медицинского персонала: лекарских учеников и фельдшеров[2]. В Нижнетагильском госпитале перешли преимущественно на женскую прислугу. Это, кроме экономии средств, способствовало и лучшей чистоте в его помещениях[3].

Еще одним направлением сокращения расходов стала реорганизация сети медицинских заведений округа. В первой половине 1870-х гг. статус стационарных лечебниц сохранили только Нижнетагильский и Нижнесалдинский госпитали. Все

---

[1] См.: Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура Нижнетагильского. С. 139–140.
[2] Положение о лечебной медицине в Верхотурском уезде при введении в Пермской губернии земских учреждений (в 1870 г.). Рукопись. Б. м., б. г. (листы не нумерованы).
[3] Рудановский П. В. Письма из Тагила. № 5. С. 88.

остальные заведения были преобразованы в приемные покои, имевшие только по две кровати, необходимые для оказания первой помощи при срочных случаях[1].

Эта реорганизация сети медицинских заведений преследовала в качестве одной из целей ликвидацию фельдшеризма. П. В. Рудановский считал самостоятельную врачебную практику лекарских учеников (получивших новое наименование – фельдшеров) «профанацией науки и общества», большим злом во многих местах России. Как уже отмечалось, квалификация и моральный облик многих лекарских учеников Нижнетагильского округа вызывали недовольство и у других врачей. А в русской литературе образ земских фельдшеров получил трагикомический оттенок[2].

Недолго сохранилось и самостоятельное пиявочное заведение, как подразделение медицинской части Нижнетагильского округа[3]. Его стали использовать только для сохранения пиявок, которые закупались в Оренбургской губернии. Пиявочное заведение быстро пришло в упадок. Значительное количество пиявок погибало, видимо, от загрязнения местного пруда у Медного рудника. По инициативе П. В. Рудановского была создана комиссия, все члены которой высказались за закрытие пиявочного заведения. После этого был проведен успешный эксперимент по хранению привозных пиявок непосредственно при Главной аптеке: в широких кадках. В конце 1873 г. пиявочное заведение было окончательно закрыто, а его имущество распродано с торгов[4].

В целом после отмены крепостного права в Нижнетагильском округе проводилась оптимизация расходов на непрофильную медицинскую сферу. Подобная политика стала типичной и для других заводовладельцев Урала. Они все настойчивей требовали освободить их от исполнения «натуральных» повинностей. К тому же в тот период времени наличие хорошей больницы при предприятии уже не

---

[1] ОПИ ГИМ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 53. Л. 70.
[2] См.: Чернышева Е. В. Земские служащие в художественном восприятии современников // История как ценность и ценностное отношение к истории. Екатеринбург, 2010. Ч. 3. С. 99.
[3] См.: Черноухов Э. А. Нижнетагильский Дуремар. С. 127–128.
[4] ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 1806.

вызывало у рабочих значительного положительного отклика. Их главным требованием повсеместно стало повышение заработной платы[1].

В других частных горнозаводских хозяйствах Урала также была произведена масштабная трансформация медицинской сферы. При этом госпитали и аптеки оставались в лучшем положении там, где их состояние ставилось в пример и до отмены крепостного права.

В Верх-Исетском округе в центральном госпитале после реконструкции было произведено значительное сокращение количества кроватей: со 100 до 44 кровати. В его сылвинской части в 1863 г. была ликвидирована ставка врача[2].

В тоже время с 1859 г. Верх-Исетский госпиталь более полувека возглавлял известный врач Александр Андреевич Миславский (1828–1914). Это медицинское заведение пользовалось широкой известностью в регионе как центр оказания квалифицированной хирургической и офтальмологической помощи. А. А. Миславский основал многочисленную медицинскую династию, насчитывающую десяток известных врачей нескольких поколений[3].

В Пермском имении Лазаревых медицинская часть стала рассматриваться как «обуза», которую, по мнению владельца С. С. Абамелек-Лазарева «как-то неловко было закрыть»[4]. В тоже время количество кроватей в госпиталях было кардинально уменьшено, в частности в Чермозском – до 35[5]. Вместе с тем здесь постоянно служили квалифицированные врачи: З. С. Говорливый, Журин, А. Э. Шрам, Н. А. Комарницкий.

В Пермском майоратном имении Строгановых по особым приложениям к уставным грамотам на содержании владельцев были оставлены некоторые госпитали. При этом количество кроватей в них было радикально сокращено. Перед

---

[1] См.: Бородкин Л. И., Валетов Т. Я., Шильникова И. В. Система трудовых стимулов на дореволюционной фабрике глазами рабочих и администрации // Экономическая история России: проблемы, поиски, решения. М., Волгоград, 2008. Вып. 10. С. 223.
[2] РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 461.
[3] См.: Соркин Ю. Э. Врачебная династия Миславских.
[4] Грузинов А. С. Хозяйственный комплекс князей Абамелек-Лазаревых. С. 114.
[5] ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 1208.

отменой крепостного права их имелось 500–600, а через 15 лет после этого осталось всего 60. В 1877 г. новый врач имения К. Г. Шикун провел ревизию подведомственных заведений. Он предложил ввести единые понятные формы отчетности по расходам в медицинской сфере. Существовавшие крайне запутанные системы фактически не поддавались проверке со стороны врача. Также, по его мнению, следовало улучшить рацион питания пациентов стационарных заведений имения[1].

Значительно хуже стало положение в других горнозаводских хозяйствах, и ранее не уделявших особого внимания развитию медицинской части. Так, в Алапаевском округе бесплатное лечение в госпитале сохранялось только для работающих лиц, получивших травмы непосредственно на производстве. В 1889 г. это было закреплено в утвержденных владельцами «Правилах о бесплатной медицинской помощи».

Все остальные рабочие и служащие должны были платить за него по таксе, установленной Приказом общественного призрения. Для постоянных работников и членов их семейств сохранялся бесплатный отпуск медикаментов[2]. В итоге вскоре обширный заводской госпиталь на 60 кроватей фактически остался без пациентов.

Важным направлением развития горнозаводской медицины в частных горнозаводских хозяйствах Урала после отмены крепостного права стало тесное взаимодействие с земскими органами. По мнению руководителей горного ведомства и заводовладельцев, со временем именно земства должны были освободить отрасль от «натуральной» медицинской повинности, появившейся в крепостную эпоху.

В период становления органов местного самоуправления на Урале происходило постепенное налаживание взаимовыгодного сотрудничества с заводоуправлениями[3]. Этому способствовал недостаток у земств собственных больниц и атте-

---

[1] ГАПК. Ф. 186. Оп. 1. Д. 2483. Л. 2–4, 7–13.
[2] ГАСО. Ф. 435. Оп. 1. Д. 121. Л. 22–23об.; Ф. 725. Оп. 1. Д. 18. Л. 16–17об.
[3] Как уже отмечалось, большинство крупных частных горнозаводских хозяйств в тот период времени располагалось на территории Верхотурского, Екатеринбургского, Красноуфимского и Соликамского уездов Пермской губернии. Поэтому анализ будет проводиться преимущественно на их примере.

стованных врачей. Поэтому они стремились использовать для своих нужд уже созданную материально-техническую базу горнозаводской медицины в частных округах.

Внесение в сметы и строительство первых собственных земских больниц растянулось на десятилетия. Так, в Екатеринбургском уезде, земство, имевшее один из самых крупных бюджетов в Пермской губернии, только в 1880 г. начало строить первую небольшую больницу в селе Брусянское на 12 кроватей[1]. К тому же этот опыт оказался неудачным. Материально-техническое состояние больницы сразу негативно оценивалось различными лицами, ее здание требовало постоянного ремонта[2].

Верхотурскому земству удалось достроить свою первую больницу в Нижнетагильском поселке, самом обширном по численности населения в уезде, только в ноябре 1885 г. Открытие произошло только через 10 лет после решения о начале строительства, а реальные затраты на ее создание превысили первоначальную смету почти в три раза[3].

Подобным было положение в других уездах уральских губерний. Медикам абсолютному большинства земских врачебных участков в первые десятилетия деятельности приходилось довольствоваться небольшими приемными покоями.

Поэтому первоначально земские органы, не имевших собственных стационарных медицинских заведений (кроме небольших больниц в центрах уездов, перешедших от Приказов общественного призрения), использовали капитальные госпиталя при многих центральных заводах частных хозяйств. Как уже отмечалось ранее, практически во всех из них резко сократилось количество пациентов.

Другой важнейшей предпосылкой для налаживания тесного сотрудничества был недостаток врачей, служивших в органах земского самоуправления на Урале.

---

[1] Никольский Д. П. Земская медицина в Екатеринбургский уезде Пермской губернии за 1882–1883 г. // Вестник торговли и промышленности. 1884. Отд. 4. С. 4.

[2] Журналы XVII очередной сессии Екатеринбургского уездного земского собрания (1886 г.) и приложения к ним. Екатеринбург, 1887. С. 301–302; Журналы XIX очередной сессии Екатеринбургского уездного земского собрания (1888 г.) и доклады Екатеринбургской уездной земской управы. Екатеринбург, 1889. С. 172; и др.

[3] ГАСО. Ф. 435. Оп. 1. Д. 283, 396.

В первые годы своей деятельности практически все уездные управы смогли нанять в лучшем случае по два-три специалиста. Как минимум одного из них надо было оставить в уездном центре. Поэтому большинство уездных земских управ, на территории которых располагались горнозаводские округа, первоначально направляли своих немногочисленных врачей в основном в земледельческие волости. Ведь при горных заводах региона уже была налажена организация квалифицированной медицинской помощи для работавших на производстве, а во многих случаях и членов их семей.

В период становления земских органов на Урале на частных горных заводах служило существенно большее количество врачей: например, в Екатеринбургском уезде в 1870 г. – восемь, при всего двух у земства[1]. Соликамское уездное земство, в первые годы деятельности реально имевшее всего одного собственного врача, сразу же обратилось ко всем заводоуправлениям с предложением принимать «своих» больных за плату. Материально-техническая база последних была существенно лучше, здесь служило несколько аттестованных врачей (при всего двух земских). В частных горнозаводских хозяйствах Соликамского уезда в начале 1870-х гг. ежегодно тратили на медицину более 20 тыс. руб. (земство в первый год – 6 600, второй – 14 650)[2]. Подобное положение, когда заводских врачей было больше земских, в 1870-х гг. сохранялось и в Верхотурском уезде.

К тесному сотрудничеству с земством оказались готовы и многие заводоуправления региона. Причем до отмены крепостного права они традиционно отказывались от помещения в свои госпитали «посторонних» (для хозяйств) больных. Известны случаи, когда они не соглашались даже на просьбы со стороны Уральского горного правления. Так, в 1842 г. больных с казенной Уткинской пристани отказались принимать госпитали двух одноименных Уткинских заводов: Суксунского округа Демидовых и Верх-Исетского Яковлевых[3].

---

[1] Постановления Екатеринбургского уездного земского собрания, состоявшиеся по докладам уездной земской управы во второе очередное заседание 1871 г. Екатеринбург, 1872. С. 60.

[2] Журналы II очередного Соликамского уездного земского собрания 1871 года. Сарапул, 1872. С. 333, 346, 348, 362.

[3] ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 2711. Л. 14–14об.

В условиях перехода на «капиталистические рельсы» положение принципиально изменилось. Большинство заводоуправлений сразу согласилось принимать в свои госпитали за согласованную плату «посторонних» больных: от земств, железной дороги, негорнозаводских промышленных предприятий и др. Наоборот, практически во всех стационарных частных горнозаводских медицинских заведениях стали отказывать в приеме больным сифилисом и умалишенным. Теперь этот контингент должен был лечиться за счет земства.

Прием «посторонних больных» в заводские госпитали уже не вызывал серьезных затруднений. Ведь во многих построенных с запасом медицинских заведениях после отмены крепостного права резко сократилось количество «своих» пациентов. Некоторые заводоуправления даже согласились уступить часть свободных площадей для организации земских приемных покоев.

В 1873 г. управляющий Верх-Исетским округом И. П. Котляревский, бывший и гласным Екатеринбургского уездного земского собрания, предложил органу местного самоуправления лечить больных в пяти заводских госпиталях, в том числе и вышеназванном Уткинском. Для всех посторонних пациентов первоначально установили плату в 35–37 копеек в сутки. После она быстро выросла: до 45 коп. в 1875 и 60 – в 1880 г.[1] Такие же суммы (50–60 коп.) в 1880/1881 г. получали от земства и другие заводские госпитали уезда[2].

В результате в Екатеринбургском уезде в 1870-х гг. принимали земских больных за посуточную плату шесть госпиталей частных заводов: Верх-Исетский, Невьянский, Полевской, Ревдинский, Режевской и Сысертский. Земские приемные покои располагались в одной или нескольких палатах при Билимбаевском, Кыштымском, Невьянском и Режевском госпиталях[3].

В Соликамском уезде сразу согласились принимать земских больных за 46 коп. в сутки в двух госпиталях разделенного горнозаводского хозяйства Всево-

---

[1] ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 4088. Л. 3–4, 15, 132.

[2] Журналы Екатеринбургского уездного земского собрания XII очередной сессии за 1881 г. и доклады уездной земской управы и комиссий. Пермь, 1882. С. 348.

[3] Журналы Екатеринбургского уездного земского собрания XI очередной сессии за 1880 г. и доклады уездной земской управы и комиссий. Екатеринбург, 1881. С. 281–283.

ложских: Пожевского завода и Всеволодовильвенских промыслов. В земской смете на 1872/1873 г. на лечение больных в частных округах было выделено 1200 рублей[1].

Вскоре в Соликамском уезде стали также принимать земских больных еще в трех госпиталях: Александровского и Чёрмозском заводов, а также села Усолье. Выделяемые земством средства на эти нужды стабильно росли, достигнув в 1884/1885 г. 2,5 тыс. руб.[2], а в 1889 г. – 3840 руб.[3]

Самым радикальным вариантом взаимодействия стала передача земству в собственность или бесплатную аренду заводских госпиталей. При этом оговаривалось право бесплатного лечения в них местных служителей и заводских работников. Уже в 1873 г. С. Г. Строганов передал в бесплатную 30-летнюю аренду Соликамской земской управе госпиталь в селе Кудымкар, находившийся в неудовлетворительном состоянии. Он обязался ежегодно платить ей по 900 руб. за обслуживание больных своего имения[4]. В 1882 г. земство приобрело у С. Г. Строганова и здание Нердвинского приемного покоя[5]. Впоследствии Палазнинский госпиталь Пермского имения Лазаревых также перешел земству. Здесь заводоуправление доплачивало 500 руб. за лечение «своих больных»[6].

Но не все уездные земства были готовы и/или способны принять заводские больничные здания. Так, Екатеринбургская уездная управа в начале 1870-х г. получила предложения о передаче ей в собственность или бесплатную аренду госпиталей при Билимбаевском, Каслинском и Шайтанском заводах. Однако запрошенное ей уездное собрание отказалось от подобной перспективы. Гласные Ека-

---

[1] Журналы III очередного Соликамского уездного земского собрания 1872 года. Пермь, 1873. С. 484.
[2] Журналы XV очередного Соликамского уездного земского собрания 1883 года. Вятка, 1885. С. 547.
[3] Журналы XX очередного Соликамского уездного земского собрания 1889 года. Вятка, 1890. С. 137.
[4] Мальцева О. А. Указ. соч. С. 36–37; Журналы III очередного Соликамского уездного земского собрания 1872 года. Пермь, 1873. С. 170–178.
[5] Журналы XIII очередного Соликамского уездного земского собрания 1882 года. Вятка, 1883. С. 188.
[6] Путилова Н. Н. Указ. соч. С. 84.

теринбургского земства объяснили это ветхостью зданий этих госпиталей и невозможности существенно увеличить имевшуюся смету по медицинской части.

В Пермском уездном земстве также особо не стремились к взаимодействию с заводовладельцами. В 1872 г. его руководство отказалось создать свое отделении при Лысьвенском госпитале, а в 1875 г. приобрести больницу Строгановых в селе Ильинском[1].

Наиболее тесным было сотрудничество Нижнетагильского горного округа с Верхотурским уездным земством. Последнее фактически принимало некоторое участие в финансировании Нижнетагильского госпиталя. С 1872 г. оно ежегодно выделяло средства на содержание здесь так называемых «земских кроватей». Их численность стабильно возрастала: с первоначальных 5 до 18 (с 1882 г.). Соответственно увеличивались и ассигнуемые земством средства на собственные кровати: с начала 1880-х гг. – до 4 тыс. руб. ежегодно[2].

После отмены крепостного права бесплатный прием больных сифилисом в заводские госпитали округа полностью прекратился. Они могли поступать на излечение только за плату, бедные – от Верхотурского земства. Именно эта категория больных занимала большую часть «земских» кроватей в Нижнетагильском заводском госпитале[3].

Верхотурское земство во многом приняло на себя и оказание акушерской помощи нуждающемуся заводскому населению. Ведь недолго действовавшее в Нижнетагильском округе родильное отделение при Авроринской богадельне было закрыто уже в 1862 г.[4] В 1875 г. земство открыло родильный дом для бедных на три кровати в Нижнетагильском заводском поселке. Первоначально в него посту-

---

[1] Попов С. Очерк развития земской медицины в Пермском уезде с 1870 по 1880 гг. // Сборник Пермского земства. 1884. № 20-21. С. 434.
[2] Журналы V очередного Верхотурского уездного земского собрания 1874 г. с докладами управы и приложениями. Вятка, 1874; ГАСО. Ф. 435. Оп. 1. Д. 94. Л. 11об.; Д. 136. Л. 26об.
[3] Журналы VII очередного Верхотурского уездного. С. 440–441.
[4] ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 1295. Л. 54.

пали женщины, не состоявшие в законном браке. Но уже через три года число пациенток практически утроилось, причем и за счет замужних[1].

По соглашению с Верхотурским уездным земством на базе Нижнетагильского заводского госпиталя в 1871 г. была открыта первая в Пермской губернии фельдшерская школа (курсы). Она должна была готовить специалистов среднего звена и для горнозаводских округов, и для уездных земств.

При этом стороны договорились о своеобразном «взаимозачете». Воспитанники от Верхотурского земства обучались здесь бесплатно[2], но находились в распоряжении П. В. Рудановского, выполняя его различные поручения по Нижнетагильскому госпиталю. Земский врач П. В. Кузнецкий[3] преподавал в фельдшерской школе половину предметов, в том числе практических, включая участие в операциях, то есть он фактически работал и в Нижнетагильском заводском госпитале, именуясь консультантом[4]. В различных отчетах и справках о медицинской части Нижнетагильского горнозаводского округа Кузнецкий даже вносился в число служивших здесь врачей.

В 1875–1888 гг. состоялось четыре выпуска воспитанников фельдшерских курсов, большинство из которых успешно сдали экзамены в Пермской Врачебной управе. Причинами закрытия стали смерть П. В. Рудановского, ликвидация острого дефицита фельдшеров в Верхотурском уезде и Нижнетагильском округе, открытие фельдшерских курсов при Александровской губернской земской больнице в Перми[5].

С середины 1880-х гг. сотрудничество земской и заводской медицины в Екатеринбургском уезде вышло на новый уровень. В 1882 г. на XIII очередной сессии уездного земского собрания, впервые было подписано соглашение с Кыштым-

---

[1] Журналы VI очередного Верхотурского уездного земского собрания 1875 г. с докладами управы и приложениями. Пермь, 1876. С. 424; Журналы IX очередного Верхотурского уездного земского собрания 1878 г. с докладами управы и другими приложениями. Пермь, 1879. С. 553–554.
[2] С воспитанников других уездных земств взималась годовая плата в 50 руб.
[3] Кузнецкий Петр Васильевич (1844–1912) – выпускник Казанского университета, с 1871 г. служил земским врачом в Верхотурском уезде: заведовал его Нижнетагильским участком. В 1899 г. ему была присвоена степень доктора медицины без защиты диссертации.
[4] ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 1826. Л. 31–32.
[5] Положение о лечебной медицине в Верхотурском уезде (листы не нумерованы).

ским заводоуправлением. По нему был согласовано взаимное бесплатное помещения больных: земских – в Кыштымский заводской госпиталь, а заводских – в земскую Каслинскую больницу. Это был первый в Екатеринбургском уезде опыт по фактическому слиянию земской и заводской врачебной помощи. Как уже было сказано выше, ранее взаимная медицинская помощь оказывалась только на платной основе: за счет земства или заводоуправления[1].

В 1883 г. Екатеринбургское уездное земство заключило соглашение о сотрудничестве с Сергинско-Уфалейским заводоуправлением. Оно должно было нанять врача для двух Уфалейских заводов, в распоряжение которого поступал земский фельдшер. В 1884 г. на службу в этот округ поступила А. И. Никольская, которая заявила о желании лечить земских больных бесплатно, но с условием, чтобы земский фельдшер находился в ее заведывании. Управа и собрание согласились на эту инициативу врача. Но, признавая бесплатное лечение земских больных неудобным для А. И. Никольской, они стали выделять небольшую сумму на ее вознаграждение[2].

Но уже в 1886 г. главноуправляющий округом заявил о сокращении ставки заводского врача в Уфалейских заводах. Занимавшая ее А. И. Никольская оставила службу в сентябре, и здесь остался только земский фельдшер[3].

На следующий год, после долгих согласований, соглашение о сотрудничестве было пересмотрено. Теперь медицинская часть этих заводов переходила к земству, которому заводоуправление ежегодно перечисляло 2 266 руб. Екатеринбургское земство обязывалось содержать весь необходимый медицинский персонал, включая аттестованного врача, покупать медикаменты и инвентарь, производить ремонт больничных помещений[4].

---

[1] Систематический свод постановлений Екатеринбургского уездного земского собрания. Вып. 1. Медицинская часть. С. 64.
[2] Там же. С. 66.
[3] Доклады Екатеринбургской уездной земской управы земскому собранию 1886 г. Екатеринбург, 1887. С. 237–238.
[4] Журналы Екатеринбургского уездного земского собрания XV очередной сессии за 1883 г. Екатеринбург, 1884. С. 72–73; Журналы Екатеринбургского уездного земского собрания XVIII. С. 44.

С ноября 1888 г. земско-заводской участок в Уфалейских заводах был восстановлен. Заводоуправление передало в распоряжение земства свой отремонтированный госпиталь и согласилось ежегодно выделять согласованные ранее 2 266 руб. на медицинские цели. В свою очередь Екатеринбургское уездное земство приняло решение о выделении такой же суммы, создании здесь нового участка с земским врачом и шести постоянными кроватями для больных[1]. Расходы земства на этот участок стабильно возрастали: с первоначальных 1,5 до 2,7 тыс. руб. в 1897 г.[2]

В 1885 г. Екатеринбургской уездной земской управой был заключен договор о «взаимном лечении» с Сысертским заводоуправлением. В Полевской госпитале земский врач стал принимать и всех заводских больных, а в Сысертском госпитале обслуживали и земских пациентов. По этому соглашению была установлена единая плата за стационарное лечение в этих заведениях: 50 коп. в сутки.

В 1889 г. новое соглашение было заключено с Кыштымским заводоуправление. По нему бывший Каслинский заводской госпиталь был передан земству. Здесь также был сохранен своеобразный взаимозачет: он продолжал бесплатно принимать и заводских больных, а земских – Кыштымский, оставшийся у заводов. V губернский съезд врачей 1889 г. признал этот опыт удачным. Он предложил заключать подобные соглашения с другими заводоуправлениями[3].

Несмотря на вышеназванные примеры сотрудничества, в целом отношения большинства земских органов и заводоуправлений в пореформенный период времени оставались напряженными. Стороны регулярно обменивались взаимными претензиями. На уездных земских собраниях Пермской губернии постоянно подчеркивалась обязанность владельцев промышленных заведения содержать собственные медицинские заведения.

---

[1] Доклады Екатеринбургской уездной земской управы земскому собранию 1888 года. Екатеринбург, 1889. С. 151.

[2] Систематический свод постановлений Екатеринбургского уездного земского собрания. Вып. 1. Медицинская часть.; Журналы Екатеринбургского уездного земского собрания XIX очередной сессии за 1888 г. Екатеринбург, 1889. С. 28.

[3] Систематический свод постановлений Екатеринбургского уездного земского собрания. Вып. 1. Медицинская часть. С. 67–70.

Между тем новые нормативные акты снизили требования к организации медицинской сферы в частных горнозаводских хозяйствах. В 1892 г. с заводовладельцев сняли обязанность оказывать медицинскую помощь временным работникам. Теперь эти лица, а также и члены семей постоянных рабочих должны были получать ее в земских учреждениях[1]. В утвержденной в 1893 г. новой редакции Горного устава закреплялось, что «устройство врачебной части на частных горнозаводских предприятиях определяется особыми правилами» (ст. 659)[2].

Региональные горные власти продолжали проявлять недовольство состоянием медицинской сферы в частных горнозаводских хозяйствах и в конце XIX века. Так, окружной инженер Пермского округа настаивал на найме постоянных врачей для Кизеловского и Полазнинского завода. Но главноуправляющий Пермского имения Лазаревых Н. Пивинский не выполнял его предписания. Он отмечал, что «отдельных» врачей на всех заводах уже давно нет, а в экстренных случаях приглашаются специалисты с соседних предприятий или земских участков. Н. Пивинский в конфиденциальном письме управляющему соседним имением Строгановых предложил действовать «солидарно» в отношениях с окружным инженером по вопросам организации медицинской помощи[3].

Заводовладельцы Урала традиционно указывали на обязанность земства лечить все местное население. По их мнению, эти органы местного самоуправления в недостаточной мере облегчали натуральную повинность заводов в медицинской сфере. Для доказательства этого приводились колоритные цифры. В 1897 г. расходы горнозаводчиков Пермской губернии в медицинской сфере простирались до 520 тыс. рублей. Это, в пересчете на 200 тыс. рабочих, составило по 2 руб. 60 коп. на душу. А Пермское земство (губернское и все уездные) в 1894 г. издержало на медицину всего 660 590 руб. И это, в пересчете на 2 млн. 980 тыс. населения губернии составило всего по 22 коп. на душу[4], то есть почти в 12 раз менее.

---

[1] ГАСО. Ф. 24. Оп. 20. Д. 706. Л. 107об.–108.
[2] Свод учреждений и уставов.
[3] РГАДА. Ф. 1252. Оп. 1. Д. 2139. Л. 1–5.
[4] О содержании медицинской части на уральских горных заводах // Уральское горное обозрение. 1898. № 39 (27 сентября). С. 5.

На страницах периодических изданий и съездах врачей Пермской губернии регулярно возникали серьезные дискуссии по проблеме углубления взаимодействия и слияния заводской и земской медицины[1]. Однако они во многом были бесплодными, из-за неопределенности многих положений российского законодательства и хронического дефицита бюджетов органов местного самоуправления. В других регионах империи (например, в Московской и Санкт-Петербургской губерниях) также не удалось договориться о слиянии земской и заводской медицины.

Естественно, земства были готовы к сотрудничеству с заводоуправлениями только на выгодных условиях. Последние должны были иметь заводские госпитали в хорошем состоянии и продолжать выделять существенные средства на их содержание. Заводоуправления также не всегда были готовы к сотрудничеству. Так, в поселке Нытвенского завода госпиталь стоял практически пустым, но не передавался земству. Не удалось достигнуть соглашения и в Очерском заводе, где земство вынужденно было построить свою больницу[2].

Зачастую и уездные земские управы отказывали заводоуправлениям в слиянии. Так, в 1895 г. предложение Шайтанских заводов о передаче заводскому медицинскому персоналу лечения земских больных было отклонено Екатеринбургским уездным собранием. В его составе уже давно действовал врачебный участок на этой территории, причем с собственной Билимбаевской больницей[3].

В Красноуфимском уезде первый земско-заводской участок был создан лишь в 1898 г. Только через почти 30 лет после своего создания уездное земское собрание достигло соглашения с владельцами Сергинских заводов о взаимном лечении больных[4] (притом, что с входящим в Сергинско-Уфалейское Товарищество Уфа-

---

[1] См., например: Никольский Д. К. К вопросу о слиянии земской медицины с заводской // Сборник Пермского земства. 1885. № 12. С. 284–288 (это мнение заводского врача); Предтеченский В. Заметка по вопросу о слиянии земской медицины с заводской // Сборник Пермского земства. 1885. № 23. С. 678–679 (это мнение земского врача).

[2] Предтеченский В. Указ. соч. С. 678.

[3] Систематический свод постановлений Екатеринбургского уездного земского собрания. Вып. 1. Медицинская часть. С. 72.

[4] Очерк состояния санитарного и медицинского дела в Пермской губернии. Земская медицина. Пермь, 1899. С. 167.

лейскими заводами в Екатеринбургском уезде это было сделано существенно раньше).

В целом после отмены крепостного права в условиях затяжного социально-экономического кризиса на уральских заводах горнозаводская медицина в частных хозяйствах подверглась масштабной трансформации. Во всех из них существенно сократилось финансирование ее заведений. Право на бесплатное медицинское обслуживание сохранила только часть работников горнозаводских производств. В горнозаводских госпиталях резко сократилось количество пациентов, прежде всего из-за отмены выплат жалования и содержания в период лечения. Многие из них были преобразованы в приемные покои.

Таким образом, медицинские заведения в частных горнозаводских округах Урала в XIX в. стали важной частью социальной инфраструктуры. Их сеть последовательно расширялась. Уже в конце XVIII – первом десятилетии XIX в. они были созданы только в центрах крупных имений Прикамья (Всеволожских, Голицыных, Лазаревых, Строгановых). В 1820–1830-х гг. госпитали и аптеки постепенно появились и в большинстве других частных округов, как минимум при главных заводах. Накануне отмены крепостного права стационарные медицинские заведения действовали уже практически при всех значительных частных заводах Урала.

С 1820-х гг. существенное внимание стало уделяться улучшению материально-технической базы медицинский заведений в частных округах Урала. Для ряда госпиталей и аптек, особенно в крупных хозяйствах, были построены капитальные здания. В медицинских заведениях планомерно внедрялись единые нормы оснащения необходимым оборудованием, инструментами, хозяйственными принадлежностями. Даже в небольших частных хозяйствах наметились существенные позитивные изменения в этом направлении, во многом ставшие результатом планомерной деятельности медицинских инспекторов Уральского горного правления М. Г. Вульфа и К. А. Тиме в 1830–1850-х гг.

В частных округах региона была в целом успешно разрешена проблема нехватки врачей. В этих хозяйствах, не связанных жесткими штатными положениями, привлекали врачей (в том числе иностранцев) выгодными материальными

условиями контрактов. В тоже время аттестованные аптекари оставались редким явлением частных округах региона. Здесь не была разрешена и проблема подготовки квалифицированного среднего и младшего медицинского персонала. Особую остроту ей придавала традиционная самостоятельная врачебная практики лекарских учеников во второстепенных госпиталях, против которой резко выступало большинство врачей.

После отмены крепостного права горнозаводская медицина в частных округах Урала практически везде стала постепенно приходить в упадок. Редким исключением оставались только несколько крупных хозяйств, владельцы которых продолжали выделять значительные средства на ее содержание: Нижнетагильское, Чёрмозское и Верх-Исетское. Однако и здесь основная их часть направлялись на развитие госпиталя при главном заводе, где оставался единственный аттестованный врач, и резко сократилось количество кроватей.

Многие владельцы частных горнозаводских хозяйств Урала считали, что созданные в Вятской и Пермской губерниях органы местного самоуправления (земские и городские) примут на себя медицинское обслуживание населения, освободив их от этой «натуральной» повинности. Но эти новые органы местного самоуправления, из-за ограниченности своих бюджетов, явно были не способны взять на себя эту обязанность. Вместе с тем они были заинтересованы в сотрудничестве с горнозаводскими медицинскими заведениями, с их солидной материально-технической базой и квалифицированным персоналом. В ряде уездов Пермской губернии (Верхотурском, Екатеринбургском, Соликамском) постепенно было налажено тесное взаимодействие в сфере медицины земских органов и заводоуправлений.

В заключение проанализируем сводные данные по врачам, служившим на казенных и частных горных заводах Урала в XIX веке. Их количество оказалось практически одинаковым: нами выявлено 125 специалистов на первых и 137 на вторых (в том числе 26 – успели послужить и там, и там).

Большинство врачей получили образование в Медико-хирургической академии и ее Московском отделении, а также ближайшем для региона Казанском универ-

ситете: 72% – в казенных и 68,5% – в частных заводах. В тоже время необходимых специалистов, при перманентном дефиците медиков на Урале, зачастую привлекали и из отдаленных регионов и даже из-за рубежа. В университетах иностранных государств и западных регионов Российской империи (Виленском, Дерптском, Киевском) получили образование 13% врачей, служивших на казенных, и 15% – на частных горных заводах Урала.

Медикам с казенных заводов было несколько легче получить профессиональное звание. В два раза больше врачей, служивших в частных округах, оставались лекарями. В казенных заводах, врачи, получавшие определенную помощь со стороны горного ведомства, в 1,5 раза чаще защищали диссертации на степень доктора медицины (см. Приложение № 14).

На Урале переход врачей с казенной горной службы в частные заводы был более распространенным явлением. Это сделали как минимум 18 специалистов. В тоже время, как минимум восемь врачей, наоборот, перешли служить с частных заводов на казенные. 34 специалиста более чем по 10 лет прослужили как в казенных, так и частных округах Урала. В целом переход в хозяйства разной формы собственности был весьма распространенным явлением.

С последней трети XIX в. у врачей появилась возможность служить в органах местного самоуправления. На службу в земства перешли, как минимум три специалиста с казенных заводов и один – частных. Наоборот, пять земских врачей предпочли продолжить службу в крупных частных горнозаводских округах Урала (см. Приложение № 16).

3.2. УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ

К концу XVIII в. в частных горнозаводских хозяйствах Урала действовало минимальное число училищ. Первое учебное заведение было создано в Нижнетагильском поселке Демидовых в 1765 г. по типу казенных заводских школ[1]. В конце XVIII в. были открыты небольшие училища в центрах еще трех крупных горнозаводских хозяйств Урала: селах Ильинском Строгановых (1794), Верхние Муллы Голицыных (1794) и при Пожевском заводе Всеволожских (1799)[2].

Все эти четыре заведения имели программу обучения начальной грамоте. Это во многом объяснялось отсутствием квалифицированных преподавателей. Лица, определенные в учителя из местного служительского штата, не обладали достаточными знаниями и навыками для успешного преподавания.

В частности, в 1799 г. Н. Н. Демидов обратил внимание местной конторы на то, что ему неизвестны успехи в подготовке воспитанников Нижнетагильского училища. Заводчик указал на необходимость найти замену учителю П. Шептаеву, которого считал «человеком молодым, а потому и в обучении учеников по всем частям едва ли успешного». Свое недовольство качеством подготовки в Нижнетагильском арифметическом училище Н. Н. Демидов несколько раз выражал и своих предписаниях 1800–1801 гг., возлагая главную вину на учителя. В конце концов, он определил, что и П. Шептаев «пишет их (учеников – Э. Ч.) не лучше» и приказал назначить другого учителя. Им стал престарелый заводской

---

[1] См.: Лысова О. А., Осипова Л. А. К вопросу о развитии горнотехнического образования на Урале в XVIII веке // Из истории духовной культуры дореволюционного Урала. Свердловск, 1979. С. 100–101.

[2] Волегов Ф. А. Хозяйственные записки. С. 99; Мухин В. В. Уральская горнозаводская вотчина Всеволожских в первой половине XIX века: дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 1966. С. 445–446; Узунова Н. М. Из истории формирования. С. 129; ОПИ ГИМ. Ф. 14. Оп. 1. Д. 550. Л. 70об.

повытчик З. Распопов, которого затем сменил другой местный служитель Н. Швецов. Но и они не смогли обеспечить необходимый уровень преподавания[1].

Организация деятельности учебных заведений в частных горнозаводских хозяйствах Урала в конце XVIII вв. не регламентировалась какими-либо нормативными актами. Каждый заводовладелец региона решал вопросы, связанные с обеспечением своего хозяйства квалифицированными специалистами и административным персоналом, в соответствии с пониманием целей и задач образования, финансовыми возможностями, уровнем развития производства. С начала XIX в. в частных горных округах при организации и деятельности собственных учебных заведений стали ориентироваться на нормативную базу Министерства народного просвещения и горного ведомства.

Но и в тот период заводовладельцы не торопились развивать сеть собственных учебных заведений. В абсолютном большинстве поселков при частных горных заводах Урала ведущую роль продолжало играть обучение начальной грамоте и определенным прикладным навыкам при местных конторах или на дому.

«Описание» пермского берг-инспектора П. Е. Томилова 1807–1809 гг., зафиксировало наличие всего восьми небольших училищ. Кроме вышеназванных они имелись при Шайтанском, Златоустовском, Благовещенском и Верхоторском заводах[2]. В 1809–1811 гг. были открыты учебные заведения в центрах еще трех горнозаводских хозяйств Пермской губернии: в Кыштымском, Сысертском и Чёрмозском поселках. Последнее, со статусом народного, было создано по инициативе управляющего Пермским имением Лазаревых Л. И. Ослоповского[3].

Причем часть этих учебных заведений, судя по последующим отчетам берг-инспектору, временно прекращала свою деятельность. Их воспитанники возвращались для продолжения обучения в местные конторы. Подобный метод подготовки грамотного персонала в начале XIX столетия был значительно более распространен в горнозаводских хозяйствах региона.

---

[1] ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 342. Л. 65–66; Д. 348. Л. 32, 110; Оп. 2. Д. 49. Л. 50–50об.
[2] Описание заводов хребта. С. 224–267.
[3] Калинина Т. А. К вопросу о формировании. С. 27; Шишонко В. Н. Материалы для описания. С. 203–205.

В определении целей и организации процесса обучения владельцы немногочисленных частных горнозаводских училищ были практически единодушны. В письмах местным заводоуправлениям и конторам они требовали принимать в них только сыновей служителей, строго в рамках определенного ими штатного количества. Сыновья мастеровых и крестьян могли обучаться только в исключительных случаях, с личного разрешения самих владельцев.

Владелец Пермского имения Е. Л. Лазарев в 1811 г. четко определил, что Чёрмозское училище «основано единственно с той целью, чтобы служительских детей приспосабливать для занятия при заводах должностей, с ответственностью сопряженных»[1]. В предписании Н. Н. Демидова 1806 г. Нижнетагильской заводской конторе были более широко определены задачи реорганизуемого учебного заведения: «подготовить способных служащих к заводским должностям и, распространив по возможности между жителями самонужнейшие познания в общежитии, укоренить их в правилах святой православной веры и чрез то истребить или ослабить раскол по всем почти заводам хребта Уральского существующий»[2].

На содержание частных горнозаводских школ выделялись незначительные суммы. А В. А. Всеволожский сразу озаботился и возвращением части этих средств. В письме управляющему Пермским имением он предписал обучать мальчиков в Пожевском училище «словесной грамоте» и письму всего по два часа в день. Все остальное время ученики, независимо от положения своих отцов, должны были привлекаться к посильным для них работам: изготовлению гвоздей, скоб и т.п.[3]

В начале XIX в. на общем фоне существенно выделялось Нижнетагильское (с 1806 г. – Выйское) училище Демидовых. Это во многом объяснялось масштабами производства в крупнейшем частном хозяйстве региона и рано оформившимися патерналистскими взглядами его владельцев.

---

[1] ГАПК. Ф. 280. Оп. 1. Д. 401. Л. 77об.
[2] См.: Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура Нижнетагильского. С. 35–37, 87–88.
[3] Прокошев В. В. Распространение грамотности в Пермском крае с древнейших времен до XIX века // Из истории народного образования Урала. Пермь, 1976. С. 19.

Н. Н. Демидов был сторонником пансионного обучения. В 1806 г. он дал указания о реорганизации Нижнетагильского училища в четырехклассное закрытое учебное заведение для служительских детей. При нём был создан пансион для их постоянного пребывания. Училище было переведено в поселок при Выйском заводе, который в то время уже слился «обывательскими строениями» в единое поселение с Нижнетагильским.

1 июня 1806 г. реорганизованное учебное заведение было открыто[1]. В источниках и литературе встречаются его различные наименования: Выйское заводское училище, Нижнетагильское заводское (так в 1835 г. его определил называть П. Н. Демидов), после перехода в ведение Министерства народного просвещения – Выйская школа и др.

Обучение здесь для сыновей служителей Нижнетагильского округа стало своеобразной повинностью. Н. Н. Демидов в своих предписаниях местной конторе (заводоуправлению) постоянно подчеркивал необходимость прохождения ими полного курса наук в Выйском училище, нередко с колоритными обоснованиями, типа: «чтобы не выпускали болванов, не могущих занимать никакой должности». Сыновей служителей, неспособных к обучению или исключенных из училища за какие-либо нарушения, заводовладелец предписывал определять в дворовые или рабочий штат, а самых «тупых и порочных» – сдавать в рекруты. Кроме того, 11 августа 1806 г. Н. Н. Демидов приказал отправлять в Выйское училище сыновей служителей из своих вотчин и контор в других регионах России.

Дети из «рабочего класса людей» принимались в Выйское училище только в том случае, «когда мальчик покажет особенную способность к наукам, или его отец окажет какую-либо особенную услугу, приносящую пользу господам хозяевам». Кроме того, в состав сверхштатных учеников иногда принимались дети «лиц свободного состояния»: купцов, мещан, духовенства, а также мальчики из других горных округов Урала. По просьбе ряда заводовладельцев, в частности Лазаревых и Дашковых, в Выйском училище обучались некоторые сыновья их кре-

[1] Неклюдов Е. Г. Н. Н. Демидов во главе Управления Нижнетагильскими заводами // Развитие металлургического производства на Урале. Екатеринбург, 2001. С. 55.

постных служителей. Все эти ученики содержались на средства, приславших их заводовладельцев.

Классные занятия продолжались шесть дней в неделю по 6–8 часов в день (в среду и субботу только до обеда). Это было существенно больше, чем в других горнозаводских учебных заведений Урала в тот период времени. Еще два часа в день отводилось на приготовление заданных уроков.

Число воспитанников Выйского училища в первые полтора десятилетия деятельности оставалось стабильным: 40–50 мальчиков. Заведение не пользовалось расположением местных служителей, привыкших к традиционным методам обучения своих детей: первоначальной грамоте на дому, а затем непосредственно в конторах или на заводских производствах.

По мнению директора Нижнетагильских заводов в 1806–1818 гг. М. Д. Данилова, училище было дорогим удовольствием для заводов, имевших серьезные финансовые проблемы. В результате учебное заведение долго находилось в «жалком состоянии», сравнимом с «домом призрения нищих». Поэтому в начальный период своей деятельности Выйское училище выделялось своими размерами и пансионной организацией обучения, но не выполняло многих поставленных Н. Н. Демидовым задач[1].

Следует выделить и Чёрмозское училище в Пермском имении Лазаревых. Его деятельность наиболее обстоятельно регламентировалась среди всех горнозаводских учебных заведений Урала. Уже в первом обширном (102 параграфа) «Уставе Чёрмозского народного училища», утвержденном 14 апреля 1815 г., нашли отражение многие вопросы организации учебно-воспитательного процесса. После этого в него неоднократно вносились изменения и дополнения[2].

Чёрмозское училище первоначально состояло из двух классов с полуторагодичным курсом обучения в каждом. В нем полагалось иметь три учителя, 40 учеников из служительского штата (в том числе 25 на содержании владельцев). Для поступления в училище требовалось умение читать и писать.

---

[1] См.: Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура Нижнетагильского. С. 88–90.
[2] Калинина Т. А. Развитие образования на Урале. С. 10–14.

Ученики получали денежное жалование по 15–20 руб. в год и провиант. На содержание училища первоначально выделялось 2,2, а затем до 3 тыс. руб. в год[1].

В целом к началу второго десятилетия XIX в. в центрах частных округов Урала действовало не более десяти училищ. Практически все из них были небольшими учебными заведениями, насчитывающими минимальное число воспитанников. В 1811 г., при передаче в казну Златоустовского завода, здесь упоминалось всего девять школьников[2]. На общем фоне выделялись более крупные Выйское училище Демидовых и Чёрмозское Лазаревых.

Во второе десятилетие XIX в. в абсолютном большинстве частных горнозаводских хозяйств Урала ведущую роль продолжало играть обучение начальной грамоте и определенным прикладным навыкам при местных конторах или на дому. Открытию новых учебных заведений препятствовало тяжелое положение экономики России, подорванной континентальной блокадой и антинаполеоновскими войнами. Поэтому постепенное расширение сети учебных заведений в частных горнозаводских хозяйствах Урала продолжилось только с начала 1820-х гг.

1 января 1820 г. были открыты две новых школы в Пермском имении Строгановых: при Очерском и Билимбаевском заводах. В первом из них начали обучаться 34, во втором – 21 мальчик (в том числе по 12 – на полном содержании владельцев). Штатными положениями на эти учебные заведения выделялось 1 797 руб. ежегодно[3].

В 1822 г., по указанию А. И. Яковлева, при Верх-Исетском заводе было открыто училище для обучения служительских детей 8–16 лет со всех предприятий округа. Первоначально было набрано 35 учеников, которым выплачивали жалование, в том числе на найм квартир и приобретение продовольствия[4].

---

[1] ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 312. Л. 57.
[2] ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 1192. Л. 24–43.
[3] Рогов Н. А. Материалы для истории. С. 19–20.
[4] См. Черноухов Э. А. Учебные заведения Верх-Исетского горного округа. С. 112.

В архивных документах удалось выявить даты открытия еще пяти школ в Пермской губернии в 1820-х гг.: при Нытвенском (октябрь 1823), Александровском (1825), Нейво-Алапаевском (1826), Невьянском (январь 1828) и Юговском (1830) заводах[1]. В Оренбургской губернии были созданы (или восстановлены) училища при Белорецком (1826) и Воскресенском (1828) заводах. На расположенных здесь небольших предприятиях они периодически закрывались, но затем вновь возобновляли свою деятельность[2].

К 1830 г. относится наиболее ранний из сводных источников об учебных заведениях при частных горных заводах Пермской губернии, введенный в научный оборот Л. А. Дашкевич. При 87 ее частных заводах действовало 16 школ, в которых обучалось 586 мальчиков. Это Выйское нижнетагильских Демидовых (130 учеников), Сысертское, Северское и Полевское (70 во всех трех) Турчаниновых, Билимбаевское (37) и Очерское (56) Строгановых, Пожевское и Александровское (60 в обоих) Всеволожских, Нытвенское (40) Голицыных, Юговское (40) Кнауфа, Чермозское (36) Лазаревых, Нейво-Алапаевское и Невьянское (20) двух ветвей рода Яковлевых, Кыштымское (35) наследниц Расторгуева, Ревдинское (25) и Суксунское (12) двух ветвей рода Демидовых[3]. В список не попало Верх-Исетское училище, временно закрытое в 1830 г., за отсутствие в программе закона Божьего и учителя-старообрядца. Также в нем отсутствовало учебное заведение при Каслинском заводе, находившееся в епархиальном ведении[4].

Эти данные свидетельствуют о том, что к концу 1820-х гг. в горнозаводских округах Пермской губернии в лучшем случает имелось по одной школе при главном заводе для обучения сыновей местных служителей. Только Турчаниновы, Строгановы и Всеволожские создали по два-три учебных заведения.

Кроме того, шесть горнозаводских училищ действовало в Оренбургской (при Благовещенском, Верхоторском, Преображенском, Белорецком и Воскресенском

---

[1] ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 6129, Л. 14, 23; Оп. 32. Д. 351. Л. 5–6; Д. 2433.
[2] См.: Басырова С. Г. Развитие школьного дела на частных заводах Южного Урала в дореформенный период // Уральский исторический вестник. 2008. № 1(18). С. 77.
[3] Дашкевич Л. А. Формирование технической. С. 110–111.
[4] Мозель Х. Указ. соч. С. 429.

заводах) и Вятской (Холуницком[1]) губерниях. Они также предназначались для сыновей местных служителей.

В целом к концу третьего десятилетия XIX в. количество частных горнозаводских училищ на Урале возросло вдвое: до 23. В сравнении с казной[2], заводовладельцы не торопились расширять численность учебных заведений. Обучение в них традиционно было внутрисословной привилегией сыновей местных служителей.

Положение с учебными заведениями в частных горнозаводских хозяйствах в целом соответствовало общему уровню развития просвещения в регионе. Так, в 1827 г. высокопоставленный чиновник С. Д. Нечаев, впоследствии обер-прокурор Святейшего Синода, в «Записке о сектах, существующих в Пермской губернии» его весьма невысоко. Он отметил «общее невежество, которое тем менее изменяется, что бедные люди не имеют средств учиться» [3].

На общем фоне продолжали выделяться своими размерами Выйское училище Демидовых и Чёрмозское Лазаревых. В 1820-х гг. их владельцы, в условиях существенного роста доходности имений, попытались вывести эти учебные заведения на новый уровень.

Н. Н. Демидов продолжал настаивать на обязательном обучении в Выйском училище всех сыновей служителей. В 1821 г. он разрешил довести его штат до 60 воспитанников, существенно увеличив выделяемые средства на его содержание. Принципиальным новшеством стал регулярный найм в училище «посторонних» для заводов главных учителей. Это значительно улучшило процесс обучения, способствовало росту авторитета учебного заведения в служительской среде. Количество его учеников стабильно возрастало, несмотря на постоянные требования заводовладельца придерживаться штатной численности.

---

[1] Белохолуницкому машиностроительному заводу 200 лет. Киров, 1965. С. 166.

[2] Штаты казенных горных заводов 1827–1829 гг. предусматривали деятельность 27 школ при всех предприятиях и крупных промыслах, где должны были обучаться 1 519 мальчиков. Реально к 1830 г. их численность даже превышала штатные показатели.

[3] См.: Шкерин В. А. Декабристы на государственной службе в эпоху Николая I. Екатеринбург, 2008. С. 271–275.

В 1828 г. новый владелец Нижнетагильского горного округа П. Н. Демидов произвел реорганизацию учебных заведений. Школа-пансион при Санкт-Петербургской конторе была закрыта, из-за несоразмерно больших затрат на её содержание, в сравнении с Выйским училищем, а также острого конфликта с главным учителем Е. Л. Зоричем. Большинство её учеников было отправлены для продолжения обучения в Выйское училище. Для него П. Н. Демидов предполагал построить новое каменное здание (эта проблема была поднята еще его отцом), а также расширить штат до 200 мальчиков, чтобы принимать для обучения и часть детей рабочих. Но этот план так и остался на бумаге.

В 1830 г. П. Н. Демидов в очередной обратил внимание на необходимость сокращения численности учеников в Выйском училище, которая достигла 126–130 человек. Он вновь подчеркнул, что оно имеет назначение для обучения сыновей исключительно служительского штата, а не всего заводского населения[1].

Для первоначального обучения части детей мастеровых Н. Н. Демидов предлагал использовать популярный в тот период времени ланкастерский метод взаимного обучения. Но в 1820-х гг. несколько попыток реализации этого пожелания в Нижнетагильском округе закончились неудачей, из-за субъективных факторов: смены учителей, а затем и смерти самого владельца[2].

Похожие тенденции можно проследить и в развитии Чёрмозского училища. В 1824 г. Х. Е. Лазарев подписал «Дополнительные правила» к его Уставу. Они закрепили фактически уже сложившуюся практику. Число штатных учеников увеличивалось до 50, а срок обучения составлял уже 5 лет.

В конце 1820-х гг. была разработана более обширная программа для Чёрмозского училища, рассчитанная на девятилетний срок обучения. В 1831 г. она была утверждена владельцами с принятием специального «Постановления», по которому оно переименовывалось в заводское. Количество штатных учеников увеличивалось до 70, существенно расширялся список учебных дисциплин.

---

[1] См.: Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура Нижнетагильского. С. 90–91.
[2] Там же. С. 115–116.

В сентябре 1835 г. при училище был создан подготовительный класс. В нем обучали первоначальной грамоте кандидатов для поступления в это учебное заведение. В сентябре 1836 г. Чёрмозское училище было переведено в построенное новое здание главной конторы имения, где ему было выделено три комнаты на втором этаже. Здесь начала создаваться коллекция моделей горнозаводских машин и устройств. Расходы владельцев на училище возросли до 3,8 тыс. руб. в год[1].

Значительное расширение Выйского и Чёрмозского училищ свидетельствовали о постепенном осознании местной верхушкой значимости обучения в специальных заведениях. Численность учащихся в них стала существенно превышать определенные заводовладельцами штатные нормы.

Во второй половине 1830-х гг. в Российской империи в очередной раз обострилась борьба с расколом, который, по предвзятому мнению властей, во многом был следствием невежества. Возвращать старообрядцев в лоно Русской православной церкви планировалось не только с помощью насилия, но насаждением «официального» просвещения. Это предопределило начавшееся принуждение заводовладельцев к расширению сети учебных заведений со стороны государственных органов.

13 февраля 1835 г. пермский губернатор секретным письмом довел до сведения всех владельцев частных горнозаводских имений, что для ослабления влияния раскола в губернии, «его императорское величество повелел соизволить г. министру внутренних дел сообщить владельцам заводов озаботиться об учреждении училищ, подобных Новоусольскому Строгановых и Нижнетагильскому Демидовых». Через год заводчикам, ссылавшимся на отсутствие необходимых сведений, были отправлены пояснительные записки об этих учебных заведениях.

Отметим, что в качестве образца в этом предписании пермского губернатора были названы учебные заведения разного уровня. В Новоусольском училище было всего 3 учителя, 55 учеников и программа первоначального обучения. Оно

[1] Калинина Т. А. Развитие образования на Урале. С. 18–19, 30–33, 41–42.

получало от Строгановых до 800 руб. асс. ежегодно. Нижнетагильское (реально – Выйское) училище Демидовых в 1835 г. пансионного типа имело 11 учителей и их помощников, 160 учеников, программу обучения шире курса уездных училищ и годовой бюджет более чем в 30 тыс. руб. асс.[1]

Значительная роль в организации и деятельности предполагаемых к открытию новых училищ при частных горных заводах Урала отводилась Русской православной церкви. Она уже имела самую разветвленную сеть учебных заведений в Российской империи[2]. Духовенству отводилась ведущая роль в сфере начального образования. Такая позиция объяснялась как прагматическими соображениями (наличия необходимого уровня грамотности), так и идеологическими установками (священник как отец своих прихожан). Обучение начальной грамоте в тот период времени автоматически подразумевало и знакомство с основами православия по духовной литературе, широко используемой в качестве учебных пособий.

По настоянию обер-прокурора С. Д. Нечаева 3 сентября 1836 г. Синод утвердил «Правила обучения поселянских детей и особенно раскольничьих грамоте». В них духовенство призывалось к безвозмездному обучению детей в «домашних школах»[3]. 13 февраля 1837 г. действие «Правил» было распространено на девочек. Устав духовных консисторий, утвержденный 27 марта 1841 г., также «вменял в обязанность» епархиальному начальству «располагать и поощрять приходское духовенство к заведению и поддержанию при церквях училищ»[4].

В результате усиления государственного принуждения в частных горнозаводских хозяйствах Урала во второй половине 1830-х гг. произошло существенное увеличение численности учебных заведений. Больше всего новых училищ было создано в Нижнетагильском округе Демидовых. Принципиальным новшеством стало предназначение этих учебных заведений для всего заводского населения.

---

[1] РГИА. Ф. 44. Оп. 2. Д. 1069. Л. 12, 31; ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 775. Л. 1, 10–14.
[2] См.: Сысоева Е. К. Народная школа // Очерки истории русской культуры XIX в. Т. 3. М., 2001. С. 31.
[3] ПСЗ-II. Т. 41. № 14 409.
[4] Собрание постановлений по части раскола. СПб., 1875. С. 176–178, 188.

Первое народное училище для сыновей мастеровых (Висимоуткинское) было открыто уже в 1834 году. На необходимости расширения количества учебных заведений в округе настаивала Нижнетагильской конторы. Её приказчики обосновывали это тем, что сложившаяся традиционная практика обучать мальчиков у местных престарелых служителей дорога и сомнительна для их нравственности (те зачастую используют учеников как прислугу). Затем они стали ссылаться и на поступившие указания правительства открывать новые учебные заведения для усиления борьбы с расколом, а также неоднократно высказываемые заводовладельцами пожелания по «распространению просвещения».

В 1835 г. Нижнетагильская контора получила согласие на открытие еще четырех таких учебных заведений. Причем планировалось, что в них, кроме сыновей мастеровых, будут получать первоначальное образование и малолетние дети служителей, не попавшие в ограниченный штат Выйского училища, который Санкт-Петербургская контора Демидовых к тому же планировала сократить. В результате, после дополнительных согласований, в Нижнетагильском округе было открыто сразу шесть новых народных училищ: в 1836 г. – при Нижнесалдинском, Черноисточенском и Нижнетагильском; в 1837 г. – Верхнесалдинском; в 1839 г. – Висимошайтанском заводах и селе Воскресенском. Они действовали на основании специального «Положения», утвержденного заводовладельцем в 1835 г.

Новые училища находились в епархиальном ведении, но общий надзор за их деятельность осуществлял главный учитель (смотритель) Выйского заводского училища. Заводоуправление выделяло помещение для занятий (одну или несколько комнат), от размера которого, главным образом, зависело количество учеников, а также учебные книги и принадлежности. Учителями обычно назначались местные священники, получавшие за преподавание дополнительное жалование. В училища принимались исключительно сыновья мастеровых и работников вспомогательных производств 8–9 лет. По достижению 12 лет мальчики определялись к заводским работам.

Состав новых учебных заведений в Нижнетагильском округе был стабильным. В 1841 г. вместо прекратившего деятельность училища селе Воскресенском создали подобное при Лайских заводах. Впоследствии самым известным выпускником стал будущий писатель Д. Н. Мамин-Сибиряк. Он обучался в Висимошайтанском приходском училище, где в 1852–1878 гг. преподавал его отец – местный священник Н. М. Мамин[1].

В Нижнетагильском округе появился и другой вид учебных заведений для детей мастеровых и крестьян: епархиальные или домашние (несколько позднее их станут называть церковно-приходские) училища. Они были созданы при православных и единоверческих церквях[2]. Первое мужское единоверческое училище при храме Пресвятой Богородицы Нижнетагильского завода было открыто 26 октября 1837 г. Однако в 1842 г. оно было закрыто «по малому числу учеников»[3].

В округе, принадлежавшем Кнауфу, были открыты новые училищ при Саранинском (15 марта 1837 г.), Бизярском (6 декабря 1837 г.), Курашимском (8 декабря 1837 г.) и Иргинском (16 января 1838 г.) заводах. В 1842 г. в них обучался 51 мальчик[4].

Под давлением властей были созданы училища в других частных горнозаводских хозяйствах Урала: при Добрянском заводе Строгановых (декабрь 1835 г.), Верх-Исетском (октябрь 1836), Быньговском различных ветвей Яковлевых (июль 1837 г.), Лысьвенском и Бисертском княгини Бутеро (декабрь 1837 г.), Верхнеуфалейском Губина и Шайтанском Яковлевых (1837), Рождественском Демидовой (июль 1838 г.), Кусье-Александровском (февраль 1839 г.) и Архангело-Пашийском (март 1839 г.) Голицыных, Уинском наследниц Яковлевых (октябрь 1839 г.). Они предназначались для обучения детей всего

---

[1] Павлова Т. На уроки к батюшке // Уральский музей. 2005. № 11(13). С. 6.
[2] Как уже отмечалось, первое епархиальное училище в частном горном округе Урала было учреждено в Каслинском заводе еще в 1829 г.
[3] ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 758. Л. 229–230; Д. 841. Л. 80–81.
[4] РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 262. Л. 61–62.

заводского населения, за исключением Верх-Исетского и Быньговского, рассчитанных исключительно на сыновей служителей[1].

Новые учебные заведения содержались заводовладельцами. Их управления и конторы предоставляли им помещения, учебные книги и принадлежности, платили дополнительное жалование преподавателям из духовных лиц, а в случае необходимости, назначаемым им в помощь заводским служащим. Но ни в одном округе при училище не было создано пансиона (как в предлагаемом в качестве образца Выйском училище). Единственный, кто предполагал это сделать был А. И. Яковлев, но это предложение владельца не было осуществлено на практике.

В целом государственное принуждение, а также объективные потребности развития горнозаводских производств, способствовали значительному увеличению численности учебных заведений в частных горных округах Урала во второй половине 1830-х годов. Этот рост продолжился и в начале следующего десятилетия. В результате их численность за короткий срок увеличилась более чем вдвое.

В 1843 г. при частных заводах Пермской губернии действовало 44 учебных заведения, в которых преподавало 113 учителей и обучалось 1589 учеников. Во всех хозяйствах имелось, как минимум, по одной школе. Наибольшее их число было в Нижнетагильском и Кнауфском округах, соответственно 10 и 6[2]. В Оренбургской губернии при частных горных заводах действовало 12 школ[3]. Здесь также практически во всех хозяйствах имелось, как минимум, по одной школе. То есть можно говорить о завершении формирования сети учебных заведений в частных горных округах Урала на рубеже 1830–1840-х гг.

В тот же период времени начался переход крупных училищ в частных горнозаводских хозяйствах Урала в ведение министерства народного просвещения (МНП). Поводом для частичного изменения статуса стало закрытие в марте 1837 г. Чёрмозского заводского училища по распоряжению губернских властей. Формально это было сделано из-за открытия в поселке «Общество приверженцев

---

[1] См.: Черноухов Э. А. Учебные заведения Верх-Исетского. С. 113–114; Шишонко В. Н. Материалы к описанию. С. 212; ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 2433. Л. 9–49.
[2] Подсчитано автором по: ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 2433. Л. 9–49.
[3] РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 262.

свободы». Но Лазаревы считали, что причиной такого несоразмерно жесткого решения стало наличие в учебном заведении третьего класса с дополнительными предметами, преподавание которых не предусматривалось «Уставом уездных и приходских училищ» 1828 г.

По ходатайству владельцев имения в сентябре 1838 г. учебное заведение при Чёрмозском заводе возобновило свою деятельность, но уже в ведении МНП. Лазаревы предписали заводоуправлению следить за строгим соблюдением всех требований нормативной базы этого министерства. При этом Чёрмозское училище осталось на полном содержании заводовладельцев, выделявших по штатному положению до 1400 руб. сер. в год, с 1844 г. – 1 630[1].

Вскоре подобная реорганизация началась и в других крупных частных горнозаводских учебных заведениях региона. Выйское училище было передано в ведение Министерства народного просвещения указом от 31 октября 1839 г., также оставшись на полном содержании Демидовых[2]. В 1843 г. все семь училищ Нижнетагильского округа также были переданы в ведение Министерства народного просвещения. Они получили статус приходских, и также остались на содержании заводовладельцев, тративших на них до 4450 руб. асс. в год.

9 декабря 1841 г. императором было утверждено положение о наблюдении Министерства народного просвещения над всеми частными учебными заведениями в империи. После этого началась переписка с Министерством финансов о том, нет ли препятствий к переподчинению всех существующих училищ при частных горных заводах[3].

В. А. Глинка согласился с передачей, отметив, что в законодательстве нет прямых указаний о заведовании Уральского горного правления над частными учебными заведениями при заводах, а это делается больше по традиции. Специально оговаривалось положение, что вся их хозяйственная часть останется в ведении заводоуправлений. В ноябре 1842 г. министры финансов и народного

---

[1] ГАПК. Ф. 280. Оп. 1. Д. 589. Л. 1–2об.; Д. 1077. Л. 753.
[2] См.: Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура Нижнетагильского. С. 94–96.
[3] РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 262. Л. 55–56.

просвещения дали указания о переподчинении частных горнозаводских училищ региона (кроме так называемых домашних) на согласованных условиях[1].

Процесс смены ведения, породивший разнообразную переписку, растянулся на значительный срок. В Оренбургской губернии он завершился только в 1853 г.[2]

В результате переподчинения стороны достигли компромисса. Министерство народного просвещения распространило свое ведение на крупные учебные заведения в частных горнозаводских хозяйствах, не приняв на себя какую-либо часть их финансирования. В свою очередь, заводовладельцы охранили полный контроль над всей хозяйственной сферой этих училищ. Руководство ряда заводоуправлений выгодно воспользовалось сменой подчиненности учебных заведений. Их управляющие, сдав несложный экзамен, числились учителями в местных приходских училищах (реально не занимаясь преподаванием) и получали по выслуге преимущества государственной службы[3].

Дальнейшему расширению сети частных горнозаводских учебных заведений на Урале способствовали новые меры государственного принуждения. Именной указ от 15 марта 1847 г. «вменял в обязанность» владельцам селений в местах распространения раскола иметь не менее одного училища на две тысячи душ населения[4]. Министерство внутренних дел ежегодно запрашивало о выполнении этого требования, определяло устранить замеченные недостатки. В результате численность учебных заведений в частных горнозаводских хозяйствах Урала еще раз существенно увеличилась.

В 1847–1850 гг. в Нижнетагильском округе были созданы сразу 11 новых училищ: восемь единоверческих и три православных[5]. Все они поступили в епархиальное ведение. Новые училища располагались в небольших помещениях: флигелях или комнатах при церквях, квартирах священников. Соответственно, число

---

[1] Сборник распоряжений по Министерству народного. Т. 2. Стб. 643. ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 6530. Л. 1–5.
[2] Фархшатов М. Н. Народное образование на Южном Урале. С. 28.
[3] Воеводин Л. Е. Билимбаевское двухклассное. С. 68.
[4] Собрание постановлений по части. С. 366–367.
[5] Первые четыре мужских единоверческих училища в Нижнетагильском округе были созданы еще в 1846 г.

учеников в этих учебных заведениях обычно не превышало трех десятков человек в каждом. Заводоуправлением выделяло средства на отопление, освещение, охрану помещений, приобретение учебных пособий и принадлежностей. На обустройство и содержание этих училищ шли и пожертвования состоятельных прихожан Нижнетагильского округа. Особо отметим, что среди этих учебных заведений были и первые при частных горных заводах семь училищ для девочек. В них принимали дочерей всех работающих в хозяйстве округа[1].

В другом крупнейшем горном округе региона (Верх-Исетском Яковлевых) к 1850 г. также было открыто сразу 11 мужских «домашних» школ: пять православных и шесть единоверческих. При Верх-Нейвинском заводе было создано три школы, Верхнетагильском, Режевском и Сылвинском – по две, Шайтанском и Шуралинском – по одной. В них обучались немногим более ста мальчиков, в основном, детей мастеровых[2].

В январе 1851 г. были открыты новые мужские училища в Пермском имении Лазаревых: второе в Чёрмозе, а также Кизеловском и Полазнинском заводах. В них поступили в основном дети мастеровых и работников вспомогательных производств. Местные священники, получавшие небольшое дополнительное жалование от заводоуправления, преподавали здесь предметы начальной грамоты. После этого Лазаревы строжайшим образом запретили производить какое-бы то ни было расширение училищ в имении, открывать новые и обращаться с любыми проектами на этот счет[3].

В Невьянском округе наследников Яковлевых к 1850 г. были открыты новые мужские школы при Невьянском и Петропавловском заводах, а в первом из них еще и женская. В 1852 г. в пяти учебных заведениях этого округа обучалось 89

---

[1] См.: Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура Нижнетагильского. С. 119–120, Приложение № 4.
[2] ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 2475. Л. 178, 187.
[3] Калинина Т. А. Развитие народного образования. С. 53; Новокрещенных Н. Н. Указ. соч. С. 101.

мальчиков и 13 девочек[1]. В 1848 г. открылась школа при Ирбитском заводе, получавшая материальную поддержку от заводоуправления[2].

В результате на рубеже 1840–1850-х гг. при уральских частных горных заводах были открыты три десятка новых учебных заведений. Большинство из них поступили в епархиальное ведение, а содержалось, главным образом, на средства заводовладельцев. Они предназначались для обучения начальной грамоте детей всего заводского населения. Здесь, в том числе появились и первые училища для девочек.

Соотношение «не менее одного училища на две тысячи душ», установленное указом от 15 марта 1847 г., не стало чрезмерно обременительным для большинства частных заводовладельцев Урала. Практически все из них рапортовали в Министерство внутренних дел о наличии соответствующего и даже большего числа учебных заведений.

Между тем они практически не выполняли поставленной перед ними цели – ослабления раскола. Управляющий Верх-Исетского округа сообщал заводовладельцу в 1847 г.: «Правительство заботится о школах, разумно учреждение их, конечно и для детей раскольников, но о том, как привлекать их в школы от упорных отцов их, ничего не говорит». В ежегодных рапортах из заводских контор округа, вплоть до отмены крепостного права, отмечалось, что новые учебные заведения никакого влияния на ослабление раскола не имели. Старообрядцы просто не отдавали в них детей, несмотря на все уговоры и угрозы. В рапорте в Министерство внутренних дел 1852 г. сообщалось, что из 2133 раскольников мужского пола в Верх-Исетском округе в школу поступил только один[3]. Старообрядцы продолжать обучать своих детей самостоятельно или у других частных лиц.

Подобные донесения поступали и из других заводоуправлений и контор Урала. Привлечь к обучению детей в новых учебных заведениях реально удалось

---

[1] ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 6451. Л. 1–5; Ф. 72. Оп. 1. Д. 2475. Л. 202–203.
[2] Некрич Г. М. Об открытии первых школ на территории Артемовского района // Наш край. Свердловск, 1971. С. 54–55.
[3] ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 2475. Л. 24, 151, 205.

только детей единоверцев, чьи отцы пошли на компромисс с властями. Для них в ряде частных хозяйств региона были созданы отдельные единоверческие училища.

По обоснованному мнению В. А. Шкерина, в первой половине XIX в. основной «урон» уральскому старообрядчеству нанесли ужесточение запретов на занятие руководящих должностей и развернувшаяся активная золотодобыча. Именно эти явления, а не попытки насаждение просвещения, способствовали переходу многих его представителей в единоверие[1].

В 1850-х гг. расширение сети горнозаводских училищ на Урале было незначительным. Следует выделить лишь создание в 1853 г. в Нижнетагильском заводском поселке женского учебного заведения «повышенного типа» – Анатольевского училища. Второй пункт устава, утвержденного главноуправляющим заводами округа А. И. Кожуховским, четко определял его цель: «чтобы соответственно образованию, даваемому служащим, предназначенным быть деятелями обширной администрации, приготовить для них и жен с воспитанием и понятиями, свойственным их положению». Анатольевское училище учреждалось как чисто сословное учебное заведение, своеобразным образом дополняющее Выйское заводское.

Оно предназначалось исключительно для дочерей служителей. Возраст приема был установлен в 9–12 лет. 20 воспитанниц из числа круглых сирот поступали на полное пансионное содержание заводовладельцев. Вскоре в число пансионерок также стали принимать дочерей умерших служителей и имеющих неродных матерей, и даже из малообеспеченных служительских семей. В учебном отношении Анатольевское училище подчинялось епархиальному начальству, в хозяйственном – заводоуправлению, выделявшему на его содержание 1800 руб. сер. ежегодно[2].

Наиболее репрезентативным источником о численности частных горнозаводских училищ Урала (в Оренбургской, Вятской и Пермской губерниях)

---

[1] См.: Шкерин В. А. Генерал Глинка. С. 219–222.
[2] См.: Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура Нижнетагильского. С. 121–122.

накануне отмены крепостного права являются ведомости за 1859 год. Они были предоставлены заводскими исправниками в Канцелярию главного горного начальника. В начале XIX в. здесь было всего четыре училища, то за первую половину столетия их численность увеличилась в 25 раз (см. Таблицу № 6). В результате они появились при большинстве частных заводов Урала.

Таблица № 6

Частные горнозаводские училища на Урале в 1859 г. [1]

Губерния	Училищ	Учителей	Учеников
Пермская	82 [2]	169	2959
Оренбургская	15	44	679
Вятская	2	3	62
Всего	99	216	3700

Учитывая, что многие заводы в частных округах региона были вспомогательными и располагались в непосредственной близости от основных, можно считать, что учебные заведения имелись в абсолютном большинстве его заводских поселков. Причем в самых крупных из них действовали сразу по несколько учебных заведений различного ведения, но на полном содержании заводовладельцев.

Самая разветвленная сеть учебных заведений к 1861 г. имелась в Нижнетагильском горном округе. Она, кроме Выйского заводского училища, включала в себя восемь приходских училищ, находящихся в подчинении Министерства народного просвещения, и 14 (православных и единоверческих) училищ епархиального ведения. В этих 22 начальных учебных заведениях обучалось 558 мальчиков и 206 девочек[3].

Часть горнозаводских учебных заведений Урала, возникших на основе «Правил для обучения поселянских детей», осталась в епархиальном ведении.

---

[1] Составлено автором по: ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 2398; Ф. 43. Оп. 1. Д. 280, 320. В этих источниках отсутствуют сведения по шести школам, которые взяты нами из соответствующих отчетов за 1856 г. для Шайтанских и 1858 г. для Кыштымских и Кизеловского заводов.

[2] В том числе 15 женских (31 учитель, 358 девочек).

[3] ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 1499. Л. 158–159.

Вопрос о статусе этих так называемых «домашних школ» несколько раз поднимался в 1850-х гг., породив серьезные межведомственные противоречия.

В 1857 г. их попыталось подчинить своему ведению Министерство народного просвещения. Но Уральское горное правление не предоставило необходимые сведения[1]. В 1859 г. вопрос о переподчинении МНП части «домашних школ» подняла уже верхушка уральского духовенства. Но это встретило решительные возражения ряда заводоуправлений, особенно Нижнетагильского и Чёрмозского. Управляющие заводами не желали увеличения отчетности о деятельности этих училищ и, главное, необходимости сдачи их учителями специального экзамена на право преподавания, установленного в учебных заведениях Министерства народного просвещения[2].

В целом в первой половине XIX в. наблюдался устойчивый рост численности учебных заведений в частных горных округах Урала. В 1801 г. здесь действовало всего 4 училища; в 1810 г. – 10; в 1830 г. – 23; в 1843 г. – 56; 1859 г. – 99. В результате накануне отмены крепостного права учебные заведения имелись уже при большинстве частных горных заводов Урала.

В первой трети XIX в. заводовладельцы ограничивались открытием училища при главном заводе округа. В них обучалось относительно небольшое количество мальчиков, необходимое для замещения административных и технических должностей. Значительный рост количества учебных заведений в частных горнозаводских хозяйствах Урала произошел со второй половины 1830-х гг. Это стало следствием комплекса причин: продолжения утверждения патерналистских отношений, совершенствования производства, требовавшего все большего количества грамотных работников, усиления государственной борьбы с расколом.

Новые училища были открыты не только в центрах округов (имений), но и поселениях при других заводах, крупных рудниках и промыслах. В них начали обучать начальной грамоте уже не только сыновей служителей, но и частично других категорий горнозаводского населения: мастеровых, дворовых,

---

[1] Там же. Д. 1277.
[2] ГАПК. Ф. 280. Оп. 1. Д. 1114. Л. 74–75; ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 1432.

непременных работников, «заводских» крестьян, а также девочек. При этом на новые учебные заведения выделялись существенно меньшие суммы, чем на училища в центрах имений.

В конце 1830-х–1840-е гг. крупные училища в частных горнозаводских хозяйствах Урала перешли в ведение Министерства народного просвещения. Существенно возросла роль и Русской Православной церкви в деле развития образования. Значительная часть новых учебных заведений при частных горных заводах Урала были так называемыми «домашними» школами епархиального ведения.

Переходим к анализу программы обучения, составу и распределению их воспитанников. Как уже отмечалось, советские исследователи традиционно причисляли горнозаводские школы Урала к профессиональным или специальным учебным заведениям (в другом варианте: сочетавшими общеобразовательную и специальную подготовку). В историографическом обзоре уже отмечена ошибочность подобной классификации. Абсолютное большинство частных горнозаводских училищ Урала на протяжении всей своей истории оставались общеобразовательными заведениями.

Курс обучения здесь традиционно включал только предметы первоначальной грамоты: закон Божий, чтение, письмо, арифметику, грамматику. В училищах, расположенных в центрах горнозаводских хозяйств, к ним нередко добавлялись еще ряд общеобразовательных предметов: рисование, черчение, география, история, начала физики.

Подобная программа обучения объяснялась целым комплексом взаимосвязанных причин: малым возрастом воспитанников, отсутствием соответствующей учебно-материальной базы и квалифицированных учителей для преподавания специальных дисциплин, традициями обучения прикладным навыкам непосредственно на производстве, оформлением четких внутрисословных «перегородок», а впоследствии и установками Министерства народного просвещения, в ведение которой перешла часть горнозаводских школ Урала. Рассмотрим подробнее каждую из них.

В частных горнозаводских учебных заведениях Урала обычным для воспитанников считался возраст в 8–15 лет (для круглых сирот он несколько увеличивался). В училищах с более обширной программой обучения заводовладельцы стремились несколько увеличить возраст приема и выпуска до разумных пределов. Так, Н. Н. Демидов первоначально определил принимать в Выйском училище мальчиков 6–10 лет, а выпуск производить «по совершении курса в назначенных к обучению науках». В конце правил была сделана приписка о том, чтобы стремиться «не принимать моложе 8 лет, ибо до тех пор младенец еще, а с восьми лет уже дитя, которого можно учить».

Впоследствии возраст приема мальчиков постепенно повышался. В предписании заводовладельца в Нижнетагильскую контору в 1820 г. он был определен уже с 9, а возраст выпуска – 17 и не позднее 18 лет. В середине 1830-х гг. П. Н. Демидов указал, что «мальчики принимаются от 9–12 лет и продолжают учиться до 17-летнего возраста, переходя из класса в класс, смотря по успехам в науках. В первом случае принимаются в училище только дети-сироты, а прочие не менее 11–12 лет». В 1850-х гг. было окончательно установлено правило не принимать в Выйское училище мальчиков моложе 11 лет. Исключение делалось только для сирот[1].

Возраст приема в Чёрмозское училище Лазаревых также постепенно повышался: до 9 (в 1824), а затем и 10–13 лет (1837), «смотря по физическим силам»[2]. А. И. Яковлев в 1836 г. определил его для Верх-Исетского училища в 11–15 лет. Примерно таким же он был и в других частных горнозаводских школах региона. Эта тенденция объясняется постепенным усложнением программы обучения. Кроме того, воспитанники не должны были оканчивать курс в «раннем» возрасте, что создавало трудности с их распределением к служительским должностям.

В тоже же время заводовладельцы выступали против «чрезмерно» длинного обучения в училище. «Привыкши до 19 лет держать одно перо, едва ли годны будут держать топор или другой какой инструмент» – писал в Нижнетагильскую

---

[1] См.: Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура. С. 88–89.
[2] ГАПК. Ф. 280. Оп. 1. Д. 739. Л. 2–3.

контору Н. Н. Демидов. Он же рассуждал, что из-за «излишнего» образования у заводских жителей может наступить «повреждения нравов». По его мнению, «отец иногда по суеверию и малому просвещению чего-либо не сделает, а сын, лишившись суеверия, на оное не посмотрит»[1].

У Лазаревых в Чёрмозском училище был установлен срок выпуска в 15 лет. По мнению владельцев, с этого времени «начинают уже развиваться страсти, и без строго надзора обращаются в дурные наклонности, вредные для самих и малолетних учеников»[2]. Поэтому подростки должны были распределяться для прохождения службы.

В целом определенный заводовладельцами возраст учеников не предполагал какой-либо серьезной профессиональной подготовки. Общеобразовательное обучение естественно предшествовало овладению специальными навыками, которые выпускники традиционно приобретали уже непосредственно на соответствующих производствах.

Широкому введению прикладных предметов также препятствовало отсутствие соответствующей учебно-материальной базы и квалифицированных преподавателей. Так, в 1811 г. Н. Н. Демидов в письме к директору Нижнетагильских заводов М. Д. Данилову предложил ввести в Выйском училище курсы механики и медицины. Однако тот ответил, что для преподавания первого предмета нет подготовленного учителя, а для второго – у заводского врача отсутствует свободное время.

Сам М. Д. Данилов был талантливым практиком, не получившим систематического образования. Он, как и большинство руководителей округа в первой половине XIX в., считал более эффективным овладение специальными навыками непосредственно на производстве[3].

За общеобразовательный характер обучения в начальных заведениях традиционно выступало Министерство народного просвещения, в чье ведение перешла значительная часть горнозаводских школ Урала в 1830–1840-х гг. Его руководство настаивало на том, что общее образование должно предшествовать

---

[1] Дашкевич Л. А. Формирование технической интеллигенции. С. 125.
[2] ГАПК. Ф. 280. Оп. 1. Д. 739. Л. 6об.
[3] См.: Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура Нижнетагильского. С. 90.

всякому специальному, и нецелесообразно «смешивать» их в одном учебном заведении[1]. После перехода горнозаводских школ в ведение МНП заводовладельцам требовалось получить специальное разрешение для преподавания дисциплин, выходящих за рамки программы приходских училищ.

В силу сочетания всех этих причин обучение во всех частных горнозаводских учебных заведений Урала имело общеобразовательный характер. Не являлось исключением и Выйское училище, отличавшееся самой обширной программой на протяжении всей первой половины XIX века. Воспитанник Лазаревых П. И. Крючков, окончивший его курс в 1855 г., причем первым учеником в выпуске, написал владельцу, что «остался в горных науках малосведущ», так как в специальных дисциплинах преподавались только самые начальные сведения. Поэтому он попросил оставить его в Нижнетагильском поселке для практики непосредственно на различных заводских производствах. Согласие на это Лазаревых было получено[2].

После перехода в ведение МНП все специальные дисциплины в Выйском училище были сведены в общие курсы механики и горнозаводского искусства. При этом две ставки учителей этих предметов, дающих права государственной службы, постоянно оставались вакантными.

Некоторые крупные заводовладельцы регулярно отправляли способных мальчиков из своих уральских хозяйств в других учебных заведениях. Н. Н. Демидов в 1822 г. создал училище-пансион повышенного типа при своей Санкт-Петербургской конторе. Здесь воспитанники, в том числе из Нижнетагильского округа, подготавливались для продолжения обучения за границей[3].

Кроме того, нижнетагильские Демидовы в первой половине XIX в. регулярно отправляли лучших воспитанников Выйского училища для продолжения обучения в губернские города, столицы и за границу. Так, в 1847 г. за их счет обучалось

---

[1] Проблема соотношения общего и профессионального образования неоднократно становилась предметом дискуссий в отечественной педагогике. При этом каких-либо обоснованных компромиссных выводов так и было сделано.

[2] ГАПК. Ф. 280. Оп. 1. Д. 766. Л. 746–746об.

[3] См.: Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура Нижнетагильского. С. 90–91, 96.

в Санкт-Петербурге, Москве, Казани – 14, Перми и Екатеринбурге – 6, за границей – 19 человек[1].

У Строгановых в Санкт-Петербургской школе сельского хозяйства и горнозаводских наук в 1824–1847 гг. находилось 93 человека из Пермского имения, из которых 73 прошли полный курс. После ее закрытия способные мальчики с Урала отправлялись для продолжения обучения в заведения Москвы и Санкт-Петербурга[2]. Два специалиста для Пермского горнозаводского хозяйства (А. Е. Теплоухов и П. С. Шорин) были подготовлены за границей[3].

У Всеволожских лучшие воспитанники из Пермского имения в 18 лет направлялись для продолжения обучения в их «высшую» школу в Рябово под Санкт-Петербургом. Здесь, наряду с общеобразовательными дисциплинами, преподавали горное искусство, топографию, лесоводство, архитектуру. Теоретическое обучение сочеталось с практическими занятиями. Успешное окончание этого заведения открывало дорогу к высшим должностям в служительском штате Пермского имения[4].

В целом даже самые крупные училища в центрах обширных частных горнозаводских хозяйств Урала в первой половине XIX в. оставалось общеобразовательными учебными заведениями. Вместе с тем следует учитывать, что споры о содержании обучения в них действительно продолжались несколько десятилетий. Попытки придания ему прикладного направления несколько раз предпринимались в учебных заведениях, расположенных в центрах крупных округов. Рассмотрим наиболее последовательные из них.

В Выйском училище, следуя постоянным указаниям заводовладельца, обучение и воспитание «приноравливалось» к «состоянию человека… и будущим его занятиям»[5], т.е. должно было решать и некоторые прикладные задачи. Здесь, помимо общеобразовательных дисциплин, периодически преподавали ряд специальных предметов: начала металлургии, механику, геодезию, российское правове-

---

[1] Подсчитано автором по: ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 913.
[2] Рогов Н. А. Материалы для истории. С. 87, 92.
[3] Вологдин И. В. Материалы к истории. С. 95.
[4] Прокошев В. В. Первые школы. С. 17–18.
[5] См., например: РГАДА. Ф. 1267. Оп. 3. Д. 535. Л. 1–2.

дение, делопроизводство и бухгалтерию. При этом они практически никогда не велись одновременно: некоторые убирали, другие, наоборот, добавлялись, в зависимости от наличия подготовленных преподавателей, обычно совместителей с заводских производств.

В «Положении» Выйского училища 1835 г. содержалось указание учредить поблизости от него «практическую школу ремесел», куда после обеда направлять воспитанников старших классов. Здесь они, под руководством опытных мастеров, должны были заниматься распознаванием горных пород и минералов, съемкой планов местности, наблюдать и описывать различные производства (металлургическое, железоделательное, механическое) и даже обучаться некоторым «мастерствам».

При этом заводовладельцем учитывалось традиционно презрительное отношение местных служителей к физическому труду. П. Н. Демидов в специальном распоряжении особо подчеркнул, что эти воспитанники не только не лишатся права занятия высших служительских должностей, но, напротив, даже будут иметь преимущества при назначении.

Но принятие нового «Положения» не привело к реальному изменению характера обучения. В 1848 г. Нижнетагильское заводоуправление констатировало, что на служительские должности назначаются выпускники Выйского училища, не знающие практической части вверенного им дела, и потому являющиеся не более чем «конторщиками по письменной части». Поэтому предполагалось расширить программу преподавания за счет специальных предметов, а на важнейших производствах ввести штат учеников для подготовки к будущей службе[1].

В утвержденном в 1848 г. новом Штате учебных заведений Нижнетагильского горного округа в Выйском училище был создан четвертый, так называемый «высший практический» класс (или «практическая школа»). К преподаванию в нем специальных дисциплин по совместительству были привлечены заводские специалисты округа. В конце 1840-х гг. с воспитанниками «практического класса» занимался известный механик, один из изобретателей первого российского паро-

[1] См.: Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура Нижнетагильского. С. 96–98.

воза, выпускник Выйского же училища 1831 г., М. Е. Черепанов. Он преподавал механику и горнотехническое черчение. Смотритель училища А. П. Ерофеев занимался с воспитанниками этого класса минералогией и черчением планов[1].

Выйское училище получило известность на Урале. Периодически владельцы других частных горных округов региона запрашивали о возможности обучения здесь нескольких своих воспитанников. Но Нижнетагильское заводоуправление традиционно отрицательно относилась к подобной перспективе. По мнению ее руководства, мальчики со стороны «чувствуя себя независимее здешних и, следовательно, свободнее в поступках, не могут не иметь вредное влияние на нравственность и образ мыслей других воспитанников»[2].

Поэтому в 1830–1840-х гг. в Выйском училище не обучалось ни одного воспитанника из других частных горнозаводских хозяйств Урала. Лишь в исключительных случаях принимались лица, проживающие в Нижнетагильском округе, но не состоящие на службе у Демидовых.

Подобные попытки придания обучению прикладного характера предпринимались и некоторыми другими крупными заводовладельцами. Два воспитанника Лазаревых Ф. Чирков и Н. Чернов, после обучения в вышеназванном училище Строгановых в Санкт-Петербурге, разработали более обширную программу для Чёрмозского училища. Она была рассчитана на девятилетний срок обучения, вместо существовавшего пятилетнего. В 1831 г. программа была утверждена владельцами с принятием «Постановления Чермозского заводского училища». Расходы на учебное заведение возросли до 3,8 тыс. руб. в год[3].

В старшем третьем (горнозаводском) классе, открытом в 1832 г., предполагалось преподавать специальные предметы: механику, геодезию, минералогию, металлургию, заводскую архитектуру, маркшейдерское и пробирное искусство. Летние месяцы отводились для практических занятий[4].

---

[1] Виргинский В. С. Черепановы. Свердловск, 1987. С. 195–196.
[2] См.: Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура Нижнетагильского. С. 90–91.
[3] См.: Калинина Т. А. Развитие образования на Урале. Приложение.
[4] Там же. С. 30–33.

Но для преподавания этой обширной программы реально не было необходимых квалифицированных педагогов и соответствующей учебно-материальной базы. Поэтому обучение большинства его первых 11 «практикантов» так и не было завершено[1]. Осенью 1836 г. экзамены о его окончании, причем по сокращенной программе, сдали всего четыре воспитанника[2]. В воссозданном после временного закрытия Чёрмозском училище горнозаводского класса уже не было. В начальных учебных заведениях ведения МНП не предполагалось подобных предметов обучения.

В Верх-Исетском училище Яковлевых в 1838 г. также открыли третий «практический» класс. Для обучения в нем самых способных учеников «горным наукам» (минералогии, геогнозии, металлургии) местное заводоуправление заключало контракты с поручиком Корпуса горных инженеров (КГИ) И. В. Авдеевым (1838–1840) и штабс-капитаном А. Р. Неупокоевым (1840–1841), преподававших этот курс в Екатеринбургском уездном училище.

В 1841 г. было принято решение о создании в Верх-Исетском округе специальной химической лаборатории. Для нее было выделено соответствующее помещение, закуплены необходимые оборудование, инструменты и реактивы. Здесь нанятый поручик Корпуса горных инженеров П. И. Шубин преподал трем мальчикам из училища курс практической химии[3].

Но после переподчинения Министерству народного просвещения (1843 г.) программа Верх-Исетского приходского училища вновь приобрела исключительно общеобразовательный характер. Его воспитанники стали получать практические навыки непосредственно на производствах.

В целом в некоторых крупных горнозаводских училищ Урала (Выйском, Чёрмозском, Верх-Исетском) периодически, наряду с более широким кругом общеобразовательных дисциплин, вводили и элементы профессиональной подготовки. Но на протяжении всей первой половине XIX в. это нигде не принесло ожидаемых заводовладельцами результатов.

---

[1] Калинина Т. А. К вопросу о формировании. С. 27–28.
[2] Калинина Т. А. Развитие образования на Урале. С. 48–49.
[3] ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 2465. Л. 1–4, 11–25.

Приданию прикладного характера обучению в горнозаводских школах препятствовала сложившаяся психология представителей служительского штата. Физический труд на заводских производствах в этой среде уже считался недостойным занятием. Привлечение к нему сыновей служителей встречало упорное сопротивление.

В частности, в 1844 г. владельцы Пермского имения Лазаревых предложили после обеда направлять учеников старшего класса Чёрмозского училища для практического обучения непосредственно на заводских производствах. Но это вызвало резкие возражения местного правления и законоучителя. В записках владельцам они отметили, что на заводских производствах нет соответствующих занятий для подростков, ещё не приобретших необходимых физических сил. Кроме того, особо отмечалась нецелесообразность для сыновей служителей общения с «непросвещенными» мастеровыми, которое «повредит» их нравственности. Поэтому решили ограничиться чисто формальным приданием «практического направления» обучению письму (переписывать деловые бумаги), математике (вести заводские расчеты) и черчению (снимать планы). В переписке по этому вопросу особо отмечалось, что такие новшества не будут противоречить нормативной базе Министерства народного просвещения[1].

Сложившийся служительский штат, значительная часть которого формировалась по наследственному принципу, все более выражал откровенное презрение к физическому труду. Это отношение естественно вредно воздействовало на другие слои местного крепостного населения.

Приведем обширную цитату из специальной записки А. В. Всеволожского 1847 г. Она была подана директору училищ Пермской губернии И. Ф. Грацианскому при передаче его училищ в ведение Министерства народного просвещения. Излагая взгляды на обучение крепостного населения, А. В. Всеволожский ярко отразил серьезную проблему в обучении на уральских горных заводах середины XIX века. «Простое распространение грамотности влекло к ошибочному понятию, что все обучавшиеся в школах, считают работы

[1] ГАПК. Ф. 280. Оп. 1. Д. 1077. Л. 5–17об.

(физические – Э. Ч.) для себя низкими, будто бы могут уже и должны поступать непременно к занятию должностей по счетной части, смотрителей, надзирателей, даже приказчиков, а в случае недостатка вакансий, предпочитают проживать писарями или ищут найма у вольных торговцев в разные должности. Дабы предупредить такое ложное понятие и невозможность комплектовать, с одной стороны, цеха подмастерьями и мастерами, вполне способными к правильному производству работ и к необходимому в промышленности улучшению оных, а, с другой стороны пополнять должности только людьми, знающими по собственной практике все работы тех цехов, как в ведение их могут со временем состоять, мы постановили: чтобы никто не мог получить звание подмастерья, мастера и тем паче верховного мастера из подростков… если не умеют не читать, не считать, не чертить. А с другой стороны, чтобы никто не мог получить должности смотрителя, и тем паче приказчика, если по выходе из школы не обучился тем ремеслами и работам, как в ведении его со временем состоять могут, и не удостоился по сим ремеслам звания подмастерья или мастера»[1].

Подобные проблемы содержания обучения и распределения воспитанников волновали не только Всеволожских. Многие владельцы частных горнозаводских хозяйств Урала в первой половине XIX в. пытались добиться сокращения штата служителей и его «перевоспитания».

М. Д. Демидова, владелица Бисерского и Рождественского заводов, в 1845 г. весьма колоритно объясняла главному горному начальнику свое нежелание создавать новые училища. «Известно, как тягостно для заводов излишество служителей, и как вредны они собственно для себя, – грамотные же крестьяне, к сожалению, до сих пор считают в наказание работу и желают непременно быть служителями»[2].

Против перманентного роста служительского штата регулярно выступали Лазаревы. В письмах руководству их Пермского горнозаводского имения постоянно содержатся крайне резкие формулировки: «чем больше служителей,

---

[1] Там же. Ф. 176. Оп. 1. Д. 692. Л. 26–27.
[2] Обучение детей на уральских горных заводах. С. 129.

тем хуже, ибо тем увеличивается число людей праздных и порочных»; «класс служителей и так уже многочисленный во вред и во бремя». Детей мастеровых, чьи отцы «имели заслуги» перед владельцами, Лазаревы настоятельно рекомендовали «поощрять пристройством к выгодным в денежном плане должностям мастеровых»[1]. Но сами мастеровые, пробившиеся в служительский штат, настойчиво стремились определить своих сыновей в Чёрмозское училище. Это создавало для них реальную возможность также занять служительскую должность, не связанную с физическим трудом.

Известный служитель Строгановых А. Е. Теплоухов в середине XIX в. специально занимался вопросом о «рейтинге» занятий среди крепостного населения горнозаводского Урала. По его оценкам, молодые образованные люди стремились занять «письменные» должности и избегали технических, особенно связанных с определенным физическим трудом. Наиболее привлекательной была должность сельского приказчика, который «получает разные пособия со стороны, почти безгрешные, …которые в сочетании с приятностью жизни начальника, причиною, что все служители, до бухгалтера к ней стремятся»[2].

Учитывая этот исторический опыт, следует обратить внимание на несколько важных аспектов во многом парадоксальной проблемы «излишества грамотных людей». В результате значительного роста численности училищ она возникла в горнозаводских округах Урала во второй четверти XIX в. К сожалению, эта проблема не является уникальным случаем для России.

Рост численности грамотных работников был позитивным явлением, но превышал потребности существовавшего технологического уровня производства. Начавшаяся на горнозаводском Урале промышленная революция не сократила коренным образом использование тяжелого физического труда. Здесь назрела необходимость масштабной модернизации производства, следствием которой должно было стать широкое применение техники, с существенным увеличением

---

[1] ГАПК. Ф. 280. Оп. 1. Д. 589. Л. 3.

[2] Цит. по: Голохвастова Н. В. Крепостные служащие в системе управления уральскими горнозаводскими имениями в конце XVIII – первой половине XIX в. (на примере пермских вотчин Строгановых). Пермь, 2004. С. 158.

производительности труда. Важнейшая роль в этих процессах принадлежала образованным людям, прежде всего, инженерам и техникам.

Но как на практике провести кардинальное сокращение административного персонала, убедить грамотных молодых людей в перспективности работы непосредственно на производстве, а не в различных конторах и канцеляриях? Ключевая роль здесь традиционно отводится материальной заинтересованности работников.

Однако в России положение с этим традиционно неоднозначное. У технического персонала младшего и среднего звена на основных горнозаводских производствах, особенно в крупных частных округах Урала, в первой половине XIX в. жалование было существенно выше, чем у канцелярских служащих соответствующего уровня. Но зачастую не только оно определяло уровень жизни в горнозаводских хозяйствах Урала. Административный персонал традиционно имел значительные «дополнительные» доходы, извлекаемые различными неправедными путями. Важнейшим направлением модернизации должна была стать последовательная борьба с различными формами коррупции, получившими широкое распространение в России.

Переходим к анализу состава и положения преподавателей учебных заведений в частных горнозаводских округах Урала. Здесь на всем протяжении первой половины XIX в. пытались решить проблему их недостаточной квалификации. При остром недостатке специалистов Министерство народного просвещения разрешало занимать учительские места в приходских училищах всякому, обладающему знаниями по курсу и имеющему свидетельство о нравственной благонадежности. В частных школах это позволялось даже крепостным[1].

Поэтому первоначально практически во все созданные частные горнозаводские учебные заведения Урала для преподавания были определены местные священники и престарелые служители, уже неспособные к занятию «ответственных» (в терминологии заводских контор) должностей. Затем к обучению стали привлекаться и выпускники самих училищ, естественно не получившие здесь какой-либо

[1] Сысоева Е. К. Указ. соч. С. 18.

педагогической подготовки. Нехватка квалифицированных педагогов была одной из основных причин того, что результаты деятельности учебных заведений при частных горных заводах Урала зачастую не устраивали заводовладельцев Урала.

Это особенно ярко проявилось в Нижнетагильском округе. Н. Н. Демидов, учитывая имевшийся плачевный опыт, решил нанять в реорганизованное учебное заведение (с 1806 г. – Выйское училище) «настоящего учителя»[1].

В 1806 г. его Санкт-Петербургская контора заключила контракт с титулярным советником А. Т. Путимцевым. За обучение в Выйском училище 40 или более мальчиков ему полагались 650 руб. годового жалования, господская квартира и оплата проезда в обе стороны. Сведений о службе Путимцева в училище нам обнаружить не удалось. Видимо, он так и не приступил к работе.

Учительские обязанности с 1807 г. исполнял местный священник П. Наумов[2]. С 1810 г. ему помогали надзиратели училища – престарелые заводские служители А. Г. Волгуров, затем И. Т. Устьянцев и А. Заложнов[3].

Н. Н. Демидов продолжал регулярно выражать недовольство качеством обучения в Выйском училище, основываясь на слабых знаниях воспитанников, присылаемых по его требованию с Урала. В 1819 г. заводовладелец получил новые очевидные сведения по его неудовлетворительному состоянию. Нижнетагильская контора не смогла прислать по его требованию «одного или двух писарей, …даже не отличных, а просто элементарно обученных».

Главным виновником такого неудовлетворительного состояния Выйского училища заводовладелец считал его учебный персонал. По его мнению, учитель И. Г. Калашников сам не знал в достаточной мере ни грамоты, ни арифметики и фактически переложил обучение на учеников старших классов. При этом Нижнетагильская контора продолжала посылать оптимистичные рапорта о состоянии Выйского училища. По мнению местных приказчиков, Калашников преподавал в

---

[1] Неклюдов Е. Г. Приезд Н. Н. Демидова. С. 204.
[2] См.: Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура Нижнетагильского. С. 101–102.
[3] Сведения об учебных заведениях Нижнетагильского. С. 1–2.

народных училищах уже около 30 лет, мог вести большинство необходимых предметов и был в их показательной оценке «поведения весьма нестроптивого»[1].

Для успешного развития формировавшейся сети учебных заведений в частных горнозаводских хозяйствах Урала необходимо было решить проблему дефицита квалифицированных преподавателей. Так, владелец крупнейшего из них в регионе Нижнетагильского округа Н. Н. Демидов в письмах нижнетагильским управляющим 1821 г. справедливо отмечал, что в первые два десятилетия деятельности Выйского училища ему «не попадался достойный учитель».

Именно он первым решил нанять в него «постороннего» (для заводов) квалифицированного педагога. Сделать это было не так просто. В тот период времени в заводских поселках региона, где подавляющая масса населения находилась в крепостной зависимости, царили весьма «дикие» нравы, во многом основанные на прямом насилии. Н. Н. Демидов отмечал, что образованному «человеку, который воспитан в столице, в губернском городе трудно привыкнуть к такому образу жизни». Когда он в конце 1810-х гг. решил отыскать «постороннего» учителя для Выйского училища, «было опубликовано объявление в газетах, но ни один не являлся», и это при весьма привлекательных условиях контракта.

В итоге, по указанию заводовладельца, главного учителя для этого учебного заведения наняла Санкт-Петербургская контора. В 1820 г. им стал отставной штабс-капитан Е. М. Мосцепанов. По условиям пятилетнего контракта ему полагалось тысяча руб. годового жалования, провиант, господская квартира с прислугой (какой – не уточнено), бесплатный проезд в обе стороны. Отметим, что в тот период И. Г. Калашников получал 400 руб., а местные крепостные помощники учителя в Выйском училище по 100–150 руб. в год. Годовое жалование немногочисленных гражданских преподавателей в казенных горнозаводских школах региона составляло 240 рублей. То есть условия контракта были весьма привлекательными для главного учителя.

Но Н. Н. Демидов не мог обеспечить для Е. М. Мосцепанова соответствующее отношение местного административного персонала и круг общения на далеком

[1] См.: Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура Нижнетагильского. С. 102–103.

Урале. 14-ти месячная служба нового учителя в Нижнетагильском горном округе, куда он прибыл в июле 1820 г., сопровождалось постоянными скандалами. Он оказался крайне недоволен существовавшими здесь порядками и сразу стал активно апеллировать к Санкт-Петербургской конторе и лично Н. Н. Демидову. Острый конфликт Е. М. Мосцепанова с местными приказчиками завершился высылкой первого из Пермской губернии, где он отсидел в тюрьме несколько лет[1].

После этого скандального дела, по указанию Н. Н. Демидова, во всех контрактах с главными учителями Выйского училища появился пункт, запрещающий им вмешиваться в хозяйственные дела училища, а также заводские производства. Все намеченные ими перемены в учебном заведении могли проводиться только с согласия Нижнетагильской конторы. Кроме того, заводовладелец предписал своим столичным конторам подыскивать нового главного учителя только из гражданских чиновников, а не военных или священников. В отношении последних он объяснял это невозможностью плодотворно совмещать две должности и необходимостью держать учеников в строгости, в том числе иногда наказывать их за проступки, что «несогласно со званием священника».

Другим следствием деятельности Е. М. Мосцепанова в Выйском училище стало появление института постоянных помощников учителя. В своем письме заводовладельцу от 24 сентября 1820 г. он отмечал, что хочет оставить у себя лучшего ученика, для того чтобы за три года сделать его учителем, а не выписывать нового из Санкт-Петербурга. Эта инициатива была поддержана заводовладельцем. По его мнению, специально подготовленный помощник из старших учеников Выйского училища должен быть в состоянии хотя бы временно исполнять обязанности учителя[2]. Ставка на подготовку учителей горнозаводских школ преимущественно из их собственных выпускников оставалась общим явлением в регионе.

---

[1] См. Черноухов Э. А. Принципиальный учитель // Запад, Восток и Россия: Вопросы всеобщей истории (Ежегодник). Вып. 15. Екатеринбург, 2013. С. 122–127.
[2] См.: Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура Нижнетагильского. С. 105.

К преподаванию в Выйском училище стали привлекаться «заграничные» крепостные воспитанники Н. Н. Демидова. Одним из его учителей даже стал иностранец. В 1821–1824 гг. немецкий язык части отобранных воспитанников Выйского училища преподавал Иоганн Штицинг (в России «переименованный» в Ивана), нанятый Санкт-Петербургской конторой Демидовых.

По первому двухлетнему контракту он получал годовое жалование 600 руб. асс., квартиру с отоплением и освещением, женщину в услужение, экипаж для выездов. В 1823 г. И. Штицинг получил в Казанском университете официальное свидетельство на право преподавания. После этого он готов был заключить новый контракт на преподавание и немецкого, и французского языков. При этом он просил увеличения своего жалования до 2400 руб., т.к. предлагаемые ему 1200, за вычетом расходов на питание, получает «безграмотный иностранец при господском доме», а он – квалифицированный учитель.

Но Н. Н. Демидов не стал удовлетворять его требований. Он посчитал, что преподавать иностранные языки в Выйском училище могут и его «заграничные» воспитанники, а также лучшие выпускники. Мальчиков, определенных к продолжению обучения за границей, решено было доучивать иностранным языкам в Петербургской домовой школе[1]. Поэтому И. Штицинг в 1824 г. покинул Нижнетагильский округ, получив должность в Тобольской гимназии[2].

Место главного учителя в Выйском училище, после увольнения Е. М. Мосцепанова в течение трех лет оставалось вакантным. Его традиционно замещали то престарелые служители, то его выпускники. Посетивший Нижнетагильские заводы осенью 1824 г. издатель журнала «Отечественные записки» П. П. Свиньин отметил, что училище находится «в запущении»[3].

В 1824 г. Московская контора Демидовых заключила новый контракт с «посторонним» учителем: воспитанником Московского коммерческого училища А. Ф. Аноевым. Он обязался служить здесь за 1,5 тыс. руб. годового жалования,

---

[1] Как уже отмечалось, это учебное заведение нижнетагильских Демидовых действовало в 1822–1828 гг. В нее для завершения подготовки поступали и ученики из Выйского училища.
[2] См.: Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура. С. 105–106.
[3] См.: Неклюдов Е. Г. Николай Никитич Демидов. С. 60.

господскую квартиру со слугой, бесплатное питание. Однако уже через полгода А. Ф. Аноев уехал обратно в Москву. По мнению Н. Н. Демидова, он не поладил с кем-то из местных приказчиков и был удален по достаточно формальному поводу. Следующий главный учитель Р. Н. Никитин, получивший образование в Санкт-Петербургском Воспитательном доме, скоропостижно умер через полтора года после начала службы в Выйском училище.

Новый владелец округа П. Н. Демидов также осознавал необходимость найма «постороннего» главного учителя для Выйского училища с соответствующим образованием, не смотря на явное противодействие этому своего главноуполномоченного и местных управляющих. Нанятый в 1833 г. штатный смотритель Верхотурского уездного училища Е. В. Миронов прослужил здесь 10 лет, дважды продлевая контракт. Ему полагалось годовое жалование в две тысячи рублей ассигнациями (571 рубль 43 копейки сер.), а также провиант, готовая квартира, прислуга из двух человек, оплата путевых расходов. Нижнетагильская контора оценила эти «натуральные» надбавки («пособия») главного учителя в 1671 руб.[1]

В целом нижнетагильские Демидовы уже с конца 1810-х гг. осознали необходимость найма главного учителя из «посторонних» для заводов лиц, получивших соответствующее образование. Располагая значительными средствами, они обеспечивали их достаточно высоким жалованием и социальным статусом. Но даже при весьма привлекательных условиях заключаемых контрактов нижнетагильским Демидовым было трудно найти желающих отправиться на далекий Урал. В основном это были еще молодые люди, не имевшие семьи и испытывавшие материальные трудности (А. Ф. Аноев, Р. Н. Никитин, Е. В. Миронов, И. Штицинг), а также лица с несложившейся судьбой (Е. М. Мосцепанов). Причем часть из них не смогла «прижиться» на заводах и быстро покинула Выйское училище (Е. М. Мосцепанов, А. Ф. Аноев). Успешно обосновался здесь только местный уроженец Е. М. Миронов.

---

[1] См.: Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура. С. 107–111.

Лазаревы сразу сделали ставку на подготовку собственного квалифицированного учебного персонала. Первым старшим учителем в Чёрмозском училище стал местный священник Е. Сапожников, преподавал до назначения благочинным в 1825 г.[1] Его сменил другой местный священник Г. П. Матвеев. Духовным лицам помогали в преподавании лучшие воспитанники училища: Д. Иванцов, затем П. Паклин, М. Мичурин, Г. Десятов. Последние, получая незначительное годовое жалование в 100 руб., при первом удобном случае стремились определиться к служительским должностям, более выгодным в материальном плане[2].

Два крепостных воспитанника Лазаревых Ф. Чирков (выходец из мастеровых, но лучший выпускник Чёрмозского училища) и Н. Чернов (из служителей, брат поверенного Московской конторы) в течение 3,5 лет (в 1827–1831 гг.) обучались в Санкт-Петербургской школе горнозаводских наук Строгановых[3]. После возвращения в Пермское имение они разработали новую обширную программу для Чёрмозского училища. В 1831 г. была утверждена владельцами.

Но педагогическая карьера Н. Чернова и Ф. Чиркова была недолгой, завершившись с временным закрытием Чёрмозского училища. Как уже отмечалось, формальным поводом для этого стало раскрытие «Общества ревнителей свободы» из шести местных служителей, созданного помощником учителя П. И. Поносовым. В преамбуле «Положения» этого нелегального кружка содержалось много красивых фраз о свободе, но в самих «пунктах» действий отсутствовали какие-либо реальные мероприятия, а детально прописывались чисто организационные моменты[4].

Все члены, включая П. И. Поносова, категорически отрицали свои антикрепостнические взгляды, а заявляли лишь о своем недовольстве «притеснениями заводского управления», т.е. субъективными факторами. По нашему мнению, в этом деле оправданно вести речь об обострении внутрисословных противоречий в местном служительском штате. Получившие

---

[1] ГАПК. Ф. 280. Оп. 1. Д. 401. Л. 82об.–83.
[2] Калинина Т. А. Развитие образования на Урале. С. 100–102.
[3] РГАДА. Ф. 1252. Оп. 1. Д. 1796. Л. 511–512. Первоначально они были определены в гимназию, но забраны оттуда по личному указанию владельца И. Я. Лазарева.
[4] См.: Рабочее движение в России в XIX веке. Т. 1. Ч. 2. М., 1955. С. 163–166.

хорошее образование молодые люди, не имевшие влиятельных родственников, просто не видели для себя особых перспектив в этой жестко корпоративной среде[1].

Еще один просвещенный владелец крупного горного округа А. И. Яковлев также первоначально склонялся к подготовке учителей из местных служителей. В созданное в 1822 г. Верх-Исетское училище был временно привлечен отставной чиновник В. Гураховский с жалованием 500 руб. в год, проработавший здесь до января 1825 г.[2] Ему помогал местный крепостной служитель А. В. Лоцманов. Он получил известность по следственному делу о «возмутительном письме», призывавшем создать в Верх-Исетском заводском поселке «тайное общество».

В этом документе был набор красивых фраз о свободе, но не содержалось никакого реального плана действий, в том числе по отмене крепостного права. Последователей у недовольного молодого учителя не нашлось. Здесь, по нашему мнению, также не следует искать осознанных антикрепостнических взглядов у А. В. Лоцманова. Просто, из-за ранней смерти отца, занимавшего значительную должность в Московской конторе А. И. Яковлева, произошло «крушение» его юношеских надежд: проживания в Москве, административной карьеры, получения вольной[3].

После этого исполнять обязанности учителя Верх-Исетского училища стал его недавний выпускник старообрядец А. Медведев, а смотрителем служил единоверец А. Стародaнов. Подобный состав учебного персонала вызвал резкий протест архиепископа Пермского и Верхотурского. Он через губернатора заявил главному горному начальнику, что учитель и смотритель должны быть православными людьми. Кроме того, пастырь обратил внимание на отсутствие преподавания закона Божьего.

Верх-Исетское заводоуправление попыталось доказать необоснованность этих претензий. Его управляющие указали, что это не народное училище, а закону Божьему должны обучать родители. Однако его объяснения не были приняты, и в

---

[1] См.: Черноухов Э. А. Какой «свободы». С. 418–419.
[2] ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 6797. Л. 4–5; Ф. 72. Оп. 1. Д. 1343, 1444, 1515; Д. 1594. Л. 5.
[3] См.: Черноухов Э. А. Какой «свободы». С. 417–418.

мае 1830 г. учебное заведение было закрыто до «приискания соответствующих учителей»[1].

Острый дефицит квалифицированных педагогов был характерен и для других частных горнозаводских школ Урала в первой трети XIX века. Большинство заводовладельцев также привлекало к преподаванию местных уроженцев, не получивших необходимой подготовки. Так, первым учителем в Пожевском училище Всеволожских был определен престарелый крепостной служитель И. Кабанов[2].

В целом в первой трети XIX в. только нижнетагильские Демидовы последовательно пытались нанять «постороннего» квалифицированного учителя для своего Выйского училища. Владельцы остальных частных округов региона первоначально традиционно ориентировались на привлечение к преподаванию местных священников и престарелых крепостных служителей. В помощь им определялись выпускники самих училищ. Но уровень подготовки большинства этих учителей не соответствовал задачам, поставленным перед учебными заведениями. Это нашло отражение в недовольстве ряда заводовладельцев знаниями, полученными их воспитанниками.

Во второй трети XIX в. положение с учителями существенно изменилось. В крупных частных горнозаводских хозяйств Урала стали активнее привлекать к преподаванию «посторонних» педагогов или основательнее готовить к нему местных воспитанников.

Традиционно лучшим в этом отношении оставалось Выйское училище. Его новым смотрителем и главным учителем в 1843 г. был определен выпускник Казанского университета Л. Н. Ибрагимов. Его переход из 1-й Казанской гимназии в частное учебное заведение был вызван материальными соображениями. По условиям контракта Л. Н. Ибрагимов получал годовое жалование в две тыс. руб. асс., готовую квартиру с прислугой из двух человек, экипаж и 350 руб. единовременного пособия «на обзаведение». Он прослужил здесь до 1850 г.

---

[1] ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 6797. Л. 25–27.
[2] Мухин В. В. Уральская горнозаводская вотчина Всеволожских. С. 445–446.

В 1845 г. в Выйском училище появился еще один квалифицированный учитель – 23-летний сын вольноотпущенника Демидовых Е. И. Швецов. Этот выпускник Екатеринбургского уездного училища сдал экзамен на звание домашнего учителя в Казанском университете.

Последними двумя смотрителями стали местные уроженцы, получившие хорошее образование. В 1850–1856 гг. им был служитель А. П. Ерофеев, на средства заводовладельцев обучавшийся в Фрейбургской горной академии. Затем он служил в Нижнетагильском округе, получил вольную, а с 1836 г. и преподавал в Выйском училище черчение. Став его смотрителем, он продолжал вести практические занятия, в том числе на заводских производствах, по специальным дисциплинам[1].

Последним смотрителем в 1856–1862 гг. стал Родион Матвеевич Рябов, сын бывшего первого приказчика Нижнетагильской конторы. Из-за ранней смерти отца он не сумел завершить обучение[2] и сделать престижную служительскую карьеру. Не получив в Нижнетагильском округе выгодной должности по финансовой части, Р. М. Рябов поступил на службу в Выйское училище. Имея звание уездного учителя, он пользовался правами государственной службы. Р. М. Рябов активно сочетал преподавание с научной и общественной деятельностью[3].

Следует сказать и о несостоявшемся руководителе Выйского училища. В 1859 г. на должность его учителя математики, по приглашению П. П. Демидова, из столицы приехал К. П. Поленов, окончивший Московский университет и геодезическое отделение Академии Генерального штаба. Планировалось, что он станет директором в преобразованном учебном заведении[4]. Но К. П. Поленов сразу

---

[1] См.: Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура Нижнетагильского. С. 111–112.

[2] Р. М. Рябов, получивший вольную вместе с отцом, учился в Санкт-Петербургской домовой школе Демидовых, Московском коммерческом училище и даже окончил часть курса Московского университета.

[3] См.: Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура Нижнетагильского. С. 112–113.

[4] Танкиевская И. Н. Константин Павлович Поленов // Нижний Тагил в лицах. Организаторы производства, инженеры, техники XIX – начала XX века. Екатеринбург, 1999. С. 81–89.

увидел, что «учительство не сахар», не особо выгодно в материальном плане и вскоре перешел на «заводскую службу», где добился существенных успехов[1].

В целом во второй трети XIX в. нижнетагильские Демидовы при назначении смотрителя (одновременно главного учителя) в Выйское училище делали ставку на местных уроженцев. Они лучше адаптировались к специфическим условиям жизни в заводском поселке.

Владельцы ряда других крупных частных горнозаводских хозяйствах Урала также прибегли к практике привлечения «посторонних» учителей. Так, в Верх-Исетского округе, учли предыдущий неудачный опыт назначения педагогов, приведший к временному закрытию училища. Его новые учителя соответствовали предъявляемым требованиям по вероисповеданию и образованию. В 1836 г. их пригласили из учебных заведений губернского центра.

Законоучителем стал 25-летний выпускник Пермской духовной семинарии, бывший учитель и инспектор Пермского духовного училища священник С. С. Чернавин. Он совмещал эту должность с основной службой в Успенской церкви Верх-Исетского заводского поселка.

Главным учителем стал 29-летний выпускник Казанской семинарии, бывший учитель уездного училища при Пермской гимназии С. И. Ивановский[2]. Он был привлечен к переезду в поселок Верх-Исетского завода материальными соображениями. Имея семью с четырьмя малолетними детьми, С. И. Ивановский вынужден был в Перми преподавать по совместительству и в училище для детей канцелярских служителей.

Верх-Исетское заводоуправление, с некоторыми незначительными уточнениями, выполнило практически все требования, выдвинутые этим учителем в переписке. Ему было определено жалование в две тыс. руб. ассигнациями в год, комнаты при училище для проживания, с отоплением и освещением, лошадь, экипаж, сено для двух коров. Правда, он терял права государственной службы, которые было обещано вернуть только с приобретением

---

[1] Грум-Гржимайло В. Е. Указ. соч. С. 63. В 1864–1902 гг. К. П. Поленов долгое время служил управителем Нижнесалдинского завода, где проявил себя и как изобретатель.
[2] ГАСО. Ф. 369. Оп. 1. Д. 1. Л. 14 об.–18.

Верх-Исетским училищем статуса уездного. С. И. Ивановскому, чье жалование в 1844 г. выросло до 2600 руб., помогали в преподавании три помощника из воспитанников училища с годовой платой в 240–300 руб.[1]

Отметим, что условия контрактов главных учителей Выйского училища Демидовых и Верх-Исетского Яковлевых были сопоставимыми. Причем они являлись весьма привлекательными в материальном плане. Для сравнения, управители (поверенные) заводов Верх-Исетского округа (Режевского, Верх-Нейвинского и др.) в 1838 г. в среднем имели оклады всего в 1000 руб.[2] (но несравненно большие возможности для извлечения «дополнительных» неправедных доходов).

А. В. Всеволожский в 1844 г. также решил привлечь «посторонних» учителей для учебных заведений на Урале (Пожевского и Александровского). По его указанию наняли выпускников Гатчинского сиротского института П. И. Иванова и П. Ф. Федорова. В заключенных контрактах им определялось по 350 руб. серебром (или 1225 руб. асс.) годового жалования, квартиры с отоплением и освещением и дополнительно по 100 руб. вместо прислуги. П. И. Иванов остался недоволен своим обустройством в поселке Пожевского завода, запросив себе в услужение трех лиц – это человек, сам воспитанный в сиротских учреждениях. Но местная контора предложила ему нанимать прислугу за счет определенного дополнительного жалования[3].

Владельцы Пермского имения Лазаревых продолжали традиционно ориентироваться на своих воспитанников для преподавания в восстановленном в сентябре 1838 г. Чёрмозском училище. Но, учитывая новые реалии (его переход в ведение МНП), учителя теперь сдавали соответствующие экзамены в Пермской гимназии.

Преподавательский состав в Чёрмозском училище отличался завидной стабильностью. Длительный срок здесь работали учителями два его крепостных выпускника: М. Т. Мальцев (1814 г.р.) и К. А. Кетов (1819–1866).

---

[1] ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 2107. Л. 52–60, 168–169; Д. 2810.
[2] Там же. Ф. 72. Оп. 1. Д. 2384. Л. 37.
[3] ГАПК. Ф. 176. Оп. 1. Д. 677. Л. 2–3, 15–15об.

Первоначально годовое жалование М. Т. Мальцева, бывшего и смотрителем училища, составляло 350 руб., К. А. Кетова – 280. По штату 1844 г. оно было повышено до 482 руб. обоим. Кроме того, они получали ежегодные денежные награды по 15–30 руб. и «натуральные надбавки»: провиант, дрова, свечи, сено[1].

Эти доходы были существенно меньше, чем у вольных учителей Выйского Демидовых и Верх-Исетского Яковлевых училищ. Но они значительно превышали содержание гражданских преподавателей в казенных учебных заведениях в тот период времени.

Должность учителя не считалась престижной в служительской среде Пермского имения Лазаревых. С одной стороны, его жалование с натуральными надбавками было сравнимо с окладом служителей среднего звена. Но, с другой, эта должность не считалась «интересной» (в терминологии того времени). Ведь учитель не имел возможностей для получения так называемых «дополнительных доходов», то есть возможности получить различные суммы и материальные ценности за счет произвола, традиционно производимого многими служителями.

Поэтому 22-летний помощник учителя Чёрмозского училища М. А. Кирпищиков в 1852 г. просил перевести его в Главное правление имения или на другую служительскую должность, где, как он подчеркивал, его сверстники «уже давно порядочные деловые люди»[2]. Но руководство имения предпочло оставить его учителем[3].

Многолетняя служба в Чёрмозском училище обеспечивала приличный уровень благосостояния. М. Т. Мальцев сумел приобрести дом в поселке Чёрмозского заводе (сам был родом из соседнего Полазнинского поселка), содержал многочисленную семью из пятерых детей, воспитывал двух сыновей в Казанском университете и еще одного в Пермской гимназии[4]. Но он не успевал

---

[1] Там же. Ф. 280. Оп. 1. Д. 739. Л. 31А.
[2] ГАПК. Ф. 280. Оп. 1. Д. 1077. Л. 182–183.
[3] В 1864 г. он с семьей переехал в Пермь. Его женой была известная уральская писательница, уроженка Палазнинского поселка Анна Александровна Кирпищикова (1838–1927).
[4] В феврале 1856 – феврале 1858 гг. М. Т. Мальцев служил ревизором Главного правления Пермского имения Лазаревых, после чего снова был определен к работе в Чёрмозском училище.

выслужить государственную пенсию. Ведь М. Т. Мальцеву исчислялся соответствующий стаж только с 1858 г. – получения вольной от владельца.

В рапорте директора училищ Пермской дирекции 1867 г. отмечалось, что и другой бывший крепостной учитель К. А. Кетов, имевший четырех детей, проработал в Чёрмозском училище 28 лет (до самой смерти), но так не успел выслужить пенсии. Просьба считать им срок государственной службы с 1838 г. (перехода Чёрмозского училища в ведение МНП) была отклонена, чтобы «не создавать прецедента»[1].

В целом в ряде училищ в центрах крупных горнозаводских округов Урала (Верх-Исетском, Выйском, Пожевском, Чёрмозском) с середины 1830-х гг. регулярно преподавали существенно более квалифицированные педагоги, чем в предшествующий период времени. Длительные сроки здесь проработали в основном местные уроженцы, лучше адаптировавшиеся к специфическим условиям жизни в заводских поселках.

Но позитивные перемены в этой сфере произошли только в училищах, действовавших в ряде центральных поселков крупных горнозаводских хозяйств. В остальных учебных заведениях к преподаванию традиционно продолжали привлекаться местные священники и престарелые служители, уже неспособные к занятию «ответственных» должностей, а также их недавние выпускники. Последние получали незначительное жалование, были плохо подготовлены к учительскому труду, который рассматривали как временное занятие. При первой возможности они перебирались на административные должности.

Особенно плачевным было положение в «домашних» школах епархиального ведения. Значительная часть местных священников не желали преподавать в них «безмездно» (бесплатно), как это установили «Правила для обучения поселянских детей» 1836 г.

В Нижнетагильском округе это породило серьезный конфликт приказчиков с местным причтем. Заводоуправление настаивало на том, что духовные лица и так имеют штатное содержание, регулярно получают различные награды от

[1] ГАПК. Ф. 280. Оп. 1. Д. 1491. Л. 75–76об., 88–88об.

заводовладельцев и при открытии «домашних» училищ согласились обучать «безмездно», как предписывали «Правила» 1836 года. Но священники продолжали жаловаться различным лицам (А. К. Демидовой, директору училищ Пермской губернии, пермскому архиепископу) на свое тяжелое материальное положение.

В результате Нижнетагильское заводоуправление пошло на компромисс: часть священнослужителей стала получать доплату за преподавание. Кроме того, на содержание этих училищ собирались пожертвования с местного населения, которые также направлялись на оплату учебного персонала[1].

Похожим было и положение в других частных горнозаводских округах. В Пермском имении Лазаревых в созданные «домашние» училища в помощь священникам были направлены по одному служителю, по совместительству с их основной службой в конторах. Никакого дополнительного содержания от владельцев им не определили[2].

Таким образом, крупные заводовладельцы Урала, не «связанные» жесткими штатными положениями, со второй половины 1830-х гг. (а нижнетагильские Демидовы уже с 1820-х гг.) смогли обеспечить свои центральные учебные заведения более квалифицированным учебным персоналом, в сравнении с казенными горнозаводскими школами. Они привлекали сюда «посторонних» гражданских педагогов выгодными материальными условиями контрактов. Главные учителя в центральных училищах горнозаводских хозяйств получали жалование и натуральные надбавки на уровне среднего управленческого персонала. Кроме того, в ряде округов подготовили педагогов из местных уроженцев в столичных учебных заведениях.

Вместе с тем в большинстве частных горнозаводских училищ региона проблема недостатка квалифицированных учителей не была разрешена. Занятия зачастую продолжали вести священно- и церковнослужители, по совместительству с основной службой. За преподавание они в лучшем случае

---

[1] См.: Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура Нижнетагильского. С. 120–121.
[2] ГАПК. Ф. 280. Оп. 1. Д. 1077. Л. 714–719.

получали минимальные доплаты. Это негативно сказывалось на процессе обучения.

Переходим к проблеме распределения воспитанников частных горнозаводских учебных заведений Урала. Она постепенно обострялась с утвердившейся фактической наследственностью служительских должностей. Списки «определения к должностям» утверждали непосредственно заводовладельцы.

Наиболее репрезентативные сведения по распределению имеются по Нижнетагильскому округу Демидовых. В двух сводных обширных списках содержатся данные о 178 выпускниках Выйского училища 1830–1839 гг. и 156 – за 1838–1847 годы. Подавляющее большинство воспитанников этого учебного заведения были определены к служительским должностям или направлены для продолжения обучения: в 1830–1839 гг. – 157 человек (88%), в 1838–1847 гг. – 109 (70%). Отчисленные из училища нерадивые ученики потенциально сохраняли право на занятие низших служительских должностей. Но в основном они определялись в дворовые или рабочие, а определенные как «развратные» – даже сдавались в рекруты[1].

В 1858 г. было утверждено новое обширное «Положение о воспитанниках Выйского заводского училища». Все они делились на три разряда по успехам в обучении: выпущенные с аттестатами, без них и исключенные. После распределения воспитанники училища поступали в число практикантов на производства или конторы. У каждого из трех разрядов были четко определенные права, жалование и перспективы. Так, только для воспитанников первого и второго разрядов по субботам, вместо работы, предусматривались специальные теоретические занятия. В 1860 г., с учетом первого полученного опыта, «Положение» подверглось незначительной переработке[2].

Сохранилось и несколько реестров воспитанников Чёрмозского училища Лазаревых. Выпуск из него с аттестатами был относительно небольшой: и в 1815–

[1] Подсчитано автором по: ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 758. Л. 198–201об.; Д. 919. Л. 63–64об.
[2] См.: Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура Нижнетагильского. С. 98–99.

1836 и в 1840–1855 гг. – в среднем по 9–10 человек. Кроме того, еще 2–3 мальчика ежегодно выпускались без аттестатов и 3–4 – исключались[1].

Такого количества выпускников хватало для пополнения служительского штата Пермского имения. По проведенному Т. А. Чернявской анализу, до 90% выпускников Чёрмозского училища 1838–1855 гг. находились в служительских «должностях» или продолжали учебу, то есть готовились к их занятию[2].

Обострявшаяся проблема избытка служителей не способствовала увеличению численности воспитанников в учебных заведениях частных округов. Соответственно это положение повлияло на уровень грамотности населения в заводских поселках Урала.

Ф. С. Горовой привел показатели по двум из них накануне отмены крепостного права: Верх-Нейвинскому – 7,5% и Нижнесергинскому – 8,6% грамотных[3]. Эти цифры в целом соответствуют известным нам показателям по другим частным горнозаводским округам Урала, но с учетом их специфики. В центрах крупных хозяйств с более разветвленной системой учебных заведений уровень грамотности был несколько выше.

В Нижнетагильском округе Демидовых, выделявшемся обширной социальной инфраструктурой, различные источники зафиксировали 10–11% грамотного населения уже в начале 1840-х годов[4]. У его горнозаводской части этот уровень был явно выше. Так, среди более чем 500 служителей числились «малограмотными» всего несколько человек. При этом три четверти из тех, у кого указано место получения образования, окончили учебные заведения, содержавшиеся Демидовыми. Среди выходцев из служительских семей их было до 90%, а из дворовых – до 80%. Только четверть служителей, главным образом выходцы из рабочих, имели домашнее образование[5].

---

[1] Подсчитано автором по: Калинина Т. А. К вопросу о положении. С. 55; ГАПК. Ф. 280. Оп. 1. Д. 255. Л. 27–28; Д. 1077. Л. 71–78об., 645–645об.
[2] Чернявская Т. А. Указ. соч. С. 287.
[3] Горовой Ф. С. Падение крепостного права на горных заводах Урала. Пермь, 1961. С. 94.
[4] Шорин Д. П. Указ. соч. Л. 18–18об.; ГАПК. Ф. 297. Оп. 3. Д. 315. Л. 12; ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 334. Л. 14–15.
[5] Подсчитано автором по: ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 793.

Сопоставимым был уровень грамотности и в другом крупнейшем частном хозяйстве региона – Верх-Исетском округе Яковлевых. Проведенный анализ формулярных списков по Режевскому заводу показывает 11–12% грамотных среди его работников и в 1831, и в 1837, и в 1847 гг.[1]

Подобными были и показатели по Пермскому имению Лазаревых. К 1864 г., по оценке местного учителя, грамотность всего населения в Чёрмозском поселке составляла 12,5%[2].

В небольших заводских поселках уровень грамотности населения накануне отмены крепостного права был на несколько процентов ниже. Так, на горных заводах Оренбургской губернии в тот период времени была грамотна одна десятая часть населения[3].

Такого количества грамотных людей в середине XIX в. вполне хватало для нужд местного производства. Подобные показатели были характерны и для казенных горных заводов региона. В заводских поселках, особенно крупных, уровень грамотности был существенно выше, чем в целом по Уралу. В регионе к началу 1860-х гг. грамотными были не более 3% населения[4].

В заключение отметим, что накануне отмены крепостного права ряд заводовладельцев Урала осознавали необходимость реорганизации существовавшей системы образования. Ей не хватало среднеспециального учебного заведения для подготовки квалифицированных техников на различные горнозаводские производства (металлургическое, рудное, лесное, каменноугольное и др.). Уже действовавшее в тот период казенное Уральское горное училище не удовлетворяло заводчиков, прежде всего, излишней, по их мнению, теоретичностью обучения. Здесь обучалось минимальное количество учащихся, направленных с частных горных хозяйств региона.

Владелец Благовещенского завода Д. Д. Дашков направил в учрежденный по предписанию министра финансов «Комитет по улучшению быта заводских

---

[1] Подсчитано автором по: ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 2357, 3021; Оп. 2. Д. 951.
[2] Пермские губернские ведомости. 1864. 21 августа.
[3] Кречетович И. П. Крестьянская реформа в Оренбургском крае. Т. 1. М., 1911. С. 481.
[4] Серебренников Ю. Н. Уровень грамотности и образования населения Урала (1861–1917 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. Оренбург, 1998. С. 13.

людей» проект создания специального училища. В объяснительной записке он сформулировал основные «неудобства» казенных горных учебных заведений для частных заводчиков: их малочисленность, «энциклопедичность» программ, излишняя «теоретичность в обучении», различное социальное положение воспитанников. Последнее трактовалось весьма традиционно: «воспитанники живут с мальчиками из других сословий, чье будущее для них совершенно чуждо и вероятно приманчиво». Поэтому Д. Д. Дашков предлагал, «озаботясь о будущем», учредить особое горное училище в Перми или Екатеринбурге для мальчиков с частных заводов Урала.

В него должны были приниматься, по направлению заводовладельцев, мальчики, сдавшие экзамен за курс приходских училищ. Предложенная программа обучения, рассчитанная на пятилетний срок, включала общеобразовательные предметы в двух младших классах и исключительно специальные – в трех старших: черчение, химию, механику, минералогию, металлургию, горное искусство.

Так как воспитанники училища должны были готовиться не в инженеры, а техники, то все дисциплины полагалось преподавать в практической плоскости. В программе обучения предусматривалась работа воспитанников в специальных мастерских, а также летняя практика на близлежащих заводах и рудниках.

Новое учебное заведение должно было содержаться за счет заводовладельцев, с правом иметь в нем число учеников, пропорциональное выделяемым ими средствам. Выпускники училища обязывались отработать десять лет на заводчика, оплатившего их обучение. В проекте содержалась примерная смета нового учебного заведения, рассчитанная на 60 воспитанников. Она определяла ежегодные расходы в 23 тыс. руб. Д. Д. Дашков считал приемлемым жалование в 1,5 тыс. руб. в год для учителей главных предметов и 650 руб. – второстепенных[1].

Во многом похожий проект направил в этот Комитет Н. А. Всеволожский. Он предлагал учредить на Урале «образцовый завод», а при нем «теоретическую и практическую школу». Здесь в течение четырех-пяти лет должны были обучаться

[1] Бугаева С. Я. Техническая интеллигенция. С. 162–163; ГАСО. Ф. 43. Оп. 4. Д. 335. Л. 3–12.

воспитанники с частных горнозаводских хозяйств региона. Причем завод и школа с мастерскими содержались бы как за счет производимых ими изделий, так и средств, получаемых непосредственно от заинтересованных владельцев[1].

В этих двух проектах фактически предполагалось создать своеобразный аналог Уральского горного училища для частных хозяйств региона. Ключевая роль отводилась приданию практической направленности обучению.

Кризис горнозаводской промышленности Урала, начавшийся еще накануне отмены крепостного права, воспрепятствовал реализации этих проектов на практике. Отметим и нерешенность проблемы населенного пункта для размещения нового учебного заведения. В губернских (Вятка, Перми, Оренбург) и горнозаводском (Екатеринбурге) центрах Урала не было соответствующей материально-технической базы для практического изучения различных горнозаводских производств. С этой точки зрения лучшим местом для организации среднего горнотехнического образования на Урале в середине XIX в. был Нижнетагильский округ Демидовых. Но здесь не хватало квалифицированных преподавателей. К тому же другие заводчики вряд ли желали создания «объединенного» училища на базе своих прямых конкурентов.

Таким образом, все училища в частных горнозаводских хозяйствах Урала на протяжении первой половины XIX в. оставались начальными общеобразовательными заведениями. В 1830-х – начале 1840-х гг. несколько заводовладельцев пытались придать обучению прикладной характер в особых старших классах училищ (Выйское, Чёрмозское, Верх-Исетское). Но эти новшества не принесли ожидаемых результатов и были вскоре оставлены, в том числе из перехода училищ в ведение Министерства народного просвещения. Появившиеся в конце 1850-х гг. проекты создания «объединенного» частного среднеспециального училища по целому комплексу объективных и субъективных причин не были реализованы.

---

[1] Бугаева С. Я. К вопросу о квалифицированных кадрах. С. 33.

Отмена крепостного права стала важнейшим рубежом в истории учебных заведений при частных горных заводах Урала. Во всех училища резко обострилась проблема дальнейшего финансирования.

В уставных грамотах, заключенных с жителями заводских поселков частных хозяйств, существующим учебным заведениям уделялось минимальное внимание (а в большинстве о них просто ничего не говорилось). Ряд заводовладельцев, в частности Сысертского, Суксунского и Сергинско-Уфалейского округов, на переходный период приняли на себя содержание существующих училищ. По его истечению, в новых приложениях к уставным грамотам, большая часть расходов на учебные заведения возлагалась уже на местные общества[1]. В ряде уставных грамот сразу оговаривалось попечительство последних над существующими училищами. Так, заводовладельцы обязались выделять на содержание Кыштымского 400[2], а Нязепетровского только по 100 руб. в год[3].

После истечения переходного периода Нижнетагильское заводоуправление в 1864 г. отметило, что оно не обязано содержать учебные заведения ни по каким законодательным актам (подчеркнуто нами – Э. Ч.): ни по уставным грамотам, ни по указам Синода, ни по новому «Положению о начальных народных училищах» от 14 июля 1864 г. Это не более чем личная благотворительность заводовладельцев. Особо отмечалось, что помещения, в которых размещались учебные заведения округа, являются заводской собственностью и лишь временно выделялись для организации обучения малолетних жителей[4].

После отмены крепостного права заводовладельцы настойчиво стремились передать существующие училища на содержание другим органам, учреждениям или местным обществам, или ликвидировать, в случае отсутствия желающих взять на себя их финансирование. При этом следует отметить определенную специфику в различных округах.

---

[1] ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 6929. Л. 454; Оп. 32. Д. 4084. Л. 17–18, 30, 37; Ф. 101. Оп. 1. Д. 606. Л. 8–9, 34; Д. 865. Л. 8, 22, 30, 48.
[2] Уральская железная промышленность. С. 488.
[3] ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 602. Л. 5.
[4] См.: Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура Нижнетагильского. С. 150.

В экономически устойчивых хозяйствах с давними патерналистскими традициями заводовладельцы продолжали выделять существенные средства на содержание учебных заведений или хотя бы училища при главном заводе. Именно эти суммы составляли основную часть финансирования.

Таким было состояние в горнозаводских хозяйствах нижнетагильских Демидовых, Лазаревых и Строгановых. Поэтому здесь трансформация учебных заведений растянулась на несколько десятилетий.

В Нижнетагильском округе Демидовых количество общеобразовательных училищ, находящихся на содержании заводовладельцев, с 1864 г. сразу сократилось с 22 до 4[1]. Право бесплатного обучения в них сохранялось за детьми служащих и рабочих округа.

После этого расходы Демидовых на содержание горнозаводских учебных заведений округа, в условиях резкого роста цен, оставались практически на прежнем уровне. В первой половине 1860-х гг. они составляли в среднем 13,5 тыс. руб. ежегодно[2]. Во второй половине 1860-х – 1870-х гг. расходы владельцев несколько выросли: до 16–18 тыс. руб. ежегодно[3]. Подавляющая часть этих средств выделалось на Нижнетагильское реальное училище.

В тоже время в 1870 г. Главная контора Нижнетагильских заводов в Санкт-Петербурге одобрила инициативу управляющего округа о переходе к обязательному обучению работающих на ряде производств. Для решения этой масштабной проблемы предлагалось открыть специальные классы грамотности и принимать на работу преимущественно грамотных лиц.

В 1872 г. первый из классов грамотности был открыт при Меднорудянском руднике. К 1875 г. их число достигло пяти: они также действовали при Нижнетагильском (из трех отделений), Черноисточенском, Выйском и Лайском заводах.

---

[1] Волостные общества в округе, при уже имевшейся учебно-материальной базе, предложенной им заводовладельцами, за вторую половину 1860-х гг. воссоздали только три училища.
[2] ГАСО. Ф. 643. Оп. 3. Д. 157. Л. 99об.–100.
[3] Тагильские и Луньевские заводы. С. 108; ОПИ ГИМ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 53. Л. 2–3, 23об.; ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 1017. Л. 110.

На содержание классов грамотности заводовладельцы выделяли 1,7 тыс. руб. ежегодно[1].

Обучение в классах грамотности для всех работающих мастеровых производств, при которых они действовали, было обязательным до 16 лет, а после – по желанию. Посторонние лица в них не допускались. Занятия проводились по два часа в день: до и после работы, а также в выходные дни. В программу обучения входили по четыре недельных урока чтения, письма и арифметики, и по одному – закона Божьего и бесед о горнозаводском деле. Подростки овладевали элементарной грамотностью, объективно необходимой для успешной работы на заводских производствах[2].

Положение учебных заведений резко ухудшилось в 1885 г. после смерти П. П. Демидова. Как уже отмечалось, его финансы остались в полном расстройстве, Нижнетагильский округ оказался на грани банкротства. Опекунское правление над малолетними наследниками П. П. Демидова сразу сократила расходы на учебные заведения и приюты вдвое. В предписании главноуполномоченного Жонеса классы грамотности цинично оценивались как «бесполезный и ненужный расход». С октября 1886 г. они были закрыты.

В 1887 г. Опекунское правление вовсе признало необязательными расходы на содержание училищ в Нижнетагильском округе. Только вследствие активных действий председателя Попечительного совета реального училища – управляющего округом В. А. Грамматчикова, а также коллективного ходатайства служащих Нижнетагильского округа, эти учебные заведения удалось сохранить. Однако их финансирование заводовладельцами сократилось еще почти вдвое.

Выделяемые заводовладельцами средства уже не могли покрывать всех сметных расходов на содержание училищ, а также и неизбежных затрат на нужды их предстоящего преобразования. Поэтому, по инициативе Попечительного совета, собрание служащих округа решило вносить пожертвования путем ежемесячных вычетов из жалования в размере 1,5% со всех служащих, как имеющих детей в

---

[1] См. Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура Нижнетагильского. С. 154–155.
[2] См.: Крупянская В. Ю., Полищук Н. С. Указ. соч. С. 172–174.

этих учебных заведениях, так и не имеющих[1]. Заводовладельцы полностью прекратили финансирование учебных заведений в округе с 1911 г.[2]

Похожим было положение в Пермском имении Лазаревых. После завершения переходного периода, его владельцы в 1864 г., по просьбе местных служащих, не стали сокращать финансирование Чёрмозского училища (именуемого первым приходским). По новому заводскому штату оно оставалось относительно стабильным и даже несколько возросло в 1870-х гг.[3]

Но в условиях высокой инфляции реальные доходы его персонала существенно упали, в том числе и из-за прекращения натуральных доплат. Это привело к уходу опытных учителей М. Т. Мальцева и М. А. Кирпищикова. Их место заняли молодые люди: А. П. Новожилов, И. Ф. Чудинов, Е. К. Кетов (сын умершего в 1866 г. учителя)[4]. Все они были вынуждены подрабатывать и в Чёрмозском женском училище. Е. К. Кетов в 1871 г. просил попечительницу этого учебного заведения повысить жалование вдвое, т.к. считал его «унизительным, свойственным только одним поденщикам, а отнюдь не педагогам»[5]. Но средств на это в бюджете женского училища реально не было.

В Чёрмозском первом приходском училище более чем вдвое сократилось численность учеников: к 1868/1869 учебном году до 57 человек, в сравнении с максимумом, достигнутым в 1860/1861 г. (122 ученика). После этого оно вновь несколько выросло в первой половине 1870-х гг. до 79–89, а затем опять сократилось до 63–69 мальчиков. Относительное финансовое благополучие учебного заведения объясняется давними традициями обучения здесь сыновей служителей и распространением на его выпускников льготы по воинской службе, предоставляемой для уездных училищ: три года действительной службы в войсках[6].

---

[1] См.: Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура Нижнетагильского. С. 148–156.
[2] См.: Сведения об учебных заведениях Нижнетагильского. С. 6, 9, 16.
[3] См.: Грузинов А. А. Хозяйственный комплекс. Приложение № 17; ГАПК. Ф. 280. Оп. 1. Д. 1419. Л. 28.
[4] ГАПК. Ф. 280. Оп. 1. Д. 1114.
[5] Там же. Д. 1491. Л. 166–167.
[6] Там же. Д. 1442, 1603.

Остальные учебные заведения Пермского имения Лазаревых, в том числе вновь созданные, имели постоянные финансовые проблемы. В 1862 г. обществом мастеровых Чёрмозского завода открыло в здании, принадлежащем Лазаревым, второе приходское училище. Новым штатом 1864 г. на его содержание было определен всего 81 рубль: только на отопление, учебные пособия и небольшое жалование законоучителю[1]. Училище при Полазнинском заводе, также получив помещение от Лазаревых, стало содержаться местным купцом. В 1872 г. оно, по оценке инспектора народных училищ Пермской губернии А. П. Орлова, находилось «в крайнем упадке», обучение «велось от случая к случаю»[2]. С 1882 г. все расходы на эти училища, кроме содержания помещений, взяло на себя Соликамске уездное земство[3].

Учебные заведения при заводах в Пермском имении Строгановых в первое десятилетие после отмены крепостного права также продолжали содержаться в основном на средства владельцев. По воспоминаниям современников, учебно-материальная база училищ находилась в хорошем состоянии. Смотрители от Министерства народного просвещения осуществляли лишь формальный контроль деятельности этих учебных заведений, например, утверждали назначенных управляющими учителей[4].

Постепенно часть расходов на содержание училищ в Пермском имении Строгановых перекладывалась на местные общества. При этом наиболее сложно утверждались представления о необходимости женского образования. В Добрянском заводе общество мастеровых в 1863 и 1864 гг., «все еще не понимая истинно полезной цели развития грамотности между девицами», дважды отказывалось брать на себя какие-либо расходы на содержание женского училища. Когда оно все-таки было открыто, мастеровые нередко забирали из него своих дочерей, не

---

[1] ГАПК. Ф. 280. Оп. 1. Д. 1419. Л. 7.
[2] Пермские губернские ведомости. 1864. № 27. С. 182; № 1865. № 66. С. 264; Сборник Пермского земства. 1872. Ноябрь–декабрь. С. 22–23.
[3] Новокрещенных Н. Н. Указ. соч. С. 104–105.
[4] См.: Воеводин Л. Е. Указ. соч. С. 157–160.

давая им доучиться даже до конца учебного года. По их мнению, для обычной женщины достаточным было умение читать и писать[1].

В большинстве других частных горнозаводских хозяйствах Урала, после завершения переходного периода, владельцы сразу ограничились выделением минимальных сумм на существующие училища. Местные общества должны были сразу изыскать основные средства на их содержание. Подобное положение было, в частности в Кыштымском, Сысертском и Сергинско-Уфалейском округах, где училища во многом держались на энтузиазме учителей. В начале 1870-х гг. положение этих учебных заведений несколько улучшилось: они стали получать материальную помощь от уездных земств Пермской губернии[2].

В 1874 г. заводоуправления прекратили финансирование училища в Лысьвенском поселке, в 1875 г. – в с. Ильинском. Эти учебные заведения перешли в ведение земств[3]. С 1882 г. Соликамское уездное земство взяло на себя практически все расходы по их содержанию (кроме хозяйственной части)[4].

Несколько учебных заведений в частных горнозаводских хозяйствах Урала просто прекратили работу. Ольгинское училище в округе заводов Кнауфа было закрыто в 1863 г., из-за недостатка средств на его содержание[5]. В 1876 г. такая участь постигла все училища в Богословском округе, перешедшим в частное владение[6].

В целом общей тенденцией на горнозаводском Урале в 1860–1870-х гг. стало перекладывание заводовладельцами расходов по содержанию существовавших учебных заведений на местные общества. Большинству училищ были переданы занимаемые ими помещения, а также учебные пособия и принадлежности. Только

---

[1] Пермские губернские ведомости. 1864. № 26. С. 176; Шишонко В. Н. Материалы для описания. С. 354–356.
[2] Материалы для ознакомления с условиями быта. 1873. С. 782; 1876. С. 123, 140, 152; Пермские губернские ведомости. 1861. № 55. С. 490–491; 1864. № 26. С. 176.
[3] Моллесон И. Народное образование. С. 23.
[4] Семченков В. К. Краткий исторический очерк народного образования в Соликамском уезде Пермской губернии. Пермь, 1899. С. 21.
[5] Пермские губернские ведомости. 1864. № 15. С. 91.
[6] Журналы VII очередного Верхотурского уездного земского собрания с докладами и отчетами управы и другими приложениями. Пермь, 1877. С. 416.

некоторые заводовладельцы продолжали выделять существенные суммы на содержание учебных заведений.

Положение большинства частных горнозаводских училищ Урала после отмены крепостного права существенно ухудшилось. Многие из них влачили жалкое существование, не находя должной поддержки у местных обществ. Это объясняется как тяжелым материальным положением значительной части горнозаводского населения, так и недостаточным осознанием в этой среде необходимости получения детьми, особенно девочками, хотя бы начального образования.

По обоснованному мнению Б. Н. Миронова, «не развитие народного образования отставало от потребностей народа, а наоборот, потребности народа в образовании отставали от возможностей, которые создавала существовавшая система народного просвещения»[1]. На горнозаводском Урале сразу после отмены крепостного права положение в этой сфере существенно ухудшилось.

Даже в середине 1870-х гг. уфимский губернатор отмечал, что «начальные народные училища в губернии находятся в младенческом состоянии. Если мы сравним настоящее положение начальных народных училищ с тем, в котором они находились в 1861 г., то нельзя не придти к заключению, что до освобождения крестьян положение губернии в этом отношении было лучше, нежели в настоящее время. До 1861 г. почти во всех частных горных заводах были хорошие школы. Лучшие наши волостные писаря, многие члены здешних городских управ и значительное число лиц, занимающихся в канцеляриях и частных конторах, получили воспитание свое в здешних горнозаводских школах. После 1861 г. почти все эти школы были закрыты»[2]. Далее он заметил, что лишь военная реформа 1874 г., предоставившая льготы образованным лицам, вызвала у населения желание содержать школы.

---

[1] Миронов Б. Н. Социальная история. Т. 2. С. 226.

[2] Цит. по: Елисафенко М. К. Земство и начальное образование на Урале (вторая половина XIX – начало XX вв.): дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1996. С. 134.

Нежелание значительной части местного населения выделять средства на учебные заведения отмечалось и в отчетах ряда земских деятелей Урала[1]. С ними были солидарны руководители многих горнозаводских хозяйств. Так, главноуправляющий Пермского имения Лазаревых Н. Н. Новокрещенных в 1876 г. высказался по предполагаемому введению в губернии обязательному обучению. По его мнению, «народ охотно посылает детей в школу, если школа эта содержится не народом, то есть не на счет сумм, собираемых на школу с души». Крестьяне, даже при самом малом сборе непосредственно с них, считают, что их детей должны выучить в две–три недели. Они завидуют 25-рублевому месячному жалованию учителя, считая эти траты чрезмерными. Н. Н. Новокрещенных считал, что рост сборов на школы вызовет «страшный ропот» среди крестьян. Поэтому он предлагал содержать учебные заведения формально исключительно за государственный счет, для чего повысить налоги на 10 коп. с души[2].

Новый этап в развитии начального образования на горнозаводском Урале связан с деятельностью земских учреждений, созданных в конце 1860-х – начале 1870-х гг. Уже в начале своей деятельности земства открыли в заводских поселках региона значительное количество новых учебных заведений, прежде всего там, где их не было в дореформенное время, и приняли в свое ведение уже существовавшие. Они же вскоре стали осуществлять их основное финансирование. Причем в заводских поселках земства стремились иметь двухклассные училища, учитывая более высокие потребности заводоуправлений, являвшихся главными плательщиками местных налогов[3].

В целом в пореформенный период подавляющее большинство частных горнозаводских учебных заведений Урала окончательно утратило свою специфику: содержание за счет заводовладельцев. Дело образования местного населения перешло в ведение земств и церкви. Только в нескольких частных хозяйствах региона заводоуправления продолжали выделять небольшие средства на уже неподведом-

---

[1] См., например: Краткий исторический очерк деятельности Екатеринбургского земства по народному образованию 1870–1890 годы. Екатеринбург, 1890. С. 1–2.
[2] ГАПК. Ф. 280. Оп. 1. Д. 1603. Л. 136–137.
[3] Раменский А. П. Краткий исторический очерк деятельности Пермского земства по народному образованию со времени введения земских учреждений // Русская мысль. 1897. № 9. С. 20.

ственные им учебные заведения. Свертывание ведомственных систем общего образования было объективной тенденцией в развитии страны. Крупнейшие заводовладельцы региона сосредоточились на профессиональном обучении.

На Урале в пореформенный период действовало два частных горнозаводских училища, получивших статус начальных специальных учебных заведений. Одно из них (Выйское) уже имело солидную историю, второе (Турьинское) – только было создано.

В 1862 г., по указанию заводовладельца, Выйское заводское училище было реорганизовано в Нижнетагильское реальное. Его не следует отождествлять с реальными училищами Министерства народного просвещения, как это делают некоторые современные исследователи. Оно было основано за 10 лет до утверждения «Устава реальных училищ» 1872 г., и примененный в наименовании термин лишь показывал прикладной характер его программы.

Бывшее Выйское училище было переведено в Нижнетагильский заводской поселок и стало действовать на основании специального «Положения», утвержденного Министерством народного просвещения 11 июля 1862 г. Оно было реорганизовано в учебное заведение открытого типа. Директор получил права штатного смотрителя, а преподаватели – учителей уездных училищ[1].

При этом Нижнетагильское реальное училище осталось на полном содержании заводовладельцев, выделявших на него 11 260 руб. ежегодно. Шестилетний курс обучения в училище делился на три класса: два общих и специальный. Для преподавания были приглашены новые учителя, нанятые столичной конторой: надворный советник Н. Д. Старов, ставший его директором, коллежский секретарь Н. И. Алексеев, и работавший в Уральском горном училище отставной подполковник Корпуса горных инженеров К. Д. Шугаев.

Нижнетагильское реальное училище предназначалось для подготовки воспитанников к горнозаводским работам и службам. Как с известным преувеличением отмечалось в специальной записке об учебных заведениях Нижнетагильского округа 1876 г., его «программу нельзя подводить под рубрику каких-либо прави-

[1] См.: Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1865. Т. 3.

тельственных школ оттого, что программы эти составлялись не по какому-либо образцу существующих заведений, а, согласуясь с местными нуждами и потребностями заводскими»[1].

Поэтому, хотя по программе обучения Нижнетагильское реальное училище фактически приближалось к средним специальным учебным заведениям, но оно долго не могло получить этого статуса. Соответственно его выпускникам не предоставляло никаких прав по государственной службе. Большинство учащихся в училище были из детей служащих горнозаводского хозяйства округа. При этом реальную возможность получения образования имели и наиболее способные мальчики из рабочих семей.

К 1866 г. действовали все три класса, предусмотренные Положением о Нижнетагильском реальном училище. В двух первых общих обучали закону Божьему, русскому языку, российской словесности, математике, истории, географии, физике, зоологии, основам естествознания, рисованию и черчению. Третий специальный класс, перевод в который осуществлялся по результатам экзаменов, первоначально подразделялся на два отделения: механическое и топографическо-лесное. В них преподавали черчение, химию и горнозаводскую бухгалтерию. Кроме того, в первом отделении обучали геометрии, механике, металлургии и «учению о стройматериалах», а во втором – ботанике, геодезии, лесоводству, минералогии и маркшейдерскому искусству.

В 1874 г. помощник управляющего Нижнетагильского округа по социальной сфере А. И. Кронеберг[2], после доклада П. П. Демидову о состоянии Нижнетагильского реального училища, получил указание подготовить проект его реорганизации. Основным требованием владельца стало усиление специализации в обучении.

В 1874 г. в Нижнетагильском поселке состоялось расширенное совещание по реорганизации училища под председательством А. И. Кронеберга. На нем в русле

---

[1] См. Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура Нижнетагильского. С. 148–151.

[2] См. о нем: Попп И. А., Черноухов Э. А. Алексей Иванович Кронеберг: провинциальный неудачник или успешный общественный деятель // Известия Уральского государственного университета. Сер. «Гуманитарные науки». 2011. № 1 (87). С. 224–231.

перманентного спора о классицизме и реализме образования развернулась острая дискуссия о придании обучению в реальном училище прикладного характера. На этом настаивали представители администрации округа, против – выступало большинство учителей и приглашенных на совещание врачей[1].

Новый устав Нижнетагильского реального училища не был принят, но в организации обучения произошли существенные перемены. С середины 1870-х гг. третий класс подразделялся уже на четыре отделения: металлургическое, механическое, бухгалтерское и топографическое, причем на второй год обучения топографическое отделение делилось на геодезическое и лесное. Более узким стал и круг преподаваемых в них предметов. Так, на механическом отделении обучали геометрии, черчению и механике; на бухгалтерском – бухгалтерии и законоведению, но «преимущественно относящихся к горнозаводскому делу». Училище располагало специальной химической лабораторией, минералогическим кабинетом и довольно обширной библиотекой: на 1871 г. – 978 названий, 4230 книг.

Директор реального училища, как и ранее смотритель Выйского заводского, нанимался Санкт-Петербургской главной конторой. В 1865–1875 гг. эту должность занимал А. В. Григорьев, а затем до 1887 г. П. Э. Цомакион. Они совмещали административную работу с преподаванием общеобразовательных предметов.

Большинство специальных предметов также преподавали совместители: служащие заводов этого обширного частного округа. Так, механике во второй половине 1860-х – первой половине 1870-х гг. обучал чертежник-архитектор И. И. Иванов, а в 1880-х гг. – инженер-технолог П. М Мухачев, затем заведующий механическими устройствами при рудниках округа К. К. Морен. Они получали за годовой урок по 150 руб. сер.[2], т.е. существенно больше, чем в Уральском горном училище в тот период времени (60, затем 90 руб.).

Нижнетагильское реальное училище имело хорошую репутацию на горнозаводском Урале. По компетентной оценке Н. К. Чупина, в тот период нигде в России не было более удобного места для подобного учебного заведения. Здесь

---

[1] См.: Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура Нижнетагильского. С. 151–152.
[2] ГАСО. Ф. 643. Оп. 2. Д. 559. Л. 88; Д. 1193. Л. 2.

компактно располагались все основные горнозаводские производства, а также различные рудники, промыслы и механическое заведение[1]. К этому следует добавить и традиции обучения, накопленные с 1806 года.

Число учеников в реальном училище максимально доходило до 123 человек. В 1876 г. его педагогический совет постановил для более успешного обучения принимать в классы не более чем по 30 мальчиков. Количество желающих учиться в реальном училище постоянно превышало его штат. Заводоуправление вынуждено было отказывать в приеме мальчикам с Кыновского завода Строгановых, Чёрмозского Лазаревых и лучшим ученикам земских школ, расположенным в Нижнетагильском округе.

По окончании теоретического обучения выпускники летом проходили практику по своему профилю: на заводах, рудниках, лесах и конторах Нижнетагильского округа, а в сентябре сдавали итоговые экзамены. Полный курс оканчивало относительно небольшое число мальчиков: в среднем по 11 за выпуск, производившийся раз в два года. Никаких прав государственной службы Нижнетагильское реальное училище не давало. Заводоуправление при наличии вакансий распределяло его выпускников на соответствующие должности.

Подавляющее большинство выпускников оставалось работать в горнозаводском хозяйстве Нижнетагильского округа. Как свидетельствуют данные, собранные для Санкт-Петербургской главной конторы, так поступили 49 из 55 человек, окончивших полный курс в 1870-х годах. Со временем только трое из них перешли на службу в другие горные округа. Окончившие курс не несли никаких обязательств перед заводами. Также и заводоуправление не обязывалось распределять их на работу.

Фактическое распределение воспитанников Нижнетагильского реального училища к различным должностям в округе сохранилось и в последующий период. Как свидетельствуют данные другой справки, составленной заводоуправлением, в 1878–1892 гг. из 127 его выпускников 118 получили места на его различных производствах и службах.

---

[1] ГАСО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 46. Л. 18.

Нельзя согласиться с распространенным в советской историографии утверждением, что горнозаводские учебные заведения Демидовых и в пореформенные годы предназначались, главным образом, для детей служащих. Даже в наиболее привилегированном Нижнетагильском реальном училище в 1870-х гг. дети рабочих составляли треть от общего числа воспитанников. Это значительно больше, чем было в Выйском училище в предреформенные годы.

В 1882 г. был организован Попечительный совет Нижнетагильского округа, который заведовал его горнозаводскими училищами в хозяйственном отношении. На первом заседании 24 августа 1882 г. был намечен план их преобразования. В нем, в частности, отмечалось, что реальное училище должно стать профессиональной горнотехнической школой с четырехгодичным курсом обучения[1]. Реализовать это решение не удалось, в том числе из-за скоропостижной смерти П. П. Демидова.

Как уже отмечалось, его финансы остались в полном расстройстве. Учрежденное после его смерти Опекунское правление над наследниками признало необязательными и расходы на содержание училищ Нижнетагильского округа. Общий сход представителей Нижнетагильских волостей[2] постановил: просить оставить реальное училище «на будущее время для просвещения молодого населения и юношества, во внимание того, что деды наши и отцы служили при крепостном праве, при трудных рудничных и огненных заводских работах, не щадя своих сил и жизни, а равно и мы в настоящее время служим и готовы служить в интересах общей пользы, лишь бы были для всех сподручные работы и занятия». В 1887 г. 330 служащих всех заводов Нижнетагильского округа подписали прошение против закрытия реального училища.

Вследствие активных действий председателя его Попечительного Совета, управляющего округом В. А. Грамматчикова, а также коллективного ходатайства самих служащих округа, Нижнетагильское реальное училище удалось сохранить.

---

[1] См.: Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура Нижнетагильского. С. 152–153.

[2] В тот период времени громадный Нижнетагильский поселок, насчитывающий до 30 тыс. жителей, состоял из трех волостей, которые делилась на сельские общества. См.: Апкаримова Е. Ю. Власть и общество в уральской провинции во второй половине XIX – начале XX в. // Уральский исторический вестник. 2005. № 10–11. С. 84, 88.

Однако его финансирование заводовладельцами резко сократилось: с 11 260 до 6 600 руб. в год. Они, оставив помещения училища в безвозмездном пользовании, приняв на свой счет их текущий ремонт и отопление.

Это не могло покрывать всех сметных расходов на содержание училищ, а также и неизбежных затрат на нужды их предстоящего преобразования. Поэтому Попечительным Советом решено было собранием служащих округа вносить пожертвования, путем ежемесячных вычетов из жалования в размере 1,5% как со служащих, имеющих учащихся детей в этих учебных заведениях, так и не имеющих. Для содержания училищ были назначены вычеты со старателей на приисках округа в размере 2 коп. с 1 золотника золота и полкопейки с золотника платины. «Посторонние» для заводов лица платили за обучение своих сыновей 24 рубля в год.

В конце 1880-х гг. Опекунское правление по делам малолетних наследников П. П. Демидова оплачивала всего от 30 до 45% сметных расходов Нижнетагильского реального училища[1]. Все остальные средства на его содержание вынужден был изыскивать Попечительный совет.

После принятия «Положения о промышленных училищах» от 7 марта 1888 г., Попечительный совет вновь обсуждал вопрос о его преобразовании. Но оно опять не осуществилось, из-за недостатка средств.

В конце 1880-х – начале 1890-х гг. в Нижнетагильском реальном училище обучалось до 100 мальчиков. Раз в два года в среднем оканчивали полный курс 15–20 воспитанников[2].

В начале 1890-х г. финансовое положение Нижнетагильского округа и его учебных заведений стабилизировалось. Тогда Попечительный Совет во главе с В. А. Грамматчиковым возвратился к вопросу о преобразовании реального училища в профессиональную горнозаводскую школу с четырехгодичным курсом обучения. Он заручился одобрением со стороны Опекунского правления наследников П. П. Демидова.

---

[1] См.: Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура Нижнетагильского. С. 158.
[2] Сведения об учебных заведениях Нижнетагильского. С. 6, 16, 22.

Преобразование Нижнетагильского реального в горнозаводское училище было осуществлено в 1896 г., открыв новую страницу в его истории. Однако оно осталось лишь начальным техническим учебным заведением.

В целом Нижнетагильское училище, в 1862 г. реорганизованное в реальное, сравнительно безболезненно пережило отмену крепостного права. Демидовы сохранили его стабильное, периодически увеличиваемое финансирование, позволявшее привлекать квалифицированных преподавателей. Разнообразные производства Нижнетагильского округа открывали широкие возможности для организации производственной практики воспитанников. В программе шестилетнего курса наблюдалась определенная тенденция к специализации. Авторитет этого учебного заведения в тот период был существенно выше, чем у Уральского горного училища.

Но в 1880-х гг. положение Нижнетагильского реального училища существенно ухудшилось. У него начались перманентные проблемы с финансированием. С 1887 г. училище продолжило свою деятельность уже на соединенные средства: наследников П. П. Демидова и служащих округа. Именно недостаток финансирования препятствовал назревшей реорганизации этого учебного заведения. Его преобразование в горнозаводское училище произошло в 1896 году. Оно не решило многих проблем, прежде всего, статуса выпускников, не получивших права государственной службы.

В 1884 г. в регионе появилось новое горнотехническое училище. Оно было открыто по инициативе управляющего частного Богословского округа А. А. Ауэрбаха в его крупнейшем населенном пункте: Турьинские рудники. Училище состояло в ведении МНП и в 1889 г. было отнесено к низшим технически учебным заведениям. Оно состояло из четырех классов, из которых первые два давали общеобразовательную подготовку, а два последних – специальную. После прохождения полного теоретического курса воспитанники должны были пройти на рудниках или заводах округа обязательный двухлетний практический курс на рудниках и заводах в качестве простого рабочего. Только после него они получали свидетельство об окончании училища и звание мастера. Расходы заводовла-

дельцев на содержание Турьинского училища не превышали четырех тыс. руб. в год[1].

Выступая на Первом съезде русских деятелей по техническому и профессиональному образованию А. А. Ауэрбах отметил преимущество подобных учебных заведений в частных горнозаводских округах перед казенным Уральским горным училищем, выпускники которого не получали необходимых практических навыков. Дискуссия по докладу А. А. Ауэрбаха в 1890 г. продолжилась на страницах «Екатеринбургской недели».

Управляющий Уральского горного училища Н. Е. Китаев рассматривал заводские школы в частных округах как начальную ступень горнотехнического образования. По его мнению, их лучшие выпускники должны были продолжать обучение в Уральском горном училище, имевшем более квалифицированных преподавателей и соответствующую учебно-материальную базу (мастерские, лаборатории, музеи). Он предложил заводовладельцам объединиться для развития именно этого учебного заведения[2].

С 1897 г. съезды горнопромышленников Урала неоднократно обсуждали проблему создания сети низших горнотехнических школ[3]. Но появившиеся проекты не получили практического воплощения. В ходе неоднократных обсуждений и согласований так и не были разрешены проанализированные ранее противоречия по ключевым проблемам, определившимся еще в середине столетия: объемы финансировании со стороны государства и заводовладельцев, механизмы контроля со стороны последних с целью обеспечения прикладного характера обучения, количество и месторасположение новых учебных заведений[4].

В результате проблема подготовки кадров среднего и низшего технического звена для горнозаводской промышленности региона не была разрешена и в конце

---

[1] Дашкевич Л. А., Рукосуев Е. Ю. Указ. соч. С. 60–62.

[2] См.: Дашкевич Л. А. Уральские инженеры на съездах русских деятелей по техническому и профессиональному образованию // Вопросы истории. 2015. № 9. С. 123–125.

[3] См.: Рукосуев Е. Ю. Съезды. Гл. 5.

[4] См.: Материалы к вопросы о низших горнотехнических учебных заведениях на Урале. СПб., 1905. С. 32–37.

XIX века. Современники продолжали отмечать недостаток образованных техников на уральских заводах, особенно частных[1].

Таким образом, учебные заведения при частных горных заводах Урала стали еще одной важной частью их социальной инфраструктуры. Их сеть, в том числе и под давлением различных органов власти, последовательно расширялась в течение всей первой половины XIX века. В результате накануне отмены крепостного права она насчитывала 99 училищ, которые действовали практически во всех заводских поселках частных горных округов Урала.

Абсолютное большинство горнозаводских школ были общеобразовательными учебными заведениями. Это объясняется целым комплексом взаимосвязанных причин: малым возрастом воспитанников, отсутствием соответствующей учебно-материальной базы и квалифицированных учителей для преподавания специальных предметов, традициями обучения прикладным навыкам непосредственно на производстве, оформлением четких внутрисословных «перегородок», а впоследствии и позицией Министерства народного просвещения, в ведение которой со временем перешла значительная их часть. В пореформенный период начальное обучение местного населения в частных горных округах Урала постепенно перешло в ведение Министерства народного просвещения, земств и церкви.

В XIX в. в нескольких частных горных округах Урала пытались организовать и профессиональное обучение местных воспитанников. Однако это удалось осуществлять на протяжении действительно длительного времени только в крупнейшем в регионе Нижнетагильском округе: Выйском, затем Нижнетагильском училище. Только в конце столетия на Урале появилось второе частное начальное горнотехническое учебное заведение: Турьинское. Большинство специалистов среднего и низшего звена частных округов региона продолжали овладевать прикладными навыками непосредственно на горнозаводских производствах.

---

[1] Тиме И. Указ. соч. С. 213.

3.3. ЗАВЕДЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРИЗРЕНИЯ

В частных горнозаводских хозяйствах Урала на рубеже XVIII–XIX вв. организация общественного призрения принципиально не отличалась от казенных округов. Действующее законодательство обязывало заводовладельцев призревать нуждающуюся часть местного населения, но не предписывало создавать для этого специальные заведения.

Самые ранние сведения о таких заведениях по частным горнозаводским хозяйствам Урала зафиксированы в документах по разделу демидовских владений после смерти Акинфия Никитича в 1745 г. Здесь упоминалась богадельня при Невьянском заводе, отошедшем к П. А. Демидову. К ней относилось 289 человек – призреваемых лиц, получающих определенные пособия. Эти люди были определены как «в раздел не положенные»[1].

К 1760-м гг. относятся первые сведения о специальных заведениях общественного призрения при Нижнетагильских заводах. В указании Н. А. Демидова Нижнетагильской конторе 1763 г. имеется фраза об определении одиноких людей в «богадельню в силу прежнего повеления»[2]. Уже во второй половине XVIII в. (не позднее 1781 г.) действовала богадельня в Пермском имении Строгановых[3].

В начале XIX в. Нижнетагильская заводская богадельня располагалась в подсобном строении при одной из церквей. В 1801 г. Н. Н. Демидов приказал принимать в нее и престарелых мастеров, не имеющих родственников. Он согласился выделить средства на постройку нового здания, когда старое помещение для богадельни будет совсем тесно[4].

В XVIII в. появилось и первое заведение для призрения незаконнорожденных детей. По данным Н. К. Чупина, в 1766 г. в Нижнетагильском поселке был по-

---

[1] Нижнетагильский музей-заповедник «Горнозаводской Урал». Ф. 10. Оп. 10. Д. 22. Л. 8об.
[2] Редин Д. А. Указ. соч. С. 196; ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 112. Л. 199.
[3] См.: Мезенина Т. Г. Пермские владения Строгановых. С. 161.
[4] ГАСО. Ф. 643. Оп. 2. Д. 49. Л. 33.

строен деревянный дом для воспитания «приносных детей», где они должны были содержаться до своего совершеннолетия[1]. О его существовании в том году упомянул и П. С. Паллас. По сведениям этого известного естествоиспытателя, здесь принимали незаконнорожденных младенцев «во всякое время дня и ночи»[2]. Создание подобного специального заведения стало следствием учреждения в 1763 г. первого в России Московского воспитательного дома «для приносных детей».

Воспитанников Нижнетагильского заведения для призрения незаконнорожденных детей традиционно стремились передать новым родителям. Таким семьям выдавались небольшие пособия. На самых маленьких незаконнорожденных детей в 1786 г. полагалось по 20–25 коп. в месяц для приобретения молока[3].

В целом единичные заведения общественного призрения в двух частных горнозаводских хозяйствах Урала появились еще во второй половине XVIII века. Уже тогда на общем фоне выделялись Нижнетагильские заводы Демидовых, где действовало сразу два специальные заведения: богадельня и приемный дом для незаконнорожденных детей.

Проект Горного положения 1806 г. определял обязанность заводовладельцев иметь попечение «о прокормлении бедных и неимущих, престарелых и увечных людей». Им предлагалось заводить богадельни при своих горных заводах, предоставляя сведения по инстанциям[4].

При этом абсолютное большинство заводовладельцев Урала не видело надобности в создании специальных заведений общественного призрения в своих хозяйствах. Они, как это практиковалось и на казенных предприятиях, предпочитали выдавать призреваемой части населения пенсии, пособия и бесплатный провиант.

---

[1] ГАСО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 46. Л. 19–19об.
[2] См.: Дашкевич Л. А. Уральские горнозаводчики. С. 68.
[3] Голикова С. В. Документ 1786 года. С. 230.
[4] Высочайше утвержденный доклад. Ст. 803, 804.

В частных горнозаводских хозяйствах Урала в первой половине XIX в. совершенствовались различные механизмы оказания помощи нуждающимся лицам[1]. Так, в отчете по Пермскому имению Голицыных 1809 г. отмечалось, что ранее они «имели пропитание от сбора милостыни», а теперь «живут в призрении»: стали получать различные формы «богадельного содержания»[2].

Постепенно в первой половине XIX в. численность заведений общественного призрения в ряде частных горнозаводских хозяйств незначительно расширилась, появились их новые разновидности. Для удобства анализа автор будет придерживаться следующей классификации: богадельня, воспитательный (или приемный) дом, детский приют.

Сразу отметим ее определенную условность: действующие нормативные акты не содержали четких критериев в этой сфере. Сами заводовладельцы, их управления (конторы) применяли по отношению к имевшимся заведениям общественного призрения различные термины. В Пермском имении Лазаревых были созданы заведения смешанного типа (богадельня с приютом).

Богадельни предназначались для лиц, достигших преклонного возраста и увечных. Эти заведения закрытого типа долго не приживались на частных горных заводах Урала. Как и на казенных предприятиях региона в богадельни нуждавшиеся люди поступали только в случае крайней необходимости, не имея родственников и средств к существованию. При запросе из Департамента горных и соляных дел 1818 г. выяснилось, что при частных заводах нет ни богаделен (кроме Нижнетагильской), ни особого богадельного капитала[3].

Нуждающееся в призрении население предпочитало получать от заводовладельцев другие формы помощи. Так, в Нижнетагильской богадельне в 1840–1845 гг. призревалось всего 10 человек. В то же время в округе 1733 «убогих и престарелых» и 785 сирот предпочитали проживать у своих родных и близких, получая бесплатный провиант от заводоуправления.

---

[1] Общие представления обо всём многообразии общественного призрения на частных горных заводах Урала в первой половине XIX в. см., например: Голикова С. В., Дашкевич Л. А. Указ. соч. С. 249–267. Дашкевич Л. А. Уральские горнозаводчики и рабочие.; и др.
[2] См.: РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 1237. Л. 1–9об.
[3] РГИА. Ф. 37. Оп. 13. Д. 156.

В 1849 г. Нижнетагильский округ посетила одна из его владелиц Аврора Карловна Демидова-Карамзина. По ее инициативе действовавшая богадельня была преобразована, получив наименование «Авроринской». Ее штат был определен в 24 человека (по 12 мужчин и женщин), с возможностью расширения в случае необходимости.

Видимо, «образ» богадельни среди населения Нижнетагильского округа постепенно улучшался. В 1854–1858 гг. здесь призревалось уже 36 человек (по 18 мужчин и женщин). Поэтому заводоуправление даже приняло решение о прекращении приема лиц, уже получавших пенсии и пособия от владельцев. По ходатайству попечителя учебных и богоугодных заведений округа Л. Вейера оно исключало из богадельни провинившихся лиц. Эта мера применялась к богадельщикам мужского пола, уличенных в пьянстве, драках или уходе к родственникам в казенной одежде.

Расходы на содержание Авроринской богадельни в Нижнетагильском поселке в середине XIX в. составляли всего 126 руб. (плата одному надзирателю). Ведь она размещалась в одном из флигелей Нижнетагильского госпиталя, который обеспечивал призреваемых пищей, бельем и прислугой.

Фактически содержание одного «богадельщика» обходилось в 25–30 руб. в год. Это сопоставимо с вышеприведенными затратами в богадельнях казенных горных округов региона в середине XIX в. (28–29 руб. на человека), также располагавшихся при госпиталях.

В честь достижения совершеннолетия П. П. Демидовым в 1856 г. было принято решение о создании в Нижнетагильском округе еще одной богадельни – «Павловской». Для этого было подобрано и освящено место (напротив Никольской церкви в Выйском заводском поселке), составлена смета и даже начато строительство здания[1]. Но новое заведение общественного призрения не было создано в связи финансовыми проблемами заводовладельцев и подготовкой отмены крепостного права.

---

[1] См.: Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура Нижнетагильского. С. 134–135.

Во второй четверти XIX в. богадельни появились еще в нескольких частных горнозаводских округах Урала. К сожалению, сохранившиеся источники (в основном ежегодные рапорта заводских исправников) содержат минимальные сведения об их организации и деятельности.

В 1830 г. имелась богадельня при Невьянском заводе[1], которая чрез несколько лет прекратила свое существование. В 1840-х гг. были созданы богадельня при Нытвенском (на 10 человек), Алапаевском[2] (на 20) заводах. Также они действовали в Сысертском и Юговском заводских поселках, без определения штатного комплекта богадельщиков. В 1847 г. богадельня была создана при Холунинском заводе. Но вскоре помещение, где она располагалась, обветшало, и всех богадельщиков отправили к родственникам[3].

Все эти богадельни, как и в казенных округах Урала, не пользовались расположением населения. В частности, в 1845 г. в Нытвенской богадельне призревалось всего 6 человек, а во всем горнозаводском хозяйстве Голицыных получали богадельное содержание 450 человек[4]. Подобные показатели имеются в отчетах по другим частным округам, где действовали богадельни.

«Положение об управлении Пермским майоратным имением» Строгановых 1837 г. было самым обширным организационно-распорядительным актом, содержащим различные нормы по заведениям общественного призрения. Его четвертая часть «О состояниях» предусматривала создание сиротских домов и богаделен при каждом предприятии. Для заводских и промысловых работников они должны были содержаться за господский счет и штрафные деньги, а крестьян – за счет местных обществ. При помещении в эти заведения должен был производиться строгий отбор, а призреваемые привлекаться к посильным работам (т.к. «праздность – мать порока»)[5].

---

[1] ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 4416. Л. 38об.
[2] На ее содержание в 1851 г. было выделено 402 руб. (Яцунский В. К. Указ. соч. С. 136).
[3] Материалы для географии… Ч. 2. С. 635, 638; РГИА. Ф. 1287. Оп. 20. Д. 84. Л. 314–319; ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 280; Оп. 2. Д. 1691, 1836, 1920.
[4] ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 5508. Л. 79–79об.
[5] См.: РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 4421. Л. 81–85.

Но предписания «Положения» 1837 г. по общественному призрению были реализованы на практике в самом минимальном виде. В имевшихся источниках имеются сведения о существовании единственной богадельни в центре имения – селе Ильинском. В описании, составленном для С. Г. Строганова 1846 г., сообщалось о призрении в ней всего девять человек[1]. В отчете за 1854 г. отмечалось, что богадельня располагалась в деревянном здании, имела штат в 10 человек и содержалась на средства владельцев имения и местных жителей[2]. Далее и в рапортах заводских исправников, и в описаниях современников отсутствуют какие-либо сведения о ее деятельности.

Другим типом специальных заведений общественного призрения на горнозаводском Урале были воспитательные (приемные) дома для незаконнорожденных детей. Тенденцию роста количества таких младенцев стала одним из негативных следствий развернувшейся модернизации. Некоторые современники считали одним из средств решения этой проблемы создание специальных заведений для призрения незаконнорожденных детей.

Во время единственного посещения Нижнетагильского округа в 1806 г. Н. Н. Демидов предписал создать в центре Нижнетагильского заводского поселка «воспитательный дом» для приема незаконнорожденных младенцев. Здесь следовало принимать и содержать подкидышей, чтобы впоследствии передать их на воспитание приемным родителям.

При этом заводовладелец поинтересовался у приказчиков, а будут ли принадлежать ему как крепостные эти незаконнорожденные дети. Ведь по законодательству Екатерины II из воспитательных домов Москвы и Санкт-Петербурга все воспитанники выходили вольными людьми и сохраняли этот статус в дальнейшем. Те успокоили Н. Н. Демидова, ответив, что поскольку «заведения сии для несчастно рожденных не есть публичные и формальные, …следовательно, все таковые дети по правилам принадлежат к крепостному

[1] РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 4616. Л. 14.
[2] РГИА. Ф. 1287. Оп. 20. Д. 84. Л. 314. Здесь указано другое время ее создания – 1853 г.

состоянию, которые и по ревизиям записываются с прочими без исключения»[1]. Ни о каком альтруизме заводовладельца не было и речи, налицо сочетание прагматизма с патернализмом.

К сожалению, воспитательные дома нередко превращались в кормушку для нечистоплотных лиц. На горнозаводском Урале заведение в Нижнетагильском поселке не стало исключением.

Бывший главный учитель Выйского училища Е. М. Мосцепанов во время следствия по его делу (1821) дал жуткое описание состояния этого воспитательного дома. По его сведениям, в тесной избушке с нечистым воздухом в решетках из прутьев лежали по два-три ребенка без всякого белья, нередко просто брошенные надзирательницей – женщиной «зазорного поведения». Ответственный за воспитательный дом приказчик расхищал выделенные на содержание средства. В результате «крайности голода вынуждали сих младенцев ручонками своими искать в щелях тараканов, которых с жадностью они и ели». В этом открыто презираемом местными приказчиками заведении за все время его существования практически никто не выжил[2].

В 1824 г. дело о смерти от голода двухнедельной девочки из Нижнетагильского воспитательного дома, в котором в то время находилось шесть детей в возрасте от нескольких недель до 12 лет при одной кормилице, дошло до главной Санкт-Петербургской конторы Демидовых. Ответственный за него приказчик П. С. Соловьев отрицал свою вину, перекладывая ее на Нижнетагильскую контору во главе с управляющим Г. Матвеевым[3]. По его мнению, именно она не отпускала в воспитательный дом необходимых продуктов, а две имевшиеся здесь коровы крайне плохо доились.

В 1825 г. врач Нижнетагильского округа О. И. Нехведович отказался принять под свое руководство воспитательный дом. В письме заводовладельцу он объяснил, что это маленькая избушка с антисанитарными условиями, в которой и

---

[1] Цит. по: Неклюдов Е. Г. Николай Никитич Демидов. С. 61.
[2] См.: Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура Нижнетагильского. С. 126–127.
[3] Н. Н. Демидов колоритно оценивал этого руководителя: «прекрасно знает свою часть – выковку железа, но пьет запоем» (РГАДА. Ф. 1267. Оп. 3. Д. 315. Л. 48).

«взрослому неприятно быть». Он предложил переименовать воспитательный дом в заведение для приема незаконнорожденных детей. Это позволяло «уберечься от чрезмерных требований Правительства, предъявляемых к воспитательным домам»[1].

В ответном письме заводовладелец, сетуя на то, что уже 19 лет не удается завести достойное заведение в этой сфере, соглашался на его переименование в приемный дом. При содействии О. И. Нехведовича (и новых требований Н. Н. Демидова в письмах в Нижнетагильскую контору) 1 июля 1825 г. он был переведено в переоборудованную освободившуюся усадьбу на тихой улице. Здесь переименованное заведение получило четыре комнаты и все необходимые хозяйственные постройки: баню, хлев, погреб, ледник. Под окнами был прибит специальный ящик, чтобы младенцы-подкидыши не лежали на земле до того времени, пока их обнаружат надзирательница или служитель. Незаконнорожденных детей также принимали госпитали при заводах Нижнетагильского округа.

В 1827 г. О. И. Нехведович вновь отказал Н. Н. Демидову в просьбе принять на себя управление приемным домом. Он объяснил это опасением «подвергнуться ответственности перед Правительством». Следует пояснить, что их организация и деятельность воспитательных домов в тот период времени вызывала постоянное недовольство верховной власти. В 1828 г. вообще было принято решение о ликвидации таких заведений[2].

В тоже время О. И. Нехведович проверил организацию деятельности Нижнетагильского приемного дома. Он положил в холодную темную ночь в ящик для приема детей куклу, а сам следил за углом: «ребенка» быстро забрали.

Существенной проблемой была передача спасенных подкидышей в семьи. О. И. Нехведович писал о необходимости повышения платы приемным родителям. В тот период времени у женщин в Нижнетагильском округе появилась воз-

---

[1] РГАДА. Ф. 1267. Оп. 3. Д. 383. Л. 9–10.

[2] См.: Дашкевич Л. А., Исаева М. В. Формирование института призрения детства в Пермской губернии: государственная и частная инициатива // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Екатеринбург, 2009. Вып. 7. Ч. 1. С. 144–145.

можность получить регулярную подработку на открытых здесь золотых промыслах. В результате приемных матерей уже не устраивала прежняя награда (2 руб. 50 коп. асс. в месяц и 30 ф. ржаной муки), которую они теперь могли заработать на промывке песков за несколько дней работы в неделю.

Н. Н. Демидов в ответном письме согласился с О. И. Нехведовичем. Он отметил, что «не уповает на милосердие своих крепостных», ибо «верно жители скорее согласятся работать для своей прибыли на золотых промыслах, нежели заниматься воспитанием малолетков и нести за них ответственность». Поэтому заводовладелец одобрил увеличение награды для приемных семей, согласившихся взять на воспитание незаконнорожденных младенцев. Она была повышена сначала до 3 руб. 50 коп. асс. и до 2 пуд. 30 ф. муки в месяц (до 10-летнего возраста), а затем до 6 руб. асс. и 2 пуд. 10 ф. муки (до 5-летнего возраста) и до 2 руб. асс. и 2 пуд. 10 ф. муки (до 10-летнего).

Главной проблемой приемного дома была высокая смертность детей. В 1828 г. новый заводовладелец округа П. Н. Демидов обратил внимание Нижнетагильской конторы, что из 28 подкидышей умерло 11 (39%). Он потребовал в точности соблюдать все условия содержания детей.

Но и в 1830 г. П. Н. Демидов отмечал, что «при воспитательном доме подкидышей значится сколько родившихся, почти столько же и умерших». В подобном положении он обвинил приказчиков конторы, указав, что «не только должность, но и само человеколюбие обязывает их иметь сострадание к этим младенцам»[1].

Следует отметить, что высокие показатели смертности питомцев воспитательных (приемных) домов были характерны не только практически для всей России XIX в. (она превышала 60–70%), но даже и лучших европейских заведений. Не смогли решить эту проблему и земства, к которым от Приказов общественного призрения перешла забота о незаконнорожденных детях. Это определялось рядом объективных причин, прежде всего нехваткой выделяемых средств, проблемой

[1] См.: Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура Нижнетагильского. С. 127–129.

найма честного персонала и недостатком кормилиц, которые предпочитали работать в богатых дворянских семьях[1].

В 1840 г. смертность младенцев в Нижнетагильском приемном доме была уже небольшой для своего времени: из 27 человек умерло лишь 3 (11%). Этот прогресс был во многом вызван постоянным вниманием О. И. Нехведовича к деятельности заведения.

При этом существенной проблемой оставалось определение сирот в новые семьи. С одной стороны, количество незаконнорожденных детей в Нижнетагильском округе стабильно возрастало: с 27–40 человек ежегодно в 1813–1845 гг. до 52–65 в 1851–1857 гг. Врач И. П. Ильинский в 1855 г. в качестве причин такого положения в Нижнетагильском поселке назвал «праздность и недалекость его молодых девок, беспечность их семейств и многолюдность селения». С другой стороны, число желающих взять брошенных детей из приемного дома неуклонно уменьшалось. В самом заведении воспитанники вряд ли могли рассчитывать на эффективный уход, так как штат предполагал единственную няньку с мизерным годовым жалованием в 48 руб. (для сравнения, дворник в этом заведении получал 126, а сторож – 100)[2].

Поэтому А. К. Демидова-Карамзина решила создать в Нижнетагильском округе специальное закрытое заведение для воспитания незаконнорожденных детей и сирот. Вопрос об их призрении уже традиционно рассматривался, как и профилактика детоубийства. Альтернативой для тех, кто стоял на пороге преступления, могла стать либо система приютов, либо усыновление.

По указанию А. К. Демидовой-Карамзиной главноуправляющий Нижнетагильского округе в 1853 г. подписал Устав Авроринского сиротского дома. Он должен был действовать при одноименном приюте. В пяти отделениях за счет заводовладельцев должно было обеспечиваться попечение и полное содержание сиротам и брошенным детям, вплоть до достижения ими совершеннолетия.

---

[1] См., например: Шерстнева Е. В., Егорышева И. В. Детские учреждения Приказов общественного призрения // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2003. № 4. С. 54–55.

[2] Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура Нижнетагильского. С. 129–130.

Создание специального сиротского дома было и определенным следствием увлечения А. К. Демидовой-Карамзиной идеей пансионов, призванных воспитать «новую породу людей»[1]. В него, по распоряжению заводской полиции, должны были забирать и детей родителей «слабого поведения и с порочными наклонностями», а их матерям даже выдавалось единовременное пособие в пять рублей. Воспитанники, имевшие родителей, могли отпускаться к ним в праздничные дни только по специальным справкам заводоуправления, которое должно было составить «реестр» по их «благонадежности». Этим они ограждались от потенциального вредного влияния.

Воспитанники сиротского дома должны были получить здесь первоначальное образование и основы ведения домашнего хозяйства. С 12 лет их планировалось привлекать к посильным заводским работам. Ежегодные расходы на содержание нового заведения определялись в тысячу рублей. В случае успешной деятельности сиротского дома А. К. Демидова-Карамзина планировала реорганизовать всю систему призрения незаконнорожденных детей в Нижнетагильском округе. Она предполагала закрыть приемный дом, прекратить передачу приемным родителям и всякие выплаты им деньгами и провиантом со стороны заводоуправления[2].

Но реализовать на практике это обширные планы не удалось. Сиротский дом, если и был создан, то действовал крайне непродолжительное время. В известных нам сохранившихся источниках сведения о нем, как отдельном заведении, отсутствуют.

В целом нижнетагильские Демидовы уделяли серьезное внимание сохранению жизни незаконнорожденных детей. Созданное ими специальное заведение (воспитательный, затем приемный дом) практически не имело аналогов в других горнозаводских хозяйствах региона, где прием подкидышей в лучшем случае осуществлялся при госпиталях.

В отчете берг-инспектора П. Е. Томилова, ревизовавшего уральские горные заводы в 1807–1809 гг., зафиксировано существование еще одного воспитательно-

---

[1] См.: Черноухов Э. А. Из истории воспитания в пансионах России (на примере пансионов Демидовых) // История социальной работы на Урале. Екатеринбург, 2001. С. 40–42.
[2] Дашкевич Л. А. Воспитательные дома. С. 113; ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 1122. Л. 1–3.

го дома в частном округе. Он располагался в каменном доме в поселке Невьянского завода П. Яковлева. В этом заведении находилось 29 детей, в том числе 14 незаконнорожденных[1]. Однако о его дальнейшей судьбе каких-либо сведений не обнаружено.

Другим типом заведений общественного призрения в частных горнозаводских округах Урала были детские приюты. Если исходить из современных понятий, то они сочетали в себе черты детского сада для дневного присмотра за детьми, интерната для малообеспеченных родителей и начального образовательного учреждения. Первый такой приют был создан А. Н. Демидовым при Петербургском доме трудолюбия в 1837 г. Это учреждение сразу получило «высочайшее» одобрение.

В 1843 г. А. Н. Демидов обратился в «Комитет главного попечительства детских приютов» за разъяснениями по возможному созданию подобных заведений при уральских заводах. В качестве нормативной базы их деятельности ему было прислано «Положение о детских приютах» 1839 г., требовавшее всестороннего бюрократического контроля. К тому же заводовладельцу рекомендовалось нанять специально подготовленную женщину, служившую в образцовом приюте. Это, возможно, несколько задержало их создание на Урале[2].

Торжественное открытие первого Нижнетагильского приюта, получившего название Авроринского, состоялось 31 июля 1849 г. во время посещения округа А. К. Демидовой-Карамзиной. Она предписала принимать в приют детей жителей округа (всех желающих) от 1 года до 8 лет. Они должны были находиться в них в дневное время, получая полное содержание за счет заводовладельцев: питание, особое платье, постельные принадлежности.

Авроринский приют стал образцом для создания подобных заведений в Нижнетагильском округе. В том же 1849 г. были открыты приюты в селе Воскресенском (18 августа) и деревне Никольской (1 сентября).

---

[1] Описание заводов хребта. С. 166.

[2] Дашкевич Л. А. Мариинские заведения детского призрения на Урале в XVIII – начале XX в. // Вопросы истории. 2011. № 2. С. 125; Голикова С. В., Дашкевич Л. А. Охрана детства в империи Романовых (на материалах Урала XVIII – начала XX в.) // Уральский исторический вестник. 2013. № 3(40). С. 79.

Эти заведения быстро завоевали популярность у заводского населения. В среднем в них ежедневно призревалось 50–70 человек, иногда доходя до 150. В них приводили детей и из окрестных поселков и деревень, которым разрешалось здесь ночевать. Возраст принимаемых мальчиков и девочек доходил до 12 лет.

Некоторые воспитанники отправлялись в приют в принудительном порядке – по распоряжению заводской полиции. Так поступили с четырехлетним Г. Таракановым, которого бабушка отправляла просить милостыню.

Управляющий Нижнетагильским округом Д. В. Белов в 1850 г. попытался доказать пользу создания еще четырех приютов: в Нижнесалдинском, Висимоуткинском, Висимошайтанском и Черноисточенском поселках. Однако заводовладельцы ограничились только открытием 8 октября 1853 г. еще одного приюта в Нижнетагильском поселке. Он получил наименование Павловского, в честь владельца округа П. П. Демидова. Приют располагался в каменном здании напротив Никольской церкви в Выйском заводском поселке.

В конце 1850-х гг. Нижнетагильское заводоуправление просило владельцев открыть еще два приюта: при Висимоуткинском заводе и четвертой части Нижнетагильского поселка. Однако их создание из-за финансовых трудностей заводовладельцев было «отложено до более благоприятного времени».

Для руководства приютами А. К. Демидова-Карамзина пригласила из Петербурга специальную смотрительницу Агнессу Самойловну Кригнер. Она получала годовое жалование в размере 1340 руб. ассигнациями, имела бесплатную прислугу из трех человек. После ее отъезда в сентябре 1853 г., по истечению срока контракта, на эту должность была назначена уже местная жительница: вдова титулярного советника Анна Гавриловна Лапина. Ей было определено меньшее жалование в 1 068 руб. и без прислуги[1].

В первые годы деятельности штат приютов включал от трех до пяти человек (надзирательница, ее помощница, нянька, повар, прачка, дворник), в зависимости от числа воспитанников. Общие расходы на содержание одного ребенка

[1] См.: Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура Нижнетагильского. С. 131–132.

составляли 20–30 руб. асс. в год. К 1861 г. количество штатных работников в приютах возросло до 6–9 человек.

По Положению 1839 г. важнейшей целью деятельности приютов было провозглашено нравственное развитие воспитанников. Поэтому главным предметом обучения являлся закон Божий. Кроме того, воспитанники получали основы первоначальной грамоты, обучались церковному пению и навыкам рукоделия, в частности плетению корзин.

Деятельность приютов контролировало Нижнетагильское заводоуправление. Их реальное состояние оставалось незавидным. Так, начальница детских приютов округа А. Г. Лапина отмечала, что после посещения Никольского, «к сожалению, всегда почти уношу неприятные впечатления». В 1856 г. она осталась недовольна грязью в помещении и неопрятностью воспитанников.

Проверка 1857 г. вновь показала серьезные проблемы в Никольском приюте. Управляющий Нижнетагильскими округом П. Н. Шиленков обнаружил, что его неопрятные воспитанники питаются не в столовой, а в грязных сенях возле кухни. Это привело к смене персонала, причем новая надзирательница вдова А. В. Оленева и помощница (ее дочь) предварительно прошли трехмесячную стажировку («чтобы набраться опыта») в Авроринском приюте.

В 1859 г. в четырех приютах округа призревалось 174 мальчика и 219 девочек. По желанию принимались дети всех заводских жителей. Здесь работали начальница приютов, 13 служащих и 12 человек прислуги[1].

В 1860 г. Нижнетагильское заводоуправление, ввиду резкого роста цен на «жизненные припасы», инициировало сбор средств на открытие временного приюта для детей из бедных семей – третьего в его центральном поселке. Для этого удалось собрать 4396 руб. (37 человек сделали единовременные пожертвования от 30 коп. до 1100 руб., а 47 человек отчисляли 0,5–2% от

[1] См.: Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура Нижнетагильского. С. 132–133; ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 1406. Л. 61.

годового жалования). Новый приют был открыт 1 января 1861 г. и проработал до июня 1862 г., пока не был истрачен весь собранный общественный капитал[1].

В целом приюты Нижнетагильского горного округа оказывали существенную помощь детям малообеспеченных родителей и оставшимся сиротами. Здесь они бесплатно получали первоначальное образование и воспитание. Эти заведения быстро завоевали популярность у населения: количество их воспитанников стабильно возрастало. Но заводовладельцы не давали согласия на дальнейшее расширение сети детских приютов в округе.

В 1858 г. подобное заведение общественного призрения было создано в Сысертском заводском поселке. Здесь появился приют для девочек, получивший название Иверского. Его штат установили в 20 воспитанниц, которые содержались на средства заводоуправления вплоть до совершеннолетия. При приюте действовала начальная женская школа, которую посещало и значительное число приходящих девочек[2].

Заведения общественного призрения «смешанного» типа были созданы в Пермском имении Лазаревы. Их учреждению способствовал субъективный фактор: смерть в 1850 г. единственного сына (в шестилетнем возрасте) одного из владельцев Христофора Екимовича – Ивана.

В память о нем было решено учредить специальные заведения, получившие наименование «приюты». По инициативе управляющего Пермским имением Г. А. Надуткина одно из них объединило детский приют (на 20 сирот) и богадельню (на 20 женщин), а второе было мужской богадельней (на 20 человек). Он же предложил построить для них особый каменный дом в Чёрмозском заводе и создать особый «вечный капитал», на проценты с которого они со временем будут содержаться[3].

Но эти пожелания Г. А. Надуткина не были реализованы. Владельцы имения увидели в этом непроизводительный расход капитала и источник для новых злоупотреблений местных управляющих. В целях экономии средств «приюты» ре-

---

[1] ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 1476.
[2] ГАСО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 23. Л. 2; Ф. 43. Оп. 1. Д. 280. Л. 115.
[3] ОПИ ГИМ. Ф. 333. Оп. 1. Д. 44. Л. 244–246.

шили разместить уже традиционным для горнозаводского Урала способом: на свободных площадях имевшихся госпиталей. В 1851 г. эти два заведения общественного призрения в Пермском имении Лазаревых были открыты: мужской в Чёрмозском, а женско-детский в Полазнинском поселках.

Для этого в зданиях госпиталей были произведены некоторые перестройки: в частности, в Полазнинском приют отгородили стеной, сделав для него отдельный вход. Это объединение вызвало недовольство медицинского инспектора уральских казенных и частных заводов А. И. Тиме. В ходе осмотра 1852 г. он посчитал, что приюты существенно ухудшили санитарное состояние госпиталей. Но владельцы имения отказались переводить их в отдельные здания[1].

Приюты в хозяйстве Лазаревых не пользовались популярностью у населения. В 1855 г. здесь был заполнен только комплект сирот – 20 человек. Богадельщиков (и мужчин, и женщин) было почти вдвое меньше штатного: 18 и 6 соответственно. Поэтому на содержание обоих заведений тратилось вдвое меньше, чем предполагалось: 721–758 руб., а не 1500 ежегодно[2] (то есть в среднем по 25 руб. на человека в год). Это вполне сопоставимо с затратами в богадельнях казенных заводах и Нижнетагильской. Т. А. Чернявская оценила их в 0,1% от оборотного капитала имения[3].

В 1855 г. управляющие Пермского имения Лазаревых предложили создать и отдельное заведение для призрения «умалишенных, юродивых и расслабленных на всю жизнь». По их мнению, эти лица создавали постоянные проблемы при содержании как в домах, так и в госпиталях и приютах. Поэтому предлагалось изолировать их в свободном помещении, имевшемся при Усольском госпитале. Для содержания психически нездоровых людей предполагалось выделить по 20 руб. в год на каждого. Это было значительно дешевле, чем отправлять этих лиц в богадельню Приказа общественного призрения в Перми[4].

---

[1] ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 867. Л. 31–35.
[2] ОПИ ГИМ. Ф. 333. Оп. 1. Д. 54. Л. 101–103об.
[3] Чернявская Т. А. Указ. соч. С. 280.
[4] ОПИ ГИМ. Ф. 333. Оп. 1. Д. 54. Л. 61–64.

Согласие владельцев имения было получено. Но врач имения К. Б. Гальберштрам предложил разместить умалишенных при подведомственном ему Чёрмозском госпитале, не создавая здесь отдельного заведения. В тоже время мужской «приют» (реально богадельня) был перемещен в Усолье. В результате в Чёрмозском госпитале освободились несколько комнат, необходимых для лучшего размещения больных[1]. В Пермском имении Лазаревых так и осталось два заведения общественного призрения: при Полазнинском и Усольском госпиталях.

В целом накануне отмены крепостного права при частных горных заводах Урала имелось всего 14 заведений общественного призрения: семь богаделен (в том числе одна смешанного типа – с малолетними сиротами), шесть детских приютов и приемный дом для подкидышей. Они были расположены всего в семи горнозаводских хозяйствах. Эти заведения требовали незначительных расходов на содержание, т.к. в большинстве своем располагались при госпиталях. Последние обеспечивали их пищей, бельем и прислугой.

Абсолютное большинство заводовладельцев Урала обоснованно не рассматривала специальные заведения общественного призрения как потенциальное средство сокращения своих расходов в этой сфере. Причины этого четко выразил Х. Е. Лазарев в письме управляющим своего Пермского имения в августе 1848 г. Он указал на полученный негативный опыт их деятельности, связанный с ростом злоупотреблений служительского аппарата. Поэтому «вместо новых каких-либо приютов, богаделен и других особых заведений несравненно основательнее, полезнее, проще, удобнее в наших заводах, селах и деревнях, достоверно узнав о беднейших, скорбных, сиротах, и тогда у родственников им жить и помогать в необходимом, как в некоторой выдаче хлеба, так и в крайне нужном»[2].

В другом предписании от 10 марта 1850 г. он еще жестче высказался о результатах своих пожертвований на нужды общественного призрения. По его мнению, «при равнодушии и при худом направлении местного нашего управления к прискорбию, не достигалась благотворная цель…, число бедных не уменьшается, со-

---

[1] ГАПК. Ф. 280. Оп. 1. Д. 1281. Л. 41, 49, 53–54.
[2] Цит. по Голикова С. В., Дашкевич Л. А. Указ. соч. С. 255.

здание приютов и богаделен приведет к новым злоупотреблениям, что уже обнаружено у других помещиков»[1].

Видимо, Х. Е. Лазарев ориентировался на соседнее хозяйство Строгановых. Здесь вотчинное «Положение об управлении Пермского нераздельного имения» 1837 г. предусматривало содержание особых сиротских домов и богаделен за господский счет для заводских и промысловых работников при каждом предприятии[2]. Но эти предписания были реализованы на практике в самом минимальном виде. Возможно, Х. Е. Лазарев имел в виду и многолетний не самый успешный опыт содержания заведений общественного призрения у нижнетагильских Демидовых.

Абсолютное большинство других заводовладельцев Урала видимо разделяло эти пессимистичные заключения Х. Е. Лазарева. Практика их организации и деятельности на горнозаводском Урале имела весьма противоречивые результаты.

Заводовладельцы считали, что они обеспечивают «социальный мир» на своих предприятиях и без специальных заведений общественного призрения. Так, С. Г. Строганов в 1850 г. отмечал, что он вынужден отчислять проценты на престарелых, вдов и сирот (и это повышает цены на металл), но «среди населения работников и мастеровых в 1000 душ нет нищих и пролетариев»[3]. Это было сравнение с Европой, где быстрый рост численности пролетариата и усиление его борьбы за свои права вызывали серьезное беспокойство властей.

Только несколько заводовладельцев Урала в первой половине XIX в. надеялись, что специальные заведения будут способствовать лучшему решению проблемы общественного призрения местного населения и оптимизируют их расходы в этой сфере. Но практически все из них, получив негативный опыт организации и деятельности богаделен и приютов, быстро отказались от этих необоснованных представлений. Фактически только нижнетагильские Демидовы методично пытались наладить эффективную деятельность заведений общественного призрения в своем округе.

---

[1] ГАПК. Ф. 280. Оп. 1. Д. 976. Л. 40–41.
[2] РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 4421. Л. 83–84об.
[3] РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 611. Л. 88.

Следует выделить основные мотивы благотворительности заводовладельцев в рассматриваемый период времени[1]. С одной стороны, по обоснованному мнению П. А. Орлова, заводовладельцы Урала в сфере благотворительности исходили не из своей христианской добродетели, некого морального смысла или статусно-меркантильных интересов, а целесообразности того или иного социально значимого деяния[2]. С другой стороны, о некоторых из них, прежде всего нижнетагильских Демидовых (особенно Николае Никитиче и Авроре Карловне), можно говорить, как о «просвещенных» предпринимателях со сложными поведенческими стереотипами. В их деятельности в этой сфере прослеживается не только погоня за внешними признаками респектабельности, но и служение «общественному благу».

В тоже время богатые горнозаводчики не уделяли особого внимания развитию благотворительности на Урале. Они явно предпочитали заниматься этим в столицах (а также за границей), потому что общественный резонанс в этих случаях был гораздо шире. Именно там была значительно большей вероятность получения различных званий и наград, отмечающих, в том числе и их деятельность в сфере общественного призрения.

В целом в первой половине XIX в. немногочисленные заведения общественного призрения в частных горнозаводских округах Урала обеспечивали прожиточный минимум для наиболее обездоленной части населения. Реальная практика организации и деятельности богаделен, приютов и приемных домов зачастую была весьма далека от поставленных владельцами целей. Специальные заведения общественного призрения с незначительным штатом не пользовалось популярностью у населения. Оно предпочитало получать от заводовладельцев пенсии, пособия и бесплатный провиант.

После отмены крепостного права численность заведений общественного призрения в частных хозяйствах Урала стала неуклонно сокращаться. Заводовладельцы настаивали на том, что в новых исторических условиях призрение нуждаю-

---

[1] По проблеме мотивов благотворительности в России существует широкий спектр позиций исследователей. См. Соколов А. Р. Указ. соч. С. 59.
[2] Орлов П. А. Целесообразность как принцип. С. 146.

щихся должно стать предметом заботы местных волостных правлений, попечительских организаций, а затем и новых органов местного самоуправления. Однако ни одна из названных структур не стремилась (или не имела финансовых возможностей) содержать сеть заведений общественного призрения. К тому же при частных заводах региона не были созданы горнозаводских товарищества. Здесь появились только вспомогательные кассы, сосредоточившиеся на выдаче ссуд и других пособий.

Между тем в условиях социально-экономического кризиса на уральских заводах после отмены крепостного права потребность в заведениях общественного призрения даже увеличилась. В 1862 г. попечитель учебных и богоугодных заведений Нижнетагильского округа Л. Вейер констатировал увеличение детей в приютах за три последних года почти вдвое, объяснив это резким ростом цен на продовольствие. Поэтому он предложил принимать в них только детей родителей, работающих на производствах Нижнетагильского округа, выдавая им специальные ярлыки, а на ночь оставлять только сирот по особому распоряжению. Эти предложения были приняты Нижнетагильским заводоуправлением, которое добавило к ним и обязательное наличие прививки от оспы.

Крупный пожар в Нижнесалдинском поселке привел к созданию еще одного подобного заведения. 13 июля 1864 г. здесь был открыт Мариинский приют, предназначенный для детей погорельцев. Общий штат состоял из надзирательницы и ее помощницы, а также трех человек прислуги (кухарки, няньки и дворника).

Но в том же 1864 г. в округе были закрыты три приюта (Никольский, Воскресенский и Павлушинский) и расформировано Попечительство учебных и богоугодных заведений. За деятельностью приютов стал наблюдать назначаемая заводоуправлением попечительница[1].

Расходы на содержание двух сохранившихся приютов неуклонно сокращались: с 29 039 руб. в 1862/1863 г. до 11 491 в 1866/1867 году. Правда, в следующее пятилетие они стабилизировались в районе 10,5–11 тыс. руб., то есть уменьшились почти втрое. В конце 1870-х – первой половине 1880-х гг. Нижнетагильское

[1] См.: Голикова С. В., Дашкевич Л. А. Призрение детей. С. 169–172.

заводоуправление тратило на содержание приютов всего 5,3–5,6 тыс. руб., то есть еще вдвое меньше. В них призревалось в среднем 200 детей.

С 1 января 1887 г. был закрыт Мариинский приют в Нижнесалдинском заводе. После этого расходы заводоуправления на эту сферу вновь сократились вдвое: с шести до трех тыс. руб.[1]

После реорганизации в 1892 г. единственного Авроринского приюта было предписано оставить здесь только сирот и детей самых бедных родителей. После этого количество его воспитанников сократилось вдвое: с 160 до 79 человек. Вместе с тем приют был переведен из ветхого тесного здания в более просторное помещение, несколько увеличилось его финансирование[2].

Руководство Верхотурского земства отказалось участвовать в содержании детских приютов, существовавших в Нижнетагильском округе. Оно, резонно обращало внимание на постоянные требования МВД о необходимости сокращении земских смет, заявляло о том, что по действующему законодательству это входит в обязанности сельских обществ. На средства земства уже содержался родильный приют при его Нижнетагильской больнице, в основном для незаконнорожденных детей[3].

Похожая судьба ожидала и приюты-богадельни в Пермском имении Лазаревых. Заводоуправление констатировало, что они были созданы для крепостных людей, и поэтому новые лица принимаются только по личному разрешению владельцев. Поэтому владельцев выделяли на содержание приютов, при существенной инфляции в тот период времени, стабильные незначительные средства[4].

В 1869 г. было принято решение о закрытии приюта (фактически богадельни) при Усольском госпитале. 11 остававшихся в нем стариков было предложено отправить на прежние места жительства. Это сократило расходы владельцев имения на эти цели вдвое.

---

[1] См.: Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура Нижнетагильского. С. 156–160.
[2] См.: Голикова С. В., Дашкевич Л. А. Призрение детей. С. 175–176.
[3] Журналы XIX очередного Верхотурского уездного земского собрания с докладами и отчетами управы и другими приложениями. Пермь, 1889. С. 846–847.
[4] См.: Грузинов А. С. Хозяйственный комплекс. Приложение № 17.

В 1868 г. штат Полазнинского приюта был уменьшен с 40 до 25 человек (реально здесь и было такое количество призреваемых с 1863 г.). После этого их численность в 1870-х гг. продолжала понемногу сокращаться[1]. В 1884 г. здесь осталось всего четыре женщины и шесть детей[2]. Вскоре приют был закрыт, а второй этаж здания Полазнинского госпиталя заняло заводоуправление[3].

Вторым действующим детским приютом к концу 1880-х гг. (кроме Авроринского) оставался Иверский при Сысертском заводе, где призревались 20 штатных воспитанниц. Большую часть средств на его содержание продолжали выделять владельцы округа: от 600 до 2 тыс. руб. в год. К финансированию были привлечены общество мастеровых, а затем местное церковно-приходское попечительство, выделявшее по 350 рублей[4]. Это позволило увеличить численность призреваемых девочек до 29 в 1890 году[5]. При приюте продолжала действовать начальная женская школа, в которой также обучали рукоделию.

Еще один детский приют в середине 1880-х гг. был организован в Богословском округе, перешедшем во владение Н. М. Половцевой. Он был создан по инициативе жена управляющего А. А. Ауэрбаха. Здесь имелась и небольшая богадельня для мужчин и женщин, располагавшаяся в крайне ветхих избах[6].

Следует отметить, что во второй половине XIX в., кроме горных заводов, в Пермской губернии действовало всего несколько подобных заведений для призрения детей, находящихся на содержании благотворительных обществ и частных лиц (в Перми, Екатеринбурге и Кунгуре). Немногим более разветвленной была сеть Мариинских приютов[7].

Вскоре после отмены крепостного права были закрыты и немногочисленные богадельни при частных горных заводах Урала. Так, в 1863 г. была ликвидирована Авроринская богадельня в Нижнетагильском поселке. Большинство ее обита-

---

[1] ГАПК. Ф. 280. Оп. 1. Д. 1343.
[2] Голикова С. В., Дашкевич Л. А. Призрение детей. С. 169.
[3] Путилова Н. Н. Указ. соч. С. 85.
[4] Материалы для ознакомления с условиями быта. 1873. С. 782; ГАСО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 23. Л. 2–2об.
[5] Голикова С. В., Дашкевич Л. А. Призрение детей. С. 169.
[6] Половцев А. А. Указ. соч. Т. 1. С. 365.
[7] См.: Голикова С. В., Дашкевич Л. А. Призрение детей. Гл. 2. П. 1, 4.

телей было «уволены» на проживание к родственникам. Только четверо неизлечимых больных были оставлены на прежнем месте: в Нижнетагильском госпитале.

В 1885 г. вдова П. П. Демидова прислала в Нижнетагильское заводоуправление письмо, в котором высказывалось пожелание достроить Павловскую богадельню и содержать ее в память о покойном муже. Она соглашалась выделить на это неприкосновенный капитал в 25 тыс. руб., на годовые проценты с которого призревать 20 богадельщиков. Однако заводоуправление ответило, что на 1187 руб. в год (проценты с такого капитала) это сделать нельзя. К тому же требовалось 10 735 руб. на достройку здания богадельни и первичное обустройство мебелью, бельем и т.п.

После этого вдова П. П. Демидова отказалась от своих первоначальных планов. Она передала неприкосновенный капитал в 25 тыс. руб. церковно-приходскому попечительству при Введенской церкви Нижнетагильского поселка. Оно построило на пожертвования своих прихожан каменный двухэтажный дом, в котором в 1887 г. создало собственную богадельню. Причем Е. П. Демидова предписала Нижнетагильскому заводоуправлению не вмешиваться в деятельность этого заведения, хотя именно на выделенные ей средства и содержалось большинство ее богадельщиков: 16 из 21–22 человек в начале 1890-х гг.[1]

Следует отметить, что женская богадельня в Нижнетагильском заводском поселке также была создана местным церковно-приходским попечительством. С 1885 г. она действовала при Скорбященской кладбищенской церкви[2].

В результате с 1880-х гг. в двух частных горнозаводских округах Урала важную роль в организации общественного призрения стали играть церковно-приходские попечительства. Однако это не стало широко распространенным явлением в регионе.

Обычно церковно-приходские попечительства на Урале ограничивались менее затратными и хлопотными мероприятиями. Так, в Холунинских заводах все дохо-

---

[1] См.: Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура Нижнетагильского. С. 156, 159.
[2] Нечаева М. Ю. Первые тагильские монахини // Нижний Тагил в лицах. Общественные деятели. С. 70.

ды двух таких организаций в 1880-х гг. шли на доплаты церковному персоналу[1]. Здесь же в 1888 г. по инициативе «кружка членов интеллигентного общества» было создано «Благотворительное общество» из 15 человек. Ключевую роль в нем играл управляющий заводами А. А. Зигель, а самые крупные пожертвования делали владельцы округа Поклевские-Козелл. Основную часть расходов составляли пособия бедным, в том числе ученикам местных училищ[2].

Приведенный анализ подтверждает принципиальный вывод А. Р. Соколова о том, что «благотворительность неспособна играть роль восполнителя недостающих в обществе социальных связей или социального регулятора… Она не способна не только к решению крупномасштабных социальных задач, но даже к длительному поддержанию ею же созданных учреждений и институтов. Подобные задачи в любом обществе могут решаться только путем законодательного внедрения определенных стандартов и поддержания их государственным аппаратом или местным самоуправлением»[3].

В целом после отмены крепостного права заводовладельцы все настойчивее стремились переложить попечение над неспособными самостоятельно содержать себя лицами на различные организации: органы местного самоуправления, горнозаводские товарищества, церковно-приходские попечительства. Но в пореформенный период практически все из них фактически не желали, в том числе из-за недостатка средств, заниматься общественным призрением в горнозаводских поселках.

Поэтому в частных горнозаводских округах Урала прекратили свою деятельность абсолютное большинство немногочисленных заведений общественного призрения, созданных в дореформенный период. В тоже время были созданы два приюта и две богадельня. В результате к концу XIX в. заведения общественного призрения действовали только в трех округах (Нижнетагильском, Сысертском и Богословском): три приюта и две богадельни. Они получали регулярные значительные пособия от владельцев горных заводов.

---

[1] ГАКО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 39.
[2] Там же. Д. 50.
[3] Соколов А. Р. Указ. соч. С. 645.

Таким образом, основной формой общественного призрения в частных горнозаводских округах Урала на всем протяжение XIX в. оставалась выдача пенсий, пособий и бесплатного провианта. Это вполне устраивало население, в большинстве своем негативно относившееся к специальным заведениям в этой сфере. Абсолютное большинство заводовладельцев также не видело необходимости в создании богаделен, приютов, воспитательных дом и др. заведений общественного призрения. Это реально не могло стать средством сокращения их расходов в этой сфере, а приводило к непроизводительному расходу капитала и являлось источником для новых злоупотреблений местных управляющих.

В заключении главы систематизируем типы социальной инфраструктуры в частных горнозаводских округах Урала. Эта классификация основывается на всей совокупности проанализированных количественных и качественных показателей. На ее основе можно выделить три основных типа организации и деятельности заведений социальной инфраструктуры в частных горнозаводских округах Урала, условно определяемые нами как «показательный», «умеренный» и «вынужденный».

«Показательный» тип на горнозаводском Урале XIX в. представляли Нижнетагильский, Верх-Исетский и Чёрмозский округа. Здесь заводовладельцы создали сеть заведений социальной инфраструктуры, существенно превышавшую необходимый минимум, определенный действующими нормативными актам. На протяжении всей первой половины XIX в., и в меньшей мере после отмены крепостного права, эта сеть имела стабильное достойное финансирование. Поэтому медицинские и учебные заведения в этих округах заметно превосходили подобные в остальных частных хозяйствах по размерам, материально-техническому оснащению, составу и квалификации персонала. Специфичной особенностью двух из трех этих округов (Нижнетагильского и Чёрмозского) стало длительное функционирование нескольких специальных заведений общественного призрения.

Подобное положение во многом определялось тем, что Нижнетагильские и Верх-Исетские заводы, по обоснованному мнению Е. Г. Неклюдова, по совокупности критериев (масштабам хозяйства, объемам производства, качеству продук-

ции) в первой половине XIX в. являлись безусловными лидерами отрасли. Чёрмозский округ входил в состав хозяйства, включавшего в себя обширные «промысловые» и сельскохозяйственные вотчины[1].

Владельцы всех трех округов «показательного» типа в первой половине XIX в. сумели избежать каких-либо форм казенного и общественного контроля. К тому же они последовательно придерживались патерналистской политики на своих заводах. Пять владельцев этих хозяйств Е. Г. Неклюдов причислил к «идеальному» абстрактно-логическому типу заводчиков[2].

«Умеренный» тип организации и деятельности социальной инфраструктуры был реализован во многих частных горнозаводских округах Урала, как крупных и средних по масштабам и объемам производства (Алапаевский, Билимбаевский, Кыновский, Кыштымский, Лысьвенский, Невьянский, Нытвенский, Пожевской, Ревдинский, Сергинский, Сысертский, Холунинский, Юговской), так и некоторых небольших (Архангельский, Воскресенский). Их владельцы создали и содержали сеть медицинских и учебных заведений, определенную действующими нормативными актами, или незначительно большую. Периодически они выделяли на её совершенствование существенные средства. Вместе с тем нередко, при общем ухудшении финансового положения какого-либо из этих округов, материально-техническое состояние и состав персонала медицинских и учебных заведений в этих хозяйствах вызывали обоснованную критику различных ревизоров. В семи округах были созданы богадельни, но они действовали незначительный период времени.

«Вынужденный» тип организации и деятельности социальной инфраструктуры был характерен для абсолютного большинства небольших и ряда средних (Белорецкий, Катавский, Суксунский, Юризанский) по масштабам и объемам производства частных горнозаводских округов Урала. Их владельцы, в условиях перманентно стеснительного, а то и плачевного финансового положения, в лучшем случае ограничивались минимально необходимым количеством заведений в этой

---

[1] См.: Неклюдов Е. Г. Уральские заводчики в первой половине XIX в.: владельцы и владения. С. 462–463.
[2] Там же. С. 485–486, 496–497.

сфере. Зачастую их численность и финансирование были меньшими, чем определялось нормами действующего законодательства. При этом заводовладельцы регулярно выражали сомнения в самой законности и обоснованности возложенной на них обязанности содержать собственные медицинские и учебные заведения, а также регламентации горными властями их деятельности. Поэтому создание госпиталей и училищ в этих округах растянулось на значительный срок, а многие «качественные» характеристики этих заведений регулярно вызывали обоснованные претензии со стороны соответствующих органов и должностных лиц: и по материально-техническому обеспечению, и составу персонала. О организации здесь специальных заведений общественного призрения речи не велось.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Первая половина XIX в. стали периодом расцвета горнозаводской промышленности Урала, достижения относительного равновесия всех ее «параметров»: технических, экономических, социальных. Тогда в полной мере раскрылись все достоинства окружной системы как особой формы существования крупного мануфактурного производства в специфических условиях региона.

В тот период времени на горнозаводском Урале сформировалась «новая социальная среда», основанная на системе патерналистских отношений – своеобразном компромиссном симбиозе, удовлетворявшем различные интересы государства, горного ведомства, заводчиков и работников. В результате здесь кардинально увеличилась численность собственных заведений социальной инфраструктуры: медицинских и учебных, а также, в меньшей степени, общественного призрения.

К концу XVIII в. при казенных заводах Урала имелось всего три госпиталя, два начальных училища и единственная богадельня. В первой половине следующего столетия здесь функционировала разветвленная система заведений социальной инфраструктуры. Накануне отмены крепостного права она включала в себя 19 госпиталей с собственными аптеками, 57 училищ и шесть богаделен. При каждом казенном заводе действовало как минимум по одному медицинскому и учебному заведению, во всех шести казенных округах имелась богадельня.

Подобный кардинальный рост собственных заведений социальной инфраструктуры произошел и в частных горнозаводских округах Урала. К концу XVIII в. здесь было всего восемь госпиталей, четыре училища и три заведения общественного призрения. Все они были сосредоточены в шести хозяйствах региона. Накануне отмены крепостного права в частных горнозаводских округах Урала действовали уже 70 госпиталей с аптеками и 99 училищ. Учитывая значительное количество вспомогательных предприятий, расположенных в непосредственной близости от основных заводов, можно констатировать наличие медицинских и учебных заведений в большинстве частных горнозаводских поселков Урала. В сфере общественного призрения рост численности специальных заведений был менее значительным. Накануне отмены крепостного права в частных горнозавод-

ских округах их было всего 14: семь богаделен, шесть детских приютов и приемный дом для подкидышей. Все они действовали в семи округах.

В результате на горнозаводском Урале в первой половине XIX в. была создана обширная система заведений социальной инфраструктуры, практически не имевшая аналогов в других горнозаводских округах Российской империи[1]. Ведь именно этот регион занимал лидирующие позиции в металлургическом производстве России на протяжении большей части этого столетия.

В тоже время уже в первой половине XIX в. начали выявляться и внутренние противоречия в развитии горнозаводской промышленности Урала, ставшие причиной нарушения равновесия всех ее параметров и последующего кризиса. Отмена крепостного права привела к кардинальной перестройке всей ее организации, в том числе масштабной трансформации собственной системы социальной инфраструктуры. К концу XIX в., как и в предшествующем столетия, на горнозаводском Урале остались только отдельные медицинские и учебные заведения, находящиеся на содержании казны и заводовладельцев.

В организации и деятельности заведений социальной инфраструктуры в казенных и частных горнозаводских округах Урала четко прослеживаются многие общие тенденции развития на протяжении всего XIX века. Это объясняется определенной общностью нормативно-правовой базы, регулярным государственным и ведомственным контролем, взаимодействием хозяйств различной формы собственности по ряду направлений.

В XIX в. сопоставимая социальная инфраструктура была создана и в целом успешно функционировала как в казенных, так и в большинстве частных горнозаводских округов Урала. В тоже время разная форма собственности, состояние хозяйства, менталитет владельцев и управляющих закономерно предопределили значительную специфику в развитии ее заведений: медицинских, учебных и общественного призрения.

---

[1] Только трехступенчатую систему горнозаводских учебных заведений на Алтае, созданную в конце 1830-х гг., можно по масштабам и функциям сопоставить с подобной системой, действовавшей на Урале.

Во всех казенных горнозаводских округах Урала в XIX в. функционировал единый тип социальной инфраструктуры. Здесь горные власти жестко централизовали организацию и деятельность всех её заведений. Они действовали на основе штатных положений, составленных на единых принципах. Здесь строго регламентировался состав и расположение заведений, материально-техническое оснащение, численность и оплата труда персонала. Некоторые непринципиальные отличия были обусловлены только количеством предприятий и масштабами производства в казенных округах, а также расположением двух из них (Богословского и Гороблагодатского) на северной окраине региона.

В частных горнозаводских округах Урала в XIX в. организация и деятельность социальной инфраструктуры также во многом определялась объективными показателями: действовавшей нормативной базой (общеимперской и горного ведомства), размерами, доходностью и потребностями производства. В тоже время здесь важную роль имели и субъективные факторы: менталитет заводовладельцев, инициатива (или ее отсутствие) управляющих по её развитию и достойному содержанию. Поэтому на протяжении всего XIX в. в частных хозяйствах четко прослеживаются значительная специфика в рассматриваемой сфере, которой реально не могло быть в казенных округах. Здесь можно выделить три типа организации и деятельности заведений социальной инфраструктуры, условно определяемые нами как «показательный», «умеренный» и «вынужденный».

«Показательный» тип на горнозаводском Урале XIX в. представляли Нижнетагильский, Верх-Исетский и Чёрмозский округа. Здесь заводовладельцы создали сеть заведений социальной инфраструктуры, существенно превышавшую необходимый минимум, определенный действующими нормативными актам.

«Умеренный» тип организации и деятельности социальной инфраструктуры был реализован во многих округах, как крупных и средних по масштабам и объемам производства (Алапаевский, Билимбаевский, Кыновский, Кыштымский, Лысьвенский, Невьянский, Нытвенский, Пожевской, Ревдинский, Сергинский, Сысертский, Холунинский, Юговской), так и некоторых небольших (Архангельский, Воскресенский). Их владельцы создали и содержали сеть медицинских и учебных

заведений, определенную действующими нормативными актами, или незначительно большую.

«Вынужденный» тип организации и деятельности социальной инфраструктуры был характерен для абсолютного большинства небольших и ряда средних (Белорецкий, Катавский, Суксунский, Юризанский) по масштабам и объемам производства частных горнозаводских округов Урала. Их владельцы, в лучшем случае ограничивались минимально необходимым количеством заведений в этой сфере.

Общие черты и значительные различия в организации и деятельности четырех выделенных типов социальной инфраструктуры (казенного и трех частных) на горнозаводском Урале четко прослеживаются по всем видам её заведений: медицинским, учебным и общественного призрения. Это особенно характерно для дореформенного периода.

В развитии медицинской сферы на казенных и частных горных заводах Урала в первой половине XIX в. последовательно совершенствовалась ее нормативно-правовая база, происходил рост численности госпиталей, приемных покоев и аптек, улучшалась их материально-техническая часть, разрешалась проблема найма аттестованного персонала. Это во многом объясняется активным государственным и ведомственным контролем состояния медицинских заведений как в казенных, так частных горнозаводских округах Урала с начала XIX века. Горные власти последовательно и все настойчивей требовали от всех заводовладельцев строгого выполнения требований законодательства в этой сфере, утверждения единых стандартов оказания медицинской помощи.

Основой нормативной организации и деятельности госпиталей и аптек, независимо от формы собственности, стал Проект горного положения 1806 г., а затем Устав горный (во всех его редакциях). В частных горнозаводских округах «показательного» типа ее обычно дополняли собственные организационно-распорядительные акты: положения, инструкции и т.п.

Ключевая роль в медицинской сфере горных заводов отводилась созданию специализированных заведений для стационарного лечения с определенным числом кроватей (в зависимости от количества работников) и найму квалифициро-

ванного персонала для их эффективной деятельности. Горнозаводское население обеспечивалось тремя видами медицинской помощи: в госпиталях, амбулаторно и на дому. В тоже время в развитии медицинской сферы во всех четырех выделенных типах социальной инфраструктуры наблюдалась и существенная специфика.

В казенных округах формирование сети госпиталей завершилось уже в первое десятилетие XIX в., когда они были созданы при всех крупных и средних заводских поселках. После этого она оставалась стабильной: периодически создавались и закрывались временные медицинские заведения в небольших поселениях.

В дореформенный период госпитали в казенных округах Урала выделялись численностью мест для стационарного лечения и обширным персоналом. В среднем в них было более 45 штатных кроватей (см. Приложение № 3, 6). По количеству врачей и аптекарей медицинские заведения казенных заводов существенно превосходили частные. По действовавшим штатам при всех из них (за исключением Нижнеисетского) полагалось иметь (и обычно находилось) как минимум по одному аттестованному врачу. В каждом казенном округе во второй четверти XIX в. появился и штатный аптекарь.

Общеимперская проблема недостатка врачей здесь традиционно смягчалась путем перевода специалистов из других ведомств. Она в целом успешно разрешилась уже с конца 1820-х гг., во многом благодаря внедрению и совершенствованию практики подготовки стипендиатов горного ведомства в Медико-хирургической академии и Казанском университете.

В тоже время в казенных округах крайне долго и сложно выделялись необходимые средства на совершенствование материально-технической базы медицинских заведений. В результате капитальные каменные госпитали были построены только в центрах половины казенных округов (Екатеринбурге, поселках Златоустовского и Воткинском заводов) и лишь накануне отмены крепостного права. Другие медицинские заведения в казенных округах, в том числе три в «центральных» заводских поселках, зачастую находились в незавидном материально-техническом состоянии.

Частные хозяйства «показательного» типа развития социальной инфраструктуры выделялись своими преимуществами в организации медицинского обслуживания населения. Здесь процесс создания заведений для стационарного лечения во всех заводских поселках растянулся на несколько более длительный срок, чем в казенных округах. В обширных Нижнетагильском и Верх-Исетском округах он продолжался до 1830-х гг.

В тоже время в этих частных горнозаводских хозяйствах Урала действовавшие медицинские заведения немногим уступали казенным по размерам: в среднем имели 35–40 кроватей на госпиталь (см. Приложение № 14). При этом зачастую они были значительно лучше обустроены и оснащены необходимым оборудованием, инструментами и материалами. На протяжении всей второй четверти XIX в. различные специалисты регулярно отмечали в качестве образцовых обширные капитальные госпитали и аптеки в Нижнетагильском, Верх-Исетском и Чёрмозском заводских поселках.

Положение медицинской сферы в частных округах «умеренного» типа развития социальной инфраструктуры было существенно хуже. Их владельцы под давлением горных властей длительное время ограничились в лучшем случае учреждением госпиталя только в центре хозяйства. Существенное расширение сети госпиталей в этих округах было произведено только во второй четверти XIX века. Они были несколько меньшими по размерам, чем в двух вышеназванных типах: в среднем имели 25–35 кроватей на госпиталь (см. Приложение № 14).

При этом заводовладельцы и их конторы зачастую не выделили необходимых средств для их достойного содержания. Поэтому оценки со стороны медицинских инспекторов Уральского горного правления М. Г. Вульфа и К. А. Тиме медицинской сферы этих округов противоречивы. Периодически некоторых владельцев хвалили за строительство или выделение нового помещения под госпиталь и аптеку, других – критиковали за состояние этих заведений, не соответствующее нормативным показателям.

Еще хуже было положение медицинской сферы в частных округах «вынужденного» типа развития социальной инфраструктуры. Их владельцы зачастую

длительное время ограничивались созданием при своих заводах приемных покоев, не приспособленных для стационарного лечения. В конце концов созданные здесь под давлением горных властей госпитали отличались небольшими помещениями: в среднем по 10–25 кроватей (см. Приложение № 14). В большинстве случаев незавидным было и их материально-техническое состояние. Поэтому в округах «вынужденного» типа госпитали и аптеки подвергалось перманентной уничижительной критике медицинских инспекторов: как в 1820 г. (Шпир), так и 1830–1850-х гг. (Вульф, Тиме).

Существенные отличия наблюдались в составе и положении медицинского персонала. В частных горных округах заводовладельцы, не связанных жесткими штатными нормами, привлекали врачей, в том числе иностранцев, выгодными материальными условиями контрактов (в сравнении с казенной службой). В округах «показательного» типа проблема найма и адаптации врачей была также в целом успешно разрешена со второй половины 1820-х гг., остальных – несколько позже: в 1840-х гг.

Владельцы частных горнозаводских округов «показательного» и «умеренного» типов длительное время считали возможным ограничиться всего одним врачом для всех своих заводов, а «вынужденного» – вообще, его приглашением из соседних городов и поселков в случае крайней необходимости. Это объясняло широко распространенную самостоятельную врачебную практику лекарских учеников (так называемый фельдшеризм) во многих заводских госпиталях, запрещенную действующим законодательством. Поэтому горные власти регулярно требовали от заводовладельцев увеличения численности врачей.

Постепенно положение начало меняться в лучшую сторону только в округах «показательного» типа. В 1840-х гг. в Верх-Исетском округе утвердилась практика найма двух врачей, а в Нижнетагильском в 1850-х гг. – трех. В остальных частных горнозаводских хозяйствах Урала традиционно продолжали иметь одного врача.

Аттестованных аптекарей в абсолютном большинстве частных округов так и не появились. Квалифицированные специалисты в этой области регулярно служи-

ли только в двух крупнейших округах «показательного» типа: Нижнетагильском и Верх-Исетском (см. Приложение № 17).

В развитии сферы образования в горнозаводских округах Урала в первой половине XIX в. также четко прослеживаются общие тенденции. Этому способствовали потребности производства, а также регулярное принуждение со стороны горного ведомства, Министерства народного просвещения и Русской православной церкви. Здесь происходил постепенный рост количества учебных заведений как при казенных, так и большинстве частных заводов, совершенствование нормативной и материально-технической базы их организации и деятельности. Собственные училища были необходимы для подготовки части сыновей местных жителей к занятию низших и средних административных и технических должностей.

Все горнозаводские школы Урала XIX в., кроме трех специальных училищ, были начальными общеобразовательными учебными заведениями. Это объясняется целым комплексом взаимосвязанных причин: малым возрастом воспитанников, отсутствием соответствующей учебно-материальной базы и квалифицированных учителей для преподавания специальных предметов, традициями обучения прикладным навыкам непосредственно на производстве, а впоследствии и требованиями Министерства народного просвещения, в ведение которого со временем перешла значительная их часть.

В подавляющем большинстве горнозаводских школ Урала крайне остро стояла проблема квалифицированных учителей. Преподавание в них традиционно вели духовные лица, зачастую не имевшие соответствующего образования, а также и времени для обучения детей. Привлечению в школы квалифицированных гражданских педагогов препятствовали низкие социальный статус и жалование.

В тоже время в развитии образовательной сферы при горных заводах Урала во всех четырех выделенных типах социальной инфраструктуры также наблюдалась существенная специфика.

В казенных округах формирование сети школ завершилось уже в первое десятилетие XIX в., когда они были созданы при всех крупных заводских поселках. Формально они были открыты для всех сыновей местных работников. Постепен-

но эта сеть учебных заведений в казенных округах существенно расширилась, в каждом из них было открыто и по одному женскому училищу.

После утверждения новых штатов уральских казенных заводов 1847 г. была создана трехступенчатая система учебных заведений: заводские школы – окружные училища – Уральское горное училище. Третья ступень – Уральское горное училище – стало первым успешным опытом организации специального горнотехнического обучения в регионе.

В частных горнозаводских округах, кроме Нижнетагильского, не появилось такой разветвленной сети учебных заведений. Количество училищ здесь также начало увеличиваться еще на рубеже XVIII–XIX вв. за счет их открытия в центрах округов «показательного» и частично «умеренного» типа организации и деятельности социальной инфраструктуры. Но эти учебные заведения предназначались лишь для сыновей местных служителей. Только во второй половине 1830-х – 1840-х гг. под давлением различных органов власти некоторые заводовладельцы создали сеть школ, в которые принимались также дети мастеровых и работников вспомогательных производств.

Частные хозяйства «показательного» типа развития социальной инфраструктуры выделялись своими преимуществами в организации обучения местного населения. Созданная в 1850-х гг. в Нижнетагильском и Верх-Исетском округах сеть учебных заведений была сопоставимой с подобной в казенных округах по количеству училищ, их разнообразию (мужские и женские, православные и единоверческие), численности учителей и учеников. В трех хозяйствах показательного типа в 1830–1850-х гг. было предпринято несколько попыток организовать профессиональное обучение в старших классах «центральных» учебных заведений (Выйского, Чёрмозского, Верх-Исетского), которые, правда, не принесли ожидаемых результатов.

В эти три училища постоянно нанимались гражданские преподаватели (см. Приложение № 19), получавшие содержание, существенно превышавшее жалование учителей в подобных заведениях. Уровень грамотности заводского населения

в округах «показательного» типа был несколько выше, чем в других частных хозяйствах региона.

Владельцы округов «умеренного» типа с конца 1830-х гг. содержали училище при каждом заводе (кроме вспомогательных). В этих хозяйствах также постепенно возрастала численность учебных заведений и учащихся (см. Приложение № 15). Для преподавания в «центральных» училищах ряда этих округов также стали нанимать гражданских учителей.

Владельцы большинства округов «вынужденного» типа на протяжении всего дореформенного периода ограничивались содержанием незначительного числа учебных заведений: одного – в небольших хозяйствах, двух-трех в средних (см. Приложение № 15). Здесь традиционно преподавали духовные лица.

В развитии общественного призрения в горнозаводских округах Урала в первой половине XIX в. также четко прослеживаются общие тенденции. Главным направлением деятельности казны и заводовладельцев в этой сфере оставалась выдача пенсий, пособий и бесплатного провианта призреваемым лицам: престарелым, увечным, сиротам. Это вполне устраивало местное население, в большинстве своем негативно относившееся к специальным заведениям общественного призрения.

Проект горного положения 1806 г. обязывал заводить богадельни в казенных округах и рекомендовал в частных. Они стали самым распространенным видом заведений общественного призрения в регионе. В 1830–1840-х гг. богадельни были созданы во всех казенных и семи крупных частных округах. Но в последних они действовали длительный срок только в двух хозяйствах «показательного» типа (Нижнетагильском и Чёрмозском). В округах «умеренного» типа богадельни просуществовали всего по несколько лет. Эти заведения во всех горнозаводских округах стремились располагать при госпиталях: это позволяло минимизировать расходы на их содержание.

Важным отличием стали декларируемые цели создания богаделен. В казенных округах эти заведения традиционно рассматривались в качестве одного из потенциальных средств сокращения численности лиц, обращавшихся за бесплатным

провиантом. В частных округах подобная цель заводовладельцами не определялась, они рассматривали эти заведения исключительно как предмет своей благотворительности (попечительства).

Яркой спецификой двух частных хозяйств «показательного» типа стала организация и длительная деятельность не только богаделен, но других видов заведений общественного призрения. В Нижнетагильском округе функционировали детские приюты и воспитательный (приемный) дом, Пермском имении Лазаревых – два заведения смешанного вида.

В целом в дореформенный период на горнозаводском Урале в округах казенного и «показательного» частного типа организации и деятельности социальной инфраструктуры можно констатировать устойчивый рост доступности медицинских и учебных заведений для значительной части местного населения. В двух других частных типах («умеренном» и «вынужденном») эта тенденция оставалась менее выраженной.

Стабильный рост количества и оснащения стационарных медицинских заведений, повышение уровня подготовки их персонала как в казенных, так и частных горных округах Урала вели к постепенному позитивному изменению менталитета местного населения. Оно все чаще обращалось за медицинской помощью к квалифицированным специалистам. Для середины XIX в. вполне обосновано говорить об успешном развитии процесса медикализации (важном направлении модернизации) на значительной части горнозаводского Урала.

Постоянные позитивные изменения четко прослеживаются в сфере образования. Для середины XIX в. вполне обосновано говорить о горнозаводских поселках Урала как центрах грамотности в регионе, наряду с губернскими и уездными городами. Это также являлось важным аспектом модернизации.

После отмены крепостного права отношение казны и заводовладельцев к собственным заведениям социальной инфраструктуры принципиально изменилось. Содержание ее составляющих перестало быть обязанностью, которая подвергалась постоянному контролю со стороны руководства горного ведомства. Поэтому пореформенный период (1861–1890-е гг.) характеризуется масштабной трансфор-

мацией в сфере социальной инфраструктуры горнозаводских округов Урала. Это была коренная перестройка старой системы без определения ее конечного результата.

По мнению руководства горного ведомства, после отмены крепостного права существенную часть расходов на заведения социальной инфраструктуры должны были взять на себя горнозаводские товарищества. Однако подобные предположения, зафиксированные в скорректированной нормативной базе, совершенно не оправдались. Создание горнозаводских товариществ в казенных округах региона сильно затянулась. К тому же эти новые учреждения располагали ограниченными средствами, не позволявшие содержать имевшиеся заведения социальной инфраструктуры. А в частных округах региона горнозаводские товарищества вообще не были созданы.

Между тем лишившиеся крепостной рабочей силы руководители горного ведомства и заводовладельцы, особенно после создания новой системы органов местного самоуправления, все настойчивее требовали освободить их от «натуральной» повинности содержания собственных заведений социальной инфраструктуры. В частных округах трансформация рассматриваемой системы была произведена в более короткие сроки.

Во всех горнозаводских округах Урала в 1860–1890-х гг. сеть медицинских заведений неуклонно сокращалась. Во многих частных хозяйствах происходило фактическое преобразование госпиталей в приемные покои, не предполагавших стационарного лечения. В условиях хронического недостатка средств материально-техническая база госпиталей и аптек в казенных и большинстве частных округов неуклонно ветшала, а уровень реальных доходов их персонала падал.

Стабильное финансирование медицинской сферы сохранилось только в казенных округах и частных хозяйствах «показательного» типа. Но и здесь четко определились негативные тенденции. В казенных округах средства, определенные штатами 1847 г., сильно обесценились из-за высокой инфляции. В частных округах «показательного» типа основные средства направлялись на развитие госпиталя с аптекой при центральном заводе, где также постепенно сокращалось количе-

ство кроватей и оставался единственный аттестованный врач. Нижнетагильский и Верх-Исетский госпитали оставались лучшими на Урале. Именно здесь длительное время служили самые известные врачи региона П. В. Рудановский и А. А. Миславский (оба – казенные стипендиаты). Имевшаяся солидная материально-техническая база и стабильное финансирование подведомственных заведений позволили этим специалистам провести значительные научные исследования.

Горные власти и заводовладельцы считали, что созданные в Вятской и Пермской губерниях земства примут на себя медицинское обслуживание всего населения, освободив их от этой «натуральной» повинности. Но эти новые органы местного самоуправления, из-за ограниченности своих бюджетов, явно были не способны взять на себя эту обязанность. Вместе с тем они были заинтересованы в сотрудничестве с горнозаводскими медицинскими заведениями, с их солидной материально-технической базой и квалифицированным персоналом. В ряде уездов Пермской губернии (Верхотурском, Екатеринбургском, Соликамском) постепенно было налажено тесное взаимодействие в сфере медицины земских органов, руководства казенных округов и частных заводоуправлений.

Трансформация остальных заведений социальной инфраструктуры после отмены крепостного права была более быстрой и радикальной. К концу 1870-х гг. на Урале фактически завершилась полуторастолетняя история горнозаводских школ как общеобразовательных учебных заведений, находящихся на содержании казны и заводовладельцев. Начальное обучение местного населения окончательно перешло в ведение Министерства народного просвещения, земств и церкви.

На содержании горных властей и заводовладельцев остались только учебные заведения, осуществлявшие профессиональное обучение: казенное Уральское горное училище и частные Нижнетагильское и Турьинское (созданное в 1884 г.). Первое осталось в составе Горного департамента, а оба частных состояли в ведении Министерства народного просвещения. Ни одному из этих училищ во второй половине XIX в. не удалось получить статус среднего технического, несмотря на то, что Уральское горное и Нижнетагильское реальное имели весьма обширные программы обучения. Этому во многом воспрепятствовали возникшие у них серь-

езные финансовые проблемы, не позволявшие провести необходимые преобразования.

Следует согласиться с обоснованным мнением Т. А. Дубровской, что если на начальной стадии капитализма частные инициативы играли важную роль в развитии профессионального образования, то в последующий период, связанный с дальнейшим усложнение производства и повышением требования к подготовке квалифицированных кадров, они уже не могли справиться с поставленными задачами[1]. Все большую роль в профессиональном образовании в России играли государственные учебные заведения. Уральское горное училище в начале XX в. получило статус среднего специального.

После отмены крепостного права на Урале были быстро ликвидированы практически все горнозаводские заведения общественного призрения. По мнению руководства горного ведомства и заводовладельцев этой сферой должны были заняться органы местного самоуправления, горнозаводские товарищества, церковно-приходские попечительства.

В целом «жизненный цикл» системы заведений социальной инфраструктуры при горных заводах Урала завершился к концу XIX века. При этом уже современники болезненного процесса ее трансформации в пореформенный период начали дискуссию об обоснованности и эффективности содержания горным ведомством и заводовладельцами собственных заведений в этой сфере. Но длительные споры нескольких поколений исследователей, видимо, никогда не будут завершены однозначными выводами.

«Противники» системы собственных заведений социальной инфраструктуры будут и далее настаивать на том, что ее составляющие не являлись органичной частью горнозаводского производства, существенно увеличивали накладные расходы в цене продукции, поощряли иждивенческие настроения среди местного населения. В свою очередь, ее «сторонники» продолжат отмечать относительную незначительность затрат на эти заведения в увеличении доли накладных расходов, а также различные позитивные последствия их деятельности.

---

[1] Дубровская Т. А. Указ. соч. С. 48.

Кроме идеологических и методологических разногласий исследователей серьезным препятствием для достижения компромиссной оценки является имеющаяся в распоряжении современных исследователей источниковая база. Сопоставимые и не вызывающие сомнений в достоверности отчетные данные по затратам на заведения социальной инфраструктуры по большинству горнозаводских округов Урала реально отсутствуют. Дошедшие до нас относительно немногочисленные сводные материалы (годовые, генеральные отчеты и др.) составлены на основе различных, зачастую несопоставимых форм.

Поэтому имеющаяся источниковая база не позволяет проследить динамику расходов на заведения социальной инфраструктуры горнозаводских округов Урала на протяжении какого-либо значительного периода времени. К тому же часть помещенных в отчетах сведений были сознательно искажены их авторами. Как управляющий аппарат казенных округов и входящих в них предприятий, так заводовладельцы и их управления (конторы) регулярно дезинформировали вышестоящие органы с целью изменения штатных положений, «оптимизации» налоговой базы, сокрытия хищений, других объективных и субъективных факторов.

В дореформенный период оценки современников по обоснованности расходов на собственную социальную инфраструктуру времени менее противоречивы. Руководство горного ведомства, начальники казенных округов и заводовладельцы Урала, где оформился «показательный» и частично «умеренный» типы, не рассматривали содержание ее заведений, как чрезмерно затратную сферу. Они обычно указывали на «обременительность» других накладных расходов, в частности финансирование заводской полиции и ремонта дорог[1]. Обременительность затрат на собственные заведения социальной инфраструктуры отмечали в основном владельцы округов «вынужденного» типа.

Начальники казенных горных округов и многие заводовладельцы прекрасно осознавали, что на протяжении всей первой половины XIX в. органы государственной власти реально были не в состоянии обеспечить приемлемый уровень

[1] В обобщенном виде см., например: РГИА. Ф. 888. Оп. 1. Д. 434. Л. 32–33; ГАПК. Ф. 280. Оп. 1. Д. 840. Л. 6.

медицинского обслуживания, народного образования и общественного призрения в заводских поселках. А это было важным условием эффективности производства, сохранения «социального мира» на заводах, обеспечения потребности в здоровых и грамотных работников. К тому же они понимали взаимосвязь крепостного состояния большинства работников горных заводов и необходимость содержания собственных заведений социальной инфраструктуры.

Поэтому в первой половине XIX в. последние не были предметом особого недовольства ни в казенных горных округах, ни в частных хозяйствах «показательного» и «умеренного» типов. Их руководство традиционно отмечало лишь недопустимость излишней «расточительности» на содержание заведений социальной инфраструктуры, а также необходимость преодоления иждивенческих настроений среди части местного населения. Кроме того, заводовладельцы и их управляющие в частных округах неоднократно выступали против чрезмерной государственной регламентации организации и деятельности этих заведений, которая «создавала излишние формальные расходы».

Для руководства горнозаводской промышленности (как центрального, так и регионального уровней) и многих заводовладельцев в дореформенный период главным предметом критики был постоянный рост затрат на административный персонал, особенно сверхштатный. При этом обычно подчеркивалась чрезмерность бюрократической переписки и отчетности на горнозаводских производствах Урала[1]. К этому традиционно добавляли различный произвол, чинимый именно административным персоналом, вызывавший постоянное недовольство руководства горнозаводской промышленности и заводовладельцев.

Компетентные современники прекрасно осознавали необходимость уменьшения себестоимости продукции горных заводов Урала, в том числе за счет накладных расходов. Но главным объектом для сокращения этих затрат в подавляющем большинстве известных нам случаев определялся административный персонал, а не заведения социальной инфраструктуры.

---

[1] Эти оценки четко систематизированы у К. В. Чевкина, ревизовавшего горнозаводские предприятия Урала в 1835–1836 гг. См.: РГИА. Ф. 44. Оп. 4. Д. 217; ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 4800.

Эти оценки современников во многом опирались на финансовые показатели, которые возможно реконструировать по сохранившимся источникам. По нашим подсчетам, в казенных горных округах Урала затраты на содержание заведений социальной инфраструктуры составляли от общих: 8,1% по штатам 1827–1829 гг.; и 7,2% по штатам 1847 г. (см. Приложение № 1, 2). То есть они не играли определяющей роли даже в накладных расходах, которые в середине XIX в. оценивались в среднем в 40–50% от общих[1].

Подобные показатели получаются при подсчетах по двум крупным частным горнозаводским хозяйствам Урала «показательного» типа: Нижнетагильскому округу Демидовых и Пермскому имению Лазаревых. Именно они имели самые обширные в регионе системы заведений социальной инфраструктуры.

Нижнетагильские Демидовы считали, что в себестоимости продукции их горнозаводского хозяйства на Урале до 50% относится к накладным (непроизводственным) расходам. Эта цифра представляется вполне обоснованной. Так, по Генеральному отчету за 1853/1854 заводской год они составили 44,3%[2].

В. К. Яцунский по результатам вышеназванного правительственного исследования определил социальные затраты у нижнетагильских Демидовых в 1851 г. в 30% от всех накладных расходов[3]. Но из них можно вычесть расходы на содержание церковных учреждений (23 тыс. руб.), которые относились к государственным повинностям. Тогда затраты на заведения собственно социальной инфраструктуры в накладных расходах нижнетагильских Демидовых в тот период составляли всего четверть (25%).

Примерно такие же результаты были получены нами при анализе Генерального отчета по Нижнетагильскому округу за 1853/1854 заводской год. И здесь 75% накладных расходов составили самые различные затраты, самыми значительными из которых были управление, налоги (подати), постройки и ремонт, содержание

---

[1] В частности, по штатам 1847 г. накладные расходы по всем шести казенным округам Урала составляли примерно 45% (832 919 руб.).
[2] ГАСО. Ф. 643. Оп. 3. Д. 34. Л. 121об.
[3] Яцунский В. К. Капиталы и доходы. С. 135–137.

дорог. На собственно заведения социальной инфраструктуры (и выплату пенсий) приходилось не более четверти из них[1].

Такие затраты на заведения социальной инфраструктуры в Нижнетагильском округе (примерно восьмая часть от общих расходов) не были чрезмерными. Они немногим превышают подобные в казенных округах, при расчете их доли в накладных расходах.

В Пермском горнозаводском хозяйстве Лазаревых подсчеты велись в других категориях. Здесь затраты на заведения социальной инфраструктуры в 1851 г. составили всего 1,5% от оборотных средств[2]. Расчеты автора по годовому отчету 1853/1854 г. дали подобные показатели. Затраты на заведения социальной инфраструктуры составили всего 0,7% от оборотных средств[3]. Их также явно нельзя признать чрезмерными.

Но уже накануне отмены крепостного права социально-экономическое положение горнозаводской промышленности Урала существенно ухудшилось из-за целого комплекса взаимосвязанных причин: мирового финансового кризиса, инфляционных процессов, принятия фритредерского таможенного тарифа 1857 г. Цены на продовольствие в регионе за несколько лет (1858–1863) выросли в два-три раза и больше не вернулись к прежнему уровню. До этого они оставались относительно стабильными с конца 1820-х гг. Резкий рост цен на продовольствие привел к существенному повышению накладных расходов, и соответственно стоимости производимой продукции, затруднил ее сбыт в условиях обострившейся конкуренции с европейскими производителями[4].

При этом роль действительно несколько увеличившихся затрат на содержание заведений социальной инфраструктуры на горнозаводском Урале не представляется нам столь же существенной. К тому же эти вложения в «человеческий капи-

---

[1] Подсчитано автором по: ГАСО. Ф. 643. Оп. 3. Д. 34. Л. 109–119.
[2] Чернявская Т. А. Указ. соч. С. 278, 280, 291.
[3] Подсчитано автором по: ГАПК. Ф. 280. Оп. 1. Д. 1161.
[4] См.: Белов В. Д. Указ. соч. С. 91–94; Горовой Ф. С. Падение крепостного права на горных заводах Урала. Пермь, 1961. С. 48–49; Злобин Ю. П. Влияние тарифа 1857 г. на состояние горнозаводской промышленности Урала конца 50 – начала 60-х гг. XIX в. // Социально-экономическое положение и борьба горнозаводского населения Урала в XVIII–XIX веках. Пермь, 1981. С. 59.

тал» внесли свою роль в модернизацию региона в тот период времени. Среди особо значимых следствий деятельности заведений социальной инфраструктуры выделим медикализацию и рост грамотности работников.

Существенно сложнее оценить нематериальные результаты организации и деятельности системы заведений социальной инфраструктуры в горнозаводских округах Урала. Уже в дореформенный период стали очевидны и негативные последствия в этой сфере.

Промышленная революция в горнозаводских хозяйствах Урала XIX в. не сократила коренным образом использование тяжелого физического труда. Здесь назрела масштабная модернизация производства, следствием которой должно было стать широкое применение техники, с существенным увеличением производительности труда.

Содержание горным ведомством и заводовладельцами Урала обширной социальной инфраструктуры, не характерное для европейской промышленности, было следствием, а не причиной технической отсталости. Это во многом определялось производственными отношениями, основанными на крепостном труде.

Одним из следствий такой организации производства стало несколько «модернизационных ловушек». Собственная система заведений социальной инфраструктуры на горнозаводском Урале привела к появлению во многом парадоксальной проблемы «излишка грамотных людей», а также закреплению внутрисословных различий и противоречий. С ее развитием росли иждивенческие настроения у существенной части местного населения, привыкшего к зачастую чрезмерной патерналистской, а затем и этатисткой опеке.

После отмены крепостного права горные власти и заводовладельцы естественно кардинально изменили свое отношение к существовавшей социальной инфраструктуре. Лишившись крепостной рабочей силы, они более не считали себя обязанными нести расходы на содержание всех или большей части ее заведений. Необходимость дальнейшего функционирования некоторых из них (части медицинских и профессиональных учебных) не вызывала сомнения, но проблемы достойного финансирования решались крайне сложно.

Неуклонное сокращение количества и масштабов деятельности заведений социальной инфраструктуры горнозаводских хозяйств на Урале весьма болезненно воспринималось местным населением. Оно уже привыкло к патерналистской опеке, испытывало потребность в гарантированной медицинской помощи, получении начального образования, социальной защите. Поэтому население возлагало всё больше надежд на государство, как главный источник потребительских благ и ресурсов. В пореформенный период патерналистский традиционалистский ценностный комплекс все более пронизывался и постепенно размывался также идущим от почвы этатизмом.

Обширную систему заведений социальной инфраструктуры горнозаводских округов Урала XIX в. следует оценивать, как сложное явление, обусловленное отечественными историческими реалиями. В дореформенный период подавляющая часть населения горнозаводских поселков региона реально могла получить квалифицированную медицинскую помощь и начальное образование только в заведениях, созданных и финансируемых горным ведомством и заводовладельцами. Это прямо и косвенно способствовало развитию производства.

Содержание собственной системы заведений социальной инфраструктуры было во многом экономически обоснованным и эффективным только в условиях мануфактурного стадии развития горнозаводской промышленности на Урале, базировавшейся на крепостных производственных отношениях. Сложный переход к раннеиндустриальной стадии развития и вольнонаемному труду объективно потребовали коренного реформирования в этой сфере. После отмены крепостного права исторически обусловленная масштабная трансформация системы заведений социальной инфраструктуры горнозаводских округов, с передачей подавляющей части функций другим акторам, стала болезненным процессом в модернизации страны.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Автобиография А. А. Миславского // Записки Уральского общества любителей естествознания. Т. XXII. – Екатеринбург: тип. Алексеева, 1902. Приложение.

2. Боков, В. Е. Уральские горнозаводские училища / В. Е. Боков // Труды Пермской губернской ученой архивной комиссии. 1904. Вып. 7. – С. 80–86.

3. Бондин, А. П. Моя школа // Бондин А. П. Избранное. Т. 1. – М.: Художественная литература, 1957.

4. Верхотурское уездное земство и его деятельность с 1870–1907 г. – Пермь: тип. Селиванова, 1907. – 81 с.

5. Воеводин, Л. Е. Билимбаевское двухклассное приходское училище в 1854–1860 годах / Л. Е. Воеводин // Труды Пермской губернской ученой архивной комиссии. 1904. Вып. 7. – С. 68–80.

6. Воеводин, Л. Е. Воспоминания о жизни в Кыновском заводе / Л. Е. Воеводин // Труды Пермской губернской ученой архивной комиссии. 1914. Вып. 11. – С. 157–183.

7. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 14. Пермская губерния / сост. Макшеев. – СПб.: тип. деп-та Генштаба, 1851.

8. Волегов, Ф. А. Хозяйственные записки по Пермскому имению графини С. В. Строгановой, составленные в начале 1820 г. / Ф. А. Волегов // Пермский край. – Пермь: тип. насл. Каменского, 1893. Т. 2. – С. 97–158.

9. Вологдин, И. В. Материалы к истории Пермского майоратного имения графов Строгановых / И. В. Вологдин // Пермский край. – Пермь: тип. насл. Каменского, 1893. Т. 2. – С. 90–96. Т. 3. – С. 82–83.

10. Воткинск. Документы и материалы. 1758–1998. – Ижевск: изд-во УдГУ, 1999. – 365 с.

11. Всеподданнейший доклад министра государственных имуществ по поездке на Урал в 1884 г. – СПб.: тип. МФ, 1885. – 96 с.

12. Высочайше утвержденные доклады и другие сведения о новом образовании горного начальства и управления горных заводов. – СПб.: Медицинская тип., 1807. Ч. 1. 447 с. Ч. 2. – 366 с.

13. Высочайше утвержденный доклад министра финансов и проект Горного положения // Полное собрание законов Российской империи-I (ПСЗ-I). Т. 29. № 22208.

14. Ганьжа, С. В. Тагильская летопись. XVI–XIX вв. / С. В. Ганьжа. – Нижний Тагил, 2000. – 172 с.

15. Генерал от металлургии Павел Аносов / под ред. М. Е. Главацкого. – Екатеринбург: изд-во Урал. ун-та, 1999. – 304 с.

16. Говорливый, З. С. Краткий медицинский отчет по госпиталям, находящихся в имениях тайного советника Х. А. Лазарева за 1863 год (с декабря 1862 по декабрь 1863 г.) / З. С. Говорливый // Протоколы заседаний Общества русских врачей в Санкт-Петербурге. 1863/1864. – СПб.: тип. Трея, 1864. – С. 249–265.

17. Город Екатеринбург. Сборник историко-статистических и справочных сведений по городу. – Екатеринбург: Уральский рабочий, 2007.

18. Грум-Гржимайло, В. Е. Недавнее, но безвозвратно умершее прошлое… // Грум-Гржимайло В. Е. Хочу быть полезным Родине. – Екатеринбург, 1996.

19. Докладная записка Екатеринбургской городской Думы об учреждении горнозаводского училища. Б.м., б.г. – 3 с.

20. Доклады земским собраниям Вятской губернии о III съезде врачей с приложением его постановлений. – Вятка: тип. земской управы, 1876. – 159 с.

21. Доклады редакционной комиссии, назначенной IV очередным Верхотурским уездным земским собранием, рассматривавшей доклады земской управы. – Нижнетагильск, 1873.

22. Доктор из захолустья / публ. С. В. Горбачевой // Архивы Урала. 1996. № 2. – С. 94–103.

23. Екатеринбургский уезд / автор-составитель В. Волков. – Б.м, тип. г. Первоуральска, 2001. – 47 с.

24. Журналы V очередного 1874 г. Верхотурского уездного земского собрания с докладами управы и другими приложениями. – Вятка, 1874. – 656 с.

25. Журналы VI очередного 1875 г. Верхотурского уездного земского собрания с докладами управы и другими приложениями. – Пермь, 1876. – 620 с.

26. Журналы VIII очередной сессии 1877 г. Верхотурского уездного земского собрания с докладами управы и другими приложениями. – Ирбит, 1878. – 659 с.

27. Журналы IX очередного Верхотурского уездного земского собрания с докладами управы и другими приложениями за 1878 год. – Пермь: тип. губ. земской управы, 1879. – 714 с.

28. Журналы X очередного Верхотурского уездного земского собрания и доклады Верхотурской уездной земской управы 1879 года. – Пермь: тип. губ. земской управы, 1880. – 772 с.

29. Журналы XI очередного Верхотурского уездного земского собрания и доклады Верхотурской уездной земской управы сессии 1880 года. – Пермь: тип. губ. земской управы, 1881. – 729 с.

30. Журналы XII очередного Верхотурского уездного земского собрания с докладами управы и другими бумагами, бывшими на рассмотрении собрания сессии 1881 года. – Пермь: тип. губ. земской управы, 1882. – 189 с.

31. Журналы XIII очередного Верхотурского уездного земского собрания с докладами и отчетами управы и другими приложениями за 1882 год. – Пермь: тип. губ. земской управы, 1883. – 877 с.

32. Журналы XIV очередного Верхотурского уездного земского собрания с докладами и отчетами управы и другими приложениями за 1883 год. – Пермь: тип. губ. земской управы, 1884. – 871 с.

33. Журналы XV очередного Верхотурского уездного земского собрания с докладами и отчетами управы и другими приложениями за 1884 год. – Ирбит: тип. Хитровой, 1885. – 813 с.

34. Журналы XVI очередного Верхотурского уездного земского собрания с докладами и отчетами управы и другими приложениями за 1885 год. – Пермь: тип. губ. земской управы, 1886. – 858 с.

35. Журналы XVII очередного Верхотурского уездного земского собрания с докладами и отчетами управы и другими приложениями за 1886 год. – Пермь: тип. губ. земской управы, 1887. – 934 с.

36. Журналы XIX очередного Верхотурского уездного земского собрания с докладами и отчетами управы и другими приложениями за 1888 год. – Пермь: тип. губ. земской управы, 1889. – 878 с.

37. Журналы XXI очередного Верхотурского уездного земского собрания 1890 г. с докладами управы и другими приложениями. – Пермь: тип. губ. земской управы, 1891. – 965 с.

38. Журналы XXII очередного Верхотурского уездного земского собрания 1891 г. с докладами управы и другими приложениями. – Пермь: тип. губ. земской управы, 1892. – 846 с.

39. Журналы XXVI очередного Верхотурского уездного земского собрания сессии 1895 года с докладами управы, представленными на рассмотрение этого собрания. – Екатеринбург: тип. Мирных, 1896. – 998 с.

40. Журналы Екатеринбургского уездного земского собрания 3-й очередной сессии (1872 г.) и доклады уездной земской управы. – Екатеринбург, 1873. – 286 с.

41. Журналы Екатеринбургского уездного земского собрания 6-й очередной сессии (1875 г.) и доклады уездной земской управы. – Екатеринбург, 1876. – 361 с.

42. Журналы Екатеринбургского уездного земского собрания 8-й очередной сессии (1877 г.) и доклады уездной земской управы, раскладочной и ревизионной комиссии. – Екатеринбург, 1878. – 445 с.

43. Журналы Екатеринбургского уездного земского собрания 9-й очередной сессии (1878 г.) и доклады уездной земской управы. – Екатеринбург, 1879. – 521 с.

44. Журналы XII очередной сессии Екатеринбургского уездного земского собрания (1881 г.) и доклады Екатеринбургской уездной земской управы. – Пермь: тип. губ. земской управы, 1882. – 603 с.

45. Журналы XIII очередной сессии Екатеринбургского уездного земского собрания (1882 г.) и доклады Екатеринбургской уездной земской управы. – Пермь: тип. губ. земской управы, 1883. – 525 с.

46. Журналы XIV очередной сессии Екатеринбургского уездного земского собрания (1883 г.) и приложения к ним. – Пермь: тип. губ. земской управы, 1884. – 705 с.

47. Журналы XV очередной сессии Екатеринбургского уездного земского собрания (1884 г.) и приложения к ним. Екатеринбург: тип. Мерной, 1885. – 283 с.

48. Журналы XVII очередной сессии Екатеринбургского уездного земского собрания (1886 г.) и приложения к ним. – Екатеринбург: тип. Мерной, 1887. – 194 с.

49. Журналы XIX очередной сессии Екатеринбургского уездного земского собрания (1888 г.) и доклады Екатеринбургской уездной земской управы. – Екатеринбург: тип. Савицкого, 1889. – 693 с.

50. Журналы чрезвычайного и первого очередного Камышловского уездного земского собрания и доклады Камышловской уездной земской управы, бывших в 1870 году. – Пермь: тип. губ. земской управы, 1871. – 110 с.

51. Журналы третьего очередного Камышловского уездного земского собрания и доклады Камышловской уездной земской управы 1872 года. – Ирбит: тип. Хитровой, 1874. – 197 с.

52. Журналы восьмого очередного Камышловского уездного земского собрания и доклады Камышловской уездной земской управы 1877 года. – Камышлов: тип. уездной земской управы, 1871. – 101 с.

53. Журналы первого очередного Красноуфимского уездного земского собрания сессии 1870 года. – Пермь: тип. губ. земской управы, 1871.

54. Журналы II очередного Соликамского уездного земского собрания 1871 года. – Сарапул, 1872. – 126 с.

55. Журналы III чрезвычайного и V очередного Соликамского уездного земского собрания за 1874 год. – Ирбит: тип. Хитровой, 1875. – 146 с.

56. Журналы VIII очередного Соликамского уездного земского собрания за 1877 год. – Пермь: тип. губ. земской управы, 1878. – 619 с.

57. Журналы IX очередного Соликамского уездного земского собрания с докладами управы и комиссии за 1878 год. – Пермь: тип. Генних, 1879. – 580 с.

58. Журналы X очередного Соликамского уездного земского собрания, доклады управы, ревизионной и редакционной комиссий и приложения за 1879 год. – Вятка: тип. Куклина, 1880. – 726 с.

59. Журналы XI очередного Соликамского уездного земского собрания, доклады управы и комиссий 1880 года. – Вятка: тип. Куклина, 1880. – 639 с.

60. Журналы XII очередного Соликамского уездного земского собрания с доклады управы и другими приложениями за 1881 год. – Вятка: тип. Куклина, 1882. – 684 с.

61. Журналы XIII очередного Соликамского уездного земского собрания, доклады управы, редакционной и ревизионной комиссий и приложениями к ним за 1882 год. – Вятка: тип. Куклина, 1883. – 669 с.

62. Журналы XIV очередного Соликамского уездного земского собрания, доклады земской управы, редакционной и ревизионной и комиссий и приложениями к ним за 1883 год, и с приложениями протоколов Медицинского совета. – Вятка: тип. Куклина, 1884. – 807 с.

63. Журналы XV очередного Соликамского уездного земского собрания, доклады земской управы и комиссий и другими приложениями к журналам собрания за 1884 год. – Вятка: тип. Куклина, 1885. – 882 с.

64. Журналы XVII очередного Соликамского уездного земского собрания с доклады комиссий, земской управы и другими приложениями за 1886 год. – Вятка: тип. Куклина, 1887. – 645 с.

65. Журналы XVIII очередного Соликамского уездного земского собрания с докладами комиссий, земской управы, сметой и другими приложениями за 1887 год. – Вятка: тип. Маишева, 1889. – 527 с.

66. Журналы XIX очередного Соликамского уездного земского собрания с докладами управы, комиссий и другими приложениями за 1888 год. – Вятка: тип. Куклина, 1880. – 639 с.

67. Журналы XX очередного Соликамского уездного земского собрания с доклады управы, комиссий и другими приложениями за 1890 год. – Вятка: тип. Маишева, 1880. – 641 с.

68. Земско-медицинский сборник. Материалы по развитию земской медицины в России за первое 25-летие (1865–1890 гг.) / сост. Д. Н. Жбанков. – М.: тип. Иноземцева, 1893. Вып. 6. – 452 с. Вып. 7. – 396 с.

69. Злоказов, Л. Д. Старый Екатеринбург: город глазами очевидцев / Л. Д. Злоказов, В. Б. Семенов. – Екатеринбург: ИГИММО «Lithica», 2000. – 608 с.

70. Из истории Урала. Сборник документов и материалов. – Свердловск: Среднеурал. кн. изд-во, 1971. – 219 с.

71. Император Александр I / по личным воспоминаниям лейб-медика Д. К. Тарасова. – Пг.: тип. Суворина, 1915. – 250 с.

72. История развития медицины и здравоохранения в России. Обзор документальных материалов. – М.;Л.: Наука, 1958. – 37 с.

73. Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности Министерства государственных имуществ. 1837–1887. Ч. 5. Горное дело. – СПб.: Паровая скоропечатня Яблонский и Перотт, 1888. – 296 с.

74. Календарь Пермской губернии на 1885 год. – Пермь: тип. губ. правления, 1884. – 339 с.

75. Кирпищикова, А. А. Избранное / А. А. Кирпищикова. – Молотов: кн. изд-во, 1956. – 456 с.

76. Краткий очерк деятельности Екатеринбургского земства по народному здравию за 20 лет. 1870–1890. – Екатеринбург: тип. Екатеринбургской недели, 1890. – 56 с.

77. Краткий исторический очерк деятельности Екатеринбургского земства по народному образованию с 1870–1890. – Екатеринбург: тип. Екатеринбургской недели, 1890. – 51 с.

78. Краткое статистическое обозрение Пермской губернии 1832 года // Сборник материалов для ознакомления с Пермской губернией. – Пермь: тип. Каменского, 1891. Вып. 3. – С. 5–23.

79. Ле-Пле, Ф. Основная конституция человеческого рода / Ф. Ле-Пле. – М.: Синодальная тип., 1897. – 231 с.

80. Летопись Прикамья. Ч. 1. 1324–1917. – Пермь: Пушка, 1997. – 144 с.

81. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Пермская губерния / сост. Х. Мозель. – СПб.: тип. Генштаба, 1864. Ч. 2. – 746 с.

82. Материалы для ознакомления с условиями быта горнозаводского населения на Урале / сост. Р. С. Попов // Сборник Пермского земства. 1873; 1874; 1876.

83. Материалы к вопросу о низших горнотехнических учебных заведений на Урале. – СПб.: тип. Зархи, 1905. – 72 с.

84. Медико-топографический сборник. Т. 1. – СПб.: тип. Императорской Академии наук, 1870. 844 с. Т. 2. – СПб.: печ. Головина, 1871. – 669 с.

85. Немирович-Данченко, В. Кама и Урал (очерки и впечатления) / В. Немирович-Данченко. – СПб.: тип. Суворина, 1890. – 750 с.

86. Нижне-Тагильские и Луньевские заводы наследников П. П. Демидова, князя Сан-Донато. – Пермь: типолитогр. губ. правления, 1896. – 119 с.

87. Планер, Д. Историко-статистическое описание Пермских казенных медеплавильных заводов / Д. Планер // Пермский сборник. – М.: тип. Лазаревского института восточных языков, 1859. Кн. 1. – С. 1–34.

88. О содействии духовным лицам в преподавании учения при казенных горных заводах // ПСЗ-II. Т. 29. № 22209.

89. О содержании медицинской части на уральских заводах // Уральское горное обозрение. – 1898. – № 39 (27 сентября). – С. 5.

90. О школьном обучении малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах, и о фабричной инспекции // ПСЗ-III. Т. 4. № 2316.

91. Обучение детей на уральских горных заводах во второй четверти XIX в.: к проблеме сословности / публ. Э. А. Черноухова // Архивы Урала. – 1996. № 2. – С. 127–129.

92. Общий доклад Верхотурской уездной земской управы 4 очередному Собранию о действиях ее за первое трехлетие с июня 1870 г. по сентябрь 1873 г. – СПб.: тип. Оболенского, 1874. – 68 с.

93. Описание заводов хребта Уральского, составленное Пермским берг-инспектором П. Е. Томиловым в 1807–1809 годах // Горнозаводская промышленность Урала на рубеже XVIII и XIX веков. Сборник документальных материалов. – Свердловск: тип. Металлургиздата, 1956. – С. 147–298.

94. Оренбургская губерния в современном ее состоянии. Статистический очерк / сост. П. Н. Распопов. – Оренбург: тип. Бреслина, 1884. – 147 с.

95. Отчет Медицинского департамента, предоставленный управляющему МВД за 1877 год. – СПб.: тип. МВД, 1878. – 217 с.

96. Отчет министра государственных имуществ о поезде на уральские заводы в 1884 году. – СПб.: тип. МВД, 1885. – 134 с.

97. Пермская губерния. Список населенных мест по сведениям 1869 года. – Пермь: тип. МВД, 1875. – 443 с.

98. Половцов, А. А. Дневник Государственного секретаря. Т. 1. 1883–1886. – М.: Центрполиграф, 2005. – 605 с.

99. Положения и штаты для казенных округов Урала 1827–1829 гг. // ПСЗ-II. Т. 2. № 1514. Т. 3. № 1776. Т. 4. № 2889, 2890.

100. Положение для медицинского управления армии и флота 1805 г. // ПСЗ-I. Т. 28. № 21866.

101. Положение о губернских и уездных земских учреждениях. 1864 г. // ПСЗ-II. Т. 39. № 40457, 40458.

102. Положение о губернских и уездных земских учреждениях. 1890 г. // ПСЗ-III. Т. 10. № 6927.

103. Положение о горнозаводском населении казенных горных заводов ведомства Министерства финансов // ПСЗ-II. Т. 36. № 36719.

104. Положение об учебных заведениях уральских горных заводов. – Екатеринбург, 1853.

105. Положение рабочих Урала во второй половине XIX – начале XX в. 1861–1904. Сборник документов. – М-Л.: Наука, 1960.

106. Попов, Н. С. Хозяйственное описание Пермской губернии, сообразно начертанию Санкт-Петербургского Вольного Экономического Общества, сочиненное в 1802 и 1803 году в г. Перми / Н. С. Попов. – Пермь, 1804. Ч. 1. – 399 с. Ч. 2. – 400 с.

107. Португалов, В. Работа в рудниках или гигиена рудокопов / В. Португалов // Архив судебной медицины и общественной гигиены. – 1870. – № 4. – С. 70–72.

108. Постановления Екатеринбургского уездного земского собрания, состоявшиеся по докладам уездной земской управы во второе очередное заседание с 1871 г. Екатеринбург: тип. Безбородова, 1872. – 116 с.

109. Постановления IV очередного Екатеринбургского уездного земского собрания сентябрьской сессии 1873 г. и доклады управы. Екатеринбург: тип. Безбородова, 1874. – 165 с.

110. Правила обучения поселянских детей и особенно раскольничьих грамоте // Собрание постановлений по части раскола. – СПб.: тип. МВД, 1875. – С. 176–190.

111. Проект правил и программ для поступления в Уральское горное училище и программ учебного курса. – Екатеринбург: тип. газеты «Уральская жизнь», 1900. – 76 с.

112. Протоколы заседаний I съезда врачей Вятской губернии 1874 г. – Вятка: тип. Красовского, 1875. – 308 с.

113. Протоколы заседаний II съезда врачей Вятской губернии 1875 г. – Вятка: тип. Красовского, 1875. – 200 с.

114. Протоколы заседаний IV съезда земских врачей Вятской губернии 1883 г. – Вятка: тип. Куклина, 1883. – 464 с.

115. Протоколы Общества врачей Пермской губернии и приложения к ним. 1873–1888 гг. – Пермь: тип. губ. Пермской земской управы, 1889.

116. Рабочее движение в России в XIX веке. – М.: Госполитиздат, 1955. Т. 1. Ч. 2. – 743 с.

117. Революционная и трудовая летопись Южного Урала. Хрестоматия архивных документов по истории Южного Урала (1682–1918). – Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1980. – 413 с.

118. Результаты однодневной переписи, проведенной екатеринбургским земским врачом Ковалевским в 1881 г., в заводах: Невьянском, Петрокаменском, Верхне-Тагильском, Быньговском, Шуралинском, Рудянском и Верх-Нейвинском. Екатеринбург: тип. Полковой, 1881. – 24 с.

119. Рогов, Н. А. Материалы для истории Пермского заповедного имения графов Строгановых / Н. А. Рогов. – Пермь: тип. насл. Каменского, 1892. – 114 с.

120. Российский медицинский список на 1839 год. СПб.: тип. МВД, 1839. – 403 с.

121. Российский медицинский список на 1876 год. СПб.: тип. Гогенфельден и К, 1876. – 472 с.

122. Рудановский, П. В. Письма из Тагила / П. В. Рудановский // Современная медицина. – 1863. – № 5. – С. 82–99.

123. Рудановский, П. В. О состоянии медицинской части в округе Нижнетагильских заводов / П. В. Рудановский // Архив судебной медицины и общественной гигиены. – 1870. – № 4. – С. 73–79.

124. Рума, Р. Н. К гигиене рудокопов. Опыт исследования санитарных условий работы в Нижнетагильском руднике и влиянии их на рабочих / Р. Н. Рума. – Пермь: типолитогр. губ. правления, 1882. – 34 с.

125. Рума, Р. Н. Материалы для санитарного описания Пермской губернии / Р.Н. Рума. Пермь: тип. губ. земской управы, 1885. Вып. 1. – 127 с.

126. Рума, Р. Н. Состав населения Нижнетагильского завода. Биостатический очерк / Р. Н. Рума. – Пермь: типолитогр. губ. правления, 1885. – 44 с.

127. Рума, Р. Н. Санитарные очерки / Р. Н. Рума. – Пермь: типолитогр. губ. правления, 1886. Вып. 1. – 144 с.

128. Сборник медико-топографических и санитарных сведений о Вятской губернии / сост. А. Н. Радаков. – Вятка: тип. Куклина, 1878. – 250 с.

129. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. – СПб.: тип. МВД, 1864. Т. 2. – СПб.: тип. МВД, 1864. Т. 3. – СПб.: тип. МВД, 1865. Т. 4. – СПб.: тип. МВД, 1871.

130. Сборник правительственных распоряжений по делам до земских учреждений относящихся. Т. 4. – СПб.: тип. МВД, 1872. 256 с.

131. Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 2. – СПб.: тип. МВД, 1866. Т. 3. – СПб.: тип. МВД, 1867.

132. Сборник статистических сведений по Екатеринбургскому уезду Пермской губернии. Отдел хозяйственной статистики. – Екатеринбург: тип. Екатеринбургской недели, 1891. – 687 с.

133. Сборник циркуляров и инструкций Министерства внутренних дел с учреждения Министерства по 1 октября 1853 г. Т. 6. – СПб.: тип. МВД, 1857. Т. 7. – СПб.: тип. МВД, 1858.

134. Сведения об учебных заведениях Нижне-Тагильского горного округа на 1 января 1915 г. / сост. П. П. Ларионов. – Нижний Тагил: тип. Левитской, 1915. – 56 с.

135. Свод учреждений и уставов врачебных по гражданской части // Свод законов Российской империи. Т. 13. Ч. 3. – СПб.: тип. II Отделения е.и.в. Канцелярии, 1832.

136. Свод учреждений и уставов горного управления // Свод законов Российской империи. Т. 7. – СПб.: тип. II Отделения е.и.в. Канцелярии, 1833.

137. Свод учреждений и уставов горного управления // Свод законов Российской империи. Т. 7. – СПб.: тип. II Отделения е.и.в. Канцелярии, 1842.

138. Свод учреждений и уставов горных // Свод законов Российской империи. Т. 7. – СПб.: тип. II Отделения е.и.в. Канцелярии, 1857.

139. Свод учреждений и уставов горных. Изд. 1893 г. – СПб., 1912.

140. Систематический свод постановлений Екатеринбургского уездного земского собрания. Вып. 1. Медицинская часть. – Екатеринбург: тип. Хомутова, 1902. – 319 с.

141. Систематический свод постановлений Екатеринбургского уездного земского собрания. Вып. 2. Народное образование. 1870–1902. – Екатеринбург: тип. Хомутова, 1904. – 339 с.

142. Систематический свод постановлений Пермского губернского земского собрания. Вып. 2. Отдел медицины, ветеринарии и общественного призрения. – Пермь: тип. губ. земской управы, 1904. – 546 с.

143. Собрание российских законов о медицинском управлении. – СПб.: тип. МВД, 1828. Ч. 2–4.

144. Соркин, Ю. Э. Известные врачи-евреи Екатеринбурга. Биографический справочник / Ю. Э. Соркин. – Екатеринбург: Штерн, 1997. – 131 с.

145. Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи. – СПБ.: тип. МВД, 1852. – 39 с.

146. Таблицы учебных заведений всех ведомств Российской империи с показанием числа учащихся к числу жителей. – СПб.: тип. МВД, 1838. – 26 с.

147. Труды IV съезда врачей Пермской губернии. Доклады, материалы и протоколы. – Пермь, тип. губ. земской управы, 1887. – 406 с.

148. Труды VI съезда врачей Пермской губернии. – Пермь: тип. губ. земской управы, 1896. – 424 с.

149. Труды VII съезда врачей Пермской губернии. – Пермь: тип. губ. земской управы, 1898. – 258 с.

150. Труды VIII съезда врачей Пермской губернии. – Пермь: тип. губ. земской управы, 1902. Ч. 1. – 115 с.; – Пермь: тип. губ. земской управы, 1903. Ч. 2. – 198 с.; Ч. 3. – 218 с.

151. Труды I съезда уральских горнозаводчиков. – Екатеринбург: тип. Полковой, 1881. – 95 с.

152. Уральская железная промышленность в 1899 г. / под ред. Д. И. Менделеева. Факсимильное воспроизведение издания 1900 г. – Екатеринбург: Уральский рабочий, 2006. – 880 с.

153. Устав врачебный // Свод законов Российской империи. Т. 13. Ч. 3. – СПб.: тип. II Отделения е.и.в. Канцелярии, 1857.

154. Устав духовных консисторий 1841 г. // ПСЗ-II. Т. 41. № 14409.

155. Хрестоматия по истории Удмуртии. Т. 1. Документы и материалы. 1136–1917. – Ижевск: Удмуртия, 2007. – 546 с.

156. Чащин, В. А. По уральским завода (воспоминания) / В. А. Чащин. – Молотов: кн. изд-во, 1951. – 134 с.

157. Черемшанский, В. М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношении / В. М. Черемшанский. – Уфа: тип. Оренбургского губ. правления, 1859. – 472 с.

158. Черкасова, А. С. «На благо любезного Отечества» / А. С. Черкасова, А. Г. Мосин // Демидовский временник. Кн. 1. – Екатеринбург: Демидовский институт, 1994. – С. 246–273.

159. Чупин, Н. К. Географический и статистический словарь Пермской губернии / Н. К. Чупин. – Пермь: тип. губ. правления, 1882. – 257 с.

160. Штаты и основные рабочие положения горных казенных заводов хребта Уральского. – Б.м., 1847. – 406 с.

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Федеральные архивы

Российский государственный архив древних актов (РГАДА)

Ф. 1239. Дворцовый архив.

Ф. 1252. Абамелек-Лазаревы.

Ф. 1263. Голицыны.

Ф. 1267. Демидовы.

Ф. 1278. Строгановы.

Российский государственный исторический архив (РГИА)

Ф. 37. Горный департамент Министерства финансов.

Ф. 44. Штаб корпуса горных инженеров.

Ф. 47. Комиссия для пересмотра Горного устава.

Ф. 74. Акционерное общество Нижнетагильских и Луньевских заводов.

Ф. 880. Лазаревы и Абамелек-Лазаревы.

Ф. 1281. Совет министра внутренних дел.

Ф. 1284. Департамент общих дел Министерства внутренних дел.

Ф. 1287. Хозяйственный департамент Министерства внутренних дел.

Ф. 1297. Медицинский департамент Министерства внутренних дел.

Региональные государственные архивы

Государственный архив Кировской области (ГАКО)

Ф. 491. Главное управление Холунинскими горными заводами.

Ф. 496. Главная Омутнинская заводская контора.

Ф. 633. Вятская врачебная управа.

Государственный архив Оренбургской области (ГАОО)

Ф. 6. Канцелярия оренбургского военного губернатора.

Государственный архив Пермского края (ГАПК)

Ф. 65. Канцелярия пермского губернатора.

Ф. 176. Главное управление заводами, промыслами, вотчинными комиссионерствами Всеволожских.

Ф. 181. Главная контора Суксунских горных заводов.

Ф. 186. Добрянская заводская контора графа С. А. Строганова.

Ф. 280. Главное управление имениями князя С. С. Абамелек-Лазарева (Чёрмозский завод Соликамского уезда Пермской губернии).

Ф. 297. Исторический архив Пермской губернской архивной комиссии.

Ф. 673. Пермская губернская врачебная управа.

Государственный архив Свердловской области (ГАСО)

Ф. 9. Билимбаевский горный округ графа С. А. Строганова.

Ф. 14. Заводоуправление Товарищества Сергинско-Уфалейского горного округа.

Ф. 18. Екатеринбургская земская управа.

Ф. 24. Уральское горное управление.

Ф. 25. Главная контора Екатеринбургских казенных горных заводов.

Ф. 27. Каменский чугуноплавильный завод.

Ф. 28. Нижнеисетский железоделательный завод.

Ф. 31. Главная контора Екатеринбургских золотых промыслов.

Ф. 40. Старший врач Екатеринбургских заводов.

Ф. 41. Управление промыслами Березовского золотопромышленного товарищества.

Ф. 43. Канцелярия главного начальника уральских горных заводов.

Ф. 45. Управление Богословским горным округом.

Ф. 56. Контора Екатеринбургского монетного двора.

Ф. 62. Екатеринбургская городская управа.

Ф. 72. Главное управление акционерного общества Верх-Исетских горных и механических заводов.

Ф. 74. Е. Н. Коротков.

Ф. 78. Невьянский горный округ акционерного обществ Невьянских заводов Яковлева.

Ф. 93. Уральское горное училище.

Ф. 101. Уральское общество любителей естествознания (УОЛЕ).

Ф. 102. Демидовы.

Ф. 129. Н. К. Чупин.

Ф. 379. Горный начальник Екатеринбургских заводов.

Ф. 435. Верхотурская земская управа.

Ф. 623. Висимо-Шайтанская заводская контора.

Ф. 643. Главное управление заводов Демидовых.

Ф. 725. Ирбитский железоделательный завод.

Ф. 678-р. Свердловский областной совет краеведения.

Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО)

Ф. И-172. Главное управление Кыштымскими горными заводами.

Центральный государственный архив Удмуртской республики (ЦГАУР)

Ф. 212. Камско-Воткинский железоделательный и сталеплавильный завод.

Муниципальные архивы

Архив г. Златоуста

Ф. И-19. Главная контора Златоустовских заводов.

Ф. И-20. Управление Златоустовского горного округа.

Нижнетагильский городской исторический архив (НТГИА)

Ф. Р-180 Нижнетагильский горно-металлургический техникум им. Черепановых.

Ф. Р-533. А. Ф. Кожевников.

Архивные фонды музеев

Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ)

Ф. 14. Голицыны.

Ф. 52. Демидовы.

Ф. 333. Лазаревы.

Архив Нижнетагильского музея-заповедника «Горнозаводской Урал»

Ф. 10. Опись 10. Д. П. Шорин.

Ф. 45. С. А. Клат.

Архив Свердловского областного краеведческого музея (СОКМ)

Будрин, В. И. Уральское горное училище. Исторический очерк. Рукопись. 571 б / 139–144.

Рукописные собрания библиотек и музеев

Научно-справочная библиотека Российского государственного исторического архива (НСБ РГИА)

Всеподданнейшие отчеты начальника Пермской губернии 1884–1895 гг.

Всеподданнейшие отчеты начальника Вятской губернии 1884–1895 гг.

Всеподданнейшие отчеты начальника Оренбургской губернии 1884–1898 гг.

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ)

Ф. 615. Н. И. Привалов.

Краеведческий отдел Свердловской областной универсальной научной библиотеки им. В. Г. Белинского (СОУНБ)

Нижне-Тагильский санитарный комитет. Санитария. Рукопись. Б.м. Б.г. – 22 л. (листы не нумерованы).

Положение о лечебной медицине в Верхотурском уезде при введении в Пермской губернии земских учреждений (в 1870 г.). Рукопись. Б.м., б.г. (листы не нумерованы)

Библиотека Пермского краеведческого музея

Журналы второго очередного Верхотурского уездного земского собрания 1871 г. с докладами управы и приложениями. Рукопись. Литография Верхотурской земской управы, б.г. – 185 л.

Журналы третьего очередного Верхотурского уездного земского собрания 1872 г. Рукопись. Литография Верхотурской земской управы, б.г. – 53 л.

Журналы IV очередного Верхотурского уездного земского собрания 1873 г. Рукопись. Литография Верхотурской земской управы, б.г. – 57 л.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абатуров, И. Н. Патернализм в цивилизационном плане: практическое осуществление на Урале и леплезианское осмысление / И. Н. Абатуров // Документ. Архив. История. Современность: сб. нуч. тр. Вып. 10. – Екатеринбург: Урал. ун-т, 2009. – С. 3–11.

2. Агапова, Т. И. Сибирская горно-металлургическая промышленность и предприятия Кабинета в XVIII – середине XIX в. / Т. И. Агапова, В. Г. Изгачев, З. Г. Карпенко и др. // Промышленность Сибири в феодальную эпоху: сб. статей. – Новосибирск: Наука, 1982. – С. 74–107.

3. Адамов, В. В. Об оригинальном строе и некоторых особенностях развития горнозаводской промышленности Урала / В. В. Адамов // Вопросы истории капиталистической России: сб. статей. – Свердловск: Урал. ун-т, 1972. – С. 225–256.

4. Алеврас, Н. Н. «Заперты мы на заводе»: локальный мир горнозаводской культуры дореволюционного Урала / Н. Н. Алеврас // Горизонты локальной истории Восточной Европы в XIX–XX вв. – Челябинск, 2003. – С. 57–69.

5. Алеврас, Н. Н. В. Д. Белов: судьба уральца в социокультурном интерьере российских преобразований XIX–XX вв. / Н. Н. Алеврас // Урал в контексте российской модернизации: сб. статей. – Челябинск, 2005. – С. 72–89.

6. Алексеев, В. В. Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней / В. В. Алексеев, Д. В. Гаврилов. – М.: Наука, 2008. – 886 с.

7. Алексеев, В. В. Модернизация и традиция / В. В. Алексеев, И. В. Побережников // Модернизация в социокультурном контексте: традиции и трансформации: сб. статей. – Екатеринбург: УрО РАН, 1998. – С. 8–32.

8. Алексеева, Е. В. Диффузия европейских инноваций в России (XVIII – начало XX в.) / Е. В. Алексеева. – М.: РОССПЭН, 2007. – 368 с.

9. Анопов, И. А. Опыт систематического обозрения материалов к изучению современного состояния среднего и низшего технического и ремесленного образования в России / И. А. Анопов. – СПб.: тип. Бенке, 1889. – 135 с.

10. Апкаримова, Е. Ю. Власть и общество в уральской провинции во второй половине XIX – начале XX в. / Е. Ю. Апкаримова // Уральский исторический вестник. – 2005. – № 10–11. – С. 81–92.

11. Арсентьев, В. М. Модели развития отечественной промышленности в первой половине XIX в.: механизмы функционирования и индустриальный потенциал / В. М. Арсентьев // Проблемы экономической истории России. Профессорский сборник научных статей. – Екатеринбург: ИМЦ УПИ, 2007. – С. 50–78.

12. Арсентьев, Н. М. Замосковный горный округ: заводы и заводовладельцы / В. М. Арсентьев. – Саранск: изд-во Мордовского ун-та, 1994. – 234 с.

13. Артамонова, Л. М. Общество, власть и просвещение в русской провинции XVIII – начала XIX в. (юго-восточные губернии Европейской России) / Л. М. Артамонова. – Самара: изд-во СНЦ РАН, 2001. – 392 с.

14. Афанасьев, П. А. Ревизия К. В. Чевкина 1835 г. и ее место в модернизации традиционной модели управления и хозяйствования Алтайских горных заводов / П. А. Афанасьев // Кабинетская модель управления хозяйством и эксплуатация природных ресурсов Алтая в XVIII – начале XX в.: сб. статей – Барнаул: Азбука, 2011. – С. 99–123.

15. Афанасьева, А. Э. История медицины как междисциплинарное исследовательское поле / А. Э. Афанасьева // Историческая наука сегодня: теория, методы, перспективы. – М.: ЛКИ, 2012. – С. 419–437.

16. Бабарыкин, Б. В. Горнозаводское профессиональное образование в период аренды Алтайского горного округа Министерством финансов в 1830–1855 гг. / Б. В. Бабарыкин, В. А. Скубневский // Известия Алтайского государственного университета. – 2013. – № 4(2). – С. 121–128.

17. Бабушкин, В. С. Врач Е. П. Серебренникова / В. С. Бабушкин. – Пермь: кн. изд-во, 1957. – 47 с.

18. Бажова, А. П. Крепостная интеллигенция Урала в первой половине XIX века / А. П. Бажова // Из истории рабочего класса Урала: сб. статей. – Пермь: Перм. ун-т, 1961. – С. 135–148.

19. Балагуров, Я. А. Олонецкие горные заводы в дореформенный период / Я. А. Балагуров. – Петрозаводск: гос. изд-во Карельской АССР, 1958. – 211 с.

20. Балагуров, Я. А. Фабрично-заводские рабочие дореволюционной Карелии / Я. А. Балагуров. – Петрозаводск: Карельское кн. изд-во, 1968. – 215 с.

21. Басырова, С. Г. Развитие школьного дела на частных заводах Южного Урала в дореформенный период / С. Г. Басырова // Уральский исторический вестник. – 2008. – № 1(18). – С. 77–79.

22. Баташев, С. А. К истории медицины на Урале / С. А. Баташев // Хирургия. – 1957. – № 1. – С. 123–127.

23. Безобразов, В. П. Уральское горное хозяйство и вопрос о продаже казенных горных заводов / В. П. Безобразов. – СПб.: тип. Безобразова и К, 1869. – 373 с.

24. Бейлихис, Г. А. Очерки истории охраны труда и здоровья рабочих в СССР / Г. А. Бейлихис. – М.: Медицина, 1971. – 191 с.

25. Белов, В. Д. Исторический очерк уральских горных заводов / В. Д. Белов. – СПб.: тип. Гольдберга, 1896. – 177 с.

26. Берви-Флеровский, Н. Положение рабочего класса в России / Н. Берви-Флеровский. – СПб.: тип. Неклюдова, 1869. – 494 с.

27. Бертенсон, Л. Санитарно-врачебное дело на горных заводах и промыслах Урала / Л. Бертенсон. – СПб.: тип. Траншель, 1892. – 53 с.

28. Бессонов, М. Доктор медицины Иван Белавин / М. Бессонов // Веси. – 2006. – № 10. – С. 55–58.

29. Богатырева, О. Н. Эволюция системы местного управления в Вятской и Пермской губерниях (1861 – февраль 1917) / О. Н. Богатырева. – Екатеринбург: Урал. ун-т, 2004. – 458 с.

30. Болезнь и здоровье: новые подходы к истории медицины: сб. статей / отв. ред. И. Сироткина. – СПб.: Алетейя, 2008. – 304 с.

31. Бородкин, Л. И. Школы на дореволюционных фабриках: «создание кадров более развитых рабочих» / Л. И. Бородкин, Т. Я. Валетов, И. В. Шильникова // Россия и мир: панорама исторического развития. Сборник научных статей, посвященный 70-летию исторического факультета УрГУ. – Екатеринбург: Волот, 2008. – С. 666–676.

32. Бородкин, Л. И. Система трудовых стимулов на дореволюционной фабрике глазами рабочих и администрации / Л. И. Бородкин, Т. Я. Валетов, И. В. Шильникова // Экономическая история России: проблемы, поиски, решения. – М., Волгоград, 2008. – Вып. 10. – С. 220–232.

33. Бугаева, С. Я. К вопросу о квалифицированных кадрах в горнозаводской промышленности Урала (вторая половина XIX – начало XX в.) / С. Я. Бугаева // Рабочие Урала в период капитализма 1861–1917: сб. статей. – Свердловск: Урал. ун-т, 1985. – С. 27–38.

34. Бугаева, С. Я. Интеллигенция горнозаводского Урала в пореформенный период (численность, состав, положение) / С. Я. Бугаева // Положение и борьба трудящихся Урала в XVIII – начале XX века: сб. статей. – Свердловск: Урал. ун-т, 1987. – С. 50–62.

35. Бугаева, С. Я. Крепостная интеллигенция на заводах Урала в первой половине XIX века / С. Я. Бугаева, Э. Р. Меркушева // Культура и быт дореволюционного Урала: сб. статей. – Свердловск: Урал. ун-т, 1989. – С. 45–53.

36. Будрин, В. И. Пятидесятилетие существования Екатеринбургской мужской гимназии. 1861–1911. Краткий исторический очерк / В. И. Будрин. – Екатеринбург: тип. Алексеев, Галкин и К., 1911. – 152 с.

37. Будрин, В. И. Екатеринбургские школы за 200 лет / В. И. Будрин // Екатеринбург за 200 лет. – Екатеринбург: тип. «Гранит», 1923. – С. 172–204.

38. Будрин, В. И. Горнозаводские школы Урала в XVIII и в начале XIX века / В. И. Будрин // Материалы 2-й научной конференции по истории Екатеринбурга-Свердловска. – Свердловск, 1950. – С. 93–98.

39. Булгакова, Л. А. Благотворительность в России: общие суждения / Л. А. Булгакова // Милосердие и благотворительность в российской провинции. Вып. 2. – Екатеринбург: ИПЦ УрГУ, 2002. – С. 61–65.

40. Булгакова, Л. А. Служебные права врачей в царствование Николая I / Л. А. Булгакова // Из истории русской интеллигенции: сб. статей. – СПб.: Дмитрий Булавин, 2003. – С. 349–374.

41. Васильев, К. Г. История эпидемий в России / К. Г. Васильев, А. Е. Сегал. – М.: Медгиз, 1960. – 397 с.

42. Васина, Т. А. Камские заводы: население, культура, быт (конец XVIII – первая половина XIX в.) / Т. А. Васина. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2006. – 280 с.

43. Веревкин, И. История оспы в России и мер к ее уничтожению / И. Веревкин. – СПб.: тип. Трея, 1867. – 71 с.

44. Веселов, А. Н. Низшее профессионально-техническое образование в РСФСР / А. Н. Веселов. – М.: Трудрезервиздат, 1955. – 234 с.

45. Веселов, А. Н. Среднее профессионально-техническое образование в дореволюционной России / А. Н. Веселов. – М.: Трудрезервиздат, 1959. – 212 с.

46. Веселовский, Б. История земства за сорок лет / Б. Веселовский. – СПб.: тип. Поповой, 1909. Т. 1. – 598 с.

47. Виргинский, В. С. Фотий Ильич Швецов / В. С. Виргинский. – М.: Наука, 1977. – 119 с.

48. Виргинский, В. С. Черепановы / В. С. Виргинский. – Свердловск: Средне-Урал. кн. изд-во, 1987. – 272 с.

49. Виттекер, Ц. Х. Граф С. С. Уваров и его время / Ц. Х. Виттекер. – СПб.: Академический проект, 1999. – 350 с.

50. Вишленкова, Е. А. «Изложить предмет сциентифически»: русские врачи и их полевые исследования (первая половина XIX в.) / Е. А. Вишленкова, З. С. Гатина // Российская история. – 2015. – № 3. – С. 154–169.

51. Воеводский, И. К. Горнопромышленное образование в России в конце XIX – начале XX в. / И. К. Воеводский // Ученые записки Курского педагогического института. Вып. 20. – Курск: КГПИ, 1964. – С. 168–197.

52. Володин, А. Ю. История фабричной инспекции в России / А. Ю. Володин. – М.: РОССПЭН, 2009. – 207 с.

53. Воскресенский, А. Монография лечебных пиявок / А. Воскресенский. – СПб.: тип. Трея, 1859. – 500 с.

54. Гаврилов, Д. В. Рабочие Урала в период домонополистического капитализма. 1861–1900 (численность, состав, положение): сб. статей / Д. В. Гаврилов. – М.: Наука, 1985. – 303 с.

55. Гаврилов, Д. В. Грамотность и образовательный уровень горнозаводского населения Урала в 1861–1900 гг. // Народное образование на Урале в XVIII – начале XX в.: сб. статей / Д. В. Гаврилов. – Свердловск: Урал. ун-т, 1990. – С. 48–69.

56. Гаврилов, Д. В. Социальная организация металлургической промышленности Урала в прединдустриальный период / Д. В. Гаврилов // Металлургические заводы и крестьянство. Проблемы социальной организации промышленности России и Швеции в раннеиндустриальный период: сб. статей. – Екатеринбург: Наука. Урал. отд., 1992. – С. 102–113.

57. Галкина, М. Я. К истории развития фабрично-заводской медицины на Урале / М. Я. Галкина // Труды Пермского медицинского института. Т. 29. – Пермь: ИПЦ ПМИ, 1959. – С. 65–68.

58. Галкина, М. Я. Александр Дмитриевич Бланк – передовой врач дореволюционного Урала / М. Я. Галкина // Советское здравоохранение. – 1957. – № 5. – С. 46–49.

59. Гамалея, И. Ф. Оспопрививание: теоретическое и практическое руководство / И. Ф. Гамалея. – СПб.: тип. Линник, 1913. – 360 с.

60. Голикова, С. В. Заводские поселки – особый тип уральских поселений XVIII – начала XX вв. / С. В. Голикова // Документ. История. Архив. Современность: сб. нуч. тр. Вып. 3. – Екатеринбург: Урал. ун-т, 2003. – С. 66–87.

61. Голикова, С. В. «Люди при заводах»: обыденная культура горнозаводского населения Урала XVIII – начала XX вв. / С. В. Голикова. – Екатеринбург, 2006. – 284 с.

62. Голикова, С. В. Горнозаводская медицина Урала в первой половине – середине XIX в. / С. В. Голикова // Россия. Романовы. Урал. Вып. 3. – Екатеринбург, Урал. ун-т, 1997. – С. 94–97.

63. Голикова, С. В. Документ 1786 года и политика попечительства на частных уральских заводах в XVIII веке / С. В. Голикова // Урал в прошлом и настоящем: материалы научной конференции. Ч. 1. – Екатеринбург, 1998. – С. 229–231.

64. Голикова, С. В. Модернизация для традиции / С. В. Голикова // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития: сб. статей. – Екатеринбург, 2008. – С. 540–543.

65. Голикова, С. В. Система социальной помощи горнозаводскому населению Урала в конце XVIII – первой половине XIX в. / С. В. Голикова, Л. А. Дашкевич // Экономическая история России XVII–XX вв.: динамика и институционально-социокультурная среда: сб. статей. – Екатеринбург: УрО РАН, 2008. – С. 249–267.

66. Голикова, С. В. Охрана детства в империи Романовых (на материалах Урала XVIII – начала XX вв.) / С. В. Голикова, Л. А. Дашкевич // Уральский исторический вестник. – 2013. – № 3(40). – С. 77–83.

67. Голикова, С. В. Призрение детей на Урале в XVIII – начале XX в.: институциональный и социокультурный аспекты/ С. В. Голикова, Л. А. Дашкевич. – Екатеринбург: РИО УрО РАН, 2013. – 436 с.

68. Голохвастова, Н. В. Крепостные служащие в системе управления уральскими горнозаводскими имениями в конце XVIII – первой половине XIX в. (на примере пермских вотчин Строгановых) / Н. В. Голохвастова. – Пермь: ЗУИЭП, 2004. – 249 с.

69. Голубев, П. А. 30-летие земства в Пермской губернии / П. А. Голубев. – Пермь: б.и, 1900. – 23 с.

70. Голубев, П. А. Вятское земство среди других земств России / П. А. Голубев. – Вятка: печ. Огородникова, 1901. – 163 с.

71. Гомельская, С. З. Н. К. Чупин / С. З. Гомельская. – Свердловск: Средне-Урал. кн. изд-во, 1982. – 96 с.

72. Горловский, М. А. Горный город Екатеринбург. 1807–1863. Краткий очерк / М. А. Горловский. – Свердловск: Средне-Урал. кн. изд-во, 1948. – 149 с.

73. Горловский, М. А. Из истории рабочего движения на Урале / М. А. Горловский, А. Н. Пятницкий. – Свердловск: Средне-Урал. кн. изд-во, 1954. – 380 с.

74. Горнозаводские центры и аграрная среда в России: взаимодействие и противоречие (XVIII – первая половина XIX в.) / С. В. Голикова, Н. А. Миненко, И. В. Побережников. – М.: Наука, 2000. – 258 с.

75. Горовой, Ф. С. Падение крепостного права на горных заводах Урала / Ф. С. Горовой. – Пермь: кн. изд., 1961. – 408 с.

76. Грасмик, Г. У истоков милосердия / Г. Грамсик // Тагильский рабочий. – 1972. – 15 сент. – С. 3.

77. Гринин, Л. Е. Мальтузианские и модернизационные ловушки / Л. Е. Гринин // Проблемы экономической истории: теория и практика: сб. статей. – Екатеринбург: ИМЦ УПИ, 2011. – С. 95–119.

78. Гришкина, М. В. Деятельность Ижевской и Воткинской горных школ и подготовка кадров специалистов в первой половине XIX века / М. В. Гришкина // Вопросы истории культуры Удмуртии: сб. статей. Ижевск: Удм. ун-т, 1984. – С. 3–23.

79. Гросул, В. Я. Русское общество XVIII–XIX вв.: традиции и новации / В. Я. Гросул. – М.: Наука, 2003. – 517 с.

80. Грузинов, А. С. Эволюция хозяйства князей Абамелек-Лазаревых во второй половине XIX – начале XX века (по бюджетным материалам) / А. С. Грузинов // Отечественная история. – 2004. – № 3. – С. 93–101.

81. Грузинов, А. С. Хозяйственный комплекс князей Абамелек-Лазаревых во второй половине XIX – начале XX века / А. С. Грузинов. – М.: РОССПЭН, 2009. – 503 с.

82. Гузеев, А. Е. Сысертские горные заводы и деятельность их за последнее десятилетие (1886–1896) / А. Е. Гузеев. – Пермь: тип. насл. Каменского, 1896. – 72 с.

83. Гуськова, Т. К. Заводское хозяйство Демидовых в первой половине XIX века / Т. К. Гуськова. – Челябинск: Челябинский дом печати, 1995. – 233 с.

84. Гуськова, Т. К. Нижнетагильский горнозаводской округ Демидовых во второй половине XIX – начале XX в. Заводы. Рабочие / Т. К. Гуськова. – Нижний Тагил: НТГСПА, 2007. – 293 с.

85. Гуськова, Т. К. Формирование новой социальной среды на горнозаводском Урале в XVIII – первой половине XIX века и роль в этом процессе Демидовых / Т. К. Гуськова, Е. Г. Неклюдов // Альманах Международного Демидовского фонда. Вып. 1. – М.: Классика, 2001. – С. 173–175.

86. Дашкевич, Л. А. Горная школа в России (XVIII – первая половина XIX в.) / Л. А. Дашкевич, А. М. Сафронова // Металлургические заводы и крестьянство. Проблемы социальной организации промышленности России и Швеции в ранне-индустриальный период: сб. статей. – Екатеринбург: Наука. Урал. отд., 1992. – С. 87–94.

87. Дашкевич, Л. А. Техническая интеллигенция горнозаводского Урала. XIX век / Л. А. Дашкевич, Корсунова С. Я. – Екатеринбург: БКИ, 1997. – 202 с.

88. Дашкевич, Л. А. Воспитательные дома и приюты на Урале в XVIII – первой половине XIX в. / Л. А. Дашкевич // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Вып. 3. – Екатеринбург: Урал. ун-т, 1999. – С. 103–124.

89. Дашкевич, Л. А. Социальная политика горного ведомства на Урале в первой половине XIX в. / Л. А. Дашкевич // Уральский исторический вестник. – 2000. – Вып. 5–6. – С. 300–312.

90. Дашкевич, Л. А. Управление делом «общественного призрения» в Пермской губернии XVIII – первой половине XIX веков / Л. А. Дашкевич // Первые Чупинские краеведческие чтения. – Екатеринбург, 2001. – С. 52–64.

91. Дашкевич, Л. А. Уральские горнозаводчики и рабочие XVIII – первой половине XIX вв.: опыт социальной политики в промышленности / Л. А. Дашкевич

// Развитие металлургического производства на Урале. – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 64–70.

92. Дашкевич, Л. А. Пермский приказ общественного призрения: из опыта работы государственных институтов социальной помощи российской провинции / Л. А. Дашкевич // Милосердие и благотворительность в российской провинции. Вып. 2. – Екатеринбург: ИПЦ УрГУ, 2002. – С. 39–42.

93. Дашкевич, Л. А. Авроринские приюты / Л. А. Дашкевич // Альманах Международного Демидовского фонда. Вып. 2. – М.: Классика, 2002. – С. 57–60.

94. Дашкевич, Л. А. Благотворительность уральских горнозаводчиков: частная инициатива или государственное принуждение? / Л. А. Дашкевич // Благотворительность в России. 2002. – СПб., 2003. – С. 98–107.

95. Дашкевич, Л. А. Городская школа в общественной и культурной жизни Урала (конец XVIII – первая половина XIX в.) / Л. А. Дашкевич. – Екатеринбург: РИО УрО РАН, 2006. – 410 с.

96. Дашкевич, Л. А. Мариинские заведения детского призрения на Урале в XVIII – начале XX в. / Л. А. Дашкевич // Вопросы истории. – 2011. – № 2. – С. 122–130.

97. Дашкевич, Л. А. Формирование института призрения детства в Пермской губернии: государственная и частная инициатива / Л. А. Дашкевич, М. В. Исаева // Уральский сборник. История. Культура. Религия. – Екатеринбург: Урал. ун-т, 2009. Вып. 7. Ч. 1. – С. 141–149.

98. Дашкевич, Л. А. Уральские инженеры на съездах русских деятелей по техническому и профессиональному образованию / Л. А. Дашкевич // Вопросы истории. – 2015. – № 9. – С. 119–126.

99. Дашкевич, Л. А. Среднее техническое образование на Урале в конце XIX – начале XX в. / Л. А. Дашкевич, Е. Ю. Рукосуев // Актуализация исторического знания и исторического образования в современном обществе. Ежегодник. XVII всероссийские историко-педагогические чтения. – Екатеринбург: УрГПУ, 2013. Ч. 2. – С. 50–66.

100. Дементьев, Е. М. Врачебная помощь фабричным рабочим / Е. М. Дементьев. – СПб.: тип. Киршбаума, 1899. – 146 с.

101. Демидовская больница / сост. Т. к. Гуськова, Н. А. Основина. – Нижний Тагил: б.м., б.г. – 13 с.

102. Диффузия технологий, социальных институтов и культурных ценностей на Урале (XVIII – начало XX в.) / под ред. Е. В. Алексеевой. – Екатеринбург: УрО РАН, 2011. – 405 с.

103. Днепров, Э. Д. Российское образование в XIX – начале XX века / Э.Д. Днепров. М.: Мариос, 2011. Т. 1. 648 с. Т. 2. – 672 с.

104. Дубровская, Т. А. Общественные и частные инициативы в развитии профессионального образования в пореформенной России (1861–1914 гг.) / Т. А. Дубровская. – М.: МиК, 2003. – 820 с.

105. Дударев, Ф. Ф. Н. К. Чупин. Фактология и фактологическая работа в историческом исследовании / Ф. Ф. Дударев. – Челябинск, 1998. – 172 с.

106. Егоров, В. А. История фармации / В. А. Егоров, Е. Л. Абдулманов. – Самара: Офорт, 2002. – 296 с.

107. Егорова, М. В. Повседневная жизнь учащихся и учителей Урала в XIX – начале XX в. / М. В. Егорова. – М.: Памятники исторической мысли, 2008. – 216 с.

108. Ежова, Н. Н. Развитие здравоохранения в Удмуртии / Н. Н. Ежов, Н. И. Анисимов. – Ижевск: Удмуртское кн. изд-во, 1972. – 22 с.

109. Ермакова, О. К. Александр и Эдуард Эверсманы: немцы на службе в России (1811–1860 гг.) / О. К. Ермакова // Личность в истории: теоретико-методологические и методические аспекты: сб. статей. – Екатеринбург, Урал. ун-т, 2011. Ч. 2. – С. 32–36.

110. Ермоленко, Т. Ф. Патернализм в России (Опыт культурно-исторического анализа) / Т. Ф. Ермоленко. – Р-н/Д.: изд-во Ростов. ун-та, 1999. – 164 с.

111. Ермоленко, Т. Ф. Патерналистские контуры российской цивилизации / Т. Ф. Ермоленко. – Р-н/Д.: изд-во ЮФУ, 1999. – 292 с.

112. Железкин, В. Г. К вопросу о роли горнозаводских товариществ казенных горных заводов Урала / В. Г. Железкин // Развитие промышленности и рабочего

класса горнозаводского Урала в досоветский период (информационные материалы). – Свердловск: изд-во Урал ун-та, 1982. – С. 119–122.

113. Железкин, В. Г. Патернализм в государственной горнозаводской промышленности Урала в XIX веке / В. Г. Железкин // Металлургические заводы и крестьянство: Проблемы социальной организации промышленности России и Швеции в раннеиндустриальный период: сб. статей. – Екатеринбург: Наука. Урал. отд., 1992. – С. 95–101.

114. Захаров, Ф. Г. Организация медицинской помощи промышленным рабочим России и СССР / Ф. Г. Захаров. – М.: Медицина, 1969. – 280 с.

115. Земское самоуправление в России, 1864–1918 / отв. ред. Н. Г. Королева: в 2 т. – М.: Наука, 2005. Т. 1. 1864–1904. – 428 с.

116. Зимин, И. В. Подготовка медицинских кадров в России (XIX – начало XX в.) / И. В. Зимин. – СПб.: изд-во СПБГМУ, 2004. – 368 с.

117. Иванов, П. А. Краткая история управления горной частью на Урале / П. А. Иванов. – Екатеринбург, 1900. – 69 с.

118. Исаева, М. В. Социальная помощь неимущим в городах Пермской губернии в конце XVIII – первой половине XIX в. / М. В. Исаева // Наука. Общество. Человек. Вестник УрО РАН. – 2011. – № 3(37). – С. 139–142.

119. Истоки. Сборник материалов по истории Ильинского района. – п. Ильинский: тип. УПИАПО, 1994. – 69 с.

120. Историческая наука сегодня: Теории, методы, перспективы / Под ред. Л. П. Репиной. – М.: ЛКИ, 2012. – 608 с.

121. История Башкортостана с древнейших времен до 60-х гг. XIX века. – Уфа: Китал, 1997. – 520 с.

122. История медицины: учеб. пособие / П. Е. Заблудовский, Г. Р. Крючок, М. К. Кузьмин и др. – М.: Медицина, 1981. – 352 с.

123. История Удмуртии. Конец XV – начало XX века. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. – 456 с.

124. История Урала с древнейших времен до 1861 года. – М.: Наука, 1989. – 608 с.

125. История Урала в период капитализма. – М.: Наука, 1990. – 504 с.

126. Казанцев, П. М. На старом уральском заводе / П. М. Казанцев. – Пермь: кн. изд-во, 1966. – 122 с.

127. Казанцев, П. М. Заводские школы в Пожве / П. М. Казанцев // Наш край. Вып. 3. – Пермь: кн. изд-во, 1967. – С. 122–129.

128. Калачников, В. В. Исторический очерк Верх-Исетского сиротско-воспитательного дома / В. В. Калачников. – Екатеринбург: Уральский край, 1915. – 60 с.

129. Калинина, Т. А. Развитие горнотехнического образования на Урале в дореформенный период / Т. А. Калинина // Социально-экономическое положение и борьба горнозаводского населения Урала в XIX веках: сб. статей. – Пермь: кн. изд-во, 1981. – С. 59–71.

130. Калинина, Т. А. Развитие горнотехнического образования на Урале в предреформенный период / Т. А. Калинина // Развитие промышленности и рабочего класса горнозаводского Урала в досоветский период: сб. статей. – Свердловск: Урал. ун-т, 1982. – С. 112–115.

131. Калинина, Т. А. Крепостная школа в вотчине Строгановых (конец XVIII – первая половина XIX в.) / Т. А. Калинина // Из истории демократической культуры на Урале (XVIII – начало XX в.): сб. статей. – Пермь: кн. изд-во, 1986. С. 13–29.

132. Калинина, Т. А. Из истории горнотехнического образования на Урале во второй четверти XIX века / Т. А. Калинина // Народное образование на Урале в XVIII – начале XX в.: сб. статей – Свердловск: Урал. ун-т, 1990. – С. 38–42.

133. Калинина, Т. А. Развитие образования на Урале в первой половине XIX в. (школа в Чермозе Пермской губернии) / Т. А. Калинина. – Пермь: изд-во Перм. ун-та, 2002. – 207 с.

134. Калинина, Т. А. К истории просвещения крепостного населения (с. Ильинское Пермской губернии в конце XVIII – первой половине XIX в.) / Т. А. Калинина // Исследования по истории Урала: сб. статей. – Пермь, Перм. ун-т, 2005. – С. 191–212.

135. Калинина, Т. А. К вопросу о просветительской деятельности крепостной интеллигенции / Т. А. Калинина // Исследования по истории Урала: сб. статей. – Пермь, Перм. ун-т, 2005. – С. 212–218.

136. Кандаурова, Т. Н. Военные поселения в России XIX в.: социокультурные аспекты развития / Т. Н. Кандаурова // Вестник РГГУ. – 2012. – № 4. – С. 32–43.

137. Каневский, Л. О. Основные черты развития медицины в России в период капитализма (1861–1917) / Л. О. Каневский, Е. И. Лотова, Х. И. Идельчик. – М.: Медгиз, 1956. – 323 с.

138. Карпенко, З. Г. Горная и металлургическая промышленность Западной Сибири в 1700–1861 гг. / З. Г. Карпенко. – Новосибирск: Наука, 1963.

139. Кашихин, Л. С. «Дедушка пермского прогресса». Доктор П. Н. Серебренников / Л. С. Кашихин // Подвижники культуры Серебренниковы. – Пермь: кн. изд., 1991. – С. 3–92.

140. Керов, В. В. К вопросу о взаимоотношениях рабочих и хозяев в уральской горной промышленности XVIII – первой половине XIX в. / В. В. Керов // Проблемы экономической истории России. – Екатеринбург: УМЦ УПИ, 2007. – С. 190–215.

141. Кирьянов, Ю. И. Фактор мотивации труда в российском фабрично-заводском законодательстве. 1835–1917 гг. / Ю. И. Кирьянов // Экономическая история. Обозрение. Вып. 4. – М., 2000. – С. 20–38.

142. Клат, С. А. Кадры медиков на Нижне-Тагильских заводах в последней трети XVIII – первой половине XIX веков / С. А. Клат // Тульский металл: четыре столетия истории. – Тула, 1995. – С. 19–22.

143. Клат, С. А. Демидовы и медицина / С. А. Клат // Альманах Международного Демидовского фонда. Вып. 1. – М.: Классика, 2001. – С. 101–107.

144. Клат, С. А. Из истории строительства заводского госпиталя в Нижнем Тагиле / С. А. Клат // Вторые Худояровские чтения. Доклады и сообщения. – Нижний Тагил: НТГСПА, 2005. С. 54–58.

145. Клат, С. А. Редкие медицинские издания XVIII – первой половине XIX веков из библиотеки Нижнетагильского музея-заповедника / С. А. Клат

// Культура индустриального Урала (XVIII–XX вв.): сб. статей. – Екатеринбург, 2010. – С. 180–186.

146. Клат, С. А. Петр Васильевич Рудановский / С. А. Клат, В. А. Шкерин // Нижний Тагил в лицах. Общественные деятели Тагила XIX – начала XX веков. – Нижний Тагил: НТГСПА, 1998.

147. Кнельц, В. Ф. Деятельность врачей первой половины XIX в. на территории современной Удмуртии / В. Ф. Кнельц // Советское здравоохранение. – 1980. – № 10. – С. 55–57.

148. Копылов, А. И. Очерки культурной жизни Сибири XVII – начала XIX века / А. И. Копылов. – Новосибирск: Наука, 1974. – 252 с.

149. Корельский, А. Горнозаводская служба и общественная жизнь на Урале в крепостное время / А. Корельский // Русская старина. – 1905. – Т. 124. – № 10. – С. 131–167; – № 11. – С. 290–331.

150. Корепанов, Н. С. Очерки истории Екатеринбурга. 1781–1831 гг. / Н. С. Корепанов. – Екатеринбург: Сократ, 2004. – 136 с.

151. Коробков, Ю. Д. Социокультурный облик рабочих горнозаводского Урала (вторая половина XIX – начало XX века) / Ю. Д. Коробков. – М.: Слово, 2003. – 310 с.

152. Коротеева, Н. Н. История фармации (XVI – начало XX в.) / Н. Н. Коротеева. – Курск: изд. КГУ, 2006. – 303 с.

153. Коротков, Е. Н. Материалы к истории Уральского горного училища / Е. Н. Коротков. – Екатеринбург, 1913. – 96 с.

154. Котляревский, И. Заметки об Уральском горном хозяйстве / И. Котляревский. – СПб.: тип. Демакова, 1870. – 362 с.

155. Красовицкая, Т. Ю. Модернизация российского образовательного пространства / Т. Ю. Красовицкая. – М.: Новый хронограф, 2011. – 680 с.

156. Краткий исторический очерк деятельности Екатеринбургского земства по народному здравию за 20-тилетие с 1870–1890 гг. – Екатеринбург, 1890. – 51 с.

157. Кречетович, И. П. Крестьянская реформа в Оренбургском крае / И П. Кречетович. – М.: Синодальная тип., 1911. Т. 1. – 627 с.

158. Кривоногов, В. Я. Педагогическая деятельность Н. К. Чупина / В. Я. Кривоногов // Народное образование на Урале в XVIII – начале XX в.: сб. статей. – Свердловск: Урал. ун-т, 1990. – С. 42–48.

159. Кривощеков, И. Я. Словарь Верхотурского уезда Пермской губернии. / И. Я. Кривощеков. – Пермь, 1910. – 823 с.

160. Кривощекова, А. Ф. Очерки истории Коми-Пермяцкой школы. – Молотов: кн. изд-во, 1956. – 40 с.

161. Крупянская, В. Ю. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала конца XIX – начала XX в. / В. Ю. Крупянская, Н. С. Полищук. – М.: Наука, 1971. – 286 с.

162. Кубицкий, С. И. Благотворительность в социальной жизни Урала (XIX–XXI вв.) / С. И. Кубицкий, Л. Ф. Бабкина, А. В. Власова. – Челябинск: Фотохудожник, 2006. – 204 с.

163. Кузьмин, Н. Н. Низшее и среднее специальное образование в дореволюционной России / Н. Н. Кузьмин. – Челябинск: Юж-Урал. кн. изд-во, 1971. – 280 с.

164. Кузякин, В. П. К истории организации медицинского обслуживания рабочих Верх-Исетского металлургического завода / В. П. Кузякин // Материалы к истории медицины и здравоохранения Сибири. – Томск: ТГУ, 1960. – С. 206–208.

165. Кулбахтин, С. Н. Настольные монографии по истории горнозаводской промышленности Урала: рецензия / С. Н. Кулбахтин, Э. А. Черноухов // Известия Уральского федерального университета. Серия «Гуманитарные науки». – 2014. – № 3. – С. 270–272.

166. Куприянов, А. И. Городская культура русской провинции. Конец XVIII – первой половина XIX в. / А. И. Куприянов. – М.: Новый хронограф, 2007. – 480 с.

167. Курмачева, М. Д. Крепостная интеллигенция России второй половины XVIII – начала XIX в. / М. Д. Курмачева. – М.: Наука, 1983. – 352 с.

168. Лаверычев, В. Я. Царизм и рабочий вопрос в России (1861–1917) / В. Я. Лаверычев. – М.: Мысль, 1972. – 340 с.

169. Лаговский, И. История Пермской семинарии после преобразования ее, бывшего в 1818 году / И. Лаговский. Пермь: тип. Поповой, 1873. – 259 с.

170. Левит, М. М. Становление общественной медицины в России / М. М. Левит. – М.: Медицина, 1974. – 231 с.

171. Лейкина-Свирская, В. Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века / В. Р. Лейкина-Свирская. – М.: Наука, 1971. – 368 с.

172. Линник, О. В. История уральской промышленности: Кыштымский горный округ (1745–1900) / О. В. Линник. – Снежинск, 2003. – 300 с.

173. Лотарева, Р. М. Города-заводы России. XVIII – первая половина XIX века / Р. М. Лотарева. – Екатеринбург: изд-во Урал. ун-та, 1993. – 216 с.

174. Лубский, А. В. Этатизм и патернализм как культурные маркеры цивилизационной идентичности в России / А. В. Лубский, Р. А. Лубский // Гуманитарий Юга России. – 2013. – № 3. – С. 90–103.

175. Лысова, О. А. К вопросу о развитии горнотехнического образования на Урале в XVIII веке / О.А. Лысова, Л. А. Осипова // Из истории духовной культуры дореволюционного Урала: сб. статей. – Свердловск: УрГУ, 1979.

176. Мазур, Л. Н. Методы исторического исследования: учеб. пособие / Л. Н. Мазур. – Екатеринбург: Урал. ун-т, 2010. 608 с.

177. Максин, Н. М. Очерк развития промышленного образования в России 1888–1908 / Н. М. Максин. СПб., 1909. – 78 с.

178. Макушев, А. А. Бизнес и труд (на примере хозяйства предпринимателей Мальцовых в XIX – начале XX в.) / А. А. Макушев // Уральский исторический вестник. – 2005. – № 10–11. – С. 101–112.

179. Малков, Ф. М. В старом Очере / Ф. М. Малкин. – Пермь: кн. изд., 1959. – 159 с.

180. Мальцева, О. А. История здравоохранения Коми-Пермяцкого округа / О. А. Мальцева. – Кудымкар: Коми-Пермяцкое кн. изд., 1995. – 232 с.

181. С. И. Мальцов и история развития Мальцовского промышленного района. Материалы историко-краеведческих конференций. Ч. 1. – Брянск, 1994. – 100 с.; Ч. 2. – Брянск, 1998. – 140 с.; Ч. 3. – Брянск, 2001. – 160 с.

182. Маханек, К. С. Организация управления крепостными крестьянами в вотчинных имениях Урала (по материалам Пермской губернии) / К. С. Маханек // Из истории Урала: сб. статей. – Свердловск: УрГУ, 1960. – С. 145–156.

183. Мезенина, Т. Г. Пермские владения Строгановых в XVIII – первой половины XIX в.: особенности пространственной и социально-экономической организации / Т. Г. Мезенина. – Нижний Тагил: НТГСПА, 2011. – 226 с.

184. Милюков, П. Н. Очерки по истории русской культуры / Н. П. Милюков. Т. 2. Ч. 2. – М., 1994.

185. Миронов, Б. Н. Грамотность в России 1797–1917 гг. / Б. Н. Миронов // История СССР. – 1985. – № 4. – С. 137–153.

186. Миронов, Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 т. / Б. Н. Миронов. – СПб., 1999.

187. Мирсаитова, С. Г. Народное образование на Южном Урале в первой половине XIX в. / С. Г. Мирсаитова. – Екатеринбург: Уралнаука, 2000. Ч. 1. – 104 с.; Ч. 2. – 92 с.

188. Мирский, М. Б. Медицина России XVI–XIX веков / М. Б. Мирский. – М.: Медицина, 1996. – 400 с.

189. Митинский, А. Н. Горнозаводской Урал / А. Н. Митинский. – СПб.: тип. Вайсберга, 1909. – 244 с.

190. Модернизация в России и конфликт ценностей. – М.: Институт философии РАН, 1994. – 250 с.

191. Мокеров, И. П. Из истории медицинского обслуживания промышленных рабочих на уральских заводах / И. П. Мокеров // Советское здравоохранение. – 1961. – № 12. – С. 70–74.

192. Мондей, К. Французский социолог Фредерик Лепле и его деятельность в России / К. Мондей // Коммерция и государство в истории России (XVI–XX вв.): сб. статей. – Екатеринбург: Демидовский институт, 2001. – С. 64–76.

193. Мударисов, Р. З. Состояние медицинского обслуживания горнозаводского населения Южного Урала в первой половине XIX в. / Р. З. Мударисов

// Проблемы генезиса и развития капитализма на Урале: история, историография, источниковедение: сб. статей. – Свердловск: УрГУ, 1986. – С. 121–125.

194. Мударисов, Р. З. Промышленность Южного Урала в первой половине XIX в. (1801–1861) / Р. З. Мударисов. – Уфа: Гилем, 2003. – 396 с.

195. Мукомолов, А. Ф. На южноуральских заводах: в 5 кн. / А. Ф. Мукомолов. – М., 2001.

196. Мухин, В. В. Положение крепостных рабочих вотчинных заводов Прикамья в первой половине XIX века (на примере Пожевского завода) / В. В. Мухин // Социально-экономическое положение и борьба горнозаводского населения Урала в XVIII–XIX веках: сб. статей. – Пермь: кн. изд., 1981. – С. 17–25.

197. Мухин, В. В. «Строгановский» регион и его роль в формировании культуры дореволюционного Урала / В. В. Мухин // Строгановы и Пермский край: сб. статей. – Пермь: Перм. ун-т, 1992. – С. 5–11.

198. Назаревский, С. В. Благотворительная деятельность рода Демидовых / С. В. Назаревский. – СПб.: тип. МВД, 1893. – 24 с.

199. Невоструев, Н. А. Образование и развитие элементов российского гражданского общества на Урале во второй половине XIX – начале XX вв. / Н. А. Невоструев. – Пермь: изд-во Перм. ун-та, 2005. – 347 с.

200. Неклюдов, Е. Г. К вопросу об особенностях эволюции феодальных отношений в горнозаводской промышленности Урала в XVIII – первой половине XIX в. / Е. Г. Неклюдов // Первые Невьянские Демидовские чтения. – Екатеринбург, 2000. – С. 59–63.

201. Неклюдов, Е. Г. Николай Никитич Демидов: заводчик и его заводы / Е. Г. Неклюдов // Альманах Международного Демидовского фонда. Вып. 2. – М., 2002. – С. 43–48.

202. Неклюдов, Е. Г. Приезд Н. Н. Демидова на Нижнетагильские заводы в 1806 г. / Е. Г. Неклюдов // Тагильский край в панораме веков: сб. мат-лов. Вып. 2. – Нижний Тагил: НТГСПА, 2001. – С. 202–210.

203. Неклюдов, Е. Г. Уральские заводчики в первой половине XIX в.: владельцы и владения / Е. Г. Неклюдов. – Нижний Тагил: НТГСПА, 2004. – 600 с.

204. Неклюдов, Е. Г. Посессионное право в истории уральской горнозаводской промышленности XIX – начала XX века / Е. Г. Неклюдов. – Екатеринбург: УрО РАН, 2011. – 274 с.

205. Неклюдов, Е. Г. Уральские заводчики во второй половине XIX – начале XX в.: владельцы и владения / Е. Г. Неклюдов. – Екатеринбург: РИО УрО РАН, 2013. – 664 с.

206. Неклюдов, Е. Г. Уральские горнозаводчики XVIII – начала XX в.: эволюция исторических типов // Российская история. – 2016. – № 4. – С. 35–44.

207. Некрич, Г. М. Об открытии первых школ на территории артемовского района / Г. М. Некрич // Наш край: материалы V Свердловской областной краеведческой конференции. – Свердловск, 1971. – С. 54–57.

208. Нефедов, С. А. История России. Факторный анализ / С. А. Нефедов. Т. 2. – М.: Территория будущего, 2011. – 688 с.

209. Нечаев, Н. В. Горнозаводские школы Урала / Н. В. Нечаев. – М.: Трудрезервиздат, 1956. – 207 с.

210. Никитин, А. Н. Болезни рабочих с указанием предохранительных мер / А. Н. Никитин. – М.: тип. Праца, 1847. – 249 с.

211. Николаев, Ю. Первый медик Пермской губернии / Ю. Николаев // Ретроспектива. – 2007. – № 2. – С. 18–24.

212. Никольский, Д. К. К вопросу о слиянии земской медицины с заводской / Д. К. Никольский // Сборник Пермского земства. – 1885. – № 12. – С. 284–288.

213. Никольский, Д. П. Земская медицина в Екатеринбургский уезде Пермской губернии за 1882–1883 г. / Д. П. Никольский // Вестник торговли и промышленности. – 1884. – Отд. 4. – С. 1–20.

214. Нисселович, Л. Н. История заводско-фабричного законодательства Российской империи / Л. Н. Нисселович. – СПб.: печ. Мучника, 1884. Ч. 2. – 160 с.

215. Новиков, И. А. Роль главных (горных) начальников в развитии образования на Урале в XVIII – первой половине XIX в. / И. А. Новиков // Тагильский вестник. Историко-краеведческий альманах. Вып. 4. – Нижний Тагил: НТГСПА, 2005. – С. 40–46.

216. Новокрещенных, Н. Н. Чермозский завод, его прошлое, настоящее и летопись событий / Н. Н. Новокрещенных. – СПб., 1889.

217. Озеров, И. Х. Горные заводы Урала / И. Х. Озеров. – М.: тип. Сытина, 1910. – 254 с.

218. Опыт российских модернизаций XVIII–XX вв.: взаимодействие макро и микропроцессов / В. В. Алексеев, Е. В. Алексеева, К. И. Зубков и др. – Екатеринбург, УрО РАН, 2011. – 404 с.

219. Орлов, П. А. Целесообразность как принцип «хозяйского благопечения» на частных горных заводах Урала во второй половине XIX в. / П. А. Орлов // Благотворительность в России. 2002. – СПб., 2003. – С. 145–147.

220. Орлов, П. А. О проекте исследования межведомственной практики администрирования системы корпоративных пенсий на казенных горных заводах Урала 1865–1912 / П. А. Орлов // Урал индустриальный: Бакунинские чтения: материалы Десятой юбилейной всероссийской научной конференции. – Екатеринбург: УМЦ УПИ, 2011. Т. 1. – С. 318–319.

221. Очерк состояния санитарного и медицинского дела в Пермской губернии. Земская медицина. – Пермь: тип. Пермской губ. земской управы, 1899. – 232 с.

222. Очерки истории русской общественной медицины (к столетию земской медицины). – М.: Медицина, 1965. – 299 с.

223. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР XVIII – первой половины XIX века / под ред. Ф. М. Шабаевой. – М.: Педагогика, 1973. – 605 с.

224. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР второй половины XIX века / под ред. А. И. Пискунова. – М.: Педагогика, 1976. – 600 с.

225. Очерки русской культуры XIX века. Т. 1. – М.: Наука, 1998. – 384 с.; Т. 2. – М.: Наука, 2000. – 480 с.; Т 3. – М.: Наука, 2001. – 640 с.

226. Павлова Т. На уроки к батюшке // Уральский музей. – 2005. – № 11(13). – С. 6.

227. Пажитнов, К. А. Положение рабочего класса в России / К. А. Пажитнов. – Л.: Путь к знанию, 1925. Т. 1. – 332 с.

228. Педагогика по-демидовски. Исторические очерки / сост. Б. Н. Телков, А. Г. Коряков. – Екатеринбург: Сократ, 2005. – 300 с.

229. Пензин, Э. А. И. Ф. Герман – ученый и горный деятель / Э. А. Пензин // Промышленность в период зарождения и развития капитализма: сб. статей. – Свердловск: Урал. ун-т, 1989. – С. 56–71.

230. Петров, Б. Д. Очерки истории отечественной медицины / Б. Д. Петров. – М.: ГИМЛ, 1962. – 304 с.

231. Пирогова, Е. П. Библиотеки Демидовых: книги и судьбы / Е. П. Пирогова. – Екатеринбург: Сократ, 2000. – 208 с.

232. Повседневная жизнь уральского города в XVIII – начале XX века / Н. А. Миненко, Е. Ю. Апкаримова, С. В. Голикова. – М.: Наука, 2006. – 384 с.

233. Поле, Т. А. Крепостная школа первой половины XIX века (по материалам личных фондов ЦГАДА) / Т. А. Поле // Советские архивы. – 1989. – № 6. – С. 64–68.

234. Пономарев, А. Я. Материалы для истории богоугодных заведений города Перми и Пермской губернии / А. Я. Пономарев // Сборник Пермского земства. – 1877. – Кн. 5. – Ч. 2. – С. 79–93.

235. Попов, Р. С. Горнозаводской Урал / Р. С. Попов // Отечественные записки. – 1874. – № 12. – С. 299–372.

236. Попп, И. А. Алексей Иванович Кронеберг: провинциальный неудачник или успешный общественный деятель / И. А. Попп, Э. А. Черноухов // Известия Уральского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». – 2011. – № 1(87). – С. 224–231.

237. Попугайло, В. М. Петр Васильевич Рудановский – главный медик Демидовских заводов / В. М. Попугайло // Советское здравоохранение. – 1986. – № 3. – С. 65–67.

238. Поршнева, О. С. Междисциплинарные методы в историко-антропологических исследованиях / О. С. Поршнева. Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2008. – 210 с.

239. Постников, С. П. Государство и социокультурный облик промышленных рабочих Урала (1900–1941 гг.) / С. П. Постников, М. А. Фельдман. – Екатеринбург: УрО РАН, 2006. – 475 с.

240. Поткина, И. В. От социального патернализма к социальной инфраструктуре предприятия: опыт Никольской мануфактуры. Вторая половина XIX – начало XX вв. / И. В. Поткина // Экономическая история. Обозрение. Вып. 4. М., 2000. – С. 107–108.

241. Поткина, И. В. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России XIX – начала XX в. / И. В. Поткина. – М.: Норма, 2009. – 304 с.

242. Предтеченский, В. Заметка по вопросу о слиянии земской медицины с заводской / В. Предтеченский // Сборник Пермского земства. – 1885. – № 23. – С. 678–679.

243. Прокошев, В. В. Распространение грамотности в Пермском крае с древнейших времен до XIX века / В. В. Прокошев // Из истории народного образования Урала: сб. статей. – Пермь: Перм. ун-т, 1976. – С. 3–21.

244. Прокошев, В. В. Первые школы Коми-Пермяцкого края // История народного образования в Коми-Пермяцком крае: сб. статей / В. В. Прокошев. – Пермь: Перм. ун-т, 1976. – С. 3–21.

245. Путилова, М. В. Казенные горные заводы Урала в период перехода от крепостничества к капитализму / М. В. Путилова. – Красноярск: изд-во Красноярского ун-та, 1986. – 216 с.

246. Путилова, Н. Н. Полазна. Большая история малого поселка / Н. Н. Путилова. – Пермь, 2001. – 142 с.

247. Раменский, А. П. Краткий исторический очерк деятельности Пермского земства по народному образованию со времени введения земских учреждений / А. П. Раменский // Русская мысль. – 1897. – № 9–10. – С. 12–23.

248. Раскин, А. М. Архитектура классицизма на Урале / А. М. Раскин. – Свердловск: УрГУ, 1989. – 98 с.

249. Рашин, А. Г. Грамотность и народное образование России в XIX – начале XX в. / А. Г. Рашин // Исторические записки. – Т. 37 (1951). – С. 28–80.

250. Рашин, А. Г. Население России за сто лет / А. Г. Рашин. – М.: Наука, 1956. 245 с.

251. Репина, Л. П. Новые исследовательские стратегии в российской и мировой историографии / Л. П. Репина. – М.: ГУ ВШЭ, 2008. – 32 с.

252. Репина, Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика / Л. П. Репина. – М.: Круг, 2011. – 560 с.

253. Романов, П. В. Промышленный патернализм – благотворительность, управление и динамика трудовых отношений / П. В. Романов // Благотворительность в России. 2003/2004. – СПб., 2004. – С. 344–363.

254. Россия в XVI – начале XX в.: региональные аспекты модернизации / под ред. И. В. Побережникова. – Екатеринбург: УрО РАН, 2006. – 342 с.

255. Рудакова, А. Врачебный стаж – полтора века / А. Рудакова, В. Плешков. – Пермь: Перм. кн. изд-во, 1983. – 97 с.

256. Русская земская медицина / Е. А. Осипов, И. В. Попов, П. И. Куркин. – М.: печ. Яковлева, 1899. – 340 с.

257. Рутман, Р. Е. Условия труда и быта рабочих горнозаводского Урала накануне отмены крепостного права / Р. Е. Рутман // Исследования по истории Урала: сб. статей. Вып. 1. – Пермь: Перм. ун-т, 1970. – С. 109–124.

258. Рывкин, А. А. Горнотехническое образование на Урале (1721–1917) / А. А. Рывкин // Среднее специальное образование. – 1965. – № 6. – С. 42–44.

259. Рябов, И. Былина и временность Нижнетагильских заводов // Ученые записки Казанского университета. 1848. / И. Рябов. – Казань, 1848. – Кн. 2. – С. 1–58.

260. Самойлов, В. О. История российской медицины: учебное пособие / В. О. Самойлов. – М.: Эпидавр, 1997. – 200 с.

261. Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII – начале XX в. / Под ред. А. С. Тумановой. – М.: РОССПЭН, 2011. – 887 с.

262. Сапоговская, Л. В. «Старые» владельцы уральских горнозаводских округов второй половины – начала XX в.: опыт типологии хозяйствования / Л. В. Сапоговская // Вопросы истории. – 2006. – № 3. – С. 19–34.

263. Сапоговская, Л. В. Уральские горнозаводские округа в новейшей региональной историографии: аргументы в разворачивающейся дискуссии / Л. В. Сапоговская // Россия и Урал в годы войны и мира. XX век. – Екатеринбург: Урал. ун-т, 2006. – С. 138–143.

264. Сафронова, А. М. Сельская школа на Урале в XVIII–XIX вв. и распространение грамотности среди крестьян / А. М. Сафронова. – Екатеринбург: Каменск-Уральская тип., 2002. – 120 с.

265. Селезнева, В. Т. Очерки по истории здравоохранения на дореволюционном Урале / В. Т. Селезнева. – Молотов: кн. изд-во, 1955. – 216 с.

266. Селезнева, В. Т. Штаб-лекарь И. В. Протасов / В. Т. Селезнева. – Пермь: Перм. кн. изд-во, 1962. – 37 с.

267. Селезнева, В. Т. Заводская медицина Урала после отмены крепостного права / В. Т. Селезнева // Советское здравоохранение. – 1971. – № 6. – С. 62–65.

268. Селезнева, В. Т. Очерки по истории медицины в Пермской губернии / В. Т. Селезнева. – Пермь: Пушка, 1997. – 124 с.

269. Семенов, В. Л. Святой доктор / В. Л. Семенов. – Пермь: ПГПУ, 2006. – 119 с.

270. Семизоров, В. В. Становление нижнетагильского образовательного комплекса в 1861–1917 гг. / В. В. Семизоров // Ученые записки НТГСПА. Серия «Общественные науки». – Нижний Тагил: НТГСПА, 2008. – С. 124–128.

271. Семизоров, В. В. Нижнетагильский заводской образовательный комплекс (1861–1917 гг.) / В. В. Семизоров. – Нижний Тагил: НТГСПА, 2009. – 151 с.

272. Семченков, В. К. Краткий исторический очерк народного образования в Соликамском уезде Пермской губернии / В. К. Семченков. – Пермь: тип. губ. правления, 1899.

273. Сергеева, С. В. Теория и практика частного образования в России (последняя четверть XVIII – первая половина XIX в.) / С. В. Сергеева. – Пенза: ПГПУ, 2003. – 308 с.

274. Силонова, О. Н. Крепостные художники Демидовых. Училище живописи. Худояровы. XVIII–XIX века. Из истории подготовки специалистов художествен-

ных и художественно-ремесленных профессий Демидовых / О. Н. Силонова. – Екатеринбург: Баско, 2007. – 416 с.

275. Слудковская, И. А. Начальная профессиональная школа на Урале во второй половине XIX века / И. А. Слудковская // Развитие общего и профессионального образования на Урале: сб. статей. – Пермь: Перм. ун-т, 1981. – С. 32–46.

276. Смирнов, В. В. Реформа начальной и средней школы в 60-х гг. XIX века / В. В. Смирнов. – М.: Педагогика, 1954. – 246 с.

277. Смирнов, В. И. Основные вехи в развитии Нижнетагильской горнозаводской школы в дореволюционный период / В. И. Смирнов // Тагильский вестник. Историко-краеведческий альманах. Вып. 4. – Нижний Тагил: НТГСПА, 2005. – С. 18–46.

278. Соболева, Т. Н. Очерки истории кабинетского хозяйства на Алтае. Управление и обслуживание / Т. Н. Соболева, В. Н. Разгон. – Барнаул: изд-во Алтайского ун-та, 1997. – 258 с.

279. Соколов, А. Р. Благотворительность в России как механизм взаимодействия общества и государства (начало XVIII – конец XIX в.) / А. Р. Соколов. – СПб.: Лики России, 2006. – 648 с.

280. Соркин, Ю. Э. Врачебная династия Миславских. XIX–XX вв. / Ю. Э. Соркин. – Екатеринбург: Арго, 1995. – 144 с.

281. Соркин, Ю. Демидовы и медицина / Ю. Соркин // Уральская старина. – Вып. 3 (1997). – С. 183–196.

282. Спасский, И. А. Опыт изучения влияния некоторых работ ижевских оружейников на их здоровье и физическое развитие / И. А. Спасский. – СПб.: тип. Сойкина, 1888. – 204 с.

283. Спасский, И. А. Состав населения Вятского завода в сравнении с другими уральскими горными заводами / И. А. Спасский. – Вятка: губ. тип., 1895. – 62 с.

284. Становление государственной системы здравоохранения на Среднем Урале / Б. В. Соколов, А. Д. Бальчугов, Н. П. Баранов и др. – Екатеринбург: тип. «САНЭД», 2008. – 76 с.

285. Старков, В. И. Исторический опыт развития системы здравоохранения на горнозаводском Урале в XVIII – первой половине XIX вв. / В. И. Старков. – Екатеринбург: БКИ, 1999. – 142 с.

286. Стафёрова, Е. Л. А. В. Головин и либеральные реформы в просвещении (первая половина 1860-х гг.) / Е. Л. Стафёрова. – М.: Канон+, 2007. – 512 с.

287. Степанов, В. Л. Социальное законодательство О. фон Бисмарка и законы о страховании рабочих в России / В.Л. Степанов // Отечественная история. – 1997. – № 2. – С. 59–73.

288. Степанов, В. Л. Е. Ф. Канкрин и развитие горного дела в России / В. Л. Степанов // Отечественная история. – 2006. – № 1. – С. 31–60.

289. Сто лет горнотехнической школе на Среднем Урале / А. Н. Пятницкий, В. И. Будрин, Б. В. Павловский и др. – Свердловск: Свердлгосиздат, 1948. – 247 с.

290. Сук-Су, студеная вода / текст Н. Токарева, В. Шкерин. – Екатеринбург: Сократ, 1999. – 144 с.

291. Сысерть: в краю Бажовских сказов / автор текста В. А. Шкерин. – Екатеринбург: Сократ, 2002. – 128 с.

292. Сысоева, М. В. Из истории развития здравоохранения в Удмуртии в XVIII – первой половине XIX в. / М. В. Сысоева // Вопросы истории культуры Удмуртии: сб. статей. – Ижевск: изд-во УдГУ, 1984. – С. 24–41.

293. Танкиевская, И. Н. Константин Павлович Поленов / И. Н. Танкиевская // Нижний Тагил в лицах. Организаторы производства, инженеры, техники XIX – начала XX века. – Екатеринбург: БКИ, 1999. – С. 81–89.

294. Территориально-экономическое управление в России XVIII – начала XX века: Уральское горное управление / К. И. Зубков, Н. С. Корепанов, И. В. Побережников, Е. С. Тулисов. – М.: Наука, 2008. – 355 с.

295. Тертышный, А. Т. Российская история: модели измерения и объяснения / А. Т. Тертышный, А. В. Трофимов. – Екатеринбург: УрГЭУ, 2005. – 576 с.

296. Техник Б. Китаев Николай Егорович. Некролог // Уральский техник. – 1911. – № 10–11. – С. 37.

297. Тигранов, Г. Обзор деятельности горнозаводских товариществ при казенных горных заводах и рудниках в период с 1881 по 1893 год / Г. Тигранов // Горный журнал. – 1895. – Т. 1. – С. 42–141.

298. Тиме, И. О причинах технической отсталости уральских заводов / И. Тиме // Горный журнал. – 1878. – № 4–5. – С. 204–229.

299. Токаревич, К. Н. По следам минувших эпидемий / К. Н. Токаревич, Т. И. Греков. – Л.: Лениздат, 1986. – 158 с.

300. Торстендаль, Р. Обучение горному делу и черной металлургии // Металлургические заводы и крестьянство: проблемы социальной организации промышленности России и Швеции в раннеиндустриальный период: сб. статей. / Р. Торстендаль. – Екатеринбург: Наука. Урал. отд., 1992. – С. 42–54.

301. Трефилова, Л. А. Рабочий класс Урала и горное законодательства 60–90-х гг. XIX в. // Развитие промышленности и рабочего класса горнозаводского Урала в досоветский период (информационные материалы) / Л. А. Трефилова. – Свердловск: Урал. ун-т, 1982. – С. 134–137.

302. Трубецкой В. С. Генерал Глинка и Нижнесергинские минеральные воды / В. С. Трубецкой // Вестник Уральского института туризма. – 2004. – Вып. 3. – С. 171–176.

303. Туган-Барановский, М. И. Русская фабрика в прошлом и настоящем / М. И. Туган-Барановский. – СПб.: тип. «Общественная польза», 1907. Т. 1. – 562 с.

304. Тулисов, Е. С. История управления горнозаводской промышленностью Урала на рубеже XVIII и XIX веков / Е. С. Тулисов. – Екатеринбург: Полиграфист, 1999. – 368 с.

305. Тулисов, Е. С. Основные периоды в истории управлении горнозаводской промышленностью Урала (XVIII – начало XX в.) / Е. С. Тулисов // Уральский исторический вестник. – 2007. – № 16. – С. 27–37.

306. Узунова, Н. М. Из истории формирования крепостной интеллигенции (по материалам вотчинного архива Голицыных) / Н. М. Узунова // Государственный исторический музей. Ежегодник. 1958. – М., 1960. – С. 106–134.

307. Узунова, Н. М. Из истории крепостной интеллигенции // Государственный исторический музей. Ежегодник. 1959 / Н. М. Узунова. – М., 1961. – С. 54–68.

308. Ульянова, Г. Н. Благотворительность в Российской империи. XIX – начало XX вв. / Г. Н. Ульянова. – М.: Наука, 2005. – 403 с.

309. Управленческая элита Российской империи. История министерств. 1802–1917 гг. – СПб.: Лики России, 2008. – 696 с.

310. Уральская школа техников / А. Н. Пятницкий, П. М. Афанасьев, В. Г. Ситников и др. – Свердловск: Среднеурал. кн. изд-во, 1972. – 197 с.

311. Усольцев, А. В. Социальная политика на территории Алтайского горного округа в 20 – начале 60-х гг. XIX в. / А.В. Усольцев // Известия Алтайского государственного университета. – 2001. – № 4(22). – С. 27–31.

312. Фармаковский, С. Горнозаводские дела Урал / С. Фармаковский. – СПб., 1909. – 47 с.

313. Фархшатов, М. Н. Народное образование в Башкирии в пореформенный период (60–90-е гг. XIX века) / М. Н. Фархшатов. – М.: Педагогика, 1994. – 144 с.

314. Филоненко, Т. В. Реформы и контрреформы: история школьных систем в России XIX – первой трети XX вв. / Т. В. Филоненко. – Воронеж: Центрально-Черноземное кн. изд-во, 2004. – 456 с.

315. Фомина, И. Л. Подготовка медицинского персонала для государственных и вотчинных предприятий Урала во второй половине XVIII в. / И. Л. Фомина // Вестник Московского университета. Серия «История». – 1985. – № 1. – С. 69–78.

316. Формирование сферы гражданской деятельности на Урале второй половины XIX – начала XX в.: социальный аспект. – Екатеринбург: БКИ, 2011. – 387 с.

317. Фуко, М. Рождение клиники / М. Фуко. – М.: Смысл, 1998. – 310 с.

318. Чапаев, Н. К. Горнозаводские школы Урала как феномен русской педагогической культуры / Н. К. Чапаев, И. П. Верещагин. – Екатеринбург: РГППУ, 2008. – 196 с.

319. Черноскутов, А. Забытое училище / А. Черноскутов // Екатеринбургская неделя. – 1879. – 22 августа.

320. Черноухов, Э. А. Трудный путь к знаниям (на примере горнозаводских учебных заведений Урала XIX в.) / Э. А. Черноухов // Дискуссионные проблемы российской истории. Материалы межвузовской научно-практической конференции. – Арзамас: изд-во Арзамаского пед. института, 1998. – С. 126–130.

321. Черноухов, Э. А. Из истории воспитания в пансионах России (на примере пансионов Демидовых) / Э. А. Черноухов // История социальной работы на Урале: сб. статей. – Екатеринбург: УрГПУ, 2001. – С. 40–46.

322. Черноухов, Э. А. Медицинский персонал Верх-Исетского горного округа в первой половине XIX века / Э. А. Черноухов // Материалы международной научной конференции, посвященной 70-летию исторического факультета УрГУ. Екатеринбург: Волот, 2008. – С. 612–617.

323. Черноухов, Э. А. Учебные заведения Верх-Исетского горного округа в первой половине XIX века / Э. А. Черноухов // Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. тр. Вып. 9. Екатеринбург: Урал. ун-т, 2008. – С. 111–119.

324. Черноухов, Э. А. Нижнетагильский Дуремар. Секреты пиявочного заведения / Э. А. Черноухов // Родина. – 2009. – № 8. – С. 127–128.

325. Черноухов, Э. А. Чермозское училище Лазаревых в 1811–1861 гг. / Э. А. Черноухов // Новейшая история России в образовательном пространстве школы и вуза: традиции и новации. – Екатеринбург: УрГПУ, 2009. – С. 341–347.

326. Черноухов, Э. А. Проблема пьянства крепостного медицинского персонала в Нижнетагильском горном округе в первой половине XIX в. / Э. А. Черноухов // Страницы истории Урала. Вып. 51. – Екатеринбург: Волот, 2009. – С. 86–90.

327. Черноухов, Э. А. Медицинские заведения Пермского имения Лазаревых в первой половине XIX в. / Э. А. Черноухов // Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. тр. Вып. 10. Екатеринбург: Урал. ун-т, 2009. – С. 89–97.

328. Черноухов, Э. А. Иностранные врачи в частных горных округах Урала в первой четверти XIX в. / Э. А. Черноухов // Вопросы истории. – 2010. – № 7. – С. 157–161.

329. Черноухов, Э. А. Социальная инфраструктура Пермского имения Всеволожских в первой половине XIX в. / Э. А. Черноухов // Документ. История. Архив. Современность: сб. науч. тр. Вып. 11. – Екатеринбург: Урал. ун-т, 2010. – С. 117–124.

330. Черноухов, Э. А. М. Г. Вульф – медицинский инспектор Уральского горного правления / Э. А. Черноухов // Личность в истории: теоретико-методологические и методические аспекты. – Екатеринбург: УрГПУ, 2011. Ч. 1. – С. 343–347.

331. Черноухов, Э. А. Документы Госархива Свердловской области о социальной инфраструктуре частных горнозаводских округов Урала в XIX в. / Э. А. Черноухов // Отечественные архивы. – 2011. – № 6. – С. 32–40.

332. Черноухов, Э. А. Какой «свободы» хотели учителя частных горнозаводских школ Урала в первой половине XIX века? / Э. А. Черноухов // Проблемы истории России. Вып. 9. – Екатеринбург: Волот, 2011. – С. 416–422.

333. Черноухов, Э. А. Проблема квалификации учителя в частных горнозаводских школах Урала в первой половине XIX в. / Э. А. Черноухов // Педагогическое образование в России. – 2011. – № 1. – С. 61–65.

334. Черноухов, Э. А. Социальная инфраструктура Нижнетагильского горнозаводского округа Демидовых в XIX веке / Э. А. Черноухов. – Екатеринбург: УрГПУ, 2011. – 176 с.

335. Черноухов, Э. А. Социальная инфраструктура Пермского имения Голицыных в первой половине XIX в. // Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. тр. Вып. 12. – Екатеринбург: Урал. ун-т, 2011. – С. 77–84.

336. Черноухов, Э. А. Врачи-стипендиаты для казенных горных заводов Урала в XIX в. / Э. А. Черноухов // Вопросы истории. – 2012. – № 1. – С. 161–165.

337. Черноухов, Э. А. «Ни чинов, ни орденов, ни на старость не даётся». Положение врачей Пермской губернии в конце XIX века // Родина. – 2012. – № 11. – С. 158–160.

338. Черноухов, Э. А. Архивные документы о польских врачах на горных заводах Урала в XIX в. / Э. А. Черноухов // Архивы России и Польши: история, проблемы и перспективы развития. – Екатеринбург: Урал. ун-т, 2013. – С. 61–68.

339. Черноухов, Э. А. Богадельни в казенных горных округах Урала в первой половине XIX в. / Э. А. Черноухов // Актуализация исторического знания и исторического образования в современном обществе. Ежегодник. XVII всероссийские историко-педагогические чтения. – Екатеринбург: УрГПУ, 2013. Ч. 2. – С. 327–334.

340. Черноухов, Э. А. Проблемы адаптации учителей средних учебных заведений Екатеринбурга в 1860-х гг. / Э. А. Черноухов // Педагогическое образование в России. – 2013. – № 3. – С. 170–173.

341. Черноухов, Э. А. Врачи казенных горных заводов Урала в первой половине XIX в. / Э. А. Черноухов // Вестник Пермского университета. Серия «История». – 2013. – Вып 2(22). – С. 12–17.

342. Черноухов, Э. А. Организация медицинской помощи на частных горных заводах Оренбургской губернии в первой половине XIX в. / Э. А. Черноухов // Вестник Башкирского университета. – 2013. – № 4. – С. 1320–1322.

343. Черноухов, Э. А. Заведения социальной инфраструктуры частных горнозаводских хозяйств Урала накануне отмены крепостного права / Э. А. Черноухов // Вестник Башкирского университета. – 2014. – № 1. – С. 306–310.

344. Черноухов, Э. А. Врачи-поляки на горных заводах Урала XIX в. / Э. А. Черноухов // Вопросы истории. – 2014. – № 4. – С. 148–152.

345. Черноухов, Э. А. Нормативная база организации и деятельности казенной горнозаводской медицины в XIX в. / Э. А. Черноухов // История государства и права. – 2014. – № 14. – С. 51–55.

346. Черноухов, Э. А. Модернизационная «ловушка». Проблема «лишних» грамотных людей на горных заводах Урала в первой половине XIX в. / Э. А. Черноухов // Наука. Общество. Человек. Вестник Уральского отделения РАН. – 2014. – № 1(47). – С. 122–125.

347. Черноухов, Э. А. Заведения общественного призрения в частных горнозаводских хозяйствах Урала в первой половине XIX в. / Э. А. Черноухов // Известия Уральского федерального университета. Серия «Гуманитарные науки». – 2014. – № 3. – С. 249–255.

348. Черноухов, Э. А. Медицинские заведения Екатеринбурга в 1824 г. / Э. А. Черноухов // Отечественная история: взгляд из XXI века. – Екатеринбург: УрГПУ, 2015. – С. 53–61.

349. Черныш, М. И. Развитие капитализма на Урале и Пермское земство / М. И. Черныш. – Пермь: Перм. кн. изд-во, 1959. – 239 с.

350. Чернышева, Е. В. Земские служащие в художественном восприятии современников / Е. В. Чернышева // История как ценность и ценностное отношение к истории. – Екатеринбург: УрГПУ, 2010. Ч. 3. – С. 96–104.

351. Чудиновских, В. А. Богословский горный округ в конце XVIII – первой половине XIX в. / В. А. Чудиновских // Промышленность Урала в период зарождения и развития капитализма: сб. статей. – Свердловск: Урал. ун-т, 1989. – С. 40–56.

352. Шалин, А. П. Историческая записка о Екатеринбургском городском четырехклассном училище / А. П. Шалин. – Екатеринбург: тип. земской управы, 1889. – 145 с.

353. Шерстнева, Е. В. Детские учреждения Приказов общественного призрения / Е. В. Шерстнева, И. В. Егорышева // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – 2003. – № 4. – С. 51–59.

354. Шестова, Т. Ю. История здравоохранения Пермской и Оренбургской губерний в дореформенный период / Т. Ю. Шестова. Пермь: изд-во Перм. ун-та, 2000. – 284 с.

355. Шестова, Т. Ю. Развитие здравоохранения уральских губерний (Пермской, Вятской и Оренбургской). 1864–1900 / Т. Ю. Шестова. – Пермь: изд-во Перм. ун-та, 2003. – 376 с.

356. Шестова, Т. Ю. Здравоохранение Урала в XVIII – начале XX в. (на материалах Вятской, Пермской и Оренбургской губерний) / Т. Ю. Шестова. – Пермь: ПГТУ, 2006. – 312 с.

357. Шестова, Т. Ю. Медицинский персонал строгановского имения в дореформенный период / Т. Ю. Шестова // Строгановское историческое собрание. Вып. 1. – Пермь, 2006.

358. Шестова, Т. Ю. Городская медицина Урала в XVIII – начале XX вв. / Т. Ю. Шестова // Восьмые Татищевские чтения. – Екатеринбург: УМЦ-УПИ, 2010. – С. 381–385.

359. Шибков, А. А. Первые женщины-врачи России. – Л.: Медгиз, 1961. – 120 с.

360. Шишонко, В. Н. Материалы для описания развития народного образования в Пермской губернии с указанием времени открытия учебных заведений с приложением карты. – Екатеринбург, 1879. – 396 с.

361. Шкерин, В. А. Деятельность В. А. Глинки по развитию системы народного образования на горнозаводском Урале в 1830–1850 гг. // Русская духовная культура Западной Сибири и Урала: сб. статей. Т. 2. – Тюмень, 1995. – С. 289–298.

362. Шкерин, В. А. Генерал Глинка. Личность и эпоха / В. А. Шкерин. – Екатеринбург: УрО РАН, 1998. 345 с.

363. Шкерин, В. А. Заводчик И. О. Сухозонет: государственные сановники и рабочий вопрос в крепостную эпоху / В. А. Шкерин // Промышленная политика в стратегии российских модернизаций XVIII–XXI вв.: сб. науч. тр. – Екатеринбург, 2006. – С. 175–179.

364. Шкерин, В. А. От тайного общества до Святейшего Синода: Декабрист С. Д. Нечаев / В. А. Шкерин. – Екатеринбург: УрО РАН, 2005. – 421 с.

365. Шкерин, В. А. Декабристы на государственной службе в эпоху Николая I / В. А. Шкерин. – Екатеринбург: УрО РАН, 2008. – 392 с.

366. Штейн, М. Г. Ульяновы и Ленины. Семейные тайны / М. Г. Штейн. – СПб.: Нева, 2004. 512 с.

367. Штоф, А. Сравнительный очерк горного законодательства в России Западной Европе / А. Штоф. СПб.: тип. Стасюлевича, 1882. Ч. 1. – 224 с.

368. Шумилов, Е. Ф. Город на Иже / Е. Ф. Шумилов. – Ижевск: Удмуртия, 1990. – 608 с.

369. Шустов, С. Г. Пермское нераздельное имение графов Строгановых во второй половине XIX – начале XX в. / С. Г. Шустов. – Пермь: ПСИ, 2008. – 328 с.

370. Шустов, С. Г. Участие графов Строгановых в деятельности корпоративных органов уральских заводовладельцев в 40–50-е гг. XIX в. / С. Г. Шустов // Страницы истории Урала. Пермь: Перм. ун-т, 2008. – С. 3–16.

371. Эпоха Аносова / сост. А. В. Козлов. – Златоуст: Фотомир, 2008. – 250 с.

372. Эрисман, Ф. Ф. К вопросу о санитарно-фабричном законодательстве / Ф. Ф. Эрисман. – М.: печ. Яковлева, 1881. – 27 с.

373. Юркин, И. Н. Демидовы – ученые, инженеры, организаторы науки и производства / И. Н. Юркин. – М.: Наука, 2001. – 333 с.

374. Ячевский, Л.А. Статистика среднего и низшего горнотехнического образования в России / Л. А. Ячевский // Горный журнал. – 1911. – № 7. – С. 110–114.

375. Яцунский, В. К. Капиталы и доходы предприятий черной металлургии в России в 50-х гг. XIX в. / В. К. Яцунский // Генезис капитализма в промышленности. М.: Наука, 1963. – С. 118–149.

ДИССЕРТАЦИИ И АВТОРЕФЕРАТЫ

1. Ашмарина, С. В. Социальное страхование рабочих в России в конце XIX – начале XX века (на материалах горнозаводских предприятий Урала): дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Ашмарина Светлана Викторовна. – М., 2002. – 239 с.

2. Бабарыкин Б. С. Горнозаводское профессиональное образование Западной Сибири в XVIII – начале XX в.: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Бабарыкин Борис Васильевич. Барнаул, 2015. 26 с.

3. Бугаева, С. Я. Техническая интеллигенция в горнозаводской промышленности Урала (пореформенный период): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Бугаева Светлана Яковлевна. – М., 1979. – 214 с.

4. Власова, А. В. Благотворительность на Урале во второй половине XIX – начале XX в.: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Власова Анна Владимировна. – Челябинск, 2004. – 193 с.

5. Воеводский, И. К. Развитие низшего и среднего горнотехнического образования в СССР: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Воеводский Иван Кузьмич. – М., 1964. – 198 с.

6. Дашкевич, Л. А. Формирование технической интеллигенции в горнозаводской промышленности Урала дореформенного периода (конец XVIII в. – 60-е гг. XIX в.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Дашкевич Людмила Александровна. – Свердловск, 1988. – 202 с.

7. Дубровская, Т. А. Формирование и развитие системы профессионального образования в России (XIX – начало XX века): автореф. дис. … докт. ист. наук: 07.00.02 / Дубровская Татьяна Александровна. – М., 2004. – 54 с.

8. Елисафенко, М. К. Земство и начальное образование на Урале (вторая половина XIX – начало XX вв.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Елисафенко Марина Константиновна. – Екатеринбург, 1996. – 249 с.

9. Калинина, Т. А. Развитие народного образования на Урале в дореформенный период (80-е гг. XVIII в. – 1861): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Калинина Тамара Алексеевна. – Пермь, 1977. – 224 с.

10. Климаков, С. А. Развитие профессионального образования на Урале в 60-е гг. XIX в. – февраль 1917 г.: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Климаков Сергей Алексеевич. – Челябинск, 2001. – 271 с.

11. Константинова, Т. А. История горнозаводского образования в Забайкалье (1723–1917 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Константинова Татьяна Андреевна. – Чита, 2006. – 17 с.

12. Кричевцев, М. В. Кабинетская система центрального управления горнозаводским хозяйством Урала и Сибири во второй половине XVIII века: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Кричевцев Михаил Владимирович. – Екатеринбург, 1994. – 23 с.

13. Лубский, Р. А. Российская государственность как социальная реальность: методология многомерного исследования, типы, специфика развития: дис. … д-ра философ. наук: 09.00.10 / Лубский Роман Анатольевич. – Р-н/Д., 2015. – 391 с.

14. Мухин, В. В. Уральская горнозаводская вотчина Всеволожских в первой половине XIX века: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Мухин Владислав Владимирович. – Пермь, 1966. – 215 с.

15. Напалкова, И. Г. Рабочий вопрос в России в XIX – начале XX в.: традиции социального патернализма: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Напалкова Ирина Геннадьевна. – Саранск, 2005. – 21 с.

16. Неклюдов, Е. Г. Уральские заводчики в первой половине XIX в.: владельцы и владения: дис. … докт. ист. наук: 07.00.02 / Неклюдов Евгений Георгиевич. – Екатеринбург, 2004. – 367 с.

17. Орлов, П. А. Становление системы социального обеспечения горнозаводского населения на Южном Урале в пореформенный период (1861–1903 гг.): дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Орлов Павел Алексеевич. – Челябинск, 2000. – 287 с.

18. Плотников, С. Н. Становление Пермского земства (1870–1879 гг.): дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Плотников Сергей Николаевич. – Пермь, 2000. – 319 с.

19. Побережников, И. В. Пространственно-временные модели в исторических реконструкциях модернизации: автореф. дис. … докт. ист. наук: 07.00.01 / Побережников Игорь Васильевич. – Екатеринбург, 2011. – 54 с.

20. Пристанскова, Н. И. Правовое регулирование врачебно-санитарной деятельности в Российской империи (XIX – начало XX в.): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Пристанскова Наталия Ивановна. – СПб., 2007. – 212 с.

21. Редин, Д. А. Власть, заводовладельцы, рабочие: проблема взаимоотношений во второй половине XVIII в. (на примере уральской частной металлургии): дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Редин Дмитрий Алексеевич. – Екатеринбург, 1995. – 373 с.

22. Рукосуев, Е. Ю. Съезды горно- и золотопромышленников Урала в конце XIX – начале XX века: организация и направления деятельности: дис. … д-ра ист. наук: 07.00.02 / Рукосуев Евгений Юрьевич. – Екатеринбург, 2013. – 670 с.

23. Серебренников, Ю. Н. Уровень грамотности и образования населения Урала (1861–1917 гг.): дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Серебренников Юрий Николаевич. – Оренбург, 1998. – 196 с.

24. Тороп, В. В. Система управления частными горнозаводскими хозяйствами Среднего Урала в первой половине XIX века: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Тороп Валерия Валерьевна. – Екатеринбург, 1999. – 248 с.

25. Шестова, Т. Ю. Крепостная интеллигенция Урала в первой половине XIX века: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Шестова Татьяна Юрьевна. – Пермь, 1995. – 212 с.

26. Шкерин, В. А. Социальное самосознание уральских рабочих первой половины XIX в. (по материалам прошений): дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Шкерин Владимир Анатольевич. – Екатеринбург, 1992. – 192 с.

27. Чернявская, Т. А. Горнозаводское хозяйство Лазаревых в крепостную эпоху (конец XVIII – первая половина XIX вв.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Чернявская Татьяна Анатольевна. – Свердловск, 1968. – 343 с.

28. Шелепов, А. К. Развитие интеграционных процессов в деятельности горнозаводских школ Урала (XVIII – начало XX в.): автореф. дис. … канд. пед наук: 13.00.01 / Шелепов Александр Куприянович. – Екатеринбург, 2006. – 22 с.

29. Шустов, С. Г. Социально-экономическая трансформация Пермского майоратного имения Строгановых во второй XIX – начале XX в.: дис. … д-ра ист. наук: 07.00.02 / Шустов Сергей Григорьевич. – Екатеринбург, 2012. – 534 с.

30. Шушкова, Н. В. Патернализм как социальный институт в переходном обществе: автореф. дис. … канд. соц. наук: 22.00.04 / Шушкова Наталья Викторовна. – Пермь, 2004. – 23 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Приложение № 1

Сводные расходы на заведения социальной инфраструктуры казенных горных заводов Урала в штатах 1827–1829 гг., руб.[1]

Медицинские заведения

Округ	Общая штатная сумма	Расходы	% от общей штатной суммы
Общее[2]	131 000	1 200	0,9
Богословский	810 412	56 230	6,9
Гороблагодатский	1 212 505	85 982	7,0
Екатеринбургский	857 289	55 284	6,4
Златоустовский[3]	920 909	62.370	6,8
Камско-Воткинский	491 526	26 847	5,5
Пермских заводов	376 350	21 150	5,6
Итого	4 798 991	309 063	6,4

Учебные заведения

Округ	Общая штатная сумма	Расходы	% от общей штатной суммы
Общее	131 000	–	0
Богословский	810 412	3 732	0,4
Гороблагодатский	1 212 505	4 957	0,4
Екатеринбургский	857 289	3 472	0,4
Златоустовский	920 909	4 279	0,5
Камско-Воткинский	491 526	912	0,2
Пермских заводов	376 350	1 374	0,4
Итого	4 798 991	13 706	0,3

Заведения общественного призрения

Округ	Общая штатная сумма	Расходы	% от общей штатной суммы
Общее	131 000	–	0
Богословский	810 412	8 400	1,0
Гороблагодатский	1 212 505	20 300	1,7
Екатеринбургский	857 289	8 000	0,9
Златоустовский	920 909	17 168	1,9
Камско-Воткинский	491 526	10 000	2,0
Пермских заводов	376 350	1 814	0,5
Итого	4 798 991	65 682	1,4

---

[1] Подсчитано автором по: ПСЗ-II. Т. 1. № 687; Т. 2. № 1022, 1541. Т. 3. № 1776. Т. 4. № 2889, 2890.

[2] На главного горного начальника с канцелярией и Пермское горное правление.

[3] Без учета Златоустовской оружейной фабрики, где по Штату 1822 г. полагался особый врач для иностранных мастеров с жалованием в 2 тыс. руб.

Приложение № 2

Сводные расходы на заведения социальной инфраструктуры казенных горных заводов в штатах 1847 г., руб.[1]

Медицинские заведения

Округ	Общая штатная сумма	Расходы	% от общей штатной суммы
Общее[2]	115 124	1 080	0,9
Богословский	294 154	20 789	7,0
Гороблагодатский	422 013	19 335	4,9
Екатеринбургский	348 063	16 236	4,7
Златоустовский	419 527	16 931	4,0
Камско-Воткинский	127 252	7 269	5,7
Пермских заводов	117 440	4 892	4,2
Итого	1 843 573	86 532	4,7

Учебные заведения

Округ	Общая штатная сумма	Расходы	% от общей штатной суммы
Общее	115 124	7 477	6,5
Богословский	294 154	3 933	1,3
Гороблагодатский	422 013	5 484	1,3
Екатеринбургский	348 063	6 222	1,8
Златоустовский	419 527	5 410	1,3
Камско-Воткинский	127 252	3 933	3,1
Пермских заводов	117 440	3 519	3,0
Итого	1 843 573	35 998	2,0

Заведения общественного призрения

Округ	Общая штатная сумма	Расходы	% от общей штатной суммы
Общее	115 124	–	0
Богословский	294 154	1 265	0,4
Гороблагодатский	422 013	2 080	0,5
Екатеринбургский	348 063	2 025	0,6
Златоустовский	419 527	1 745	0,4
Камско-Воткинский	127 252	1 327,5	1,0
Пермских заводов	117 440	997,5	0,8
Итого	1 843 573	9 440	0,5

[1] Подсчитано автором по: Штаты и основные рабочие положения.
[2] На Главное управление.

Приложение № 3

Госпитали казенных горных заводов Урала в штатах 1827–1829 гг.[1]

Завод	Штатная сумма, руб.[2]	Кроватей	Врачей	В среднем на одного больного, руб.
Богословский округ				
Общее [3]	15 165		1	
Богословский	14 399	60	2	240
Турьинский рудники	26 666	120	3	222
Всего	56 230	180	6	
Гороблагодатский округ				
Общее	26 505		1	
Кушвинский	19 907	70	2	284
Верхнетуринский	7 827	30	1	261
Баранчинский	7 833	30	1	261
Серебрянский	11 929	50	1	250
Нижнетуринский	11 981	50	1	240
Всего	85 982	230	7	
Екатеринбургский округ				
Общее	16 340		1	
Золотые промыслы	24 128	100	2	241
Монетный двор	8 482	32	1	265
Каменский	4 646	13	1	357
Нижнеисетский	1 688	5	–	241
Всего	55 284	150	5	
Златоустовский округ				
Общее	17 168		1	
Златоустовский	7 631	30	1	255
Саткинский	5 243	20	1	262
Кусинский	5 200	20	1	260
Артинский	7 000	30	1	233
Миасский	20 128	100	2	201
Всего	62 370	200	7	
Камско-Воткинский				
Камско-Воткинский	26 847	70	2	
Округ Пермских заводов				
Юговской	12 925	55	1	235
Мотовилихинский	8 225	35	1	235
Всего	21 150	90	2	
Итого	307 863	920	29	

[1] Подсчитано автором по: ПСЗ-II. Т. 2. № 1022. Т. 3. № 1776. Т. 4. № 2889, 2890.

[2] Копейки везде округлены.

[3] Эта часть сметы включала расходы на содержание инспектора по врачебной части, аптекаря, повивальной бабки, аптекарских учеников, медикаменты и инструменты.

Приложение № 4

Врачи казенных горных заводов Урала в штатах 1827–1829 гг.[1]

Инспекторы по врачебной части

	Количество	Сумма, руб.
Инспекторы по врачебной части в Богословском, Камско-Воткинском, Екатеринбургском, Златоустовском округах	1	2000
Всего	4	8000

Врачи

Предприятие	Штаб-лекари	Сумма, руб.	Лекари	Сумма, руб.
Богословский округ				
Богословский			2	3 000
Турьинские рудники	1	1 750	2	3 000
Всего	1	1 750	4	6 000
Гороблагодатский округ				
Кушвинский	1	1 600	1	1 400
Верхнетуринский			1	1 400
Баранчинский			1	1 400
Серебрянский			1	1 400
Нижнетуринский			1	1 400
Всего	1	1 600	5	7 000
Екатеринбургский округ				
Золотые промыслы	1	1 500	1	1 200
Монетный двор	1	1 500		
Каменский			1	1 200
Всего	2	3 000	2	2 400
Златоустовский округ				
Златоустовский	1	1 500		
Саткинский			1	1 200
Кусинский			1	1 200
Артинский			1	1 200
Миасский			1	1 200
Всего	1	1 500	4	4 800
Камско-Воткинский				
Камско-Воткинский	1	1 500	1	750
Округ Пермских заводов				
Юговской			1	1 000
Мотовилихинский			1	1 000
Всего	–	–	2	2 000
Итого	7	10 850	18	22 950

[1] Составлено автором по: ПСЗ-II. Т. 2. № 1022. Т. 3. № 1776. Т. 4. № 2889, 2890.

Приложение № 5

Школы казенных горных округов Урала в штатах 1827–1829 гг. [1]

Школы	Учеников		Всего	На учебные книги и принадлежности, руб.
	имеющих отцов	не имеющих отцов		
Округ Пермских заводов				
Юговская	38	20	58	460
Мотовилихинская	14	10	24	350
Всего	52	30	82	810
Камско-Воткинский округ				
Воткинская	30	10	40	642
Всего	30	10	40	642
Златоустовский округ				
Златоустовская[2]	60	40	100	250
Саткинская	25	15	40	200
Кусинская	25	15	40	198
Артинская	25	15	40	198
Миасская	40	20	60	298
Всего	175	105	280	1 144
Гороблагодатский округ				
Кушвинская	100	50	150	600
Туринская	90	40	130	520
Баранчинская	70	30	100	400
Серебрянская	80	35	115	480
Нижнетуринская	60	20	80	320
Всего	400	175	575	2 300
Богословский округ				
Богословская	120	30	150	325
Турьинских рудников	90	40	130	300
Петропавловская	24	6	30	125
Николаепавдинская	24	6	30	125
Всего	258	82	340	875
Екатеринбургский округ				
Екатеринбургская	28	13	41	250
Каменская	22	14	36	150
Нижнеисетская	13	3	16	100
Березовская	49	60	109	680
Всего	112	90	202	1 180
Итого	1 127	492	1 519	6 951

[1] Составлено автором по: ПСЗ-II. Т. 2. № 1514. Т. 3. № 1776. Т. 4. № 2889, 2890.
[2] По 50 штатных учеников на заводе и на оружейной фабрике

Приложение № 6

Госпитали казенных горных заводов Урала в штатах 1847 г.[1]

Предприятие	Штатная сумма, руб.[2]	Кроватей	Врачей	В среднем на одного больного в год, руб.
Богословский округ				
Богословский	4 182	45	1	93
Турьинские рудники	16 607	195	3	87
Всего	20 789	235	4	
Гороблагодатский округ				
Кушвинский	7 362	70	2	105
Верхнетуринский	2 942	30	1	98
Баранчинский	1 761	15	1	117
Серебрянский	3 635	40	1	91
Нижнетуринский	3 635	40	1	91
Всего	19 335	195	6	
Екатеринбургский округ				
Березовские промыслы	5 917	70	1	85
Монетный двор	6 617	60	2	110
Каменский	1 801	15	1	120
Нижнеисетский	1 801	15	1	120
Всего	16 236	160	5	
Златоустовский округ				
Златоустовский	4 936	40	2	123
Саткинский	1 801	15	1	120
Кусинский	1 801	15	1	120
Артинский	1 801	15	1	120
Миасский	6 592	80	1	82
Всего	16 931	165	6	
Камско-Воткинский				
Камско-Воткинский	7 269	70	2	104
Округ Пермских заводов				
Юговской	3 223	30	1	107
Мотовилихинский	1 669	15	1	111
Всего	4 892	45	2	
Итого	85 452	870	25	

[1] Подсчитано автором по: Штаты и основные рабочие положения.
[2] Копейки везде округлены.

Приложение № 7

Врачи казенных горных заводов Урала в штатах 1847 г.[1]

Предприятие	Старших врачей	Сумма, руб.	Младших врачей	Сумма, руб.
Богословский округ				
Богословский			1	420
Турьинские рудники	1	600	2	840
Всего	1	600	3	1 260
Гороблагодатский округ				
Кушвинский	1	600	1	360
Верхнетуринский			1	420
Баранчинский			1	420
Серебрянский			1	420
Нижнетуринский			1	420
Всего	1	600	5	2 040
Екатеринбургский округ				
Золотые промыслы			1	420
Монетный двор	1	600	1	420
Каменский			1	420
Нижнеисетский			1	420
Всего	1	600	4	1 680
Златоустовский округ				
Златоустовский	1	600	1	360
Саткинский			1	420
Кусинский			1	420
Артинский			1	420
Миасский			1	420
Всего	1	600	4	2 040
Камско-Воткинский				
Камско-Воткинский	1	480	1	420
Округ Пермских заводов				
Юговской	1	480		
Мотовилихинский			1	360
Всего	1	480	1	360
Итого	6	3 360	20	7 800

[1] Составлено автором по: Штаты и основные рабочие положения.

Приложение № 8

Заводские школы в казенных округах Урала в штатах 1847 г.[1]

Школы[2]	Законо-учителей	Учителей	Помощ-ников учителей	Количе-ство учеников	Общая сумма, руб.[3]
Екатеринбургский округ					
Екатеринбургская	2	2	4	200	788
Каменская	2	2	4	200	788
Нижнеисетская	2	2	4	200	788
Березовская	4	4	8	600	2 016
Всего	10	10	20	1 200	4 380
Златоустовский округ					
Златоустовская	2	2	4	300	1 008
Саткинская	1	1	2	150	504
Кусинская	1	1	2	150	504
Артинская	1	1	2	150	504
Миасская	2	2	4	200	788
Всего	7	7	14	950	3 308
Гороблагодатский округ					
Кушвинская	1	1	2	150	504
Верхнетуринская	1	1	2	150	504
Баранчинская	1	1	2	150	504
Нижнетуринская	2	2	4	300	1 008
Серебрянская	1	1	2	150	504
Верхнебаранчинская	1	1	1	100	358
Всего	7	7	13	1 000	3 382
Богословский округ					
Богословская	2	2	4	300	1 008
Турьинских рудников	2	2	4	300	1 008
Всего	4	4	8	600	2 016
Округ Пермских заводов					
Юговская	1	1	2	300	1 008
Мотовилихинская	1	1	2	200	614
Всего	2	2	4	500	1 622
Камско-Воткинский округ					
Воткинская	4	4	8	600	2 016
Всего	4	4	8	600	2 016
Итого	35	35	69	4 850	16 724

[1] Составлено автором по: Штаты и основные рабочие положения.
[2] Ряд школ вместе с отделениями в заводских селениях.
[3] В том числе законоучителям добавочного жалования по 30, учителям жалования по 72, их помощникам – по 36, ученикам – по 2 руб. в год на жалование и учебные пособия. Кроме того, на отопление и освещение каждой школы выделялось от 30 до 120 руб. в год.

Приложение № 9

Окружные училища горных округов Урала в штатах 1847 г., руб.[1]

Штаты	Екатеринбургское	Златоустовское	Кушвинкое	Богословское	Юговское	Воткинское	Всего
Инспектору из старших горных инженеров	100	100	100	100	100	100	600
Смотрителю, он же учитель главных наук	360	360	360	360	360	360	2 160
Законоучителю	90	90	90	90	90	90	540
Преподавателям наук	180	180	180	180	180	180	1 080
Надзирателю	72	72	72	72	72	72	452
Библиотекарю и хранителю музея	–	60	60	60	60	60	300
Количество учеников	60	60	60	50	50	50	330
Им на учебные пособия, обмундирование, привар[2]	510	510	510	425	425	425	2 805
На умножение библиотеки и музея	–	200	200	200	200	200	1 000
На отопление	500	500	500	400	400	400	2 700
Итого	1 842	2 102	2 102	1 917	1 917	1 917	11 797

[1] Составлено автором по: Штаты и основные рабочие положения.
[2] По 8 руб. 50 коп. на каждого.

Приложение № 10

Штат Уральского горного училища 1847 г.[1]

Статьи расходов	Рублей
Управляющему	585
Инспектору добавочного жалования	180
Законоучителю добавочного жалования	120
Двум старшим учителям	840
Преподавателям наук и искусств	1 .400
Двум надзирателям	180
Эконому и его помощнику	180
60 ученикам на провиант, привар, обмундирование, столовые и кухонные принадлежности, постель, книги и учебные пособия[2]	2 142
На практические занятия при заводах	300
На пользование в заводском госпитале	200
15 ученикам на обзаведение при выпуске	150
На ремонт дома, отопление и прочие расходы	1 200
Итого	7 477

Приложение № 11

Учебный план Уральского горного и Нижнетагильского реального училищ в 1860-х гг. [3]

Уральское горное училище	Нижнетагильское реальное училище
Общие предметы[4]	
Закон Божий, рисование	Закон Божий, русский язык, российская словесность, математика, история, география, физика, зоология, основы естествознания, рисование
Специальные предметы	
Химия, горное искусство, минералогия, пробирное искусство, механика, металлургия, геодезия, маркшейдерское искусство, черчение, техническое счетоводство, русское законоведения.	Химия, черчение, горнозаводская бухгалтерия, геометрия, механика, металлургия, учение о стройматериалах, ботаника, геодезия, лесоводство, минералогия, маркшейдерское искусство.

Приложение № 12

Управляющие Уральского горного училища в XIX в.[5]

Имя, отчество, фамилия	Чин, звание	Годы
Михаил Васильевич Блинов	Титулярный советник	1853–1862
Наркиз Константинович Чупин	Коллежский секретарь	1862–1882
Василий Федорович Петров (и. о.)	Горный инженер	1882–1883
Николай Егорович Китаев	Горный инженер	1883–1901

---

[1] Штаты и основные рабочие положения. С. 7–8.

[2] То есть по 35 руб. 70 коп. в год на каждого.

[3] Составлено автором по: Сто лет горнотехнической. С. 46; Черноухов Э. А. Горнозаводское образование. С. 183–184.

[4] Следует учитывать, что Уральское горное училище имело четырехлетний курс обучения. В Нижнетагильском реальном училище он был шесть лет, и соответственно предполагалась более обширная общеобразовательная подготовка.

[5] Составлено автором по: Будрин В. И. Уральское горное.

Приложение № 13

Количество учеников и выпускников в Уральском горном училище в 1853–1890 гг. [1]

Годы	Учеников	Выпускников[2]
1852/1853	18	
1853/1854	31	
1854/1855	31	
1855/1856	35	16
1856/1857	33	–
1857/1858	36	12
1858/1859	35	–
1859/1860	33	14
1860/1861	34	–
1861/1862	33	16
1862/1863	24	–
1863/1864	24	14
1864/1865	25	–
1865/1866	25	8
1866/1867	37	–
1867/1868	39	12
1868/1869	42	–
1869/1870	39	18
1870/1871	40	–
1871/1872	39	13
1872/1873	45	–
1873/1874	н. св.	15
1874/1875	57	–
1875/1876	55	20
1876/1877	51	–
1877/1878	51	20
1878/1879	59	–
1879/1880	48	18
1880/1881	56	–
1881/1882	62	27
1882/1883	48	–
1883/1884	48	21
1884/1885	48	–
1885/1886	н. св.	13
1886/1887	н. св.	–
1887/1888	н. св.	21
1888/1889	н. св.	–
1889/1890	н. св.	25

[1] Составлено автором по: Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности. С. 57; Черноухов Э. А. Горнозаводское образование. Приложение № 8; ГАСО. Ф. 678-р. Оп. 1. Д. 366. Л. 1–21об. Сведения за другие годы не выявлены.

[2] Выпуск из училища производился один раз в два года.

Приложение № 14

Количество госпиталей и кроватей (в скобках) в частных горнозаводских округах Урала в 1840, 1854, 1858, 1859 гг.[1]

Округа	Количество заводов[2]	1840	1854	1858	1859
Нижнетагильский	9	8 (272)	7 (210)	8 (225)	7 (221)
Верх-Исетский	9	7 (193)	н. св.	8 (216)	8 (216)
Чёрмозский	4	3 (190)	н. св.	3 (147)	3 (147)
Алапаевский	6	3 (95)	3 (77)	3 (87)	3 (87)
Архангельский	1	1 (30)	1 (30)	1 (30)	1 (30)
Билимбаевский	5	3 (120)	3 (95)	3 (80)	4 (105)
Воскресенский	3	3 (79)	3 (64)	3 (68)	3 (68)
Кыновский	1	1 (25)	1 (25)	1 (45)	1 (45)
Кыштымский	6	3 (150)	3 (150)	3 (150)	3 (150)
Лысьвенский	4	2 (44)	3 (70)	3 (86)	3 (90)
Невьянский	3	2 (69)	н. св.	2 (65)	2 (65)
Нытвенский	2	4 (106)	н. св.	4 (103)	4 (103)
Пожевской	6	4 (115)	3 (85)	4 (93)	5 (103)
Ревдинский	6	3 (65)	3 (78)	н. св.	3 (76)
Сергинский	8	4 (102)	н. св.	5 (117)	5 (117)
Сысертский	3	2 (90)	н. св.	2 (110)	2 (90)
Холунинский	5	1 (12)	1 (30)	3 (58)	3 (58)
Шайтанский	2	1 (25)	1 (25)	1 (25)	1 (25)
Юговской	7	5 (67)	5 (116)	н. св.	5 (108)
Авзяно-Петровский	2	1 (10)	н. св.	1 (10)	1 (10)
Белорецкий	2	2 (32)	н. св.	2 (40)	2 (40)
Бемышевский	1	1 (20)	1 (20)	1 (15)	н. св.
Благовещенский	1	1 (30)	1 (24)	1 (24)	1 (24)
Иштеряковский	1	1 (15)	н. св.	–	–
Кагинский	2	2 (40)	н. св.	н. св.	2 (40)
Кананикольский	1	1 (15)	1 (15)	1 (15)	1 (15)
Катав-Ивановский	2	2 (40)	2 (33)	2 (48)	2 (48)
Омутинский	2	–	1 (15)	1 (12)	н. св.
Преображенский	1	1 (20)	1 (25)	1 (25)	1 (25)
Симский	2	2 (30)	2 (30)	2 (30)	2 (30)
Суксунский	8	6 (77)	5 (90)	5 (90)	5 (90)
Троицкий	3	2 (20)	н. св.	2 (30)	2 (25)
Шильвинский	1	1 (15)	н. св.	–	–
Шурминский	2	2 (26)	1 (15)	3 (45)	н. св.
Юризанский	2	1 (24)	1 (24)	1 (24)	1 (24)

[1] Составлено автором по: РГИА. Ф. 1287. Оп. 20. Д. 84 (1854); ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 280 (1858); Д. 320 (1859); Оп. 2. Д. 1691 (1840).
[2] Накануне отмены крепостного права.

Приложение № 15

Количество училищ и учеников (в скобках)
в частных горнозаводских округах Урала в 1840, 1855, 1858, 1859 гг.[1]

Округа	Количество заводов[2]	1840	1855	1858	1859
Нижнетагильский[3]	9	8 (215)	н. св.	20 (867)	22 (816)
Верх-Исетский	9	1 (50)	12 (134)	12 (153)	12 (145)
Чёрмозский	4	1 (75)	4 (130)	4 (215)	4 (249)
Алапаевский	6	2 (50)	2 (94)	2 (81)	2 (94)
Архангельский	1	н. св.	н. св.	2 (80)	2 (80)
Билимбаевский	5	4 (165)	3 (172)	5 (235)	5 (223)
Воскресенский	3	3 (66)	3 (72)	3 (77)	3 (83)
Кыновский	1	н. св.	1 (96)	1 (89)	1 (70)
Кыштымский	6	3 (50)	4 (172)	5 (144)	н. св.
Лысьвенский	4	2 (45)	2 (56)	2 (52)	2 (56)
Невьянский	3	2 (56)	7 (123)	7 (130)	7 (121)
Нытвенский	2	3 (163)	3 (140)	3 (159)	3 (183)
Пожевской	6	2 (60)	3 (243)	4 (304)	4 (251)
Ревдинский	6	2 (47)	2 (69)	2 (58)	2 (55)
Сергинский	8	4 (131)	6 (114)	3 (101)	н. св.
Сысертский	3	2 (130)	2 (100)	5 (244)	5 (207)
Холунинский	5	2 (50)	н. св.	1 (50)	1 (48)
Шайтанский	2	1 (45)	1 (48)	н. св.	1 (50)
Юговской	7	5 (83)	2 (82)	2 (85)	2 (85)
Авзяно-Петровский	2	1 (40)	н. св.	н. св.	н. св.
Белорецкий	2	1 (18)	н. св.	1 (45)	1 (45)
Благовещенский	1	1 (30)	н. св.	1 (н.св.)	1 (85)
Кагинский	2	2 (30)	н. св.	н. св.	1 (32)
Кананикольский	1	1 (15)	1 (11)	1 (20)	1 (14)
Катав-Ивановский	2	н. св.	н. св.	2 (110)	3 (110)
Омутинский	2	н. св.	н. св.	1 (14)	1 (14)
Преображенский	1	1 (15)	н. св.	–	–
Мешинский	1	1 (20	1 (25)	1 (12)	1 (14)
Симский	2	2 (70)	н. св.	2 (100)	2 (120)
Суксунский	8	2 (72)	1 (129)	2 (116)	2 (107)
Троицкий	3	1 (20)	н. св.	1 (25)	1 (20)
Шильвинский	1	н. св.	н. св.	–	–
Шурминский	2	н. св.	н. св.	1 (12)	–
Юризанский	2	н. св.	н. св.	1 (25)	1 (35)

[1] Составлено автором по: ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 280 (1858); Д. 320 (1859); Оп. 2. Д. 1691 (1840); Д. 1920; Ф. 24. Оп. 23. Д. 7318 (1855).
[2] Накануне отмены крепостного права.
[3] Без Выйского училища.

Приложение № 16

Сводные данные о врачах, служивших на горных заводах Урала в XIX в.[1]

Таблица № 1

Образование врачей, служивших на казенных заводах Урала в XIX в. [2]

№	Учебное заведение	Количество	%
1	Медико-хирургическая академия (МХА)	32	40
2	Московское отделение МХА	8	10
3	Казанский университет	18	22
4	Московский университет	5	6
5	Иностранные университеты	6	7
6	Виленский университет	4	5
7	Дерптский университет	1	1
8	Военные и горные госпитали	7	9
	Всего	81	100

Таблица № 2

Образование врачей, служивших на частных заводах Урала в XIX в. [3]

№	Учебное заведение	Количество	%
1	Медико-хирургическая академия (МХА)	18	27,5
2	Московское отделение МХА	11	17
3	Казанский университет	16	24
4	Московский университет	5	7,5
5	Виленский университет	5	7,5
6	Иностранные университеты	2	3
7	Дерптский университет	3	4,5
8	Харьковский университет	1	1,5
9	Военные госпитали	5	7,5
	Всего	66	100

Таблица № 3

Профессиональные звания (степени) врачей, служивших на казенных и частных заводах Урала в XIX в. [4]

№	Звание	Казенные	Частные
1	Доктор медицины (доктор медицины и хирургии)	17	11
2	Медико-хирург	3	5
3	Штаб-лекарь	38	33
4	Лекарь	20	35
	Всего	78	84

[1] Составлено автором по сводному списку врачей (см. Приложения № 17).
[2] Сведения выявлены у 65% врачей казенных заводов.
[3] Сведения выявлены у 51% врачей частных заводов.
[4] Сведения выявлены у 62% врачей казенных заводов и 65% частных.

Приложение № 17

Сводный список врачей, служивших на горных заводах Урала в XIX в.

Алексеев-Попов Гаспер [Осип][1] Алексеевич (1855–?)

Выпускник Медико-хирургической академии. Доктор медицины.
1882–1886 – в Кизеловском заводе[2].

Андросов

1837 – в Песковском округе[3].

Арапов Евлампий Дмитриевич (1840–?)

Выпускник Медико-хирургической академии, лекарь.
1862–1868 – в Гороблагодатском округе (Кушвинский, Верхнетуринский[4]).
1868–1869 – в Екатеринбургском округе (Каменский)[5].

Арнольдов Николай Александрович

1884–1888 – в Гороблагодатском округе (Кушвинский, Баранчинский).
1895 – в Екатеринбургском округе (старший врач)[6].

Архангельский Алексей Иванович

Штаб-лекарь.
1807–1808 – в Гороблагодатском округе (медицинский инспектор)[7].

Архангельский Владимир Тимофеевич

Выпускник Медико-хирургической академии, казенный стипендиат.
1874–1876 – в Златоустовском округе (Саткинский, Артинский)[8].

Балановский Макар Григорьевич (?–1818)

Лекарь.
1796–1818 – в Богословском округе[9].

Барков (Борков)[10] Иван Дмитриевич (1813–?)

Выпускник Московского университета, медико-хирург.
1843–1847 – в Нижнетагильском округе[11].

Бачалдин Амвросий Иванович

Лекарь.
1856–1859 – в Кананикольском заводе[12].

Бейтель Винсент [Егорович]

Свидетельство на право медицинской практики в Казанском университете.
1808–1810 – в Нижнетагильском округе[1].

---

[1] В квадратных скобках указаны утвердившиеся в практике русифицированные варианты имени и(или) отчества.
[2] ГАСО. Ф. 24. Оп. 16. Д. 190. Л. 11об.–17.
[3] ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 4537. Л. 2
[4] В круглых скобках после названия округа указаны госпитали, где служил врач или его должность.
[5] ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 548. Л. 8–8об. Уволен с горной службы по болезни.
[6] ГАСО. Ф. 24. Оп. 20. Д. 706. Л. 11.
[7] ГАСО. Ф. 24. Оп. 33. Д. 49. Л. 1.
[8] ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 872. Л. 58–61.
[9] ГАПК. Ф. 673. Оп. 1. Д. 68об.
[10] В круглых скобках после фамилии указаны варианты ее написания в источниках.
[11] РГИА. Ф. 44. Оп. 1. Д. 534. Л. 11об.–13.
[12] РГАДА. Ф. 1267. Оп. 8. Д. 1708; ГАСО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 1495. Л. 4–6.

Белавин Иван Иванович (1851–1930)

Выпускник Медико-хирургической академии, доктор медицины.
1886–1917 – в Богословском округе[2].

Бергман Густав Вильгельм Амброзиус [Василий]

Лекарь, аттестованный в Медико-хирургической академии.
1804–1812 – в Пермском имении Лазаревых[3].

Берхольц Федор Николаевич (1818–?)

Выпускник Медико-хирургической академии, лекарь.
1843–1847 – в Суксунском округе[4].

Бланк Израиль Мойшевич [Александр Дмитриевич] (1799–1870)

Выпускник Медико-хирургической академии, штаб-лекарь.
1843–1845 – в Пермском округе (Юговской).
1845–1848 – в Златоустовском округе (оружейная фабрика, медицинский инспектор)[5].

Благовещенский Николай Галактионович (1806–?)

Выпускник Медико-хирургической академии, штаб-лекарь.
1845–1846 – в Воскресенском округе.
1846–1847– в Преображенском заводе[6].

Богданов Гаврила Дмитриевич (?–1841)

Штаб-лекарь.
1805–1841 – в Пермском имении Голицыных[7].

Бордье (Бердье) [Александр]

1817–1819 – в Нижнетагильском округе[8].

Борецкий

Выпускник Казанского университета, лекарь.
1856–1857 – в Архангельском заводе[9].

Богоявленский

1855 – в Пермском округе[10].

Бострем Иван Августович (1826–?)

Выпускник Дерптского университета, лекарь.
1851–1855 – в Златоустовском округе (Саткинский).
1856–1857 – в Симском округе.
1870–1878 – в Екатеринбургском округе (Екатеринбургский, Нижнеисетский)[11].

---

[1] Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура Нижнетагильского. С. 52–54.
[2] Бессонов М. Доктор медицины Иван Белавин // Веси. 2006. № 10. С. 56–57.
[3] Новокрещенных Н. Н. Указ. соч. С. 114; ГАСО. Ф. 24. Оп. 33. Д. 19. Л. 42–42об.
[4] РГИА. Ф. 44. Оп. 1. Д. 534. Л. 46об.–47.
[5] Штейн М. Г. Ульяновы и Ленины. Семейные тайны. СПб., 2004. С. 105–110.
[6] РГИА. Ф. 44. Оп. 1. Д. 534. Л. 24об.–27.
[7] ОПИ ГИМ. Ф. 14. Оп. 1. Д. 550. Л. 215–218об.; Д. 700. Л. 11. В начале – лекарский ученик.
[8] Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура Нижнетагильского. С. 54–55.
[9] РГАДА. Ф. 1267. Оп. 8. Д. 1708.
[10] ГАСО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 1936. Л. 1–6.
[11] РГАДА. Ф. 1267. Оп. 8. Д. 1708; РГИА. Ф. 44. Оп. 1. Д. 831. 55об.–57; ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1960. Л. 33; Д. 1977. Л. 54.

Братковский

Лекарь.
1850–1859 – в Суксунском округе[1].

Бронзов Александр Сергеевич (1810–?)

Выпускник Медико-хирургической академии (Московское отделение), штаб-лекарь.
1845–1847 – в Пермском имении Лазаревых[2].

Буершапер

Лекарь.
1818–1819 – в Екатеринбургском округе (Екатеринбургский)[3].

Буйницкий Владислав Станиславович

1884–1895 – в Сысертском округе[4].

Буслов Иван Герасимович (1863–?)

Выпускник Казанского университета.
1888–1890 – в Екатеринбургском округе (Каменский)[5].

Бухвостов Алексей Константинович

1884 – в Нижнетагильском округе (салдинская часть).
В 1889–1893 – в Кыштымском округе[6].

Бучинский

1813 – в Гороблагодатском округе[7].

Вагнер Петр Иванович (1799–1876)

Выпускник Виленского университета, доктор медицины.
1826–1829 – в Богословском и Екатеринбургском округах.
1829–1840 – в Верх-Исетском округе[8].

Варвинский (Ворвинский) Игнатий [Федорович] (1772–?)

Выпускник Медико-хирургической академии, штаб-лекарь.
1801–1831 – в Екатеринбургском округе (Каменский, Екатеринбургский, в 1815–1827 – инспектор по медицинской части)[9].

Васильев Аким Васильевич (1823–?)

Выпускник Казанского университета, лекарь.
1845–1846 – в Таишевском заводе.
1846–1847 – в Кагинском округе[10].

Вержбицкий Александр Ульянович

1887 – в Пермских пушечных заводах[11].

---

[1] РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 205. Л. 101; ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 589. Л. 19–19об.
[2] РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 369. Л. 4–7; Ф. 44. Оп. 1. Д. 534. Л. 31об.–34; ГАПК. Ф. 280. Оп. 1. Д. 936. Л. 28, 43.
[3] ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 186. Л. 1.
[4] ГАСО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 23. Л. 34об.
[5] ГАСО. Ф. 18. Оп. 2. Д. 160. После – врач Екатеринбургского земства.
[6] Журналы заседаний XIX Верхотурского уездного. С. 534. До – земский врач.
[7] ГАСО. Ф. 24. Оп. 33. Д. 244. Л. 79. Переведен на Дедюхинские соляные промыслы
[8] Черноухов Э. А. Медицинский персонал Верх-Исетского. С. 614–615.
[9] Черноухов Э. А. Врачи-поляки. С. 148–149.
[10] РГИА. Ф. 44. Оп. 1. Д. 534. Л. 47об.–48.
[11] Труды IV съезда врачей Пермской губернии. С. 400.

Версилов

Лекарь.
1813 – в Гороблагодатском округе[1].

Верцинский

1852–1853 – в Пермском имении Всеволожских[2].

Виноградов Дмитрий Иванович (1816–?)

Выпускник Медико-хирургической академии (Московское отделение).
1840–1844 – в Богоявленском заводе.
1844–1852 – в Верх-Исетском округе (сылвинская часть)[3].

Волков Николай Николаевич

1884–1896 – в Алапаевском округе[4].

Волянский Адам [Петрович] (1836–1904)

Выпускник Киевского университета, лекарь.
1876–1883 – в Кыштымском округе[5].

Воронцов Иван Яковлевич

Штаб-лекарь.
1829 – в Сергинском округе.
1837 – в Сысертском округе.
1856–1857 – в Троицком округе[6].

Воскобойников Иван Тимофеевич (1772–1835)

Выпускник Кронштадского медико-хирургического училища, штаб-лекарь.
1798–1804 – в Камско-Воткинском и Ижевском заводах.
1804–1807 – в Екатеринбургском округе.
1807–1809 – в Ижевском заводе.
1809–1810 – в Гороблагодатском округе.
1811–1825 – в Камско-Воткинском округе (врач, инспектор по медицинской части)[7].

Вульф Марк Гейнрих [Марк Андреевич] (1797–1848)

Доктор медицины.
1820–1822 – в Златоустовском округе (оружейная фабрика).
1822–1828 – в Верх-Исетском и Кыштымском округах.
1828–1831 – врач при Уральском горном правлении.
1831–1848 – медицинский инспектор по частным заводам Уральского горного правления[8].

---

[1] ГАСО. Ф. 24. Оп. 33. Д. 244.
[2] РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 205. Л. 81; ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 867. Л. 23об.
[3] РГИА. Ф. 44. Оп. 1. Д. 534. Л. 37об.–40; ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 1356. Л. 96, 108.
[4] ГАСО. Ф. 24. Оп. 20. Д. 743. Л. 24. По совместительству– в Верхотурском земстве.
[5] Черноухов Э. А. Врачи-поляки. С. 151.
[6] РГАДА. Ф. 1267. Оп. 8. Д. 1708; ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 2151. Л. 70–70об.; Д. 4537. Л. 5.
[7] Сысоева М. В. Указ. соч. С. 30; ГАПК. Ф. 673. Оп. 1. Д. 7. Л. 156; ЦГАУР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 3259. Л. 1–2. После: в 1826–1835 – оператор, затем инспектор Оренбургской Врачебной управы (ГАОО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 9775). С 1835 г. – инспектор Вятской врачебной управы (ГАКО. Ф. 633. Оп. 1. Д. 154).
[8] РГИА. Ф. 44. Оп. 1. Д. 369. Л. 1–10об.

Вышинский Владимир Сильвестрович

Доктор медицины.
1878 – в Екатеринбургском округе (Каменский)[1].

Гагеман [Евстафий Федорович] (1788–?)

Обучался медицине в военных госпиталях.
1826–1827 – в Пермском имении Лазаревых[2].

Гальберштам Карл Бернгард

1855–1857 – в Пермском имении Лазаревых[3].

Гамбурцов Василий Александрович (1797–?)

Выпускник Медико-хирургической академии (Московское отделение), лекарь.
1845–1847 – в Шурминском округе[4].

Гарцер (?–1858)

Доктор медицины.
1857–1858 – в Алапаевском округе[5].

Гензель Павел Богданович

1874 – в Пермском округе (старший врач)[6].

Геннингсон

1857–1877 – в Златоустовском округе (Златоустовский, Кусинский, Миасский, в 1875–1877 – старший врач)[7].

Генних Иван Иванович (1806–?)

Выпускник Московского университета.
1845–1850 – в Пермском имении Всеволожских.
1850–1855 – в Екатеринбургском округе (старший врач)[8].

Герман Филипп Эрнст

Выпускник иностранного университета, лекарь.
1832–1836 – в Пермском имении Голицыных[9].

Гессен Федор Яковлевич (1764–?)

Медицинское образование получил в морских госпиталях, штаб-лекарь.
1798–1808 – в Гороблагодатских заводах.
1808 – в Камско-Воткинском округе[10].

Говорливый Зиновий Степанович (1824–1869)

Выпускник Медико-хирургической академии.
1862–1869 – в Пермском имении Лазаревых[11].

---

[1] ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 973. Л. 9об.
[2] РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 117. Л. 74–74об.; ГАПК. Ф. 280. Оп. 1. Д. 422, 440.
[3] РГАДА. Ф. 1252. Оп. 1. Д. 1883. Л. 5–16; ГАПО. Ф. 280. Оп. 1. Д. 1041. Л. 109.
[4] РГИА. Ф. 44. Оп. 1. Д. 534. Л. 52об.–55.
[5] ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 1537. Л. 176 об.
[6] ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 862. Л. 12.
[7] ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 486. Л. 118–118об.
[8] РГИА. Ф. 44. Оп. 1. Д. 534. Л. 40об.–44.
[9] РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 1108. Л. 33–34А.
[10] Тулисов Е. С. Указ. соч. С. 218; ГАПК. Ф. 673. Оп. 1. Д. 8. Л. 46; ГАСО. Ф. 24. Оп. 33. Д. 32, 49.
[11] Краеведы и краеведческие организации Перми и Пермского края. Т. 2. С. 95–96.

Голицынский Владимир Алексеевич (1806–?)

Выпускник Медико-хирургической академии (Московское отделение), штаб-лекарь.
1847–1849 – в Ревдинском округе.
1849–1853 – в Кыштымском округе.
1853–1863 – в Верх-Исетском округе (сылвинская часть)[1].

Гольбек Марк Карл (1840–?)

Доктор медицины и хирургии.
1868–1876 – в Воткинском заводе (старший врач)[2].

Гординский Осип Александрович

1854–1856 – в Архангельском заводе.
1857–1867 – в Златоустовском округе (Саткинский)[3].

Городенский Иван Иванович (1798–1846)

Штаб-лекарь.
1821–1848 –в Златоустовском округе (врач, медицинский инспектор)[4].

Горшков Александр Борисович

Выпускник Медико-хирургической академии, казенный стипендиат, штаб-лекарь.
1830–1857 – в Богословском округе (с 1848 – старший врач)[5].

Громницкий Григорий Максимович (1764–?)

Медицинское образование получил в военных госпиталях, штаб-лекарь.
1797–1826 –в Богословском округе (врач, медицинский инспектор).
1829 – в Златоустовском округе (медицинский инспектор)[6].

Деханов

Лекарь.
1848 – в Сергинском округе.
1856–1857 – в Кыштымском округе[7].

Доброславов

Лекарь.
1832 – в Суксунском округе.
1835–1837 – в Шурминском округе[8].

Доброхотов Всеволод Александрович

1885 – в Сысертском округе[9].

---

[1] РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 461.
[2] ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 632. Л. 105.
[3] РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 205. Л. 142; ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 5697. Л. 69; Оп. 32. Д. 1537. Л. 196об.; Ф. 43. Оп. 1. Д. 486. Л. 238; Оп. 2. Д. 1920.
[4] Эпоха Аносова. Златоуст, 2008. С. 103. Архив г. Златоуста. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 1358. Л. 6об.
[5] ГАСО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 1330. Л. 58–61.
[6] ГАСО. Ф. 24. Оп. 33. Д. 813; Л. 1; Ф. 43. Оп. 2. Д. 1626. Л. 18.
[7] РГАДА. Ф. 1267. Оп. 8. Д. 1708; ГАСО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 16. Л. 41.
[8] РГАДА. Ф. 1267. Оп. 8. Д. 263. Л. 71; ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 1151. Л. 56–57.
[9] Русская медицина. 1885. До – в Екатеринбургском земстве, после – железнодорожный врач в Екатеринбурге.

Доброхотов Константин Иванович (1812–?)

Выпускник Медико-хирургической академии (Московское отделение), штаб-лекарь.

1845–1852 – в Холунинском округе[1].

Долгополов Орест Селиверстович (1810–?)

Выпускник Медико-хирургической академии, медико-хирург.

1835–1845 – в Златоустовском округе.

1845–1847 – в Юговском округе[2].

Долматов Григорий Петрович

1826 – в Гороблагодатском округе (Серебрянский)[3].

Дрешер [Матвей Антонович] (1784–?)

Выпускник Эрлангенского университета, с 1808 г. на службе в России.

1829–1834 – в Екатеринбургском округе (инспектор по медицинской части)[4].

Егоров Федор

1857 – в Пермском имении Всеволожских[5].

Журин

1869–1872 – в Пермском имении Лазаревых[6]

Забиякин Иван Михайлович (1815–?)

Выпускник Медико-хирургической академии (Московское отделение), медико-хирург.

1842–1844 – в Богословском округе (Богословский).

1844–1847 – в Нижнетагильском округе.

1848–1850 – в Пермском имении Лазаревых.

1857–1871 – в Екатеринбургском округе (Березовский)[7].

Зайден К. И.

1808 – в Камско-Воткинском округе[8].

Закоружников Александр Федорович

Выпускник Московского университета, казенный стипендиат.

1880–1881 – в Златоустовском округе (Миасский)[9].

Захарьин Михаил Александрович (1806–?)

Выпускник Медико-хирургической академии,

1834–1836 – в Екатеринбургском округе (Березовский)[10].

---

[1] РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 205. Л. 143; Ф. 44. Оп. 1. Д. 534. Л. 33об.–36. В 1852 г. определен оператором в Вятскую врачебную управу (ГАКО. Ф. 633. Оп. 2а. Д. 93).

[2] РГИА. Ф. 44. Оп. 1. Д. 534. Л. 10–12.

[3] ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 351. Л. 331об.

[4] ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 437. Л. 197–198; Ф. 40. Оп. 1. Д. 59. Л. 30–32.

[5] ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 1537. Л. 33 об.

[6] Новокрещенных Н. Н. Указ. соч. С. 115.

[7] РГИА. Ф. 44. Оп. 1. Д. 534. Л. 7–10об.; ГАПК. Ф. 280. Оп. 1. Д. 936. Л. 31, 45; ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 1537. Л. 180; Ф. 25. Оп. 1. Д. 1977. Л. 57.

[8] ГАСО. Ф. 24. Оп. 33. Д. 49. Прикомандирован из Казанской Врачебной управы.

[9] ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 1015. Л. 93–95. После – врач Екатеринбургского земства.

[10] ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 27. Л. 11об.–12.

Зацвилиховский Иван Иванович

1857–1862 – в Пермском имении Лазаревых[1].

Здановский

Лекарь.

1858 – в Воскресенском округе (Богоявленский)[2].

Зоммер Давид Карлович (1773–?)

Медицинское образование получил в военных госпиталях, штаб-лекарь.

1793–1801 – в Богословских, Гороблагодатских, Пермских заводах[3].

Зубринский (Зубрицкий) Михаил Архипович (1777–1826)

Выпускник Медико-хирургической академии, лекарь.

1810–1826 – в Екатеринбургском округе (Екатеринбургский)[4].

Зузич Георгий [Егор Егорович] (?–1817)

Выпускник Пештского университета, штаб-лекарь.

1807–1811 – в Камско-Воткинском округе[5].

Иваницкий Ипполит Федорович (1843–?)

Выпускник Медико-хирургической академии, казенный стипендиат, лекарь.

1867–1868 – в Богословском округе (Турьинские рудники).

1868 – в Гороблагодатском округе[6].

Ивановский Дмитрий Алексеевич

Лекарь.

1852–1855 – в Билимбаевском округе (очерская часть).

1856–1863 – в Пермском имении Строгановых (ильинская часть)[7].

Ивановский Семен Иванович

1850–1855 – в Пермском имении Лазаревых[8].

Ильинский Иван Петрович (1801–?)

Выпускник Медико-хирургической академии, штаб-лекарь.

1835–1848 – в Екатеринбургском округе (Каменский, Екатеринбургский).

1848–1850 – в Кыштымском округе.

1850–1861 – в Нижнетагильском округе[9].

Игнатьевский Борис Иванович (1807–?)

Выпускник Медико-хирургической академии, лекарь.

---

[1] РГАДА. Ф. 1252. Оп. 1. Д. 1883. Л. 17–20; ГАПК. Ф. 280. Оп. 1. Д. 936. Л. 127, 165–171. После – в Пермской губернской больнице.

[2] ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 280.

[3] Тулисов Е. С. Указ. соч. С. 217; ГАПК. Ф. 673. Оп. 1. Д. 7. Л. 224, 238. После – в Ижевском заводе и красноуфимский уездный врач.

[4] ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 186. Л. 1; Оп. 12. Д. 1839. Л. 187–188; Д. 1913. Л. 206–207; Ф. 40. Оп. 1. Д. 9. Л. 6–6об. В 1798–1810 – лекарский ученик в Екатеринбургском госпитале.

[5] Сысоева М. В. Указ. соч. С. 30; ГАСО. Ф. 24. Оп. 33. Д. 76. Л. 9–10; ЦГАУР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 222. Л. 1–7. С 1811 г. – преподаватель в Медико-хирургической академии.

[6] РГИА. Ф. 44. Оп. 3. Д. 666. ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 103. Л. 661, 705, 717; Д. 632. Л. 35.

[7] Сборник Пермского земства. 1872. № 2. С. 60; РГАДА. Ф. 1267. Оп. 8. Д. 1708; Ф. 1278. Оп. 1. Д. 1584. Л. 7–7об., 46–50; РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 205. Л. 5; ГАСО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 1561. Л. 2об.–3. После – в Оханском уездном земстве.

[8] РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 1340; Л. 4об.

[9] РГИА. Ф. 44. Оп. 1. Д. 534. Л. 17об–20. ГАСО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 68.

1834–1836 – в Екатеринбургском округе (Каменский)[1].

Исконицкий

Штаб-лекарь.

1829 – в Златоустовском округе (Саткинский)[2].

Калашников П. Г.

1839 – в Нытвенском округе.

1840–1841 – в Пермском имении Лазаревых[3].

Калинин Павел Федорович

1851–1867, 1877–1878 – в Нытвенском округе[4].

Калиновский

1857–1862 – в Златоустовском округе (Кусинский)[5].

Капацинский

1843 – в Верх-Исетском округе (сылвинская часть)[6].

Капеллер Эдуард Карлович

Штаб-лекарь.

1852–1857 – в Омутнинском и Шурминском округах[7].

Караваев Александр Л.

Выпускник Медико-хирургической академии, казенный стипендиат.

1880–1882 – в Екатеринбургском округе (Березовский)[8].

Келлер Федор Федорович

1857–1858 – в Нижнетагильском округе[9].

Кеммерлинг Адольф Богданович (1810–?)

Выпускник Дерптского университета.

1845–1847– в Алапаевском округе[10].

Керн Карл [Федорович]

Саксонский подданный.

1856–1858 – в Благовещенском заводе[11].

Килькевич Павел Станиславович

1857–1872 – в Екатеринбургском округе (Монетный двор, старший врач)[12].

Клаус Федор Карлович

1856–1857 – в Катавском округе[13].

---

[1] ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 27. Л. 11об.–12.

[2] ГАСО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 1626. Л. 20.

[3] Новокрещенных Н. Н. Указ. соч. С. 115; ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 257. Л. 43.

[4] ОПИ ГИМ. Ф. 14. Оп. 1. Д. 700. Л. 161–179; 211–212. В 1867–1869 – земский врач.

[5] ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 1537. Л. 196 об.; Ф. 43. Оп. 1. Д. 408.

[6] ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 3343. Л. 14–15 об.

[7] РГАДА. Ф. 1267. Оп. 8. Д. 1708; РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 205. Л. 33; ГАСО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 1561. Л. 2об.–3.

[8] ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 1015. Л. 16 об., 371об. По совместительству в 1880–1883 – в Екатеринбургском земстве. В 1882 г. уволен с казенной службы, переехал в Санкт-Петербург.

[9] Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура Нижнетагильского. С. 61.

[10] РГИА. Ф. 44. Оп. 1. Д. 534. Л. 43об.–45.

[11] РГАДА. Ф. 1267. Оп. 8. Д. 1708; ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 280. Л. 49.

[12] ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 1537. Л. 180; Ф. 25. Оп. 1. Д. 1960. Л. 33; Д. 1983.

[13] ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 1537. Л. 11об.

Клейнер

Штаб-лекарь.
1817–1821 – в Богословском округе.
1821 – в Златоустовском округе (медицинский инспектор)[1].

Ковалевский Виктор Васильевич

1879–1884 – в Невьянском округе[2].

Ковалевский Иван Елисеевич

Выпускник Медико-хирургической академии, казенный стипендиат, штаб-лекарь.
1831 – в Богословском округе.
1831–1837 – в Нижнетагильском округе.
1837 – в Невьянском округе[3].

Козлов Спиридон Маркович (1802–?)

Выпускник Медико-хирургической академии (Московское отделение), штаб-лекарь.
1823–1826 – в Богословском округе (Турьинских рудников).
1826–1837 – в Екатеринбургском округе (Березовский)[4].

Комарницкий Николай Антонович (1853–?)

Выпускник Казанского университета.
1883 – в Пермском имении Лазаревых[5].

Комин Алексей

Выпускник Медико-хирургической академии, казенный стипендиат, доктор медицины.
1863 – в Екатеринбургском округе (Каменский).
1866–1869 – в Вятском округе[6].

Коноплев Н.

Лекарь.
1846 – в Златоустовском округе (Миасский)[7].

Конюшевский О. И.

1872 – в Алапаевском округе[8].

Кронгейм Василий Андреевич (1811–?)

Выпускник Берлинского университета (экзаменован в Медико-хирургической академии), доктор медицины и хирургии.
1839–1840 – в Троицком округе.
1840–1843 – в Златоустовском округе.
1844–1853 – в Пермском имении Всеволожских (Всеволодоблагодатские промыслы).

---

[1] РГИА. Ф. 37. Оп. 13. Д. 132. Л. 2об.; ОПИ ГИМ. Ф. 14. Оп. 1. Д. 894. Л. 16об.
[2] Протоколы Общества врачей. До – врач Екатеринбургского земства.
[3] ГАСО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 294. Л. 2, 33; Ф. 643. Оп. 1. Д. 749. Л. 57об.; Д. 816. Л. 13об. В 1848–1859 – вольнопрактикующий, затем городовой врач в Екатеринбурге.
[4] ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 27. Л. 11об.–12.
[5] Новокрещенных Н. Н. Указ. соч. С. 115; ГАСО. Ф. 24. Оп. 16. Д. 270.
[6] ГАКО. Ф. 496. Оп. 4. Д. 10; Д. 106. Л. 3; ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 408.
[7] Архив г. Златоуста. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 1358. Л. 44–45.
[8] ГАСО. Ф. 435. Оп. 1. Д. 121. Л. 30.

1868 – в Богословском округе (старший врач)[1].

Кротков Николай Алексеевич

Лекарь.
1856–1857 – в Бемышевском и Мешинском округах.
1884 – в Чусовском округе (Нытвенский)[2].

Крутиковский Василий

Лекарь.
1853 – в Шурминском округе[3].

Кручинин

Штаб-лекарь.
1835 – в Холунинском, затем Иштеряковском округах[4].

Крыжановский Лев Петрович

1841–1843 – в Пермском имении Лазаревых[5].

Кумберг

1889–1890 – в Нижнетагильском округе (салдинская часть)[6].

Купещиков Иван Сидорович

1836 – в Гороблагодатском округе[7].

Куприянов Н.

Выпускник Медико-хирургической академии.
1857–1862 – в Богословском округе (врач, старший врач)[8].

Кучевский Теофил Леонович (1804–?)

Выпускник Московского университета.
1847–1857 – в Екатеринбургском округе (Екатеринбургский, Каменский)[9].

Лабутин Петр Григорьевич (1784–?)

Выпускник Медико-хирургической академии, лекарь.
1810–1812 – в Екатеринбургском округе (Березовский)[10].

Лакисов Аполлон Сергеевич (1806–?)

Выпускник Медико-хирургической академии, медико-хирург.
1831–1834 – в Гороблагодатском округе (Нижнетуринский, Кушвинский).
1834–1839 – в Екатеринбургском округе (Екатеринбургский, Березовский).
1836–1837 – в Невьянском округе (в командировке с казенных заводов)[11].

---

[1] РГИА. Ф. 44. Оп. 1. Д. 534. Л. 35об.–38; ГАПК. Ф. 176. Оп. 1. Д. 698. Л. 9; ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 50. Л. 113–114; Д. 632. Л. 59об.
[2] РГАДА. Ф. 1267. Оп. 8. Д. 1708; ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 1537. Л. 84 об.
[3] РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 205. Л. 96.
[4] ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 1151. Л. 30, 69.
[5] ГАПК. Ф. 280. Оп. 1. Д. 458. Л. 16–17об.
[6] Журналы XXI очередного Верхотурского уездного земского собрания 1890 г. с докладами управы и другими приложениями. Пермь, 1891.
[7] ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 4800. Л. 319.
[8] ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 1537. Л. 191 об.; Ф. 43. Оп. 1. Д. 408. После стажировки в Медико-хирургической академии остался служить в Санкт-Петербурге.
[9] ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 632. Л. 47–47об., 116; Оп. 2. Д. 1561. Л. 32–34.
[10] ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 1839. Л. 189–190; Ф. 379. Оп. 1. Д. 27 Л. 1; Д. 67. Л. 143об.
[11] ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 2300. Л. 4; Оп. 32. Д. 4537. Л. 4об.

Ламони Федор Петрович (1796–?)

Выпускник Медико-хирургической академии, штаб-лекарь.
1820–1823 – в Пермском имении Строгановых (графская ветвь).
1824–1829 – в Верх-Исетском округе.
1829–1835 – в Пермском имении Строгановых (баронская ветвь).
1835–1839 – в Пермском имении Лазаревых.
1839–1857 – в Верх-Исетском округе[1].

Лапин Сергей Сергеевич (1816–?)

Выпускник Казанского университета.
1838–1839 – в Екатеринбургском округе (Березовский).
1848 – в Екатеринбургском округе (Каменский)[2].

Лаушкин Николай Иванович

Выпускник Медико-хирургической академии (Московское отделение), лекарь.
1842 – в Екатеринбургском округе (Березовский).
1843 – в Гороблагодатском округе[3].

Лейхтфельд Христиан Рейнгольдович (1799–1853)

Выпускник Медико-хирургической академии, доктор медицины.
1824–1850 – в Пермском имении Строгановых (графская ветвь)[4].

Логвиновский Алексей Филиппович (1766–?)

Получил медицинское образование в военных госпиталях, штаб-лекарь.
1799–1807 – в Пермском имении Всеволожских.
1807 – в Пермском имении Строгановых[5].

Лукин

1857 – в Гороблагодатском округе[6].

Люк Август Карлович

1887–1894 – в Чусовском округе[7].

Марков Василий Матвеевич (1812–?)

Выпускник Казанского университета, штаб-лекарь.
1835–1842 – в Златоустовском округе (Кусинский, Саткинский).
1842–1857 – в Билимбаевском и Шайтанском округах[8].

Махновец Петр Степанович (1839–?)

Выпускник Казанского университета, лекарь.
1868–1869 – в Холунинском округе.
1869–1870 – в Вятском округе[9].

---

[1] Черноухов Э. А. Медицинский персонал Верх-Исетского. С. 614–615; РГАДА. Ф. 1267. Оп. 8. Д. 1708.
[2] ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 2325. Л. 4об.–5.
[3] ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 2310. Л. 1–2.
[4] РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 494. Л. 1–6.
[5] ГАСО. Ф. 24. Оп. 33. Д. 19. Л. 13–13об., 55–59.
[6] ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 1537. Л. 188 об.
[7] Труды IV съезда врачей Пермской губернии. С. 404.
[8] РГИА. Ф. 44. Оп. 1. Д. 534. Л. 28об.–30; ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 280.
[9] ГАКО. Ф. 496. Оп. 4. Д. 106. Л. 9, 15–16.

Машке Иоганн [Иван Федорович]

Штаб-лекарь.
1798–1805 – в Нижнетагильских заводах[1].

Мейер Яков Андреевич (1819–?)

Выпускник Казанского университета, штаб-лекарь.
1852–1857 – в Юговском округе[2].

Мейергоф

1867 – в Екатеринбургском округе (Нижнеисетский)[3].

Миллер Фридрих [Федор] Карлович

Выпускник Казанского университета, казенный стипендиат.
1855–1857 – в Гороблагодатском округе (Кушвинский)[4].

Миславский Александр Андреевич (1828–1914)

Выпускник Казанского университета, казенный стипендиат, доктор медицины.
1851–1856 – в Богословском округе (Турьинские рудники, Богословский).
1856–1858 – в Екатеринбургском округе (Нижнеисетский).
1859–1909 – в Верх-Исетском округе[5].

Миславский Сергей Александрович (1862–?)

Выпускник Казанского университета, доктор медицины.
1888 – в Верх-Исетском округе[6].

Михайлов Константин Дмитриевич (?–1886)

1875–1886 – в Богословском округе (Турьинские рудники)[7].

Михайлов Петр Михайлович

1855 – в Лысьвенском округе.
1856–1857 – в Пермском имении Голицыных[8].

Мичерлих Карл [Федорович] (1808–?)

Выпускник Медико-хирургической академии, штаб-лекарь.
1837–1838 – в Пермском имении Голицыных.
1839 – в Лысьвенском округе (Бисертский).
1840–1843 – в Пермском имении Голицыных.
1843–1847 – в Лысьвенском округе (Крестовоздвиженский).
1856–1857 – в Сергинском округе[9].

Морозов Лаврентий Яковлевич

Выпускник Медико-хирургической академии, лекарь.
1821–1824 – в Камско-Воткинском заводе.

---

[1] Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура Нижнетагильского. С. –52.
[2] РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 205. Л. 14; ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 2398. Л. 46об.–47. В 1860-х – 1882 г. – городовой врач в Кунгуре.
[3] ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 632. Л. 62.
[4] ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 103. Л. 295. После – земский врач в Верхотурском уезде.
[5] См.: Соркин Ю. Э. Врачебная династия Миславских.
[6] Автобиография А. А. Миславского. С. XXIV.
[7] Журналы VII Верхотурского уездного земского собрания. С. 455; ГАСО. Ф. 435. Оп. 1. Д. 392. Л. 104–104об. До – на Богословском казенном.
[8] РГАДА. Ф. 1267. Оп. 8. Д. 1708; ГАСО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 1561. Л. 2об.–3.
[9] РГАДА. Ф. 1267. Оп. 8. Д. 1708; РГИА. Ф. 44. Оп. 1. Д. 534. Л. 29об.–31; ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 257. Л. 43об.; ОПИ ГИМ. Ф. 14. Оп. 1. Д. 774, 847.

1824–1826 – в Гороблагодатском округе[1].

Наумов

Лекарь.

1855 – в Кананикольском заводе[2].

Некрасов Александр Евстигнеевич

1884–1888 – в Гороблагодатском округе (Нижнетуринский)[3].

Нехведович Онуфрий [Игнатьевич] (1786–1842)

Выпускник Виленского университета.

1811–1820 – в Гороблагодатском округе (врач, медицинский инспектор).

1820–1842 – в Нижнетагильском округе[4].

Нечаев Марк Александрович (?–1841)

Выпускник Медико-хирургической академии.

1826–1832 – в Гороблагодатском округе (Кушвинский).

1826 – в Невьянском округе (в командировке от казенных заводов)[5].

Николин

1856–1857 – в Пермском имении Всеволожских (золотые промыслы)[6].

Никольская Анна Ивановна

1884–1886 – в Уфалейском округе[7].

Никольский

Штаб-лекарь.

1828–1829 – в Сысертском округе[8].

Никольский Дмитрий Петрович (1855–1918)

Выпускник Медико-хирургической академии.

1883–1889 – в Кыштымском округе[9].

Никольский Федор

1862 – в Холунинском округе[10].

Никольский Яков Яковлевич (1794–?)

Выпускник Медико-хирургической академии, штаб-лекарь.

1818–1826 – в Богословском округе[11].

---

[1] Сысоева М.В. Указ. соч. С. 31; ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 351. Л. 331об.; Оп. 33. Д. 1160. Л. 9–10. После – в Тобольской и Вятской Врачебных управах.

[2] РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 205. Л. 249.

[3] Журналы Верхотурского уездного земского собрания… за 1884–1888 гг. По совместительству служил в Верхотурском земстве.

[4] Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура Нижнетагильского. С. 55–57.

[5] Соркин Ю.Э. Не чужд был… С. 91–92. РГАДА. Ф. 1267. Оп. 8. Д. 263. Л. 63.

[6] РГАДА. Ф. 1267. Оп. 8. Д. 1708;

[7] Систематический свод постановлений Екатеринбургского уездного земского собрания. До – вольнопрактикующий в Кыштымском заводе.

[8] ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 2151. Л. 49об.

[9] Кленова Е. В., Румянцев Г. И. Д. П. Никольский – деятель отечественной гигиены труда (к 35-летию со дня смерти) // Гигиена и санитария. 1954. № 1. С. 44; ГАСО. Ф. 24. Оп. 16. Д. 190. Л. 31об.–34. До – врач Екатеринбургского уездного земства.

[10] ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 416. Л. 107.

[11] РГИА. Ф. 37. Оп. 13. Д. 132; ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 351. Л. 27.

Никонов К. В.

1843–1844 – в Пермском имении Лазаревых[1].

Носов Герасим Сергеевич

Штаб-лекарь.

1796–1801 – в Богословских заводах (Турьинские рудники)[2].

Носов Василий Герасимович

Выпускник Медико-хирургической академии, казенный стипендиат, штаб-лекарь.

1828 – в Пермском округе (Юговской).

1848 – в Екатеринбургском округе (Березовский)[3].

Обадовский Влас Анисимович (?–1817)

Получил медицинское образование в военных госпиталях, штаб-лекарь.

1803 – в Златоустовских заводах.

1804–1808 – в Преображенском заводе.

1817 – в Кананикольском заводе[4].

Окинчиц Людвиг Зигмунд [Фадеевич] (1841–1903)

Выпускник Московского университета.

1870–1887 – в Суксунском округе[5].

Окладных Михаил Киприанович

1826 – в Гороблагодатском округе (Баранчинский)[6].

Орефьев

1837 – в Бемышевском заводе[7].

Орловский Иван Кондратьевич

Лекарь.

1807–1808 – в Кагинском округе[8].

Оссовский Иероним [Герасим Михайлович] (1806–?)

Выпускник Виленского университета, штаб-лекарь.

1836–1840 – в Воскресенском округе.

1840–1842 – в Троицком округе.

1843–1846 – в Преображенском заводе.

1846–1858 – в Воскресенском округе[9].

Павлов Владимир Александрович (1811–?)

Выпускник Медико-хирургической академии, лекарь.

1846–1847 – в Кананикольском заводе.

1852–1854 – в Преображенском заводе[1].

---

[1] Новокрещенных Н. Н. Указ. соч. С. 115.

[2] ГАПК. Ф. 673. Оп. 1. Д. 6. Л. 68об. После – верхотурский уездный врач.

[3] ГАПК. Ф. 176. Оп. 1. Д. 511. Л. 8; ГАСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 1483. Л. 471.

[4] ОПИ ГИМ. Ф. 14. Оп. 1. Д. 894. Л. 16об.–17; ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 1380. Л. 31, 34об.; Оп. 33. Д. 19. Л. 69; Д. 49. Л. 52;

[5] Черноухов Э. А. Врачи-поляки. С. 150–151. По совместительству в Красноуфимском уездном земстве. После – Кунгурский городовой врач.

[6] ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 351. Л. 331об.

[7] ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 4537. Л. 2.

[8] ГАСО. Ф. 24. Оп. 33. Д. 19. Л. 68.

[9] РГИА. Ф. 44. Оп. 1. Д. 534. Л. 47об.–49; ГАОО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 9670. Л. 1; ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 280; Оп. 2. Д. 1317, 1920. До – уездный врач в Оренбургской губернии.

Палехов

1839 – в Екатеринбургском округе[2].

Паперов Александр Иванович (1781–?)

Штаб-лекарь.

1830 – в Екатеринбургском округе (Екатеринбургский)[3].

Паш Иван Иванович (1753–?)

Медицинское образование получил в военных госпиталях, штаб-лекарь.

1800–1806 – в Екатеринбургском округе (Екатеринбургский, Березовский)[4].

Пелецкий

Лекарь.

1833 – в Воскресенском округе (Богоявленский).

1835 – в Авзяно-Петровском округе.

1856 – в Преображенском заводе[5].

Пен

1857 – в Преображенском заводе[6].

Петров Николай Васильевич

Выпускник Казанского университета, казенный стипендиат, лекарь.

1878–1890 – в Златоустовском округе (старший врач, Артинский, Кусинский)[7].

Петров Петр Петрович

Штаб-лекарь.

1832–1837 – в Пермском имении Всеволожских[8].

Пипер Александр (?–1855)

1855 – в Сысертском округе[9].

Питерский Лев Дмитриевич (1807–?)

Выпускник Казанского университета, штаб-лекарь.

1833–1835 – в Богословском округе.

1835–1848 – в Пермском округе (Мотовилихинский, Юговской).

1848 – в Екатеринбургском округе (Березовский).

1858–1860 – в Пермском округ (Мотовилихинский)[10].

Плавский Константин

Выпускник Виленского университета, штаб-лекарь.

1837 – в Мешинском округе.

---

[1] РГАДА. Ф. 1267. Оп. 8. Д. 1708; РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 205. Л. 26, 179; Ф. 44. Оп. 1. Д. 534. Л. 47об.–49.

[2] ГАСО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 1565. Л. 8об.

[3] ГАСО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 59. Л. 51об.

[4] Тулисов Е. С. Указ. соч. С. 214–215; ГАПК. Ф. 673. Оп. 1. Д. 8. Л. 47.

[5] ГАПК. Ф. 176. Оп. 1. Д. 511. Л. 82; ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 2715. Л. 67об.

[6] ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 1537. Л. 71 об.

[7] ГАСО. Ф. 24. Оп. 16. Д. 154. Л. 40; Ф. 43. Оп. 1. Д. 103. Л. 765; Д. 1015. Л. 152–152об. Архив г. Златоуста. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 3370. Л. 90–91.

[8] ГАПК. Ф. 176. Оп. 1. Д. 511. Л. 69–72; ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 1151. Л. 56–57. До – оханский уездный врач.

[9] РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 205. Л. 5–5об.

[10] ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 2325. Л. 5об.–7; Оп. 32. Д. 1537. Л. 185 об.

1842 – в Верх-Исетском округе (сылвинская часть), по совместительству в Шайтанском и Билимбаевском округах[1].

Плесогорский Парфентий Яковлевич (1807–?)

Выпускник Московского университета, лекарь.
1842–1844 – в Гороблагодатском округе (Серебрянский).
1844–1846 – в Екатеринбургском округе (Березовский).
1846 – в Пермском округе (Юговской).
1846–1847 – в Омутинском округе[2].

Подановский Иван Иванович (1802–?)

Выпускник Медико-хирургической академии (Московское отделение), доктор медицины.
1827–1848 – в Богословском округе (врач, медицинский инспектор, старший врач).
1848–1855 – в Златоустовском округе (старший врач)[3].

Покровский Василий Степанович

Штаб-лекарь.
1821–1828 – в Пермском округе.
1828–1831 – в Пермском имении Всеволожских.
1843 – в Юговском округе[4].

Поленов В. К.

В 1895 – в Нижнетагильском округе (салдинская часть)[5].

Пономарев Василий Васильевич

1880–1889 – в Ревдинском и Шайтанском округах[6].

Понятовский Козьма Лукич

Выпускник Медико-хирургической академии, казенный стипендиат.
1840–1847 – в Златоустовском округе (Кусинский, Миасский)[7].

Попков

Штаб-лекарь.
В 1832–1837 – в Алапаевском округе[8].

Поступальский Ларион Алексеевич

Медицинское образование получил в Киевской академии и военных госпиталях, штаб-лекарь.
1797–1815 – в Пермском имении А. С. Строганова, Верх-Исетском и Невьянском округах[9].

---

[1] ГАОО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 9670. Л. 1; ГАСО. 24. Оп. 32. Д. 4573. Л. 2об.; Ф. 72. Оп. 1. Д. 2701. Л. 1–2, 6, 16. Между эими датами – уездный врач в Оренбургской губернии.
[2] РГИА. Ф. 44. Оп. 1. Д. 534. Л. 50об.–52.
[3] РГИА. Ф. 44. Оп. 1. Д. 831. Л. 46об.–49.
[4] ГАПК. Ф. 176. Оп. 1. Д. 511. Л. 8, 53; ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 2445. Л. 23.
[5] Журналы XXVI Верхотурского уездного земского собрания. С. 765.
[6] Журналы XI Екатеринбургского уездного земского собрания. С. 273; ГАСО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 23. Л. 35.
[7] ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 147. В 1849 г. уволен с горной службы по решению военного суда.
[8] ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 4537. Л. 4об.
[9] ГАПК. Ф. 673. Оп. 1. Д. 5. Л. 66–66об.; ГАСО. Ф. 24. Оп. 33. Д. 19. Л. 10; Д. 266. Л. 3–10об.; Д. 1815. Л. 4–5. До – врач на казенных заводах Урала (1784–1797).

Протасов Иван Васильевич (1768–1805)

Штаб-лекарь.
1803 – на Мотовилихинском заводе (по совместительству)[1].

Раленбек Н. Д.

Выпускник Медико-хирургической академии, казенный стипендиат.
1874 – в Пермском округе[2].

Рейнгард Федор Христианович

1842 – в Воскресенском округе (Верхоторский).
1855 – в Богословском округе (Турьинские рудники).
1857–1858 – в Ревдинском округе.
1864 – в Шурминском округе[3].

Решетников Козьма Тимофеевич (1736–?)

Медицинское образование получил при горных госпиталях, лекарь.
1798–1812 – в Екатеринбургском округе (Березовский, Екатеринбургский, Каменский)[4].

Риттер Рейнгольд Рейнгольдович (1830–?)

Выпускник Дерптского университета, лекарь.
1853–1857 – в Сысертском округе[5].

Рогаля-Левицкий

Штаб-лекарь.
1835 – в Воскресенском округе (Верхоторский)[6].

Родоросскамский М. К.

Выпускник Медико-хирургической академии, штаб-лекарь.
1816–1825 – в Камско-Воткинском округе[7].

Рознотовский

В 1837 – в Пермском имении Строгановых (баронская ветвь)[8].

Романов

Штаб-лекарь.
1849 – в Камско-Воткинском округе.
1849–1860 – в Гороблагодатском округе (Кушвинский).
1860 – в Кананикольском заводе[9].

---

[1] Селезнева В. Т. Штаб-лекарь И. В. Протасов. Пермь, 1962.
[2] ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 862. Л. 12. После – городовой врач в Кунгуре.
[3] РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 1325. Л. 19; ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 2445. Л. 53; Д. 2530. Л. 10об.; Ф. 43. Оп. 2. Д. 1561. Л. 45. В 1855 – на казенных заводах Урала.
[4] Тулисов Е. С. Указ. соч. С. 214–215; ГАПК. Ф. 673. Оп. 1. Д. 7. Л. 91–92; ГАСО. Ф. 379. Оп. 1. Д. 67. Л. 143 об.
[5] РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 205. Л. 77, 123–126; ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 1537. Л. 111 об.
[6] ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 1151. Л. 68.
[7] ГАСО. Ф. 24. Оп. 33. Д. 1213. Л. 6–7, 13–14. В 1823 был временно переведен в Богословский округ.
[8] ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 4537. Л. 3об.
[9] ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 2715. Л. 173.

Романовский Данила Константинович (1760–?)

Медицинское образование получил в Киевской академии и военных госпиталях, штаб-лекарь.

1806–1811 – в Златоустовских и Юговских заводах Кнауфа, по совместительству – на Миасском казенном.

1811–1829 – в Златоустовском округе[1].

Рудановский Петр Васильевич (1829–1888)

Выпускник Казанского университета, казенный стипендиат, доктор медицины.

1853–1855 – в Гороблагодатском округе (Верхнетуринский, Кушвинский)

1855–1859 – в Екатеринбургском округе (Каменский).

1859–1888 – в Нижнетагильском округе (старший врач)[2].

Рунин М. Ф.

Выпускник Казанского университета, казенный стипендиат.

1856–1868 – в Гороблагодатском округе (Кушвинский, Серебрянский).

1868–1873 – в Богословском округе (старший врач)[3].

Рязанов Иван Иванович

1867, 1871–1874 – в Златоустовском округе (Артинский)[4].

Селиванов Николай Гаврилович

Выпускник Казанского университета, штаб-лекарь.

1833–1841 – в Богословском округе.

1841–1847 – в Пермском имении Голицыных[5].

Серебренников Павел Николаевич (1840–1917)

Выпускник Медико-хирургической академии, стипендиат Пермского губернского земства, доктор медицины.

1880 – в Нижнетагильском округе (салдинская часть)[6].

Серебренникова Евгения Павловна (1854–1897)

1880 – в Нижнетагильском округе (салдинская часть)[7].

Скворцов Павел Алексеевич (1781–?)

Выпускник Медико-хирургической академии, лекарь.

1835–1837 – в Гороблагодатском округе (Нижнетуринский).

1840 – в Екатеринбургском округе (Березовский)[8].

---

[1] Архив г. Златоуста. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 287. Л. 11–12об.; ГАСО. Ф. 24. Оп. 33. Д. 19. Л. 4–5; Д. 49. Л. 22–23; Д. 245. Л. 11–12; Ф. 43. Оп. 2. Д. 1626. Л. 25.

[2] Клат С. А., Шкерин В. А. Петр Васильевич Рудановский // Нижний Тагил в лицах. Общественные деятели Тагила XIX – начала XX веков. Нижний Тагил, 1998. С. 31–43; Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура Нижнетагильского. С. 137–138, 146.

[3] ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 103. Л. 417–418; Д. 408; Д. 632. Л. 35. В 1871–1873 – по совместительству в Верхотурском земстве.

[4] ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 103. Л. 685. В 1867–1871 – на частных заводах Урала. После – в Камышлове: уездным, городовым и земским врачом.

[5] РГИА. Ф. 44. Оп. 1. Д. 534. Л. 21об.–23; ОПИ ГИМ. Ф. 14. Оп. 1. Д. 700. Л. 143–156.

[6] Кашихин Л. С. «Дедушка пермского прогресса». Доктор П. Н. Серебренников // Подвижники культуры Серебренниковы. Пермь, 1991.

[7] Бабушкин В. С. Врач Е. П. Серебренникова. Пермь, 1957. С. 21.

[8] ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 2291. Л. 1–3.

Слободский

Лекарь.
1835–1836 – в Суксунском округе[1].

Смирнов

Выпускник Медико-хирургической академии, лекарь.
1816–1817 – в Гороблагодатском округе[2].

Смирнов

1857 – в Екатеринбургском округе[3].

Соколов Николай Иванович (1807–?)

Выпускник Казанского университета, лекарь.
1843–1847 – в Троицком округе.
1847–1855 – в Златоустовском округе (Миасский).
1856 – в Белорецком округе[4].

Соколов Павел Васильевич

Выпускник Казанского университета, казенный стипендиат.
1856–1860 – в Богословском округе (Турьинские рудники).
1872–1878 – в Гороблагодатском округе (врач, старший врач)[5].

Соколов Петр Петрович (1813–?)

Выпускник Медико-хирургической академии (Московское отделение), штаб-лекарь.
1840–1842 – в Преображенском заводе.
1842–1845 – в Кананикольском заводе.
1845–1847 – в Симском округе.
1857 – в Белорецком округе[6].

Соколовский Фелициан Людвиг [Феликс Игнатьевич]

Лекарь.
1853–1857 – в Нижнетагильском округе[7].

Соловьев Д. А.

1882–1895 – в Гороблагодатском округе (врач, старший врач)[8].

Соловьев Дмитрий Васильевич

1881–1890 – в Златоустовском округе (врач, старший врач)[9].

Солодовников Александр Павлович

1884–1887 – в Сергинском округе[10].

---

[1] ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 7257. Л. 10–11; Оп. 32. Д. 1151. Л. 56–57.
[2] ГАСО. Ф. 24. Оп. 33. Д. 753. Л. 8–8об., 20.
[3] ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 1537. Л. 182 об.
[4] РГАДА. Ф. 1267. Оп. 8. Д. 1708; РГИА. Ф. 44. Оп. 1. Д. 534. Л. 48об.–51; ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 147. Л. 67–68.
[5] ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 103. Л. 417–418. Одновременно с 1876 г. – врач Верхотурского земства. После – екатеринбургский уездный, затем вольнопрактикующий врач.
[6] РГИА. Ф. 44. Оп. 1. Д. 534. Л. 26об.–29; ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 1537. Л. 11 об.
[7] Черноухов Э. А. Врачи-поляки. С. 150.
[8] ГАСО. Ф. 24. Оп. 16. Д. 498. Л. 21–23об. В 1882–1892 гг. – по совместительству врач Кунгурского уездного земства.
[9] Архив г. Златоуста. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 3370. Л. 110об–111.
[10] Труды IV съезда врачей Пермской губернии. С. 403.

Сорокин Петр

Выпускник Казанского университета, казенный стипендиат.
1859–1863 – в Екатеринбургском округе (Нижнеисетский)[1].

Сосфенов Михаил Иванович

1872–1879 – в Нижнетагильском округе (салдинская часть)[2].

Спасский Ираклий Александрович (1850–1910)

Выпускник Медико-хирургической академии, доктор медицины.
1884–1910 – в Воткинском и Ижевском заводах[3].

Стратилатов

1837 – в Ревдинском округе[4].

Страхов Дмитрий П. (1830–?)

Выпускник Московского университета.
1863–1877 – в Камско-Воткинском округе[5].

Страховский Федор А.

Штаб-лекарь.
1804–1808 – в Гороблагодатских округе[6].

Стржалковский Михаил Андреевич (1796–?)

Выпускник Виленского университета, штаб-лекарь.
1832–1843 – в Сергинском округе.
1843–1857 – в Златоустовском округе (Артинский, Златоустовский, старший врач)[7].

Тарасов

Медико-хирург.
1837 – в Кыштымском округе[8].

Тарони

Лекарь.
1835 – в Симском округе.
1856–1857 – в Воскресенском округе (Богоявленский)[9].

Тенеков Алексей Федорович

Выпускник Медико-хирургической академии.
1823–1826 – в Богословском округе[10].

Теплов Михаил Яковлевич

Выпускник Казанского университета, казенный стипендиат.

---

[1] ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 103. Л. 526; Д. 408.
[2] ГАСО. Ф. 435. Оп. 1. Д. 94. Л. 11об.; Д. 121. Л. 18; Ф. 643. Оп. 1. Д. 1826. Л. 124. До 1872 г. – в Невьянском округе.
[3] Спасский И. А. Опыт изучения влияния некоторых работ ижевских оружейников на их здоровье и физическое развитие. СПб., 1888. ЦГАУР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9514. Л. 92–93. До – земский врач в Сарапульском уезде Вятской губернии.
[4] ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 4537. Л. 2об.
[5] ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 919. Л. 16; ЦГАУР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 8709.
[6] ГАПК. Ф. 673. Оп. 1. Д. 7. Л. 128; ГАСО. Ф. 24. Оп. 33. Д. 49. Л. 1.
[7] Черноухов Э. А. Врачи-поляки. С. 150. До – на Илецких соляных промыслах.
[8] ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 4537. Л. 5.
[9] РГАДА. Ф. 1267. Оп. 8. Д. 1708; ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 1151. Л. 29–29об.
[10] РГИА. Ф. 37. Оп. 13. Д. 132; ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 351. Л. 25.

1859–1866 – в Богословском (Турьинские рудники) и Екатеринбургском округах (Каменский)[1].

Тизенгаузен Сигизмунд (1788–?)

Лекарь.

1818–1829 – в Златоустовском округе (Артинский)[2].

Тиме Карл Август [Август Иванович] (1794–1869)

Выпускник Лейпцигского университета, доктор медицины.

1828–1848 – в Златоустовском округе (врач, медицинский инспектор).

1848–1869 – медицинский инспектор уральских заводов[3].

Тимофеев Алексей Иванович (1816–?)

Выпускник Медико-хирургической академии (Московское отделение), штаб-лекарь.

1836–1840 – в Гороблагодатском округе (Баранчинский).

1842–1845 – в Екатеринбургском округе (Екатеринбургский)[4].

Тихановский Иван

Штаб-лекарь.

1819–1839 – в Гороблагодатском округе (Нижнетуринский)[5].

Толкач Максимилиан

1857–1863 – в Гороблагодатском округе (Кушвинский, Баранчинский)[6].

Торопов Степан Федорович

Штаб-лекарь.

1837–1838 – в Пермском имении Голицыных[7].

Травин Александр Никифорович (1814–1864)

Выпускник Медико-хирургической академии (Московское отделение), лекарь.

1844–1847 – в Воскресенском округе (Богоявленский).

1848–1852 – в Невьянском округе.

1852 – в Пермском имении Всеволожских.

1852–1858 – в Невьянском округе.

1859–1862 – в Пермском имении Всеволожских (золотые промыслы).

1863–1864 – в Нижнетагильском округе (уткинская часть)[8].

Трейер Давид

Обучался в иностранных университетах, штаб-лекарь.

1824–1828 – в Златоустовском округе (оружейная фабрика)[9].

---

[1] ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 103. Л. 560–563; Д. 486. Л. 178, 183.

[2] ГАСО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 1626. Л. 23; АГЗ. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 287. Л. 7–7об.

[3] ГАСО. Ф. 43. Оп.1. Д. 527. Л. 242.

[4] ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 2309. Л. 1–3. В 1840–1842 гг. – в командировке на частных заводах.

[5] Пермские епархиальные ведомости. 1871. Отд. неоф. С. 372; ГАСО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 1565. Л. 9.

[6] ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 1537. Л. 188 об.; Ф. 43. Оп. 1. Д. 832.

[7] РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 1108. Л. 66–69; ОПИ ГИМ. Ф. 14. Оп. 1. Д. 700. Л. 132–135; ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 4537. Л. 2. До – в военных госпиталях.

[8] РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 205. Л. 18; Ф. 44; Оп. 1. Д. 534. Л. 39об.–41; ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 2530. Л. 1, 12, 15, 19; Ф. 43. Оп 1. Д. 280. Л. 12.

[9] ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 6633. Л. 297–301.

Трунов

1857–1865 – в Гороблагодатском округе (Баранчинский, Нижнетуринский, Верхнетуринский, Кушвинский)[1].

Туржанский Виктор Андреевич

Доктор медицины.

1875–1889 – в Екатеринбургском округе (врач, старший врач)[2].

Тучемский Сильвестр Федорович (1792–1868)

Выпускник Медико-хирургической академии, доктор медицины и хирургии.

1823–1826 – в Гороблагодатском округе.

1826–1868 – в Камско-Воткинском округе[3].

Успенский Сергей Григорьевич

Лекарь.

1849–1855 – на уральских частных заводах (в 1853 – Алапаевских).

1855–1863 – в Пермском имении Строгановых (усольская часть).

1863 – в Пермском имении Строгановых (ильинская часть)[4].

Успенский Тихон Феофилактович (1803–?)

Выпускник Медико-хирургической академии (Московское отделение), доктор медицины.

1825–1833 – в Екатеринбургском округе (Екатеринбургский).

1833–1837 – в Ревдинском округе.

1837–1838 – в Шайтанском округе.

1838–1839 – в Екатеринбургском округе (Екатеринбургский, Березовский).

1839–1844 – в Гороблагодатском округе (медицинский инспектор).

1844–1847 – в Кагинском округе[5].

Устинов Петр Кириллович (1803–?)

Выпускник Медико-хирургической академии, казенный стипендиат, штаб-лекарь.

1828–1839 – в Екатеринбургском округе (Березовский, Екатеринбургский, с 1834 – медицинский инспектор)[6].

Фелькнер Август Фридрих [Федорович] (1760–?)

Выпускник Страсбургского университета, доктор медицины.

1798–1804 – доктор Екатеринбургских горных заводов.

1809–1815 – в Екатеринбургском округе (инспектор по медицинской части)[7].

---

[1] ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 1537. Л. 188 об.; Ф. 25. Оп. 1. Д. 548. Л. 8; Ф. 43. Оп. 1. Д. 408.

[2] ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 919. Л. 1–2.

[3] Соркин Ю. Э. Врачебная династия Миславских. С. 23–25.

[4] РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 205. Л. 208; Д. 1325. Л. 15; ГАСО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 1561. Л. 24–24об.

[5] Селезнева В. Т. Очерки по истории здравоохранения. С. 141; РГИА. Ф. 44. Оп. 1. Д. 534. Л. 2об.–7; ГАСО. Ф. 24. Оп. 33. Д. 1423. Л. 1–2. Одновременно в 1825–1833 – екатеринбургский уездный врач.

[6] Старков В. И. Указ. соч. С. 83–84; ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 27. Л. 5об.–7; Ф. 43. Оп. 2. Д. 1565. Л. 3–4. После – городовой врач в Екатеринбурге.

[7] Тулисов Е. С. Указ. соч. С. 222–223; ГАПК. Ф. 673. Оп. 1. Д. 7. Л. 156. ГАСО. Ф. 379. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–3; Д. 67. Л. 143 об. С 1804 г. – екатеринбургский уездный врач. Должность инспектора по медицинской части занимал по совместительству.

Фролов Яков (?–1868)

Выпускник Казанского университета, казенный стипендиат.
1856–1862 – в Гороблагодатском округе.
1862–1868 – в Богословском округе (старший врач)[1].

Ходорович Леопольд [Иванович] (1794–?)

Выпускник Виленского университета, штаб-лекарь.
1821–1839 – в Гороблагодатском округе (врач, инспектор по медицинской части).
1839–1847 – в Екатеринбургском округе (инспектор по медицинской части, старший врач)[2].

Циммерман

Выпускник Медико-хирургической академии.
1857–1862 – в Пермском округе (старший врач)[3].

Чайковский Никита Михайлович (1770–?)

Выпускник Медико-хирургической академии (Московское отделение), штаб-лекарь.
1814–1834 – в Екатеринбургском округе (Березовский, Каменский)[4].

Чеботарев Василий Степанович (1803–?)

Выпускник Харьковского университета, штаб-лекарь.
1827–1835 – в Пермском имении Лазаревых.
1836–1847, 1864 – в Архангельском заводе[5].

Чепурский

Лекарь.
1835–1837 – в Холунинском округе[6].

Чеушинский Виталий Александрович (1811–?)

Выпускник Медико-хирургической академии (Московское отделение), лекарь.
1839–1840 – в Екатеринбургском округе (Березовский).
1840–1847 – в Белорецком округе.
1856–1857 – в Авзяно-Петровском и Кагинском округах[7].

Шерганд Иаким Богданович

Лекарь.
1853 – в Кагинском округе.
1856–1858 – в Холунинском округе[8].

Шикун Константин Григорьевич

1877–1880, 1890–1897 – в Пермском имении С. А. Строганова.
1883–1884 – в Пожевском округе[1].

---

[1] ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 103. Л. 378; Д. 632. Л. 59.
[2] Черноухов Э. А. Врачи-поляки. С. 149–150.
[3] ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 408.
[4] ГАСО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 59. Л. 225–229. До – лекарь Екатеринбургского полка.
[5] РГИА. Ф. 44. Оп. 1. Д. 534. Л. 19об.–22; ГАПК. Ф. 280. Оп. 1. Д. 422. Л. 60–63; Д. 457; Д. 458. Л. 1–4об.; Д. 767. Л. 17; ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 7257. Л. 50–82; Оп. 32. Д. 2530. Л. 12. В 1835–1836 – в резерве Уральского горного правления.
[6] ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 1151. Л. 33–34; Д. 4537. Л. 2.
[7] РГАДА. Ф. 1267. Оп. 8. Д. 1708; РГИА. Ф. 44. Оп. 1. Д. 534. Л. 44об.–46.
[8] РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 205. Л. 44; Д. 1325.Л. 19.

Шитов Сергей Поликарпович

1889 – в Невьянском округе[2].

Шкляев Николай Николаевич

1882–1902 – в Холунинском округе[3].

Шмидт К. Г.

1798–1804 – в Пермском имении Лазаревых[4].

Шмитц Александр Эдуардович (1828–?)

Выпускник Казанского университета, казенный стипендиат, лекарь.

1853–1867 – в Златоустовском округе (Златоустовский, Кусинский, Миасский, Саткинский).

1884–1887 – в Пермском округе (Юговской)[5].

Шмонин Степан Федорович (1810–?)

Выпускник Казанского университета.

1836–1844 – в Нижнетагильском округе.

1844–1852 – в Невьянском округе[6].

Шпаковский Владимир Иванович

Штаб-лекарь.

1804–1813 – на Дедюхинских соляных промыслах и в Пермском округе (Пыскорский).

1822 – в Пермском округе.

1823–1826 – в Гороблагодатском округе (Кушвинский)[7].

Шрам Альберт Эрнестович (1850–1883)

Выпускник Московского университета.

1873–1883 – в Пермском имении Лазаревых[8].

Штремберг Христиан Фридолинович

Доктор медицины.

1878–1884 – в Камско-Воткинском округе (старший врач)[9].

Шулер Егор Иванович (1817–?)

Выпускник Казанского университета, лекарь.

1842–1844 – в Таишевском округе.

1844–1855 – в Катав-Ивановском округе[10].

Щербаков Александр Петрович (1834–1869)

1869 – в Суксунском округе[11].

---

[1] ГАСО. Ф. 24. Оп. 16. Д. 270. Л. 21–23об. В 1880–1883 – земский врач Пермского уезда.

[2] ГАСО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 23. Л. 35.

[3] Порошин И. В. Заводовладельцы Поклевские-Козелл. С. 187.

[4] Новокрещенных Н. Н. Указ. соч. С. 107, 109, 114. Не смог получить свидетельство на право ведения медицинской практики в России.

[5] ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 103. Л. 1, 176, 281, 685.

[6] РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 205. Л. 5; Ф. 44. Оп. 1. Д. 534.

[7] ГАПК. Ф. 673. Оп. 1. Д. 7. Л. 62; ГАСО. Ф. 24. Оп. 33. Д. 1159. Л. 1–2; Д. 1213. Л. 10.

[8] ГАСО. Ф. 24. Оп. 16. Д. 190. Л. 7–10.

[9] ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 919. Л. 67; ЦГАУР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9514. Л. 57. После – городовой врач в Лифляндии.

[10] РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 205. Л. 5, 297; Ф. 44. Оп. 1. Д. 534. Л. 45об.–47.

[11] Материалы Мизеровских чтений. Екатеринбург, 2011. С. 43.

Эверсман Эдуард Александрович (1794–1860)

Доктор медицины.
1816–1820 – в Златоустовском округе[1].

Эйгер Федор

Выпускник Казанского университета, лекарь.
1853–1857 – в Пермском имении Всеволожских[2].

Эссенгаузен Петр

Штаб-лекарь.
1804 – в Гороблагодатских заводах[3].

Юрцевич Госкор Игнатьевич

Выпускник Медико-хирургической академии, лекарь.
1853–1854 – в Кыштымском округе[4].

Яковлев Николай Гаврилович

Выпускник Казанского университета, казенный стипендиат.
1854 – в Златоустовском округе (Златоустовский)[5].

Янчуковский Феодосий Федорович (1794–?)

Выпускник Медико-хирургической академии, штаб-лекарь.
1839–1843 – в Пермском округе (Юговской).
1843–1844 – в Кагинском округе.
1845–1852 – в Бемышевском округе[6].

Яруцкий

Штаб-лекарь.
1802 – в Пермских казенных заводах (Пыскорский).
1804 – в Гороблагодатских заводах (Кушвинский).
1804–1808 – в Пермском округе[7].

---

[1] Ермакова О. К. Александр и Эдуард Эверсманы: немцы на службе в России (1811–1860 гг.) // Личность в истории: теоретико-методологические и методические аспекты. Екатеринбург, 2011. Ч. 2. С. 35.
[2] РГАДА. Ф. 1267. Оп. 8. Д. 1708; РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 205. Л. 88.
[3] РГИА. Ф. 1297. Оп. 1. Д. 11. Л. 154.
[4] РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 205. Л. 131.
[5] ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 103. Л. 281.
[6] РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 205. Л. 38; Ф. 44. Оп. 1. Д. 534. Л. 14об.–17.
[7] ГАПК. Ф. 673. Оп. 1. Д. 7. Л. 238; ГАСО. Ф. 24. Оп. 33. Д. 49.

Приложение № 18

Сводный список аптекарей, служивших на горных заводах Урала в XIX в.

Ауэрбах Павел Яковлевич

Провизор[1].
1822–1845 – в Верх-Исетской[2].

Бервальд (?–1828)

Провизор.
1828 – в Златоустовской[3].

Баяновский

Гезель.
1857 – в Пермской казенной[4].

Бояновский Карл Карлович

Провизор.
1825–1856 – в Камско-Воткинской[5].

Ватеркамф

Гезель.
1846 – в Миасской[6].

Вишневский Феликс

Провизор.
1855–1862 – в Нижнетагильской[7].

Гельм Густав [Федорович] (1781–?)

Провизор.
1820–1839 – в Екатеринбургской[8].

Гельм Павел Густович

Провизор.
1857 – в Богословской[9].

Гельмих В. А.

Провизор.
1858 – в Верх-Исетской[10].

Ганевинкель Густав Август [Осипович][11] (1801–?)

Провизор.
1830–1837 – в Нижнетагильской[1].

---

[1] В установленной в 1838 г. системе аптекарских званий степень провизор была второй, а «помощник аптекаря» или «гезель» – третьей ступенью. Высшей был аптекарь.
[2] РГИА. Ф. 44. Оп. 1. Д. 534. Л. 55об.–56; ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 1356. Л. 96, 108, 111–115.
[3] ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 6633. Л. 260.
[4] ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 1537. Л. 185 об.
[5] Сысоева М. В. Указ. соч. С. 30; ЦГАУР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 3253, 6410.
[6] Архив г. Златоуста. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 1358. Л. 8.
[7] Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура Нижнетагильского. С. 70–71.
[8] Диффузия технологий. С. 266; ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 27. Л. 1–4об.
[9] ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 1537. Л. 191 об.
[10] ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 3675. Л. 2.
[11] В квадратных скобках указаны утвердившиеся в практике русифицированные варианты имени и(или) отчества.

Дрейер З. (?–1801)

1801 – в Екатеринбургской[2].

Зоргевиц Федор

Провизор.
1850–1858 – в Верх-Исетской[3].

Исполитов Авраам Яковлевич (1775–?)

Гезель.
1801–1805 – в Екатеринбургской (помощник аптекаря)[4].

Кестер Василий Федорович

1855–1870 – в Екатеринбургской[5].

Крюгер

1851 – в Нижнетагильской[6].

Ландезен Эдуард Богданович

Провизор.
1826 – в Кушвинской[7].

Ламони Николай Петрович (1803–?)

Провизор.
1830–1832 –в Екатеринбургской (помощник аптекаря).
1837 – в Кыштымской[8].

Линдер

Провизор.
1880 – в Кушвинской[9].

Маркус Михаил Иванович

1880–1890 – в Златоустовской[10].

Миллер

Провизор.
1838–1840 – в Богословской[11].

Петер Нафанаил Федорович

Провизор.
1882–1885 – в Камско-Воткинской[12].

Поль Даниил Иванович (1807–?)

Провизор.
1845–1857 – в Златоустовской[1].

---

[1] РГАДА. Ф. 1267. Оп. 8. Д. 114. Л. 171; РГИА. Ф. 44, Оп. 1. Д. 534. Л. 54об.–56; ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 749. Л. 57об.
[2] ГАПК. Ф. 673. Оп. 1. Д. 5. Л. 60.
[3] ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 1356. Л. 118–120.
[4] ГАПК. Ф. 673. Оп. 1. Д. 7. Л. 106–106об.
[5] ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1960. Л. 33.
[6] ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 1012. Л. 43.
[7] ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 351. Л. 331об.
[8] ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 4537. Л. 5; Ф. 40. Оп. 1. Д. 59. Л. 95об.–96.
[9] ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 1015. Л. 8–9.
[10] Архив г. Златоуста. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 3370. Л. 112.
[11] ГАСО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 6. Л. 2.
[12] ЦГАУР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9556.

Раутенберг Богдан Иванович

Провизор.
1855 – в Пожевской[2].

Румбаум Христофор Васильевич (1818–?)

Провизор.
1845–1850 – в Верх-Исетской[3].

Рейнке Теодор Максимович (1809–?)

Провизор.
1836–1837, 1841–1848 – в Екатеринбургской.
1837–1841 – в Невьянской[4].

Стерлин Егор Иванович

1840 – в Верх-Исетской[5].

Томсон Христофор Иванович (1771–?)

Провизор.
1801–1805 – в Екатеринбургской[6].

Фохт

Провизор.
1857 – в Гороблагодатской[7].

---

[1] РГИА. Ф. 44. Оп. 1. Д. 831. Л. 51об.–56; ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 1537. Л. 196 об.
[2] ГАСО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 1561. Л. 40–40об.
[3] РГИА. Ф. 44. Оп. 1. Д. 534. Л. 55об.–56; ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 1356. Л. 96, 108, 111–115.
[4] ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 2325. Л. 1–3.
[5] ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 1356. Л. 108.
[6] ГАПК. Ф. 673. Оп. 1. Д. 7. Л. 106–106об.
[7] ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 1537. Л. 187об.

Приложение № 19

Сводный список гражданских учителей, преподававших в училищах при частных горных заводах Урала в XIX в.

Аноев Александр Федорович

Выпускник Московского коммерческого училища.
1824–1825 – в Выйском[1].

Беспалов Н. Н.

Выпускник Пожевского училища, экзаменованный в Пермской гимназии.
1847 – в Пожевском[2].

Григорьев Александр Васильевич

1865–1875 – в Нижнетагильском реальном[3].

Гураховский Василий

1823–1827 – в Верх-Исетском[4].

Десятов Григорий Иванович

Выпускник Чёрмозского училища.
1834–1835 – в Чёрмозском[5].

Ерофеев Алексей Петрович (1813–?)

Выпускник Фрейбургской горной академии.
1836–1856 – в Выйском[6].

Ибрагимов Лев Николаевич (1817–1874)

Выпускник Казанского университета.
1843–1850 – в Выйском[7].

Иванов Павел Иванович

Выпускник Гатчинского сиротского института.
1844–1847 – в Пожевском[8].

Ивановский Семен Иванович (1807–?)

Выпускник Казанской семинарии.
1836–1846 – в Верх-Исетском[9].

Иванцов Данила Самсонович (?–1824)

Выпускник Чёрмозского училища.
1815–1824 – в Чёрмозском[10].

Кетов Ельпидифор Константинович (1848–?)

Выпускник Чёрмозского училища, сдавший экзамены в Пермской гимназии.
1864– в Чёрмозском[1].

---

[1] Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура Нижнетагильского. С. 107.
[2] Прокошев В. В. Первые школы Коми-Пермяцкого. С. 19.
[3] Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура Нижнетагильского. С. 152.
[4] Черноухов Э. А. Учебные заведения Верх-Исетского. С. 112.
[5] Калинина Т. А. Развитие образования. С. 102–103.
[6] Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура Нижнетагильского. С. 112.
[7] Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура Нижнетагильского. С. 111. В 1836–1850 гг. преподавал в училище по совместительству. С 1850 г. был его смотрителем.
[8] ГАПК. Ф. 176. Оп. 1. Д. 677. Л. 2–3; Д. 692. Л. 50.
[9] Черноухов Э. А. Учебные заведения Верх-Исетского. С. 114; ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 2810, 2849.
[10] Калинина Т. А. Развитие образования. С. 99–100.

Кетов Константин Антонович (1819–1866)

Выпускник Чёрмозского училища, сдавший экзамены в Пермской гимназии.
1835–1866 – в Чёрмозском[2].

Кирпищиков Михаил Алексеевич (1830–?)

Выпускник Чёрмозского училища, сдавший экзамены в Пермской гимназии.
1848–1864 – в Чёрмозском[3].

Лоцманов Андрей Васильевич (1807–?)

Получил домашнее образование.
1823–1827 – в Верх-Исетском[4].

Малков Иван Д. (1801-?)

1838–1847 – в Нытвенском[5].

Мальцев (Мальцов[6]) Михаил Тимофеевич (1814–?)

Выпускник Чёрмозского училища, сдавший экзамены в Пермской гимназии.
1838–1867 – в Чёрмозском[7].

Машанов Ипполит Андреевич

1861–1862 – в Верх-Исетском[8].

Медведев Александр

Выпускник Верх-Исетского заводского училища.
1827–1830 – в Верх-Исетском[9].

Миронов Егор Васильевич (1803–?)

Выпускник Казанской гимназии.
1833–1843– в Выйском[10].

Мичурин Михаил

Выпускник Чёрмозского училища.
1829–1834 – в Чёрмозском[11].

Мосцепанов Евлампий Максимович (1780–?)

Выпускник Санкт-Петербургского кадетского корпуса.
1820–1821 – в Выйском[12].

---

[1] Журналы VIII очередного Соликамского уездного земского собрания. Пермь, 1878. С. 252–253.
[2] Черноухов Э. А. Чермозское заводское. С. 345.
[3] Калинина Т. А. Развитие образования. С. 171; Черноухов Э.А. Чермозское заводское. С. 345. Переехал в Пермь.
[4] Черноухов Э. А. Какой «свободы». С. 417–418. Сдан в рекруты.
[5] ОПИ ГИМ. Ф. 14. Оп. 1. Д. 524. Л. 31об.; Д. 700. Л. 1.
[6] В круглых скобках после фамилии или имени указаны варианты их написания в источниках.
[7] Черноухов Э. А. Чермозское заводское. С. 345; ГАПК. Ф. 280. Оп. 1. Д. 1491. Л. 88–88об. В 1856–1858 гг. служил ревизором в Главной конторе имения, в 1858 г. получил вольную.
[8] ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 5795. Л. 6.
[9] Черноухов Э. А. Учебные заведения Верх-Исетского. С. 112–113; ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 2450.
[10] Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура Нижнетагильского. С. 110–111.
[11] Калинина Т. А. Развитие образования. С. 101–102.
[12] Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура Нижнетагильского. С. 103–105. Осужден, затем выслан из Пермской губернии.

Никитин Роман Никитич

Выпускник Санкт-Петербургского воспитательного дома (также обучался в Санкт-Петербургском педагогическом институте).
1826–1827 – в Выйском[1].

Новожилов Александр Петрович (1836–?)

Выпускник Чёрмозского училища, сдавший экзамены в Пермской гимназии.
1873– в Чёрмозском[2].

Поносов Петр Иванович (1816–?)

Выпускник Чёрмозского училища.
1836–1837 – в Чёрмозском[3].

Попов Акинфий

Выпускник Выйского училища.
1820–1830 – в Выйском[4].

Порошин Павел

1844 – в Пожевском[5].

Рябов Родион (Иродион) Матвеевич (1810–1863)

Выпускник Московского коммерческого училища (также окончил часть курса Московского университета).
1837–1862 – в Выйском[6].

Субботин Петр

1850–1851 – в Ильинском[7].

Федоров Павел Федорович

Выпускник Гатчинского сиротского института.
1844 – в Александровском[8].

Цомакион Петр Эммануилович

Выпускник Санкт-Петербургского университета
1875–1887 – в Нижнетагильском реальном[9].

Чернов Николай Иванович

Выпускник Санкт-Петербургской школы земледелия и горнозаводских наук.
1832–1836 – в Чёрмозском[10].

Чирков Федор Евдокимович

Выпускник Санкт-Петербургской школы земледелия и горнозаводских наук.
1832–1836 – в Чёрмозском[11].

---

[1] Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура Нижнетагильского. С. 108–109.
[2] Журналы VIII очередного Соликамского уездного земского собрания. Пермь, 1878. С. 252–253; ГАПК. Ф. 280. Оп. 1. Д. 1603.
[3] Черноухов Э. А. Какой «свободы». С. 418–419. Сдан в рекруты.
[4] Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура Нижнетагильского. С. 104, 106–109.
[5] ГАПК. Ф. 176. Оп. 1. Д. 677. Л. 101.
[6] Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура Нижнетагильского. С. 112–113.
[7] РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 4029. Л. 99.
[8] ГАПК. Ф. 176. Оп. 1. Д. 677. Л. 2–3.
[9] Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура Нижнетагильского. С. 152.
[10] Калинина Т. А. Развитие образования. С. 189.
[11] Калинина Т. А. Развитие образования. С. 189.

Чудинов Иван Федорович (1844–1875)

Выпускник Чёрмозского училища, сдавший экзамены в Пермской гимназии.
1867–1875 – в Чёрмозском[1].

Швецов Егор Ильич (1822–?)

Выпускник Екатеринбургского уездного училища, экзаменованный в Казанском университете.
1845 – в Выйском[2].

Шептаев Петр

1799–1801 – в Нижнетагильском[3].

Ширкалин Алексей Андреевич (1818–?)

Выпускник Чёрмозского училища, сдавший экзамены в Пермской гимназии.
1835–1837 – в Чёрмозском[4].

Штицинг Иоганн [Иван][5]

Экзаменован в Казанском университете.
1821–1824 – в Выйском[6].

Шугаев Константин Дмитриевич

Выпускник Санкт-Петербургского горного корпуса (института).
1862–1875 – в Нижнетагильском реальном[7].

---

[1] ГАПК. Ф. 280. Оп. 1. Д. 1114, 1603. До этого преподавал в Чёрмозском втором приходском и Чёрмозском женском училищах.
[2] Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура Нижнетагильского. С. 111–112.
[3] Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура Нижнетагильского. С. 101.
[4] Калинина Т. А. Развитие образования. С. 103–105. Сдан в рекруты.
[5] В квадратных скобках указаны утвердившиеся в практике русифицированные варианты имени и отчества.
[6] Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура Нижнетагильского. С. 105–106. Перешел в Тобольскую гимназию.
[7] ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 1863. Л. 112–114. До – в Уральском горном училище.